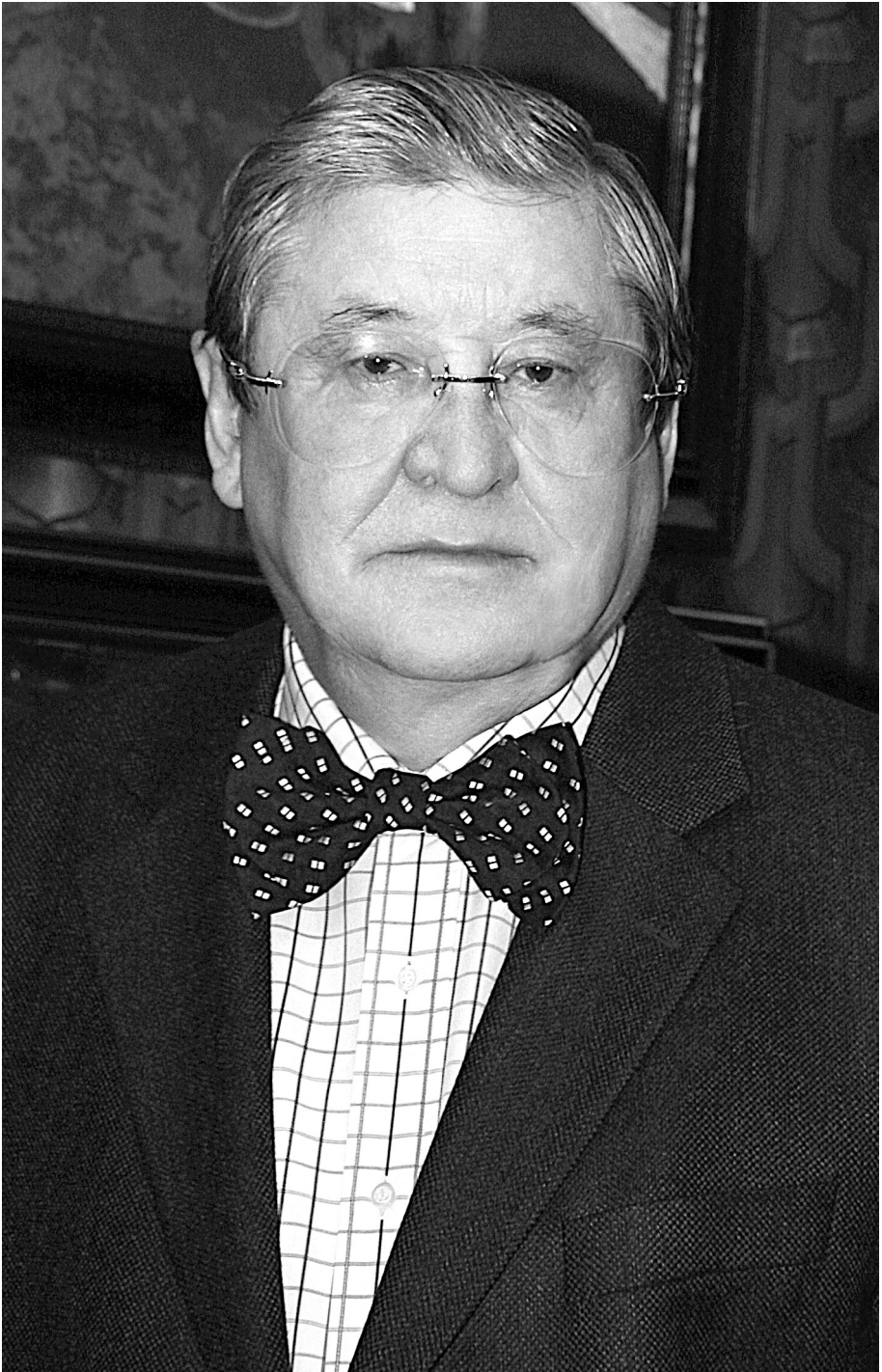

**Рауль
Мир-Хайдаров**

Том пятый

Рауль Мир-Хайдаров

Том пятый

За всё —
НАЛИЧНЫМИ

Казань
Kazan-Kazan
2011

УДК 82
ББК 84-4
М-63

Мир-Хайдаров, Р. М.

Том пятый. За всё — наличными.

М-63 Собрание сочинений. В 6 т. Том V. За всё — наличными /
Рауль Мир-Хайдаров.— Казань: Kazan-Казань, 2011.— 600 с.

ISBN 978-5-85903-075-0 (5)

ISBN 978-5-85903-070-5

«За всё — наличными» — остросюжетный социально-политический роман с детективной интригой, написанный на огромном фактическом материале. Бывший и. о. Генерального прокурора России Олег Гайданов в недавно вышедшей вторым изданием мемуарной книге «На должности Керенского, в кабинете Сталина», стр. 431 сказал о Мир-Хайдарове и его романах: «...Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя, более осведомленного в работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и ...криминального мира, чем автор тетралогии «Черная знать». В ней впервые в нашей истории дан анализ теневой экономики, впервые показана коррупция в верхних эшелонах власти, сращивание криминала со всеми ветвями власти...». Не зря американская газета «Филадельфия инкуайер» назвала Рауля Мир-Хайдарова «исследователем мафии», а специалисты из спецслужб называют его крупнейшим аналитиком, заглянувшим на десятилетия вперед, предвидевшим исламский фактор и терроризм XXI века».

ISBN 978-5-85903-075-0 (5)

ISBN 978-5-85903-070-5

© Мир-Хайдаров Р. М., 2011
© Изд-во «Kazan-Казань», 2011

ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

МИР-ХАЙДАРОВ РАУЛЬ МИРСАИДОВИЧ — писатель, заслуженный деятель искусств (1999), лауреат премии МВД СССР (1989), родился 17 ноября 1941 года в поселке Мартук, Актюбинской области, в семье оренбургских татар.

По образованию — инженер-строитель. Он много лет проработал в строительстве, и работа позволила ему изъездить страну вдоль и поперек. В молодые годы увлекался боксом, имел первый спортивный разряд. В партии никогда не состоял, большим начальником не был. В возрасте тридцати лет на спор с известным кинорежиссером написал рассказ «Полустанок Самсона», опубликованный в московском альманахе «Родники» и записанный на Всесоюзном радио. В 1975 году был участником VI Всесоюзного съезда молодых писателей.

В сорок лет Рауль Мир-Хайдаров оставляет строительство и становится профессиональным писателем. Он издал более трех десятков книг в главных издательствах СССР: «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Художественная литература». Его книги переводились на многие иностранные языки и языки народов СССР. Есть книги, изданные на грузинском, каракалпакском, узбекском. Вся проза Р. Мир-Хайдарова переведена на татарский язык. Почти все его произведения имели журнальные публикации и записаны на Всесоюзном радио. У него пять раз выходили собрания сочинений.

Широкую известность писателю принесла серия «Черная знать», в которую входят тетралогия романов: «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Масть пиковая», «Судить буду я» и тематически примыкающий к ним роман «За всё — наличными». Книги из серии «Черная знать» имели по десять-пятнадцать изданий каждая. Это остро сюжетные политические романы с детективной интригой, написанные на огромном фактическом материале. В них впервые в нашей истории дан анализ теневой экономики, впервые показана коррупция в самых верхних эшелонах власти, включая кремлевскую. Показано сращивание криминала со всеми ветвями государственной власти. Первый роман из тетралогии — «Пешие прогулки» — вышел в 1988 году в «Молодой гвардии» с предисловием известного критика и редактора журнала «Континент» Игоря Виноградова. Этот роман на сегодняшний день выпущен двадцатью изданиями (из них четыре раза по 250 тысяч экземпляров) и продолжает издаваться. После выхода романа на автора было совершено покушение, и он чудом остался жив, проведя двадцать восемь дней в реанимации и долгие месяцы в больницах. Ныне писатель — инвалид второй группы.

Американская газета «Филадельфия инкуайер» прислала специального корреспондента Стива Голдстайна в связи с покушением на Р. Мир-Хайдарова и посвятила этому событию целую полосу под заголовком: «Исследователь мафии». Позже писатель выступал во многих европейских газетах по проблемам преступности, давал интервью. Это о Р. Мир-Хайдарове сказал в своей книге «На должности Керенского в кабинете Сталина» бывший и. о. Генерального прокурора России Олег Иванович Гайданов: «Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя, более осведомленного о работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и ...криминального мира, чем автор тетралогии «Черная знать».

В своих романах автор зафиксировал хронику смутного времени. После покушения и выхода новых романов жизнь в Ташкенте стала для него невозможной: постоянные угрозы и шантаж, угнали машину, рассыпали набор романа «Судить буду я», запретили постановку пьесы, написанной драматургом В. Баграмовым по роману «Пешие прогулки». И Мир-Хайдаров переезжает в Москву и, конечно, пишет. Уже в России дописывается последняя книга тетралогии «Судить буду я», написан пронзительно грустный ретро-роман о жизни, о любви — «Ранняя печаль». В 1997 году вышел роман о российской мафии, о жизни «новых русских», о крупных аферах в России — «За все — наличными».

В молодые годы известный романист страстно увлекался футболом, дружил со знаменитыми футболистами своего времени: Михаилом Месхи, Славой Метревели, Гурамом Цховребовым, Геннадием Красницким, Станиславом Стадником, Берадором Абдураимовым... Любил и знал балет, дружил с народным артистом СССР Ибрагимом Юсуповым, учеником Юрия Григоровича. Поклонник джаза — был знаком со многими джазменами из оркестров Орбеляна, Кролла, Вайнштейна, Гаджиева, Гобискери. Специально брал отпуск зимой, чтобы побывать в московских театрах, общался с Олегом Далем, Валентином Никулиным. Смотрел все знаменитые спектакли театра «Современник» конца 60-х — начала 70-х.

Ныне остались увлечение живописью и, конечно, писательский труд, любовь к которым оказалась сильнее и футбола, и джаза, и театра. Он — обладатель одной из самых больших частных коллекций современной живописи в России.

В 2001 году в Казахстане, на родине писателя, на государственном уровне был отмечен его юбилей. В дни 60-летия в областном историко-краеведческом музее Актюбинска был открыт зал, посвященный знаменитому земляку, в нем выставлены шестьдесят картин, подаренных им городу из его частной коллекции. Одна из улиц его родного Мартука названа именем Рауля Мир-Хайдарова. Там же, в Мартуке, открыт литературный музей писателя и действуют два школьных музея. Р. Мир-Хайдаров — почетный гражданин Казахстана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Романы:

- «Пешие прогулки» (1988). 20 изданий
- «Двойник китайского императора». 16 изданий
- «Масль пиковая» (1990). 15 изданий
- «Судить буду я» (1992). 10 изданий
- «Ранняя печаль» (1996). 6 изданий
- «За всё — наличными» (1997). 8 изданий

Книги повестей и рассказов:

1. «Полустанок Самсона» (1975) — рассказы
2. «Оренбургский платок» (1978) — рассказы
3. «Такая долгая зима» (1978) — рассказы
4. «Путь в три версты» (1979) — рассказы
5. «Знакомство по брачному объявлению» (1980) — повести
6. «Жар-птица» (1981) — рассказы
7. «Дамба» (1984) — повести и рассказы
8. «Чти отца своего» (1987) — повести и рассказы
9. «Из Касабланки морем» (1987) — повести и рассказы
10. «Седовласый с розой в петлице» (1988) — романы и повести
11. «Налево пойдешь — коня потеряешь» (1990) — романы и повести

Собрания сочинений:

1. Изд-во «Художественная литература» (Москва, 1990) — однотомник
2. Изд-во «Голос» (Москва, 1992-1993) — собрание сочинений в 4-х томах
3. Изд-во «Грампус Эйт» (Харьков, 1995) — собрание сочинений в 3-х томах
4. Изд-во «Южная Пальмира» (Днепропетровск, 1996) — собрание сочинений в 4-х томах
5. Изд-во «Идел-Пресс» (Казань, 2006) — собрание сочинений в 5-ти томах

Романы «Ранняя печаль», «За всё — наличными» и «Масль пиковая» записаны на аудиокассетах на 87 часов звучания.

Общий тираж книг превышает 5 миллионов экземпляров.

e-mail: mraul61@hotmail.com
сайт: www.mraul.ru

О ПРОЗЕ И РАННЕЙ ПЕЧАЛИ ПИСАТЕЛЯ РАУЛЯ МИР-ХАЙДАРОВА

Сергей АЛИХАНОВ
академик

Мне, в силу личных симпатий к прозе писателя и дружеских отношений с автором (к тому же я оказался биографом Рауля Мир-Хайдарова), известны все его литературные пристрастия, его любимые поэты и прозаики. Он ещё не ступил на литературную стезю, когда его кумиром стал И. А. Бунин, и прочитал прозу мастера в юные годы, когда все ложится на сердце крепко и навсегда. Переболел он и западной литературой, что было характерно для молодежи шестидесятых-семидесятых годов — Фицджеральдом, Томасом Вулфом, Голсуорси, Дзюмпеем Гомикавой — романистами, тяготевшими к социальным проблемам, а главное, к емкой, образной фразе.

Позже, уже сложившимся писателем, издавшим десятки книг, Рауль Мир-Хайдаров открыл для себя Валентина Катаева, обязательно надо добавить, позднего Катаева. И Катаев, лично знавший Бунина с юных лет и всю жизнь считавший его учителем, стал для Рауля Мир-Хайдарова вровень с великим Буниным.

Поздний Катаев, на взгляд писателя, никак не уступает по музыкальности фразы, стилистике, ярчайшим, неожиданным эпитетам и сравнениям кудеснику слова — Бунину. А по форме, построению сюжета дает большую фору традиционалисту Бунину. Впрочем, как считает Рауль Мир-Хайдаров, и в мировой литературе не очень много писателей, так виртуозно владеющих формой, как Катаев.

Такое трепетное отношение к своим кумирам, глубокое знакомство с их творчеством не могли не сказаться на манере, стилистике писателя. Он так же, как и его кумиры, тяготеет к предложениям на треть и полстраницы, умеет так описать вещь, обстановку, интерьер, застолье, что невольно видишь описываемое перед собою как на экране.

Писатель всегда сетовал, что поздно открыл для себя Катаева, хотя понимал, что лучшие свои произведения тот написал на излете жизни. Рауль Мир-Хайдаров завидовал молодым, идущим вслед ему писателям, для которых был уже написан и издан весь поздний Катаев. Еще больше жалел он, что Катаев не успел показать Бунину свои лучшие вещи, настоящего Катаева, оправдавшего, да что оправдавшего, далеко превзошедшего ожидания своего учителя. Иван Алексеевич оценил бы и форму, и содержание книг

юноши, когда-то, в далеком 1918 году, пришедшего к нему на дачу с первыми своими стихами. До слез обидно, что Бунину не удалось прочитать «Траву забвения» — воспоминания о нем самом. Новая форма и новое содержание пришли к Катаеву через пятнадцать лет после смерти кумира юности.

Катаев повлиял на Рауля Мир-Хайдарова, повлиял на его главный роман «Ранняя печаль», хотя автор, может быть, пришел к такой форме неосознанно, интуитивно. Недавно, перечитывая, по настоянию Рауля Мир-Хайдарова, произведения Катаева, в «Траве забвения» я наткнулся на авторское рассуждение. Привожу текст дословно: «...я ищу... чего-то, что не походило бы на роман. Отсутствие интриги для меня недостаточно. Я хотел бы, чтобы сама структура была другой, чтобы эта книга носила характер мемуаров одного лица, написанного другим...»

И меня тут же пронзила мысль, что именно по этому «рецепту» скроен роман «Ранняя печаль». Автобиографическая книга Рауля Мир-Хайдарова, написанная от имени вымышленного Рушана Дасаева. Я тут же связался с автором и зачитал катаевские строки, высказал свои соображения. Странно, не единожды читавший «Траву забвения» Мир-Хайдаров не помнил этих строк и бросился листать томик Катаева, который у него всегда на письменном столе. Через минуту он радостно сообщил мне, что только теперь разгадал мучившую его тайну: откуда родилась блестящая форма самой любимой его катаевской вещи «Юношеский роман». Еще одного мгновения ему оказалось достаточным, чтобы соотнести «рецепт» Катаева с «Ранней печалью» — и он с грустью сказал: «Как жаль, что Валентина Петровича нет уже почти двадцать лет, а то я сейчас бы поставил эти слова эпиграфом и отнес любимому писателю».

Вот так: Катаев не успел к Бунину, Мир-Хайдаров — к Катаеву. В таких горестных утратах, когда ученик не успевает отчитаться перед учителем, и рождается литература, и что-то по-настоящему стоящее создается только на излете жизни.

Рауля Мир-Хайдарова роднит с любимым писателем еще одно качество — сила воображения. Эта грань таланта Рауля Мир-Хайдарова наиболее очевидна.

Рауль Мир-Хайдаров добился заслуженного признания у себя на родине и далеко за ее пределами. Литературное имя он приобрел, создав серию социально-политических романов, в которых современный мир предстает перед читателями в правдивом и даже шокирующем отображении.

РОМАН

За Всё — наличными

Роман

Посвящается Ренару

Грядет чума,
готовьте пир.
Тимур Кибиров

ГЛАВА 1. ПОБЕГ

В темную августовскую ночь, когда двое молодых людей в шикарных белых костюмах только переступили порог казино в Коктебеле, за тысячу километров от Крыма, в небольшом утопающем в садах чеченском селе Али-Юрт, в получасе езды от столицы Ичкерии, одинокий мужчина в дорогом спортивном костюме «Найк», с внушительной теннисной сумкой в руках, «голосовал» на дороге в Грозный. То ли машины шли переполненные, то ли владельцы роскошных «мерседесов», «феррари», «вольво» и «мазерати» не хотели брать в салон чужого человека, но они на полной скорости пронеслись мимо. Чеченцы не любят суетливых, а если точнее — презирают, и человек на обочине старался выглядеть в слепящих лучах фар спокойно, с достоинством, словно не торопился.

Однако на самом деле ночной пассажир, державший путь в Грозный, не просто спешил — получасовое промедление могло стоить ему вновь обретенной свободы. Когда очередная машина со свистом пронеслась мимо, он нервно поглядывал в темноте на циферблат

редчайших швейцарских часов «Юлисс Нардан», отмечая, что шансов у него остается все меньше и меньше. Увидев вдали луч фар, он снова обретал показное спокойствие и неторопливо поднимал руку, хотя прекрасно знал, что в любом остановившемся лимузине могут оказаться его преследователи.

Очередная машина, старенький обшарпанный жигуленок, проехав, неожиданно остановилась и дала задний ход. Ночной странник подошел к приспущенному стеклу кабины и спросил по-чеченски:

— Вы не могли бы подбросить меня в Грозный? Очень нужно,— и показал две стодолларовые купюры, зажатые в руке.

— О, высший тариф! — присвистнул молодой парень за рулем и, глянув на сидевшую рядом женщину, продолжил по-русски: — Вот завезем жену домой — это рядом — и рванем. Грех от такого заработка отказываться, хотя я чертовски устал, по правде говоря.

— Я могу на трассе сесть за руль,— небрежно кинув сумку на заднее сиденье и устраиваясь возле нее, предложил пассажир, на что владелец старой «семерки», видимо, человек веселый, компанейский, тут же ответил:

— Что вы, что вы,— за такие деньги только с комфортом и с музыкой! — и врубил на всю громкость магнитофон.

Машина словно преобразилась, резво взяв с места, и какое-то время нагло пыталась достать пронесшийся мимо со свистом гигантский «кадиллак». Пассажир, примостившийся на заднем сиденье, закрыл глаза и сделал вид, что дремлет,— ему не хотелось связываться в разговор.

Минут через десять он незаметно оглянулся: следом не гнались ни лимузины, ни скоростные джипы. «Кажется, пронесло»,— подумал беглец, хотя полной уверенности не ощущал, как, впрочем, не чувствовал и страха за жизнь. Если бы его и поймали, вряд ли стали бить,— скорее всего, убили бы тех, кто его охранял. Возможно, на сегодня он был самым ценным пленником на земле и убежать смог не потому, что его плохо охраняли, а оттого, что к побегу готовился все три года, пока находился в неволе. И все эти три года ни разу не дал ни малейшего повода, чтобы его заподозрили в желании вырваться на волю: из года в год он убаюкивал свое окружение, приучал к себе охрану, дожидаясь своего часа — знал, что живым из золотой клетки его никогда не выпустят, ведь он нужен был им навсегда, до гробовой доски.

Приставленные к нему охранники недоумевали: зачем пленнику стремиться к другой жизни, когда к его услугам было все, если исполнялось любое его желание или прихоть, любой каприз, лишь бы ра-

ботал. Потому уникальные часы «Юлисс Нардан» у него на запястье, наверное, были единственным экземпляром на всем постсоветском пространстве. Что кривить душой, работа доставляла ему огромное удовольствие — уж это его хозяева знали, и не было человека, который бы не восхищался его талантом и золотыми руками. И все же пленник твердо знал, что убежит, — не было в природе таких сил, чтобы удержать в неволе его необузданную натуру. В таких случаях идет негласная, невидимая борьба интеллектов — между теми, кто охраняет, и теми, кого охраняют. Цели их несравнимы: у затворника — это жизнь и свобода, а у противоположной стороны — всего лишь интерес, выгода. Но изначально было решено: обязательно переиграть противника, хотя нарастало ощущение, что силы неравны, что годами длится игра в «кошки-мышки», — так оно и вышло.

Неожиданно машина съехала с трассы и покатила по проселочной дороге к светившемуся впереди огнями аулу. Когда они остановились у добротного каменного дома рядом с аккуратной мечетью из розового армянского туфа, женщина по-чеченски вежливо пригласила в дом, на чашку чаю, на что беглец благодарно ответил, что устал и подождет в машине.

Водитель не заставил себя долго ждать, — через некоторое время он появился с канистрой и дозаправил свою колымагу. Вместе с ним к машине вышел один из его родственников: то ли отец, то ли дядя, а может, и старший брат. Приоткрыв дверцу «жигулей», он поздоровался за руку с беглецом и посоветовал быть осторожнее в пути, особенно в Грозном.

— Лихое время, лихие люди, — сказал он на прощанье и сделал по мусульманскому обычаю «оминь».

Жест невольно пришлось повторить и пассажиру, чего ему в душе делать не хотелось, все-таки он был христианином, православным, но обстоятельства порою оказываются сильнее нас.

«Семерка», гремя чеченской музыкой, которой вполголоса подпевал неугомонный шофер, быстро вернулась на трассу и понеслась к Грозному. За всю дорогу они перекинулись всего лишь несколькими малозначащими фразами — водитель, несмотря на молодость и бесшабашность, понял, что попутчик чем-то чрезвычайно озабочен, хотя и пытается это скрыть, поэтому не стал навязываться в собеседники. А поговорить ему очень хотелось — ночной пассажир вызвал у них с женой невольный интерес. Лишь в сонном пригороде столицы парень за рулем поинтересовался:

— Куда вас лучше доставить?

Пассажир, размышлявший об этом всю дорогу, коротко бросил:

— На автовокзал, пожалуйста.

Аэропорт исключался сам собой — у него при себе не было никаких документов. Правда, говорят, нынче и в поездах паспорта требуют, особенно у людей из опальной Чечни, так что лучшим транспортом для него оставался один — автомобиль.

Когда они подъехали на неожиданно оживленный ночной автовокзал, пассажир, отдавая обговоренную сумму, достал и протянул удивленному водителю еще одну стодолларовую купюру, добавив при этом:

— У тебя рядом с домом мечеть, зайди утром, помолись Аллаху, — у меня большие неприятности.

— Чем я могу помочь? — загорелся молодой человек.

— Нет, спасибо, что можно, ты уже сделал. До свидания.

Этот жест не был свидетельством его минутной слабости или сентиментальности — он страховал себя на всякий случай, и страховал надежно: чеченец никогда не выдаст человека, признавшегося в беде или попросившего о помощи.

Несмотря на глубокую ночь, автовокзал бурлил: подъезжали и отъезжали машины, все больше частные, на громадной площади он не заметил ни одного автобуса или привычного глазу желтоватого такси в шашечку, в основном — «жигули», разномастные «Волги» и, конечно, иномарки, раньше, чем где-либо, прописавшиеся на Кавказе и в близлежащих районах: на Ставрополье, Кубани и в Ростовской области.

Беглец неспешно прошелся по площади перед автовокзалом, украдкой рассматривая номера, и быстро смекнул, почему так ожил частный извоз: самолеты летали нерегулярно, поезда отменили с полгода назад — он об этом читал в газетах, да и в разговорах слышал. «Нет худа без добра», — припомнил он русскую пословицу, выходило, что все это ему на руку. Судя по номерным знакам и зазывающей братии, он мог уехать куда угодно — и в Нальчик, и во Владикавказ, и в Сухуми, и в Ставрополь, но ему нужно было только в Ростов. Однако машин на Кубань не было...

Осматривая владения автовокзала, он наткнулся на шашлычную. Тут же с рук продавали и хинкали, наверное, приготовленные где-нибудь в близлежащих домах. Беглец подумал, что не мешает перекусить перед дальней дорогой, — видимо, от нервного напряжения он вдруг почувствовал острый приступ голода. Выбрав из обшарпанных пластиковых столов наиболее приличный, заказал полдюжины

шашлыков из баранины и тарелку грузинских хинкали,— за эти годы он пристрастился к ним. Вскоре за стол к нему, с такой же тарелкой пельменей, сваренных на пару, подсел какой-то шустрый молодой парень, но ему не дали и пяти минут спокойно перекусить: то и дело подбегали водители — утрясали цену и маршруты, жаловались друг на друга. Да, это была удача, представшая в лице владельца автостанции,— ну, не самогó, конечно, скорее главного подручного,— хозяин в эти минуты, вероятно, развлекался где-нибудь. Улучив минуту, кавказский пленник обратился к парню по-чеченски:

— Братан, не можешь отправить меня срочно в Ростов? На суд опаздываю, грех, если не успею...

Парень внимательно оглядел сотрапезника и, видимо, найдя его вполне кредитоспособным, дружелюбно ответил:

— Святое дело, понимаю. Но ростовских машин, к сожалению, сегодня нет. Правда, безвыходных положений не бывает, не так ли? Можно поискать желающих проскочить до Ростова... Не найдем добровольцев — заставим, но только это будет стоить... — он немного призадумался,— восемьсот баксов...

— Восемьсот для меня многовато, брат. Телеграмму час назад получили, некогда было родню обежать, постарайся договориться за пятьсот.— Беглецу не хотелось, чтобы эти ушлые ребята почувствовали, что он при деньгах, и он добавил: — Только чтобы машина была новая, а не колымага, и водитель один — я могу его поменять на трассе, если надо...

— Хорошо, хорошо. Люблю людей серьезных. Время смутное, дорога долгая... Ночь... Но тебе повезло, я ведь сам отправляю. Меня зовут Абдулла, кликуха Зуко,— запоздало представился парень и протянул через стол крепкую руку с цветной татуировкой.

Новый знакомец с латиноамериканской кличкой пропал долго — больше часа, беглец успел за это время пару чайников опорожнить,— как вдруг прямо к столу, несмотря на все запрещающие знаки вокруг, подрулила бежевая «Волга» со ставропольскими номерами.

— Вот тебе славный скакун, братан, и водила — парень проверенный. Если что, я его из-под земли достану,— частил вывалившийся с заднего сиденья Абдулла.— Гони сто долларов аванса, а остальные четыре сотни Андрюхе на месте, и счастливого пути!

Беглец протянул Зуко стодолларовую купюру, и машина, дав длинный музыкальный аккорд из неувядающего на Кавказе «Сулико», мощно рванула с места.

«Прощай, Чечня! Прощай, Грозный! Прощай, кавказский плен!» — хотелось кричать беглецу, но он с трудом сдержался, хотя сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди от радости.

«Волга» ставропольского Андрея, видимо, постоянно моталась по Северному Кавказу, потому что на постах ГАИ он выходил не волнуясь, со служивыми людьми здоровался небрежно за руку и разговаривал запанибрата, — ничто не осталось без внимания наблюдательного пассажира. И это тоже было удачей — значит, не станут проверять документы и рыться в его сумке: и то, и другое было крайне нежелательно. Машина была оснащена приемником с магнитофоном, но записи у Андрюхи оказались сплошь блатными, и пассажир время от времени просил переключиться на радио. Слушая последние известия из Москвы, он невольно с улыбкой ловил себя на мысли, что передача вот-вот прервется и чеченское радио сообщит в эфир о побеге тщательно охраняемого пленника, назовет его приметы, примерный возраст и во что тот одет. Эта нелепая мысль, впрочем, навела его на более серьезные раздумья. Только в машине Андрея он осознал, что три года — а это в ошалевшей России большой срок — он жил нереальной, почти киношной жизнью, и следовало, чтобы не вляпаться в очередную историю, резко переключиться на настоящую, суровую, безжалостную действительность, ту, что мелькала за окном стремительно несущейся к Ростову машины. Расслабиться он не мог себе позволить еще долго. И, пытаясь вникнуть в эту новую жизнь, спросил водителя:

— Судя по номерам, вы ставропольский... Как там относятся к своему знаменитому земляку простые люди, интеллигенция?

— К Горбачеву, что ли? — переспросил тот на всякий случай.

— Да, к нему, конечно, он ведь один у вас так высоко взлетел...

— И слава богу! Хватит одного ирода, — и парень зло, непечатно выругался.

— За что же вы его так? Он ведь вам свободу дал, предпринимательство разрешил. Раньше, наверное, так откровенно не покалывали бы...

— А раньше в этом и необходимости особой не было, — отозвался водитель. — На Ростов дважды в день из Грозного мягкий автобус ходил, и билет стоил восемнадцать рублей. А с вас Абдулла сколько взял? Вот то-то и оно — людям мозги не запудришь, прозревать начал народ.

— Да, я вижу, вы политик, прямо трибун, — подзадорил беглец заведшегося с пол-оборота парня.

Тот уже беззлобно рассмеялся:

— А вы словно с луны свалились, как Иванушка, три года на печи просидевший: про Горбачева спрашиваете. Другие за это могут и морду набить... Пока он в Россию-матушку только нищету и раздор принес, а скоро, ох, скоро, чую, и кровь русская прольется. Я хоть и простой работяга, а у вас в Чечне каждую неделю бываю и вижу, что войны не миновать. У вас полмиллиона людей под ружьем, по закону каждый чеченец имеет право носить оружие, автоматы на базаре рядом с арбузами продают, патроны, как картошку, ведрами покупают. Разве можно было такому недовольному и воинственному народу горы оружия оставлять, тяжелую артиллерию, минометы, установки «Град», самолеты? Туда уже скот отовсюду угоняют, транспорт, поезда грабят в открытую. А дураки в Москве шлют составы с добром и шлют, и нефтепроводы двадцать четыре часа в сутки гонят сырую нефть в Грозный на переработку, а свои заводы дома без этой самой нефти стоят. На денежки русские Дудаев армию строит, автоматы «Борз» на поток поставил. Наверное, в Москве, в Белом доме и Думе, многим от него перепадает: и за грузовые составы, и за нефть, и за оружие. Народ все видит, все понимает... Знает, что от нашего ирода — язык не поворачивается назвать его земляком — ниточка тянется, он эту кашу заварил. Были раньше на Руси Иваны Сусанины, а ныне пошли Мишки Горбачевы... — закончил парень горестно и надолго замолчал.

«Вот и первый экскурс в реальную жизнь состоялся. Чего доброго, еще и по морде схлопочешь за такие вопросы», — подвел невеселые итоги пассажир. О том, что в Чечне готовятся к войне, он знал как никто другой и, как русский человек, маялся, что не может сообщить куда надо о грядущей беде, а тут, оказывается, об этом знает даже рядовой водила. В Отечественную немцы уже, что называется, у нашего порога стояли, а мы им все отправляли состав за составом: с хлебом, углем, сталью... И снова на те же грабли наступаем, только, пожалуй, еще похлеще — сами вооружаем и кормим своих будущих убийц.

Но о политике сейчас думать не хотелось, какой-то внутренний голос нашептывал: «Ты о себе позаботься вначале. Кто ты сейчас — без имени, без фамилии, без паспорта?» Без документов нынче и шагу не ступишь, кругом границы, шлагбаумы, и везде требуют «документ».

Похитители были настолько уверены, что он у них в руках навсегда, что как-то один из них, окрыленный первыми успехами,

и пребывая в добром расположении духа, обмолвился: его не только выкрали, но и инсценировали смерть похищенного в автокатастрофе. Не пожалели угнанной машины, а двойника по моргам, среди неопознанных и невостребованных трупов, целую неделю подбирали. Постарались на славу, чтобы никому и в голову не пришло искать похищенного, — ведь он мог понадобиться таким людям, которые могут кого хочешь из-под земли достать. Помнится, задал им вопрос: «Ну, а поминки вы по мне справили?» На что собеседник, хохоча, ответил: «Нет, фантазии не хватило.— И добавил: — Но точно знаем, частенько тебя поминают, говорят: «Вот мастер настоящий был, чистодел!»

«На какое же имя у меня были паспорт и права три года назад?!» — невольно пришла на ум странная мысль, и он вспомнил, что звался в ту пору Игорем Трофимовичем Селезевым. Но похитителям важна была не фамилия его, нужен был слух: дескать, в жуткой дорожной катастрофе насмерть разбился и сгорел знаменитый Тóглар,— вот они и похоронили его как Тóглара.

Беглец сам любил готовить операции долго, тщательно, потому и оценил сметку чеченцев: зачем им лишний раз обострять и без того натянутые отношения со славянскими группировками в Москве. Если бы о его похищении узнали воры старой школы, люди его окружения: Япончик, Захар, Сильвестр, Шакро-старый, Сво, они тут же организовали бы достойный «бартер», благо в Белокаменной для этого именитых и богатых чеченцев хватало с лихвой. Но что было — былшем поросло, и выходит, что он сегодня как бы заново родился. От этой мысли беглец немного повеселел и даже улыбнулся, однако улыбка эта была мимолетной...

«Как же меня будут звать с завтрашнего дня?» — опять задумался пассажир, но, как ни старался, не мог вспомнить свое «новое имя». Такое с ним случилось впервые: он обладал феноменальной памятью, вероятно, мог соревноваться на сцене с теми, кому приходится запоминать целые страницы текста или с первого раза декламировать наизусть только что прочитанную поэму. Когда в обиходе появилось незнакомое слово «компьютер», как-то в застолье, пытаюсь кому-то доходчиво объяснить, что это за зверь такой, Шакро, тогда еще без приставки «старый», сказал: «Ну, это как Тóглар... Только компьютеров много, а Тоглар один». Тугодуму сразу стало ясно, что компьютер — прежде всего феноменальная память, помнит все и навсегда. И вот память не сработала, подвела... «Наверное, старею или устал, перенервничал», — невесело усмехнулся Тоглар. Ведь

помнит же он свою ташкентскую фамилию — Сулейманов Рефат Шакирович, 1947 года рождения, крымский татарин.

А в Ростов он рвался не из любви или сентиментальности — не было там ни верных друзей, ни сердечных привязанностей, ни, тем более, родни. Просто там, в районе завода «Ростсельмаш», был оборудован тайник, к нему он и торопился. Таких тайников у него было около десятка, многие из них ныне оказались за границей — в ближнем зарубежье, теперь там свои паспорта, и тайники, скорее всего, были утеряны для него навсегда. Но ростовский тайник оказался самым близким к Чечне...

2

Убаюкиваемый мерным ходом машины и нытьем про расчудесную, но горькую блатную жизнь, вспомнил пассажир и другое, давнее — первую отсидку и первого учителя. Это он наставлял: на воле надо помнить о черной полосе в жизни и быть готовым к ней, чтобы везде, веером, по стране были разбросаны тайники. Имеешь в запасе полдюжины документов — и в такой большой стране сам черт тебе не страшен, хотя и повязаны вроде все обязательной пропиской — ну, это для лохов. Так говорил ему Учитель, первым распознавший его редкий талант. Но за лоха его никогда не держали, с первых же дней в лагере стали величать Мастером, это уж потом, когда время кликух пришло всерьез, появилось Тоглар — прозвище не уголовное,— так окрестили его еще студентом, в мединституте на первом курсе.

За окном уже проносились чисто русские деревни — земля свободолюбивой Ичкерии, где он томился в неволе, осталась позади. Одна блатная песня на кассете, которую врубил водитель, сменялась другой, шофер замолчал надолго, невесело размышляя, что в случае войны его снова забреют в солдаты — только четыре года, как он отслужил срочную, и военная профессия у него дефицитная, не отвертеться,— сапер...

А Тоглар, взглядываясь в придорожные селения, вспомнил деревню пятидесятых: темную, холодную, неустроенную... Похожие картины мелькали сейчас за окном, и он неожиданно провалился памятью в детство, когда еще был жив отец, а его самого звали Костиком, Костей Фешиным.

Он родился в маленьком местечке Мартук, что на полпути между Оренбургом и Актюбинском, в казахских степях,— теперь, выходит, в чужом государстве. Родился в неподходящее время, в войну, в лютом декабре сорок третьего. Отец его, Фешин Николай Николаевич, родом из Казани, в сорок втором был тяжело ранен под Смоленском и попал в Оренбург в тыловой госпиталь. Там и познакомился с его будущей матерью — Зоей Григорьевной Валянской, работавшей в госпитале медсестрой. Отцу ампутировали по локоть левую руку, зашили и заштопали его во многих местах и комиссовали подчистую. С безруким мужем, фронтовиком-орденоносцем, беременная мать и вернулась в отчий дом, в поселок, стоявший на границе России и Казахстана, да и какая граница — лишь на картах обозначена.

«Отец...» — мысленно произнес сидящий мужчина на заднем сиденье мчавшейся в ночи «Волги». Неполных шести лет шустрый Костик пошел в школу, значит, это случилось осенью сорок девятого. Пожалуй, с тех пор, даже чуть раньше, он и помнит свою жизнь в степном поселке у железной дороги.

Первые послевоенные годы... Разруха, голод, безработица... Тем более в их поселке, где ни завода, ни фабрики, ни шахты, лишь по соседству захудалый колхоз «Третий Интернационал», позже переименованный в «Победу», а ныне сгинувший с перестройкой навсегда, да полукустарная артель «Промкомбинат». Чем там только не занимались: шили шапки и валяли валенки, тачали сапоги и мастерили седла для лошадей — главного транспорта тех лет. А еще варили мыло и конфеты, лудили и паяли, чинили кастрюли и керосинки... В общем, за что только не брались его земляки-мартучане, чтобы выжить. Работы в поселке не хватало даже для мужчин здоровых и сильных, а какво было его израненному, больному отцу с одной рукой? Да еще в сельской местности, где вся жизнь связана с физическим трудом: хоть огород посадить, хоть скотину обиходить, хоть дом подправить.

Первые годы мать билась одна за всех и даже самокрутки сама мастерила для мужа, пока тот не прилачился управляться одной рукой. Но однажды жизнь отца преобразилась, и случилось это в обычный базарный день. В ту пору потребкооперация еще не набрала силу, торговли настоящей — с магазинами, универмагами — не было, не существовало и самих универмагов, все решалось на рынке, и оттого базар был отнюдь не последним, если не главным, местом в селе. Ходили туда не только по делам, но и на людей посмотреть, и себя показать, как говаривали в те годы.

В тот памятный весенний день отец при деньгах пошел с матерью на базар, то ли купить чего, то ли присмотреть. В торговых рядах раскинувшегося на пустыре базара они наткнулись на неожиданный для Мартука товар, который вызвал живой интерес односельчан. Двое инвалидов, один без руки, другой с деревяшкой вместо ноги, бойко зазывали «приобрести живопись», «украсить унылую жизнь произведениями искусства». Это были те самые лебеди, плавающие в ультра-мариновом озере, целующиеся голубки, томные красавицы и неотра-зимые брюнеты-сердцееды, slashавые пейзажи с пышными кустами роз, детки, похожие на разнаряженных кукол, былинные богатыри и русалки — все то, что позже назовут лубком, или кичем. Но тогда, на провинциальном базаре, среди оборванных и полуголодных людей, эти холсты казались предвестниками какой-то другой, грядущей богатой и сытой жизни, оттого-то рядом в восхищении и толпился народ. Картины стоили недорого, не дороже ведра картошки или полутора килограммов сала, и их охотно раскупали или меняли на то же самое сало, на табак-самосад, а за живого гуся можно было сторго-вать даже пару, на выбор. Мать тоже порывалась купить одно такое «творение», где была изображена влюбленная парочка, а понизу шла надпись красными, будто кровью, буквами: «Люби меня, как я тебя!» Но отец остановил ее, сказал: «Не надо, я лучше нарисую».

Вернулся отец с базара возбужденным, тут же попросил тещу, бабушку Костика Марию Ивановну, пожертвовать ему старую клеенку, которую в доме давно пора заменить, тем более, что и новая была, да вынималась только по воскресеньям и праздникам. С помощью соседа натянул клеенку на рейки, а потом разжился, опять же у тещи, двумя горстями муки, яйцами, выпросил у сапожника Петерса казеи-нового клея и к ночи уже загрунтовал старую клеенку.

Два дня отец бегал по поселку, разыскивая где только можно было краски, кисти, но ему и тут повезло. До войны в районном Доме пионеров Мартука работала изостудия, и нынешний его директор, тоже фронтовик, на свой страх и риск разрешил Николаю пошарить в заброшенном чулане, где было свалено все, что осталось от довоенного кружка юных художников. Нашлись там разные кисти, художественный картон и даже целый рулон отличного холста, а самое главное — довольно-таки много красок, которые, впрочем, за пять лет высохли и почти пришли в негодность. Однако Николай, видать, знавший в этом деле толк, перетер засохшие краски вруч-ную, мешая их со скипидаром, олифой, подсолнечным и льняным

маслами. Костик увлеченно помогал. И, наконец, настал день, когда отец, уложив всех спать, объявил, что сегодня «приступает к картине». А утром, когда сын с шумом вбежал в большую комнату, между окнами, выходящими на Украинскую улицу, висела еще не просохшая, пахнувшая красками и лаком большая картина.

На фоне сказочного замка, утопающего в зелени, на мостике, перекинутом над большим прудом с лилиями, стояла удивительно красивая женщина, очень похожая на маму, в белом кружевном платье до пят, в роскошной шляпе, украшенной цветами, и с ярким веером из павлиньих перьев в руках.

Мальчик, онемев от восторга, затих, не находя в себе сил оторваться от такой красоты. Ему хотелось закричать: «Это нарисовал мой папа!», но голос словно пропал, и тогда от гордости за отца он просто заплакал. Плакали и мама, и бабушка, но уже от радости: им стало ясно, что отец нашел, наконец, для себя достойное дело...

С этого дня жизнь отца круто изменилась. На базар со своими работами он выходил всего несколько раз, и с появлением его на рынке коробейники из города перестали заезжать в Мартук — понимали, что с одноруким художником конкуренции им не выдержать. Отец больше работал дома, на заказ... Написал он в те годы по фотографиям и много портретов погибших на войне односельчан...

А первую картину «У замка» купил за «большие» деньги фотограф из «Промкомбината», тоже фронтовик и тоже однорукий инвалид Дмитрий Будко. Потом на фоне этого «полотна» снялось не одно поколение мартучан. В те годы популярность отца была столь велика, что зимой на кошевых санях приезжали за ним на тройках из дальних русских сел: Полтавки, Белой Хатки, Нагорного, Хлебодаровки, и он неделями не бывал дома — рисовал хозяевам картины.

А за год до смерти Сталина при Доме пионеров вновь открылась изостудия. Работать с детьми пригласили Николая Николаевича, тогда он впервые стал получать зарплату. Ходил в студию и Костик, и отец надеялся, что вырастет сын в крупного художника. Да, как давно это было... А вот помнится все до мелочей...

...Трасса на Ростов — одна из лучших в России, и машина, рассекая галогенными фарами ночную тьму, мчалась на высокой скорости, стрелка спидометра все время гуляла за отметкой «120». То ли мерная езда укачала, то ли нервное напряжение сказалось — Тоглар незаметно задремал. И снились ему какие-то обрывочные сны-эпизоды, на-

плывали воспоминания детства. Впервые за много лет привиделась школа, далекий пятьдесят третий год и день смерти вождя...

В этот день с утра над тихим поселком, как и над всей страной, стоял неутихающий рев гудков: надсадно басили паровозы на станции, били колокола в церкви и у базара. В школе прошел трехчасовой митинг — один заплаканный оратор сменял другого, и у всех присутствующих, от мала до велика, слезы не просыхали на глазах. Плакал и Костик. Даже дома родители никак не могли его успокоить, и тогда отец, отведя его к себе в мастерскую, плотно притворил дверь и негромко сказал:

— Не плачь, сынок, он не заслуживает слез. Когда ты вырастешь и поумнеешь, я тебе обязательно расскажу — почему.

Но сын продолжал реветь пуще прежнего, хотя понимал, что плачет не из любви к Иосифу Виссарионовичу. А почему? Кто знает... Много лет спустя отыщется, пусть и запоздало, отгадка тем давним детским слезам, — правда, несколько мистическая. Оказывается, в те же дни пятьдесят третьего года в Америке, в Лос-Анджелесе, на собственной вилле в возрасте семидесяти лет умер его родной дедушка по отцу. Америка отдаст должное Николаю Ивановичу Фешину, известному художнику, признанному мастеру, обласканному на Западе. Он эмигрировал из России в 1922 году, уже будучи академиком живописи. Жаль, что об этом никогда не узнает его сын Николай Николаевич: тайна семьи откроется Тоглару после смерти отца, и он поймет, отчего тот вдруг стал рисовать: гены и есть гены, если они сильны, все равно проявятся. Правда, отца в детстве его мать — бабушка Костика — водила на платные уроки к лучшим рисовальщикам Казани. Водила, пока педагоги года через два не отсоветовали, заявив, что никаких особых талантов к живописи у мальчика нет, чем, конечно, несказанно огорчили мать.

3

Когда Тоглар очнулся, яркий погожий день пронесся за окном, все кругом еще цвело и пахло, и казалось, ничто не предвещало осени — о ней напоминали лишь горы арбузов и дынь на обочине да нескончаемый ряд людей вдоль дороги, от села до села, продающих картошку, яблоки, сливы, помидоры. Такого гигантского торжища Тоглар никогда не видел, хотя в своей жизни помотался по стране вдоль и поперек. Вся Россия вдруг стала сплошным базаром, и народ

враз превратился в торгашей. Когда-то он слышал от одного умного человека, что народ, который не поет своих песен, опасно болен. Что бы он сказал сегодня, глядя на соотечественников, которые не только поют ныне чужие песни, но и не сеют, и не пахут.

Проехали какой-то райцентр, и вдруг машина стала заметно крениться влево. Водитель среагировал быстро: «Кажется, гвоздь поймали, и опять в этом селе!» — и зло выругался. Видя, что пассажир ничего не понял, Андрей стал объяснять, что таким образом некоторые вулканизационные мастерские обеспечивают себя клиентами: рассыпают гвозди, битое стекло, специальные шипы на дороге.

— Каков рынок, таков и сервис,— прокомментировал Константин Николаевич, уже взявший себе за правило ничему не удивляться,— слишком многое изменилось и в жизни, и в сознании людей за три года его кавказского плена.

Сменив колесо, они снова тронулись в путь. Остановились у вулканизационной мастерской в следующем хуторе.

Шофер долго не появлялся, и Тоглар заглянул в мастерскую. Заклеенную камеру бортовали в шину, и он уже собирался выйти на улицу, как вдруг его взгляд упал на аккуратные стеллажи с инструментами, и он вспомнил, что в Ростове без них не обойтись. Подойдя к стеллажу, отобрал кувалду с длинной ручкой, широкое и мощное зубило и еще крепкий молоток с железной сварной ручкой. Подозвав хозяина, беглец протянул столларовую купюру — других денег у него не было — и, несмотря на протестующие жесты мастера, сказал:

— Только заверни в какую-нибудь ветошь.

Водитель, ничего не понимая, обалдело смотрел на происходящее и, когда вышли во двор, сказал:

— За сто долларов и я бы продал зубило с молотком, только вот кувалду с собой не вожу, предпочитаю чеченский автомат «Борз»...

— А мне кувалда позарез нужна,— прокомментировал вполне серьезно пассажир, и водитель дискуссии оборвал.

Уложив запасное колесо и завернутые инструменты в багажник, они тронулись в путь. Ехали молча, каждый думал о своем: шофер о том, зачем понадобилась пассажиру кувалда за сто долларов, а Тоглар о том, какие документы и на чью фамилию ждут его в тайнике, но обоим разгадать, что на уме у соседа, было сейчас не под силу.

Фешин невольно вновь вернулся памятью к своему Учителю, надоумившему его завести тайники по всей стране. Наверное, люди

возрастом постарше, у которых когда-либо вытаскивали или вырезали бумажники вместе с деньгами и документами, еще помнят, что бумаги обычно подбрасывали в почтовые ящики или мусорные урны — было такое романтическое время у щипачей, карманников, а вернее, традиция: деньги — одно, ксивы — другое. Впрочем, и у домушников, квартирных воров, существовал закон: не вламываться в квартиру при хозяине, даже если там только столетняя старуха или ребенок, и, тем более, домушник никогда не носил с собою оружия — это считалось западло, — ибо того требовала воровская традиция. Может, потому, что прежде квартирные кражи никогда не сопровождались насилием и убийством, статья наказания за эти преступления не отличается суровостью и до сих пор. Не грабили и лабухов — музыкантов, это тоже считалось западло, а всякое нарушение воровской этики влекло за собой кару, презрение клана. Но времена меняются, а с ними меняется и преступность.

Тысячи, десятки тысяч клерков в «белых воротничках» по подложным документам берут у государства кредиты, чтобы исчезнуть с ними навсегда, и, как правило, прячутся в Москве. Другие десятки тысяч, получив по фальшивым бумагам через частные туристические фирмы и агентства заграничные паспорта, ринулись за рубеж — покупать недвижимость и открывать счета за кордоном. Сотни коммерческих банков, тайно или явно принадлежащих уголовному миру, ежедневно легально переводят за границу миллионы долларов, уворованных у казны или у доверчивых граждан, решивших, как на Западе, жить на ренту с сумасшедших процентов, обещанных жуликами при попустительстве властей. Так что криминальный мир победил и КГБ, и МВД с прокуратурой, всех этих профессоров и академиков, и генералов... Не зря когда-то один из похитителей Тоглара сказал, как припечатал: в нашей стране настоящие — только бандиты и проститутки, они переплюнули даже международный стандарт. А остальные, особенно депутаты, эксперты, политологи, министры, да и сам президент, — просто ряженые. Уж он-то знал, что говорил, ведь это ему принадлежала идея знаменитых чеченских авизо, «нагревшая» страну, со всеми ее хваленными спецами, на шесть триллионов рублей.

Конечно, Учитель Тоглара и на сотую долю не мог предвидеть, какие возможности через два десятка лет откроются перед преступным миром, но сделал главное — убедил всех в редкости его таланта, свел с нужными людьми, заказчиками и покровителями. Конечно, до многого Константин дошел сам: например, он не любил работать с подпольно

изготовленными паспортами, дипломами, военными билетами, трудовыми книжками, хотя фальшивки на девяносто девять процентов изготавливаются именно так. Он выбрал свой путь: Фешин скупал у щипачей-карманников ворованные ксивы, а чаще даже заказывал им, особенно документы жителей Москвы, Ленинграда и столиц всех республик, где существовала жесткая система прописки. Иногда такую задачу он ставил перед самими заказчиками, и те воровали документы у родственников, друзей, знакомых, сослуживцев, и эти бумаги получались самыми надежными, в них вносились небольшие изменения, а добропорядочные граждане всегда могли восстановить украденное. Так собралась большая коллекция документов по годам, регионам. Его ведь и называли «чистодел», потому что он не стал бы выправлять бумаги человеку, рожденному, скажем, в пятидесятые, на документы, украденные у того, кто родился чуть раньше или чуть позже. Во всех республиках и регионах — а были и специальные, режимные города — своя серия и номера четко привязывались к годам выдачи, и это хорошо знакомо тем, кто контролировал паспортный режим хоть в Риге, хоть во Ржеве. К паспорту необходимо было подобрать и трудовую книжку, и военный билет, а иногда и партбилет — а это уже целая наука, которой в совершенстве овладел Тоглар, он мог бы, наверное, возглавить спецотдел любого режимного предприятия. И все благодаря Учителю: по всей зоне, по всем этапам отыскивали по его приказу людей, работавших в отделах кадров, в паспортных отделах милиции и просто паспортистов из ЖЭКов, а те раскрывали перед Тогларом тайны инструкций, на которых было грозно оттиснуто: «Совершенно секретно» и «Государственная тайна». Потому-то его документы и отличались высочайшей надежностью. А подделать печать, подпись, даже написать целые страницы чужого текста, которые сам автор вряд ли отличит, подобрать цвет чернил, туши, ювелирно заменить фотографию, вывести набело фамилию из паспорта или целый абзац из трудовой книжки ему не составляло никакого труда.

Наверное, сыграло свою роль и то, что с шести лет он находился рядом с отцом, помогал ему готовить из подручных материалов краски — любые, живостью цвета превосходившие знаменитые масляные из Подольска и Ленинграда. В ход у них шло все: сажа, яйца, мед, шелуха луковиц, высушенный шиповник, цветы, травы, мел, мука, керосин, кроличья кровь и еще десятки наполнителей, от которых зависел цвет желаемой краски. Он, как и отец, чувствовал химию не только руками — в голове выстраивал ряд компонентов,

из которых могла получиться искомая краска. В ту пору он не предполагал, что его талант в свое время сделает его в определенных кругах незаменимым человеком, и само имя мастера будет произноситься с уважением. Так что в нем, как и в отце, взыграют гены знаменитого деда — вот только ляжет на них криминальная тень.

4

Судьба сыграла с внуком академика Фешина злую шутку в самом начале его жизни. Школу он окончил с золотой медалью и без труда поступил в Актюбинске в медицинский институт, хотя многие ожидали, что Костя поедет в Строгановку, чтобы совершенствоваться в живописи, но самого его прельщала профессия врача, да и дома не верили, что художник — это лучший выбор. Жил, как и многие, в общежитии рядом с институтом, ничем особо не отличался, но как-то вдруг стало известно, что он может подделать любую справку, а в ту пору за прогулы спрашивали строго, могли и стипендии лишить. Большинство студентов тех лет только на стипендию и жили, возможно, оттого Костя Фешин и не мог отказать новым друзьям — благо студенты народ шустрый, нашлись и такие, что добывали чистые бланки справок. На втором курсе Фешина забрали в армию. Костя, высокий, стройный, уже год усиленно занимавшийся боксом, загремел во флот — тогда говаривали, что моряки отбирают призывников первыми. Служили в шестидесятые на флоте целых четыре года, так что вернулся он в институт в двадцать три, когда девушки, с которыми некогда поступил, уже оканчивали вуз.

Служить ему выпало на Тихом океане, во Владивостоке, на эсминце «Дерзкий». На первом году службы, в шестьдесят втором, умер отец. Умер сорока лет от роду, добились-таки ранения солдата через двадцать лет. А за три года до смерти отца в Казани тихо покинет мир бабушка Кости, Елизавета Матвеевна, некогда блистательная пианистка, влюбленная в известного художника и родившая от него сына через восемь месяцев после его эмиграции в Америку. Было это в 1922 году. И академик Фешин, живя в Лос-Анджелесе, наверное, не знал, что у него в Татарстане растет сын, — Елизавета Матвеевна не получила от него ни одной весточки, хотя роман у них длился несколько лет. Впрочем, в те годы было опасно получать письма из-за рубежа: ОГПУ не дремало, и потому Нико-

лай Николаевич до самого совершеннолетия носил фамилию матери — Соколов. И только при получении паспорта она решила дать сыну фамилию отца, ничего не объяснив при этом. Никто не знает, как это удалось в те суровые времена, но ее сын стал Фешиным. Николай Николаевич рассказывал об этом Косте сам, но истинная тайна их с отцом фамилии откроется Тоглару гораздо позже...

Из армии Костя вернулся возмужавшим, окрепшим, одежду носил пятьдесят второго размера, пятый рост, никакие вещички доармейские не годились совсем. На возможности матери рассчитывать не приходилось: медсестра получала по тем годам семьдесят — восемьдесят рублей в месяц, хорошо еще огородик был, поросенок да курочки. Так — во флотском, раньше хоть форма была добротная, из натурального тонкого сукна, — и ходил на занятия; таких, в униформе, на весь институт было двое, и второй тоже оказался морячком, только черноморцем. Бедность и желание быстрее избавиться от казенной одежды и привели внука знаменитого Фешина в тюрьму. Конечно, и вернувшись из армии, Костя сочинял товарищам по институту липовые справки — молва о его способностях не умерла за годы его отсутствия.

Но как-то, незадолго до Нового года, парень из соседней комнаты привел к нему незнакомого мужчину средних лет, богато одетого, с золотыми зубами и тяжелым перстнем на указательном пальце. Назвался тот хозяйственником из Чимкента, за початой бутылкой, которую гость принес с собой, пожаловался, что для полноты счастья ему, мол, диплома только не хватает, хотя вроде он и специалист хоть куда. После выпивки в общежитии хозяйственник пригласил Фешина в ресторан и там, наедине, попросил помочь ему с дипломом, упомянув, что сами пустые корочки дома у него уже три года валяются.

Может, легкомысленность толкнула морячка на то, чтобы согласиться, хотя на этот раз он чувствовал: пахнет чистой уголовщиной. Но главной причиной было иное: хотелось ему быстрее избавиться от порядком осточертевшей униформы. Как многие сверстники, он мечтал появиться на танцах во Дворце железнодорожников в новом китайском габардиновом костюме, шелковой рубашке, в лаковых остроносых штиблетах, в ратиновом пальто с каракулевым шалевым воротником, что шили на заказ в ателье «Люкс». Хотелось завести себе пару теплых свитеров, пуховых пуловеров и перчатки на меху. Ох, и мерз он в ту зиму, ведь даже шапки не имел. А на деньги, что предлагал золотозубый обольститель, можно было еще много

чего купить, и даже велосипед, чтобы на каникулах на Илек ездить купаться. Студент, уже заимевший к тому времени кличку Тоглар, согласился. Шел тогда по экранам какой-то фильм, где герой обладал теми же талантами, что и Фешин, и ребята, не сговариваясь, прозвали его Тогларом, наверняка не рассчитывая, что кличка эта приклеится к нему навсегда, и он далеко переплюнет киношного фальшивомонетчика не то из Вены, не то из Будапешта.

Но даже ту свою первую работу он сделал мастерски, она не отличалась ничем от подлинных дипломов инженеров алма-атинского строительного института. Ненадежным оказался сам заказчик: его в горячке заложила жена, а уж тот, спасая свою шкуру, выдал Костю Фешина.

В сентябре следующего года, с третьего курса, его и замели, прямо с занятий. Но, честно сказать, первые деньги за изготовление из резинового каблука рваных сапог фальшивой печати принесли немало радости и удовлетворения его легкоранимой душе. Ох, и пощеголял он в ту зиму! По тем годам, когда каждая пишущая машинка была на спецучете в органах, а в праздники во всех учреждениях их сносили в особо охраняемые помещения, преступление бывшего тихоокеанского моряка считалось серьезным, и, несмотря на молодость, первую судимость, прекрасные характеристики из армии и института, он получил пять лет.

Тюрьма стала его университетом, его Оксфордом, как выражался Учитель, и вышел Тоглар оттуда со связями, которым, наверное, мог бы позавидовать и выпускник высшей партийной школы. Уже через полгода в тюрьме благодаря Учителю, державшемуся накоротке с лагерным руководством, он изготовил диплом выпускника лесотехнического института — опять же алма-атинского — ближайшему родственнику начальника колонии. Рассматривая свежеиспеченный диплом, полковник расчувствовался и сказал памятную для молодого заключенного фразу: «Эх, парень, мне бы твои таланты, я бы...»

Жаль, не узнал тогда Фешин, как бы развернулся красномордый вертухай, выжимавший из сидельцев все, что мог, для личного обогащения. Костя-то знал, что бригада краснодеревщиков больше года изготавливала резную мебель из редких пород дерева для его особняка, а кузнецы ковали ограду, очень похожую на решетку Летнего сада в Ленинграде.

Много всяких документов Тоглар выправил там и начальству рангом пониже, но больше всего заказов приходило с гражданки,

они и определили будущую жизнь Фешина. Благодаря стараниям с воли и расположению тюремного начальства вышел он на свободу через три года, досрочно...

5

В Ростов прибыли, как и рассчитывал Фешин, уже в темноте, когда на улицах зажглись огни. Константин Николаевич хорошо знал город, часто бывал здесь и мог, при надобности, выудить из памяти не один женский телефон, но связи эти, считай, уже оборвались, ворошить прошлое не имело смысла, да и постарели, пожалуй, давние подруги. В дороге он хотел при въезде в Ростов отпустить Андрея и пересесть на другую машину, но, оказавшись у цели, передумал. Парень внушал доверие, главное, понимал, что пассажир попался серьезный и вести себя надо без шуток, не задавать глупых вопросов. Поэтому сразу, как замелькали за окном окраины, Фешин подсказал, куда подъехать — в район «Ростсельмаша».

Тайник в Ростове он завел в начале восьмидесятых, еще до перестройки, по пути на отдых в Сочи. Помнится, загулял он тогда с местными приятелями крепко и чуть не перенес задуманную операцию с тайником до следующего раза, но в последний момент отложил очередное свидание и занялся делом, выходит — судьба...

Когда появился краснокирпичный забор, опоясывающий площадку, где в ряд стояли новенькие комбайны «Ростсельмаша», пассажир попросил водителя съехать с дороги и остановиться в тени придорожных деревьев. Достав из багажника завернутые в ветошь инструменты, он велел водителю ждать, а сам направился вдоль забора и скоро завернул за угол — в сторону железной дороги. Места для тайников выбираются надежные, глухие, желательно безлюдные — это известные шпионские правила. Лучшие в городе места — промышленные зоны, возле самых непривлекательных производств, тут не гуляют ни влюбленные, ни любопытные, да и утащить особенно нечего, это не конфетная, не табачная фабрика, возле которых жизнь никогда не замирает, где воруют свои и чужие, круглыми сутками, годами, десятилетиями.

Вдоль забора почти вплотную тянулась лесополоса, наверняка высаженная во время строительства знаменитого завода, и Фешина со стороны подъездных путей невозможно было увидеть,

даже если кто случайно и появился бы рядом. Пройдя метров пятнадцать от угла, он увидел два помеченных кирпича в верхнем ряду — тайник оказался цел. Дождавшись, когда рядом по железной дороге загрохотал очередной грузовой состав, он легко забрался на забор и несколькими ударами тяжелой кувалды снес кладку в сторону лесополосы, зубило и молоток поначалу не понадобились. Спрыгнув на землю, одним ударом молотка выбил из выпавшей кладки нужные кирпичи. Один из них оказался полым, перегородки ячеек были разбиты, а внутри лежал присыпанный пылью толстый пакет в вошеной бумаге.

Фешин отбросил разбитые кирпичи вглубь лесополосы, сложил аккуратно под кустами инструмент и только тогда развернул сверток; в нем хранились паспорт, военный билет и пачка денег, пять тысяч в старых, брежневских сторублевках. В ту пору немалые деньги, почти стоимость «жигулей». Считаю, годовая зарплата профессора, но не о потерянных деньгах подумалось в первый миг. Оказывается, государство трудящихся и крестьян обладало потрясающей стабильностью, ведь любому, кто прятал деньги на годы, десятилетия, и в голову не могло прийти, что они могут обесцениться или их съест неведомая никому вот уже семьдесят лет инфляция. «Вот какие рекорды,— невесело усмехнулся Тоглар,— должны фиксироваться в книге Гиннеса, а не кто кого переел, переспал, переплюнул или перекричал...»

Деньги он завернул обратно в промасленную бумагу и сунул тут же в расщелину старого тополя, а в документы и заглядывать не стал: вспомнил, что они на имя Фешина Константина Николаевича, уроженца Ленинграда. Взглянув на часы, Тоглар отметил, что вся операция заняла у него лишь десять минут, и поспешил к машине. «Волга» с включенным мотором дожидалась пассажира, и повеселевший Фешин велел трогать. На вопрос водителя, куда ехать — бросил:

— В лучшую гостиницу Ростова,— и неопределенно махнул рукой.

— Значит, в «Интурист»,— подсказал Андрей.

Он вообще-то очень удивился, что клиент вернулся с пустыми руками и без инструмента, но вопросов больше решил не задавать — приближалось время расчета.

Машина, ловко развернувшись, рванула в центр города, на повороте «Волгу» слегка занесло, и Константину Николаевичу в ноги

ткнулась тяжелая сумка на полу, о которой, считай, он не вспоминал с самого Грозного. И вдруг его прошиб холодный пот: он представил на секунду, как возвращается с документами из тайника к машине, а ее и след простыл. Задохнувшись от неожиданного видения, Фешин откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, потом, придя в себя, легонько расстегнул бесшумную «молнию» дорогой спортивной сумки и сунул на всякий случай руку внутрь — пять тяжелых пачек бланков бухгалтерской отчетности находились на месте.

В каждой пачке-тайнике было по два миллиона долларов образца 1990 года с защитной полосой — тут не только заволнуешься, запросто инфаркт хватить может.

Центр города, куда направлялась машина, неожиданно оказался освещен, как в старое доброе время, и Константин Николаевич, прильнув к окошку, внимательно вглядывался в знакомый и незнакомый одновременно город, узнавая и не узнавая его, — восемь лет прошло, как в последний раз он гостил в Ростове. Когда машина развернулась и остановилась на площади у гостиницы, Тоглар отдал волновавшемуся водителю оговоренную сумму и, прибавив еще столько же, сказал:

— Спасибо, брат, выручил. Легкая у тебя дорога получилась, без шухера, фартовый ты парень. Эти пятьсот за то, чтобы ты не ездил в Грозный месяца два-три, в интересах твоей же безопасности. А насчет Чечни ты прав, война обязательно будет, и совсем скоро, так что выбирай другой маршрут... — и подал на прощанье руку.

Холл знакомой гостиницы, где не раз приходилось жить, он не узнал, впрочем, она и называлась теперь по-другому — «Редиссон-Ростов». Оттого, что появился заморский хозяин, она, наверное, и преобразилась. Пол и стены были выложены отполированным до зеркального блеска светло-золотистым итальянским мрамором, кругом красное дерево, сверкающая медь, хрусталь, изысканная мебель, живые деревья и живые цветы, картины в тяжелых резных рамах и даже небольшой фонтан под роскошной люстрой. Но он еще в машине решил ничему больше не удивляться, и поэтому уверенно направился к ярко освещенной стойке, над которой английскими буквами значилось: «Ресепшен». На конторке из красного дерева не было привычной таблички с грозным или грустным «Мест нет». На вопрос, есть ли свободные номера, ему очень мило ответили, что есть, и даже на выбор, по средствам: от ста пятидесяти до трехсот семидесяти долларов.

Протянув паспорт, пролежавший в тайнике почти десять лет, Фешин оформил одноместный «люкс» на три дня на втором этаже — он не любил пользоваться лифтом.

Поднимаясь к себе в номер по устланной ковром широкой мраморной лестнице, он с улыбкой подумал, что вся процедура заселения заняла столько же времени, что и выемка тайника, — десять минут. Раньше, чтобы выбить номер в «Интуристе», он должен был суетиться за неделю, подключить нескольких влиятельных людей, организовать официальное письмо на имя дирекции и, естественно, дать взятку, раз в пять превышающую самую сумму за проживание. Конечно, теперь это воспринималось как бред. Не оказалось на этаже и привычной дежурной-надзирательницы, ключ от номера он получил внизу, у портье.

Открыв номер, он бросил в прихожей, у двери, сумку, в просторном холле «люкса» с удовольствием плюхнулся на кожаный диван и, поймав свое отражение в огромном зеркале напротив, вдруг блаженно закричал:

— Ура-а! Свободен!

Так, расслабившись, он просидел с полчаса, затем, увидев на журнальном столике гостиничный проспект, стал внимательно изучать его. Оказывается, можно было заказать еду в номер, и, потянувшись к телефону, Фешин позвонил в ресторан и очень тщательно, проверяя выдержку метрдотеля, заказал себе ужин, а из выпивки — темный армянский коньяк «Ахтамар». Обещали подать ровно через полчаса, и Тоглар поспешил принять ванну — началась привычная для него жизнь.

Утром после душа он перво-наперво вытащил из сумки одну из пяти упаковок-тайников — изобретение, над которым умные головы тоже бились целый год, — и, ловко отделив одну из боковин, достал две пачки долларов, каждая из них тянула на десять тысяч. Затем вернул боковину тайника на исходную позицию и услышал слабый щелчок: внутри хитрая спиралька поставила задвижку на освободившееся место.

Позавтракав в буфете при ресторане, Константин Николаевич вышел в город с вполне определенной целью — ему захотелось приодеться, поскольку он не разделял моду «новых русских» — повсюду, днем и ночью, появляться либо в спортивном костюме, либо в красном пиджаке. Конечно, находясь все эти годы в чеченском плену,

он имел возможность читать газеты, смотреть телевизор, у него даже была высокочувствительная спутниковая антенна, и потому он знал, что в стране, особенно в Москве, все модные дома Европы — от Кардена до Труссарди — пооткрывали свои магазины, откуда по каталогам его хозяева и привозили ему одежду, — Тоглар любил красивые, дорогие вещи, а главное, имел возможность их приобретать.

После отсидки, когда он с помощью Учителя сразу, без хлопот, поселился в столице, его в первый раз экипировали по высшему разряду в валютных магазинах, которых в Москве было больше десятка, не считая продуктовых. С тех пор и до последних дней существования «Березок» он покупал весь свой прикид только там. Но каково было его удивление, когда он наткнулся на бутики Армани, Версаче, Луи Ферро, Лагерфельда на главной торговой улице Ростова. «Да, капиталист не дремлет», — усмехнулся Тоглар и даже обрадовался этому. Случайно он заметил итальянский магазин кожаных изделий «Фантони»; раньше, по случаю, доводилось покупать портмоне, кейс, брючные ремни этой знаменитой фирмы, а тут вдруг — целый этаж громадного здания. Здесь, как при встрече со старым другом, он задержался подольше — купил роскошный чемодан из телячьей кожи с шелковым подкладом внутри, с эмблемами фирмы, с позолоченными бронзовыми стяжками и замками. В пару к чемодану ему порекомендовали новомодную штучку — дорожный саквояж, тоже кожаный — он напоминал кофры богатых путешественников из голливудских фильмов. Приобрел и еще кое-что по мелочи: портмоне, ремни.

Затем он заглянул в обувной магазин, где сразу стало ясно, что итальянцы и тут намного опередили всех, хотя встречалась и английская, и испанская, и португальская обувь, была и знакомая всем «Саламандер», но, конечно, уже другого ассортимента. Он планировал купить в Ростове пару костюмов, один светлый, ибо стояла еще прекрасная осенняя пора, и один вечерний, строгий, поэтому соответственно и выбирал обувь. Купил вишневого цвета, из змеиной кожи, пару от «Буццати» и матово-черные, из хорошо выделанного ягненка, на тонкой подошве, почти невесомые, изящные штиблеты от «Сержио Росси». Обозревая такое изобилие роскошной удобной обуви, он почувствовал легкую грусть, понимая, чего был лишен в юности.

Однако Фешин не только покупал обувь, аксессуары и парфюмерию, он как бы инспектировал качество собственноручно

изготовленной валюты, потому что видел, как во всех магазинах стодолларовые купюры пропускали через всевозможные детекторы, проверяли цветным карандашом-индикатором, испытывали на ощупь — в каждом заведении своя система,— не пробовали разве что только на зуб. Но он не обращал на эти потуги никакого внимания, не говоря уже о волнении: его продукция, плоды его труда, прошла гораздо более тщательный контроль, чем мог позволить себе рядовой ростовский магазин. Но все же это была главная проверка — реальностью, жизнью, и она, как ни парадоксально, доставляла ему удовольствие: раз за разом он переигрывал и переигрывал людей, поставленных на пути фальшивой валюты.

В магазине одежды, как и в обувном, он ощутил явное итальянское засилье, ее, впрочем, и охотнее покупали, хотя прежде он отдавал предпочтение костюмам французским или английским. Но сегодня итальянские модельеры предлагали куда более широкий выбор, чем консервативные англичане или немцы. В конце концов, он выбрал светлый костюм от Версаче из тонкого материала со сложным составом: здесь были и лен, и шерсть, и китайский шелк. Двубортный, с двумя высокими шлицами-разрезами сзади, костюм оказался словно сшитым по его меркам, даже брюки не придется ни укорачивать, ни удлинять. Но вечерний костюм он все-таки купил немецкий, от «Хуго Босса», хотя материал был итальянский — знаменитая шерсть «черрути», предпочитаемая многими известными кутюрье, включая и нашего Грекова: тонкой выработки, чуть-чуть с масляно-влажным блеском, абсолютно не мнущаяся, несмотря на кажущуюся мягкость и нежность. На темно-сером фоне змеилась едва различимая черная полоска, делавшая обладателя этой модели еще более стройным. Костюм был также двубортным, но без наворотов, вообще без шлиц, и, скорее, повторял классический английский образец кроя, хотя современный стиль чувствовался в линиях плеч, более узких рукавах, и притален он оказался умеренно, не по моде гангстеров двадцатых годов.

Занятый покупками, а главное, расчетом у касс, он и не заметил, как подошло обеденное время. Случайно брошенный взгляд на циферблат со стилизованным морским якорем «Юлисс Нардан» подсказал ему, что он уже четыре часа занимается прикидом, такого он за собой раньше не замечал, хотя прежде, конечно, и выбора такого не предоставлялось. Оставалось купить только рубашки и галстуки, но ни в бутике «Версаче», ни у «Кендзо» он не нашел ничего

достойного своего внимания, хотя у «Хуго Босса» приобрел сорочку из тяжелой толстой материи, под куртку, — он вообще отдавал должное спортивному стилю. Вот у «Босса»-то ему и порекомендовали женский магазин «Астория», располагавшийся напротив, где имелся специальный отдел с мужскими сорочками от знаменитого Ван Хейзена — от шелковых вечерних, под галстук-бабочку, до спортивных из плотных набивных тканей, только входящих в моду.

Когда Фешин оказался у магазина «Астория», высокая, с роскошными светлыми волосами, разбросанными по хрупким плечам, в васильково-фиолетовом, облегающем ладную фигуру велюровом платье девушка как раз закрывала заведение на обед, но Константин Николаевич уговорил впустить его на несколько минут.

Войдя в изысканно оформленный торговый зал, Тоглар понял, что девушка по нынешним временам крупно рисковала — остальные продавщицы и кассирши уже упорхнули на обед, и она осталась одна среди роскошных женских туалетов, прежде всего бросавшихся в глаза. «Неужели я вызываю такое доверие? — подумал он вдруг, но сам же себе и ответил: — Просто юна, неопытна, порядочна и, к счастью, не бита жизнью...» И почему-то вдруг остро проникся к ней симпатией, но вслух попросил ее помочь подобрать несколько рубашек и три-четыре галстука к ним. Та спросила, к каким костюмам, и ему пришлось, распахнув чемодан, показать свои покупки.

— Хорошие костюмы, стильные. Я люблю работы и Версаче, и Босса. К ним действительно подходят сорочки от Ван Хейзена. — И она выложила перед ним четыре рубашки. — Думаю, они подойдут к вашим костюмам.

Не раздумывая и особенно не разглядывая, он сказал:

— Беру.

С галстуками тоже дело решилось быстро — девушка обладала отменным вкусом. Ему не хотелось уходить из магазина, она словно магнитом притягивала его, такого чувства он давно уже не испытывал.

И вдруг, неожиданно даже для себя, Тоглар спросил:

— Если не секрет, которое из этих платьев вам больше всего нравится?

Девушка, решив, что богатый клиент хочет проконсультироваться насчет подарка для жены или дочери, подошла к указанной секции, сняла с вешалки одно, вишневого цвета, вечернее, до пят, платье и сказала:

— Это от Ив Сен-Лорана, ручная работа, эксклюзивная модель,— всего возможны в мире два-три варианта, не больше. Если бы мне позволили средства, я купила бы только это, хотя у нас, как видите, широкий выбор прекрасных, достойных самого изысканного вкуса платьев...

— Сколько же оно стоит? — невозмутимо поинтересовался Тоглар.

— О, кучу денег — две с половиной тысячи долларов! — вздохнула продавщица.

— Раз оно вам так нравится, считайте, что я вам его подарил.— И он достал новенькое, только что купленное портмоне.

— Нет, что вы, я не могу принять такой дорогой подарок,— опешила смущенная девушка и, поняв, что странный седеющий клиент не шутит, растерянно добавила: — Я не смогу вас ничем отблагодарить...

Человек в спортивном костюме бросил на стойку стопку сто-долларовых банкнот и направился к двери. Уже коснувшись тяжелой медной ручки, он вдруг остановился и, обернувшись, сказал:

— Я был бы рад поужинать с вами, увидеть вас в любимом платье... Я живу в гостинице «Редиссон», если появятся желание и настроение, пожалуйста, позвоните мне не позже шести...— и, назвав свой номер, смутившийся как мальчишка, выскочил на улицу.

Вернулся в гостиницу Тоглар в приподнятом настроении, все складывалось как нельзя лучше, и он очень хотел верить, что черная полоса в его жизни миновала. Пообедать он решил внизу в ресторане, говорят, самом лучшем в Ростове, заодно и пригладеть удобный столик на вечер, уж очень ему хотелось, чтобы незнакомая девушка из «Астории» составила ему компанию за ужином (ох, давно не приглашал он женщин в ресторан). Подумав о вечере, он решил переодеться, следовало запомниться официантам и метрдотелю, чтобы ужин прошел на высоком уровне, ведь, как ни крути, выходит, что он празднует и свое освобождение, к тому же, если удастся, еще и с такой очаровательной девушкой. Он достал светлый костюм, туфли из змеиной кожи, подобрал в тон обуви ремень и галстук, распаковал новую рубашку с высоким воротником и золотым зажимом, чтобы не разъезжались концы воротничка, и не спеша оделся.

Подойдя к громадному зеркалу в зале, он вдруг увидел человека, показавшегося ему и знакомым, и незнакомым одновременно. Хорошо разбиравшийся в конспирации и прослушавший не одну

лекцию специалистов, Тоглар об этом феномене, конечно, знал, но чтобы так вот... Он увидел несколько усталого мужчину средних лет, интеллигентного, можно даже сказать — рафинированного, с уже чуть тронутыми сединой висками, что, впрочем, только придавало ему особый шарм. Может, природная конституция тому причиной, может, сказывалось то, что он не чурался спорта в молодости, да и позже не избегал спортивных залов, — не было и намек на живот, а вся фигура излучала силу, здоровье, гибкость. Он всегда отличался молоджавостью и, наверное, не столько потому, что не курил, пил мало, избегал в жизни тяжелой физической работы даже в тюрьме, сколько оттого, что природа избаловала его своим вниманием. В тридцать пять он выглядел на десять лет моложе и ухаживал за первокурсницами. Этой зимой, в декабре, ему должно было исполниться пятьдесят — первый серьезный юбилей в жизни мужчины, — но, глядя на лицо в зеркале гостиницы «Редиссон», едва ли можно было дать его хозяину сорок. «Наверное, это компенсация Всевышнего за все мои неудачи в жизни», — шутливо решил Тоглар и, довольный, отправился вниз, в ресторан.

Обедал он не спеша, тщательно изучал меню, карту вин — теперь она, как на Западе, подавалась отдельно, — все это с прицелом на вечер, поинтересовался насчет оркестра. Приметил и уютный столик, да не один, — зал оказался удачно спланированным, никто не чувствовал себя обойденным, — в общем, все его устраивало, только бы позвонила незнакомка в фиолетовом платье. Пообедав, Фешин отметил, что в Ростове похорошели не только магазины, но и рестораны, вообще жизнь менялась вокруг стремительно, и ему хотелось наверстать упущенное за три года вынужденного затворничества, но следовало ухо держать остро и не попадать в нелепые ситуации.

После обеда он собирался еще немного погулять — стоял удивительно красивый солнечный день, но, вспомнив, что ему могут позвонить, накупил кучу еженедельников, журналов — некоторые попались ему впервые — и поспешил к себе в номер. Устроившись поудобнее в кожаном кресле, он придвинул телефон и углубился в газеты, время от времени машинально поглядывая на свои редкостные «Юлисс Нардан», — день стремительно клонился к вечеру, а звонка не было. Ровно в шесть, когда он, мысленно подтрунивая над собой, решил покинуть пост у телефона и выйти погулять, раздалась долгожданная трель, а затем — приятный девичий голос, который теперь он распознал бы среди сотен:

— Добрый вечер, это Наталья. Вы не передумали пригласить меня в ресторан?

Фешин хотел ответить шутливо, с юмором, но не получилось, видимо, слишком перегорел в ожидании:

— Я решения свои не меняю...

— Прекрасно, таким я вас и представляю. А как мне вас величать, серьезный мистер Икс? На шейха арабского вы не похожи, хотя манерами вполне смахиваете...

— Меня зовут Константин, Костя...

— Очень приятно, во сколько же мы встретимся?

— Если удобно, в восемь. Может, мне заехать за вами?

— Спасибо. Я живу неподалеку, подойду в восемь к центральному входу, пожалуйста, встретьте...— И разговор оборвался.

Еще несколько минут назад иронизировавший над собой, сейчас он довольно улыбался. И хотя не был мистически суеверен, первые удачи на свободе посчитал добрым знаком свыше, а эта девушка, может быть, и есть подарок судьбы. Времени до назначенного свидания оставалось мало, и он спустился вниз. Возвращаясь днем с покупками, он приметил неподалеку от гостиницы цветочный магазин, куда и поспешил сейчас. В магазине приветливая продавщица подобрала ему два роскошных букета: один из плотных бутонов желтых роз на длинных ножках, а другой из чисто белых, не знакомых ему прежде, голландских цветов, чем-то напоминавших озерные лилии. Не поднимаясь в номер, с охапкой цветов в руках он зашел в ресторан и заказал примеченный еще за обедом столик в крайнем ряду у стены, откуда хорошо обозревался весь зал. Белые цветы тут же при нем поставили в плоскую хрустальную вазу, и стол, даже без яств, вмиг преобразился. Подробно обсудив с официантом закуски, горячее и десерт, фрукты и зелень, он сделал заказ и поспешил в номер, чтобы приготовиться к встрече. Кто знает, что сулило это новое знакомство...

Минут за десять до назначенного срока Фешин вышел к парадному входу гостиницы. Несмотря на плотные предосенние сумерки, площадь перед отелем просматривалась хорошо, к тому же вот-вот должны были зажечься причудливые, стилизованные под старину

фонари. Прекрасно упакованный букет желтых роз он держал за спиной, чтобы обрадовать девушку в последний момент, и неотрывно глядел на аллею, откуда, как ему казалось, должна была появиться прекрасная незнакомка. Но на аллее не было ни души, и Фешин невольно вздрогнул, когда за спиной вдруг услышал знакомый голос:

— И кого же вы так внимательно выглядываете? Я думала, что вы ждете только меня...

Он неловко повернулся и, слегка поклонившись, молча протянул цветы...

Если бы не знакомое вишневое платье, он, наверное, не узнал бы продавщицу из «Астории»: густые, разбросанные до того по плечам волосы были собраны сейчас на затылке, отчего сразу стала заметна ее высокая лебединая шея с тонкой ниткой жемчуга. Преобразилось и лицо! Гладко стянутые у висков волосы по-иному оттеняли глаза, чистый лоб, и вообще, вечерняя прическа преобразила девушку до неузнаваемости — она словно перенеслась в начало века или даже перешагнула в прошлое столетие, знакомое нам по гравюрам, музейным портретам Рокотова и Брюллова... Все это Тоглар ухватил цепким взглядом и оценил в доли секунды...

— О, какие прекрасные розы! Теперь я спокойна, верю, что вы ждали только меня,— без тени жеманства, но как-то действительно радостно сказала Наталья и улыбнулась.

Константин Николаевич внутренне обрадовался, что девушка не лишена юмора, наверное, легка характером, и если кокетничает, то довольно мило. Вульгарность всегда коробила Фешина, и он не хотел бы на нее напороться.

Была пятница, самый загульный день в крупных городах — Ростов здесь не являлся исключением, и когда они появились в зале, ресторан уже заполнился на три четверти, большинство столов, как и у них, оказались заказанными заранее, но и на пустовавших густо стояли таблички «Зарезервировано».

Когда он подвел Наталью к ее месту, она, восхищенная изысканностью накрытого стола, после минуты немого восторга промолвила:

— Наверное, платье от Ив Сен-Лорана и костюм от Версаче стоят того, чтобы их обмыли. Допускаю, что и наше знакомство следует отметить достойно, но признайтесь: у вас день рождения или вы приобрели на корню известный банк, а может, следуя замашкам шейхов, купили нефтяное месторождение?

Тоглар оценил сметливость девушки и, усаживая ее на место, поцеловал руку у тонкого запястья.

— Я не намерен от вас ничего скрывать. Конечно, есть и третья причина, о которой вы догадались, но об этом позже... — И, достав из серебряного ведерка, наполненного колотым льдом, бутылку французского шампанского, он разлил по высоким бокалам-креманкам золотистый пенящийся напиток...

Через полчаса в зале погасли огни тяжелых хрустальных люстр, свет остался гореть только над эстрадой, но на столиках зажглись стилизованные свечи в высоких дивных лампах и низкие разноцветные огни торшеров среди живой зелени. Заиграл оркестр, и наиболее нетерпеливые и влюбленные потянулись танцевать, но час пик для танцев еще не пришел. Тоглар, как всегда гдатай злчных мест, остро чувствовал этот пограничный момент. Он любил рестораны и знал, что это единственное место, где можно успешно поднять свое настроение за счет других, ведь в плохом расположении духа люди обычно пьют дома, в одиночку, в лучшем случае — за стойкой бара. Он всегда подзаряжался энергией в уюте больших шикарных ресторанов, где играли первоклассные оркестры. Позже один психолог подтвердит его наблюдения, объяснив, что аура от всеобщей радости, подъема, пусть даже вызванного искусственно, алкоголем, может рассеять любую подавленность.

Как хорошо, приятно было сидеть рядом с девушкой, контакт налачился без особых усилий. Французское шампанское «Канард-Дюшене» время от времени они перемежали мягким греческим коньяком «Метакса», да и с закусками он попал в точку, ибо Наталья, оказалось, как и он, равнодушна и к семге, и миногам, и тонкому салату из крабов, и заливному из севрюги; ужин морской направленности гасил спиртное — Тоглар хорошо знал об этом.

Заиграли что-то знакомое, давнее, минорное, и Наталья предложила:

— Потанцуем?..

А когда оркестр смолк, и Константин вместе со всеми стал аплодировать оркестрантам, кто-то сзади сильной рукой взял его за плечо. Фешин оглянулся. Крупный мужчина в элегантном смокинге, с белым муаровым галстуком-бабочкой, коротко стриженный, в дымчатых очках, закрывавших половину лица, глядя в упор, спросил:

— Тоглар?

Ближе к вечеру, когда спала изнуряющая августовская жара, а с невысоких холмов, окаймляющих коктебельскую бухту, подул слабый ветерок, и на пляжи вновь потянулся отдыхающий люд из разбросанных на берегу санаториев и турбаз, на набережной у Дома творчества писателей появились двое молодых людей. Они вряд ли у кого вызвали интерес, разве что привлекли внимание нескольких девушек, спешивших на море,— юные особы отметили и чудесные белые костюмы, причем абсолютно разного кроя, и изящную обувь в тон одежде, выдержанной в одной гамме, и то, как все это сидело на высоких ладных фигурах. Бросились в глаза подружкам и небрежная элегантность, достоинство, с которым держались незнакомцы. Конечно, в последние годы в Коктебеле изысканно одетые люди были не редкость, но все же чаще встречались парни с тяжелыми золотыми цепями на коротких могучих шеях, в мятых спортивных костюмах и грязных кроссовках,— возможно, поэтому новички обратили на себя внимание девушек.

Вдоль высокого парапета, отделяющего набережную от раскинувшегося внизу пляжа, уже выставляли свои работы художники — рабочий день у них только начинался. У живописцев глаз зорче, чем у простых отдыхающих,— они тоже заметили новых людей на набережной, но любопытства не выказали; опыт их жизни говорил — кавказцы редко покупают живопись, а все остальное мало волновало мастеров кисти: ведь лето так коротко, а жизнь так дорога...

Оживленно жестикулируя, пришельцы с жаром что-то говорили друг другу, не замечая вокруг ничего, кроме раскинувшегося внизу залива. Парни были одногодками, носили одну и ту же фамилию и даже чем-то походили друг на друга, отчего их часто принимали за близнецов. И немудрено, ведь они были двоюродные братья. Выросли в одном дворе, почти никогда не расставались, даже служили

в одной роте, а позже и учились вместе в Москве, в МГУ, правда, на разных факультетах. Даже женились на двух очаровательных сестренках, и свадьба была у них одна на двоих — крепки на Кавказе родственные связи, а надо сказать, принадлежали они у себя дома к известному роду.

Чуть поодаль, у парапета набережной, тут же, за негласно отведенной территорией художников и продавцов всякой бижутерии, женских аксессуаров, поделок из полудрагоценных камней, керамических игрушек, дымили мангалы, и пряный запах старой вишни, порубленной на дрова, время от времени окутывал площадь перед столовой Дома писателей, на которой с каждой минутой становилось все более шумно илюдно.

Вышли выгуливать редкопородных собак важные дамы, в большинстве своем давние поклонницы Коктебеля. Избалованные доги и доберманы, боксеры и спаниели, болонки и пекинесы бесцеремонно обнюхивали картины, выставленные на продажу, глазурированные игрушки, путались между ног, но редко у кого вызывали раздражение — к ним привыкли, они составляли часть пейзажа экзотического пятачка между владениями бывшего Союза писателей и домом Максимилиана Волошина, главной достопримечательностью райского уголка — Коктебеля. Но двое молодых людей в белых летних костюмах не замечали ни нарастающего шума вокруг них, ни продавцов, ни покупателей, число которых с каждой минутой увеличивалось в геометрической прогрессии.

Вскоре от переставших дымить мангалов потянуло ароматом молодого барашка на вертеле, щедро сдобренного восточными специями, и он отвлек бывших морских десантников от воспоминаний о давних флотских днях в казарме на берегу навсегда любимшегося моря. Они молча переглянулись и, неспешно обходя торговцев и покупателей, направились к шашлычной под пластиковым навесом, где уже выстроилась небольшая очередь. Хозяин — наверняка крымский татарин из Ташкента, ибо на харчевне значилась броская вывеска «Чиланзар», — сразу выделил их. Не обращая внимания на страждущих в очереди, тут же подал им на шербатой общепитовской тарелке дюжину дымящихся и шкворчащих шашлыков, а женщина, помогавшая ему, поставила еще и миску с салатом. Кавказские шашлыки отличаются от восточных не только размером, и парни, хорошо знавшие толк в молодой баранине, оценили мастерство смуглого татарина, заказав еще дюжину. Уходя, один

из гостей, поблагодарив, вложил свернутую стодолларовую купюру в карман поварской куртки. Шашлычник, достав ее, развернул на всякий случай и тут же удивленно закричал вслед: «А сдачу?» Но молодые люди, не оглянувшись, растворились в толпе.

Летний день что год — долог, но они засветло собирались многое еще осмотреть, и прежде всего «собственность бывшего Союза писателей СССР». На территории пишущей братии, примыкавшей к владениям Волошина, располагался дивный сад, заложенный самим основателем того, что называется теперь Коктебелем. В писательском же парке, недалеко от центрального входа с набережной, они вдруг наткнулись на бюст Ленина из розового ноздреватого камня здешних мест. Ленинская голова на мощной шее покоилась на высоком хорошо отполированном гранитном постаменте, и оттого скульптурная композиция смотрелась авангардистски, в духе времени, не украшала, но и не портила пейзаж. Так к ней, видимо, и относились отдыхающие, сновавшие взад и вперед и не видевшие опального вождя в упор. Гости с Кавказа внимательно осмотрели памятник, обойдя его не раз со всех сторон. Один из парней, которого звали Алиханом, он все-таки был старшим, сказал брату:

— Аслан, покупаем вместе с Лениным, хорошая работа... профессиональная.

На что тот, не раздумывая, ответил в тон:

— Согласен. Правда, придется подыскать ей другое место. А может, установим ее в холле казино... — И оба от души рассмеялись.

Коктебельская бухта находится в сухой, засушливой части Крыма, как выражался ее прародитель — в «киммерийской степи», и потому писательский сад — самое большое насаждение в поселке, главная его жемчужина, любимый всеми оазис. Рукотворный парк был разбит в начале века по всем правилам ландшафтной архитектуры и со временем обрел еще большую ценность. Кипарисовые аллеи, выходявшие к некогда дивному фонтану, окружали кольцом посадки редких даже и для Крыма кустов и деревьев. Правда, за последние годы пришли в полное запустение роскошные кактусовые плантации, где еще в недавнем прошлом на радость отдыхающим цвело около сотни разных видов кактусов.

Буйная зелень и ухоженность сада скрывали убожество хаотично разбросанных в парке коттеджей и строений барачного типа, возведенных еще в пору расцвета нэпа и чуть позже, в предвоенные тридцатые годы, для отдыхающих и obsługi.

— Будем сносить... И это... И это тоже...— уверенно говорили молодые люди, оглядывая мельком встречавшиеся на их пути здания, не представлявшие, по их разумению, никакого интереса.

— А как же с памятью писателей? Ведь тут бывали такие корифеи? — опомнившись, спросил с заметным волнением Аслан.

— Да, помню,— ответил задумчиво Алихан.— Я об этом размышлял, и не раз. Если мы станем владельцами этого исторического места, мы должны увязать настоящее с прошлым, иначе нас никто не поймет, посчитают за варваров или дикарей. Представляешь: на огромную гранитную панель, как на Стене Плача в Иерусалиме, нанесем литой бронзой имена всех выдающихся деятелей литературы и искусства, бывавших в Коктебеле,— ведь здесь любили проводить время не только писатели... Можно бы, конечно, и чистым золотом отбить фамилии, вошедшие в историю, да жаль, они долго не продержатся... Сопрут ведь, обязательно сопрут.

— А может, стены ресторанов, казино, холлов гостиниц, которые мы тут понастроим, оформим специально выполненными шелковыми обоями, с портретами знаменитостей, а? Теперь это не проблема.

— Слушай, брат, что мы мучаемся? Есть идея, а остальное доделают дизайнеры.

До слуха братьев донеслись звуки ударов по туго летящим мячам — поблизости, за поворотом, за зарослями можжевельника находился корт. Здесь, на огромной площадке со свежим резино-битумным покрытием, можно было проводить даже турниры.

— Одного корта для Коктебеля явно маловато,— сказал Алихан.

— Но есть возможность расширить его, и влево, и вправо,— подвел итог осмотра Аслан.

К теннису они были равнодушны, но знали его цену и притягательность, особенно в нынешнее время, когда вся президентская рать уделяет теннису куда больше внимания, чем государственным делам. И, глядя на иных толстопузых игроков, простым смертным, наверное, приходит на ум русская пословица: идет как корове седло,— это о престижных ракетках и экипировке «Вильсон», «Данлоп», «Хед», «Адидас». Стандарты жизни задают первые лица, а челядь готова восторгаться и поддерживать любые ее увлечения, даже если завтра это будут тараканьи бега. Опять же, по народному определению: каков поп, таков и приход.

От теннисного корта вглубь территории вела удивительно ухоженная дубовая аллея, и братья, не сговариваясь, пошли по ней. На первой же пересекающей дорогу тропинке слева, чуть в глубине

парка, они увидели что-то наподобие сказочного замка, выстроенного в виде круглой башни с островерхим шпилем, высоким каменным крыльцом в восемь ступенек. Окна-бойницы замка были распахнуты настежь, и в узких овальных проемах ветерок пузырил розовые занавески — уютom, теплом, надежностью веяло от его толстых краснокирпичных стен, и тихая музыка зазывно лилась сквозь шуршащие шелковые шторы. Впрочем, тут же, у входа, стояли три белых зонтика-шатра с набором легкой пластиковой мебели. Народ еще спешил после сиесты на пляж, и оттого столики пустовали. Братья решили заглянуть внутрь, ибо успели разглядеть и вывеску: «Чайная. Фитобар».

Зал, разделенный надвое изящной резной перегородкой из светлой некрашеной вишни, удивил их простором и неожиданной прохладой — явно благодаря толстым, почти крепостным стенам. В большей половине помещения в углу зиял темно-красным зевом из жаропрочного кирпича давно не топившийся камин. Но сложенные в глубине топки на колосниках хорошо просушенные дрова словно ждали слякотного дня. Молодые люди ощутили, как, должно быть, уютно в этих стенах промозглой осенью, когда море сутками штормит, а вокруг — сырость, туман, дожди. А еще уютнее, наверное, тут долгими зимними вечерами, когда над замерзшим заливом валит снег, и море, потерявшее берега, видится степью, и кажется, что вот-вот из снежной пелены выскочит тройка с бубенцами.

Тут же, у стены рядом с камином, старый концертный «Бехштейн» дожидался окончания пляжного сезона, когда у пляшущего за решеткой огня будет царить другая жизнь и люди станут неспешно коротать вечера в тихой чайной.

Пока они разглядывали развешанные по стенам картины — наверняка, дар художников, давно облюбовавших Коктебель как душевную обитель, — из подсобки появилась хозяйка заведения, видимо, не ожидавшая столь ранних посетителей.

— Какая уютная у вас обстановка! Не ожидали, — выразил после приветствия свой восторг один из неурочных гостей.

Хозяйка фитобара, приятная женщина средних лет в высоком белом кокошнике на манер буфетчиц из пятидесятых годов, уже привыкшая к похвалам, но все же польщенная произведенным эффектом, мило, по-домашнему сказала:

— Милости просим, чем богаты, тем и рады... — и кивнула на стойку, куда успела выставить вазы с конфетами, мармеладом, печеньем, пирожными, свежей выпечкой.

Но в глаза гостям прежде всего бросился огромный, трехведерный, надраенный до блеска медный самовар, уже кипевший в глубине буфета.

Наслаждаясь произведенным впечатлением, хозяйка предложила:

— Какой вам чай подать: зеленый, черный? Индийский, цейлонский, краснодарский? С мятой, душицей, чабрецом, иван-чаем, девясилом...

— Сдаемся... — умоляюще подняли руки молодые люди, и Алихан уточнил: — Два чайника, один с черным чаем, другой — с зеленым и с добавками — на ваш вкус.

Они заняли столик рядом с камином, откуда хорошо просматривалась входная дверь...

Два чайника братья одолели быстро — на Кавказе чай любят не меньше, чем в Англии. Парни повторили заказ, но на этот раз попросили принести чай, настоящий только на крымских травах.

Едва им подали новые чайники, как в зале появился первый посетитель — молодой парень, коротко стриженный, накачанный, в традиционном на отдыхе спортивном костюме. Он неторопливо зашел за буфетную стойку и заглянул в подсобку, где хозяйка продолжала готовиться к вечернему наплыву клиентов. Кавказцы у камина приняли парня если не за сына, то за родственника хозяйки, тем более что, уходя, «качок» прихватил с витрины роскошную коробку конфет. Гости пили чай, с интересом рассматривали убранство помещения — одна икебана на столах чего стоила, — единодушно решив, что если приберут к рукам писательскую собственность, то чайную оставят, и обязательно вместе с хозяйкой. Чувствовалось, что чистотой, ухоженностью, домашним комфортом заведение обязано только ей.

Но через полчаса, когда хозяйка подошла к столу, чтобы забрать пустые чашки, молодые люди поразились перемене, произошедшей с ней: такой испуганной, затравленной предстала перед ними недавно приветливо улыбавшаяся женщина.

— Что с вами случилось? — поинтересовался один из братьев.

Хозяйка обреченно махнула рукой, пугливо глянув на входную дверь:

— Рэкет. Бандиты поганые житья не дают. Творят, что хотят, управы на них нет.

— А милиция? — поинтересовался Алихан, хотя и знал, каков будет ответ, но он пытался втянуть испуганную хозяйку в разговор.

— Да они одна банда и есть. Разве милиция не знает, что этот бугай Ион всем поперек горла в поселке, мешка картошки не продашь, чтобы не поделиться с ним.

— А что, шашлычники с набережной, татары, тоже платят Иону дань? — уже заинтересованно спросил Аслан.

— Эти... с набережной — у них еще несколько точек на причале, — не платят точно. Их пятеро братьев, еще племянников целая футбольная команда, они им помогают, да и крепких мужиков со стороны жен хватает. Но, главное, один из них, Осман, отчаянный парень — у него на работе под рукой всегда метровая арматура, раскроит голову любому, не задумываясь. Наезжать и на них наезжали, в прошлом году три-четыре крупные драки произошли и на набережной, и на базаре. Но после того, как во двор Бессарабу — такая у него воровская кличка — закинули отрезанную голову его ближайшего подручного Ткачука, по кличке Кувалда, шашлычников стали обходить. Надолго ли — не знаю. А вот остальные люди, даже те, что сидят с ведром вишни или черешни, или с домашними пирожками, или с мешочком семечек у магазинов или на перекрестках улиц, и те, кто носят вареную кукурузу по пляжам... Все платят со своих грошовых заработков, особенно те, кто торгуют на базарах с прилавков. Чую, добром это не кончится...

— А власти? Ну, есть же здесь хоть какая-то власть?

— Да что власть, она что в Москве, что в Киеве, что в Симферополе... Ей преступность нужна, она ей на руку во все времена: народ в страхе держать...

— Сколько же они с вас требуют? — спросил сразу потерявший курортную беспечность Алихан. Он чувствовал, что женщина от бессилия, безысходности готова разрыдаться.

— Даже и произнести страшно. Тысячу долларов за сезон. Но это весь мой заработок за лето, как бы я ни крутилась. Курортный сезон-то у нас от силы четыре-пять месяцев, а остальное время большинство здесь сидят без работы, без пособий. А у меня дочь в Симферополе в мединституте учится и зять — студент, просто не знаю, как жить дальше, — вздохнула она горестно. — Я ведь в этой чайной, считай, всю жизнь работаю, никогда такого беспредела не было. — Понизив голос, она обреченно сказала: — Я триста долларов скопила, отдала Бессарабу на прошлой неделе, а он сегодня опять, поганец, появился, требует остальное. Никаких объяснений и слушать не хочет, говорит — займи, иначе спалим.

За столом на миг повисло тягостное молчание, но Алихан вдруг весело сказал:

— Не горюйте, придется нам вас выручить, уж больно по душе ваше заведение пришлось, да и чай такой вкусный пили первый раз в жизни.— Достав из нагрудного кармана тяжелое портмоне, блеснувшее хорошо отполированной кожей и золотой монограммой, он вынул три сотенные долларовые купюры и, протягивая их онемевшей хозяйке, улыбнулся: — Отдайте и работайте спокойно. А это вам за чай и на память о нас,— и прибавил еще одну такую же бумажку.

Чувствуя, что обалдевшая женщина еще долго будет приходить в себя, они молча откланялись и покинули зал.

Как только они вернулись на знакомую дубовую аллею, Аслан, увидев скамейку, предложил:

— Ну-ка, присядем, обсудим ситуацию. Вот так тихое, провинциальное местечко! Неужели придется делить власть со шпаной?

— Ну, уж нет. Нам нужен второй Лас-Вегас или Монте-Карло — значит, придется вывести преступность подчистую, и хорошо бы во всем Крыму. Ты же знаешь, богатые люди не любят опасных мест. Ведь еще от силы год, два — и все будет иметь своих новых хозяев. Этот уголок Крыма станет нашим, для этого денег у нас достаточно...

— Ну да, станок Тоглара работает круглосуточно,— согласился Аслан.

Они помолчали. Сколько раз они уже обсуждали невероятные перипетии, которые случились с их родиной. Еще в перестройку умные люди поняли, что страна не имеет хозяина. Вот тогда ребята с гор впервые объявились в Москве всерьез, и столица сразу почувствовала властную руку новых хозяев. Уже на следующий год московские воры Япончик, Монгол, Захар, Слива, Расписной, Отарик пригласили кавказских абреков на сходку, чтобы мирно разделить столицу на сферы влияния, причем чеченцам предлагалось право выбора, а остальное, что останется, доставалось славянам, грузинам, армянам и прочим кланам.

Но Хоза, Лечи, Азамат, Султан Даудов, уже тогда называвшийся Балашихинским, ибо он единственный из всех соплеменников был коронован самим Бриллиантом, и старший брат Алихана Гелисхан заявили гонцам: мы не признаем воровских законов, Москва принадлежит нам, мы не собираемся ее ни с кем делить и всегда заберем то, что посчитаем нужным.

— Так поступим и в Крыму,— подытожил Алихан.— Кому предложим покинуть полуостров, кому порекомендуем завязать, а того, кто не согласится с нашей волей и не подчинится нашим законам, будем уничтожать сразу и повсеместно — в два-три дня.

Аслан невольно поежился, и брат, усмехнувшись, хлопнул его по плечу:

— Не волнуйся, сами руки пачкать не будем, привезем киллеров, сколько понадобится для акции, из Москвы, оплатим аккордно, благо станок Тоглара выдержит и это... А народ хочет жить и работать спокойно, ты же сейчас слышал об этом. Мы дадим ему долгожданный покой и безопасные улицы, а работать все будут, прямо или косвенно, на нашу империю, и чем счастливее и богаче здесь заживут люди, тем охотнее потянутся в наши владения толстосумы.

— Молодец, Борз! — восхитился Аслан, впервые обратившись к брату по прозвищу.— Ты все верно рассчитал!

2

Жара окончательно спала, с пляжей медленно потянулся народ, Коктебель вступал в вечернюю пору. Легкие сиреневые сумерки как бы струились с Карадага и окутывали волшебной пеленой вытянувшийся вдоль бухты поселок. В разросшемся парке на дубовой аллее было темнее, чем на открытых пространствах; раньше в этот час включали многочисленные садовые огни, и парк в ночи, особенно с моря, с прогулочных катеров, полыхал огнями, но теперь на Украине энергетический голод, и фонари не всегда горят даже на набережной.

Программа пребывания здесь братьев была сжата до предела, но главное — они успели осмотреть необходимое и даже переговорили в первой половине дня с руководством санатория «Голубой залив», турбазы «Приморье», с директором Дома творчества, посетили и главу администрации поселка — все предприятия на побережье сидели «на картотеке» с начала года, они уже давно были банкротами, только никто не хотел брать на себя ответственность объявить их таковыми. Впрочем, у правительства Украины до Коктебеля попросту руки не доходили.

Отправляясь в Крым, братья запаслись одним страховочным адресом в Коктебеле, куда всегда могли обратиться за помощью, со-

ветом, транспортом. Человек этот некогда в лагере оказался обязан жизнью Гелисхану, старшему брату Алихана, и на него они могли рассчитывать — тюремное братство дорогого стоит. Еще когда начали расцветать кооперативы, бывший сокамерник Гелисхана, не лишенный предпринимательской жилки, быстро поднялся, открыв на побережье свой ресторан «У Хромого черта». Вот это заведение они и собирались посетить, поужинать и со стороны на всякий случай приглядеться к хозяину. Первый же отдыхающий, у которого они расспросили, как пройти к ресторану, оказался разговорчивым и попутно сообщил, что всего две недели назад ночью его пытались взорвать, но больше наделали шума.

— Тем более,— сказал Алихан,— надо побывать там, осмотреться, и все такое прочее...

Ресторан приютился на окраине набережной и выглядел явно летним, крытой являлась лишь та его часть, где находились буфет и кухня, а зал для гостей располагался под открытым небом. Оглядев его, Аслан заметил, что ему больше подошло бы название «Под звездами Киммерии». Да и на ресторан заведение тянуло с натяжкой; харчевня, кабак или таверна — на западный лад — это определение подходило куда больше. Свежевыложенная печь, вокруг которой сутились повара и официанты, напоминала о недавнем ночном взрыве. Свободных столиков внутри ограды оказалось достаточно, ужинали всего три-четыре пары, и братья выбрали место с хорошим обзором, откуда была видна и часть набережной со входом.

Официанта долго ждать не пришлось. Но на вопрос о меню он с сожалением развел руками и, с улыбкой ответив: «Не держим», чем почему-то расположил гостей, по-свойски добавил:

— Сегодня с Азова привезли здорового осетра, живого. Рекомендую рыбную солянку с головизной, осетрину на вертеле, заливное из нее же «по-русски» на закуску, а к ней икры зернистой свежайшего посола, можно и жаренную на скаре рыбу добавить, не часто нам такая добыча перепадает — рыбнадзор и милиция лютуют, так что вам повезло.

Гости с удовольствием согласились, но от вина или шампанского, предложенных словоохотливым парнем, напрочь отказались, чем несказанно его огорчили.

Когда они уже заканчивали ужинать, Алихан неожиданно встрепенулся: он первым увидел появившегося в дверях «У Хромого черта» Бессараба. Ион был не один, рядом с ним шла ярко

крашенная блондинка с длинной ментоловой сигаретой во рту и роскошной коробкой конфет под мышкой, той самой, что Бессараб унес из чайной, а сзади — двое его дружков в таких же китайских псевдоадидасах, как и вожак. К тому времени ресторан уже заполнился, и свободным оставался лишь сдвоенный стол без скатерти в дальнем углу, за спиной у кавказцев. Туда компания и прошествовала, шумно обмениваясь репликами с официантами — видимо, они тут были завсегдатаями. Алихан, поняв, какой стол займут вошедшие, пересел на другое место и теперь хорошо видел перед собой бесцеремонно рассаживающуюся компанию.

Официант оказался довольно ловким малым, обслуживал быстро, видимо, неумех в «Хромом черте» не держали, да и повар зря деньги не получал. Видя, что ужин подходит к концу, официант, опять же на свое усмотрение, принес большую закопченную медную турку с кофе.

— Вот, в горячем песочке из Тихой бухты готовим, с пеночкой,— прокомментировал он, разливая в чашки дымящийся ароматный кофе.

Но Алихан ничего этого не видел и не слышал, мысли его почему-то кружились возле Бессараба и его компании, и когда они остались одни, сказал на своем языке брату:

— Аслан, пожалуйста, достань аппаратуру, мне почему-то захотелось узнать, о чем говорят за столом у Бессараба.

— Зачем? — пожал плечами Аслан.

— Знаешь, что-то подсказывает мне, что на них надо обратить внимание,— от Бессараба явно исходит опасность. Я верю в свою интуицию, достань...

— Мистика,— усмехнулся Аслан.— Мы ему не по зубам, даже в рукопашной...

Но все же, поколебавшись, достал из пухлой кожаной визитки, что носил днем на запястье левой руки, нечто очень похожее на плеер с наушниками. В Крыму на пляже каждый второй с подобной штукой лежит... Алихан, надев наушники, вытащил сбоку у «плеера» небольшой микрофон высочайшей чувствительности и направил его в угол ресторана, где сидели местные рэкетеры с крашеной блондинкой. Минуту-другую он крутил одной рукой прибор на столешнице, видимо, вылавливая нужный ему разговор, а во второй руке держал чашку с кофе, и вряд ли кому-либо из сидевших рядом могла прийти в голову мысль о том, что рядом идет серьезная и опасная работа.

Найдя искомое, Алихан поправил наушники, откинулся на спинку стула и, как завзятый меломан, начал отбивать пальцами неслышную дробь. Аслан понял, что Борз вклинился в нужный разговор. Вдруг чашка с кофе в руке Алихана застыла, и он поспешил поставить ее на стол. Аслан внезапно увидел, как брат неожиданно начал меняться в лице, а ведь Алихана всегда отличали выдержка и хладнокровие, оттого он и имел кличку Волк.

— Что случилось, Борз? — спросил с тревогой, опять же на своем языке, Аслан, но тот жестом показал — помолчи.

Минуты через три уже пришедший в себя Алихан неторопливо снял наушники и потянулся к остывшему кофе. Аслан не торопил брата, хотя ему и не терпелось узнать, что же заставило Борза побледнеть. Допив кофе, Алихан жестом подозвал официанта и так же, как шашлычнику, подал сто долларовую купюру, но этот насчет сдачи и не заикнулся, хотя склонился в благодарном полупоклоне и услужливо проводил до выхода. Как только они оказались на темной набережной, Алихан процедил:

— Пошли скорее отсюда подальше, меня так и тянет вернуться и расстрелять их в упор.

— Успокойся, Борз, и объясни, что случилось... — Аслан обнял брата за плечи.

— Эти крысы затеяли такое отвратительное дело, что на нас ляжет грех, если мы не вмешаемся. Бессараб рассказывал подельщикам, что придумал гениальный план, как разбогатеть за несколько часов. Он уже и дату назначил — последнюю субботу августа. В этот день, на рассвете, в степи, километров за триста от Ялты, точное место он не назвал, он пустит под откос скорый, фирменный поезд «Крым».

— Зачем? — простодушно удивился Аслан. — Кто же заплатит за это большие деньги? Тут скорее большим сроком пахнет — диверсия как-никак...

— То, что задумал Бессараб, никому в голову не придет... Он утверждает — впрочем, в этом он прав, — что самые богатые люди, клиенты валютного гостиничного комплекса «Ялта» и других престижных санаториев, приезжают в Крым только на бархатный сезон, в конце августа, и чаще всего экспрессом «Крым». Так вот, он решил в подходящем для операции месте расшить пути, поснимать в стыках накладку. Экспресс войдет на скорости в кривую на небольшом подъеме — а таких мест, сам знаешь, в крымской степи хоть отбав-

ляй — и, не успев погасить скорость, свалится под откос. Вот тут они, не мешкая, выскочат из укрытия и начнут шмонать купейные и мягкие вагоны, все, что добудут, покидают в грузовики — и были таковы! Он надеется не на одну сотню упакованных роскошных чемоданов. Мол, баксов в них, дорогой одежды, кинокамер, фотоаппаратов, золота — на миллионы. А ты говоришь, кто заплатит... Вот такой нынче у крыс-беспредельщиков бизнес.— И Алихан грязно, по-русски, выругался, что с ним случалось крайне редко.— Мерзавец, он все верно рассчитал: пока наша нерасторопная власть появится на месте крушения, они успеют развезти добро по укромным местам и припрятать. Плевать, что погибнут сотни людей, кому до этого дело! Важны лишь их чемоданы. Подельщики план одобрили и ударили по рукам, и девица тоже выразила желание участвовать, оговорила, что лучшие украшения и наряды достанутся ей.

— У, крысы вонючие...— выругался Аслан.— Ты прав, теперь и мы берем грех на душу, Всевышний не простит нам, если мы это не предотвратим.

— А я о чем? — загорелся Борз.— Давай подкараулим сегодня ночью Бессараба и...— Он сделал решительный жест.— И народ в поселке вздохнет спокойнее, и сотни невинных людей спасем от мучительной смерти.

— Верно ты говоришь, не по-мужски оставлять такого изверга живым, зная его планы, запаadlo, как выразился бы Гелисхан. Но у нас свое задание, ты же знаешь... нам строго приказано избегать уголовищины — на это есть другие люди.

— Что же делать? — растерянно спросил Алихан, прекрасно зная, о чем говорил брат. Он и сам жестко требовал от подчиненных точного исполнения приказов, впрочем, эта черта — исполнительность и обязательность — отличала его народ от многих других.

Они вышли к пятачку возле Дома писателей на набережной, где гуляющих заметно прибавилось, и Аслан вновь перешел на родной язык:

— Ты говорил, если понадобится, мы вызовем в Крым киллеров из Москвы. Придется сделать это завтра же. Из аэропорта в Симферополе позвоним нашим людям в столицу, и пусть срочно пришлют парочку профессионалов, тех, что раньше служили в МВД или КГБ,— эти волчары дело знают туго, доводят до конца без жалости. Приметы Бессараба описать несложно, отыскать его еще проще, а оплату по высшей таксе берем на себя. Разве это не лучший выход? Тем более что до назначенной субботы у нас ровно десять дней.

— Да, ты и на этот раз оказался мудрее, брат. И хоть как-то не по-мужски перекладывать богоугодное дело на других, я все же согласен с тобой — негоже нам пороть горячку...

— Вот и прекрасно,— обрадовался Аслан.— У нас осталось еще одно дело — посетить знаменитое казино в Коктебеле и проиграть тысяч десять — двадцать, не меньше. Запустить «голубков», как выражается наш гениальный пленник Тоглар,— пусть полетают и в Крыму. Правда, как нам подсказали, крутая публика собирается там к полуночи, тогда только начинается настоящая игра.

— Наверное, и нам следует заявиться одновременно с теми, кто привык играть по-крупному,— не то спросил, не то предложил Борз.

— Разумеется, нечего нам светиться раньше времени. Придем ровно в полночь, с курантами, как Германн в «Пиковой даме». А сейчас, если ты не возражаешь, давай дойдем до пирса — это как раз напротив ночного клуба и казино — и поедем на двухчасовую прогулку в открытом море, последнюю на сегодня. Слышишь, объявляют об этом по радио с прогулочного теплохода? Подышим морским воздухом, мы с тобой, считай, уже забыли его запахи, да и днем поваляться на пляже не удалось... — И они торопливо направились к цепочке ярких огней, обозначающих причал.

Ближе к полуночи, когда прогулочный теплоход вынырнул из темноты Сердоликовой бухты на простор Коктебельского залива, поселок уже погрузился в кромешную тьму южной ночи, и лишь редкие светящиеся окна давали знать о человеческом жилье да здравницах на берегу. Вдруг чуть правее темневшего жилого массива ярко вспыхнули огни, зазывно заплясала неоновым светом реклама, словно мираж ненашенной жизни возник в вязкой киммерийской ночи. И кто-то у борта рядом с братьями, обращаясь к своей компании, со знанием и азартом сказал:

— Казино врубило огни. Фейерверка только не хватает, ей-богу. Может, заглянем к ним в бар? — Но дружки вяло отреагировали на приглашение,— наверное, им было уже достаточно.

Даже причал, не считая сигнальных огней, встретил их темной, безмолвием, ночной прохладой — чувствовалось, что праздник кончился, и припозднившиеся отдыхающие с теплохода расходились молча, почему-то перейдя на шепот, зябко кутаясь кто во что попало.

Почти последними сошли с кормы и кавказцы, но не в пример остальным они выглядели бодрыми, отдохнувшими. Пришла пора окунуться в разгульную светскую жизнь — после ноля часов, как любил выражаться Борз.

Рекламные сполохи огней с моря выглядели куда эффектнее, наряднее, праздничнее, чем вблизи. Рядом они показались ярмарочными, балаганными, лишенными всякого вкуса. В метровой неоновой вывеске «Казино» не включалась буква «К», и надпись выглядела курьезно. Первый этаж бывшего ресторана «Эллада» занимал ночной клуб «Серж», названный, видимо, в честь владельца заведения, там имелся небольшой, на пять столиков, ресторанчик, и играл джаз-квнтет, приглашенный на лето из Харькова. Ни оркестр, рекомендованный как вполне приличный, ни ресторан с браконьерской севрюгой не интересовали братьев, и они сразу поднялись на второй этаж, в то самое «Казино».

Еще по дороге с причала они заметили нараставшее по мере приближения к значному месту оживление. Когда прогулочный теплоход швартовался, братья обратили внимание, что с противоположной стороны пирса подчалил скоростной катер из Феодосии, и, судя по репликам и респектабельной одежде пассажиров, эти люди приехали специально в казино. Хорошо освещенная платная стоянка перед ночным клубом оказалась на треть заставлена роскошными иномарками, встречались среди них и дорогие кабриолеты с откидным верхом изумительных расцветок. Судя по всему, азартные игроки уже давно заняли свои излюбленные места на втором этаже.

Так оно и было. В огромном зале, в торце которого находился бар, располагались два больших стола для игры в рулетку, они словно делили помещение на сектора. В промежутках между ними и баром, в четырех местах у стоек, в высоких креслах сидели игроки в блэкджек — карточной игры, очень похожей на распространенное в быту «очко».

Хотя наверняка где-то мягко стрекотал кондиционер и работала вытяжная вентиляция, в зале висел густой табачный дым — отличительная черта всех наших ночных заведений. На Западе, где идет настоящая борьба за здоровый образ жизни, давно существуют и рестораны, и казино, и ночные клубы для некурящих, а здесь... Братья переглянулись, невольно поморщившись, но выбора не было, и они неспешно обошли зал, присматриваясь.

Сразу стало ясно, что столы для рулетки, стойки для игры в блэкджек и многое другое поставила английская фирма «Эдванс» — скоро они увидели и ее товарный знак. Подобное оборудо-

вание, просторные кожаные диваны и кресла с высокими спинками, обтянутые хорошо выделанной кожей северного оленя из Гренландии, они не раз встречали в Европе. В игорном бизнесе действуют жесткие стандарты, не отступили от них и здесь.

У столов для игры в рулетку свободных мест не было, ставки делали из-за спин сидевших вокруг столешницы, крытой особым зеленым сукном,— ситуация, наиболее любимая крупье: когда у игроков нет возможности спокойно анализировать варианты. Но при желании возможность сыграть предоставлялась: одни отходили, другие подходили, однако занявшие кресла завсегда и своих мест не покидали. Попытать удачу в блэкджек было легче, там игроки за стойкой менялись куда чаще, чем за рулеткой. Игра в разных концах зала уже набрала обороты, и фишки оценивались в десять долларов. Раздавались голоса, предлагавшие перейти на стол долларовую отметку и объединиться за одним из столов, но достаточного количества желающих не набиралось — такая сумма была не по карману даже многим разъезжающим на «мерседесах».

За одним из карточных столов играли уже по-крупному, и братья заняли первые же освободившиеся места. К удивлению банкмета, они сразу увеличили и без того высокие ставки, и, что еще удивительнее, Борз выиграл восемь ставок подряд, а Аслан — четыре. Через час они оставили везучий стол, отойдя к бару с солидной суммой. В зале волной прошелестело: крупный выигрыш... крупный выигрыш... С этого мгновения и до последних минут пребывания в казино кавказцы были в поле зрения администрации, игроков и просто завсегдаев престижного клуба. За стойкой бара они тоже долго не задержались: выпили по чашке кофе-капучино и бокалу местной минеральной воды «Алушта», отказавшись, к огорчению бармена, и от экзотических коктейлей, и от редких сортов виски, и от французского шампанского.

Выигранную гору фишек банкмет пересыпал в аккуратную фирменную коробку казино и по просьбе Алихана перенес на один из столов для игры в рулетку, где она и дожидалась хозяев рядом с крупье. Заполненная до краев дорогими фишками, коробка привлекала внимание играющих, они, да и крупье тоже, понимали, что с появлением у этого стола везучих кавказцев игра пойдет по-крупному. Среди посетителей игорного зала находились гласные и негласные хозяева заведения. Они профессиональным взглядом фиксировали все происходящее вокруг и понимали, что сегодняшняя ночь склады-

ваются не в пользу казино, а тут назревал еще взлет ставок в рулетку. Поэтому, пока братья неторопливо пили кофе, в кабинете директора владельцы спешно инструктировали лучшего крупье. И впрямь, как только братья подошли к столу, крытому зеленым сукном, и попросили стоявших рядом передать коробку с фишками, тут же сменили крупье, но это вряд ли кому бросилось в глаза, — игра становилась все напряженнее и азартнее, а ставки все выше и выше.

Свободных кресел у стола для братьев не нашлось, не удалось им даже встать рядом, так много оказалось желающих в этот вечер попытать счастья в рулетку, и они расположились через стол, напротив друг друга. Вероятно, эта неустроенность, отсутствие возможности собраться, сконцентрироваться, перекинуться парой слов или советом, записать и проанализировать выпавшие номера и цвет хотя бы за три-четыре хода, как поступают большинство завязтых игроков в рулетку, сказалась на игре и стоила им очень дорого. Через час на дне коробки перекачивалось всего с десятков фишек, проигранным оказался не только весь карточный куш, но и пять тысяч долларов кровных. Но в этот момент освободилось сразу два кресла рядышком, никто из стоявших рядом не стал на них претендовать, и крупье взглядом предложил кавказцам занять место у стола...

К этому времени крупье совсем успокоился и условным сигналом попросил себе смену. Повеселевшие владельцы дали добро, их интересовали уже другие столы и другие игроки — они были уверены, что фортуна на сегодня отвернулась от молодых людей в белых элегантных костюмах. Но через полчаса, когда один из хозяев, проходя мимо стола, увидел возле каждого из кавказцев по полной фирменной коробке фишек — а уж он-то знал, на сколько они тянули, — он мигом кинулся на первый этаж в ночной клуб «Серж», куда отправился перевести дух самый опытный крупье казино. Но и смена крупье не спасала положения, фартовой выпала ночь для будущих хозяев Коктебеля. И только очень внимательный человек мог заметить, что молодые люди не испытывают особого восторга или хотя бы радости от неожиданно свалившейся удачи — перед ними стояла иная задача: проиграть тысяч десять — двадцать долларов, запустить «голубков» Тоглара и в Крыму. А опытный крупье, которому с трудом удавалось держаться невозмутимым, равнодушным к чужому выигрышу, сгребал и сгребал в сторону бывших морских десантников длинной и изящной лопаточкой все новые и новые горы фишек. Неожиданно игра перешла за стодолларовую

отметку, как настаивали в начале вечера самые азартные игроки, инициатива исходила от проигрывающих, да и администрация казино не возражала, она тоже несла ощутимые на глаз убытки и желала резко переменить ход событий.

В первые полчаса игры по новым ставкам, казалось, тактика казино удалась, и госпожа Удача переметнулась на другой край стола, где сидели молодящаяся дама в бриллиантовом колье и два крепких парня с тяжелыми золотыми цепями на коротких шеях, одетые не в привычный адидас, а в тонкие шелковые костюмы, наверняка от Версаче или Армани. Заметно повеселели и братья — вроде начал срабатывать их план.

Когда крупье в очередной раз передвинул их солидную ставку к нервной даме со сбившимся на спину колье, Борз поднял лицо от зеленого сукна и оглядел сгрудившихся возле стола любопытных. Первый, кого он увидел, был Бессараб.

Ион стоял с дружками, но уже без девицы, где-то во втором-третьем ряду столпившихся за креслами людей, и откровенно таился, не хотел попадаться им на глаза. Но деньги, азарт, витавший над залом, а особенно за этим столом, словно приковали его, и он задержался чуть дольше, чем следовало. Этого мгновения хватило Алихану, чтобы он понял: экспресс «Москва — Симферополь» пока отошел у «крыс» на второй план, и теперь они попытаются разыграть другую смертельную карту, на которой неожиданно оказалась их собственная с братом жизнь. О своей догадке Борз сразу не сказал Аслану, а продолжал делать ставки в прежнем ритме, уже обмозговывая действия Бессараба в ближайшие полчаса, как только они покинут казино. В эти минуты Алихан делал все механически, пригоршнями сыпал фишки наугад, но странно, лопаточка крупье из сандалового дерева за какие-то четверть часа вернула им все недавно утерянное.

Пересыпая часть фишек в коробку Аслана, Борз сказал брату на родном языке:

— На входе нас будут поджидать знакомые из ресторана.

Брат, не поднимая головы, ответил беспристрастно:

— Значит, Всевышний не хочет, чтобы мы перекладывали свои заботы на плечи других... — И после небольшой паузы, делая крупную ставку на «чет» и «красное», добавил: — Уйдем не позже чем через полчаса, они не рассчитывают, что мы скоро покинем фартовый стол.

В эти мгновения никто из них не предполагал, что игра закончится чуть раньше, и не только для них. Какие-то невидимые и неосознанные импульсы подсказали игрокам за столом, что кавказцы, задававшие весь вечер тон в казино, собираются уходить, и оттого ставки снова круто взмыли вверх. К тому же появились еще несколько запоздавших любителей рулетки, которые без размышлений включились в сумасшедшую гонку. Теперь перед каждым запуском рулетки зеленое поле стола было сплошь заставлено разноцветными фишками — такое обычно случается раз-два за вечер, а тут стало нормой.

В один из таких моментов, когда все уже сделали ставки и прозвучало последнее предупреждение крупье, Алихан вдруг взял три полных коробки и поставил их на «зеро» — ему не терпелось поскорее схлестнуться с поджидавшими их на улице бандитами. Зал затих, не понимая, почему кавказцы так легко отказываются от крупного выигрыша, ведь поставить на «зеро» — все равно что потерять: желанный ноль иногда не выпадает неделями. Крупье, перед тем как запустить шарик, вопросительно глянул в сторону хозяев — уж слишком высока была для молодого заведения ставка при стодолларовой цене за фишку, но те кивком дали добро. А через секунду рев радости и отчаяния буквально взорвал продымленный зал — выпало «зеро».

Кто-то из владельцев заведения тотчас объявил о его закрытии и пригласил счастливицков для расчета в кабинет директора.

Пока один из управляющих обхаживал гостей, угощая их кофе, другие спешно подсчитывали убытки — к такому сокрушительному поражению они оказались не готовы ни финансово, ни морально. Минут через двадцать в кабинет, где шла пустопорожняя светская беседа об игорных домах в Париже и Лондоне, Лас-Вегасе и Монте-Карло, ввалились все совладельцы рулетки: они могли выплатить только половину выигрыша, об остальной сумме следовало договориться мирно, или придется закрывать казино. Когда братьям объявили, что владельцы не в состоянии выплатить весь выигрыш сразу, гости приняли это сообщение невозмутимо. Хозяева боялись иной реакции, предполагая, что за этими счастливицами стоят непримиримые конкуренты.

— Какой вам нужен срок? — спокойно спросил Алихан, он, как и хозяева, совсем не хотел, чтобы казино в Коктебеле закрылось.

— Две недели... — подумав, ответил один из совладельцев и поспешно добавил: — Мы готовы оставшуюся сумму доставить по вашему адресу.

— Спасибо,— отрицательно покачал головой Алихан.— Не стоит обременять себя особыми хлопотами, отнесите деньги хозяину ресторана «У Хромого черта», на набережной, а он знает, кому их передать,— и встал, чтобы откланяться.

— Не нужна ли вам машина или сопровождающие для безопасности? Такие деньги в Крыму могут вскружить шальные головы,— предложил один из явно теневых руководителей.

— И за это спасибо, но мы с удовольствием прогуляемся вдвоем...— И братья, пожав протянутые на прощанье руки, направились к выходу.

Когда они появились во дворе ночного клуба, то увидели опустевшую автостоянку. Роскошные кабриолеты разъехались, отплыл и катер на Феодосию, его сигнальные огни еще мелькали вдали на волнах. Разошлись и завсегдатаи из «Сержа», кругом, казалось, разлились покой и тишина. Неоновые вывески погасли, на территории горел один слабенький фонарь у розария, а за оградой стояла крошечная тьма, ни огонька — энергетический кризис.

Еще на высоком крыльце, откуда они, наверняка, хорошо просматривались на фоне ярко освещенного подъезда, Аслан достал свой «плеер», не спеша надел наушники и тотчас услышал голоса затаившихся невдалеке в кустах людей.

— Появились лохи, да еще с музыкой...

Другой голос добавил:

— Да хоть с гармонью, значит, ничего не подозревают... чайники.

А третий бас, наверняка Бессараба, попытожил:

— Что музыка, это хорошо, значит, без охраны, без машины, тогда бы облом. Но я везучий... Будем мочить ножами, как договорились. А теперь — вперед! Сзади они могут почуять «хвост»... Устроим им засаду у стройки, там и закопаем, как в прошлый раз... Сворачивать им некуда, дорога одна...— И разговор оборвался, слышались быстро удаляющиеся шаги.

— Ясна программа,— обернулся Аслан к брату, пряча «плеер» в карман, и объяснил, где их поджидают.

Как только они вышли со двора, оба, как по команде, склонившись, достали из-под широченных модных брючин прилаженное у шиколотки оружие: у Алихана оказался в руках пятнадцатизарядный итальянский пистолет «бернанделли», у Аслана — семнадцатизарядный голландский «глок», оба с глушителями. На се-

годня это были самые почитаемые после калашникова игрушки отечественных киллеров и их будущих жертв: банкиров, предпринимателей, коммерсантов.

Когда в сумерках они бежали к причалу на последний рейс прогулочного теплохода, оба отметили, что на пирс и в казино ведет одна дорога вдоль моря, густо обсаженная разросшимися кипарисами и серебристыми тополями. Приметили они и глубокий осыпающийся котлован заброшенного долгостроя — нового корпуса «Голубая волна». Образ жизни и время приучили их замечать все вокруг. Планируя свой поход в казино, они отдавали себе отчет, что будут возвращаться глубокой ночью, поэтому подобный расклад с засадой тоже держали в голове. А тут Бессараб, как на блюдечке, выложил точное место встречи — можно сказать, преподнес подарок, что бывает не часто. В руках у них бесшумное скорострельное оружие, и право первого выстрела тоже за ними, ведь Бессараб открыто объявил: будем мочить, и могилу им определил...

— Не торопись, убавь шаг,— придержал Аслан брата,— нужно, чтобы глаза привыкли к темноте. На этот раз все преимущества на нашей стороне. Не находишь, чересчур все удачно складывается? Не нравится мне это, как-то нечестно.

— У них зато по-благородному...— огрызнулся Алихан и вдруг зло добавил: — Стреляем только подельников Бессараба, ему я хочу сказать пару слов, он не заслуживает легкой смерти...

Минут через пять глаза привыкли к мраку, и, несмотря на темень, дорога вблизи просматривалась. До котлована оставалось метров двести, когда Аслан тихо попросил брата:

— А теперь давай рассказывай мне громко по-русски анекдот, желательно новенький. Надо снять с них напряжение — ведь идут люди с хорошим настроением, с крупным выигрышем... глупые овечки на закланье... Чайники, как он сказал...

Через несколько минут, когда они, деланно покатываясь со смеху, приближались к котловану, Алихан, особо чувствительный к запахам, уловил сигаретный дым и тут же у единственного дуба, под которым вечером работал фотограф с обезьянкой, заметил мелькнувший огонек сигареты.

— Как только пройдем этот старый дуб, они набросятся сзади, чтобы кончить одним ударом под лопатку, приготовься...

Не переставая балагурить и смеяться, они приближались к роковому месту, все ближе и ближе к дубу, правда, смещаясь от него

чуть правее, к морю, к краю дороги, чтобы лишить нападающих возможности легко запрыгнуть им на спину.

Едва братья миновали облюбованное фотографом место, как сзади раздался легкий шум, на который они мгновенно развернулись,— двое здоровенных парней с ножами в руках пытались в рывке достать их, а третий, чуть поодаль — видимо, Бессараб,— бежал на страховку. Почти одновременно прозвучало два хлопка, слившихся в один,— так гасятся пистолетные выстрелы новейшими глушителями,— и Бессараб не понял, отчего оба его подельника разом рухнули, словно поскользнулись, и распластались на асфальте, а сам он оказался сбит с ног ловким приемом. Когда длинное холодное дуло пистолета, ломая зубы, впихнули ему в рот, до Бессараба дошло, отчего «поскользнулись» его подручные, и на каких «чайников» они наехали.

Ожидая такого же тихого выстрела, Бессараб почему-то вспомнил отрезанную голову другого своего подельника, беспредельщика Кувалды, обнаруженную однажды поутру у себя в огороде. Однако выстрела не последовало, зато человек с пистолетом в руке сказал тихо, но внятно:

— Бессараб, ты умрешь не потому, что хотел отнять наши жизни и закопать нас, как собак, безымянными, в грязном котловане,— за это заплатили своей жизнью твои дружки. Ты умрешь, потому что ты, крыса, обираешь старого и малого, ты живешь западло. Мы приговорили тебя еще вечером, когда ты задумал пустить под откос поезд. Убить и искалечить сотни людей... Ради наживы...

Наверное, в этот момент Бессараб начал сесть на глаза, потому что наутро, когда его обнаружат, в буйной цыганской шевелюре его не будет ни одного темного волоса. Быть может, он и впрямь подумал, что настигла его карающая десница Господа. Иначе откуда узнали эти молодые чеченцы, что он решил убить их и закопать в котловане?.. Пустить под откос экспресс «Крым»? Откуда?.. Откуда?..

— Ты не заслуживаешь ни ножа, ни пули. Ты хотел доллары, ты их и получишь...— И, оторвав дуло пистолета от окровавленных губ, Алихан вдруг стал в истерике впихивать ему в рот пачку долларов...

Стоявший рядом с ним Аслан добавил из своих рук еще одну пачку... Минут через пять набитый долларами Бессараб затих...

В тот же самый день на излете августа, когда в ресторане «Редиссон-Ростов» Тоглар ужинал вместе с очаровательной девушкой из магазина «Астория», а братья Цуцаевы разорили казино в Коктебеле, Слава Неделин по кличке Картье отмечал день рождения в московской гостинице «Пекин». Точнее, гулял в одноименном ресторане, популярном среди столичных завсегдатаев еще с шестидесятых годов.

В давние времена китайский ресторан стал излюбленным местом московских фарцовщиков, и днем зал был переполнен: здесь обедали деловые люди, крутившие свой бизнес на Садово-Кудринской в торговом центре «Кабул». Кстати, в молодые годы слыл своим человеком в ресторане и Вячеслав Кириллович Иваньков, известный теперь всему миру под кличкой Япончик, ученик легендарного, как ни странно, умершего в собственной постели Монгола. В обеденный перерыв за персональным столом в глубине зала, у эстрады, Япончик собирал дань с фарцовщиков. Завсегдатаям модного ресторана было известно, что в свое время шеф-повар «Пекина» оказался резидентом китайской разведки. В «Пекине» во время московского тура игр всегда останавливалось тбилисское «Динамо», где в ту пору блистали Михаил Месхи и Слава Метревели... На третьем этаже, в буфете, часто можно было встретить за стаканом портвейна великого актера Олега Даля, забегавшего из расположенного напротив театра «Современник». Шумной некогда была гостиница «Пекин», и китайский ресторан при ней процветал.

Конечно, Неделин праздновал свое двадцативосьмилетие в «Пекине» не оттого, что питал слабость к историческим стенам, помнившим молодого Япончика, отнюдь; новые времена — новые рестораны. У крутых парней ныне свои престижные заведения. Правда, любят заглянуть сюда, по доброй памяти, люди старой гвар-

дии, обожающие китайскую кухню и помнящие, что знаменитый суп из акульих плавников стоил в ту пору ровно три рубля!

Слава Неделин — завсегдатай ночных клубов «Метелица», «Арлекино», «Сохо», «Карусель» и других, более богемных, где собираются люди искусства, как, например, «Пилот», — как раз не мог отпраздновать день рождения ни в одном из них, не вызвав обиды хозяев других заведений, потому и выбрал старомодный «Пекин». Но, честно говоря, «Пекин» был больше по душе Неделину — армию он отмантулил во Владивостоке, в самоволках приохотился к китайским ресторанчикам, выросшим там как грибы. К тому же, он не любил «парижскую» тесноту новых ресторанов и ночных клубов, то ли дело социалистический размах отгроханного в пятидесятых «Пекина» — высочайшие, в два этажа, потолки, простор зала сродни даже не футбольному, а полю для гольфа, солидная, тяжелая, из редчайших пород дерева мебель, обтянутая толстой хорошо отполированной бычьей кожей, массивные столы, которые если и захочешь, не опрокинешь. Тончайший фарфор столовых и чайных сервизов, расписанный сценами из жизни богдыханов. К тому же, китайская сторона, недавно ставшая совладелицей ресторана, сделала своими силами роскошный ремонт. Лучшие художники, дизайнеры, архитекторы Поднебесной вернули залу прежнюю красоту и величие. Нет, не случайно, отнюдь не случайно Картье выбрал именно «Пекин»...

Для долгого застолья, торжественных мероприятий китайские рестораны подходят более всего: блюда за вечер меняют раз двадцать, все они легкие, красочно приготовленные и поданные, много экзотики.

Меню он составлял со знающими людьми и радикальных блюд — типа черных яиц тридцатидневной выдержки — не выбирал, однако китайскую водку-ханжу зеленого, красного, синего цветов, настоящую на змеях, заказал. Среди приглашенных были люди с неординарным вкусом, их ни «Абсолютом», ни «Камю» не удивишь — пройденный этап.

Застолье в честь дня рождения давало Неделину возможность лишний раз напомнить о себе как о человеке оригинальном, широкой натуры, прожигателе жизни — с одной стороны, с другой — как об удачливом предпринимателе, занятом непонятно чем. О роде своей деятельности он говорил небрежно, как о чем-то недостойном его тонкой натуры: импорт-экспорт, — и это отбивало у любопытствующих желание узнать подробнее, чем занимается фар-

товый Картье. Хотя фирму он имел на самом деле и слыл своим человеком среди некоторой части банкиров и крупных предпринимателей, но и эти знакомства завязались на почве досуга: в казино, на всяких модных тусовках, вернисажах, показах высокой моды. Однако о таких существенных деталях он умалчивал, только вдруг, при удобном случае, когда разговор заходил о какой-нибудь важной персоне, мог небрежно вынуть визитку с именем упоминавшегося с придыханием господина и бросить как бы невзначай, что, возможно, встретится с ним завтра в клубе. Он умел поддерживать свой рейтинг, не давал погаснуть костру разговоров о себе, ловко и вовремя подбрасывая в него «дровишки».

Конечно, его имиджу поспособствует и новый белый шестисотый «мерседес», припаркованный на платной стоянке перед «Пекином»... Автомобиль появился у него всего неделю назад, и, конечно, не все, кому надо бы, его видели, и хотя последняя Славкина машина, японская «мазда», производила впечатление, но «мерс» есть «мерс». К тому же вместе с «мерседесом» он заполучил такое покровительство, которое не идет в сравнение даже с личным парком иномарок. Можно сказать, что «мерс» достался Картье бесплатно, но ведь пришлось из-за него рисковать жизнью, ставить судьбу на кон — в прямом смысле слова.

Есть люди, которые постоянно ходят по лезвию ножа, таким был и Неделин, и, наверное, ему больше подошла бы кличка Канатоходец. По природе своей он не был игроком и славы «каталы» чурался, хотя знал многих профессионалов, живущих игрой. Однако, видимо, имел достаточно высокую репутацию азартного игрока, если к нему — недели за две до дня рождения — обратились с предложением очень солидные люди. Конечно, он и сегодня не был уверен, что встретился именно с первыми людьми, затеявшими грандиозную аферу, где ему предназначалась главная роль. Разумеется, ему обещали страховку, не избавившую от сомнений, что в случае какого-либо промаха ему просто оторвут голову. Можно было отказать, но игра стоила свеч, другой такой шанс войти в доверие к самым крутым людям в столице ему вряд ли когда бы выпал.

В тот вечер его отвезли куда-то в Подмосковье, в большой загородный дом, поразивший Славку не роскошью — к этому он привык, навидался, — а какой-то изысканной утонченностью, начиная от архитектуры здания до цветовой гаммы всего интерьера. Принимали его в каминном зале два солидных джентльмена лет сорока,

не меньше, которых Картье никогда не встречал — он слыл среди знакомых прекрасным физиономистом и мог поклясться в этом.

Больше говорил поджарый господин, носивший толстые плюсовые очки в золотой оправе от «Тиффани». У ног его покоилась большая холеная пятнистая собака неизвестной Картье породы, которую хозяин время от времени, наклоняясь, поглаживал по голове.

Никакого чая, кофе, церемонных разговоров о житье-бытье, сразу о деле, да таком серьезном, что можно было подумать, не шутят ли господа, не разыгрывают ли, но Картье давно уже научился держать паузу и язык за зубами.

— Мы решили пригласить вас,— начал разговор хозяин собаки, как только его провели в каминный зал и усадили в высокое кресло на ощутимой дистанции,— вероятно, чтобы почувствовал: для сближения с такими людьми следует проделать путь долгий и непростой,— чтобы поручить одно деликатное, не лишенное риска дело. Опережая вопрос, почему выбор пал именно на вас, объясню. Для успеха операции нужен человек с незапятнанной репутацией, широко известный в определенных кругах,— мы долго искали такого человека и, в конце концов, остановили свой выбор на вас, Картье. Примите мои поздравления, у вас прекрасная репутация, высокий имидж. У вас нет откровенных врагов, правда, есть завистники, но успех всегда вызывает зависть. Вас знают во всех игорных заведениях Москвы, по нашим данным, вы играли и в казино Коктебеля, в прошлом году взяли немалый куш в Санкт-Петербурге. Вы слывете человеком при деньгах, так что крупная игра, затеянная вами, ни у кого не вызовет подозрения.

Так как Неделин продолжал хранить молчание, да вопросов от него никто, видимо, и не ожидал, хозяин продолжил:

— Мы решили, с вашей помощью, разумеется, разорить известное и, возможно, любимое вами казино «Трефовый туз».— Заметив удивление на вытянувшемся лице гостя, хозяин дома, поглаживая привставшую собаку, спокойно продолжил: — Да, именно это казино мы решили завалить. Знаем, кто его держит, под чьей крышей сидит хозяин, кто поддерживает его и крышу. Мы решили в том же районе построить по специальному французскому проекту свое игорное заведение. Игра — слишком прибыльный бизнес, и, как говорится, Боливар двоих не вынесет. Есть и другие причины для того, чтобы расквитаться с хозяином «Трефового туза», но этого вам лучше не знать, спокойнее спать будете. Если вы со-

гласитесь нам помочь, то мой друг Игорь Павлович,— поджарый показал рукой на сидевшего рядом молчаливого человека с цепким взглядом близко посаженных у переносицы глаз,— расскажет вам в деталях, что от вас требуется. Но прежде мы должны получить ваше принципиальное согласие...

Неделин мгновенно просчитал, что, назвав «Трефовый туз», они намеренно закрыли ему дорогу к отступлению, и самое лучшее в таком случае было бы посчитать предложение за честь, поэтому он сказал:

— Люди, которые организовали встречу с вами, вызывают у меня огромное уважение, им я не могу отказать.— Но он не отказал и себе в удовольствии чуть-чуть поторговаться.— Наверное, в случае удачи я смогу рассчитывать на их и ваше покровительство, ведь я просто средней руки бизнесмен.

— Спасибо, Картье,— принял его игру хозяин.— Мы рассчитывали на взаимопонимание. Вероятно, мы и впредь будем изредка обращаться к вам с просьбами или поручениями, возможно, не только в России, вы ведь владеете английским.

— Да, я закончил английскую спецшколу и два года подряд поступал в МГИМО,— усмехнулся Неделин.

— И это нам известно, вот вы и будете нашим дипломатом.— И поджарый жестом дал слово человеку непонятной национальности: он мог быть и кавказцем, и ассирийцем, молдаванином и даже таджиком.— Что ж, объясните гостю суть дела...

— Вы, может быть, и не знаете,— начал долго молчавший Игорь Павлович,— в силу своей молодости и беспечности, что игорные заведения охраняются почище режимных объектов. Весь зал, от порога до туалетной комнаты, просматривается телевизионными камерами, в зале всегда находятся несколько человек из службы безопасности. Существует фотокартотека лиц, которым допуск в казино запрещен,— иллюзионистам, гипнотизерам, особо одаренным математикам, ясновидящим, аферистам, карманникам,— это вам сведения скорее на будущее. Вы желанный гость во всех игорных домах Москвы, оттого наш выбор и пал на вас.

— К делу, ближе к делу,— подсказал хозяин, поглаживая крупную собачью голову...

— Операция продумана до десятых долей секунды. Впрочем, вам предстоит не одна репетиция, чтобы все получилось синхронно, так сказать, автоматически,— подчеркнул «инструктор»,—

в этом залог успеха. В день операции вы приезжаете в «Трефовый туз» в свое обычное время, за час до полуночи, обходите все бары, рестораны на обоих этажах, встречаетесь с друзьями, приятелями — все как всегда. Затем переходите к рулетке. Там к этому времени игра будет в разгаре, и к столу, естественно, не пробиться. Но рядом с крупье, слева, будет сидеть наш человек — в день операции мы сообщим, как он будет одет, — вы должны пристроиться рядом с ним или за спиной и делать свои ставки. Забегая вперед, скажу, как ни парадоксально это прозвучит, вы должны в этот день крупно проиграть. За полчаса или минут за сорок вам наверняка удастся выбрать позицию, чтобы занять специальное, освобожденное для вас место. Усевшись рядом с крупье за столом, вы продолжаете играть и ждете начала операции. А кульминация заключается в следующем: в определенное время, когда все участники дела будут на исходных позициях и созреет момент, в зале погаснет свет — ровно на минуту, не больше. Вот в эти шестьдесят секунд вы и должны поработать. В барабане рулетки снимается хромированная головка, та, что вращается в середине. Учтите — крупье тоже наш человек. В эти же доли секунды вам в руки из-за спины подается другая точно такая же на вид головка, и вы, даже не вставая, ставите ее на место украденной. Конечно, в этот момент могут быть крики, шум, кто-то рассыплет фишки, но это все вам на руку... Включается свет, и игра продолжается. Вы будете знать, положим, тридцать — сорок будущих ходов и, пользуясь этой информацией, проиграете тысяч двадцать — тридцать долларов. Деньги мы вам выдадим, выигрывать будут долго, до закрытия, но другие. Желательно, чтобы в «Трефовый туз» после двух часов ночи заехала за вами какая-нибудь подружка и вы бы поехали гулять до утра в другое место, обязательно захватив с собой кого-либо из казино. Таким образом, мы готовим ваше алиби: потом всех, кто был там в этот вечер, будут трясти — вы ведь знаете, кому принадлежит этот игорный дом. Вот и вся операция. Есть какие вопросы, предложения?

— Я бы не хотел репетировать с непосредственными участниками операции, — ответил Неделин, — а остальное меня вполне устраивает.

— Логично рассуждаете, — рассмеялся человек в очках. — Но и мы не лыком шиты, все ваши подельщики будут иногородними и уедут тотчас после событий, нам светить вас не резон...

На день рождения Картье созвал нужных людей, способных ответить приглашением на приглашение. Но среди гостей оказалось несколько штатных фигур, привлекаемых на такого рода мероприятия. Прежде всего, три-четыре хроникера светской жизни, делавших погоду в весомых столичных газетах: «Коммерсант Дейли», «Сегодня», «Век» и в модных, богато иллюстрированных журналах типа «Домовой», «Андрей», «Новые русские». Обязательным считалось и присутствие одного-двух поэтов из непонятного никому, кроме авторов, андеграунда. Мест пять-шесть Неделин зарезервировал для неприглашенных представителей богемы, среди них мог оказаться и примелькавшийся всем долговязый актер, не пропускающий ни одной тусовки, кто-нибудь из модных художников новой волны, выставляющихся в шикарной галерее «Реджина» на Мясницкой или в «Бонфи», на улице 1905 года. Могли появиться незваными и экс-политики, пытающиеся в элитных тусовках вновь обрести потерянное имя. Остальные составляли круг людей более солидных — несколько крупных предпринимателей с разновозрастными женщинами, банкиры средней руки, тоже в сопровождении длинноногих референтш в мини-юбках. Весомым считалось и присутствие в основном составе двух-трех адвокатов с именем — эти в светскую болтовню всегда вносили свежую струю: кого посадили, кого убили, кого освободили, а кого посадят или убьют в скором времени.

Приехали на празднование и четыре крепких парня с бритыми затылками, представленные гостям как владельцы крупных и широко разрекламированных фирм, но в узком кругу больше известные как «авторитеты» и «воры в законе» и привыкшие откликаться на тюремные клички. Они прибыли в сопровождении не только размалеванных девиц, которых отрекомендовали как будущих звезд московской эстрады, но и целого взвода телохранителей — для тех чуть поодаль накрыли отдельный стол.

Среди гостей Картье в тот вечер присутствовали и несколько владельцев салонов модной одежды, в которых Неделин одевался. Должен был заглянуть и знаменитый кутюрье Раф Сардаров, но по каким-то причинам мэтр в «Пекин» не явился. Отсутствие признанного отечественного модельера не очень расстроило Славу, огорчился же он из-за того, что на день рождения не приехал единственный товарищ его прежней жизни, с которым он служил на фло-

те, в десантных войсках, а позже с ним же прошел курс войск специального назначения,— Гера Кольцов с красавицей женой Леночкой Мороз, в которую они оба были влюблены во Владивостоке.

Весь вечер Неделин время от времени поглядывал на входную дверь роскошного зала: не появится ли его флотский дружок с бывшей продавщицей галантерейного отдела владивостокского универмага — красивая и счастливая пара, но они так и не пришли. Глядя на радиотелефоны в руках у многих посетителей ресторана, он время от времени порывался позвонить, но всякий раз вспоминал, что у лейтенанта милиции Германа Кольцова, снимающего комнату в районе новостроек Солнцево, нет не только телефона, но к нему даже метро пока не ходит.

Странно, но в самый последний момент ему очень захотелось, чтобы рядом за богато накрытым праздничным столом оказались люди, знавшие его прежде, когда он переживал свои неудачи при поступлении в МГИМО, искал свой путь в жизни. Хотелось сегодня похвалиться и новеньким молочно-белым «мерседесом», но не появились ни Гера, ни Леночка.

Правда, грустить имениннику особенно не давали: хроникеров явилось больше, чем он приглашал, неприглашенных служителей богемы тоже оказалось сверх запланированного лимита. Зато неожиданно приехал один крупный банкир — с ним Слава изредка играл в бильярд в закрытом престижном гольф-клубе. На его визит Неделин, даже вручив приглашение, честно говоря, не рассчитывал — слишком уж высок был гость, появляющийся на экране телевизоров рядом с министрами, депутатами, редакторами влиятельных газет.

Но больше всего его обрадовало появление поджарого господина, владельца пятнистой собаки, по чьему приказу он завалил казино «Трефовый туз». Неделину и в голову не могло прийти, что можно пригласить таких важных господ на свой день рождения. Тот возник у стола в разгар банкета с букетом роскошных темно-красных роз. Усаживаться за стол, как ни уговаривал именинник, он не стал, объяснив, что заехал по пути в аэропорт «Шереметьево-2», и что через три с половиной часа его ждут на аэровокзале Хитроу в Лондоне. Но тост за здоровье именинника, Вячеслава Михайловича, он произнес и бокал французского шампанского выпил. Затем, вручив виновнику торжества подарок — замшевую коробку вишневого цвета,— глянул на часы и быстро удалился.

Загадочный господин в элегантной серой твидовой тройке и в очках с золотой оправой на миг завладел вниманием шумных гостей

и исчез. На недоуменные вопросы гостей Славка, то есть Вячеслав Михайлович, так и не узнавший, как зовут таинственного мэтра, ответил, как всегда, туманно, по-восточному:

— О, это очень большой человек!

Наблюдательный Неделин успел заметить, что неожиданный гость с роскошным букетом едва заметным кивком раскланялся лишь с банкиром, которого именинник и не чаял увидеть своим гостем. После туманного объяснения подвыпившие гости стали настаивать, чтобы Картье показал подарок господина, спешащего в Лондон, и тут Слава таиться не стал. Под одобрительные крики собравшихся он открыл коробку... В фирменном футляре, обитом белым шелком, покоилась самая известная модель часов «Картье» — «Картье-Танк — Санкт-Петербург», выполненная из белого, восемнадцатикаратного золота, с сапфировым стеклом. В браслет из того же белого металла были вплетены полосы из желтого и розового золота. Приглашенные, знавшие кличку Неделина, бурно выразили восторг, одобряя тем самым вкус запоздалого визитера.

Гости быстро оценили преимущества застолья в старомодном на первый взгляд «Пекине». Большинство из них оказались тут впервые и были приятно удивлены: новые китайские ресторанчики, даже самые уютные и известные из них, такие как «Золотой дракон», «Шанхай», «Гонконг», не шли ни в какое сравнение с величественным «Пекином». Это все равно что парижский «Максим» сравнивать с московским «Минском», впрочем, как и с любыми другими ресторанами, включая все новомодные, открытые в последние два-три года. Привыкшие к тесноте полуподвальных элитных клубов присутствующие едва ли не впервые почувствовали себя как на дипломатических приемах — комфортно и просторно. Локоть соседа не мешал ни слева, ни справа, а роскошная сервировка придавала бесшабашному застолью респектабельный вид и значимость. Оттого, наверное, после неожиданного ухода таинственного джентльмена тосты произносились продуманнее, со смыслом, и сами гости как-то приосанились. По крайней мере, уже не так стремительно срывались с мест даже на самые забойные ритмы старавшегося всю оркестра — уж на лабухов Неделин денег не пожалел и даже велел, как и для телохранителей, накрыть для них отдельный стол.

Избалованным гостям пришло по душе и кухня, а точнее, выбор меню, сделанный щедрым именинником. Кто-то даже попросил повторить мелко нашинкованную вырезку из телятины, зажаренную

с молодыми побегами бамбука и папоротника. Впрочем, кое-кто уверял, что это вовсе не мясо, а рыба. Подобные заблуждения случаются со многими из тех, кто плохо знаком с китайской кухней: соусы, подливы, предварительная обработка меняют до неузнаваемости не только вкус знакомых с детства продуктов, но и их внешний вид. Налегали гости и на жареные пельмени, где начинкой служил озерный карп и невиданные у нас овощи и приправы; понравилась вырезка, зажаренная кусочками в тесте, во фритюрнице, на соевом или рисовом масле. Мужчины закусывали китайскую водку-ханжу обжигающим острым салатом из капусты с яблоками и красным перцем. Пришлось официантам добавочно подносить и жареные грибы сян-гу, которым вряд ли можно подыскать аналогию в русской кухне, хотя Россия, как никакая другая страна в мире, богата лесными дарами. Большинство, как понял хлебосольный именинник, ханжу видели впервые, но никого, включая прекрасный пол, не испугал вид бутылок, в которых плавали остатки змеиных островов — наоборот, к стоявшим рядами изысканным французским коньякам и выдержанному шотландскому виски никто не притронулся. Исключение составили лишь знаменитый китайский коньяк «Золотой ярлык» и китайские вина в роскошных бутылках, которые Неделин заказал на всякий случай, для экзотики, для поддержания китайского стиля. Но к винам скоро охладели — они все имели резкий цветочный запах и не были рассчитаны на русский объем потребления. Пожалуй, самый большой и единомудушный восторг вызвал китайский зеленый чай «лин-юн», поданный уже к десерту, когда стол ломился от диковинных заморских фруктов, и не только китайских, но, в особенности, от сладких блюд из Поднебесной, в названиях которых, кажется, путались и вышколенные метрдотели, особо опекавшие их стол. Хозяйка ресторана знали, что банкет закончится грандиозным чаепитием, не свойственным для русского застолья, ведь китайская кухня изначально ориентирована на чай, иначе жажду никаким пепси, никакой минералкой не утолишь.

В тот августовский день в «Пекине» отмечался не только день рождения Неделина, похожие компании можно было увидеть еще в нескольких местах громадного ресторана. Не пустовал и второй зал, по старинке называемый банкетным, — там тоже веселье плескалось через край. Большая компания, похоже, отмечала защиту докторской диссертации: дальновидные «новые русские», обзаведясь капиталами, спешили запастись и званиями. Поэтому когда особенно зажи-

гательная танцевальная музыка отрывала подвыпивших гостей «Пекина» от тарелок, площадка возле музыкантов уже не вмещала всех желающих, и оттого неожиданно вошедшему в зал показалось бы, что весь ресторан сорвался с мест и пустился в пляс.

Китайская водка-ханжа гораздо слабее русской, но когда ее мешают с коньяком и виски, крепко ударяет в голову, гости же Неделина гуляли от души и дружно откликались на каждый тост. Сам именинник от ханжи держался подальше, пил только шотландское виски, старое, проверенное «Джонни Уокер» с черной этикеткой, двенадцатилетней выдержки. К тому же, он по совету бывалых гуляк уже с год как стал использовать эффективное антиалкогольное противоядие: за два-три часа до большого банкета, где невозможно будет не пить, и притом много, готовил себе смесь из настойки элеутерококка и пятидесяти граммов хорошей водки и все это запивал тремя желтками свежих яиц. Оттого он не пьянел и на этот раз — как хозяин он должен был следить за столом, уважить каждого из гостей. Впрочем, были у него и особые причины, чтобы не терять бдительность.

Даже танцуя вместе со своими гостями, Неделин внимательно оглядывал сидевших за близлежащими столами. Иногда намеренно танцевал в проходе, в середине зала — так, по существу, можно было контролировать весь ресторан, тем более что Слава отличался феноменальной памятью на лица. Нет, он не чувствовал особой тревоги, но понимал, что хозяева «Трефowego туза» вряд ли смирились с поражением и, конечно, ищут объяснения, почему в одну ночь получили такой сокрушительный нокаут, а потому взяли под микроскоп всех, кто в тот злополучный вечер побывал в казино. Неделин хорошо знал явных и тайных хозяев «Трефowego туза», догадывался, кого они могут привлечь к расследованию, и потому старался запомнить тех, кто оказался на его праздновании в «Пекине». А вот то, как Неделин держал в поле зрения гулявших в тот вечер в китайском ресторане, вряд ли засек бы и специально наблюдавший за ним человек. Все получалось само собой — сказывался опыт, но, главное, он действительно веселился от души: так роскошно день рождения Картье отмечал впервые в жизни. Последние годы Слава Неделин жил как на острие ножа, и рискованная жизнь канатоходца приучала его все видеть, запоминать, анализировать. И все же он веселился искренне, а система защиты включалась время от времени как бы сама собой, не отвлекая его от основного занятия — быть радушным и щедрым хозяином.

Странно, но веселье не мешало ему вспоминать временами далекие дни армейской службы во Владивостоке и, конечно, Геру Кольцова, закадычного друга. Да и как же иначе — два с лишним года их койки были рядышком, и о чем только не переговорено в долгие зимние ночи на берегу Тихого океана, а все больше о том, как они заживут в Москве после дембеля. Какие планы строили! «Гера... Герка...» — произносил он чуть ли не вслух, и перед глазами проносились первые месяцы службы в десантных войсках Тихоокеанского флота. «Солдаты в тельняшках» — так метко окрестила некогда род их войск красавица Леночка Мороз, продавщица галантерейного отдела владивостокского универсама.

Можно сказать, что им с Герой в армии поначалу не повезло: большинство призывников в их части оказались в том году из Западной Украины. Ох, и не любили они москалей! Особенно травили Неделина, откуда-то прознав, что он до призыва поступал в МГИМО, да и в армии старался не расставаться с учебниками английского языка. Однажды они разорвали эти книги на глазах Неделина на клочки.

Издевательствам не было предела, и повторялось это каждый день — надоедало одним, подключались другие. В те годы дедовщина расцвела в армии пышным цветом, но на гражданке становились известными только смертельные случаи, да и то лишь такие, что получали огласку из-за своей дикости, разнузданности. Слава с Герой ненавидели своих истязателей, называли их «бандеровцами», «петлюровцами», хотя в ту пору вряд ли понимали сущность лютого национального антагонизма — даже в элитных частях.

Но в один день смертельное противостояние закончилось, и произошло это благодаря Кольцову.

Как раз на Новый год, когда из части схлынуло начальство, а дежурный офицер, донжуанистый капитан, отправился поздравить свою пассию, жившую неподалеку, Герка после отбоя каким-то образом разоружил двоих сержантов из караула и, завладев трофейным автоматом, ворвался в комнату, где обитали самые крутые «деды». Три часа, наверное, показались «петлюровцам» вечностью: Гера под страхом смерти прогнал братву через череду изощренных унижений. Видимо, вид Кольцова не вызывал у них сомнения: этот пристрелит не задумываясь и сожалеть не будет. Под конец Гера затребовал у них собственноручно записанные домашние адреса и предупредил, что если

кто-нибудь попытается и впредь измываться над ним со Славкой, то после службы он, мол, достанет каждого и в родном доме.

Странно, но новогоднее ЧП не получило особой огласки, хотя кое-кто догадывался, что произошло нечто серьезное. Через два месяца, в канун Восьмого марта, Кольцова и Неделина, лишь двоих из части, неожиданно перевели из десантных в войска специального назначения — ныне хорошо всем известный спецназ. Там служили ребята из Поволжья: чуваша, мордва, башкиры и, конечно, русские, так что подобных конфликтов, как прежде, у них больше не происходило.

Последние полтора года службы сделали из Славки настоящего воина. Он прошел курс диверсионной и противодиверсионной подготовки и теперь вполне мог работать и на внешнюю, и на внутреннюю разведки. Они с Герой считались лучшими специалистами в своем выпуске по слежке и конспирации.

Так что сейчас Слава оценивал годы, отданные Тихоокеанскому флоту, все-таки со знаком «плюс». Да, служба выпала трудная, познал дедовщину с лихвой, но армия — прежде всего молодость, а разве можно из скоротечной, как весна, человеческой поры вычеркнуть два года жизни? Нет, конечно. Жили они на флоте полнокровной жизнью и даже выкраивали время на свидания, потому что Славу сразу выбрали секретарем комсомольской организации части, а Геру — его заместителем. «Бандеровцев» общественная работа не привлекала. Первым с Леночкой Мороз, краснощекой красавицей и хохотушкой, познакомился он, Слава, когда забежал в галантерейный отдел центрального универмага купить ниток покрепче, чтобы подшивать свежие подворотнички. Слава сразу приметил статную девушку, дружелюбно державшуюся с покупателями. Но пленили морского десантника большие серые глаза с неожиданной влажной поволокой, чаще встречающиеся у кареглазых, цыганистого вида смуглых брюнеток, затененные длинными густыми черными ресницами, которые вряд ли можно было заподозрить в том, что они фальшивые. Тяжелые рассыпанные по плечам русые волосы — этот часто встречающийся в России природный цвет Слава про себя всегда называл русским. Какой-то волнующий голос, таящий страсть — уже не девичий, но еще далеко не женский, — сразу очаровал Неделина. Он немного покрутился возле отдела, но все же решил подойти снова и на последний рубль приобрести еще и расческу в футляре.

Девушка все поняла и, улыбнувшись, спросила:

— Покупаете про запас?

Он ответил в тон:

— Боюсь, к весне, когда отрастут мои кудри, такие прекрасные расчески станут дефицитом. Однажды дома, в Москве, я уже упустил шанс обзавестись такой,— так хитро, на его взгляд, Слава начал знакомство.

Ему казалось, что в слове «Москва» заключается некая магия, особенно для провинциальных девушек на выданье. Но продавщица среагировала скорее на московскую обходительность, культуру. Все-таки Неделин вырос в профессорской семье, и его воспитанию родители отдали должное, как бы он ни хотел казаться рубахой-парнем в тельняшке.

Ушел Неделин в тот день из универмага окрыленный, и хотя срок увольнительной давно истек, наказание не страшило его. Разумеется, после отбоя Слава тут же поделился горячей новостью с Кольцовым. Расписал Леночку дальше некуда, куда там Мэрилин Монро, наделил девушку всеми существующими и несуществующими добродетелями.

Но Кольцов, отчего-то не разделивший восторга своего земляка, засыпая, сквозь сон лишь пробормотал невнятно:

— А подружка у нее есть?

От обиды Слава и отвечать не стал; всю ночь он не спал, строил планы, как бы поскорее вырваться в город, взлететь на третий этаж универмага и объявить: «А вот и я, здравствуй, прекрасная Елена!»

Следующая увольнительная выпала не скоро: выходили в штормящее море, прыгали с парашютом в прибрежной тайге, высаживались с моря на берег — повышали боевую и психологическую подготовку, как выражалось полковое начальство. Взвод, в котором служили Кольцов с Неделиным, отличился особо — и стрелял метко, и с прыжками без ЧП обошлось,— поэтому при возвращении на базу они первыми получили увольнительные в город.

В универмаг они заявили вдвоем, и Славик представил Геру Леночке как земляка и лучшего армейского друга. С тех пор они при любой возможности забегали в галантерейный отдел. Солдат на выдумку хитер. Увольнение увольнением, но в форме не всюду можно было заявиться. Хотелось и в кафе, и в ресторанчик заглянуть, а их развелось в ту пору несчетное количество: и китайских, и корейских, все больше крошечных, на два-три столика в полуподвальном помещении. Но друзья благодаря Леночке и тут нашли выход: обзавелись кое-какой гражданской одежкой. А уж Леночка, широкая душа, в дни аванса или получки обязательно организовыва-

ла поход на китайскую лапшу или пельмени, или корейскую кукси, хотя элитные части, в которых служили друзья, питались по особому рациону — им и белый хлеб был положен, и шоколад, и сливочное масло. Ныне подобное «курортное» меню может кое-кому показаться фантастикой, но что было, то было.

В увольнение ходили вдвоем, но в одиночку Неделин выбирался гораздо чаще — комсорг части все-таки. Бывало, удавалось пойти с Леночкой в кино, порою довольствовался лишь визитом в универмаг. После двух-трех встреч, когда они гуляли втроем, Гера как-то перестал интересоваться у Леночки насчет подруги, но Слава не обратил на это никакого внимания. Он-то знал, что у Геры в Москве есть невеста, ее фотографиями была обклеена вся стена над кроватью Кольцова, а в последние месяцы косяками шли письма от нее, да что письма — посылки, бандероли, даже денежные переводы на праздники.

— Невеста у меня богатая, завпроизводством ресторана «Иртыш» работает,— часто хвалился Кольцов.

Поэтому иначе как нокаутом нельзя было назвать сообщение Герки за три месяца до демобилизации, что они с Леночкой решили... пожениться.

Неделин все не решался признаться другу, что имеет серьезные виды на хорошенькую продавщицу,— из-за нерешительности и потерял девушку...

— Ах, Леночка...— вырвалось вслух у Неделина, и он вернулся в действительность из нахлынувших воспоминаний.

— Чего изволите? — тут же склонился стоявший у него за спиной вышколенный метрдотель.

— Налейте мне, пожалуйста, шампанского. Лучше «Дом Периньон», хочу тост в честь прекрасных дам сказать. За тех, кто сегодня рядом с нами, и за тех, кого мы потеряли,— ответил Слава и очень трезвым взглядом оглядел веселившийся зал.

Красный зал «Пекина» бурлил, веселье плескалось через край. Это был тот самый час в ресторане, что так любил завсегдатай значных мест Тоглар, и, пожалуй, он был прав: от улыбок, веселья вокруг, доброжелательных тостов действительно можно получить столь необходимый заряд бодрости.

После тоста, произнесенного Картье с подъемом и дружно поддержанного всеми гостями, оркестранты вдруг на весь зал объявили о своем музыкальном подарке имениннику Вячеславу Михайловичу, отмечающему с друзьями свое двадцативосьмилетие, и грянули

подзабытый шлягер прошедших лет «Чингисхан». Какие-то подвыпившие парни поднялись со своих мест и с бокалами в руках двинулись к столу Неделина, видимо, желая поздравить юбиляра, но Слава опередил их. Подхватив одну из «будущих звезд московской эстрады», он направился танцевать. Но профессиональная зоркость не подвела его и на этот раз: большой стол во втором ряду от прохода, на котором прежде красовалась табличка на русском и английском языках «Зарезервировано», теперь занимала шумная компания кавказцев. Чуть взглядевшись, он определил — армяне, большей частью — исконные, московские; чтобы это определить, нужно иметь, как говорится, особый глаз и особый нюх, именно то, из-за чего их с Кольцовым в спецназе и считали асами.

Нет, Картье ни за кем не наблюдал, никого не выискивал специально, он лишь мельком взглянул на стол, который еще полчаса назад пустовал. Но в какой-то момент, уже забыв об армянах, занимавших стол рядом, вдруг почувствовал, что именно там кто-то проявляет к нему интерес, и не праздный, как к имениннику, а совсем иной. Танец позволял развернуться в любую сторону, хоть юлой крутиться, и Картье, не сбавляя ритма, внезапно сделал неожиданно лихое танцевальное па; и мгновения хватило, чтобы в поле зрения попал весь стол, а главное, тот, кто проявлял к нему интерес. Вот его-то он застал врасплох, хотя наблюдавший парень был куда как не прост, не разглядывал его в упор. В том, что парень «пас» именно его или проявлял к нему повышенный интерес, Картье не сомневался. Потому-то, заканчивая отплясывать лихой танец, он и предложил девушке выйти покурить, ибо новые хозяева ресторана, китайцы, курение в зале запретили, оборудовав для этого на входе роскошную курительную комнату с диванами, кушетками, креслами. Сделал он это без особого умысла, хотя и промелькнула мысль: а вдруг любопытный потянется следом, он давал интересующемуся шанс поближе разглядеть себя. Однако тот не двинулся с места.

В курилке Неделин задержался недолго: «будущая звезда», пользуясь случаем, стала навязчиво излагать свои проблемы с жильем и творчеством, и он поспешил за стол, забыв на время о том, что его сегодня «пасут». Проход в зале не пустовал даже в перерыве, объявленном оркестром, и они возвращались на место, лавируя между подвыпившими гостями.

Когда поравнялись со столом, за которым сидела заинтересовавшая Картье компания, он, опять интуитивно, поднял голову и уви-

М

дел, как тот парень, в твидовом пиджаке, торопливо достал сигарету и чиркнул роскошной зажигалкой. На него тотчас зашикали за столом, мол, в зале не курят. Но Картье понял, что тот курить и не собирался, ему просто нужно было заснять интересовавший его объект, то есть Неделина. Но и Картье, воспользовавшись минутным замешательством за чужим столом, успел тоже дважды щелкнуть в кармане брюк кнопкой дистанционного управления мини-фотоаппарата, купленного в Лондоне в специальном магазине под названием «Шпион». Объектив — глазок камеры — прятался на лацкане вечернего костюма в роскошном значке английского гольф-клуба.

«Кто бы это мог быть?» — подумал Картье. Владельцам «Трефового туза» его фотография ни к чему, в телекамерах казино, наверное, собралось материала на целый фильм о нем.

«Разберемся», — решил он и легко, с сияющей улыбкой, подошел к своему столу, где уже его ждали.

ГЛАВА 4. ПАСЬЯНС АРГЕНТИНЦА

Высокий крепкий мужчина в белом элегантном смокинге, в очках, скрывающих пол-лица, спросил в упор:

— Тоглар?

Фешин, сбросив руку незнакомца с плеча, ответил двусмысленно:

— Вы ошиблись. Я не ростовчанин, живу наверху, в гостинице, — и, подхватив Наталью под руку, повел ее к столу.

Кажется, она, увлеченная музыкой, даже не слышала этого мимолетного разговора.

Но Тоглар, признавший в элегантном джентльмене, очень похожем на преуспевающих банкиров и предпринимателей, удачливого

московского каталу, а точнее, карточного шулера Аркадия Городецко-го, известного больше под кличкой Аргентинец — из-за пристрастия в молодые годы к танго и за южноамериканскую смуглость и кучерявость, отходя, успел подать ему сигнал, означавший для посвященных: я не волен сию минуту признать тебя.

Да, между уголовниками существует строго кодированная знаковая связь, в ее тайны посвящается не всякий обитатель тюрьмы, даже если он и трижды судим. Этот кодовый язык связан не с буквенным обозначением, а со смысловым, и пользуются им в критические минуты, когда все решается в мгновение. Например, есть знаки: «свой», «атаас!», «уходи немедленно», «засада!», «не узнавай!» «тебя пасут!», «деньги здесь!», «денег нет!» — все они означают тревогу, опасность и звучат в приказном порядке, они конкретны. Этот кодированный язык уголовников родился не сегодня и не вчера, он существовал всегда и видоизменялся, как и блатная феня.

Вряд ли блатные тридцатых — сороковых годов поняли бы своих коллег из девяностых. Криминальный жаргон широко пустил корни в быту, на эстраде, им кое-кто даже щеголяет, а вот языком жестов владеет узкий круг людей, из тех, кто живет по воровским традициям или, как Тоглар, чтит эти законы. Знание это покрыто тайной, ибо сохранение тайны и есть гарантия выживания для ее обладателя. Разглашение законов кода карается смертью, оттого он почти не знаком даже профессионалам. Но Аргентинец был мужик с понятием, имел не одну ходку в зону, правда, всякий раз непродолжительную, и, будучи профессиональным игроком, принадлежал в воровской иерархии к элите уголовного мира, — он понял жест Тоглара. Да разве такой тонкий знаток человеческих душ, психолог, мог обознаться? Ведь Фешин дважды выправлял ему документы, а уж сколько раз помогал друзьям по его просьбе — и не счесть!

Из ресторана Тоглар с Натальей ушли задолго до закрытия. В тот вечер гости «Редиссон-Ростова» загуляли основательно и расходились во втором часу ночи, как раз когда Фешин возвратился в гостиницу, проводив продавщицу из «Астории». Пересекая безлюдный холл и направляясь к широкой лестнице, чтобы подняться к себе на этаж, Константин Николаевич заметил в затемненном углу на диване одинокую фигуру. Едва он одолел пролет лестницы, как его настиг запыхавшийся молодой человек, без слов вручил записку и так же молча удалился. Аргентинец, видимо, не хотел засветить его даже своим ростовским знакомым. Войдя в номер,

Тоглар прочитал несколько строк, написанных изящным почерком, чувствовалось, что писал человек хорошо образованный. Недаром поговаривали, что Городецкий родился не в рубашке, как некоторые счастливики, а с колодой карт в руках...

Текст гласил: «Надеюсь завтра, в десять утра, позавтракать и опохмелиться вместе с тобой. Голову поправляю теперь исключительно пивом «Хольстен». Твой братан А. Г.».

Тоглар рассмеялся и на всякий случай порвал записку. Послание Аргентинца походило на тюремную маляву, оттуда и подпись — братан.

Первая реакция на Аргентинца у Тоглара была отрицательной, он недовольно подумал: вот и дня на воле не передохнешь от старых дружков, корешей, не дадут с приличной девушкой вечер провести. Но позже, успокоившись, решил иначе и даже случайную встречу с Городецким посчитал за удачу, как и знакомство с Натальей. Вышло, что на свободе он сразу получал верный компас в руки, ведь после трех лет кавказского плена важно не только оглядеться, но и получить надежную информацию, или, как говорят, расклад жизни, от компетентных людей, — а уж кто мог знать более обстоятельно о жизни в Москве, явной и тайной, как не Аргентинец. Нет, определенно фортуна благоволила к нему с первых шагов на свободе. Да и зачем откалываться от братвы, они единственные, кто обрадуется встрече с ним. Только там почитается его талант, там он нужен, там ему не надо доказывать, кто он, стоит назвать кликуху хоть во Владивостоке, хоть в Калининграде, хоть в самостийном Киеве или суверенном Тбилиси — я Тоглар, — и все станет на место. Сегодня, как понял Фешин, вся огромная страна от океана до океана, несмотря на все ее суверенитеты, принадлежит братве, ею контролируется и управляется. Разве только Узбекистан — исключение, там президент — настоящий хозяин, который власть ни с кем делить не собирается...

День выпал напряженный, насыщенный встречами и знакомствами, но Тоглару, несмотря на глубокую ночь, спать не хотелось. Выключив в номере свет, он еще долго стоял у распахнутого окна, вглядываясь в безлюдную площадь у гостиницы, в темные окна окружающих ее зданий. Только теперь, имея за плечами три дня новой жизни, он понял, что наконец-то избавился от неволи, и уже не боялся раскинутой повсюду на него сети, готов был защищаться — свобода того стоила!

Утром по многолетней привычке он проснулся рано, отметив, что еще не совсем освоился со свободой, спросонья с беспо-

койством оглядел роскошный номер, большую картину в палисандровой раме, висящую в спальне, напротив двуспальной кровати, и только вспомнив, что он в Ростове, в гостинице, успокоился. Глянув на «Юлисс Нардан», лежавшие на прикроватной тумбочке, с удовольствием понежился в постели еще с полчаса — спешить ему было некуда, приятно было перебирать в памяти детали вчерашнего ужина с Натальей. Принимая душ, Тоглар вспомнил про ночное послание Аргентинца и заспешил, хотелось встретить фартового каталу как следует, да и завтракать вдвоем куда приятнее, тем более с таким всезнающим человеком, как Городецкий.

Делая в ресторане заказ по телефону, он не забыл про «Хольстен», особо отметив, чтобы обязательно бутылочного розлива, ибо терпеть не мог баночного пива. Время приближалось к десяти, и Константин Николаевич не стал спускаться вниз за газетами, он знал, что Аргентинец придет вовремя. В их среде необязательность, неточность, расхлябанность презираются, такой человек вообще не может иметь авторитета, так что точность — вежливость не только королей.

Ровно в десять раздался стук в дверь. Тоглар решил, что это официант прикатил с завтраком, но на пороге стоял улыбающийся Городецкий в ярком спортивном костюме и... в шлепанцах на босу ногу. Заметив удивление на лице старого кореша, гость, усмехнувшись, обронил:

— Да я над тобой, в «гранд-люксе» живу.— И они дружески обнялись.

Как только вошли в зал, Городецкий, словно не веря своим глазам, отстраняясь, еще раз оглядел Фешина.

— А мы ведь тебя, Тоглар, уже три года как схоронили. При случае поминаем, говорим, вот ведь был мастер, чистодел! Часто вспоминаем, особенно когда бумаги важные выправить нужно. Наверное, ты даже не представляешь, какое бумажное настало время! Вот газеты пишут, что «новые русские» деньги из воздуха делают. Да нет, не из воздуха... Бумаги гоняют туда-сюда, а потом из какого-нибудь банка в тьмутаракани деньги мешками вывозят, хотя я не фальшивые авизо имею в виду, уж они-то классический образец, как можно грабить без ножа и пистолета...— Прервав себя на полуслове, он резко сменил тему: — Я рад видеть тебя живым и здоровым. Судя по всему,— он оглядел номер,— и с остальным у тебя все в порядке, если вспомнить вчерашний твой прикид и такую красоту рядом. Так где же тебя носило столько лет? Почему так надолго схоронился, ведь за тобой, кажется, больших грехов не водилось, я бы знал...

В это время раздался новый стук, и Фешин поспешил открыть дверь. Официант вкатил в номер заставленную снедью тележку и стал сноровисто сервировать столик рядом с диваном.

— Ну, вот и твой любимый «Хольстен» прибыл,— сказал радушно Тоглар, приглашая Городецкого за стол, когда официант ушел.

— Спасибо. Как хорошо, что ты догадался заказать бутылочное, хотя «Хольстен» хорош и в розлив.— Однако, увидев две бутылки французского шампанского «Де Кастеллани», которое Фешин заказал на всякий случай, если Наташа заглянет в гости, добавил:

— Пожалуй, пиво для такого повода слабовато. Ты прав, давай открывай шампанское — встреча того стоит!

Ожидая Аргентинца, Тоглар раздумывал, до какой степени можно быть с ним откровенным: скрывать свой плен в Чечне нельзя, да и ни к чему, возможно, еще придется искать помощи у братьев. Вешать лапшу на уши Городецкому тоже бесполезно — не лох, еще оскорбится. И всей правды не скажешь, не подошло время. Да и непонятно, с кем тот сейчас дружбу водит, впрочем, крупные каталы всегда на поводке у ментов и кагэбэшников. Нет, разговоры по душам, пока не огляделся, заводить не стоит.

Откупорив двухсотдолларовую бутылку шампанского, Тоглар сдержанно предложил тост — за встречу. Выпив, Аргентинец тут же открыл пиво,— видимо, вчера он изрядно перебрал и насчет похмелья не шутил. Допивая, Городецкий взглядом торопил Фешина рассказать о себе.

Тоглар начал несколько издали...

— Прежде всего, спасибо за вчерашнюю выдержку, что не осветил меня ни в зале, ни с посыльным. Судя по его молчанию, да и по самой маляве, ты не стал объяснять — кто я.

— За кого ты меня принимаешь?! — ответил обиженно и уже пьяным голосом Аргентинец.

— Я знаю, что заинтересованные люди три года назад сделали объяву, что я погиб в автомобильной катастрофе. Спасибо, что вспоминали добрым словом, впрочем, и об этом до меня доходили слухи. Ты прав, сам я не хоронился — грехов перед братвой у меня нет,— меня выкрали.

— Выкрали?! — От неожиданности Городецкий выронил пиво из рук, которое он допивал уже из горла, и, не обращая внимания на покотившуюся по полу бутылку, трезвея, спросил шепотом: — Менты? КГБ?

— Да нет, «чехи»...

— А зачем ты чехам-то понадобился? У них что, своих «деловых» мало? Поляки у них под боком. Да ты, кажется, по-ихнему и не ботаешь,— рассмеялся облегченно Аргентинец.

— Ты не понял. Выкрали меня чеченцы. Я их по старой памяти так кличу. Теперь-то мало кто помнит — «чехи»...

— Нет, я помню, врубился. Верно, их еще в Алма-Ате «чехами» величали. Не очень падкий на карты народ. Вот корейцы, казахи — это да... Так на хрена ты им, «чехам», сдался?

— На то же, что и тебе, ты ведь сам сказал — век нынче бумажный.

— Понял. Выходит, ты им бумаги на пятилетку вперед выправил, и они отпустили тебя с миром и, как видно, щедро рассчитались.

— Да, рассчитались щедро,— усмехнулся Фешин.— Но они меня не отпустили, я сбежал. И сейчас, возможно, меня ищут по всей стране.

— Да, представляю, какие бумаги ты им там нахимичил! Мало им, что Россию на шесть триллионов за год кинули, теперь, видимо, за Запад взялись, за конвертируемую валюту! Бог им в помощь, не люблю я капиталистов...

— Всякие бумаги пришлось варганить,— не стал вдаваться в подробности Тоглар.

— Да, крепко ты, брат, влип,— поняв ситуацию, протянул Аргентинец.— Давай-ка еще шампанского пропустим, понравилось. Никогда не пил такого, тут с пивом-то не разберешься.

Выпили снова по бокалу «Де Кастеллани».

— Поэтому я еще не совсем разобрался, стоит ли мне громко объявляться. Если пойдет слух, что Тоглар жив, то мне долго на свободе не гулять — либо грохнут, либо снова выкрадут, третьего не дано. Я действительно много знаю, и не из-за своего любопытства, но это сути дела не меняет, даже если бы и поклялся по-ихнему, на Коране, держать язык за зубами.

Городецкий долго сидел, раздумывая, потом вдруг радостно встрепенулся:

— У тебя была когда-нибудь другая кликуха?

— Была...— вяло ответил хозяин номера, не понимая, куда клонит всезнающий Аргентинец.— Да ты сам должен помнить, как я когда-то в «Пекине» за столом рисовал карандашом ваши портреты, и Шакро-старый тогда назвал меня Модильяни. Но кликуха не прижилась, хотя мне и нравилась — Модильяни...

— Вот и хорошо, что отыскалась старая кликуха. Я вернусь в Москву раньше тебя дня на три и устрою, где смогу, толковище насчет тебя. Мы ведь за годы твоего отсутствия тоже перестроились, по национальным квартирам разбрелись: славянские группировки, дагестанские, азербайджанские, грузинские, ну, и «чехи», конечно, они особняком стоят, не признают воровских традиций. Один Султан Даудов живет по нашим законам, через него братва на чеченцев выход имеет. Мы с тобой, выходит, в славянской организации состоим. А нынешние три года, братан, все равно что раньше пятнадцать — год за пять по старой тюремной шкале. Тебя помнят старики. Мы ведь с тобой, кажется, годоводки — к юбилею дело катит. Я свой задумал в «Метрополе» отметить. Скорпион я, так что в ноябре приглашаю...

— А мне в декабре полтинник стукнет. Не знаю, где отмечать буду, никогда не думал, что до юбилеев доживу,— перебил гостя Тоглар.

— Ну, тебе на вид не дашь полтинник, я, пожалуй, твоим очень старшим братом выгляжу,— рассмеялся Городецкий и продолжал: — Так вот, память о тебе за это время поугасла, дни-скакуны год за пять пробежали, как я уже говорил, но это все тебе в нынешней ситуации на руку. Раньше, в золотое время, Москва нам, славянам, принадлежала. Конечно, были тут и братаны с Кавказа и Средней Азии, но без своих единокровных бригад, как нынче. Теперь вся их братва — мелкая шпана, щипачи, кидалы, домушники — с окраин империи хлынула в Москву. Не преувеличиваю, сам увидишь все — дома у них ни воровать, ни грабить уже нечего: холод, голод, нищета. Да еще на окраинах быстро строгие законы ввели, там адвокатами-краснобаями суд не запутаешь. Украл в России, например, «Мерседес-600» за сто двадцать тысяч долларов, и тебя застукали на месте, не теряйся, канючь жалобно: я, дяденька, покататься на буржуйской машине захотел, проверить, так ли она хороша, как ее хвалят. А адвокаты тут как тут — все это словесами обставят, суд убедят... Ну, раз ты хотел только покататься, милок, иди с миром. А вот в Азии, например, сказочкам шустрых адвокатов не верят: сел в чужую машину «покататься» — получи пятнашку. Говорят, теперь в Ташкенте машины даже не закрывают. Ну, это, может, для красного словца, а все же результат налицо.

Та же ситуация там и с квартирными кражами: хоть сто лет в тюрьме сиди, пока хозяину весь ущерб не выплатишь, в том числе и моральный. А в тюрьмах нынче с работой плохо: заработки низкие,

можно всю жизнь в кандалах по своей воле проходить. Нет, грабить и воровать, убивать и мошенничать сейчас только в России выгодно — братва в Думе силу имеет, ни один закон против нас не пройдет. Да и как же они закон такой, как, к примеру, у узбеков, примут, если у депутатов помощники — сплошь воры в законе. Вот тебе крест, у самого главы администрации президента все пять помощников наши люди, какие-то репортеры даже фотографии удостоверений братвы добыли. Да кто ж с такой ксивой осмелится их задержать, даже если они с калашниковым будут разгуливать. Да что там помощники, если Пудель, — ты ведь его знаешь, из Приморья, — тот уже представляет Россию в международных организациях, в ООН по российскому мандату как на «малину» вхож, интервью «Аргументам и фактам» дает, а Отарик собирается даже партию свою организовать. Оттого у нас в Москве теперь — только не падай в обморок — и китайцы, и корейцы, и монголы, и вьетнамцы, и даже африканцы промышляют — полный интернационал, рвут Москву, да и всю матушку-Россию, на куски.

— Да, ты, я вижу, тоже в Думу лыжи навострил, чистый политик, радетель за судьбы Отечества! — рассмеялся от души Тоглар.

— Извини, заносит иногда, люблю поговорить, мое оружие — не только умелые руки, но и язык. У меня за столом в «гранд-люксе» разные люди собираются. Вчера, например, играл с бывшими партийными чиновниками — они тут, в Ростове, все предпринимателями и банкирами стали, все за Отечество, которое сами со своими вождями и профукали, плачут. Ну, и я им в масть, иначе по идеологическим соображениям катать со мной не станут, а с кем мне играть, не с тобой же. Вернемся лучше к Модильяни... Хороший художник был, гуляка, и карт не чурался, мир праху его. Жаль, ты не рисовал поэтесс, может, и прославился бы, Москва ведь кишит поэтессами, — съязвил Аргентинец.

— Тогда бы ты не смог в Ялте два года отсиживаться под фамилией Охлопкова Сергея Александровича, если бы я на чистое творчество перешел, — не замедлил с ответом Тоглар, и оба от души рассмеялись.

— Перефразируя известное изречение: король умер, да здравствует король, — продолжал Городецкий, — скажу: Тоглар умер, да здравствует Модильяни! Хотя понимаю, тебе трудно расстаться с легендарным Тогларом, да что поделаешь — жизнь дороже славы. Но ты не переживай, безработица тебе не грозит, дай Бог сил и здоровья хотя бы старых клиентов обслужить. Ведь многие наши

кореша, кого ни возьми, хоть Васю Головачева, кликуха Сапер, хоть Олега Лозовского из Днепропетровска, Дантес его кличут, да и другие — теперь владельцы компаний, фирм, ассоциаций, фондов, концернов, финансовых и трастовых групп и еще черт знает чего, вот они тебя на дню не раз вспоминают.

Дантес однажды показал мне бумагу в своем кабинете... Он в «Метрополе» целое крыло на пятом этаже снимает, я у него иногда ключи беру, когда горячий клиент под руку попадает, да и Дантес сам перекинуться картишками всегда рад, дела фирмы ему по барабану, там есть кому за все отвечать... Да-а, вот он и говорит: «Был бы жив Тоглар, сработал подпись на бумаге, адресованной мне, а я уж нагрел бы компаньона миллионов на пятьдесят, в баксах». — «А дальше как? — спрашиваю я. — Он ведь откажется от подписи». А Дантес смеется и говорит: «Ты что, забыл, как Тоглар работает? Сам хозяин подписи не отличит. Ну, подаст на разборку, а любой разводящий возьмет в руки штук двадцать его старых писем, которые мы поднимем из архива, выложит их на стол, при свидетелях с обеих сторон, только одни подписи, а тексты на фирменных бланках прикроет, и скажет истцу: найди, какая подпись фальшивая. Найдешь — признаем твой иск, нет — плати Дантесу за утеранный финансовый интерес, вытекающий из вашего предложения, еще и штраф за оскорбление на него наложат. Мы ведь не на каждого компаньона наезжаем, знаем, кто нам по зубам». Понял, Модильяни, как нынче деньги делаются? Без фомки и кастета.

— Да, круто, ничего не скажешь... Это какими же деньгами Дантес ворочает, если он за раз компаньона на пятьдесят «лимонов» в баксах хочет кинуть? — растерянно спросил Константин Николаевич, — три года назад он знал Лозовского совсем другим человеком.

— Да, кавказский плен для тебя, брат, на воле точно пятнашкой покажется. За эти годы в России, в Москве особенно, такое произошло, сразу не понять и не оценить. Вчерашняя фарца, мэнээсы, преподаватели марксизма-ленинизма стали депутатами, членами правительства, банкирами, нажили миллионные и миллиардные состояния, разумеется, в «зеленых». Кстати, не обмишулся в Москве — все цены подразумеваются в долларах. Дантес рассказывал, как его коллега, занимающийся нефтью, пригласил к себе в городскую квартиру, а затем в загородный дом своих американских партнеров, тех, кого называют нефтяными магнатами. Так вот, эти буржуи все удивлялись, как это за два-три года после двухкомнатной хрущобы в Чертаново

и стопятидесятирублевого оклада в райкоме комсомола хозяин сумел стать владельцем настоящих апартаментов, замков, забитых антиквариатом и картинами, которые редко попадают и на знаменитые лондонские аукционы «Кристи» и «Сотби». Вот этот шанс ты, Тоглар, проморгал в чеченском плену, теперь шальные состояния сколачивать сложнее, но еще можно. А чтобы ты поверил, что не заливаю, я покажу тебе свою квартиру на Кутузовском проспекте, я ее в карты выкатал. Так вот, для ее оформления хозяин выписал дизайнеров, и очень известных, из Италии и Франции, а сам ремонт делали финны.

Городецкий разволновался от своей длинной пылкой речи, но, видя, как внимательно слушает его Тоглар, быстро осушил еще одну бутылку пива и продолжал:

— Но это не весь расклад московской жизни. Пойдем, братан, дальше. Как теперь Модильяни не пострадать за Тоглара, сегодня ведь не знаешь, за кого мазу держать. Ты, наверное, еще и не слышал, что нас с тобой могут называть «синими».

— Почему «синими»? Ну, понятно, белые, красные,— взвился Фешин,— мы что, баклажаны?

— Не кипятись. Синие мы и есть синие. Хорошо, хоть не голубые... Ни я, ни ты отменить кликуху уже не можем, прочно вошло в обиход, в определенных кругах, как говорится. А «синие» — так называют всех, срок мотавших, даже без наколок, как ты, например. Усек? За эти годы, пока ты «чехам» бумаги правил, печати лазером вырезал и планы строил, как дернуть из Ичкерии, и на нашем фронте новые расклады резко обозначились. Выросли отморозки, без роду, без племени, не говоря уже о наших понятиях, традициях. Эти — тюрьмы не нюхали, законов ни государственных, ни воровских не приемлют, им что мента завалить, что авторитета, что лоха — без разницы. За деньги на что угодно готовы, у них нет понятия — запахло.

Конечно, их прихода никто не ждал, и что можно было поделить из сфер влияния, уже давно поделено. Но они не признают никакой власти, никаких границ, ничьих сфер влияния, и первым, кому они объявили войну,— нам, людям, знающим, что такое тюремная баланда и нары, кому по праву должен принадлежать контроль за теневой экономикой, за всеми деньгами, что плывут мимо государственного кармана, мимо казны. Проще говоря, украл у государства — отстегни в общак братве, это касается и банкира, и предпринимателя, и торговца. Так было всегда, так во всем мире. Но у нас и тут свой путь. Это с легкой руки современных отморозков нас теперь стали называть «синими»...

Аргентинец так увлекся несвойственной для него миссией наставника и возможностью быть полезным Тоглару, что напрочь забыл о завтраке, лишь налегал на пиво и изредка посматривал на бутылку шампанского — «Де Кастеллани» явно пришлось ему по душе.

Константин Николаевич на правах гостеприимного хозяина снял крышку блестящей хромом посуды, стоявшей на спиртовке, горячей слабым огнем, и запах хорошо прожаренной молодой индейки, фаршированной черносливом, заставил старых корешей потянуться к тарелкам. Но Городецкого, кажется, ничто уже не могло удержать, возможно, он по каким-то причинам хотел не только просветить Фешина о событиях в Москве и России, но больше всего желал выговориться, выказать свое отношение к происходящему вокруг беспорядку и беспределу. Накипело в душе у старого каталы, ой, как накипело...

— Так что, сам видишь, выросла новая разновидность преступников за два-три года, и это время совпало с твоим «курортом» в Чечне.

— Ничего себе курорт,— усмехнулся Тоглар.— Врагу не пожелаю...

— Ты слыхал про такой город, как Новокузнецк? — спросил вдруг Городецкий, отодвигая тарелку.

— Нет,— искренне ответил Фешин,— хотя я много поездил по свету. Судя по названию, из городов-новостроек, короче, провинция, тьмутаракань...

— Верно. Я тоже до некоторой поры, а точнее до прошлого года, и слыхом не слыхал о нем ничего. Ни ты, ни я, никто другой и представить не могли, чтобы банда из этой самой глухомани могла терроризировать московских банкиров и предпринимателей. За год с небольшим после появления в столице эта банда убила более пятидесяти человек. Да каких людей! Которые могли постоять за себя, имели деньги, телохранителей, свои команды, вооруженные до зубов. Да и наших, «синих», они грохнули немало.

— И кто же это такой лихой выискался? — заинтересованно спросил Тоглар. Он, кажется, что-то слышал об этих отморозках от чеченцев.— Неужели братва не среагировала на беспредел? Так ведь под корень нас, живущих по понятиям, могут вывести.

— Не спеши. Эту историю я обязан, хоть вкратце, рассказать. Тебе нужно это знать, чтобы не влететь в новую передрагу. Ты ведь не только для «чехов», как я понял, представляешь интерес. Так вот, банда молодая, появилась в девяносто первом году. До этого ее главарь, Владимир Лабоцкий, лично знал всех до единого, кто позже составит костяк его бригады. Да-да, опять десант-

ные войска, даже их спецподразделения, — они все служили в одной части. Элита элитных войск, к слову сказать.

Уже занимаясь рэкетом, они каждый день по несколько часов подряд тренировались в спортивном зале под руководством Лабоцкого, официального владельца клуба, и бегали пятнадцатикилометровые кроссы, опять же ежедневно. Вот какая сила противостоит властям и братве, уверяю тебя, Тоглар, такого порядка теперь ни в КГБ, ни в милиции, ни даже в президентской охране нет. Начали они, конечно, с кооперативов, с лотков, палаток. Главное оружие у них было психологическое — устрашение. Они были невероятно жестоки. За месяц подмяли под себя город и близлежащие районы — дань платили все. Лабоцкий слетал в Англию и купил оборудование для прослушивания телефонов, разговоров сквозь стены и во впереди идущих машинах, приборы ночного видения и всякую другую технику; что приобретать, он знал, как я уже говорил, в спецподразделениях десантных войск обучили его прекрасно.

Городецкий, заметив интерес Тоглара, воодушевился, словно пересказывал недавно прочитанную увлекательную повесть.

— В прошлом году Лабоцкий появился в Москве и, как всегда, все заранее продумал, взвесил, тщательно подготовился. Для своих ребят он купил с десятков квартир в Юго-Западном округе столицы, для молодняка также снял хаты, все телефонизировал, раздал всем пейджеры. Приобрел с дюжину иномарок, включая пятисотые и шестисотые «мерседесы». Но завидовать его команде не приходится — никто без разрешения не имел права и носа высунуть из дому: за нарушение — смерть, расстрел. С подачи всяких шестерок в Москве — предпринимателей, которых он успел подмять под себя, а также своих людей в милиции и ФСБ, наверное, за большие бабки, — быстренько завел картотеку на всех видных воров в законе и авторитетов, контролирующую Белокаменную, собрал данные и на крупные коммерческие структуры и банки.

Тут напрашивается небольшой комментарий... — Городецкий неожиданно поднялся из-за стола. — Но прежде, с твоего позволения, звякну одному человеку... Сегодня после обеда предстоит большая игра, если интересуешься — поднимайся, я представлю тебя как известного художника...

— Спасибо, но я после обеда тоже буду занят, — сразу отказался Константин Николаевич — у него на вечер была назначена встреча с Натальей.

Гость прошел к телефону, стоявшему у зеркала, и, набрав номер нужного абонента, говорил минуты две, не больше. Вернулся он к столу, радостно потирая руки. Судя по всему, игра не отменялась, и куш предстоял немалый.

— Значит,— продолжал Аргентинец,— прежде чем закончить о банде Лабоцкого — обещанный комментарий... Тебя ведь не фабула интересует, конец ты и сам можешь просчитать, верно?

Тоглар согласно кивнул.

— Важно тут другое — понять расклад сил: кто за кем стоит, кто с кем повязан и в какую сторону кто движется, за кем возможен успех, а значит — власть. Наверное, молодые бандиты не смогли бы так борзеть, пойти на нас в открытую, если бы «новые русские» на первых порах откровенно не приняли их сторону. Сотрудничество с «синими», как казалось нуворишам, их принижало. Но на деле альянс получился куда сложнее. Об аппетитах Лабоцкого я уже рассказывал, точно такие же, или даже похлеще, они и у других молодых волчат. И поэтому хозяева жизни очень скоро оценили преимущества сотрудничества с «синими» — те в дела не влазят, но предупреждают: платите нашу долю честно, иначе обман вам дороже обойдется. К тому же ни бывшие спортсмены, ни «новые русские» не учли, что свое мы за так никогда не отдадим и тоже готовы на все. Если они считали себя хозяевами на воле, то в тюрьме, куда и они, и «новые русские» стали попадать косяками, хозяевами остались мы, и там живут только по нашим законам, тут мы им и прищемили хвост. И на волю от дельцов, попавших в тюрьму, полетели малявы, чтобы держаться прежних крыш, то есть «синих». Усек мой ликбез?

— Усек, усек, ты давай про Лабоцкого... — поторопил хозяин номера.

— Вот теперь снова вернемся к десантникам. Они в Москве держались своим землячеством, не привлекали чужаков, остерегались утечки информации, боялись, что менты, или «синие», или свои же, новые, зашлют им подсадного казачка.

Решив перебраться в Москву, новокузнецкие, конечно, знали, что главным противником у них станут «синие», ведали они и о том, что в столице уже все поделено: вплоть до кладбищ, до самой худой забегаловки у дороги, до туалетов на железнодорожных вокзалах — и все, что им приглянется, придется отнимать силой. Но к такому раскладу они были готовы.

Зная, что столкновения с «синими» не избежать — а их банда вольготно разгуливала на чужих территориях,— Лабоцкий сам вы-

звал на разборку люберецкую группу. На стрелку бывший десантник приехал один и без оружия. Спокойно выслушал все, что о нем и его орлах думают москвичи, а потом предложил им оглянуться по сторонам. Отовсюду из кустов, окружавших пустырь, где проходила встреча, сверкали оптические прицелы снайперских винтовок. Даже раздался один выстрел, который выбил из рук главаря люберецких пистолет. Москвичи молча расселись по иномаркам и уехали, на время оставив новокузнецких в покое. После этого ребята из провинции совсем распоясались. С ходу подмяли под себя несколько крупных групп и компаний. Выходки самозванцев вывели из равновесия всех, и в одном из шикарных ресторанов в центре столицы срочно собрались на сходку наши авторитеты, где единогласно решили, что с бандой Лабоцкого надо кончать. Здесь же потянули жребий — кому. После сходки стратеги выработали секретный план ликвидации новокузнецких главарей.

Аргентинец, сделав паузу, закурил, потом открыл новую бутылку «Хольстена», не торопясь выпил и, отправив ее к остальным порожним, продолжил:

— А теперь я перейду к финальной части этой печальной истории, ибо когда в дело вступает братва, и десантникам, и спортсменам приходит конец, потому что за нами традиции, опыт, и у нас есть люди, у которых рука не дрогнет, потому что они выполняют не самосуд, а решение сходняка.

Наши узнали, что основной костяк банды Лабоцкого располагался в Москве, и решили навести «законный» порядок в Новокузнецке. На помощь местному авторитету из «синих» выделили братву из близлежащих регионов, и те молниеносно повышибали отовсюду уполномоченных Лабоцкого и захватили даже его казну. В самой столице поступили похитрее, можно сказать, по-иезуитски. Люди, поехавшие в Новокузнецк наводить порядок, имели и секретную задачу: собрать как можно больше материала на лидеров группы — Лабоцкого, Гнездича, Шкабару — и особо разузнать о каких-нибудь трениях, вражде, размолвках, возникавших между ними прежде. Нужного материала накопили много — все трое были с норовом еще до армии. Нашли и с десяток видеопленок, где компания, кто вместе, кто в узком кругу, отмечала праздники, свадьбы, дни рождения и просто дружеские пирушки на природе — там каждый из главарей говорил всласть, и на это извели сотни метров пленки. Наняли опытного «сценариста», уже известного как создателя подобных шедевров, и попросили составить текст

на основе собранного материала, чтобы рассорить троицу насмерть, вызвать крайнее недоверие и желание устранить друг друга. Готовые три кассеты режиссеры «спектакля» прослушивали два вечера подряд, оценивали, как бы они сами поступили в подобном случае, выход напрашивался только один: убрать, пока не убрали тебя, в общем, все, как и было задумано братвой. Расчет был на то, что все истории, о которых шла речь, были давние, связаны только с Новокузнецком, и в Москве об этом никто не мог знать — такое вот коварство «синих». И план удался сполна — ужасной смертью погиб Лабоцкий, в ванной, на глазах у семьи убили Гнездича, и главарем банды стал Шкабара.

Обрати внимание, Тоглар, какие события за один день: взрыв, два убийства. Раньше, при «плохом» министре внутренних дел Щелокове, мы накануне тайком уговоримся где-нибудь в Свиблово сыграть в карты, а через час, как только усядемся за стол, милиция уже стучала в дверь. Фантастика! Чувствуешь разницу и во времени, и в профессионализме?

— Да уж, что и говорить, — согласился хозяин. — Но чем дело-то кончилось?

— Шкабара скоро начал догадываться, что неспроста изменились обстоятельства в его родном городе, хотя и не понимал до конца, какая сила ему противостоит. Да и в самой Москве, через своих людей в милиции, узнал, что оперативники идут буквально по следам банды, и вот-вот капкан захлопнется. Чувствовал, что и братва в столице против него ошетибилась. И коммерсанты избегают встреч. И тогда Шкабара решил бежать... в Австрию. Он нашел опытного бухгалтера, которому поручил через один известный в Москве коммерческий банк перевести деньги к цюрихским гномам — так в Швейцарии называют банкиров из Цюриха, гарантирующих анонимность вкладчика и тайну вклада. Из-за этих-то фантастических сумм — Россия Западу по кредитам чуть больше должна — перевод которых Шкабара решил проконтролировать лично, он задержался в столице на две недели. Но недаром говорят: жадность фраера сгубила.

Дальше Шкабаре не повезло, хотя до самолета в Вену оставалось ровно шесть часов. Дело в том, что, когда воровской сход принял решение уничтожить Лабоцкого, те, кому выпал жребий привести приговор в исполнение, конечно, сразу поставили на прослушивание все телефоны банды в Крылатском, а за главарями приставили круглосуточную наружку. Впрочем, наши паханы пошли дальше, когда прознали, какие суммы переводит на Запад

Шкабара. Если бы он даже и вылетел в Австрию, там в аэропорту его уже ждали бы наши хлопчики, и в обмен на жизнь они бы вырвали тайные коды в швейцарских банках.

И тут встал вопрос: самим убрать Шкабару или сдать его властям? Деньги в Цюрихе решили «достать» через бухгалтера, тот имел карт-бланш на все операции и сам должен был вслед за бандитом смыться из России, поэтому его пасли еще плотнее, чем хозяина. Завалить Шкабару тоже нелегко, времени в обрез, да и вооружен до зубов. Решили братвой не рисковать. Но и сдать его властям было непросто. Выход нашли гениальный. У одного молодого авторитета прослушивался ментами телефон — ему его подруга с АТС доложила. Хозяин телефона позвонил своему школьному товарищу и рассказал, что некто Шкабара убил человека и через три часа вылетает из «Шереметьево-2» в Австрию, так что он не знает, как поступить, — сообщить в милицию или самому задержать негодяя.

Через полчаса люди, продолжавшие наблюдать за квартирой главаря, доложили, что туда нагрянула группа захвата, не то ОМОН, не то РУОП, и после большой перестрелки Шкабару, с мешком на голове, вывезли в «воронке».

Позже наши люди в милиции рассказывали, что Шкабара предлагал каждому из группы захвата по миллиону долларов, а трем офицерам, руководившим операцией, еще и по новенькому шестисотому «мерседесу», если они отпустят его в аэропорт. Он ведь не знал, что на него наехали по наколке.

Вот такая, друг Тоглар, печальная история. Наисвежайшая, последняя точка в ней поставлена лишь за десять дней до моего приезда в Ростов.

— Да уж, видно, придется мне привыкать ко всем этим переменам, — подытожил Фешин. — Ситуация малоприятная...

— Вот-вот... И привыкать, и перестраиваться надо на ходу, иначе рискуешь головой... Ну, спасибо за завтрак, за опохмелку. — Аргентинец решительно встал и, оглядев себя в зеркале напротив, заключил: — Я рад, что ты жив и здоров, ведь нас, стариков, остается все меньше и меньше. Новая братва ныне и до тридцати не дотягивает, мы ей, наверное, кажемся динозаврами. Жизнь человека потеряла цену, сегодня в Москве могут и за триста баксов убить. Жаль, мало поговорили...

Здесь Фешин усмехнулся про себя: ничего себе мало, ведь говорил-то один Городецкий, а он, как школяр, лишь слушал да кивал. Но Аргентинец этого не заметил или сделал вид, что не заметил.

— Скоро обед, потом у меня до утра игра, а завтра я улетаю в Москву — дела. А впрочем, давай пообедаем вместе, теперь угощать буду я, повара из ресторана еще с прежних лет знаю. В Дону, слава богу, еще много ценной рыбы: и осетра, и белуги, и стерляди — навалом. Я закажу солянку-ассорти рыбную, заливное, тоже из разных сортов рыбы, и все остальное тоже из рыбы, из самых лакомых кусочков, соглашайся, долго такой обед не забудешь. А главное, поговорить хочется, да и тебя дальше в курс жизни ввести.

Константин Николаевич глянул на часы — времени у него было предостаточно. Да и меню прельщало — чеченцы рыбу почти не едят, и за годы плена он соскучился по рыбным блюдам. Но важнее обеда те ориентиры, что обозначал словоохотливый Аргентинец; судя по услышанному рассказу, жизнь меняется круто и становится очень похожей на минное поле, а Городецкий, образно говоря, рисовал ему карту минного поля. Не мешало бы, пользуясь случаем, и сблизиться с Аргентинцем, ему, видно, еще долго в Москве понадобится лоцман, и Константин Николаевич принял радушное предложение старого кореша.

2

Через два часа, когда Фешин появился в зале, метрдотель встретил его как старого друга и, видимо предупрежденный, провел на вечерашнее место, где сидел улыбающийся Городецкий. На столе в плоской вазе стоял знакомый букет.

— Нравится? — спросил Аргентинец и весело добавил: — Я им сказал, что мой друг согласен обедать только в том случае, если на столе будут такие роскошные цветы, так что им пришлось возвращать твой букет из кабинета директора.— И оба приятеля от души рассмеялись.

Стол накрыли богато, слишком богато и изысканно. Фешин не мог не заметить этого, и жест старого картежного шулера оценил, заодно получил и подтверждение своей недавней догадке: если он кому и нужен, то только братве. Опытный Аргентинец без слов понял состояние Тоглара и сказал проникновенно:

— Считаю — официальный банкет в твою честь, мы ведь не новые волчары, у нас, братан,— это свято! Оттого нас никогда ни властям, ни от мороженым не победить, наша идеология неподвласт-

на переменах, и деньги для нас ничего не значат, деньги — грязь. И я рад, что первым встретил тебя на свободе. Давай за твое здоровье!

Он потянулся к ведерку с шампанским на краю стола, из которого торчало горлышко необычайной незнакомой бутылки. Поймав заинтересованный взгляд Фешина, Городецкий улыбнулся:

— Ты сегодня угостил меня дивным шампанским, и я решил тебя тоже порадовать. Это не из ресторана, из магазина валютного доставили — один раз в жизни случается такое попробовать...

— Почему же один раз в жизни, откуда такой скепсис? — перебил Тоглар приятеля.

Городецкий радостно всплеснул руками:

— И ты попался! Это реклама «Тайттингера» такая во всем мире. Дословно звучит: «один раз в вашей жизни»... Я ведь иняз в свое время окончил с отличием, знаю английский и французский, — не без гордости объявил Аргентинец. — Ну, давай выпьем и за встречу, и за то, чтобы такое шампанское всегда было в нашей жизни, — и они подняли бокалы.

Выпив и отдав дань каждой из закусок, они перекидывались словами о том, о сем, и вдруг Аргентинец задал неожиданный вопрос:

— Скажи, ты ведь уже четверть века с братвой, и все время, как я знаю, ничем другим, кроме бумаг, не занимаешься?

Тоглар, почувствовав, что Городецкий готов рассказать еще какую-нибудь историю, откуда можно выудить нечто полезное, лишь кивнул, соглашаясь.

— Тогда ответь мне, могло ли быть раньше, чтобы тот, кому ты выправил документы, готов был приשמалить тебя на всякий случай?

— Зачем же ему это? — удивился Фешин. — Я ведь могу снова пригодиться, жизнь-то колесом катится, возвращается на круги своя. Да и вообще, это запахло, ты ведь его выручаешь, куда без ксивы деваться в наше время. Нет, мне такое и в голову не могло прийти, хотя я всяких психов выручал. — Фешин был искренен, и Аргентинец это понял.

— Ну, тогда я просто обязан рассказать тебе еще одну историю, ведь нынче другой заказчик пошел, другой, и ухо следует держать остро. Этот рассказ куда короче, но подобного ни я, ни ты не только не слышали прежде, но не встречали даже в крутом боевике. Голливуд, наверное, большие денежки отвалил бы за возможность экранизировать жизнь этого героя нашего времени.

— Ну-ка, ну-ка, просвети, может, и пригодится когда, — поощрил Тоглар, понимая, что на Аргентинца сегодня нашел стих просветительства.

— События, о которых пойдет речь, развивались почти параллельно с теми, что я поведал тебе до обеда. Целиком, из уст одного человека, историю я услышал месяц назад, случайно, на новоселье, хотя многое знал и раньше из разных источников. В Барвихе, совсем недалеко от санатория, где любит лечиться или там уединиться при каждом удобном случае наш президент, один наш братан устроил новоселье. Я надеюсь, мы с тобой туда еще не раз заглянем в гости, я просто обязан ему тебя представить, он хоть и моложе нас, но о тебе наверняка слышал. Дворец он отгрохал — ни в сказке сказать, ни пером описать: три этажа вверх и этаж вниз. Рассказывать, что там и как, просто не берусь, сам увидишь, сказка — тысяча и одна ночь и только! Наверное, те нефтяные магнаты, о которых я уже упоминал, если бы увидели хазу Шамана, такая у него кликуха, — он Тюмень держит в руках, — то лопнули бы от зависти. На новоселье собрались свои люди — немного, человек пятьдесят, не больше. Ближе к ночи, когда гости разбились на компании и разбрелись кто по дому, кто по саду, кто пошел играть в бильярд, кто в сауну, кто в бассейн поплавать, в одном из каминных залов второго этажа вместе с хозяином дома собралось человек десять — двенадцать. И один гость, в гражданском — а он человек в высоких ментовских чинах, — рассказал нам историю одного шумного побега из «Матросской тишины». Об этом вскользь и газеты, и телевидение упомянули. Непонятно только, зачем он рассказал: то ли в глазах молодых женщин, крутившихся возле него, покрасоваться решил, то ли себе цену набивал, то ли кому намек какой кидал, там крутых было с избытком, а может, другую какую цель имел, ментов нам никогда не понять, но поведал он повесть любопытную, а для тебя она может и особый интерес на будущее представить. Я ведь тебе не зря вопрос о бумажках задал...

— Бумажка бумажке рознь, — обронил Фешин, ковыряя вилкой в тарелке. — Иная жизни стоит, сам знаешь.

— Знаю, — согласился Аргентинец. — Не в обиду тебе сказано. Историю эту, пожалуй, следует начать с конца, со знакомого тебе много лет СИЗО-1. Про СИЗО все узнали как раз в августе девяносто первого года, когда туда определили всех главарей ГКЧП. Заговорить о нем снова заставил бывший милиционер, тридцатипятилетний Александр Солоник с громкой кликухой Македонский — скорее всего, ее дали острые на язык журналисты. Знаешь, есть такая манера — стрелять из пистолета с обеих рук, она называется «по-македонски», так вот, парень мастерски владел этим приемом.

Правда, с «Матросской тишиной» он познакомился гораздо раньше, и к его первой ходке мы еще вернемся. За всю историю из тюрьмы не было ни одного побега.

Так вот, как Македонский туда загремел? За два месяца до тюрьмы он, как выражаются менты, «с неким не установленным следствием лицом» появился на Петровско-Разумовском рынке столицы. По слухам нашей братвы, пришел по заказу на разборку: кто-то отказывался платить. Одет он был по-пижонски, короче, не для базара. Видимо, кто-то на стрелку опоздал, и он успел намозолить глаза милиционерам, которыми сейчас наводнен каждый рынок. Солоника с приятелем пригласили в опорный пункт милиции для проверки документов. Ну, раз приглашают — те и пошли. На входе Солоник культурно пропустил хозяев вперед и закрыл дверь. На руке у Македонского был перекинут летний светлый плащ, а под ним оказался многозарядный голландский пистолет «глок», и он тут же стал палить по своим бывшим коллегам. Двоих сразу насмерть, двоих других тяжело ранил. Выскочив из милицейской каморки, сообщники кинулись в разные стороны. За Македонским погнались двое охранников из фирмы «Бумеранг», а потом попытался его остановить еще один какой-то случайный милиционер, но Солоник его подстрелил первым. Охранники все же Солоника повязали.

Ранили нашего героя в почку, и пока он лежал под капельницей, выяснилось, что в сети попалась не простая рыбка, а поистине золотая. Ведь за рыбкой этой охотилась вся милиция страны, все спецслужбы, искала его и братва, и молодые волчары, считай, у каждого постового милиционера имелась его фотография, в бегах он числился с 1988 года... А теперь можно вернуться и к его истокам, но прежде мы с тобой пропустим еще по бокалу прекрасного шампанского и закусим чудным заливным из стерлядки. Следом нам уху из нее же подадут, тут ее по особому рецепту готовят — с головизной из осетра. Водку можно стаканами пить, но если заедать такой ухой, никогда не опьянеешь, запомни.

Подняли бокалы за удачу — фарт не последнее дело в рискованной жизни. Но Аргентинцу, видно, не терпелось дорассказать историю...

— Значит, родился российский гангстер номер один, как определили его наши газеты, в 1960 году в городе Кургане, том самом, где работал знаменитый хирург-травматолог Илизаров, слышал, да?

Фешин согласно кивнул, кто же этого не знает.

— Он и до армии был в городе парнем известным: красивый, статный, любил одеваться, за собой следил, обожал музыку, пре-

красно танцевал. Имел высокий спортивный разряд по классической борьбе, увлекался самбо и дзюдо, вообще, знал приемы рукопашного боя. После службы он поступает работать в милицию, становится инструктором по стрельбе. Но карьеру в ментовке он не сделал, хотя заочно и учился в Горьковской высшей школе милиции. А, казалось бы, на голову был выше коллег — умен, тщеславен, хитер, не любил гнуть спину ни перед кем. Конечно, это качества не мента, и туда он попал случайно, а может, уже тогда, смолоду, задумал изучить эту систему изнутри? Да и личная его жизнь никак не совпадала с образом человека в мундире: любил пофорсить, слыл известным в городе донжуаном. Одна из амурных историй и привела его в тюрьму, и, как я полагаю, эта несправедливость и озлобила его на весь мир: он не нашел достойной жизни ни на воле, ни в тюрьме и стал мстить всем за свою сломанную судьбу.

Уже был женат, когда у него случился роман с дочкой очень влиятельного в городе партократа. Девушка была безумно влюблена в Македонского, женился бы на ней — и наверняка дорос бы до генеральских погон в милиции, человек он, конечно, был незаурядный. Новая пассия требовала, чтобы он развелся со своей благоверной и женился на ней, иначе, мол, она его в тюрьму укатает. Вот этого говорить как раз не следовало, да еще угрожать. Возможно, дело как-нибудь и уладилось бы, но Солоник с детства не любил принуждения, поэтому вообще перестал с ней общаться. Тогда на него спешно завели дело, обвинили в изнасиловании, и он получил свой первый срок, почти на всю катушку по этой статье, — не пожалели парня.

Сам знаешь, Тоглар, какая жизнь ждет в тюрьме человека, севшего за изнасилование, да еще мента. Можно считать, что человека уже нет. Такого опустят, поселят возле параша и, наверняка, доведут до петли. Мы с тобой знаем десятки таких судеб. Но с Солоником ничего подобного не случилось — он вел себя независимо, агрессивно, не признавал ничьей власти ни в камере, ни вообще в тюрьме. Дрался зло, отчаянно, жестоко, насмерть и отвоевал себе место. Братва, почуяв в нем сильного человека, личность, хотела приблизить к себе, но тот в услужение ни к кому не пошел, оставался и там одиноким волком.

Освоившись в тюрьме, он снова сбежал. Ушел через узкую канализационную трубу, выходящую далеко за зоной. Можешь себе представить подземную трубу более километра и ползущего по ней человека? Это ведь живая могила, а вдруг труба где-то лоп-

нула, осела. Это мог совершить только очень любящий свободу и жизнь человек, сильный и волевой. Вошел он в тюрьму романтическим пижоном, а вышел волчарой, суперменом, и не киношного, не книжного пошиба, а настоящим, наводящим ужас на нашего брата и на крупных предпринимателей.

Несмотря на нелегальное положение и на то, что везде были разосланы ориентировки на него, Солоник не лег на дно, много ездил по стране. Каждое утро, где бы ни находился, он старался пробежать десятикилометровый кросс, пропадал в спортивных залах, занимаясь борьбой и поднятием тяжестей, короче, всегда находился в блестящей форме. Он никогда не пил и не курил, считал, что голова должна быть ясной, а тело гибким, послушным и выносливым. Но он не вел жизнь аскета и, тем более, не был фанатиком какой-нибудь бредовой идеи. Некоторые журналисты пытались представить его этаким бунтарем, санитаром общества, борцом против преступности, убийцей убийц, карающим мечом и тому подобное. Но я не слышал, чтобы он завалил кого-нибудь только за беспредел, за крысятничество, за жизнь западло. Работал только по заказу и за очень большие деньги. Биографию, которую он сам себе придумал и поставил как режиссер, он как будто списал с героев Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, но она требовала денег, денег, постоянно и бесконечно. Наверное, столько же стоила и тайная жизнь, обеспечение круглосуточной безопасности — снова в тюрьму он не хотел. Познав сказочно роскошную жизнь, взлетев так высоко, он уже не мог опустить крылья, он бы задохнулся в четырех стенах, ему уже и мир казался тесен.

— Странная у него фамилия, кто он по национальности? — любопытствовал Тоглар.

— Можешь не сомневаться, русский, настоящий русский. Такого орла только наша земля могла породить, — почти с гордостью сказал Городецкий. — Солоник всегда работал в одиночку и долговременные контракты не заключал, какими бы выгодными те ни казались. Основной профиль — заказные убийства. Говорят, у него очередь была расписана на месяцы вперед, столько желающих убрать соперника, конкурента, бывшего компаньона, должника — последние две категории попадают под пули чаще всего. Говорят, несколько раз с интервалом в два-три дня он получал заказ, скажем, от К. уничтожить Н., и тут же от Н. — убрать К. Так что можно легко представить, что он думал о своих жертвах и своих заказчиках. Правда, я слышал, что он иногда привлекал к своим операциям подельников, а кое-кто уверял,

что со временем он обзавелся и собственной бригадой киллеров. Возможно и так — ведь когда он убил нашего брата Владислава Винера, известного в миру под кликухой Бабон, машину расстреливали из нескольких точек сразу. В свободное от заказных убийств время — а за работу он меньше ста тысяч не брал, — Солоник зарабатывал деньги тем, что утрясал спорные вопросы между братвой и новыми бандитами, типа бригады Лабоцкого, и между самими молодыми волчарами, в последнее время он улаживал претензии одного банка к другому или банка к той или иной финансовой группе, и наоборот.

Ты можешь представить себе, Тоглар, чтобы нас, братву, разводил или выбивал наши деньги мент, пусть даже и бывший, человек, не живущий по нашим законам?

— Нет, не могу. И такого быть не может. Он что, Господь Бог?

— К сожалению, так оно и есть, хотя он, конечно, не Господь Бог. Слушай дальше... Еще раз повторяю: все на воле изменилось. Теперь тебе, как водолазу после работы на глубине, в кессонотстойнике передохнуть следует, или погибнешь. И вот тебе пример, как он с нашей братвой поступал.

Приезжает, значит, Македонский в Тюмень, там «синие» кому-то сто тысяч не доплатили или зажухали чьи-то сто тысяч, естественно в баксах, в общем, приезжает с чьим-то счетом братве на эту сумму. Добирается до самого верха и говорит: ребята, отдайте чужие деньги, я за ними издалека прикатил. Ну, конечно, братва погоготала от души, показала кукиш. А гость не унимается, продолжает настаивать. Тогда хозяева вытащили стволы, помахали у него перед носом и сказали: вали отсюда, пока цел, и чтобы духу твоего в городе не было, своих, мол, придурков хватает. Он ушел, но ночью появился в катран, где почти вся высокая братва в карты играла. Теперь он уже потребовал деньги за жизнь двух их боссов — те сейчас в лесу, на морозе, привязанные вниз головами висят, и место это может указать только он. Братва, чертыхаясь, отдает деньги. Так, или почти так, — а на фантазии он горазд — поступал он и в Сочи, и в Ялте, и в Санкт-Петербурге, и в десятках других городов, и нигде ни с кем не церемонился, будь то вор в законе, или генерал милиции, или мэр города.

Один известный московский вор в законе как-то в компании не очень лестно отозвался о способностях Македонского: легенды все это, устное народное творчество, мол, потерпевшие от страха сами возвышают его, чтобы скрыть свой позор. Каким-то образом это стало известно Солонику. Парень он обидчивый, вот и разыграл с этим

человеком злую шутку. После этого случая я его «русским ниндзя» стал называть. Знакомый тебе пахан живет возле Киевского вокзала, естественно, как и все, за бронированной дверью, на пятом этаже, конечно, без балкона — наш брат безопасности теперь придает значение не меньше, чем заокеанский президент. Так вот, сидит он однажды дождливым вечером у себя дома, в уютном кожаном кресле, по виду фильм смотрит, пистолет рядышком на журнальном столике. Про недавнее высказывание он, конечно, уже забыл, своих забот полон рот. Вышел на минутку на кухню, чай любимый цейлонский заварить, возвращается, а в его кресле, нога на ногу, какой-то пижон сидит и на пальце его колыт крутит. Наш человек не из пугливых, ты его знаешь, нервы в порядке, но поднос с чайником, между прочим, выронил. Спрашивает: как сюда попал, кто такой? А тот и отвечает: Македонский я, а форточку, на всякий случай, закрывать надо. Потом оглядел с сожалением разбитую посуду и посетовал: жаль, хотел чайку с хозяином выпить, да не судьба, видно. И, возвращая пистолет, говорит: а пушка — дрянь, с такой не убережешься, и молча к двери пошел, а на пороге еще и раскланялся — честь, мол, имею. Артист он, любит играть с жизнью — своей и чужой — в кошки-мышки. Ведь вернись хозяин дома в зал минутой раньше, он бы его расстрелял в окне, даже из дрянного кольта.

Почти никто до последнего задержания Солоника не знал ни его настоящей, ни фальшивой фамилии, тем более не знал в лицо. С ним, лицом то есть, он часто экспериментировал — сейчас это несложно, столько появилось классных визажистов, качественных париков, хорошего грима. Хотя, надо отдать ментам должное, они у него на хвосте сидели постоянно, и информация у них всегда была верная. Но Македонский всякий раз опережал противника, уходил прямо из-под носа. Однажды он убежал по балконам седьмого этажа, когда в его дверь ломались оперативники. Последний раз, видимо, уже не доверяя даже своим, точно зная, по какому он находится адресу, дом окружили в два кольца, с минимальным для таких операций разрывом в цепи, но ворвавшиеся в квартиру милиционеры застали лишь теплую постель — он, как всегда, исчез.

Солоник обладал сверхъестественной способностью появляться и исчезать незаметно, и его стали сравнивать с неуловимым международным террористом Карлосом, по кличке Шакал, который некогда получил выучку у нас в университете Патриса Лумумбы. Охотясь за Македонским, московский уголовный розыск вышел на два

подпольных склада оружия, по всей вероятности, заготовленных специально для него. Там стволов, самых-самых, хранилось больше семидесяти. Нескольким крупным авторитетам за этот тайный пакгауз предъявили обвинение, но никто из них ничего конкретного следствию на Солоника не дал, либо боялись, либо толком не знали, для кого держат столь грозные пушки.

Часто путешествуя и по России, и по всему постсоветскому пространству, Солоник любил заглядывать в Санкт-Петербург. Несмотря на фальшивые документы и многолетний розыск, заимел он и заграничный паспорт, с ним объездил полмира. Бывал в Испании, Португалии, Франции, Италии, Германии, Англии, посетил Ближний Восток, Гонконг, Сингапур. Возможно, он ездил туда не только отдохнуть и приодеться, посидеть в знаменитом парижском «Максиме» — мог кого-нибудь, между делом, попутно и прихлопнуть, а может, встречался и с самим Шакалом или людьми, подобными ему. О том, что существует международный синдикат убийц, Запад твердит уже давно. И все же я думаю, что за всеми зарубежными вояжами Македонского стояли высокие покровители в ФСК, ФПС, МВД и даже армии. Ну, ладно, милиционеры — лохи, имея подробнейшие ориентировки, пять лет поймать не могли, но ведь существует паспортный контроль на въезде и выезде из страны, а там, уверяю тебя, сидят спецы, ведь не стал бы он так часто рисковать, летая по миру и постоянно возвращаясь в Москву и Санкт-Петербург, если бы не прикрытие. Нет, я убежден, кто-то очень высокий, власть имеющий, встречал и провожал его в заграничные вояжи. И в Москве, и в Санкт-Петербурге он жил на широкую ногу, посещал дорогие рестораны, ночные клубы, тайные катраны, играл на бегах — опять же, в местах, которые находятся под особым контролем у милиции и спецслужб, — и хоть бы хны.

Обожал Македонский и машины, их у него был целый парк: несколько БМВ, «мерседес», «форд-бранко» и итальянская «мазерати», которую он любил больше всего. Одной своей пассии он подарил джип «гранд-чероки». Это лишь подтверждает мою версию о том, что он сидел под могучим крылом спецслужб, ведь он не мог не знать, что иномарки ГАИ останавливает по поводу и без повода, и, наверное, у каждого постового есть его фотография и подробная ориентировка. Зачем ему к постоянному риску в аэропортах и на границе прибавлять и ежедневный риск на дорогах? Нет, определенно, его страховали спецслужбы. После задержания на Петровско-Разумовском рынке на его квартире нашли целый арсенал оружия, включая и ручной гранатомет.

Подтверждает мою версию о крыше и тот факт, что после задержания, имея за спиной расстрельную статью, на допросах он держался спокойно, самоуверенно и даже шутил — знал, что высокие покровители вытащат его в России из любой петли. Они-то и организовали его побег из «Матросской тишины». Суди сам...

— Интересно, как же это у них получилось? — спросил Фешин.— Из тюрьмы так просто не сбежишь...

— Так и я же о том...— согласился Аргентинец.— СИЗО-1 — особая тюрьма, она разделена на сектора, зоны, блоки — переход из одной части в другую без сопровождения конвоя и знания специальных паролей, меняющихся ежедневно, невозможен. К тому же она — почти единственная в России, что просматривается телекамерами не только внутри, во дворе, но и вблизи тюрьмы на расстоянии пятидесяти метров. Есть там и свои «примочки»: электронные коды, шифры на замках, панелях, всякие скрытые световые линии, пересечение которых автоматически включает сигнал тревоги. В общем, бежать оттуда нашему брату без крутого содействия извне и тех, кто тебя охраняет, невозможно, да никто за всю славную историю «Матросской тишины» и не бежал. Такое удалось лишь Македонскому, причем — ослабевшему, он долго находился в реанимации, затем в госпитале, и только перед самым побегом был переведен из лазарета в одиночную камеру. Он, конечно, не знал, что такое тюремная баланда, обеды носили ему из близлежащего ресторана, но чтобы восстановить силы, все-таки нужно время.

Истины ради следует добавить, что в побеге Солоника из тюрьмы были заинтересованы и многие криминальные структуры. Ведь он хоть и признался в оплаченных убийствах, но не сдал ни одного заказчика. И мафия хотела, чтобы человек, так много знавший, быстрее оказался на свободе и исчез подальше из поля зрения правоохранительных органов. Я слышал, что в Москве и Санкт-Петербурге был создан даже фонд по спасению Македонского, крутые люди быстро скинулись и собрали «лимон». Миллион долларов в бедной стране — огромная сумма, возможно, именно это помогло бежать знаменитому киллеру из тюрьмы, и я зря грешу на каких-то высоких покровителей и спецслужбы. Хотя лично для меня и этот побег, и вся его жизнь остаются тайной.

— Даже для тебя, знающего так много или почти все? — Тоглар усмехнулся.

— Погоди, погоди,— вдруг заволновался Аргентинец,— я, кажется, наконец понял, почему продажный ментовский генерал рас-

сказывал все это на новоселье Шамана в Барвихе. Он же хотел попугать хозяина дома или предупредить, чтобы тот не очень зарывался или делился доходами с тюменской нефти справедливо. Ну, конечно, как же я сразу не допер? Ведь те двое, которых Солоник повесил вниз головой морозной ночью в лесу, были подельниками Шамана, а ко времени этого празднования от них остались лишь гранитные памятники в полный рост на тюменском кладбище. Ну, мент, он все верно рассчитал! Намекал, мол, трепещи, Шаман,— Македонский на воле, если надо, пришлем и по твою душу, мы никого за здорово живешь не отпускаем.

— А ты не увлекаешься в своих предположениях? — осторожно поинтересовался Тоглар.

— Может — так, а может — и по-другому, но в этой версии логика есть, и если вдруг Шамана скоро грохнут, то я получу подтверждение своей злой догадке. Впрочем, слушай дальше...

В тот же день, когда Солоника перевели из лазарета в одиночную камеру, в «Матросской тишине» появился новый сотрудник, недавно демобилизованный из армии парнишка, инспектор надзора, младший сержант Сергей Меньшиков, именно он бесследно исчез в один день с бежавшим террористом. Наша пресса дружно поспешила назвать бедного сержанта главным лицом в побеге, организатором операции. Да, вчерашний солдатик наверняка сделал что-то для этого побега, но он, скорее всего, был лишь связным между покровителями Солоника на воле и самим знаменитым заключенным. Я даже думаю, что роль у него была одна — подстраховать Македонского, ведь уходили по отвесной стене, по вбитым заранее кем-то крючьям, в темноте, затем перебирались по крыше и снова спускались по стенам с высоты пятиэтажного дома. После операции на почке обессилевший киллер, конечно, нуждался в помощи — рисковать покровители не могли.

— И где, думаешь, сейчас этот парень? Если бы не ты рассказал, не поверил бы, принял за писательские байки, у них богатое воображение.— Тоглар, кажется, понял, почему Аргентинец так долго расписывал ему эту поистине феерическую историю русского гангстера.

— Скорее всего, уже где-нибудь на островах Фиджи или Таити, где вечное лето и ласковый океан, зализывает раны, ему надо набраться сил, прийти в себя. Но когда он окрепнет, восстановит форму, наверняка сделает где-нибудь в Париже или Берлине пластическую операцию, получит от покровителей или заказчиков мокрых дел новые докумен-

ты и снова появится в России. Заказчиков у него не убавилось, только цена за выстрел выросла на порядок — работа-то опасная. Он обязательно вернется на родину, в Москву, я знаю таких людей: без риска, острых ощущений они не представляют жизнь, покой им противопоказан. Надеюсь, ты понял, к чему я рассказал тебе эту историю?

Тоглар кивнул — все, мол, ясно.

Глянув на часы, Аргентинец удивленно присвистнул:

— Ба, как быстро бежит время в приятной компании, уютной обстановке и за интересным разговором. Ну, что ж, выпьем кофе и разбежимся. Через полчаса должны появиться мои партнеры, они не любят ждать под дверями,— и, повернувшись к залу, отыскал глазами долговязого парня и нервно крикнул: — Официант!

3

Расставшись с Городецким, Тоглар не стал подниматься к себе наверх — город, погода, да и сама свобода, с которой он еще толком не освоился, влекли его на улицу, на люди. Как это здорово — отправиться куда душа пожелает, зайти куда задумаешь, посидеть там, где приглянется. Да, по-настоящему свободу ценит только тот, кто ее терял, или не имел вовсе, или только обрел. Как же сладки ее первые часы, дни!

Конец августа — начало сентября в Ростове, наверное, самое красивое время года — еще в богатом убранстве, не опаленные осенью стоят деревья в многочисленных парках и скверах, хороши и столетние дубы, и вязы, высаженные в начале века вдоль центральных улиц.

Да и новые магазины, магазинчики, торговые точки, их яркая и призывная реклама, со вкусом, а где-то и с претензией сделанные броские вывески, столики крошечных кафе на улицах, под яркими тентами, на парижский манер, роскошно отреставрированные фасады многих исторических зданий, где не пожалели ни красного дерева, ни полированного мрамора и бронзы — все это радовало глаз и душу. Заметил эти городские перемены и Тоглар. Сегодня он воспринимал Ростов по-особому. Может, оттого, что именно здесь он по-настоящему глубоко вдохнул воздух вновь обретенной свободы, может, Наталья тому причиной — влюбленные смотрят на жизнь добрее, мягче, нежнее и больше замечают прекрасное, так-то уж человек. Но, как бы ни пьянила свобода, как бы ни очаровывал

предосенний город, как бы ни волновалось сердце от предстоящей встречи с девушкой, Константин Николаевич невольно возвращался к разговору с Городецким в номере и в ресторане. Он был благодарен судьбе за неожиданную встречу с Аргентинцем, такой полный расклад криминогенной жизни в столице не перед всяким выложат, да и не всякий ее знает. Впрочем, ни он сам, ни Городецкий, хотя и имеют вес в преступном мире, ни к грабёжам, ни к убийствам, ни к кражам, ни к рэкету отношения не имеют, не зря же его называют — чистодел! Его дело — бумаги, ксивы, у Городецкого — карты.

И надо же, до сих пор, дожив до пятидесяти, отмечая двадцатипятилетие работы среди братвы, как верно подметил Городецкий, он ни разу не подделывал документ, сам по себе вытягивающий деньги откуда-нибудь из банка или предприятия, — он мог поклясться в этом. Просто раньше была другая жизнь, миллионы безналичных денег на счетах любой организации ничего не значили. На них нельзя было ничего купить не только в розницу, но и на товарных базах, оттого и не было «беловоротничковой», бумажной преступности, фальшивых авизо. В той прежней жизни не было необходимости воровать уголь, нефть, металл, золото, бриллианты — никто лично не мог обогатиться за счет природных ресурсов страны. А счет в швейцарском банке мог присниться разве только сумасшедшему — назавтра такой аферист, будь он даже в ранге министра, сидел бы в подвалах Лубянки. Все охранялось как нельзя лучше, поэтому подделывать лицензии, таможенные декларации, разрешения на ввоз и вывоз не имело смысла, даже и прецедентов таких не было.

Тоглар раньше других оценил и цветной ксерокс, и компьютерную графику, все это он широко использовал на своем «монетном дворе» в Чечне, там к его услугам была самая совершенная техника. И хотя подручные компьютерщики были асами своего дела, всегда наступал момент, когда требовалось обязательное вмешательство человека, особенно если возникала необходимость в личной подписи. Взять тот же доллар... Есть детали на купюре, особенно — вся изощренная вязь и микрошрифт, которых на фальшивках компьютерной графикой добивались, а вот подпись казначея штата, а она на каждой серии своя, никакой техникой не передашь: перевести-то можно, но она получится мертворожденной, тут нужно четкое клише, сделанное рукой мастера.

Можно и печать вместе с подписью с одной бумаги на другую точно перевести, но в случае экспертизы легко определить, что тут

нахимичили компьютерами и ксероксами. Никакой компьютер никогда не сравнится с человеческим умом, талантом, его беспредельными возможностями. Тоглар помнит, как Алик Тайванец, тоже, как и Аргентинец, крупный катала, ныне живущий в Германии и контролирующий почти всю Европу, резонно сказал одному восторженному поклоннику модной техники: какой бы ни придумали компьютер, он никогда не сможет, как человек, говорить одно — подразумевать другое.

Тоглар хорошо понимает Дантеса, занимающего целое крыло на пятом этаже «Метрополя», тот верно просчитал: для большой аферы нужна подлинная подпись и настоящая печать. Но в грандиозные накруты он влезать не собирается, в этом нет необходимости, десяти миллионов долларов, что лежат в спортивной сумке «Найк» на втором этаже гостиницы «Редиссон-Ростов», должно хватить ему надолго. Да и пятьдесят годков, что стукнут в декабре и накатили незаметно,— все-таки возраст, хотя и выглядишь, и чувствуешь себя на сорок. Пора думать о своем доме, семье, не век же одному куковать, хочется пожить спокойной и сытой жизнью буржуа — само время, обстановка в стране предоставляли эту возможность, были бы деньги.

Поселиться в районе Садового кольца, ходить на концерты, выставки, вернисажи, попутешествовать по свету не меньше разыскиваемого всеми спецслужбами мира Македонского. Слетать в Лос-Анджелес на могилу своего деда,— говорят, он на него похож, как вылитый,— да и вообще попытаться наладить отношения с американской родней. Для этого не мешало бы издать каталог работ академика Фешина, ведь, насколько он знает, кроме зала в Музее изобразительных искусств Татарстана, ему посвященного, работы его предка хранятся почти во всех музеях городов Поволжья: в Самаре и Саратове, Уфе и Сыктывкаре, Ижевске, Саранске и Воткинске. И в этом случае, если он выберет спокойную и размеренную жизнь, Тоглар должен умереть навсегда, тут всезнающий Аргентинец прав. Но и Модильяни ему воскрешать не очень бы хотелось, однако, скорее всего, никуда от братвы не денешься, особенно в такое время, когда обывателю кажется, что страна живет только по криминальным законам. Да он и сам без воровского иммунитета тут же станет объектом повышенного риска — богатство в России, увы, грозит бедой. А история с чеченцами может иметь продолжение, тут без старых связей не спастись. Выходит прямо по пословице: хотел бы в рай, да грехи не пускают. Но одно хорошо, что крими-

нальный мир Москвы, России потерял прежнюю однородность, стал пестр, как цыганское одеяло, и ему будет легче затеряться.

Радовало его и то, что на воле работы для него, а значит и интереса к нему, стало гораздо меньше, время нещадно вытесняло его редкую профессию из обихода, те же ксероксы и компьютеры — просто рай для тех, кто склонен к аферам. Любые акции и векселя, облигации и больничные бюллетени, любые документы — от паспорта до водительских прав — дело трех дней.

А главная причина ненужности его редкого ремесла в другом — появились тысячи, сотни тысяч конкурентов. Новые алчные чиновники России за деньги готовы какие хочешь документы выправить, и не липовые, а самые что ни на есть настоящие. Оттого-то братва, имея за спиной по пять-шесть ходок в зону, свободно разгуливает по миру в красных пиджаках с зелеными и синими паспортами. Из всех компьютерных систем за очень большие деньги изъяты все данные об их ухабистой, покрытой кровью жизненной стезе, и выглядят они по новым анкетам кристально чистыми, законопослушными гражданами, с шлейфами несуществующих знаний и должностей. Один пахан на заре освоения запредельных территорий, отдыхая на Солнечном Берегу в Болгарии, вдруг узнал, что он по документам академик, член-корреспондент, специалист по каким-то редчайшим наукам, и к нему косяком повалили тамошние ученые. Но начальное образование нельзя было скрыть никакими карденовскими костюмами, и нашему человеку, во избежание международной огласки и шума в прессе, пришлось срочно ретироваться домой. Впрочем, это был еще только восемьдесят седьмой год, нынче подобный «академик» мог просто послать дотошных коллег на три буквы...

В раздумьях о себе, о жизни, о планах на завтра Тоглар не заметил, как опять оказался на центральной улице Ростова. Только случайно столкнувшись со встречным прохожим, вернулся в действительность и сразу услышал шумы, звуки города, ощутил запахи зрелого лета, увидел краски самой нарядной улицы. «Боже, как хорошо жить, как прекрасна свобода, как сладко ждать любимую женщину», — подумал с улыбкой Тоглар. При воспоминании о Наталье он глянул на свои шикарные часы — до встречи с нею оставался ровно час. Магазин ее, «Астория», находился рядом, за углом, но она просила не заходить на работу. Сегодня приезжал из Парижа их патрон, молодой француз Робер Платт, представлявший торговый дом Кристиана Лакруа, совладельца «Астории», потому в Ростове

так широко была представлена французская мода. Наташе не хотелось волноваться из-за появления своего нового знакомого на работе и отвечать на вопросы любопытных подружек.

— На-та-а-ля... — Он не удержался, вслух, нараспев произнес ее имя, и сердце залило такой неожиданной нежностью, какой никогда не испытывал в жизни, от волнения у него закружилась голова и стало трудно дышать. Он сбавил шаг, присел на первой же скамейке у одного из часто встречающихся в центре сквериков. Но сидеть долго не мог — вдруг неудержимо захотелось сделать девушке какой-нибудь роскошный подарок, чтобы, как прошлым днем, увидеть на ее прекрасном лице восторг, радость и удивление одновременно. Эта мысль сорвала его с места. Вчера, разыскивая цветочный магазин, он заметил изысканно отреставрированный фасад старинного особняка в викторианском стиле, на первом этаже которого располагался ювелирный магазин «Камея», и даже успел мельком глянуть на богато оформленную витрину. Туда он и направился быстрым шагом, хотя времени до встречи было еще много.

Магазин поразил его крошечностью, хотя и был двухзальным, но через пять минут пребывания первоначальное ощущение карликовости прошло бесследно. Может, тому способствовал хорошо продуманный дизайн. Большие зеркала в отполированных до золотого блеска бронзовых рамах, вделанных в стены, искрящиеся зеленым уральским малахитом, выверенное освещение, струившееся, казалось, отовсюду, пол — как и в «Редиссон-Ростове» — из золотистого, с вишневыми прожилками, итальянского мрамора, очень похожего на русский оникс. Живые карликовые деревья бонсай в настоящих китайских фарфоровых кашпо, поставленных на консоли авангардных конструкций из красного дерева. А в углах в больших вазах из цветного венецианского стекла — живые цветы, запах которых Константин Николаевич ощутил сразу, едва переступил порог зала. Вероятно, вызывающее роскошество «Камеи» отпугивало праздных любителей слоняться по магазинам в рабочее время, и ювелирный пустовал. Лишь две девушки, тихо переговариваясь, разглядывали стенд-витрину с обрубальными кольцами, видно, одна из них готовилась к свадьбе.

Наверное, в новых магазинах чувствуют реального покупателя, ибо, как только он появился в зале, две хорошенькие продавщицы, как бы подчеркивающие особую красоту окружающего великолепия, прервали разговор. Вернувшись к дорогим прилавкам-витринам, одна из них с улыбкой ненавязчиво спросила:

— Что бы вы хотели приобрести?

Тоглар помнил, что времени у него осталось чуть больше получаса, и сразу приступил к делу.

— Мне нужно сделать подарок, какой-нибудь гарнитур: сережки, колечко...

— С бриллиантами?

— Да, конечно, с бриллиантами, и обязательно с изумрудом.

— Извините, если не секрет, кому вы хотите подарить, я имею в виду возраст?

— Ей приблизительно столько же, сколько и вам,— отчего-то смутился Константин Николаевич.

— О, тогда у нас большой выбор: есть бриллианты из Италии, США, Израиля, есть изделия от «Картъе», с бриллиантами от южноафриканской «Де Бирс».

— Нет, это мне не подойдет. Есть у вас что-нибудь чисто российское? — неожиданно для себя заупрямился Константин Николаевич. Он не хотел, чтобы его доллары, даже фальшивые, достались Западу, в нем неожиданно проснулся русский человек, державник.

— У нас все есть, и российские бриллианты тоже,— несколько разочарованно сказала продавщица, видимо, с продажи западных изделий она имела больший процент, но на это Фешину было наплевать.

Перед ним выложили сразу несколько комплектов в изящных, отделанных замшей, роскошных футлярах, и он сразу стал в тупик: ему понравились все. Тогда он поинтересовался ценой.

— Эти — три с половиной тысячи долларов, эти — четыре тысячи двести, а вот эти — пять тысяч пятьсот... — бесстрастно роняла девушка, уже уверенная, что обманулась в клиенте.

— Вот эти, за пять пятьсот, я и возьму,— сказал Константин Николаевич, и в этот момент в зеркале за спиной молоденьких продавщиц увидел двух кавказцев.

Одного взгляда было достаточно, чтобы Фешин определил — чеченцы, хотя неискушенному человеку многие горцы Северного Кавказа — осетины, лезгины, дагестанцы — кажутся внешне очень похожими. Но это были точно чеченцы. И Константин Николаевич даже подумал, что этих парней он не раз видел в охране братьев Цуцаевых.

«Какой же я лох! Костюм от Труссарди, рубашки от Ван Хейзена, русские бриллианты с изумрудом... Пижон несчастный! Пи-

столет надо было сразу покупать, пистолет. Или взять у Аргентинца на время визита в город», — с отчаянием подумал Фешин, но ругать себя было поздно...

Вероятно, его голос, когда он произнес «беру» и увидел в зеркале чеченцев, выдал какое-то волнение, ибо молча стоявший в дальнем углу охранник с автоматом наперевес, в камуфляжной форме, — обязательный атрибут дорогих магазинов, особенно ювелирных, — вдруг как бы вышел из тени, подошел к витрине с покупателем и развернулся лицом к кавказцам. Те молча, с достоинством покинули зал.

— Так вы берете или шутите? — спросила продавщица, почуяв, что клиент потерял интерес к бриллиантам.

И тут его осенило, словно сработала защитная пружина:

— Беру, девушка, беру, но с одним условием: если у вас есть черный выход и вы меня через него выпустите.

Девушка оказалась сметливой, не растерялась.

— Поняла вас. Выход есть, и Сергей, — она показала взглядом на стоявшего рядом охранника, — вас подстрахует.

Тоглар вынул пачку долларов и спокойно отсчитал нужную сумму, затем положил рядом еще несколько купюр и добавил:

— А это вам с Сергеем за сообразительность.

Девушка спрятала деньги в сейф, нажала потайную кнопку, и металлический турникет бесшумно открылся вглубь здания. Парень в камуфляже первым прошел в открывшийся проем, Тоглар — за ним. Петля коридорами, они пробирались к черному выходу.

— Вот и пришли, я сейчас выгляну, — и охранник вышел во двор.

Константин Николаевич видел в открытую дверь небольшой захламленный двор-колодец — такие часто встречаются в кварталах старой постройки. Ему нужно было пробежать метров двадцать, нырнуть под высокую арку, и он оказался бы на параллельной очень оживленной улице Ленина, там неподалеку, на углу, его уже должна была дожидаться Наталья.

Парень вернулся быстро.

— Все, кажется, чисто. С богом! — он легонько подтолкнул Тоглара в плечо — так поступают в десанте перед прыжком с парашютом, видимо, парень почувствовал в покупателе бывшего коллегу.

— Спасибо, братан, — и Тоглар спокойно распахнул железную дверь.

Карлен Татлян, случайно оказавшийся в ресторане «Пекин», где в тот день отмечал день рождения молодой человек, к которому за столом гости то обращались по имени Слава, то называли его Картье, что скорее было кличкой, чем фамилией, считал вечер удачным для себя. Наконец-то ему повезло.

Жил он в Москве уже около полугода и ни на шаг, как ему казалось, не продвинулся в решении поставленной перед ним задачи. Да что там «в решении», он, честно говоря, растерялся, не знал, с какой стороны подступить к заданию. Прежде всего, его ошеломила Москва — гигантская, непонятная, безумно дорогая. Живущая только по своим, московским, законам, в которых нельзя ничего предугадать, предвосхитить, предсказать, — здесь ничто не укладывается в привычную логику.

Жизнь в Москве оказалась куда стремительнее и напряженнее, чем в Нью-Йорке и столицах других европейских стран, где ему довелось уже побывать, тоже в ранге корреспондента. А безопасность? Самые рискованные районы Лондона, Чикаго, Парижа и Берлина в Москве могли бы показаться заповедниками тишины и покоя. Здесь нет гарантий безопасности ни днем, ни вечером, ни ночью, ни в одном определенном районе. Тебя могут ограбить и убить в любом пятизвездочном отеле, будь то «Метрополь», «Савой» или «Националь». В ясный полдень раздеть в подъезде дома любого престижного района, где квартира стоит дороже, чем в самом безземельном Токио.

На Западе все ясно: туда не ходи, сюда не ходи — и будешь цел. А тут никто не подскажет островок безопасности — его просто нет. Как-то он как корреспондент отправил материал о захвате заложников. И где, вы думаете, происходили события? В двух шагах от ворот Кремля, прямо у Васильевского спуска на Красной площади. И это на главной площади России, которая кишмя

кишит дежурными милиционерами, постовыми, сотнями людей из спецслужб в штатском.

А посетить банк? Казалось бы, рядовое дело для жителя любой европейской столицы, а в Москве, отправляясь открыть счет или снять с него деньги, не мешает оставить завещание и заранее попрощаться с домочадцами: каждый день то взорвут, то подожгут банк, то взлетит на воздух припаркованная рядом с ним машина, начиненная тротилом. Или обстреляют выходящего инкассатора, или попадете на сам налет или ограбление кассового зала. Нет, к жизни в Москве надо еще привыкнуть.

Все знаменитые казино, ночные клубы, которые очень интересовали Карлена, как будто специально оказались расположенными в разных концах города, а в ночное время тариф на такси всегда чуть ли не за сотню баксов зашкаливает. И везде, не в пример Штатам и Европе, вход платный, а цены в рядовом ночном ресторане не уступают ценам в ресторанах парижских гранд-отелей. Тут никаких представительских денег, включая зарплату, не хватит на то, чтобы познать ночную жизнь русской столицы.

Говорят, что были в Москве времена, когда на иностранца смотрели как на человека с другой планеты, считая его непременно богатым. Карлену в это трудно поверить, ибо теперь большинство иностранцев, из тех, кого он знает, ведут в столице жизнь более чем скромную, и не потому, что некуда пойти, нечего купить — просто не позволяют финансовые возможности. А в тех местах, где он предпочитает бывать, иностранцев вообще почти не встретишь, россияне играют по-крупному и так легко расстаются с долларами, что тут, в казино, часто приходит на ум мысль о загадочной русской душе, и в памяти всплывает «Игрок» Достоевского. Ни на шаг не продвинувшись к своей цели, Татлян все же убедился в одном: русские обязательно, и в самом скором времени, вернут себе позиции великой державы, на которые так откровенно претендует Китай, и еще не раз удивят мир, как в свое время ядерным оружием, прорывом в космос, сверхзвуковой авиацией или балетом.

Попав в Россию, Карлен жалел о том, что не выпало ему работать в аналитическом отделе — какие доклады отсылал бы в центр, какими наблюдениями, открытиями, перспективами, прогнозами мог поделиться с шефами! Поработай в этом направлении в Москве год-два — станешь бесценным специалистом по России.

Но перед ним поставили конкретную цель, а практические задачи редко приносят быстрые лавры, да и принесут ли?

Возможно, Татлян с еще большим трудом вписывался бы в российскую жизнь, если б у него в Москве не оказался двоюродный брат по материнской линии — Ашот Казарян, с которым они были одногодки, да и внешне очень походили друг на друга. Хотя Карлен прибыл в Россию как американский гражданин, корреспондент известной газеты «Лос-Анджелес таймс», родился он в Ереване и даже успел получить серпасто-молоткастый паспорт гражданина СССР, но в восемьдесят первом году в возрасте шестнадцати лет вместе с родителями эмигрировал в США, в солнечную Филадельфию — край, давно облюбованный армянами со всего света, где жила многочисленная и не бедная родня Татлянов.

Ашот Казарян, ровесник Карлена, урожденный москвич, удачливый предприниматель и бизнесмен, имеющий свою многопрофильную торгово-закупочную фирму «Арарат», и его друзья вводили американского родственника, компанейского и веселого парня, в курс московской жизни. Без них Карлен Татлян не продвинулся бы ни на шаг в изучении Москвы, а значит, и в решении поставленной перед ним задачи, а сроки, как всегда, поджимали. Наверное, новым московским друзьям льстило, что Карлен, журналист-международник, американец, может посодействовать — кому в гостевой визе, кому в виде на жительство, и вообще проконсультировать относительно житья-бытья в далекой Америке: что там выгодно продать, что сюда с прибылью завезти. Так, само собой, и сложился взаимовыгодный альянс. И Ашот, и Карлен, да и большинство их друзей были холостяками, хотя возраст у всех подбирался к тридцати, а некоторые уже давно перешагнули этот рубеж, считающийся подходящим для создания семьи, но, видимо, переломное время, нестабильность, бизнес, как чума заразивший молодых, не способствовали женитьбе. Такое положение вполне устраивало Карлена Татляна — времени свободного у друзей было хоть отбавляй, они любили ночную жизнь, а главное, не были стеснены в средствах.

Месяца через три пребывания в Москве появились у Карлена и новые знакомые: они столкнулись случайно в ночном клубе «Метелица» на Арбате. Там он встретил пятерых своих ереванских одноклассников. Были в той большой компании, отмечавшей день рождения товарища, и трое ребят из их знаменитого Дома

композиторов на улице Саакяна. И остальных он тоже знал — почти все ребята из одного квартала, а Ереван конца семидесятых годов не был особенно велик. Ереванские друзья жили в Москве на полулегальном положении, не имели прописки, снимали квартиры, комнаты, занимались мелким бизнесом: держали торговые палатки, ларьки, работали на оптовых базарах, в автосервисе. В Армении царил жесточайший энергетический кризис, а вместе с ним повальная безработица, дикая инфляция, местная валюта — драм — обесценивалась не по дням, а по часам и не представляла никакого интереса нигде, кроме Армении, да к тому же непрекращающаяся война в Карабахе — все это сорвало с мест прежде всего молодежь.

Любой бизнес в России — банковский или по продаже роскошных автомобилей, дорогой недвижимости, или палаточная торговля, как у одноклассников Карлена, — нуждается в крыше. Среди национальных преступных группировок армянская была не самой последней в Москве, а уж зародилась она на много лет раньше, чем чеченская, дагестанская или азербайджанская. Армянская мафия, наряду с грузинской, — одна из старейших в Белокаменной, у истоков ее стоял легендарный Сво. Бедность выгнала из Армении не только желающих честно заработать свой кусок хлеба, но и бандитов, коих в Ереване, как и повсюду, расплодилось немало. И ребята из родного квартала Карлена Татляна делали маленький бизнес под крышей своих соплеменников. Кое-кто из них в тот вечер тоже гулял в «Метелице» на дне рождения бывшего одноклассника. Потом, несколько позже, во время одного из богатых застолий в ресторане гостиницы «Редиссон-Славянская» у Киевского вокзала, некоторых представили Карлену.

Американский корреспондент, в ту пору еще не очень разобравшийся в московской жизни, был весьма удивлен, что гангстеры не скрывали род своей деятельности, даже, как ему показалось, гордились этим и великодушно обещали свое покровительство в беспокойной Москве. «Как в Чикаго в двадцатые годы», — отметил в тот вечер Татлян. Он, конечно, и виду не подал, что рад: так легко вышел на столичные криминальные структуры, — подобное знакомство являлось одной из составляющих его главного задания.

Уже через полгода у Татляна сложился довольно широкий круг знакомых в Москве, причем знакомства эти были в разных

слоях, особенно они разрастались благодаря связям и контактам Ашота Казаряна — театрала, человека, вообще неравнодушного к искусству. Карлен, выросший в музыкальной семье, сам прекрасно владел гитарой, играл на фортепьяно, в студенческие годы пел в молодежной группе, оттого частенько отсылал в родную газету материалы о культурной жизни Москвы. Всего за один театрально-концертный сезон он стал своим человеком в мире искусства и редко пропускал большой концерт или артистическую тусовку.

Часто бывая в богемной среде, он однажды и заметил Картье и, конечно, сразу понял, что молодой щеголь принадлежит к когорте людей, которых принято называть «новыми русскими». Впрочем, Татлян не проявил в тот вечер к Неделину никакого интереса: около людей искусства обычно вращается много золотой молодежи, так было всегда, во все времена, во всех странах, и Москва, тем более стремительно обновляющаяся, не составляла исключения. Но молодой человек, имени которого он не знал до встречи в ресторане «Пекин», попался ему на глаза еще раз и в совершенно иной ситуации, а это в гигантской, многомиллионной столице что-то значило. Вторая встреча произошла в известном заведении «Трефовый туз», в роковой для игорного заведения день.

В казино Татляна пригласили армянские гангстеры, те, с которыми его познакомили одноклассники в ресторане гостиницы «Редиссон-Славянская». Татлян как-то ненавязчиво намекнул им, что ему как журналисту не мешало бы посмотреть на русскую рулетку и «новых русских» за игрой. Впечатление осталось неизгладимое, такой сумасшедшей игры, таких бешеных ставок он не видел никогда. Там, в «Трефовом тузе», он и повстречал вторично парня, запавшего ему в память на какой-то тусовке. Тот сидел рядом с крупье и делал довольно крупные ставки, все проигрывая и проигрывая. Из-за этих проигрышей он и обратил на себя внимание Карлена. Парни, с которыми Карлен пришел в ту ночь в «Трефовый туз», выигрывали, и тоже крупно: удача в тысячу долларов выпала и ему самому.

Но Карлен больше наблюдал за игрой и игроками — это было главной целью посещения казино. Картье в ту ночь, по самым скромным подсчетам, проиграл тысяч тридцать — сорок. Часа в два ночи у кресла неудачника появились две девушки необычайной красоты, изысканно одетые, и он без тени сожаления

встал из-за стола и начал довольно громко обсуждать с ними, в какой ночной клуб они поедут развлекаться дальше. Карлен помнит, что они остановили свой выбор на «Какаду». Парень поразил Карлена и размером проигрыша, и тем, как небрежно расставался с деньгами, а главное, как легко вышел из игры. «Какими же суммами оперирует этот человек, если швыряется десятками тысяч за вечер?» — пришло на ум Татляну, и он пожалел, что не заснял на всякий случай богатого гуляку из «Трефового туза».

Через неделю Карлен пожалел об этом еще больше. Парни, с которыми он в тот вечер ходил в казино, рассказали, что хозяева «Трефового туза» отыскиали их и задали очень много неприятных вопросов, показывая при этом кучу фотографий и допытываясь: это кто, а это кто? Пришлось, мол, и тебя засветить как американского гражданина, иначе они хотели и с тобой потолковать.

Анализируя неожиданное сообщение, Татлян вдруг понял, что вышел на нужный ему след, однако он не знал, как подступиться к делу. В ту же ночь Карлен самолично поехал в «Трефовый туз», но здесь его ждало разочарование: объявление, что казино разорилось. Едва замаячивший след так же внезапно и оборвался...

Но верно гласит русская пословица: на ловца и зверь бежит. Спустя несколько дней после неудачной поездки в разорившееся казино Ашот с друзьями отправились обмывать какую-то фартовую сделку в ресторан «Пекин» и в последний момент захватили с собой Карлена. Каково же было удивление Татляна, когда он увидел невдалеке, через проход, большую компанию — судя по богатству стола и роскошным букетам, там отмечали какое-то важное торжество, — и среди них того парня, что играл в «Трефовом тузе». На этот раз Татлян своего не упустил: танцую рядом, услышал, что незнакомца зовут Слава. Обращались к нему и по-иному — Картье, но это, видимо, была его кличка. Запомнил Карлен и гостей, так — на всякий случай. Воспользовавшись удобным моментом, он сумел сфотографировать этого самого Картье, а в конце вечера, задержавшись, и номер его машины. Более того, одной размалеванной девице из этой компании он сумел в танце вручить свою визитку: девушка могла подробнее рассказать о виновнике торжества, а если понадобится, то, наверное, и познакомить с ним. Как и именинник, Карлен покидал в тот вечер китайский ресторан в хорошем настроении.

Герман Кольцов, приглашенный с женой на день рождения Неделина, своего бывшего кореша по спецназу, в тот августовский вечер был в районе площади Маяковского и знал, что Славка гуляет с друзьями в китайском ресторане гостиницы «Пекин». Он даже заглянул там же, на Тверской, в обновленный ресторан «Якорь», куда еще до армии забегал с друзьями пропустить по рюмочке, когда выбирались с заводской окраины в центр продефилировать по улице Горького, которую они называли в ту пору, по моде шестидесятых годов, Бродвеем. Нет, он не имел никаких претензий к Неделину, просто считал, что пути их разошлись навсегда и нечего ворошить прошлое. Что армейская дружба? Она вынужденная, как любил выражаться по всякому поводу сам же Славка — это просто стечение обстоятельств. Да, они были земляками, парнями столичными, да, их мордовали поначалу «бандеровцы», да, их кровати стояли целых два года рядом, они делились последним, но все это, как ни крути,— лишь стечение обстоятельств. Прагматик Герман понимал, что жизнь разведет его с Неделиным в разные стороны, на этот счет он не обольщался. Уже тогда он задумывался, что может связывать их в Москве — его, не одолевшего школу дальше восьмого класса, выгнанного даже из ПТУ за хронические прогулы и неуспеваемость, слесаря первого разряда завода «Серп и молот», которого и к станку-то не подпускали, лишь гоняли мастера-вые — подай-принеси. Он, конечно, в такие детали своей жизни Славку не посвящал, больше расписывал заманчивое про каратэ, кун-фу, джиу-джитсу и другие восточные единоборства, к которым действительно проявлял интерес. Все свободное время он проводил в спортзалах и дискотеках, где нахватался кое-чего и о «Пинк Флойд», и о «Лед Зеппелин» с «Роллинг Стоунс», и, конечно, о Майкле Джеконе, как комета ворвавшимся в наши дансинги. Зато Кольцов рано стал задумываться о своем социальном положе-

нии. Оно его ну, никак не устраивало, он стыдился, да что там стыдился — презирал свое унижительное житье-бытье.

Обитали они в Люберцах, в заводском районе. Двухкомнатная квартира была типичной малогабариткой с низкими потолками, где ванная комната совмещалась с санузлом, одним словом — пресловутая хрущоба. Мать с отцом работали в термическом цехе, где при высоких температурах закаливали особо важные детали для оборонки и космоса. Цех вредный, оттуда на пенсию уходили на пять лет раньше положенного срока, да и путевками в черноморские санатории рабочих обеспечивали ежегодно. Хрущобу эту предки получили на заводе одними из первых, еще в 1958 году. То-то было радости! — рассказывали его родители-трудяги. Как им завидовали соседи, товарищи по работе, родня! Наверное, радость отца и матери можно было понять, ведь раньше они занимали в бараке одну комнату на две семьи.

У Германа была сестра, на шесть лет его старше; когда он учился в шестом классе, она вышла замуж за какого-то парня с того же оборонного завода. Жених жил от них неподалеку, тоже в хрущобе, с матерью, но ему, как передовику производства, вроде бы обещали квартиру, кажется, свадьба в основном из-за этого и состоялась. Но семейная жизнь у сестры не заладилась: кузнец скоро запил, из очереди на квартиру его, естественно, вышибли, в общем, через два года сестра Лиза вернулась обратно к родителям с двойней: Машей и Дашей. Сестра заняла комнату, которую Герман уже считал своей, и тогда еще детским умом он понял, что потерял свой угол. Все возвращалось для Кольцовых на круги своя: опять одна квартира на две семьи. Теперь он спал в ванной комнате рядом с унитазом — даже раскладушку поставить было негде. Матрац кидали в ванну, и располагался он там, поджав ноги, — в малогабаритке и ванна была маленькой. Поскольку кроме него в квартире обитали еще пять человек, а туалет стоял почти впритык с ванной, то его «спальню» срочно занавесили какой-то шторой из веселенького ситчика. Иногда он, в порыве самоуничтожения, говорил в сердцах: я вырос в туалете.

Именно в ту пору, когда вернулась сестра с племянницами, он резко сдал в учебе, а ведь был почти отличником, любимцем учителя физики и математики. Он и в ПТУ, там же в Люберцах, пошел из-за того, что прельстился общежитием, где наконец-то заимел свою собственную кровать. Но его оттуда скоро выселили: не хватало места иногородним, а он, как москвич, вроде жил дома. Разумеется, гордость не позволяла сказать, что он спит в туалете, хотя уже тогда

вымахал под метр восемьдесят. Потому и здесь учился с трудом, натужно, больше пропадал в спортзалах. Придет днем и спит на борцовских матах: благодать, руки-ноги можно как хочешь раскинуть.

Те годы были порой становления «люберов» — нового феномена советской действительности. Многие, с кем Герман Кольцов начинал «качаться» в люберецких подвалах, станут влиятельными и богатыми людьми. Это люберецкие первыми перестанут считаться и с воровскими традициями, и с самими ворами в законе. Это их деяния окрестят в преступном мире новым термином — беспредельщина. По организованности, дисциплине, жестокости их станут равнять с «чехами».

Нельзя сказать, чтобы Гера верховодил в люберецких подвалах, но и последним не был, не шестерил — это точно. Природа щедро одарила его и силой, и ловкостью, да и характера хватало: до армии, когда на танцах нужно было схлестнуться баш на баш, то есть один на один, ватага, с которой он обычно приходил на дискотеку, всегда доверяла поединок Кольцову. Гера никогда не подводил своих люберецких: дрался умело, жестоко — дни, проведенные в подвале-спортзале, не пропали зря.

Наверное, армия все же сыграла в судьбе Кольцова ключевую роль: его призвали на флот осенью 1986 года, когда Горбачев уже провозгласил свой знаменитый лозунг: «Разрешено все, что не запрещено законом» — и дал зеленый свет кооперативам. Но Гера не успел всласть попользоваться плодами этой свободы. Только однажды, за неделю до сбора на призывном пункте военкомата, когда он уже ходил остриженный под нулевку, парень по кличке Хавтан, лет на пять старше и имевший уже ходку на зону за хулиганство, сказал ему и еще трем дружкам, тоже остриженным наголо: свожу-ка я вас на прощанье, солдатуски, в один роскошный нэпмановский ресторан. Поначалу они очень удивились: Хавтан уже полгода нигде не работал и прежде щедростью не отличался. Но в «Золотом петушке» их встретили неожиданно приветливо, они поели от пуза, да и пили сколько влезет. На прощанье сам хозяин ресторана вынес Хавтану два тяжелых пакета — из одного торчали засургученные головки заморских напитков, тогда только-только хлынувших в страну, а в другом, судя по запахам, были тоже не селедка с дешевой колбасой. Хозяин вежливо так пожал на прощанье всем руки и, кивнув на пакеты, пояснил: а вдруг, мол, надумаете продолжить застолье. Короче, такого обхождения ни Гера, ни дружки его стриженные до сих пор нигде не встречали, и никто им, кажется, никогда не был так рад,

как хозяин «Золотого петушка», так, по крайней мере, показалось ребятам. Как только отошли подальше от ресторана, ребята сразу — к Хавтану: он что тебе — брат родной, или в карты штук на сто залетел? А Хавтан, довольный произведенным эффектом, сказал тогда надолго запомнившиеся Кольцову слова:

— Все, братва, власть переменялась. Теперь барыги всякую шушеру из райкомов-райисполкомов кормить не будут. Наше время пришло! Наше! Пей, гуляй, братва! А что не по-нашему — взорвем, подожжем, разобьем. Оттого толстопузый ресторатор чуть ли не целовался с вами на прощанье; знает, что его заведение находится на моей территории!

Конечно, не загреми тогда Герка в армию, закрутились-завертелись бы, наверное, они рядом с Хавтаном, ведь не за красивые глаза он их пригласил в «Золотой петушок». И уговаривать долго не пришлось бы — по душе им оказалась волшебная хавтановская скатерть-самобранка, и обхождение понравилось. Ради этого и буйной головушки не жаль. Но... судьба есть судьба. Однако на службу свою Кольцову было грех жаловаться — армия многому его научила, он там с десятков профессий, хотя и редких, больше военных, но все же приобрел. И каким бы беспечным он ни казался, а мысль о гражданке всегда костью в горле стояла. Кем быть? Чем заняться? Да и просто — где жить? Особенно угнетало последнее, в ванну он уже и при желании не поместился бы — весил под центнер и роста телеграфного, уж Петру Великому точно бы в гренандеры подошел.

А тут еще женитьба на Леночке Мороз все карты спутала. В Москву дорога сразу закрылась — вдвоем в хрущобу они никак не вписывались. Снимать квартиру? Теперь это не проблема, только на это сотни, тысячи долларов нужно, а он их до сих пор и в руках не держал. Да и к богатой невесте из ресторана «Иртыш» штампом в паспорте ход замуровал, а ведь все прежние планы были связаны с ней. Дожидалась его и трехкомнатная квартира в кирпичном доме, рядом с бывшей «Березкой», вся в коврах и хрустале, и тачка, и дача в районе Крекшино. «Все твое, милый, только люби!» — так страстно шептала пышнотелая невеста Люся. Правда, на семь лет старше и уже имевшая одну «ходку» замуж, да жених, как она выражалась, попался хлипкий, интеллигентик, слабоват здоровьем для ее темперамента, не то что он, богатырь Кольцов! Потому и засыпала невеста своего Кольцова посылками, передачами, письмами и телеграммами чуть ли не каждый день.

Леночка — вот одна из причин, почему ему не хотелось сближаться со Славкой в Москве. Пусть запоздало, но он чувствовал свою вину перед Неделиным, знал, если они будут общаться теснее, позорная тайна все равно вылезет наружу, а учитывая своенравный характер своей жены, догадывался, что добром эта история для него не кончится. Дело в том, что женился Кольцов на очаровательной Леночке Мороз обманом, самым что ни на есть примитивным и подлым. Ну, ладно, хотя бы влюбился до потери сознания, дня не мог прожить без нее, как это бывает в молодости, но чего не было, того не было. Конечно, Леночка ему нравилась, а кому бы она не понравилась? Красавица, умница, фигурка точеная и сердце к тому же золотое, что по нынешним эгоистическим временам — клад, да и только. А хозяйка какая: и готовит, и стирает, и шьет, и вяжет — все, за что ни возьмется, горит у нее в руках! Может, не видел, что дружок Славик влюблен по уши в Леночку, которую первый и заметил и по доброте своей познакомил с ней лучшего друга, то есть его, Кольцова? Все видел, все понимал Гера, догадывался, что Леночка со Славиком прекрасная пара и что она с Неделиным будет счастлива. Вот тут, пожалуй, и кроется отгадка давнего подлого поступка Герочки Кольцова — зависть, обыкновенная черная зависть к своему единственному армейскому другу. Хоть он, иногда анализируя прошлое и пытаясь умалить свою вину, мысленно и оправдывается — затмение, мол, нашло, но от правды, как от себя, никуда не укроешься.

Дело шло к демобилизации, и Кольцов чувствовал, что нерешительный в амурных делах Славик, скорее всего, предложит Леночке руку и сердце. Ну, ладно с Леночкой, тут хоть как-то можно объяснить свое поведение, но за что же со Славкой так не по-товарищески поступил, запаadlo, как сказал бы кореш Хавтан? Разве не видел, как Неделин тянулся к нему, особенно после того, как он разобрался с «бандеровцами», разве не понимал, что в глазах Славика он представлял сильным и благородным парнем? Видел, понимал. Но еще до Леночки люто позавидовал, что Неделин живет с родителями на Кутузовском проспекте, неподалеку от дома, где еще недавно обитал сам генсек Брежнев. Завидовал тому, что у дружка есть своя комната, и что потолки у них — три сорок, и ванна громадная, как раз под его рост — два десять! Завидовал и тому, что тот знает два языка: французский и английский, окончил спецшколу и поступал в МГИМО, хотя и не прошел по конкурсу, даже набрав проходной балл. А ведь Неделин никогда не хвалился, не задира

нос, как часто бывает в подобных случаях, и от армии не откосил, как некоторые. Все понимал Кольцов, но такая уж натура у него на поверку оказалась гнилая. Он даже кличке Славкиной завидовал — Картье. Это звучит! Не то что у него — Самурай. Так стали его называть после разборки с «бандеровцами», и еще, наверное, за заметный раскос глаз и азиатскую смуглость.

А узнай Неделин, что он так его подставил с Леночкой, тоже неизвестно, как воспримет. Интеллигент интеллигентом, но стержень в нем есть, Гера не раз в этом убеждался, а уж что не выдаст, не продаст, мог на чем угодно поклясться. «Бандеровцы» пытались одно время угрозами оттереть от него Славку, одного Самурая заманить в ловушку, чтобы рассчитаться за позор новогодней ночи, но ничего у них не вышло — не предал его Неделин. Да и других случаев, подтверждающих характер и порядочность Картье, было немало: служба в десантных войсках и спецназе — это не турпоход с инструктором, тут без товарища выжить нелегко. За кажущейся мягкостью, нерешительностью Неделина стояла вовсе не слабость и тем более не трусость, а нечто иное, совсем не знакомое Самураю: порядочность, такт, выдержка — то, что дается воспитанием, культурой, средой. Кольцов осознал это гораздо позже, когда разошлись их армейские пути-дорожки.

Да разве кто-нибудь, даже посторонний, не говоря уже о Леночке со Славиком, понял бы его и простил, если б узнал о его, Самурая, подлянке? И припомнились по этому случаю две любимые хавтановские присказки: «жадность фраера сгубила» и «на чужой каравай рот не разевай».

Чувствуя, что Слава вот-вот сделает Леночке предложение, Кольцов придумал коварный ход. Все стены в изголовье его кровати были увешаны фотографиями невесты Люси — и цветными, и черно-белыми. И все сделаны в известном фотосалоне «Вера» знаменитым Аркадием Гершманом, у которого снимались столичная знать и кинозвезды. Вероятно, Аркадий Ильич или его сын — Сергей Аркадьевич, известные своей широтой гуляки, — обожали ресторан «Иртыш», иначе за что же такая милость обыкновенной завпроездом — у Гершмана очередь была расписана на годы вперед.

В один прекрасный день, отправляясь в увольнительную без Славки, Кольцов собрал все фотографии своей пышнотелой Люси и, встретившись с хорошенькой продавщицей, разыграл сцену, достойную Шекспира. Сказал, что Слава ему, конечно, друг, но истина

М

и ты, Леночка,— дороже. У Неделина, мол, есть в Москве богатая невеста, дочь известного академика, которая засыпает его письмами, переводами и посылками. Дюжины две фотографий, разложенных перед растерявшейся Леночкой, конечно, впечатляли — такое за один день не соберешь. И тут же, не мешкая, воспользовавшись моментом, Кольцов предложил девушке руку и сердце. Уязвленная Леночка не ответила отказом на коварное предложение Самурая.

Было, было отчего остерегаться Герману Кольцову старого армейского друга Неделина.

2

После службы в армии Кольцов обосновался во Владивостоке: обстоятельства, прежде всего жилищные, вынудили его остаться.

В ту пору молодежь усиленно зазывали после армии в милицию. Особенно усердно МВД охотилось за ребятами, прошедшими спецназ или десантные войска, ими укомплектовывались ОМОНЫ, РУОПы и прочие спецподразделения по борьбе с терроризмом. Сулили всяческие льготы, подъемные и возможность заочно окончить двухгодичную школу милиции и получить офицерское звание. Леночкины друзья сумели выправить Кольцову аттестат об окончании экстерном вечерней школы рабочей молодежи, и он поступил на работу в милицию в портовом районе Владивостока, сразу был зачислен также слушателем заочной школы МВД.

Одно дело — Владивосток, куда ходишь в увольнительную, другое — жить в нем постоянно, тем более человеку столичному, москвичу. Нет, город на берегу залива Петра Великого Кольцову положительно не нравился. Грело его лишь осознание того, что в Москву он вернется офицером, да еще со стажем работы в особом подразделении милиции. Квартира ему здесь тоже не светила, как и в Москве, на очередь ставили после пяти лет выслуги, причем образцовой. Столько он ждать не мог, да и не привык, он принадлежал к типу людей, которым подавай все сразу и сейчас. Зато снимать квартиру во Владивостоке стоило гораздо дешевле, чем в столице, и она оплачивалась казной по месту его службы. Но работа в порту, хоть и тяжелая, оказалось, имела свои неоспоримые преимущества. Тут впервые ему в руки попала долларовая купюра, а через полгода, освоившись, он редко какую смену уходил домой без сотни баксов, хотя и догады-

вался, что кое-кто из коллег имеет гораздо больше, но рисковать прежде времени не хотел, уж очень мечтал об офицерском звании.

В те годы почти каждое судно из Японии возвращалось с подержанными иномарками, и, учитывая неожиданно возникший автомобильный бум, администрация Дальневосточного пароходства даже организовала специальные туристические рейсы на паромах и сухогрузах за машинами — очередь на билеты растягивалась на месяцы. Страна в ту пору была еще единой — ни границ, ни таможи, ни виз, — и во Владивосток, только недавно объявленный открытым городом, хлынули шустрые люди из всех республик, мечтавшие о «тойотах», «ниссанах», «маздах». А где машины и деньги — там, тут как тут, и преступность, почувствовавшая бессилие власти.

Владельцы новоприобретенных иномарок, которых за территорией порта поджидали пешие и за рулем бандиты, готовы были заплатить спецназовцу с автоматом за сопровождение от причала до дома и двести, и триста баксов. Такая работа занимала минут сорок, от силы час.

А сыпавшиеся отовсюду сослуживцам Кольцова неожиданные подарки?! Сигареты они курили только самые дорогие, виски пили только с черной этикеткой, духи — французские, даже бананы — и те самые спелые...

Раньше, качаясь с люберецкой шпаной в подвалах, Кольцов, как и другие, с презрением относился к человеку в форме и в любой ситуации был настроен к нему негативно, даже агрессивно — сказывалось хавтановское влияние. А, скорее всего, виновато в этом было само государство — стражи порядка как бы и не нужны были этому обществу, словно и не к ним бежал в первую очередь за помощью добропорядочный гражданин, если квартиру у него обокрали, если кошелек сперли в трамвае. И ведь искали и, что самое смешное, чаще всего находили, не говоря уже о более серьезных преступлениях.

Но то ли вокруг что-то изменилось, то ли он сам, облачившись в форму, стал смотреть на милицию по-иному, но даже вне службы Кольцов предпочитал появляться в городе, на базаре или в магазине, в милицейском мундире — так легче решались любые проблемы: ему шли навстречу, иногда заискивали, готовы были уступить, услужить, а частным транспортом он пользовался как такси, чаще бесплатно, — общество внезапно стало искать дружбы и с бандитом, и с милиционером.

Ну, с ним-то, Кольцовым, все было понятно изначально: в милицию он пошел не из-за убеждений. Деваться было некуда Самураю,

а кроме того — одним махом решалась проблема образования. Получит офицерское звание — значит, светит командная, а не рядовая должность. С такими корочками и послужным списком можно было возглавить в Москве службу безопасности любого коммерческого банка, крупной финансовой группы, на худой конец, любой процветающей фирмы — с появлением частной собственности спрос на человека с оружием резко возрос.

Позже, когда Кольцов уже вернулся в Москву, ему попалась на глаза газета «Караван» из какой-то бывшей советской республики, а теперь суверенного государства. В том номере большая статья была посвящена милиции. В этом самом новообразованном государстве, как и повсюду, в милицию валом повалили национальные кадры. И известный не только в республике, но и за ее пределами писатель, видя произвол, чинимый милицией, и зная, кто и почему идет туда служить в первую очередь, с горечью отмечал: «к сожалению, я должен признать, что милицейская форма становится нашей национальной одеждой...»

Прочитав столь откровенное признание с глубоким подтекстом, Кольцов улыбнулся: оказывается, не он один усек, какие преимущества дает милицейская форма... Толчком же для Самурая послужила чистая случайность...

Однажды под утро он обходил причал, где разгружались два корабля с бахчевыми и фруктами из дружественного Вьетнама. В ту пору еще существовал единый соцлагерь, и со своими, при всех портовых строгостях, обходились мягче, по крайней мере, не устраивали двойной кордон, как возле судов из капиталистических стран. От вида арбузов, недозрелых бананов и ананасов его тошнило уже с первого взгляда, и он собирался заглянуть на другой пирс, где днем пришвартовался на разгрузку белоснежный японский контейнеровоз, как вдруг невдалеке увидел человека, испуганно шмыгнувшего в сторону закрытых на ночь портовых лабораторий. Маневр предрассветного гуляки насторожил Кольцова — он твердо знал, что в той стороне постороннему до утра делать нечего, да и пройти оттуда никуда невозможно — там тупик.

Кольцов, конечно, понял, что человек, шедший ему навстречу, не хотел светиться, и, видимо, была у него на то причина — простой докер шархаться от ночного стража не станет. Сперва Гера хотел по рации вызвать подмогу, но потом решил действовать сам, уж очень желал отличиться — получить какую-нибудь письменную

благодарность, грамоту, которая наверняка пригодилась бы ему в будущем. Он тут же забыл о причале с японским контейнеровозом и, шагнув с освещенного прохода в ночную тень пакгаузов, стал бесшумно, как учили в диверсионной школе, подбираться к лаборатории. Рано или поздно затаившийся постарается вырваться из тупика, время работало на Самурая.

Ждать пришлось недолго, чуть больше получаса. То ли нервы у беглеца не выдержали, то ли время и рассвет подгоняли, но он появился — невысокого роста худощавый мужчина лет тридцати — тридцати пяти, через плечо у него висела небольшая кожаная сумка, наподобие тех, что носят студенты или журналисты. Он прошел рядом с Кольцовым, и тому оставалось лишь одним приемом завернуть незнакомцу руки и тут же защелкнуть приготовленные заранее наручники — прием, над которым на тренировках долго бьются даже самые способные спецназовцы.

Не выводя задержанного на свет, Кольцов обшарил карманы, задрал брючины, выдернул из-за пояса рубашку: оружия — ни ножа, ни пистолета — не было. Когда дошла очередь до сумки, человек в наручниках занервничал, Самурай усек это моментально. В сумке лежал аккуратно упакованный сверток килограмма на три-четыре, и Гера догадался, что это может быть. На инструктажах их предупреждали о знаменитом бирманском треугольнике, а Вьетнам там рядом. Но он все же достал нож и слегка подрезал обшивку упаковки... Содержимое не обмануло его ожиданий — в целлофановых пакетиках белел и поскрипывал на ощупь, как крахмал, наркотик.

— Кокаин? — спросил он у обмякшего враз задержанного.

Тот обреченно кивнул...

Герман ничем не выдал своей радости, хотя душа его ликовала: он задержал гонца, наркокурьера, да еще с такой богатой добычей! Он знал, что на советском рынке кокаин стоит двести долларов за грамм, и его употребляют только богатые клиенты: бизнесмены, артисты, воры в законе. А если удастся отследить через этого парня каналы поступления и реализации... Да в случае удачи его фамилия прогремит в милицейских кругах, такие задержания не часто случаются.

Кольцов достал рацию, как вдруг курьер, пришедший в себя, без тени подобострастия сказал:

— Не спеши рапортовать, начальник. Может, ты поймал золотую рыбку.

— Хороша рыбка,— усмехнулся Самурай, оглядывая темные чуть навывкате цыганские глаза гонца, но рацию почему-то машинально выключил.

— Давай разойдемся по-мирному. Наверное, догадываешься, сколько может стоить такой товар. А завалить человека во Владивостоке, даже и за штуку баксов, желающих хоть отбавляй...

— Ты еще мне угрожать будешь, падла!..— и расшвирипевший не на шутку Самурай рванул шантажиста за грудки, да так, что полетели пуговицы.

— Я не угрожаю, я расклад говорю. За мной ведь тоже люди стоят. Я что? Пехота, мул...— И вдруг, наверное, что-то уловив в голосе или интонациях Германа, с надеждой спросил: — Откуда будешь, братан, чувствую — не местный?

— Москвич,— нехотя признался Кольцов.

— Земляк, значит. Я тоже москвич, на Шаболовке живу. Отпусти, не обижу...

— Не обижу — это сколько? — неожиданно для себя заинтересованно спросил Кольцов.

— Пару штук, точно...

— Пару мало, ты же сам хвастал, сколько товар стоит. Деньги с собой?

— При себе нет, но выход всегда найдется, если сговоримся.

— Нет денег — и разговора не было,— очнулся Самурай и вновь взялся за рацию.

— погоди, братан, не спеши,— заторопился гонец.— Пятерка тебя устроит? Это весь мой гонорар за доставку, клянусь, но свобода дороже... Сам понимаешь...

— Где ты найдешь сейчас, среди ночи, пять тысяч? — недоверчиво спросил Гера.

— Нашел выход, нашел!..— радостно выпалил задержанный.— Дома, в Москве, телефон есть?

— Ну, есть. Что это меняет? Без денег я тебя не отпущу, я не собес.

— Понял, понял,— согласно закивал мужик.— Менты все такие, никакого доверия к трудящимся... Сейчас поедем на телеграф, я наберу московский номер хозяина товара, чтобы он сейчас же, сию минуту, отвез к тебе домой пять штук, вроде как это ты с посыльным передал. Через час позвонишь домой и, если баксы будут на месте, ты меня отпускаешь, причем с товаром, иначе мне никакая свобода не нужна, все равно пришьют. Лады?

— Лады. Но если надумаешь какую подлянку выкинуть, тут или там, в Москве, я, прежде чем сдам тебя властям, сам все поотбиваю, никакая медицина не спасет, понял? — жестко предупредил Герман, еще не до конца веря в удачу.

— Понял, понял. Едем на телеграф...

Вся операция заняла чуть больше двух часов, и он получил в ту ночь сумму, равную его пятилетней зарплате. Как тут не вспомнить Хавтана и его любимое: «Кто не рискует, тот не пьет шампанское!»? Чуть позже, анализируя случай с наркокурьером, он все же решит, что не пять тысяч долларов стали главной его удачей, хотя эта сумма открывала дорогу в Москву, а то, что он понял наконец, как можно заработать настоящие деньги, пользуясь положением человека, представляющего власть, закон.

Припомнился один из вечеров в люберецких подвалах, когда кто-то из крутых ребят, по случаю угощавший молодняк, после выпивки разглагольствовал о каком-то коварном прокуроре. Мол, прекрасная работа у прокурора и у судьи: чтобы наработать себе имя, нужно всего лишь беспощадно сажать и давать по обвинительной статье на всю катушку. А вот когда приобретешь репутацию решительного и неподкупного, тогда уже можно присмотреться к подсудимым внимательнее, а точнее, избирательно. Отмажешь от вышки или большого срока богатого человека — он сам отдаст тебе если не все, то уж точно половину того, что нахапал за всю жизнь, имея гениальную голову или располагая доходным местом. Вот тут репутация и выручит прокурора — не поверят, что из-за корысти вытащил из петли казнокрада, на худой случай, решат, что ошибся, а этого с кем не бывает. С хорошего куша можно и в отставку уйти, будто «обидевшись», как это сейчас часто наверху проделывают.

Конечно, Кольцов прекрасно понимал, что он не судья и не прокурор, и никто ему на блюдечке с голубой каемочкой не принесет весомую взятку, да и не такое уж, на первый взгляд, у него хлебное место, но... если пораскинуть мозгами и не ждать случая, а ловить его, то и на его скромной должности, был бы мундир, можно неплохо жить. Недавно он видел по телевизору рекламный ролик, — оказывается, в наше время, особенно в переломный период, самое дорогое не золото, не бриллианты, а... информация. На этот совершенно абстрактный рекламный клип, вероятно, мало кто обратил внимание, но Герман смекнул, что он сидит на самой что ни на есть золотой жиле. Если уж судья или прокурор могут за определенную мзду по-

мочь попавшему в беду богатею-бизнесмену, богатею-банкиру, богатею-бандиту, то и у него есть подобная возможность: перехватить у них такого выгодного клиента гораздо раньше, еще при задержании.

Ведь информация, цена которой — жизнь, свобода, богатство, находится если не у него в руках, то в его ведомстве, и судьбы людей, попавших в поле зрения милиции, решаются на этажах, по которым он ходит свободно. А бумаги на столах и в сейфах начальства дорогого стоят, только разберись, найди доступ к этой информации вовремя, и судья с прокурором, которым он успел позавидовать, останутся с носом.

Вот где по-настоящему можно реализовать свои армейские знания, зря что ли их так натаскивали в спецназе. А умение подключиться к любому телефону, хоть внутри здания, хоть за его пределами, и поставить его на прослушивание поможет добыть ту самую информацию, что дороже золота и бриллиантов.

3

Случай с наркокурьером, когда Кольцов в одну ночь получил то, за что должен был рисковать головой лет пять, резко изменил жизнь Самурая. Он решил чаще и с выгодой использовать мундир. Он же был не последний дундук, все видел, слышал, много читал. Только слепой мог не заметить, что его милицейские начальники сплошь разъезжали на иномарках, меняли квартиры, строили дачи, устраивали пышные свадьбы чадам, отправляли их на учебу за границу, позволяя себе траты, в тысячи раз превышающие официальную зарплату. Владивосток — город небольшой, высокая власть, да и любой начальник — на виду, и поскольку всякая тайная афера рано или поздно становится достоянием общественности, а редко какой большой чин избежал искушения хапнуть из казны или прибрать к рукам народное добро — об этом что ни день писали местные газеты.

Все, что Герман надумал, увидев рекламный ролик о настоящих ценностях нашего времени, он настойчиво претворял в жизнь. Одной из причин возвращения в Москву послужила не тоска по родне, по друзьям, по столице с ее благами, а то, какие там раскручивались дела. Телевидение и газеты, словно специально для Кольцова, ежедневно призывно твердили: восемьдесят пять процентов российского капитала возвращается в Москве. Щипать по мелочи портовый Влади-

восток Самураю надоело: не та рыба шла в сеть, не тот улов, да и засветиться тут было гораздо проще, чем в Москве, и деньги, которых уже набралось немало, тратить, не подмочив репутации, в таком городе невозможно. Жаль было и наработанного опыта, а главное, он понимал, какие перспективы у него могут открыться в столице! В Москву он возвращался сыщиком и вором в одном лице, преуспев во Владивостоке в обеих ипостасях. Мечтал Кольцов повернуть в Белокаменной две-три крупные операции, чтобы, сорвав настоящий куш, спокойно отбыть за кордон — много наших туда уже перебралось.

Ко времени отъезда Кольцов уже сколотил вокруг себя команду единомышленников, каждого проверил в деле, повязал не одним совместным преступлением — впрочем, никого не принуждая. Отбывая в Москву, он обещал коллегам, только обустроившись там, обязательно востребовать всех под свое начало, знал, что в столице спрос на спецназовцев, особенно в элитных подразделениях, велик.

Если когда-то, задумываясь о московской жизни, Кольцов мечтал о работе в службе безопасности какой-нибудь солидной фирмы или преуспевающего банка, то теперь планы у него резко изменились. Пообтершись во Владивостоке, он уже твердо знал, что ему нужна служба в самом МВД, при отделах по борьбе с экономическими преступлениями, там-то как раз находится банк данных людей, которых он намеревался потрясти как следует при первой возможности. На худой конец, его устраивала работа в налоговой полиции, но только в самом центральном районе столицы, где сосредоточены крупные банки, нефтяные корпорации, финансовые группы, — там тоже известно, кто есть кто.

Вернувшись в Москву с прекрасными рекомендациями и характеристиками от своего владивостокского начальства, не подозревавшего о двойной жизни новоиспеченного офицера, Кольцов не без труда устроился в заветный для него отдел по борьбе с крупными экономическими преступлениями при МВД России. Работы для милиции в столице было невпроворот, и Кольцов быстро зарекомендовал себя как бесстрашный, решительный боец, что позволило ему уже через полгода возглавить отдельную группу из восьми человек, которых привлекали на самые ответственные и опасные задержания. При ликвидации одной из кавказских банд в районе международного аэропорта «Шереметьево-2», замыслившей угон самолета, у Кольцова погибли сразу четверо из его группы. Вот тогда-то он и обратился к начальству с просьбой разрешить ему принять старых сослуживцев,

М

тоже спецназовцев, из Владивостока, за которых он ручается головой. Как водится, послали запрос во Владивосток, провели соответствующую проверку, положенную в таких случаях, и старые поделщики Кольцова оказались под крылом у Самурая в Москве.

С Неделиным после возвращения из Владивостока Гера Кольцов встречался несколько раз и только однажды был с Леночкой. Тогда же понял, что возобновление приятельских отношений может погубить его семью, узнай жена правду о фотографиях. Это было одной из причин того, почему он не откликнулся на приглашение Неделина и не пришел в «Пекин». Вторая причина, на взгляд Кольцова, казалась не менее весомой. Он не хотел, чтобы их дружба возродилась, это могло бы нанести Неделину вред. Ведь спались Гера на чем-нибудь — это сразу рикошетом ударит по всем, с кем он работал или дружил. Эта мысль щекотала самолюбие Кольцова — было в ней нечто благородное, как бы смывающее с него грязь, уравнивающее подлость, допущенную им по отношению к своему армейскому корешу.

ГЛАВА 7. ЧЕЛОВЕК С ОСОБЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

У

тром следующего после праздника в «Пекине» дня Неделин проснулся чуть позже обычного. По пути в ванную комнату он увидел на столе микропенку из своего фотоаппарата, называвшегося «Соглядатай», и веселые воспоминания о бурном вечере в китайском ресторане мгновенно испарились. За завтраком, состоявшим из скромных холостяцких бутербродов и большой чашки кофе, ему невольно припомнился вчерашний роскошный стол, но философствовать на сей счет сегодня не было времени — требовалось как можно скорее прояснить ситуацию. Тут же, на кухонном столе, он наскоро набросал запрос: «Прошу срочно выяснить личность молодого чело-

века, одетого на снимке в серый твидовый пиджак и вишневого цвета рубашку. Убежден, что он проявляет ко мне повышенный интерес. Никого из этой компании прежде не встречал. Филипп».

Картье набрал номер телефона в доме на Кутузовском проспекте и, когда услышал в трубке бодрый старческий голос, поздравившись, сказал:

— Дедуля, если будет время, я, возможно, сегодня заскочу,— и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

Телефонный текст означал, что в течение получаса он положит в почтовый ящик отставного полковника милиции важное сообщение.

Апартаменты старого полковника, вдовца, служили Неделину еще и конспиративной явкой для встречи со своим начальством. Место расположения, да и сам хозяин дома, бывший начальник уголовного розыска одного из районов Москвы, Славу вполне устраивали. Шумный оживленный проспект, дом на двенадцать подъездов, возможность подъехать прямо к парадному с разных улиц, окна, выходящие на Триумфальную арку,— все основательно продумали на Лубянке.

Имя «Филипп» было его псевдонимом, под ним он проходил в документах на Лубянке и на Петровке, 38. С этим именем он сжил-ся, уже более трех лет добывая серьезную информацию об экономических диверсиях против страны, о крупных финансовых аферах, о готовящихся ограблениях, о государственных чиновниках высшего ранга, связанных с мафией, о правительственных служащих-взяточниках, об утечке важной для России секретной информации.

...Отслужив в армии, Неделин вернулся в Москву в конце декабря и еще раз упустил возможность поступить в МГИМО, о чем, конечно, очень сожалел. Если раньше он не поступил в институт только из-за придирок приемной комиссии, то уж в результате следующей своей попытки ничуть не сомневался. Армейский срок засчитывался вровень с производственным стажем, к тому же и с флота характеристики он привез отменные: комсорг части, отличник боевой и политической подготовки, спортсмен-разрядник, английским владеет в совершенстве.

Полгода до новых вступительных экзаменов в МГИМО Картье занимался переводами с английского языка для одного частного издательства, куда пришел по объявлению в газете. Ближе к августу всерьез засел за учебники, рисковать он уже не мог — годы подпирала. Но осечка вышла и на этот раз, хотя он не добрал всего один

балл до проходного. Когда Неделин, донельзя расстроенный, пришел в приемную комиссию института за документами, секретарша, вернувшая личное дело, вдруг спохватившись, сказала, что его попросили заглянуть в спецчасть МГИМО, и объяснила, как туда пройти.

Неделину не надо было объяснять, что такое спецчасть и чем она ведает в таком серьезном институте, но, удивившись, решил все-таки заглянуть в названную комнату в глухом коридоре-тупике. Встретил его еще сохранивший военную выправку высокий мужчина пенсионного возраста, наверняка в молодые годы занимавшийся куда более серьезными делами. Предложив Неделину сесть, он вдруг без наигранности сказал:

— Жаль, не разглядели преподаватели вас раньше, да и наш отдел промашку дал. Такого студента упустили... жаль...

Потом он еще минуту-другую раздумывал о чем-то и лишь тогда, взяв со стола заранее заготовленный листочек, протянул его недоумевающему Славе. На отрывном листке из блокнота размашистым почерком было написано: «Виктор Степанович» и указан служебный телефон, судя по первым цифрам, где-то в центральных районах Москвы.

Хозяин встал и, считая встречу законченной, сказал:

— Обязательно позвоните. И подумайте над предложением поступить в одно из закрытых учебных заведений. Желаю удачи.— И добавил на прощанье: — Надеюсь, вам не надо объяснять, что наш разговор и будущее предложение вы не должны ни с кем обсуждать.

Возвращаться домой с личным делом под мышкой и объявлять бедным родителям без предварительной подготовки, что он опять провалился, Слава не хотел. И потому, дойдя до первой же телефонной будки, позвонил по указанному телефону некоему Виктору Степановичу, который мог что-то изменить в его судьбе.

На другом конце провода тотчас подняла трубку секретарша, и Неделин, назвавшись, попросил соединить его с Виктором Степановичем, что тут же и сделали.

— Когда мы сможем с вами встретиться? — без долгих предисловий перешел к делу неизвестный собеседник.

— Да хоть сейчас. Я могу подъехать, куда вы скажете,— обрадовался Слава.

После небольшой паузы его спросили, где он сейчас находится, и когда Неделин ответил, что звонит с улицы Горького, из автоматов у Центрального телеграфа, Виктор Степанович сказал, что будет там через двадцать минут.

Как ни выглядывал Слава подъезжавшие к Центральному телеграфу машины, все же человека, которого ожидал, просмотрел. Молодой мужчина лет тридцати пяти — тридцати семи, элегантно одетый, неожиданно возник рядом и, протянув руку, представился:

— Здравствуйте, Вячеслав Михайлович. Меня зовут Королев Виктор Степанович, будем знакомы.— И они обменялись крепким мужским рукопожатием.

Королев широким жестом пригласил Славу в бесшумно подъехавшую к ним серую неприметную «Волгу», которая вскоре привезла их к нужному дому. Через полчаса они сидели в одной из его квартир и неспешно беседовали. О том, что это квартира не Королева, Неделин догадался сразу, но чувствовал себя здесь Виктор Степанович уверенно.

Уже в самом начале разговора, увидев в руках у Неделина папку с личным делом, Виктор Степанович, улыбнувшись, заметил:

— Зря вы поспешили забрать документы. При любом исходе нашего разговора мы решили помочь вам. Нам звонили из института, из спецчасти, и сказали, чтобы вы, если мы не сговоримся, снова зашли к ним. Если вас не устроит наш вариант получения высшего образования, можете начинать учебу в МГИМО, это гарантировано. Балл туда, балл сюда — не имеет значения, у вас прекрасная для нашего времени биография, достойная семья, родители.

После такого вступления Неделин задышал ровнее, жизнь уже не казалась потерянной, и он стал внимательно слушать неожиданно возникшего из ниоткуда благодетеля, ангела-хранителя — так думалось ему в те минуты.

Беседа не сразу набрала нужный ритм: Виктор Степанович задавал какие-то вопросы, Неделин, не вдаваясь в подробности, отвечал, но даже из такого корявого диалога он понял, что собеседник знает о нем достаточно много, а о последних годах даже в деталях. Удивило Славу, что Королеву было известно и о случае с «бандеровцами», и о «подвиге» Кольцова, и Неделин еще раз пожалел, что они не вместе вернулись в Москву,— он знал, что Гера остался во Владивостоке с молодой женой. Но постепенно вопросы иссякли, и вялый диалог незаметно перетек в монолог хозяина явочной квартиры.

— ...Сегодня, когда могучее государство сотрясают внутренние неурядицы и оно все же решается резко изменить курс и пойти по пути реформ, мы, работники органов, по опыту и анализу событий, происходящих в стране, видим, что общество стоит на пороге

грандиозных потрясений. Передел власти, передел госсобственности, передел сложившихся национально-территориальных границ — особенно при ослабленном государстве — вызовет локальные военные конфликты, которые могут перерасти в настоящие войны. Как следствие военных конфликтов, национальной нетерпимости друг к другу появятся потоки беженцев.

Бедность, безработица, отсутствие моральных и политических ориентиров вызовут небывалое для нашего общества падение нравов. Скорее всего, произойдет резкий, невиданный доселе взлет преступности, насилие, террор могут затопить волной наши города и села. Казнокрадство, коррупция, гигантские финансовые и промышленные аферы всегда являются спутниками смутного времени. Об этом что ни день докладывают наши аналитические центры, а ведь у нас — так уж сложилось — работают не самые слабые кадры.

Но сегодня мы не будем говорить о печальных перспективах, рассмотрим реальное положение в стране и самые ближайшие события, которые нам кажутся очевидными...

Виктор Степанович подошел к окну, выходящему на Тверской бульвар, и долго стоял там, о чем-то задумавшись. Неделин почувствовал, что эта пауза в разговоре никак не связана лично с ним. Даже результаты сегодняшней приватной встречи вряд ли особенно волновали Королева, его беспокоила судьба России, Отечества, Державы, — наверное, ему было известно такое, что другому, даже осведомленному человеку, и в голову не могло прийти. Вот это горестное знание и личное бессилие перед надвигавшимися на родину бедами держало его у пыльного окна. Дом был старый, построенный еще в прошлом веке, прекрасно сохранившийся, ибо во все времена тут проживал непростой люд, и Неделин вдруг представил Королева не в модной гражданской одежде, а в мундире офицера той прежней, дореволюционной России. Наверное, поздней осенью 1917 года или ранней весной 1918-го у этого же окна, глядя вниз на оживленный бульвар, тоже стоял какой-нибудь офицер, ясно видевший, что ждет великую Российскую империю, раскинувшуюся от океана до океана и объединившую под своим крылом сотни народов, и тоже в бессилии сжимал кулаки. На протяжении одного века Россия второй раз собиралась круто менять свою судьбу.

Видимо, Слава точно уловил настроение Виктора Степановича. Вернувшись за стол, тот начал издали с грустью:

— Я, дорогой Вячеслав Михайлович, как и вы, коренной москвич, русский. Мой дед, Иннокентий Христофорович Королев, занимал

в тайной полиции царской России довольно высокий пост и революцию встретил в звании генерала. В 1918 году, в разгар холода, голода, интервенции, анархии, пошел работать во вновь организованную советскую милицию. Нет, не оттого, что разделял убеждения большевиков, а потому, что не хотел развала России, хаоса вокруг. Он был профессионалом и знал, как навести в стране порядок, даже если режим не подходил ему по политическим и моральным воззрениям.

Преступность — она при любой системе преступность, и бороться с ней могут только профессионалы, специалисты. Вор, бандит, насильник — категория не политическая, не национальная, а уголовная. Мой отец пошел по стопам деда, уже в сложившейся социалистической системе, при относительном порядке. В те годы организованная преступность была ликвидирована, и воровской мир не имел никакого влияния ни на политическую, ни на экономическую жизнь страны. Сегодня многим такое положение преступного сообщества может показаться нереальным, но что было, то было — улицы наших городов, парки, вокзалы, подъезды не представляли никакой угрозы для человека. Хотя преступности, особенно хулиганства, хватало с избытком.

Вы об этом можете и не знать в силу своей молодости, но в пятидесятые годы любой человек в форме, и не только милицейской, не имел права равнодушно пройти мимо хулигана, дебошира, не говоря уже о том, чтобы не откликнуться на конкретный призыв о помощи, — форма означала государственную службу, и несоответствие ей грозило большими неприятностями, а то и трибуналом.

Сегодня в милицию входят ГАИ, ОБХСС, ОВИР и десятки прочих подразделений, сотрудники которых даже при погонах никогда не вмешаются в конфликт, пройдут мимо хулигана, бандита, мошенника, вора, ибо это не входит в их прямые обязанности. А ведь простому гражданину все равно, по какому ведомству ты проходишь, он считает: если носишь мундир, получаешь зарплату, будь добр, огради, защити меня. Кстати, тогда, в пятидесятые, если человек работал в органах, то и без формы, вне служебного времени, не имел права пройти мимо правонарушения — и преступный мир знал об этом. А сейчас любой домушник, увидев милиционера-гаишника, даже не подумает свернуть с дороги, знает, что тот и пальцем не пошевелит против него.

«Уж не в милицию ли меня сватают? Что же он так-то рассылается и перед кем? — мелькнула у Неделина веселая мысль. — Хорошенький скачок — от МГИМО до мента...» Но он не стал пере-

бивать хозяина, а тот продолжал неторопливо рассказывать о себе. И, ничего не поделаешь,— приходилось слушать.

— Я пришел в органы в конце семидесятых после МГУ. Конечно, второе, специальное образование получил в закрытом учебном заведении. Мой выбор был сознательным, да и традиция в семье уже сложилась — Королевых много работает в органах. К чему я это говорю, Вячеслав Михайлович? Да к тому, что приглашаем вас работать у нас в смутное время, когда неясно — по какому пути пойдет Отечество. К тому же, честно говоря, мало что можем предложить... Квартиру, например, ежегодное санаторное или курортное лечение, хорошую пенсию и оплату за выслугу лет? Все это было раньше. Сейчас ничего этого гарантировать невозможно. Страна на перепутье, и наш долг в этот ответственный исторический момент — не допустить хаоса, анархии, грабежа национального достояния. А это не так просто, когда у руля государства, в важнейших его институтах, оказались продажные, беспринципные политики, если партии и движения финансируются извне, а средства массовой информации и телевидение прибрали к рукам нечистоплотные люди. Потому мы столь тщательно приглядывались к вам, подробно изучили вашу биографию, историю вашей семьи, всей родни, ближайшего окружения. В общем, хотим предложить вам работу и учебу одновременно, в органах, в особых подразделениях.

— Сразу работу? — не удержавшись, удивленно перебил Неделин собеседника.

— Да, работу. Полученная вами в армии подготовка так основательна, что вы вполне пригодны для службы в правоохранительных органах. Плюс интеллект, знание языков, характер, возможность пройти какие-нибудь особые ускоренные курсы. И, конечно, заочное образование в одном из наших закрытых учебных заведений, обязательные стажировки в зарубежных университетах для ознакомления с разными странами, образом жизни в них, закрепление языковых навыков. Все это, в конце концов, сложится в прекрасное образование,— заключил с улыбкой Виктор Степанович на чистейшем английском.

— Интересно...— неожиданно вырвалось у Неделина тоже по-английски.

— Что интересно, это вы точно подметили. Но будет трудно, зачастую опасно, и я должен об этом предупредить, прежде чем получить ваше принципиальное согласие. Сегодня,— продолжил Виктор Степанович,— наши враги неожиданно получили невидан-

ный шанс развалить гигантскую супердержаву — Советский Союз, и помощь, как нам видится, придет к ним изнутри. А цель у них ясная, конкретная — в мире должна остаться только одна могучая держава — США, она и станет диктовать условия миру, ибо противовеса в лице СССР уже не будет.

Вы читаете прессу и наверняка заметили, какая мощная атака идет на правовые органы: МВД, КГБ, прокуратуру, да и на армию и флот тоже. И здесь четко прослеживается цель — развалить следственный аппарат страны, дискредитировать все силовые структуры, ослабить их, насколько удастся, а главное, подорвать к ним доверие народа — чтобы в час «икс» государство не имело опоры. Наверное, заметили, опять же по газетам, как Запад вдруг стал приглашать читать лекции за щедрые гонорары некоторых наших «интеллектуалов» и как после возвращения появляются их статьи, а по сути — инструкции, рекомендации, как добить наше государство, кого опорочить или хотя бы высмеять в первую очередь, или как настроить одну часть населения против другой. Начавшийся в Карабахе межнациональный конфликт, первый за десятилетия, — лучший тому пример.

Сегодня можно прочитать такую невообразимую гнусность про нас, про органы, про историю государства, его завоевания и успехи, что человек, не имеющий своей позиции, — особенно это касается молодежи, не задумывающейся над тем, почему это вдруг хлынуло таким потоком, да еще из уст вроде авторитетных людей, — может испытать к нам, да и к своему Отечеству, только ненависть. Мы это осознаем. И в это трудное для органов время мы, тем не менее, приглашаем вас работать к себе. Что бы ни происходило вокруг, какие бы люди и партии ни рвались к власти, какими бы путями ни пошло государство, для нормального человека, для патриота своей Родины, в конце концов, для русского человека главным должна быть забота о судьбе Отечества. Потому что Россия у нас одна. В органах достаточно людей, которые не намерены спокойно взирать на передел всего и вся, в этом вы должны быть уверены. И в этом я вам лично ручаюсь честью русского офицера...

И Виктор Степанович протянул через стол Неделину руку, которую тот нерешительно пожал. После небольшой паузы Королев закурил и продолжил:

— Три четверти преступлений абсолютно новы для правоохранительных органов и требуют нового подхода, а, зачастую, и новых людей в органах, извините за тавтологию. Но суть проблемы примерно такова.

Я долго и, возможно, нудно объясняю вам политическую и экономическую ситуацию в стране, но эта предыстория необходима, потому что именно вы — те молодые люди, которые будут бороться с преступностью неординарными методами. Вы будете вести эту опасную борьбу чаще всего в одиночку. Вас никто не станет ограничивать никакой четко поставленной задачей, цель у вас одна — стоять на пути тех, кто может нанести вред Отечеству.

— Как в пятидесятые? — попытался отшутиться Неделин.

— Да, примерно так. Хотя... У нас тогда не сидели во власти оборотни, предатели, двурушники и казнокрады,— ответил с внезапно прорвавшейся горечью Королев.

Виктор Степанович отлучился из комнаты и вернулся со свежесваренным чаем. Словно подытоживая предварительный этап беседы, он решительно сказал:

— Если вас не пугают постоянный риск, отсутствие каких-либо гарантий на ближайшие годы и есть желание помочь Отечеству, то, заручившись вашим принципиальным согласием, мы перейдем к другой части нашей беседы, к конкретным деталям вашей новой службы, а точнее, новой жизни.

— Прежде чем дать согласие, на которое вообще-то уже готов, я хотел бы задать очень важный для себя вопрос: не означает ли ваша личная позиция и позиция тех коллег, о которых вы упоминали, что в органах не желают перемен и готовы стоять насмерть за идеи компартии? Можно немного короче: вы отождествляете Отечество только с коммунистами?

Королева не смутил вопрос Неделина, он уловил, что для бывшего десантника это принципиально важно, и спокойно ответил:

— Ну, во-первых, Отечество нельзя отождествлять ни с какой партией, ни с какой идеологией. Я уже говорил — Россия у нас одна. Помните, в начале беседы я упомянул своего деда, царского генерала, добровольно пошедшего в советскую милицию. Он не разделял большевистской идеологии, но не мог оставаться в стороне, когда Россию разрывали на куски. А что касается наших политических убеждений, то сейчас мы меньше всего думаем об идеологии — мы заняты конкретным делом, и под это совсем необязательно подводить какую-то политическую платформу.

— Меня устраивает ваш ответ. Я опасался, что будет, как и прежде: этого не тронь, этого нельзя, этого не смей, тот секретарь обкома... Жулики, проходимцы — и никого нельзя призвать к ответу.

— Думаю, что все это осталось в прошлом, иные нынче времена...

— В таком случае, Виктор Степанович, мне с вами по пути. Мне действительно безразлична моя Родина. И давайте не будем терять времени, перейдем к главному, чем я буду заниматься?

— Ну, вот и хорошо. Я рад, что вы примкнете к нам. Смею надеяться — вы надежный человек.— И Королев еще раз пожал руку Неделину.— Ну, а теперь к делу... Чтобы все вам объяснить, мне потребуется время, так что не обессудьте.

Неделин всем своим видом дал понять, что готов слушать.

— Геронтократия — власть стариков — рухнула первой, что и должно было случиться. Первыми к нарождающейся рыночной системе приспособились молодые — среди тех, кто «сделал» свои начальные легальные миллионы, почти нет людей среднего или старшего возраста. К такой ситуации, когда власть стала переходить из рук одряхлевших стариков в руки «новых русских», оказались не готовы ни сама власть, ни мы — органы. Ситуация нормальная, если бы существующая власть спокойно и твердо пошла на контакт, передавая постепенно бразды правления и опыт, тогда бы сохранилась традиция, преемственность поколений. Но, не встречая внимания и интереса со стороны власти у себя дома, «новые русские» становятся объектом внимания наших противников извне. Преступность — уголовная, экономическая и политическая — резко помолодела. И пока у нас в руках еще есть сила и финансы, мы, на свой страх и риск, решили провести ряд акций в среде «новых русских», тесно связанных с криминальными структурами.

Однако со старым кадровым составом нам трудно войти с ними в контакт. У преступного мира, «новых русских», короче, у мафии, есть свои люди и в органах, и во властных структурах. Поэтому мы и решили внедрить в их среду своих людей, иначе будем продолжать проигрывать схватку за схваткой, а аппетиты у них не знают предела. Нам необходимо знать их планы, так как они представляют опасность и для государственных институтов, и для народа.

Чтобы попасть в эту сферу, прежде всего надо иметь свое дело, быть богатым, молодым, нахрапистым, самоуверенным, жить их интересами. Посещать дорогие рестораны, казино, ночные клубы; стать завсегдатаем модных тусовок, показов мод, вернисажей, театральных премьер. Примелькаться в богемных клубах, артистических салонах, катранах, где играют по-крупному, чаще бывать в журналистских кафе, видных адвокатских конторах — там нынче продается и поку-

пается важная для нас информация, там бывают люди, представляющие для нас интерес. Вы обязаны стать предпринимателем, светским человеком, эдаким удачливым прожигателем жизни. Не возбраняется водить дружбу и с уголовной средой, особенно с авторитетами и ворами в законе, но тут уж вы сами должны знать чувство меры. Эти последние очень осмотрительные люди, тончайшие психологи, не пытайтесь их переиграть — важно, чтобы они не «прочитали» вас.

— Вы думаете, мне это под силу? — удивленно и с некоторой тревогой спросил Неделин, чувствуя холодок в груди — такого поворота он не ожидал.

— Вполне,— успокоил его собеседник.— Не комплексуйте. Все наши нелегалы на чужой территории начинали так, с нуля. А теперь среди них есть настоящие миллионеры, истинные акулы капитализма. К тому же вас, как и их, на первых порах подготовят и поддержат материально. Ну, а если вы не сумеете стать предпринимателем и разоритесь, значит, таков ваш удел. Но и это не трагедия, ибо задание сверхтрудной категории, тут гарантий успеха никто дать не может. Не потянете роль прожигателя жизни на свои средства — перейдете из нелегалов на работу в штат и будете продолжать образование заочно или вечерне. Так что, дорогой Вячеслав Михайлович, ваша судьба в собственных руках, дерзайте!

Академических пособий, как стать миллиардером, тоже нет, хотя сегодня в нашей стране как никогда — удачная стартовая ситуация для тех, кто хотел бы разбогатеть. Наверное, в истории подобный расклад случается примерно раз в тысячу лет. Считайте, что вам выпало «зеро» при сумасшедших ставках. Да, пособий нет, но есть всякие курсы, чтобы кинуться в рыночную экономику не очертя голову. Для вас мы порекомендовали бы два ускоренных курса — по компьютерной бухгалтерии и по маркетингу и менеджменту. Там в самые сжатые сроки можно изучить основы предпринимательской деятельности. Затем с вами займутся наши специалисты — прослушаете углубленный цикл лекций: о банковской деятельности, лицензировании, таможенном контроле, ценных бумагах, оффшорных зонах, налогах, о риэлторской и консалтинговой службах. После лекций вы подвергнетесь серьезной аттестации и в случае успеха получите соответствующие документы.

Поскольку в спецназе вы прошли азы работы с компьютерами и их программным обеспечением, мы пришли к выводу, что вам лучше всего избрать этот вид бизнеса. В стране вот-вот начнется ком-

пьютерный бум, и вам самое время застолбить на рынке свое место. В одном из райисполкомов Москвы вам помогут зарегистрировать фирму без особых осложнений и мздоимства. Подскажут, в каком надежном банке следует открыть счет, и туда же переведут стартовый капитал. Затем вас свяжут с одной солидной английской фирмой в Лондоне, которая производит компьютеры высокого класса, и у вас появится неоспоримое преимущество в самом начале, ибо не сегодня-завтра на наш рынок хлынут потоком компьютеры «желтой» сборки и, хуже того, непонятно каких фирм, собранные в кустарных мастерских Китая, Бирмы, Таиланда, Гонконга.

За счет качества своей продукции и известной марки вы должны успеть войти в контакт с серьезными банками, корпорациями и финансовыми группами. На этом наша опека закончится, ну, в крайнем случае, один-два раза можем подстраховать на таможне, не больше. Можете не бояться уголовки, ссылайтесь на то, что вы спецназовец и в любой момент можете собрать свою бригаду из бывших сослуживцев, они, в случае крайней необходимости, появятся в вашем распоряжении в течение часа, это мы гарантируем. Можем в серьезных ситуациях помочь с наружным наблюдением, охраной при выезде в другие города, проверить компаньонов при крупной сделке. А дальше придется действовать уже на свой страх и риск.

— Будет ли у меня с вами связь в экстремальных случаях или какие-нибудь постоянно действующие каналы? Они мне понадобятся в первое время, пока я не освоюсь и в бизнесом, и в выполнении вашего задания,— спросил Неделин.

— Да, конечно. Мы отладим вам и почтовую, и телефонную связь. Впрочем, вас, кажется, многому обучали во Владивостоке, я подробно знакомился с вашими учебными программами.

— Да, готовили нас основательно, но я не предполагал, что это мне когда-нибудь пригодится.

— Нет, Вячеслав Михайлович, ничего не бывает просто так,— впервые за встречу от души рассмеялся Королев. Потом он быстро глянул на часы и поспешил закончить аудиенцию: — Для первого раза достаточно. Возвращайтесь домой, сообщите родителям, что вы поступили на вновь открытое заочное отделение по международной экономике. Причина? Скажите, что встретили своего старого школьного приятеля или армейского друга, как вам будет удобнее, у которого есть своя процветающая фирма, и он взял вас к себе на высокооплачиваемую работу, с предоставлением служеб-

ного автомобиля. И что через три дня вы начнете обучение на курсах по компьютерной бухгалтерии за счет фирмы, а через месяц — новые курсы по бизнесу, а там командировки, стажировки, хорошая зарплата. Больше опирайтесь на собственную фантазию, я даю всего лишь ориентиры. Дома должны привыкнуть, что вы работаете в солидной фирме и что скоро сами заведете свое дело...

2

А дальше все в бешеном темпе понеслось так, как и расписал Королев. Картье закончил платные курсы при академии Внешторга, куда, оказалось, не так-то просто попасть. Завел там кучу знакомых, а главное, всерьез увлекся азами экономики, бизнеса — ему не терпелось проверить себя в деле. Многие, с кем он посещал занятия, уже имели собственный бизнес и мечтали о расширении — в ту пору о банкротстве никто не задумывался: огромный рынок, полное отсутствие конкуренции, впереди маячили только прибыли, прибыли...

После окончания курсов и по бухгалтерии, и по маркетингу его и еще четырех парней собрали в закрытом санатории в Подмоскowie, где-то под Рузой. Там они провели с одним небольшим перерывом сто двенадцать дней, занимаясь ежедневно по десять-двенадцать часов в сутки. Преподаватели приезжали к ним из Москвы бригадой по вахтовому методу — неделю одни, затем другие, третьи, четвертые, и по второму кругу, если того требовала программа. Наверное, благодаря интенсивности и качеству обучения, а также учитывая высокую квалификацию преподавателей и инструкторов, они за это сжатое время одолели обычный институтский курс, на который в других ситуациях уходят годы.

Программа включала и теоретические занятия, и практические, вплоть до составления бухгалтерских отчетов. А с Неделиным персонально занимались еще два специалиста по компьютерам. По окончании занятий в Подмоскowie Картье мог заткнуть за пояс не только любого дилера компьютерной фирмы, но даже некоторых специалистов, ибо сам способен был собрать и отладить любую систему.

Ребята, с которыми он занимался по специальной программе, оказались из разных регионов: один из Самары, другой из Ленинграда, двое братьев-близнецов из Ростова. Наверное, у всех были похожие задания, но бизнес предполагался разный, поэтому, встречаясь

в редкие свободные минуты, о частностях они не говорили. Перед каждым из них поставили условие: намеренно встреч и взаимовыгодных контактов по бизнесу не искать, но если уж их интересы пересекутся, особенно в экстремальных ситуациях, или кто-то из них будет нуждаться в помощи, они должны оказать ее в первую очередь.

Аттестацию в Подмоскovie Неделин выдержал с отличием и вскоре в одном из райкомов комсомола в центре города арендовал на десять лет под офисы целое крыло с отдельным входом, а также просторные сухие подвалы под склады. Через год он уже сам сдавал в субаренду торгово-закупочным фирмам часть комнат и часть подвалов, имея от этого ежемесячно кругленькую сумму, и сразу почувствовал силу знаний, полученных под Рузой: именно там подсказали поспешить с арендой зданий, складов, подъездных путей, пакгаузов, пока все не расхватали конкуренты. Первая же его сделка с английской фирмой оказалась не только сверхприбыльной, но и сразу же утвердила его положение в глазах заказчиков, потому как редкий продавец в то время имел ясное представление о товаре, которым торгует, тем более таком высокотехнологичном и интеллектуальном.

В том же году Слава купил трехкомнатную квартиру рядом с родителями на Кутузовском проспекте — его школьный товарищ, с которым он просидел за одной партой все десять лет, уезжал с родителями в Израиль. Работа Картье, его образ жизни диктовали необходимость иметь собственное жилье, и вдруг такая удача! Этой покупкой он удивил родителей более всего, наконец-то они поверили, что сын занят действительно серьезным делом.

Конечно, не все шло гладко, случались и неудачи, был даже уголовный наезд, и Картье пришлось собирать «свою» бригаду — в общем, показал зубы, отвоевал свое место в жизни и бизнесе. Воспользовался он однажды и помощью на таможне, но только раз — он хотел добиться успеха сам.

Девяносто первый — девяносто второй годы оказались очень тяжелыми для работников МВД и КГБ: их сотнями отправляли на пенсию, в отставку, а тут как раз подоспела гайдаровская реформа цен, вмиг превратившая сбережения на черный день в пыль. В эти годы без чьей-либо подсказки или просьбы о помощи Картье передал для бедствующих коллег, уволенных из органов, а также для стариков ветеранов два чемодана, туго набитых деньгами. Тайна этих миллионов вряд ли когда-нибудь выплывет, так как знали об этом только Виктор Степанович и сам Картье. Но благое

дело не нуждается ни в рекламе, ни в ответной благодарности — так оценивал свой поступок Неделин.

Прошло два года с тех пор, как он передал информацию о том, что в Центральный банк России преступный мир внедрил несколько высококлассных специалистов с целью провернуть беспрецедентную по масштабам финансовую махинацию. Тогда он не мог ни назвать фамилии «беловоротничковых» преступников, ни уточнить смысл аферы, ничего, кроме того, что это связано с чеченской мафией, ибо все держалось в строжайшем секрете и он узнал об этом случайно. Произошло это как раз накануне государственного переворота в августе девяносто первого года, надолго выбившего страну из колеи, а затем — месяцы гонений на МВД и КГБ, череда реорганизаций в обеих системах не дали возможности всерьез заняться этой информацией. Да и сами люди, с которыми Неделин находился в контакте, включая Виктора Степановича, едва удержались на своих местах, тут было не до аферистов в банке. Возможно, приняв к сведению его информацию, усилили охрану в хранилищах, при перевозе крупных сумм.

Но через полгода, когда в один день из десятков банков в разных регионах России по фальшивым авизо вытянут триллионы рублей, на самом верху вспомнят о сигнале некоего тайного агента по кличке Филипп... А Виктор Степанович даже специально встретится с Картье и покажет бумагу с грифом «Чрезвычайно важно!», он еще тогда незамедлительно дал знать наверх о готовящейся грандиозной афере в банковской сфере страны, но органы на тот момент сами оказались парализованы беспрецедентной травлей со всех сторон. Возможно, стратеги аферы на это и рассчитывали...

Но не среагировали только на эту его информацию, по остальным своим сообщениям он видел реальный результат, ибо имел дело с ситуациями, не терпящими отлагательств. Вот и сегодня, заложив с утра в почтовый ящик запрос, он чувствовал, что нащупал что-то интересное, в последние годы интуиция его редко подводила.

Во второй половине дня, когда он выходил из Инкомбанка неподалеку от улицы Горького, раздался зуммер пейджера. Неделин не спеша открыл бесшумную дверцу «мерседеса» и, только сев за руль, прочитал сообщение: «Дедушка просил обязательно заехать вечером на чай». Это означало, что Филиппа ждет с важной информацией Виктор Степанович, по пустякам его не отвлекали. «Ага, значит, я попал в точку», — обрадовался Неделин и, развернув машину, поехал к Елисеевскому магазину.

За годы встреч на Кутузовском проспекте он сдружился с хозяином явочной квартиры, бывшим оперативником, и никогда не приезжал к нему без подарка или гостинцев. Старик любил хороший чай, кофе и был сластолюбив — обожал торты, печенье, конфеты. Конечно, даже на пенсию участника войны и за полную выслугу лет в уголовном розыске, где он постоянно, как и на фронте, подвергал свою жизнь риску, ничего из качественных продуктов хозяин позволить себе теперь не мог.

В гастрономе Неделин прошел в боковую дверь, где в бывшем мясном отделе теперь торговали за валюту. В большом переоборудованном зале тихо играла музыка, и всего два-три человека стояли у прилавков. «Неужели вся эта перестройка была затеяна для того, чтобы незначительная кучка удачливых или ловких людей могла почувствовать комфорт европейского уровня жизни?..» — невесело подумал Неделин. Он не торопясь сделал покупки в кондитерском отделе, особенно тщательно выбирал торт, так как выбор оказался на удивление богатым. В конце концов остановился на датском торте «Замок» с орехами. А с остальным — чаем, кофе, конфетами — вышло и того быстрее, тут он ориентировался четче, ибо сам любил хороший цейлонский чай с бергамотом и добротный кофе.

Виктор Степанович однажды рассказал Неделину, что на первых порах после каждой встречи на Кутузовском хозяин явки всегда настороженно спрашивал: неужели этот щеголь на японской машине, с иголки одетый, пахнущий французским одеколоном, всегда пунктуальный и вежливый — наш человек?

На что, конечно, Королев твердо отвечал: наш, но понимал, что не совсем убедил старика.

Только после того, как Картье в первый раз принес чемодан, туго набитый деньгами, для бедствующих коллег — чемодан этот долго хранился на Кутузовском, — старик окончательно поверил Неделину, да что поверил, искренне полюбил его. Дотошные дворовые бабки все-таки засекали, что в сто шестую квартиру к отставному полковнику изредка навещается элегантный молодой человек, и поинтересовались у старика — кто, мол, такой, кем он вам приходится? И бывший оперативник вынужден был сказать, что это его любимый внук, а потом в их телефонных звонках появилась семейная связь: дедушка — внук.

Когда Картье приехал на Кутузовский проспект, Виктор Степанович уже поджидал его. Судя по возбужденному взгляду Королева,

Неделин понял, что незнакомец из ресторана «Пекин» представлял для органов интерес. Две добротнo отпечатанные фотографии лежали на столе, и Королев, взяв одну из них, нетерпеливо спросил:

— Как ты вышел на него? Очень обрадовал ты моих коллег с шестого этажа. Они полгода с него глаз не спускают, не поймут, что его у нас интересуеt, с каким заданием прибыл.

— А что, такая уж важная птица? Или Армения уже представляет для кого-то особый интерес? — любопытствовал Неделин.

— Нет, Армения интереса не представляет, — оживленно ответил Виктор Степанович. — А Карлен Татлян, так зовут этого симпатичного молодого человека, — гражданин США. Он окончил разведшколу в Иллинойсе и с ЦРУ сотрудничает со студенческих лет.

— Он что, намеревается завербовать меня в ЦРУ? — рассмеялся Неделин.

— Не знаем, не знаем. Но он видит тебя не в первый раз. Я же сказал, что за ним ведется наружное наблюдение. Он был в казино «Трефовый туз», когда ты сыграл там свою «коронку». Вот фотография, узнаешь? — Королев протянул другой снимок, где тот же молодой человек, но уже в смокинге и белом муаровом галстуке-бабочке, был заснят как раз в тот момент, когда делал ставку в рулетку. — Возникает вопрос — специально ли он оказался в тот вечер в казино «Трефовый туз»? И если не случайно, что ему от тебя надо? И второе: почему он появился вчера в «Пекине» и зачем заснял тебя? — Скорее всего, Королев повторял вопросы своих коллег с шестого этажа.

— Если он не случайно пришел в «Пекин», значит, что-то знает обо мне, возможно, ищет встречи со мною или хочет знать, с кем я бываю? — рассуждал вслух Неделин. — То, что он сотрудник ЦРУ, многое проясняет... Виктор Степанович, вы сказали, что ваши ребята с шестого этажа ведут за ним догляд уже с полгода: к чему он проявляет интерес, к чему из запретного его тянет?

— В том-то и вся загадка, дорогой Вячеслав Михайлович... По долгу службы он представляет газету «Лос-Анджелес таймс», ведет рубрику в колонке культуры, сообщает новости светской жизни из России, говорят, делает это довольно-таки толково, мало что пропускает значительного, особенно из столичной жизни. Но его не замечали возле секретных объектов, он не ищет подходов к НИИ или производствам, не кружится возле ученых. Не уличен

в связях с военными или в интересе к военным объектам. Не заводит он и дружбы с теми, кто наверху. Странный парень, загадочный шпион. Зато проявляет интерес к игорным заведениям, причем самым дорогим, где играет по-крупному. Бывает он и в подпольных катранах, хотя азартом не отличается: играет сдержанно, чаще выигрывает. Частенько посещает дорогие рестораны, салоны модной одежды, но покупает только по мелочи, чаще консультирует друзей из своего нового окружения. Короче, бывает там, где крутятся большие деньги, а точнее — шальные деньги.

— Говорите, проявляет интерес к деньгам? — встрепенулся вдруг Картье, словно напал на что-то важное. — Это весьма интересно. Деньгами никогда просто так не интересуются...

3

...В то же самое утро на другом конце Москвы, только часом позже, Карлен Татлян передал по своим каналам зашифрованное сообщение. Оно гласило:

«Меня интересует подробная информация на молодого человека, чью фотографию и известные мне координаты прилагаю. Ведет чрезвычайно активный образ жизни. Обладает средствами. В течение часа проиграл в казино около сорока тысяч долларов. Через неделю отмечал в большой компании день рождения в дорогом ресторане. Ездит на «Мерседесе-600». Часто бывает на престижных мероприятиях. Возможно, через него отыщется ход к интересующим нас проблемам.

P. S. Высылаю также фотографии двух чеченцев, братьев Цуцаевых, — близких людей из окружения генерала Дудаева. Бывая в Москве, повсюду сорят деньгами. Снимки сделаны по моей просьбе в Крыму, в поселке Коктебель, в казино. Из случайно записанного разговора выяснилось, что братья Цуцаевы в ближайшие месяцы приедут в Лондон с какой-то важной секретной финансово-политической миссией. Предоставляется возможность взять на тщательную экспертизу деньги, которые привезут братья Цуцаевы. Разъезжают повсюду с полными кейсами наличной валюты, поэтому есть все основания подозревать, что искомый нами объект находится в России, в Чечне.

Норман».

Август в Ростове плавно перетек в сентябрь, стояли удивительно погожие дни, только ночи были чуть прохладнее, но пока без заморозков. Могучие дубы, высаженные в центре города еще в прошлом веке, уже роняли первые тяжелые желуди, хотя настоящей желтизной тронуло лишь канадские клены. А в полдень было еще по-летнему тепло, даже жарко. Тоглар рассчитывал прожить в «Редиссон-Ростове» дня три-четыре, не больше, а пошла вторая неделя. Он наслаждался волей, прекрасной ресторанной кухней, щедро тратил деньги, частенько вспоминая при этом изречение Юлиана Семенова: деньги — это отчеканенная свобода.

После встречи с чеченцами в «Камее» Константин Николаевич с помощью Аргентинца обзавелся многозарядным итальянским пистолетом «беретта», а на улицу выходил в шикарных темных очках «Полис», закрывающих пол-лица. В первые три дня после случая в ювелирном магазине он нанял, опять же при содействии Городецкого, двух парней, которые сопровождали его в прогулках по городу, а вечером, когда он ужинал с Натальей в гостиничном ресторане, занимали по соседству столик. Позже он понял: чеченцы наверняка решили, что он тут же рванул из города или надолго и прочно залег на дно — и то верно, разве здравомыслящий человек мог так рисковать? Ведь вопрос стоял о жизни и смерти. Но то по трезвой логике, а Фешин был влюблен — в таком состоянии часто теряют голову, и здесь Тоглар не был исключением.

Аргентинец оказался верен своему слову: позвонил из Москвы через неделю, передал кучу приветов от братвы, рассказал, как обрадовались давние приятели сообщению, что Тоглар жив и здоров, добавив, что кореша твердо решили собраться по случаю его возвращения, помянуть старые времена и старых друзей. Тронуло Тоглара и внимание Аргентинца, тот предложил на первое время остановиться у него, на той самой шикарной квартире, отремонтированной и об-

ставленной по изысканным проектам французских и итальянских дизайнеров, которую он выиграл всего за одну фартовую ночь. Конечно, Городецкий знал, что у Тоглара в Москве была квартира, и не одна, он не раз там бывал, особенно на той, которую Фешин считал своей рабочей и где прятал специальный инструмент, картотеку и архив. Но они оба понимали, что на любой из квартир его может поджидать чеченская засада. Тоглар поблагодарил Городецкого за приглашение и заверил, что непременно заедет к нему на Кутузовский. Его действительно заинтересовали апартаменты, захотелось иметь что-то подобное, и желательно в том же районе, где стоят величественные сталинские дома, построенные на века.

За недолгое время проживания в «Редиссон-Ростове» Тоглар настолько привык к уюту, комфорту и ненавязчивому сервису пятизвездочного отеля, где все желания постояльца исполняются моментально, что решил в Москве первое время пожить или в «Национале», или же рядом, в «Метрополе». Тем более, что старый кореш Олег Лозовский по кличке Дантес снимает там целое крыло на пятом этаже. Паспорт с ленинградской пропиской позволит ему переезжать в столице из гостиницы в гостиницу. Там, в Москве, как упоминали его бывшие хозяева — чеченцы, теперь такие отели отгрохали: «Софител-Ирис», «Олимпик-Пента», «Президент-отель», «Редиссон-Славянская», «Палас-отель»... Да и старые известные «Будапешт», «Берлин», «Савой» отреставрировали до неузнаваемости, а главное, там изменилось отношение к постояльцам.

Наталье он, конечно, про случай в «Камее» не рассказал, зачем прежде времени настаораживать девушку, уж очень ему хотелось добиться ее расположения. Впрочем, это не совсем точно — он добивался не просто ее внимания, а любви, настоящей, той, о которой мечтает каждый мужчина. Возможно, первый раз он всерьез задумался о своем будущем и о той, которая должна скрасить ему все оставшиеся годы жизни. В эти осенние дни в Ростове надежда на счастье расцвела буйным весенним цветом, он строил такие грандиозные планы, такие воздушные замки, что захватывало дух, смахивало на фантастику или сон. Но даже самые смелые мечты при самом суровом раскладе могли быть вполне осуществимы, ведь у него были миллионы...

В его жизни неожиданно выпали сразу две крупные удачи, два козырных туза: время и деньги. Да, время, его величество Время, оно прежде всего, оно в первую очередь, а затем уже миллионы.

Что бы он мог позволить себе, займей эти деньги не сегодня, а, скажем, десять лет назад? Разве мог он тогда слетать в Париж или Лондон? Встретить Рождество и Новый год на Сейшельских островах? Или приобрести квартиру на Кутузовском проспекте? Сделать в ней первоклассный ремонт и обставить по проекту лучших европейских дизайнеров? Да и просто купить «мазерати»? Мог ли издать солидный каталог работ своего знаменитого деда? Такое не могло присниться в самом розовом сне даже члену Политбюро. Да что там любой партийный босс, такое не могли нафантазировать даже выдающиеся братья Стругацкие. Время! Ему повезло с временем, и это он осознал только здесь, в Ростове.

Все дальнейшие планы он теперь связывал с Натальей. В какие-то особо волнующие минуты встреч ему хотелось сложить к ее ногам все свои замыслы, но что-то всегда сдерживало Фешина в самый последний момент. Просыпаясь по утрам в своей роскошной гостиничной постели, он понимал, что ни одна здравомыслящая девушка не могла бы принять его слова всерьез, поверить в реальность осуществления задуманного — ведь кругом люди боялись загадывать даже о завтрашнем дне. Значит, надо было действовать как-то тоньше, деликатнее, ненавязчиво вводя девушку за руку в реальность, напоминающую грезы.

Впрочем, Наталья и так жила как во сне: каждый день ужин при свечах в ресторане за одним и тем же изысканно сервированным столом, где тончайший саксонский фарфор и столовое серебро оттеняли венецианское стекло креманок, фужеров, бокалов. А тщательно продуманное, почти не повторяющееся меню? А искусно подобранные цветы и всякий раз новое французское шампанское? И она не знала, какому отдать предпочтение: ей нравилось и «Биллекарт-Сальмон», и «Крюг», и «Мерсьер», и, конечно, упоминаемая еще Пушкиным «Вдова Клико, урожденная Понсарден». Разве все это не было похоже на сказку? Почувствовав слабость Натальи к шампанскому, он и в номере забил холодильник винами разных сортов, уже одни названия которых будоражили воображение.

А какие цветы он дарил Наталье каждый день, какие букеты ждали любимую у него в номере! Не было и дня, чтобы он не сделал ей роскошного подарка. Дома на трюмо у нее уже не было места духам, парфюмерным наборам и многочисленным коробкам. Как-то за ужином Тоглар обмолвился, что через месяц пригласит ее в гости в Москву, на что Наталья шутя ответила: у нее, мол,

нет приличного чемодана для достойного путешествия. Каково же было удивление девушки, когда на следующий день после ужина в номере Константин Николаевич, улыбаясь, сказал:

— Не забудь захватить свой чемодан. Теперь у тебя не должно быть поводов для отказа от поездки в Москву, прекрасная леди!

И она увидела у двери большой роскошный кожаный чемодан, сияющий позолотой замков, на золотистых колесиках. Такой она видела в витрине итальянского магазина по соседству с «Асторией». В этот момент она, кажется, даже почувствовала запах хорошо выделанной дорогой кожи.

— Открой и посмотри,— легонько подтолкнул ее к подарку Константин Николаевич.

Она с радостным нетерпением щелкнула упругими замками и увидела внутри еще один, такой же, но поменьше.

— Открывай и этот,— подсказал Тоглар.

Внутри находился дамский дорожный саквояж-кофр, очень похожий на тот, что Фешин приобрел для себя у «Формани».

Она достала саквояж и, любуясь, прошла с ним мимо большого зеркала в прихожей, потом, видимо, восхищенная мягкой кожей и щедро золоченной фурнитурой, щелкнула застежкой и тут уже не сдержала восторженного вскрика: «Ах!» В саквояже лежал главный сюрприз — изящная дамская сумочка, в тон саквояжу и чемоданам, самой известной и дорогой французской фирмы «Дюпон» — со скромным, но известным модницам всего света золотым логотипом «Д».

Восторженная и благодарная, она бросилась к нему на шею, осыпая его поцелуями.

Тоглар, конечно, чувствовал, что не только он попал под чары Натальи, но и она тянется, все сильнее привязывается к нему. Он же видел, как девушка спешила к нему на свидания, как нехотя, далеко за полночь, расставалась с ним. Она не задавала никаких серьезных вопросов, лишь однажды спросила, чем он занимается, но Фешин легко ушел от ясного ответа, сказав, что, как и все вокруг, занят бизнесом, имеет свое дело.

Как-то в воскресенье Наталья пригласила Константина Николаевича на вернисаж в известную в городе галерею, там выставился ее бывший одноклассник, прославившийся в первые годы перестройки своими работами. Бабур Мухамедов не только взлетел на Олимп из небытия, но и — в этот краткий период интереса к нашему искусству богатых коллекционеров и известных галерейщи-

ков с Запада — сумел приобрести имя и сколотить состояние. Вся коллекция, создававшаяся им чуть ли не со школьной скамьи и составлявшая более семисот работ, к которой раньше никогда не проявляли особого интереса, была распродана с большим успехом на выставках и аукционах. Наверное, он был одним из немногих художников-счастливчиков, успевших поймать за хвост жар-птицу: ему удалось показать свои лучшие картины во всех европейских столицах, в самых престижных галереях. Разбогатев в Москве, Бабур вернулся в Ростов, построил особняк с просторной, в два этажа, мастерской и залом для домашних выставок, а на самой оживленной улице города открыл галерею под названием «Салар». Видимо, этим названием он хотел подчеркнуть свои национальные корни, хотя и в искусстве, и в жизни придерживался явно космополитических взглядов и не знал ни слова по-узбекски. Вот в его-то галерею они и были приглашены.

Открытие выставки было шумным, видимо, Бабур помнил первые московские презентации и богемные тусовки: играла музыка, подавали вино, белое и красное; разносили шампанское и даже розовое «Цимлянское». Расставленные зигзагом три длинных узких стола в центре зала были щедро уставлены вазами с фруктами, тарелками с бутербродами, расстегаями, кулебяками, всякими пышками и ватрушками, на которые так богат казачий край. И повсюду цветы, цветы... Осень все-таки благодатная пора — даже для вернисажей.

У входа их встретил сам хозяин — высокий, болезненно бледный, со жгуче-черной ассирийской бородкой и... явно русскими голубыми глазами в обрамлении по-девичьи густых и длинных ресниц. По тому, как он держался, говорил, улыбался, чувствовалось, что цену себе он знал. Ранний успех в искусстве чаще всего бывает на пользу творцу, если, конечно, в нем действительно заложен талант.

Наталью тут же окружили подруги, одноклассницы, друзья и несколько оттерли от нее Константина Николаевича, но всевидящий хозяин, видимо, почувствовавший в седеющем господине то ли коллекционера, то ли просто богатого покупателя, тут же представил к Тоглару какого-то шустрого парня, чтобы тот показал ему экспозицию, а сам, извинившись, вновь поспешил к двери — гости прибывали и прибывали. Минут через пять вертлявый экскурсовод надолго застрял с бокалом шампанского возле какой-то шумной компании, и Константин Николаевич до самого конца больше его не встречал, чему, конечно, ничуть не огорчился. Он считал,

что живопись, как и музыка, да, впрочем, как и любое другое искусство, вряд ли нуждается в комментариях.

Чувствовалось, что Бабур ищет иные формы, новые тона, видоизменяясь даже технически: Константин Николаевич ясно видел, как художник пытается перекинуть мостик из сегодняшнего дня, когда все вокруг возрождается и угасает одновременно, в начало века, оказавшееся таким плодотворным именно для живописцев. И эта попытка не копировать ретро, а наладить связь времен на художественной, а не идеологической основе, нравилась Фешину. Вероятно, большинство посетителей были знакомы с творчеством своего удачливого земляка и не утруждали себя осмотром выставленных работ, — пожалуй, только Константин Николаевич в гордом одиночестве переходил от картины к картине, — основные события художественной жизни развивались сегодня возле богато накрытых столов.

Около одной из картин стоял стул, на котором покоилась стопка прекрасной финской бумаги для рисунков сангиной, тушью, темперой или карандашом, рядом лежал узкий пенал красного дерева. Тоглару припомнилось детство, уроки живописи, что давал его отец в районном Доме пионеров, и он невольно потянулся к пеналу. Тот был разделен на три отсека, и в каждом лежал карандаш, почти вдвое толще обычного. Фешин догадался, что это сангина или уголь, но он никогда прежде не держал в руках такие роскошные заморские карандаши. Достав один из них, он провел на листке линию и понял, что не ошибся — уголь. И вдруг ему так захотелось что-то нарисовать, что он не удержался. Сев на свободный стул, взял стопку изумительной бумаги и, оглядевшись, начал быстро-быстро делать наброски.

С того места, где он случайно оказался, Константин Николаевич хорошо видел в окружении подруг Наталью, в нарядном платье, с искусно уложенной прической. Особую прелесть ее наряду придавал его последний подарок — пятирядное кольцо из розоватого жемчуга, на высокой лебединой шее девушки оно смотрелось прекрасно, придавая ей изысканный шарм. Таким же легким, изящным получился его первый рисунок. Второй и третий он тоже посвятил Наталье, но взял более крупный план. На одном — задумчивый профиль, на другом — улыбающаяся девушка, несколько кокетливая, но в любом случае счастливая — такой он видел ее часто в последние дни.

На какое-то мгновение рядом с Натальей появился Бабур, его выразительная внешность бросилась Тоглару в глаза в первые же минуты встречи, когда он и не предполагал, что его потянет рисовать. Четко

вырезанные, тонкие черты лица, высокий лоб, ниспадающие на плечи волнистые волосы — просто находка для художника, и Константин Николаевич попытался набросать его портрет — прежде всего на память об этом вернисаже. Сегодня здесь, в «Саларе», он почувствовал, как зов крови тянет его к мольберту, к холстам и краскам, кистям и мастихинам. Он наслаждался запахом красок, лаков, запахом старых и новых картин, которыми уже успела пропитаться новая галерея.

Тоглар так увлекся работой, что не заметил, как вокруг него собралась большая компания. Только почувствовав, что ему не хватает света, он поднял глаза и увидел рядом удивленную Наталью, Бабура и гостей — все они не отрывали взглядов от его работы. Тоглар, несколько смущенный вниманием, встал и молча протянул листы Наталье.

— Вы художник? — уважительно спросил хозяин галереи, поспешив отобрать у Натальи свой портрет.

— Почему вы так решили? — искренне удивился Константин Николаевич.

— По работам, по работам. Это ведь рука настоящего мастера. Я вряд ли кому мог бы доверить написать свой портрет, но ваша работа мне нравится, мне кажется, вы уловили не только черты, характер, но и время. Спасибо. По манере это Анненков. Он работал в Москве и Петербурге в двадцатые годы. Такая же скупость линий и такая же неожиданная рельефность и четкость изображения... — Бабур, протянув свой лист, попросил: — Подпишите, пожалуйста, вашу работу...

Константин Николаевич взял лист и, снова присев на стул, размашисто подписал: «Фешин. Ростов. 4 сентября, 1993 год, галерея «Салар». Когда передавал лист Бабуру, случайно взглянул на Наталью и увидел, с каким восторгом, обожанием, гордостью и любовью девушка смотрит на него — такой счастливой он не видел ее никогда.

2

В Москву Тоглар вернулся в сентябре. В аэропорту «Домодедово» его встречал Городецкий. Стояла сырая, промозглая погода, шел мелкий обложной дождь, а в открытых настежь дверях зала ожидания гулял ветер, принося запахи мокрого леса, прелых листьев, грибов. И он, загорелый, в светлом костюме, после теплого, пахнущего еще зрелым летом Ростова сразу почувствовал себя неудобно.

Мысль о пальто, плаще, осенних ботинках, зонте, шарфах и перчатках как-то не приходила ему в голову там, на юге, рядом с Натальей. Почему-то припомнилась крыловская басня «Стрекоза и муравей», и, странно, — она вызвала улыбку. Багаж — чемодан и саквояж, куда он переложил содержимое спортивной сумки, у него был с собой, и они тут же отправились домой.

Аргентинец сразу почувствовал настроение Тоглара и, как всегда иронично-шутя, заметил:

— Все, брат, кончилось лето. Москва не Ростов. Но ты не горюй, нынче все легко поправимо, наше время пришло! Если тебя волнует осенне-зимний прикид, деньги на первое время — не переживай. Я всю неделю в крупном выигрыше, карта так и прет, никогда так долго не везло, даже страх порою берет, к чему бы это. Можешь рассчитывать на любую сумму, — свои люди, сочтемся.

В белом просторном «вольво» Городецкого было тепло, и первое ощущение московской слякотности, неуютности быстро прошло, хотя Тоглар мыслями находился еще в Ростовском аэропорту, где осталась заплаканная Наталья. Но он среагировал на сказанное:

— Спасибо, братан. С деньгами у меня порядок. Думаю, на первое время мне хватит. «Чехи», зная, что никогда меня живым не выпустят, платили хорошо, они понимали, что человеку нужен стимул. Потом, скажу тебе по секрету, — он решил почему-то вдруг сблефовать по-крупному, — уходя, я прихватил у них казну. Семь бед — один ответ.

— Лихо! — присвистнул Аргентинец. — «Чехов» редко кому удается кинуть. Молодец!

— Три года плена, наверное, стоят немалых денег. Чеченская казна — как компенсация за моральный ущерб, за то, что я долго не видел тебя, братву, — от души рассмеялся Тоглар, радуясь, что запустил удачную утку. По крайней мере, теперь ни у кого не вызовут любопытства или удивления его крупные траты на первых порах.

Как ни уговаривал Константин Николаевич Городецкого отвезти его сразу в гостиницу «Националь» или «Метрополь», тот отказался наотрез.

— Поживешь у меня два-три дня, оклемаешься, а потом переедешь в «Метрополь». Там перед Дантесом все ходят на цырлах, и тебе, как его старому корешу, почет и уважение будет.

Так и приехали на Кутузовский, в дом к Городецкому, который Тоглару очень хотелось увидеть. Пятикомнатная квартира на третьем

этаже, с консержкой в подъезде, с порога — да что с порога, с тяжелой бронированной двери, обитой красным деревом, с массивными бронзовыми ручками, с телеглазом, просматривающим просторную лестничную площадку, — поразила сразу. Прихожая, коридор, где одновременно могли одеваться пять-шесть пар, были выложены мраморным деревом и зеленоватыми, с красными прожилками, мраморными плитами. С высоты почти четырехметрового потолка свисали две многопудовые хрустальные люстры в виде гигантских виноградных гроздей. Кругом зеркала, картины, напольные и настенные светильники, бра, торшеры; старинные китайские вазы — бронзовые и фарфоровые; карликовые деревья бонсай на изящных высоких консолях из светлой вишни — казалось, он попал в какой-то дворец или студию, где снимали сцену из жизни голливудских звезд.

Городецкий, наслаждаясь произведенным эффектом, водил его из комнаты в комнату, давая какие-то важные, на его взгляд, пояснения. В одном из залов, словно специально для Константина Николаевича, уже топился камин, совсем по-сельски потрескивали дрова, и он с удовольствием расположился в глубоком кожаном кресле, протянув ноги к огню. Да, не зря хвалился Городецкий — квартира была блеск!

Аргентинец, придвинув к креслу столик на колесиках, уставленный напитками, оставил его одного и ушел в столовую, где хозяйка и две его дочери уже накрывали стол. Тоглар знал Светлану, жену Аргентинца, давно, но как-то не предполагал, что у него взрослые дочери-студентки, девушки на выданье.

Застолье у Городецкого затянулось допоздна. Тоглару было по-свойски хорошо в душевном кругу домочадцев Аргентинца. Шум, смех и шутки не смолкали с первой до последней минуты вечеринки, женщины веселым нравом не уступали хозяину. Несколько раз среди трапезы Константин Николаевич проваливался памятью в Ростов, к Наталье, и тому виной была дружная семья Городецкого. Тоглар примерял себя, Наталью к семейной жизни, к уюту и в какие-то минуты видел вместо Светланы, жены Аргентинца, Наташу, представлял ее хлебосольной хозяйкой большого и уютного дома. Городецкий отменил запланированные на этот день картежные игры, и весь вечер они провели дома, беседа до глубокой ночи.

— Мне бы хотелось купить похожую квартиру где-нибудь рядом, я люблю этот район. Люблю ходить пешком. Есть еще одна причина — я решил жениться, обзавестись семьей. Если бы ты знал,

как я устал... И, честно говоря, по-хорошему завидую тебе,— искренне, но грустно сказал Константин Николаевич.

— Ты решил жениться на той девушке из Ростова? — уточнил Аргентинец, вороша щипцами поленья в камине, и яркий отблеск упал на его лицо.

— Отгадал, на ней. Хочу жить домом, принимать гостей, встречать вместе с тобой Новый год, Пасху, Рождество. Сколько может стоить такая хата?

Аргентинец на минуту задумался.

— Наверное, около полумиллиона долларов. Но если ты всерьез, это легко узнать — у меня есть знакомый хозяин риэлторской конторы. Я ему поставляю богатых клиентов, а он мне платит два процента со сделки, так что я на твоей квартире еще и заработать смогу,— улыбнулся Городецкий.

— Что такое риэлтор или, как ты сказал, риэлторская контора? — не понял Тоглар.

— По-простому, на старый манер — это маклер. По новому, западному стилю — торговец недвижимостью. Теперь... везде узкая специализация, каждый занимает свою нишу. Лучше работать с ними, у них всегда есть выбор. В квартире, выставленной на продажу, они делают ремонт, причем сотрудничают с дизайнерскими конторами, мебельными фирмами. В общем, избавляют богатых людей от лишних хлопот.

— Можем мы сейчас же позвонить твоему маклеру? — загорелся Тоглар, обрадованный тем, что все может так легко устроиться.

— Почему же нет...

Аргентинец, взяв лежавший рядом сотовый радиотелефон, набрал какой-то номер. На другом конце тотчас подняли трубку.

— Здравствуй, Серега. Это Городецкий. Как жизнь, как дела? — Аргентинец держал трубку на отлете, и Тоглар слышал, как отвечал маклер:

— Неплохо. Но жить лучше не помешало бы. Риэлтору для полного счастья всегда нужен богатый клиент.

— А у меня тут есть один. Правда, с претензиями. Хочешь переговорить?

— Спрашиваешь...

Аргентинец передал трубку Фешину.

— Добрый вечер. Меня зовут Константин Николаевич. Вы бывали дома у Городецкого?

— Бывал. Эта квартира прошла через мои руки, я ее продал прежнему владельцу. Наша фирма сделала там ремонт. Кстати, как — нравится?

— Да, нравится,— не стал лукавить Константин Николаевич.— И я хотел бы иметь нечто подобное, а главное, в этом же районе, в сталинских домах. Люблю, знаете, простор, воздух, свет...

— Одну секунду, я включу компьютер,— попросил маклер. Видимо, дождавшись, пока на дисплее появятся данные, он спросил: — Вы будете платить сразу или по частям, перечислением или наличными?

— Могу сразу и наличными, если, конечно, устроит ваше предложение.

— Варианты у нас есть, и даже там, где вы хотите, рядом с гостиницей «Украина». Дом стоит в глубине двора, так что шум с Кутузовского проспекта не будет вас беспокоить по утрам.

— Сколько комнат? — уточнил Тоглар, он уже вошел во вкус.

— Две квартиры на шестом этаже, на одной лестничной площадке. Трехкомнатная и четырехкомнатная.

Тоглар чуть задумался, потом спросил:

— А нельзя ли соединить эти две квартиры?

— Можно,— хмыкнул на другом конце провода Серега.— Нынче ничего невозможного нет. У вас большая семья?

— Нет, небольшая. Но я художник. И хотел бы в трехкомнатной сделать большую мастерскую, студию, комнату для гостей — необычную, чтобы чувствовалась обитель, а не просто жилье художника. Понимаете?

— Понимаю. Нечто такое мы уже делали. У нас есть европейские модели подобной студии: фотографии, видеообзор. Но две квартиры в таком престижном районе, сталинском доме, особый ремонт... это станет вам дорого.

— Дорого — это сколько? — спросил Тоглар, не выдавая своей радости.

— Около восьмисот тысяч долларов. Возможны какие-то скидки, ведь вы покупаете сразу две квартиры и готовы оплатить наличными. Разумеется, нам понадобится аванс, чтобы начать оформление ордера и подключить дизайнеров, проектантов, строителей.

— Я могу заплатить и все сразу, если понравится и квартира, и ваш проект, но какие у меня будут гарантии?

Но тут в разговор вмешался все слышавший Аргентинец:

— А я и буду гарантом. Он ведь знает, с кем имеет дело: подведет — оторвут голову, вот и весь консенсус. Тут одни коллеги Сереги попытались кинуть нашего братана Мансура, он квартиру на Петровке купил, рядом с главной ментовкой. Теперь нет ни этой конторы, ни хозяина, мир праху его, а оставшиеся компаньоны до сих пор плачут штраф за подлянку. Мансур — мужик крутой.

Маклер, конечно, слышавший слова Городецкого, уверенно сказал:

— Мы стараемся работать честно.

— Можем мы завтра же, с утра, посмотреть ваши квартиры? — Тоглар уже не мог сдерживать нетерпения.

— Разумеется. Где увидимся? Ваш телефон?

— Приезжайте к Городецкому к десяти утра.

— Лады, договорились... — и Серега повесил трубку.

— Ну вот, я и заработал шестнадцать тысяч баксов, не выходя из дому, — пошутил Аргентинец. Потом, спохватившись, спросил: — Ты всерьез тянешь на такую дорогую хату?

— Чтобы жить с тобой рядом, никаких денег не жалко, — потирая руки, довольно заметил Тоглар. — Тем более, за такие апартаменты, где у меня наконец-то будет мастерская и я смогу заняться живописью.

— Живописью? Ты это всерьез? Я думал, что это твоя Наталья захочет иметь какой-нибудь пижонский салон, — искренне удивился Аргентинец.

— Вполне серьезно, дорогой, вполне. Единственное, что меня привлекает сегодня, кроме Натальи, разумеется, — это краски, холсты, кисти... Я хочу попробовать рисовать, мне кажется, это у меня в крови. И давай выпьем за мой будущий дом, он ведь с твоей легкой руки возникнет, — взволнованно сказал Тоглар.

— За дом выпьем. Дом — штука серьезная, тем более, если он такой уютный... — и они сдвинули бокалы с белым вином.

Потом они еще долго сидели, обсуждая ближайшие планы Константина Николаевича. Глядя в окно, за которым все так же нудно моросил дождь, Тоглар вдруг словно опомнился:

— Какие прожекты строим — квартира, мастерская... А мне ведь завтра не в чем выйти на улицу. Посмотри на эту мокреть, и утром вряд ли распогодится... Нужно срочно купить осенний прикид, хочется пешком прогуляться по Москве... соскучился...

— Прикид нынче дело серьезное, теперь кругом по одежке встречают... — задумчиво сказал Аргентинец. — Шмотья завались, но,

оказывается, и Карден с Версаче не потолок, есть и покруче. В этом деле я, честно говоря, не секу. Но,— осенило его,— есть у меня один молодой и чересчур шустрый компаньон, когда-нибудь он в великого каталу вырастет, помяни мое слово — талант! — Хозяин оживился.— Понимает с полуслова, полужеста, на ходу подметки рвет, как говаривали в старину. Я его беру в напарники, когда чувствую, что соперник мне не по зубам, или они против меня тоже в паре катают. Так у этого молодого гения — у него кликуха, с моей легкой руки, Эйнштейн — есть одна существенная слабость: он помешан на модной одежде — короче, сам увидишь. Что сегодня надо носить и где это купить — лучше него не знает никто, даже Слава Зайцев или Алексей Греков. Вот ему я могу позвонить, оказать услугу, он сочтет за честь.

— Прекрасно, ты решил с риэлтором, решай и с имиджмейкером, кажется, это так называется. Однако, я вижу, жизнь сильно изменилась: были бы деньги, а остальное решается вмиг, и даже по самому высшему разряду.

— Уровень, брат, от денег зависит. А все остальное — разделение труда, каждый должен делать только то, что делает лучше других. Это закон успеха. Я, как ты знаешь, играю в карты, бог дал мне такой талант. У других — свои таланты. Так я звоню Эйнштейну.

— Давай, давай, не голым же мне ходить...

Молодого гения удалось отыскать только с третьей попытки. Вначале Эйнштейн огорчился, что его побеспокоили не из-за очередной крупной игры, но когда узнал, что надо по высшему разряду упаковать богатого и уважаемого человека, в нем проснулся азарт художника. Он обещал экипировать друга Аргентинца так, что от зависти лопнут самые прикинутые пижоны столицы. Договорились, что он заедет за Тогларом к Городецкому к одиннадцати утра. Друзья решили, что за час Константин Николаевич успеет осмотреть с риэлтором квартиру, тем более, она находилась почти рядом...

3

Утром Серега явился минута в минуту, боялся, наверное, упустить такого выгодного клиента. За час они осмотрели дом в районе гостиницы «Украина». Месторасположение, двор, этаж, да и сами квартиры Тоглару понравились. К этому времени подъехали архитектор-планировщик и дизайнер. Они показали и рассказали,

что в данном случае можно перестроить, перепланировать, снести. Обещали через неделю представить компьютерный дизайн-проект. Особенно внимательно, с неожиданным волнением, выслушал Константин Николаевич предложение по переустройству трехкомнатной квартиры под желанную студию-мастерскую. Ознакомившись с квартирами, Фешин твердо сказал: беру!

Когда Тоглар вернулся со «смотрин», молодой картежный гений уже дожидался его у Городецкого. Он пил кофе с хозяином дома у погасшего камина и о чем-то с ним вяло спорил — видимо, речь шла об очередных картежных аферах.

Увидев оживленного Константина Николаевича, Городецкий прервал беседу и, даже не представив гостя, нетерпеливо спросил:

— Ну как? Подходит?

— Да, вполне.— Тоглар не мог сдержать довольной улыбки.— Через неделю обещают компьютерный дизайн-проект в цвете, и я оплачу все сразу. Так что, считай, свои баксы ты уже заработал.

Городецкий обрадованно потер руки:

— Прекрасно, я рад и за тебя, и за себя. Вот, знакомься — юный гений и величайший сноб в одежде. Жуткое поколение растет. Между прочим, для него, Эйнштейна, безвкусно одетый человек уже не человек. Такая вот дискриминация по тряпичному признаку...

— Георгий,— представился молодой парень, действительно изысканно одетый, с мягкими, вкрадчивыми манерами донжуана и ловеласа. Вот откуда, наверное, проистекала тяга к модным и дорогим вещам.— Не верьте, Константин Николаевич, мэтр — человек эмоциональный и, как всегда, преувеличивает. Одежда одежде рознь, вы в этом сегодня убедитесь. И еще... Вам очень повезло: два месяца назад, располагай вы любыми средствами, ничего стоящего приобрести не смогли бы, нужно было бы слетать в Париж или Дюссельдорф — в последние годы немцы стали большими модниками. Впрочем, пусть остальное будет вам сюрпризом. Так что, поехали? — и он легко поднялся с места.

У входа в подъезд стоял серебристого цвета пижонский «порше», весь вылизанный, надраенный под стать хозяину. Наверняка Эйнштейн выиграл машину за карточным столом, не без помощи Аргентинца.

— Судя по вашим швейцарским часам «Юлисс Нардан»,— да и костюм от Хуго Босса ничего,— вы, Константин Николаевич, моды не чураетесь. Мэтр упомянул, что в молодые годы вы с ним

экипировались в валютных «Березках», а там продавались если не самые модные, то весьма качественные вещи — во Внешторге работали люди со вкусом. Многие друзья мэтра, с которыми мне приходится общаться, одеваются дорого, но, как я считаю, они остались на уровне «Сейко», «Саламандер», финских костюмов «Туро» или «Тиклас», можно к ним добавить итальянскую дубленку или назвать иные страны и фирмы, но суть от этого не меняется. Это даже не ретро, это эклектика. Хорошее ретро всегда стоит дорого, и чтобы прочувствовать его, вернуться к нему — нужна не только смелость, но и уверенность в своем вкусе... — Эйнштейн завел машину и, плавно тронув с места, взглянул на молчавшего Тоглара. — Извините, когда речь заходит об одежде на высоком уровне, я забываюсь, меня заносит... Вас не смущает мой менторский тон и моя неуклюжая лекция?

— Нет,нисколько. Пожалуйста, продолжайте, мне даже интересно, — успокоил парня Тоглар. — Пожалуй, такого трепетного отношения к одежде, к своему внешнему виду, как у вас, я до сих пор еще не встречал. То ли время было другое, то ли мы сами до чего-то не доросли...

Но молодой пижон, окрыленный поддержкой и вниманием, не стал дожидаться конца задумчивой фразы Константина Николаевича.

— Наверное, вы правильно поставили диагноз: и время было другое, и возможности, да и сами люди. Система не любила тех, кто хоть чем-то выделялся, это касалось и ума, и убеждений, и внешнего вида. Поскольку мы едем по конкретному адресу и конкретному делу, я попытаюсь хоть немного ввести вас в курс...

Видно было, что он сел на любимого конька и теперь не умолкнет всю дорогу. Однако треп не мешал ему вести машину мастерски, и Тоглар вполуха слушал лекцию о моде. А Эйнштейн шпарил словно по писаному...

— На месте, где товар лицом, все станет ясно. Девяносто девять процентов населения вселенной считают, что мир высокой моды представляет только дюжина, от силы две, известных модельеров. Имена их всегда на слуху: Карден, Ив Сен-Лоран, Ги Ля Рош, Версаче, Лагерфельд, Труссарди, Армани, Зайцев, Кензо. Список этот можно продолжить по своему вкусу. Но как существуют в мире серийные машины, сделанные на лучших заводах самыми лучшими конструкторами и дизайнерами, так существуют и штучные автомобили, выполняемые только по индивидуальным заказам: «Мазерати», «Роллс-Ройс», «Ламборджини», «Бентли», «Феррари» — осо-

бенно спортивные модели или кабриолеты; или, скажем, частные самолеты, яхты. Так и у богатых людей есть свой, особый стиль в одежде, который в принципе избегает рекламы. Редко, но есть случаи, когда товар не нуждается в афишировании, примером тому могут служить часы «Ролекс» — фирма уже не тратит деньги на рекламу. «Ролекс» он и в Африке «Ролекс».

Фешин прикрыл глаза и почти дремал под треп водителя, а тот все не мог остановиться — его словно прорвало:

— Стиль для богатых... Он складывается из спектра всех достижений лучших модельеров мира, с использованием лучших тканей на данный момент. И единичные, удачные образцы «от кутюр» в чистом виде тоже представлены в нем. Один из известных стилей одежды для мужчин в мире носит название «Ягуар». Как только в России появились богатые люди, такой салон открыли и в Москве. Конечно, если даже всемирно знаменитые Дома высокой моды из-за больших затрат сокращают показы и время от времени разоряются или кидаются в объятия спонсоров, то можно представить, кто способен позволить себе одевать амбициозных богатых людей. Оттого таких фирм в мире немного, три из них представлены в Москве — «Обвиос», «Ягуар» и франко-английская «Дормей». В них работают художники, модельеры, дизайнеры, искусники портновского дела, ничем не уступающие знаменитым мастерам с шумными именами, которых я уже перечислил. Только задача у них другая — прославлять не себя, свое имя, а улаживать тех, у кого есть капитал, они работают за очень большие деньги. Ну, вот мы и приехали... — Эйнштейн оборвал свой монолог и въехал на платную стоянку какой-то громадной гостиницы.

Константин Николаевич, выглянув в окно, увидел на фронтоне современного здания броскую вывеску: «Софител-Ирис» и тут же вспомнил, что его бывшие хозяева, чеченцы, говорили про этот отель, но про магазин не упоминали.

Гостиница поражала изысканностью, роскошью уже с порога, с просторного холла, и Тоглар подумал, может, ему стоит остановиться в этом отеле, но тут же отбросил эту идею. Наверное, ему все же следовало поселиться в «Метрополе», рядом с Дантесом, — страховка и поддержка на первое время не помешали бы.

То ли они приехали рано, то ли еще не все богатые прознали про салон «Ягуар-стиль», да и не у всякого был такой компетентный консультант по части супердорогой одежды, как Эйнштейн, но в магазине в этот час не оказалось ни одного покупателя. Вероятно, по-

тому их встретили лучезарными улыбками. Сразу несколько продавцов-консультантов обступили их, готовые выполнить любое желание, и едва ли не хором приветливо спросили: «Чем можем помочь?»

Эйнштейн какой-то ловкой, не унижающей себя фразой дал понять хозяевам, что он всего лишь сопровождает высокого гостя, и все внимание, улыбки тут же переключились на Константина Николаевича.

— Наверное, мы сначала посмотрим, оглядимся — времени у нас достаточно, — предложил Тоглар. — А купить, я думаю, мы много чего купим. Мой молодой друг очень высоко отзывался о вашем салоне. — И внимание, улыбки вновь вернулись к Эйнштейну.

Салон «Ягуар-стиль» был построен с размахом, не то что бутики даже самых известных в Москве кутюрье, занимающие в центре какие-то закутки, каморки или вестибюли престижных зданий. Здесь не претендовали на особенность, изыск — тут все дышало великолепием, изяществом, гармонией, во всем был правильно найден стиль. Да, именно стиль был отличительной чертой этого заведения. Честно говоря, Тоглар некоторое время не мог сосредоточиться на одежде, разглядывая, как оформлен и обставлен салон. Ему сразу пришлось по душе выдержанные по тональности пространственное и световое решения, цветовая гамма отдельных предметов интерьера — он все теперь примерял к своему дому, к своей мастерской.

Мужчины неторопливо переходили из зала в зал, от стеллажа к стеллажу, и учтивые продавцы просили обратить внимание на ту или иную вещь. В какой-то момент Константин Николаевич заметил, как загорелись глаза у Георгия, когда показывали что-то особенно элегантное, кажется, костюмы «Дормей-престиж», пошитые вручную, выдержанные большей частью в классическом стиле, но, тем не менее, был в них какой-то особый шик — то ли из-за качественного материала, то ли удачного кроя, а может быть, и выгодной расцветки.

Глядя на оживленного Георгия, Тоглар усмехнулся, но тут же едва набежавшая ироническая улыбка исчезла с его лица. Он вспомнил, как когда-то в Актюбинске, в таком же вот возрасте, что и этот картежный гений, он мечтал купить себе после армии китайский габардиновый костюм, пальто из ратина с шалевым воротником, пару приличных штиблет и шелковых рубашек, чтобы появиться в обнове на танцах во Дворце железнодорожников. Ради этой мечты он согласился подделывать богатому снабженцу диплом, хотя и знал, что совершает преступление. Тюрьмой, тремя годами неволи и сломанной навсегда судьбой он заплатил за свой первый в жизни модный прикид...

Цены, судя по реакции Эйнштейна, кусались даже для него, и Константин Николаевич, выбрав удачный момент, шепнул:

— Георгий, я вам очень обязан за визит в «Софитель-Ирис». В память о нашем знакомстве отберите себе несколько вещей и аксессуаров с логотипом «Ягуар»: ну там, галстуки, ремни, шарфы — пусть это будет подарок от меня. — Тоглар вдруг остро почувствовал, что этот неординарный, болезненно самолюбивый юноша когда-нибудь очень пригодится ему.

В прошлые годы в «Березке» можно было выбрать любой костюм или пиджак, а вот найти подходящий, да к тому же модный плащ или пальто, особенно зимнее, советскому человеку было куда как нелегко. Видимо, из-за скудости выбора у русских мужчин дубленка и стала униформой. Поэтому Тоглара обрадовал зал, где были выставлены знаменитые пальто «Дормей» из ткани «викуния», один метр которой стоил шесть тысяч долларов. Его размера, а точнее, роста не нашлось, но хозяева, видя искреннее огорчение покупателя, заверили: не волнуйтесь, ничего страшного, сейчас снимем мерки, и через две недели из Лондона придет ваше пальто, идеально сшитое по вашим меркам. Поразила Фешина и лазерная съемка размеров — что-то наподобие привычного и знакомого рентген-кабинета: входишь, не раздеваясь, в темную кабину, и в течение минуты с тебя делают три снимка: профиль, анфас и со спины.

Тоглар решил заказать сразу два пальто: одно — зимнее с подкладкой из баргузинской норки и таким же, из норки, большим воротником; второе — демисезонное традиционное пальто «Дормей». Когда он заплатил наличными за оба, коммерческий директор магазина объявил, что все купившие хотя бы одно пальто из «викунии» традиционно вносятся в почетный список покупателей фирмы «Дормей», а их портновские параметры хранятся в особом компьютере.

Услышав о большой покупке, появилась и сама хозяйка салона. Она сказала, что пока это первый случай, когда у них заказывают сразу два пальто «Дормей», и что это следует особо отметить. В зал тут же вкатили две тележки с напитками и кофейными принадлежностями, и хозяйка сама стала угощать важных покупателей.

Константин Николаевич решил воспользоваться случаем и обмолвился, что недавно приобрел квартиру и делает в ней ремонт, что он в восторге от оформления салона и хотел бы познакомиться с этим талантливым дизайнером. Польщенная владелица салона ответила, что делает это исключительно для почетного

покупателя фирмы «Дормей», и, назвав фамилию: Евгений Виленкин, дала его телефон.

Из разговора с хозяйкой выяснилось, что по своим меркам, сделанным для фирмы, покупатель может заказать у них костюмы, рубашки, пиджаки, халаты, даже шелковое постельное белье любых расцветок с маркой «Ягуар». Что Фешин тут же и сделал, пролистав альбомы и каталоги фирмы. Особенно обрадовала его возможность заказать рубашки — вечно с ними проблемы: то рукава короткие, то не подходят по длине, то на груди мешком, то садятся после первой стирки.

В магазине они пробыли почти три часа, экипировались так, что ни осень не была теперь страшна, ни зима. Не забыл Тоглар и про Наталью — купил ей пару бархатных платьев от Шанталь Томас, в которых, как выяснилось, любила блистать на приемах сама любезная хозяйка салона. Приобрел он для нее и несколько осенних нарядов от Лауры Бьяджотти, они особенно гармонировали по стилю с тем, что он только что купил для себя.

Когда они вернулись к машине, Тоглар спросил у Георгия, есть ли у него в салоне телефон? Эйнштейн тут же передал лежавший в специальной нише радиотелефон. Набрав номер риэлторской конторы, Тоглар попросил хозяина.

— Послушай, Серега,— начал он сразу о деле,— запиши, пожалуйста, телефон одного дизайнера. Я только что случайно познакомился с его работой. Позвони ему сейчас же, договорись, и пусть он подключается к делу. Будет отказываться, артачиться — забей деньгами, соглашайся на любые его условия. Расходы на него приплюсуешь отдельно, не возражаю. Особенно налегай на то, что придется оформлять не просто частный заказ, а студию-мастерскую, не должен художник отказать художнику. Если не уговоришь, позвони, поставь меня в известность, сам поеду договариваться. Добро?

Видимо, Эйнштейн, скептически относившийся к плохо одетым гражданам, не воспринимал всерьез и людей старшего поколения, к которым он, безусловно, причислил и Константина Николаевича,— считал, что их время прошло, и они мало что смыслят в нынешней жизни. Но после визита в «Софитель-Ирис» отношение его к Тоглару резко изменилось, и не потому, что тот сделал широкий жест, позволив приобрести в качестве подарка немислимо дорогие и престижные вещи, а оттого, что увидел в нем не просто нувориша, а человека, знающего себе цену, имеющего вкус,— это

он отметил по покупкам. Там, в салоне, он не давал Тоглару никаких конкретных советов — Константин Николаевич все подбирал сам, не прислушиваясь даже к рекомендациям консультантов «Дормея», явно старавшихся угодить состоятельному клиенту.

Эйнштейн и Тоглар возвращались из «Софитель-Ирис» на Кутузовский в хорошем настроении, и Фешин, почувствовав по манере вождения, что парень знает толк не только в одежде, но и в машинах, спросил:

— Георгий, а какую бы вы порекомендовали мне купить машину? Теперь такой широкий выбор, что можно и растеряться.

Эйнштейн, польщенный вниманием и радуясь, что еще в чем-то может быть полезен другу своего наставника Аргентинца, небрежно ответил:

— Я думаю, что лучшие в мире машины все-таки немецкие. Любая из известных моделей: «Мерседес», «БМВ», «Ауди», «Порше» — стоит внимания. Если бы у меня были деньги, я бы купил только последнюю модель «Порше». Кстати, не удивляйтесь, у этой славной фирмы с некоторых пор японская администрация. Хозяева «Порше», желая выйти на новый качественный уровень, наняли вышедших на пенсию известных японских служащих и дали им полный карт-бланш в организации производства. «Порше» всегда мешала высокая себестоимость ее классных машин. И старым японским волкам задача оказалась по силам: «Порше» удалось не только улучшить, но и удешевить, и она стала конкурентоспособной лучшим европейским машинам. А что касается дизайна этой фирмы... Можно сказать, что в мире давно уже устоялся стиль «Порше-дизайн». Я, например, ношу очки «Порше», и даже кофеварка у меня этой фирмы. Вы же сами видите, насколько удобна машина, хотя это старая модель — выпуска 1987 года. Только покупать автомобиль надо на самой фирме «Порше», в Москве у них есть свое представительство.

— Почему я не могу купить машину в магазине? Ведь десятки фирм предлагают автомобили, и «Порше» в том числе? — удивился Фешин.

— Все очень просто, Константин Николаевич... Большинство машин, продаваемых в России, — угнанные. Они проходят тщательную предпродажную подготовку, и вряд ли кто заметит, что на этой машине уже поездили месяца два-три. Другие, старые, сбывают, минуя магазин. Угонщики-асы, особенно с Кавказа и Средней Азии, — да и российских хватает, — работают только по заказу, ко-

гда учитывается все, даже цвет машины. Поэтому вам, человеку солидному, лучше покупать у официальных дилеров, они продают уже адаптированные к российским дорогам модели. Такую, законную, и продать легче в случае нужды.

— Спасибо за дельный совет... А не смогли бы вы, скажем завтра, заняться этой проблемой: отыскать представительство «Порше» и подобрать для меня машину, желателен вишневого цвета, с темным салоном?

На станции техобслуживания «Порше» Эйнштейн постоянно встречался с представителями самой фирмы и ее дилерами и иногда поставлял им богатых клиентов. Он знал, какой процент причитается ему с продажи! А тут шел разговор о варианте «люкс»! Поэтому картежник обрадовался предложению, так как уже вторую неделю сидел на мели, мэтр не приглашал его на серьезную игру. Там, где он играл сам, нравы царили самые суровые: деньги предъявлялись хозяину катрана на входе, и стремление сесть за стол с суммой меньше двадцати пяти тысяч баксов расценивалось как наглость. К тому же ему хотелось сделать приятное этому мужчине с непонятной кликухой Тоглар — о нем он раньше никогда не слышал и в Москве его не встречал, хотя последние три года благодаря Аргентинцу вплотную терся возле крутых людей.

В телефонном разговоре с неким Сергеем Тоглар назвал себя художником, хотя люди этого круга вряд ли могли позволить себе одеваться у «Дормей», покупать квартиру на Кутузовском, подбирать последнюю модель «порше» по цвету обивки салона. Правда, неясно, что вкладывал Тоглар в понятие «художник». Однажды, когда пронесся слух о чеченских авизо, Эйнштейн слышал, что и дело по бесшумному изыманию триллионов прямо из банков разработал гениальный художник. Может, и Тоглар был таким же уникальным художником?

Незаурядность Константина Николаевича все больше поражала Эйнштейна, и он понимал, что судьба предоставила ему редкий шанс приблизиться к человеку, который, возможно, поможет по-настоящему встать на ноги, сблизиться с высокими людьми, — мэтр не спешил с этим, давал лишь время от времени заработать. Поэтому он не замедлил с ответом:

— Хорошо, с удовольствием. Могу я отобрать самую-самую?

Тоглар от души расхохотался:

— Конечно! Как говаривали во времена моей молодости: пить — так шампанское, любить — так королеву!

Через три дня после приезда из Ростова Тоглар переехал от Городецких в «Метрополь», правда, не на пятый этаж, рядом с Дантесом, а, как обычно, на второй. Он не любил лифты, даже такие скоростные и бесшумные, которые возили постояльцев в этом помпезном отеле.

Эйнштейн оказался парнем проворным: на второй день после переезда в гостиницу внизу, на автостоянке «Метрополя», он припарковал последней модели «порше», вишнево-перламутровой окраски, с обитым черной, хорошо выделанной телячьей кожей салоном, — таким автомобиль и виделся Тоглару. Машину еще на фирме снабдили всевозможными хитрыми приспособлениями от угона.

Аргентинец, оказавшийся в тот момент в номере у Тоглара, мимоходом обронил, что на днях у самого Иосифа Кобзона угнали новенький шестисотый «мерседес», и, хотя на уши поставлена вся Москва, официальная и криминальная, следов автомобиля пока отыскать не удалось. А Эйнштейн, также немало знавший об уголовной жизни столицы, добавил, что, скорее всего, на ней уже катаются где-нибудь в Средней Азии или на Кавказе. А чтобы не сомневались, пояснил... Оказывается, летчики занялись новым бизнесом: угнанные машины загоняют в чрево военных самолетов, а те, не подлежащие контролю, стартуют в любом направлении, лишь бы хорошо заплатили. Раньше, еще в брежневские времена, военные промышляли тем, что со своих аэродромов нелегально возили на Север, Дальний Восток, Чукотку ранние овощи, фрукты, зелень, цветы с Кавказа и Средней Азии, называя свои бизнес-рейсы учебными полетами. Теперь, значит, и краденым не гнушаются.

Дни в Москве проходили на удивление плодотворно. Дизайнер, оформлявший магазин «Ягуар-стиль», согласился переоборудовать его квартиру и мастерскую на Кутузовском, и теперь по утрам Тоглар заезжал к себе на «объект» и виделся с архитектором, прорабом, дизайнером — все нужно было утрясать, согласовывать, консультировать, а главное, утверждать окончательное решение. Завел он у себя в машине и сотовый телефон, и пейджер, но большинство звонков было из его будущих апартаментов.

Каждый день он звонил Наталье в Ростов, иногда они говорили часами, счета за переговоры приходили сумасшедшие. Все чаще и чаще он заглядывал в художественные салоны, присматривался к инвентарю, материалам и удивлялся, как быстро западники освоили наш

рынок. Станки, мольберты, кисти, мастихины, карандаши, краски, эмали, лаки, десятки видов необходимых художнику товаров, включая маркеры, скобы для крепления холста, какой хочешь багет — все было итальянским, французским, немецким, голландским, японским, китайским, вплоть до специальной бумаги для акварелей и темперы.

Выбор, конечно, поражал, и Фешин, вспоминая в эти минуты отца, жалел, что тот и представить себе не мог, какой есть на свете качественный инструмент и какие дивные краски.

После возвращения из кавказского плена Константин Николаевич поражался переменам в Москве, произошедшим за последние годы, особенно удивляло его появление множества художественных галерей. Но интерес его к частным галереям истаял быстро, там пропагандировали нечто такое, что он едва ли осмелился бы назвать искусством. В галерее «Реджина», которую ему непременно рекомендовали посетить, прошла нашумевшая выставка «Грязь». Настоящей уличной грязью оказались залиты мраморные полы роскошного зала, а поверх были кинуты грязные доски с ближайшей стройки, выполнявшие роль мостков, чтобы посетитель мог убедиться, что и в самых дальних углах выставки настоящая грязь. Вот и весь художественный изыск. Всевозможные выставки с живыми животными: свиньями, ослами, быками, кроликами, с раздеванием догола художников обоего пола и прочими бредовыми фантазиями совсем отвратили Тоглара от модных галерей, часто упоминаемых прессой. А вот Третьяковка, которую он любил больше всего, до сих пор находилась на ремонте. Именно там имелись работы его знаменитого деда, в том числе и портрет Ленина, сделанный им в 1918 году, — кстати, первый официальный портрет вождя революционной России.

К концу сентября неожиданно распогодилось, надолго исчезли обложные дожди, небо посветлело, вновь заиграло солнышко, и в городе, одетом в желто-багряный цвет, исчезли зонты, плащи, казалось, горожане вдруг приосанились, помолодели, повеселели. В эти погожие осенние дни Константин Николаевич осуществил свою давнюю мечту — много и подолгу ходил по Москве пешком, узнавая и не узнавая ее, радуясь и огорчаясь одновременно. Там, в кавказском плену, ему часто снилась Москва — златоглавая, белокаменная, и он дал себе слово: если судьба будет милостива к нему и он вернется из неволи, то обязательно в любое время года будет совершать долгие пешие прогулки по столице. В одной из таких прогулок он открыл для себя по-новому Крымский Вал, напротив парка Горького, который за по-

следнее время облюбовали живописцы. Настоящий многокилометровый вернисаж, салон под открытым небом!

Пока стояли сухие и солнечные дни, Константин Николаевич приходил сюда чуть ли не ежедневно и досадовал, если заботы по оборудованию квартиры и мастерской не позволяли вырваться на простор.

Тут, на Крымском Валу, Константин Николаевич обычно прохаживался вдоль выставленных на аллеях картин, сравнивая манеру, технику, цветовую гамму работ. Заметил он и разделение художников по этническому признаку, как и в воровском мире. Молдаване, таджики, армяне, осетины — все держались своим национальным табором. Видимо, так было легче противостоять рэкету, мелкой шпане, а может, они и жили колониями, работая в один котел?

Наибольшей по численности и наиболее талантливой показалась Тоглару грузинская колония — тут просто не было серых, безликих картин, хотя кругом царил откровенный кич, полно было работ, рассчитанных на массовый вкус. Здесь, в грузинских рядах, он и увидел эту картину — небольшой пейзаж в сиренево-розовом цвете, тщательно выписанный в особой «пастозной» манере. Чем-то таким близким и родным повеяло от этой работы, что у Тоглара от волнения вспотели ладони. Пейзаж почти один к одному, и даже размером, повторял картину его деда — единственную, которая была у него и когда-то случайно открыла ему тайну его фамилии.

К удивлению художника, Тоглар заплатил за работу впятеро больше запрошенной суммы и забрал картину. От волнения, охватившего его, он присел на скамейку возле Дома художника и долго сидел, разглядывая пейзаж и вспоминая давний весенний день в Казани...

5

Тогда еще была жива мать и в одном из писем просила его, чтобы он при возможности посетил Казань, нашел дом своей бабушки, Елизаветы Матвеевны Соколовой. Там после ее смерти остались для Николая Николаевича, его отца, какие-то важные бумаги и письма. И вообще, она просила сына пройтись по старинным улицам Казани, на которых вырос его отец, откуда восемнадцатилетним парнишкой ушел на войну. Оказывается, отец все годы жизни в Мартуке мечтал хотя бы раз посетить Казань, подышать воздухом России... Не удалось — раны, нищета докончили его в сорок лет.

Была середина семидесятых годов, золотая пора взлета страны, единственный продолжительный период, когда советский народ жил в относительном достатке и надеялся на лучшее будущее. Неплохо обстояли дела и у самого Тоглара, и, поддавшись настроению письма, он в тот же день купил билет и выехал в мягком вагоне в Казань. Необременительная дорога — вечером садишься на скорый поезд, и утром ты уже в Татарии.

По указанному адресу в старинной части города, в центре, на улице Чехова, он нашел двухэтажный особняк удивительной архитектуры, отстроенный в самом начале века. «1901 год» — значилось на фронтоне здания. Даже обветшавший, он производил впечатление кружевными коваными балконами второго этажа, такими же металлическими воротами в высокой каменной арке закрытого двора, резными наличниками. Покоем, уютом, основательностью веяло от этого дома даже издали.

Он долго ходил вокруг особняка, не решаясь войти в запущенный и захламленный двор, и в этот момент почти физически ощущал голос крови, зная, что в стенах этого некогда великолепного дома родился его отец, отсюда, через покосившуюся ныне гремящую железную калитку, он выходил в школу, на занятия живописью, а потом с тощим вещевым мешком ушел на призывной пункт. В этом доме жила его бабушка, ни разу не прижавшая к груди ни невестку, ни внука, наследника своего единственного сына, которого мечтала видеть только художником. Не случилось — так сложилась жизнь, такое немилосердное выпало всем время.

Отец рассказывал ему про Казань, не часто, но рассказывал, и Константин Николаевич смутно припоминал и этот двор, и эту улицу. Тут, где-то рядом, должен быть кинотеатр, сквер, а через три трамвайные остановки и парк, куда отец перед самой войной ходил на танцы с одноклассниками. Бабушка занимала две отдельные комнаты на втором этаже, хотя Соколовым до революции принадлежала половина дома, и у них был отдельный подъезд. Новые хозяева, татары-пенсионеры, встретили Тоглара приветливо, впустили в дом, выслушали его сбивчивый рассказ, усадили пить чай. Оказывается, прежние жильцы, въехавшие в эту квартиру сразу после смерти его бабушки, получили жилье в новых микрорайонах и давно съехали. Но старики вспомнили, что они оставили им какой-то сверток с бумагами некоей Соколовой, прожившей в этих стенах пятьдесят лет, с просьбой передать эти документы, если объявится сын или родня, которая якобы проживает далеко в Казахстане.

Но пакет с бумагами со временем затерялся. Ведь столько времени прошло, а пять лет назад старики пережили еще и стихию капитального ремонта. Тоглару была знакома известная поговорка, что два ремонта равны одному пожару, а уж наш, советский ремонт наверняка приравнивается один к одному. Константин Николаевич уже собирался уходить из гостеприимного дома, как вдруг старушка встрепенулась, радостно взмахнула худыми ручонками и проворно убежала в соседнюю комнату. Вернулась она с небольшой картиной в простенькой раме и объявила счастливо:

— Вот вам память о бабушке. Картина ей принадлежала. Велели вместе с бумагами передать, если отыщутся родственники...

Растроганный, грустный, он покинул дом, который при другом раскладе судьбы мог бы стать его родовым гнездом. Он уходил пешком в сторону центра, все время невольно оборачиваясь, хотя знал, что никогда ему не протоптать тропинку к дому своего отца. У калитки, словно провожая его навсегда, долго стояла старая татарская семья, принявшая его как родного, и Тоглару казалось, что жители прощально машут ему вслед.

Картина была небольшой, размером тридцать на сорок, и поначалу не приглянулась ему. Подписана: «Н. Фешин. 1920. г. Казань». Константин Николаевич помнил из рассказов отца, что тот до самого совершеннолетия носил, как и мать, фамилию Соколов, с которой свыкся, сжился. И вдруг мать, ничего не объяснив, выправила ему перед войной паспорт на имя Фешина Николая Николаевича, причем и позже не сказала о его отце ни слова — ни хорошего, ни плохого. Выходит, его дед, некий Н. Фешин, тоже баловался рисованием и оставил на память о себе этот небольшой пейзаж.

Дел у Тоглара в Казани не было никаких, приятелей тоже, поезд на Москву отходил поздно вечером, и он, пообедав в каком-то ресторане с татарской кухней, решил заглянуть в музей, вдруг удастся посмотреть какую-нибудь выставку, все-таки ему когда-то прочили судьбу художника. Так он оказался в Музее изобразительных искусств Татарии — величественном дворце бывшего генерал-губернатора Казани.

Музей поразил Тоглара, хотя удивляться было нечему, он знал, что в Казани жили и работали многие крупные русские художники, а казанское дворянство и купечество считалось одним из богатейших в России. Сюда в начале века стекались значительные произведения живописи, чтобы позже стать основой государственного музея. Таким

обилием полотен Шишкина, Коровина, Репина, Поленова, Крамского, Кустодиева, Маковского, Перова могут похвастаться не многие российские музеи, разве что московские. Обрадовался он, встретив тут работы Кандинского, Родченко, раннего Сарьяна, Филонова, Лентулова, Фалька, Грабаря, Кончаловского. Да и западноевропейская живопись была представлена серьезно, хотя тут системы не чувствовалось — выставляли что имели, а точнее, то, что осталось после чисток в пользу Москвы и Ленинграда.

Народу, как всегда в провинциальных музеях, было мало. Местные считают, что успеется, когда-нибудь заглянут, а приезжие, за редким исключением, убеждены, что все ценное и интересное представлено только в Москве и Ленинграде, оттого и упускают возможность увидеть действительно редчайшие работы.

Экспозиции музея располагались и на втором этаже, где он собирався посмотреть выставку старейших художников Татарии, как было объявлено на входе. Но на выставку не попал, потому что надолго задержался в первом же зале второго этажа. Все показы в музеях организованы по круговому принципу, и двигаться следует по часовой стрелке, но он ошибся и пошел в противоположном направлении. Наверное, на безлюдной выставке это не имело особого значения, но только не для Константина Николаевича.

Зал, в котором он задержался надолго, был посвящен одному художнику, носил его имя, и большой автопортрет его висел сразу у входа, но Тоглар вошел в другую дверь, с конца экспозиции, и ничего этого видеть не мог.

Первые же работы: пейзажи, натюрморты, портреты, жанровые сцены сразу приковали его внимание, и главным ощущением он назвал бы редкостное, никогда до сих пор не изведенное чувство: картины казались ему написанными одновременно очень давно и... сегодня. Такого парадокса он не испытывал никогда, даже не мог представить, что можно достигнуть подобного эффекта.

Наверное, он слишком долго задерживался возле каждой картины, рассматривая ее с разных точек, пытаясь постичь волшебный секрет палитры Мастера, поэтому на него обратила внимание старушка, хранительница зала, дремавшая в высоком кресле у дальнего входа. Явно влюбленная в свой музей, она, не дожидаясь вопросов посетителя, начала сама:

— И такого художника держали в запасниках, словно в темнице, почти полвека. Слава богу, прозрели, нашелся смелый человек,

рискнул,— полгода как открыли этот зал. Знатоки со всей страны ездят посмотреть, полюбоваться. Сегодня народу нет — будни, конец дня, а в субботу, воскресенье в нашем зале всегда много народу,— она словно оправдывалась за отсутствие посетителей в зале, несомненно заслуживавшем внимания.

— За что же пятьдесят лет не выставляли? Не вижу в работах никакой крамолы. В них жизнь, свет, а не политика,— поддержал разговор Константин Николаевич.

— Так-то оно так, про картины ничего не скажу. Да сам-то Николай Иванович Фешин — эмигрант, как уехал в Америку в 1922 году, так больше никогда и не возвращался. Там и умер в один день со Сталиным. А времена, вы сами знаете, какие были: два мира — две системы. Кто же эмигранта выставлять станет? Сами же художники из ревности и затопчут. Идеология... Две культуры... Вы молоды, а мы навидались вдоволь пролетарского искусства и идеологической борьбы. А Николай Иванович — барин, еще в той, царской, России академиком живописи был...

— Как вы сказали — Фешин? — с волнением переспросил Тоглар.

— Да, Николай Иванович Фешин,— покивала служительница.— Вы не в ту дверь вошли, зал называется фешинским, и автопортрет его у входа висит. Посмотрите, какая внешность благородная...

Но Тоглар уже не слышал хозяйку зала, неведомые силы понесли его ко входу, к портрету человека с редкой для России фамилией.

С автопортрета, выдержанного в присущей академику Фешину сиренево-розовой гамме, на жемчужно-снежном фоне, смотрел на взволнованного Тоглара... отец! Да, его отец, Николай Николаевич Фешин, как говорят — один к одному, ни отнять, ни прибавить. Разве что однурукий сельский художник, кистью зарабатывавший на хлеб и учивший деревенскую ребятню высокому искусству, никогда не обряжался в подобный изысканный костюм с парчовым жилетом и не носил изящный бант-бабочку. В остальном же это был живой отец — так же вихром топорщились волосы над высоким лбом, тот же разлет бровей, такие же добродушно-насмешливые голубые глаза, твердый волевой подбородок, означавший характер, упрямство. Именно таким он видел отца в последний раз, перед уходом на флотскую службу со второго курса мединститута, за два года до его смерти. Вот и автопортрет был написан дедом

тридцати восьми лет от роду — словно специально для него совпали возрастом два близких ему по крови человека.

Хозяйка экспозиции, словно почуяв, что с посетителем творится что-то особенное, и отнеся это на счет излишней эмоциональности от встречи с высоким искусством, молча вышла в соседний зал, ибо увидела на глазах странного молодого человека неожиданные слезы. Конечно, было от чего и разрыдаться, если в тридцать три года, в возрасте Христа, вдруг впервые узнаешь, кто ты есть, каковы твои корни, кто твои предки...

Остальное время до самого закрытия музея Тоглар провел в зале своего деда. Нашел он и картину, только размером поболее, похожую на ту, что случайно попала ему в руки. Наверное, та, подаренная почти полвека назад его бабушке, была написана на пленэре, а эта, музейная, сделана в мастерской, в ней имелось незначительное дополнение: едва обозначенная фигурка вдали, но обе работы оказались подписаны одним годом, 1920-м.

Уходил из бывшего генерал-губернаторского дворца Константин Николаевич в крайнем волнении, радовался и печалился одновременно. Подумал о фатальности судьбы: ведь появился он в Казани раньше, даже семь месяцев назад — разлучился бы со своим дедом, со своими корнями навсегда. Значит, наперекор всем препонам и рогаткам жизни ему была суждена эта встреча. Теперь он понимал и другое — о каких важных бумагах для отца упоминала бабушка, Елизавета Матвеевна. Наверное, уходя из жизни, она все же решила открыть сыну тайну его отца, его фамилии. Почему так долго таилась? Сейчас он знал ответ и на этот жгучий вопрос. Небезопасно было слыть сыном эмигранта, носить фамилию Фешин, она хотела, как могла, оградить свое единственное дитя от безжалостного времени. Есть и еще один ответ, он тоже имеет право на жизнь. Другое время, другие люди, другая мораль... Она свой грех искупала сама. Хотя в нынешнее время родить ребенка от любимого человека — какой уж тут грех? Но не нам судить времена, тем более предков...

...и временем все,
как водой, залито...

Тоглар помнил главную тюремную поговорку: не судите, да не судимы будете.

Побежали недели, одна за другой, с каждым днем Тоглар обжился в столице все обстоятельнее. Он помнил, что обещал Наталье пригласить ее в гости, но как бы ни торопил строителей, работы на Кутузовском обещали закончить только к середине ноября. Как шутил Аргентинец: к моему дню рождения.

Дизайнер Виленкин занялся не только перепланировкой и проектированием мастерской и квартиры, но взвалил на себя еще и оборудование ее сантехникой, устройство освещения, оснащение предметами изысканного интерьера и установку каких-то невиданных доселе в Москве шотландских каминов в жилой части дома и в студии. Короче, подбирал все: от мебели до кухонной посуды и сервизов для столовой. Виленкин оговорил для себя несколько условий: что по окончании ремонта он снимет видеофильм, сделает фотоальбом и, при крайней необходимости, по согласованию с хозяином, будет иметь возможность показывать свою работу особо важным заказчикам — натурой, живьем. Тоглар принял все условия дизайнера, понимая, что не всегда мастеру выпадает шанс реализовать творческие замыслы сполна, а тут такой простор, никаких ограничений ни в фантазии, ни, самое главное, в смете, возможность решать все «от и до», вплоть до вешалки в прихожей или хрустального плафона в туалетной.

Молодой картежный гений Эйнштейн оказался полезным еще раз. Впрочем, после поездки в «Ягуар-стиль» он старался быть поближе к Тоглару, и Константину Николаевичу нравилось его желание быть под рукой, выглядеть преданным, незаменимым. Кроме вкуса к одежде и жизни вообще, Георгий обладал врожденным тактом, манерами культурного, образованного человека. Видимо, эти качества ученика Аргентинца и привлекали Тоглара. Если прежде Фешин был убежден, что лучше Аргентинца никто не знает расклад тайной и явной жизни Москвы, то после знакомства с Эйнштейном понял, что ученик в некоторых областях превзошел мэтра. Молодость, энергия, желание поделиться, неуемное тщеславие, наверное, и были главными составляющими успеха Эйнштейна. Это именно он где-то разузнал (и примчался в «Метрополь» с вестью), что в Переделкино срочно продает двухэтажную каменную дачу за трехметровым забором, с гектаром земли, какой-то писатель, некогда прославившийся пухлыми томами о колхозах и совхозах, заводах и фабриках, об умных и принципиальных секретарях райкомов и обкомов. Цена дачи, в сравнении с тем, что он запла-

тил за квартиры на Кутузовском проспекте, была просто смешная, и Тоглар решил не упустить такую возможность и приобрести загородный дом. Уж очень престижное было место, экологически чистое и недалеко от его квартиры — ровно двадцать минут езды на машине, такая удача выпадает раз в жизни. Дело о покупке решилось в полчаса, но Георгий с писателем бегали оформлять бумаги еще с неделю. Новые чиновники не признавали старых заслуг и авторитетов, не смотрели на лауреатские звания и даже золотую «Гертруду»¹ не замечали в упор. И если бы Георгий, разумеется, за спиной писателя, не раздавал щедро взятки в каждом кабинете, побегали бы они, наверное, еще с месяц.

Больше всего обрадовался даче Городецкий, сказал, что ему лучше играть на свежем воздухе, на природе, где табачный дым не стоит коромыслом над картежным столом, и трехметровый забор его очень устраивал. Хотя в малолюдном Переделкино вряд ли любят заглядывать за чужую ограду, тут живут господа, давно познавшие, что такое частная собственность.

Загородный дом Тоглар купил, опять же, по причине тяги к рисованию. Живя в Переделкино, он был бы рядом с природой, ему хотелось пешком ходить на этюды в лес, делать зарисовки с натуры в разное время года, особенно зимой. Его удивляло, как дед мог передать свежесть снега, его тон в разное время дня, порою казалось, что он даже ощущает его запах, такова была магия фешинских картин.

В Москве, с самого первого дня возвращения, все складывалось удачно, и суеверный Тоглар поверил, что и в его жизни наступила светлая пора. Как и обещал Городецкий, ему устроили шикарную вечеринку по случаю возвращения с «того света». Встречу организовали по старой памяти в «Пекине», чтобы острее почувствовать прошедшую молодость. Какой бы марафет ни навели китайцы в ресторане, эти стены помнят братву другой: дерзкой, юной, рискованной — чтобы вступать в конфликт с прежней жесткой системой, нужно было иметь мужество, волю, собственную линию жизни.

Васек Головачев, по кличке Сапер, в своем тосте так и сказал:

— Время неумолимо меняет все вокруг нас и в нас самих, но иногда мы возвращаемся на круги своя. Говорят, в одну реку нельзя войти дважды, но в нашем любимом «Пекине» мы опровергаем всевластие времени. Мы здесь столько гуляли в молодости, столько

¹ «Гертруда» — Герой Социалистического Труда. Высшая степень отличия в СССР (иронич.).

отмечали и радостных, и скорбных дат, что убежден — тут нет стола и стула, за которым не посидел каждый из нас, и сегодня мы вернулись благодаря Тоглару за столы нашей молодости.

Все невольно потянулись взглядами к массивным столам и тяжелым стульям, обитым толстой бычьей кожей. Да, в «Пекине» сменилось все, но мебель осталась прежняя, с дней его открытия.

Константин Николаевич мог согласиться с Сапером: прежними в нашей жизни остались только столы и стулья, да и то лишь в «Пекине». Прежде всего, изменились сами кореша — Тоглар и представить не мог, какая метаморфоза произошла с близкими ему людьми. Верно сказал кто-то из древних философов Рима: деньги и власть резко меняют людей. Глядя на собравшихся за массивными столами китайского ресторана, Тоглар добавил бы: до неузнаваемости. Пришла ему на память и восточная мудрость, услышанная некогда в Ташкенте: хочешь узнать человека — дай ему власть и деньги.

На встречу, или, как выразился Васек Головачев, «сходняк», все без исключения приехали с персональными водителями, с телохранителями и помощниками-референтами, не выпускавшими из рук телефоны спутниковой связи. Всем сопровождающим лицам столы были накрыты отдельно, видимо, интересы собравшихся требовали соблюдения субординации.

Тоглара сопровождал Эйнштейн, очень желавший увидеть сильных мира сего за одним столом, а может, он даже мечтал попасться им на глаза. Константин Николаевич долго решал, за какой стол определить Георгия, и, наконец, усадил к помощникам-референтам, в большинстве своем его ровесникам.

Нет, Константин Николаевич не имел в виду внешние перемены: одежду, манеры, выпивку или закуску, которым теперь отдавали предпочтение его старые друзья. Произошли другие, внутренние изменения: состоялась переоценка ценностей. Но сегодня этот тщательно скрываемый уголовный оттенок удачно маскировался якобы рыночными отношениями, интересами собственности, фирмы. Однако Тоглара не так-то просто было запутать. Воровская хватка крепко сидела в новых хозяевах жизни. Природный ум большинства из них быстро адаптировался к дикому капитализму, захлестнувшему Россию, и прежде всего Москву. Да и консультанты, видимо, у них были гораздо талантливее, чем государственные советники на самых высоких уровнях, ибо братва не только хорошо оплачивала успех, но и отрывала головы, буквально, — за просчет, крупную неудачу, не оправдавшийся прогноз.

В экономике «новых русских», как понял Тоглар, царил старый воровской закон: каждый должен отвечать за свои слова и деяния. В криминальном мире давно все оценивается по конечному результату, это было как раз то, к чему стремится новая постсоветская власть и ее экономика. Так что паханам было гораздо легче вписаться в новую жизнь, тем более что власть оказалась беспринципной, лживой и коррумпированной от макушки до пят.

Братва просто по уму использовала единственный исторический шанс, выпавший на ее долю. Впрочем, этот шанс она получила, опять же, от властей, от отца перестройки Горбачева, на блюдечке с голубой каемочкой и бесплатно. Оттого на «сходняке» по случаю возвращения Тоглара с «того света» резонно прозвучал персональный тост за здоровье Михаила Сергеевича. И как же было не выпить за него, родимого, если две трети сидевших за богато накрытым столом, включая Сапера и Дантеса, освободились по неожиданной и щедрой амнистии Горбачева в 1987 году, чтобы успеть прибрать к рукам государственную собственность, от которой власть почему-то так спешила избавиться.

Большинство своих старых корешей, кроме Дантеса, Сапера и Аргентинца, после возвращения из Чечни Тоглар видел впервые, но были здесь и новые люди, которых он не знал, но которым по рангу положено посещать такие высокие «саммиты». С каждым из них его знакомили персонально, и, что странно, если старая гвардия, включая и его самого, была сплошь «синяя», то новая братва не знала тюремных нар и запаха баланды. Поразила Тоглара щедрость старых и новых друзей: буквально каждый пытался вручить ему в конверте пухлую пачку долларов, но Константин Николаевич от подношений отказался. Дважды новые знакомые вместе с деньгами предлагали ему и машину, на выбор. Торговля автомобилями была их главным бизнесом, на что Тоглар ответил, что уже купил «порше». Когда же он назвал модель, а главное, где ее приобрел, — а об этом спросили сразу, — Тоглар увидел удивленные глаза, но теперь-то он знал, что почем.

Из общения с братвой, особенно новой, Тоглар уяснил, что его рейтинг, как модно нынче выражаться, за годы отсутствия в Москве не упал, а может быть, даже вырос. Легенда о Тогларе-чистоделе оказалась сильнее современных оплаченных рекламных ухищрений, помогли тут, наверное, и чеченские похороны, устроенные ему, живому, да и Аргентинец, видимо, зря времени не терял. Пока

не уселись за стол, Городецкий почти ни на шаг не отступал от Тоглара, он и представлял его большинству новых «лидеров» столицы. Краем глаза Константин Николаевич видел и реакцию Эйнштейна на круговорот вокруг него — Георгий явно гордился тем, что присутствует на таком «сходняке», да еще со стороны главного виновника торжества.

В этот вечер в «Пекине» Константин Николаевич собрал целую пачку визитных карточек от людей, которые ныне имели реальную власть и силу. И каждый непременно приговаривал, что Тоглар может звонить в любое время дня и ночи. Позже, перебирая и разглядывая визитки, Эйнштейн пришел в восторг, граничивший с шоком. Одна часть визиток была изготовлена — тут слово «напечатана» никак не подходило — ювелирной фирмой «Картье», а другая там же, в Париже, известной фирмой «Дюпон», специализирующейся на эксклюзивных аксессуарах для особо важных персон и очень богатых людей, что в принципе одно и то же. Визитки были выполнены из чистого восемнадцатикратного сусального золота, наложенного то ли на особую плотную ткань, то ли на змеиную кожу, а текст нанесен платиной, розовым и белым золотом. Такие визитки, как понял Тоглар, раздавались не всяким людям.

Роскошный банкет в честь Фешина затянулся почти на пять часов, но как пролетело это время, вряд ли кто заметил, кроме нервных помощников-референтов, отбивавшихся от назойливых звонков по спутниковой связи. За главным столом каждый второй, произнося свой тост, выражал сожаление, что братва все реже и реже встречается в полном составе, и что только авторитет Тоглара, любовь к нему сумели собрать старых корешей в легендарном «Пекине». Но что бы ни говорили со слезой в голосе давние приятели, Тоглар чувствовал, что финансовый взлет, неожиданно свалившаяся в их руки власть и полная неспособность ослабленного государства поставить хоть какой-то заслон на их пути — все это сильно вскружило головы присутствующим, и далеко разошлись пути-дорожки его старых дружков.

Но Тоглар об этом вряд ли сожалел, как не печалился и о том, что время и прогресс свели почти на нет его редчайшую профессию. В какой-то момент Константин Николаевич остро почувствовал, что большинство его корешей, так неожиданно взлетевших на невиданную высоту, жаждали, чтобы их прошлое растаяло навсегда, как исчезли их подробные досье-биографии из милицейских и кагэбэшных архивов. Чтобы забылись их клички, с которыми они сжились

Ж

куда прочнее, чем со своими родными отчествами, чтобы разлетелись как можно дальше по свету люди, знавшие их подноготную, хотя, произнося долгие и витиеватые тосты, все вроде бы говорили об обратном. Но, пожалуй, в этом и состоял трагический парадокс их жизни: они не любили свое прошлое, но не могли и не желали расстаться с ним окончательно. Нечто подобное испытывал в тот вечер и сам Тоглар. Одно радовало Константина Николаевича — его финансовая независимость, это позволяло ему и быть накоротке с влиятельными людьми, и в то же время держаться от них на дистанции, чтобы жить своей независимой жизнью. Тоглар был доволен, что состоялась эта встреча с прошлым, со старыми друзьями, и только тут, в «Пекине», он понял, что, вероятно, его дороги тоже разошлись с ними навсегда.

ГЛАВА 9. САМУРАЙ — ДВУЛИКИЙ ЯНУС

С тех пор как Герман Кольцов сумел перетянуть из Владивостока в Москву кое-кого из своих однополчан, дела у него стали продвигаться куда быстрее и успешнее. Задержание особо опасных преступников, ликвидация террористических группировок, освобождение заложников в тюрьмах или присутственных местах доверялись специальному подразделению Кольцова, состоявшему из четырнадцати человек. И все четырнадцать — свои, ни одного чужака. К этому времени Самурай уже имел звание капитана, и под его началом ходили три офицера, три лейтенантика — тоже из своих, владивостокских. Вот эта-то однородность, жесткое единоначалие, беспрекословное подчинение вожаку, то есть капитану Кольцову, стали давать реально ощутимые результаты.

Однажды старые владивостокские кореша, еще толком не освоившиеся в Москве, попали в ночную смену. Дежурство выпало от-

носителем спокойное — надо отдать должное, по пустякам их старались не дергать, хотя случалось всякое. В четвертом часу ночи, когда, как правило, совершаются самые серьезные и дерзкие преступления, команда, будучи в полной боевой готовности, резалась в карты на деньги. Правда, ставки Самурай строго ограничивал, ибо он-то хорошо знал, что такое карточная игра и карточный долг. Вдруг в дежурке одновременно раздались сигнал тревоги и телефонный звонок. Сигнал означал — всех к машине, а телефонный звонок предназначался Кольцову — перед ним кратко ставили задачу и давали информацию, если таковая была на данный момент.

На сей раз дело предстояло не из легких. Десять минут назад в МВД поступила анонимная информация: на улице Опорина некий бандит из Новокузнецка по фамилии Шкабара два часа назад убил двоих телохранителей своего ближайшего подручного Гнездича. Самого же Гнездича он тоже устранил — тремя днями раньше в Крылатском. Через несколько часов Шкабара должен отправиться в международный аэропорт «Шереметьево-2», у него на руках билет в Австрию, в Вену, на первый утренний рейс.

Проверить информацию, как обычно принято, не было ни времени, ни необходимости: бригада из Новокузнецка была на крючке в МВД, и милиция шла буквально по пятам бандитов. Но те, видимо, имели своих людей в органах, и всякий раз им удавалось ускользнуть в самый последний момент. Много чего интересного оказалось известно и про самого Шкабару: что он бывший спецназовец, ростом под два метра, мастер спорта и обладатель черного пояса по восточным единоборствам. Человек решительный, смелый, непредсказуемый, невероятно жестокий, и три убийства за три дня убедительно подтверждали опасный характер вожака банды. Было ясно, что билет на самолет, до отлета которого оставалось несколько часов, подвигнет его к самым решительным действиям. Пан или пропал — таков девиз крутых людей. Поэтому инструктаж по рации требовал самого серьезного отношения к операции. В машине вся группа Кольцова, слышавшая эти переговоры, тщательно подгоняла бронежилеты и каски, осматривала оружие.

Дом на Опорина, где, скорее всего, затаился ничего не подозревавший Шкабара, оказался кирпичной пятиэтажкой, построенной по особым проектам для «новых русских». Самурай, который отвечал за операцию, был уверен, что главаря ментам сдал кто-то из своих или тот, кому он был не по зубам, но стоял поперек дороги. Такое

в их практике случалось сплошь и рядом, более тонкие мотивы в подобных ситуациях, как правило, исключались. Очевидно, Шкабара не догадывается, что ему сели на хвост, в этом Самурай тоже был уверен, иначе он не вернулся бы домой, а пересидел где-нибудь в казино, откуда напрямиком рванул бы в аэропорт — и в Австрию. Однако если Шкабара не ведал о том, что нынешней ночью его попытаются арестовать или уничтожить, это вовсе не означало, что бандит безмятежно спит и видит волшебные сны из счастливых отроческих лет. Самурай по собственному опыту знал, что люди, ставшие на «тропу войны» и избравшие ремеслом жизни разбой, всегда начеку. Настороженность, готовность ежеминутно дать отпор становится главной чертой характера, этому инстинкту подчинен весь образ их жизни. Ни поесть, ни поспать, ни помиловаться с любимой, ни отдохнуть на природе спокойно им не дано уже до самого смертного часа. Такова плата за страх, который они вселяют в окружающих.

На улицу Опорина по ночному городу добрались быстро. Дом не подавал признаков жизни: ни на фасаде, ни в окнах, выходящих во двор, не горел свет. И, глядя на солидный, из красного испанского кирпича особняк с новомодным пентхаусом на крыше, трудно было представить, что всего несколько часов назад в четырехкомнатной квартире на третьем этаже двое молодых людей распрощались с жизнью. Кстати, словно в подтверждение анонимного звонка шестисотый «мерседес», принадлежавший Гнездичу, на котором и приехали его телохранители, чтобы поквитаться за жизнь своего шефа, все еще стоял у подъезда. Самурай с одним из лейтенантиков быстренько обошли здание, но ничего подозрительного вокруг не обнаружили.

Внимательно оглядывая элитный дом, балконы, оконные проемы, Кольцов вдруг подумал, что на помощь жильцов в роскошных квартирах им рассчитывать не приходится. Это тебе не заводской район, где до сих пор двери открывают без страха и милиции всегда окажут содействие. Там бы Кольцов сейчас поднялся на четвертый этаж, объяснил хозяевам ситуацию и из окна их спальни или зала спустился бы к Шкабаре «в гости». Но чего нет, того нет, а брать бандита приказано в любом случае — живым или мертвым. Шансов остаться в живых у Шкабары все же меньше, потому что в команде Кольцова существовал неписанный закон: головой зря не рисковать, и каждый выстрел при захвате делался только на поражение. Гера-то знал, что, с другой стороны, у братвы установка еще более определенная, без соплей и сантиментов — вали мента при любых обстоятельствах,

по поводу и без повода. По рассказам бывалых людей из угрозыска Кольцов знал — сохранишь бандиту жизнь, он обязательно при случае вырежет твою семью или убьет тебя самого, на худой конец, завалит коллегу. Не один раз они с ребятами обсуждали эту тему; вот бы нашим гуманистам американские порядки завести один к одному: сделал при простом задержании опасное движение — получи пулю в лоб, без всяких нотаций и предупредительных выстрелов в воздух. Наш же бедный милиционер всю жизнь между молотом и наковальней: или от бандита ждет пулю — и уж без всякого предупредительного выстрела, или удара ножом в спину в темном подъезде, или тюрьму — от кабинетных прокуроров, с особым усердием расследующих каждый милицейский выстрел. Милиционера засадить куда легче, чем бандита, за него взятки судьям и прокурорам не несут.

Пока Кольцов обходил дом, выстраивая конкретный план захвата Шкабары, в крайнем подъезде ребята ловко и бесшумно открыли входную дверь холла, где днем в специально оборудованной будке сидел вооруженный охранник, которого язык не поворачивался назвать консьержем. Они даже успели подняться на крышу. Дом с пентхаусом был первым в их практике, и кто-то отметил, что это усложнит задачу.

Поэтому, вернувшись к своей неприметной машине с бронированными стеклами, стоявшей в глубокой тени соседнего высотного здания, Герман кратко посоветовался с друзьями. У них существовал негласный закон — перед захватом или штурмом каждый имел право голоса, мог высказать свои предложения, хотя последнее слово и решение оставалось за Кольцовым. Утвердилось в команде и еще одно правило, о котором не знало ни начальство, ни коллеги из других групп захвата. Это правило сложилось давно, еще во Владивостоке, и касалось самого дорогого для каждого — жизни. Всегда в ходе обезвреживания преступника возникала ситуация, когда кто-то был вынужден рисковать больше других, проще сказать, вызывал огонь на себя. Все они были профессионалами, асами своего дела, и знали, как оценивается шаг каждого из них. Чтобы в группе царил честность и никто не прятался за спины товарищей, еще там, во Владивостоке, они раз и навсегда решили в особо опасных случаях тянуть жребий: кому врываться с крыши в квартиру террориста, или штурмовать дверь бандита в первом эшелоне, или идти без оружия на переговоры с преступником, если возникнет надобность. И здесь Кольцов ни как капитан, ни как пахан не мог приказать: ты пойдешь стучать в дверь к Шкабаре, а ты ворвешься в квартиру через окно. Команды отдавались уже по ходу

операции, и они всегда выполнялись не задумываясь, на автопилоте, ибо каждый знал — промедление смерти подобно.

Надо было спешить, пока в соседних окнах не начали зажигаться огни — Москва все-таки просыпается с петухами.

Машина Гнездича у подъезда и подсказала ход операции. Решили позвонить в дверь и спросить Шкабару, не его ли вишневый шестисотый «мерседес» стоит внизу? Мол, только что автомобиль пытались угнать, но патрульно-постовая служба спугнула угонщиков, спуститесь вниз, чтобы закрыть машину и посмотреть, не унесли ли что из салона. А в момент звонка три человека из группы уже будут на крыше пентхауса, в том числе и сам Самурай, который всегда тянул жребий первым. При удаче, на которую, правда, мало кто из нападавших рассчитывал, Шкабара мог быть задержан без единого выстрела. Но если из квартиры в ответ на ночной звонок последует автоматная очередь, как бывает чаще всего, в тот же момент спецназовцы мгновенно спустятся на альпинистских веревках с крыши и ворвутся в квартиру через три окна, которые выходят во двор элитного дома, и зайдут в спину отбивающемуся у входной двери пахану. На огонь из квартиры ответят сразу и омовцы, пытающиеся хитростью выманить Шкабару из его логова. Они должны взорвать устройство направленного действия — по этой части у них в группе имелся «ювелир», раскорезанная бронированная дверь рухнет внутрь квартиры, и в этот же момент спецназовцы обрушат на негостеприимного Шкабару шквальный огонь из своих укороченных автоматов. В таком ураганном огне Шкабара вряд ли уцелеет.

В последний раз уточнили детали операции, отладили связь, проверили оружие, амуницию и, не забыв помянуть бога, решительно двинулись к исходным позициям. Первым шел на крышу пентхауса сам командир группы захвата Герман Кольцов. Когда по радиации раздался условный сигнал, означавший, что тройка Самурая уже на стартовой позиции, вперед двинулся минер, которому предстояло в считанные минуты приладить взрывное устройство к железному косяку двери из особо прочной стали, и за ним — два парня, которым сегодня выпал самый опасный жребий: им придется стоять, не выдавая волнения, под дверью, зная, что оттуда в любой момент может полоснуть автоматная очередь.

Квартира Шкабары находилась на третьем этаже, справа от двух роскошных скоростных и бесшумных лифтов известной финской фирмы «Коне», отделанных красным деревом. На площад-

ку выходило три двери. Ни на одной из них не было привычного глазка, но две квартиры рядом со шкабаровской были оборудованы телеобзором, и не оставалось сомнения, что обе телекамеры работают. Наружное наблюдение из квартиры матерого бандита отсутствовало. Это поначалу смутило разведку, но времени на раздумья не было, и потому решили, что хозяин просто не успел им обзавестись: дом был заселен недавно, месяца два-три назад, не больше. Тут-то и крылась роковая ошибка группы захвата, но об этом одни узнают позже, а другие — уже никогда.

Шкабара не был так наивен, чтобы всякий раз выходить из квартиры на авось. Была, была у него телесистема обзора площадки, да еще какая! Не только своей двери, но и двух других площадок, над и под ним, как принято по всем охранным и разбойным правилам, и, конечно, хорошо просматривались лестницы, соединяющие площадки трех этажей. Такая английская система круглосуточного наблюдения сама по себе стоила недешево, а ее устройство, монтаж и обслуживание — еще дороже. Но Шкабара высоко ценил собственную жизнь и на безопасность денег не жалел. Система, по договоренности с механиком лифтов, была секретно вмонтирована в верхней части кабины, и при желании Шкабара мог даже наблюдать за людьми в подъемнике.

В то время как внизу шла бесшумная подготовка к задержанию, Шкабара проснулся, и смутно возникшая тревога быстро встряхнула его из состояния дремы. Как всегда, он спал в спортивном костюме. «Это моя пижама», — шутливо говорил он когда-то подельщику Гнездичу и своему бывшему патрону — Лабоцкому, которых ему пришлось убрать, чтобы единолично возглавлять банду, наводившую ужас на Москву. Чемодан у него был собран с вечера, документы и билет лежали на столе. Темно-серая в черную жирную полоску тройка от Кардена с белоснежной сорочкой висела в шкафу — в общем, готовность номер один.

2

Шкабара глянул на лежавшие рядом тяжелые золотые часы «Картье». Время было раннее, и он мог поспать еще пару часов, но сон уже отлетел напрочь.

Бандит шкурой чувствовал опасность, интуиция выручала его десятки раз, он всегда избегал ловушек и капканов и ни разу

не попал в засады, которые готовили ему частенько и весьма изощренно. И сейчас он, как хищник, напряг нюх, словно в самом воздухе учуял опасность, и, резко поднявшись с постели, отодвинул картину, за которой скрывался экран обзора помещений за пределами квартиры, внимательно осмотрел все три холла и лестничные пролеты — ни души, дом, как и положено, мирно спал. Хозяин вернул подмосковный пейзаж на место и направился в ванную, потому что решил ехать в аэропорт прямо сейчас, немедленно. Сегодня дежурила своя смена, и можно оформиться на рейс заблаговременно, раньше других, а потом скоротать время в круглосуточном ресторане второго этажа. Там, уже пройдя таможенный и паспортный контроль, можно было выпить от души, ведь он собирался вывезти, не декларируя, триста восемьдесят тысяч долларов.

Не успел он почистить зубы, как раздался звонок в дверь. «Ну, вот и пришли по мою грешную душу», — успел подумать Шкабара и вкрадчивыми шагами направился в прихожую. Вновь отодвинув картину, включил пульт обзора. У двери в полной боевой амуниции с приспущенным защитным забралом на каске, в бронежилетах и с автоматами наперевес стояли два спецназовца, а на лестнице, за лифтом, в ожидании команды на штурм находились еще с десяток бойцов, готовых рвануться в атаку.

«Нет, предчувствие меня никогда не обманывает», — почему-то с удовлетворением и даже с гордостью подумал Шкабара и направился в спальню, чтобы разбудить жену. Но та уже сидела на кровати, встревоженная, испуганная. Готовый к отъезду незакрытый чемодан стоял тут же в спальне.

Шкабара, вытряхнув из него два полиэтиленовых пакета с долларами и протянув их жене, сказал:

— Постарайся спрятать. — Потом вытянул из платяного шкафа хранившуюся среди белья невзрачную бухгалтерскую папку с бумагами и, тоже кинув жене на кровать, приказал: — А это береги пуще денег, тут документов на миллионы...

Велев ей запереть дверь и схорониться от пуль под тяжелой дубовой кроватью, он рывком обнял ее и поспешил в зал. Обдумывая на ходу, как же вырваться из очередного капкана, он подошел к входной двери и стал хитро греметь замками и задвижками, словно пытался открыть их одну за другой, тем самым притупляя бдительность стоявших по ту сторону омовцев. Потом вдруг беспечным сонным голосом лениво спросил:

— Кто там? Кого принесло среди ночи?

Спецназовец за дверью вполне уверенно выдал заранее оговоренный текст.

— Спасибо, спасибо... — поблагодарил из-за двери Шкабара. — Я сейчас оденусь и спущусь, а вы поспешите вниз, чтобы ее еще раз не угнали... Я отблагодарю вас...

Спецназовцы за дверью и те, что стояли на лестнице за лифтом, конечно, слышали разговор и, довольные, заулыбались. Казалось, на этот раз может обойтись без пальбы и без крови — «мерседес» послужил хорошей приманкой. Старший по операции на лестнице даже показал жестом стоящим у двери, мол, потопайте погромче, чтобы за дверью подумали, что вы пошли вниз.

— Ну, тогда мы спускаемся, ждем вас. Только побыстрее, у нас уже есть очередной вызов, ограбление магазина на соседней улице...

— Да я мигом, не голым же мне бежать. Подождите пять — семь минут. Я же сказал, отблагодарю, хорошо отблагодарю...

Услышав нарочито громкие шаги в ночном холле, Шкабара мрачно улыбнулся и кинулся к оружию и экипировке, которые всегда были под рукой. Единственно возможный вариант спасения в такой ситуации у него уже созрел. Ему ничего не стоило покинуть квартиру через окно, третий этаж — не тринадцатый, моток альпинистской веревки тоже всегда лежал рядом с оружием, но он сразу отмел этот план. Его приехали брать серьезные люди, с такой же спецназовской выучкой, как и у него, там лохов не бывает, это не менты, не та служба. Сейчас во дворе, глядя на его засветившиеся окна, гуляет самый счастливый человек, участвующий в сегодняшней операции, ему повезло, он обязательно останется жив, потому что боится окна, и если надо — не промахнется. Впрочем, в него, двухметрового, и при желании промахнуться трудно, а в спецназе орлы иногда на спор стреляют куда надо: в левый глаз или в правый, и, как правило, не проигрывают пари.

Шкабара уважал и себя, и, как ни странно, своих бывших коллег и сейчас надеялся только на удачу, на единственное преимущество: право первого выстрела, право принимать решение все же за ним, и на первом этапе он начисто переиграл их. Они ведь не догадываются, что он уже видел их почти всех и знает, зачем они приехали.

В какие-то рекордные секунды, которые бы обрадовали старшину-служаку, он облачился в точно такую же форму, что и нападавшие, не забыв и про бронежилет, и про каску. Все это входило в его план — прорваться неожиданно, дерзко сквозь строй атакующих. Если удаст-

ся вырваться из квартиры в дыму и пламени, в грохоте и пальбе — на мгновение его могут выпустить из виду, принять из-за униформы за своего. То же самое может случиться и на улице, если ему повезет до нее добраться. А окажись он во дворе, с машиной проблем не будет, взять хоть тот же самый «мерседес» Гнездича. Да и свой «вольво» тоже стоял за углом, на улице, а в машине, в тайнике, всегда припрятаны комплект документов и пачка денег — жизнь джентльмена удачи многому учит, особенно страховке на всякий случай.

Времени, что он выторговал у спецназовцев, хватало с лихвой. В минуты, когда нависала угроза над жизнью, он, Скорпион по гороскопу, мобилизовывался куда эффективнее, чем в спокойной обстановке. Опасность была его стихией, и он знал, как распорядиться отпущенными ему пятью — семью минутами... Дальше он уже не мог контролировать положение и полагался лишь на госпожу Удачу, самую почитаемую богиню преступного мира.

В просторные карманы камуфляжной формы Шкабара рассказывал три гранаты-лимонки, зацепил за пуговицу куртки укороченный пистолет-автомат, а в руки взял тяжелый армейский ручной пулемет, для которого широко разрекламированная стальная израильская дверь нипочем. Теперь он был готов к прорыву и чувствовал, что уложился в жесткий лимит времени.

Вернувшись к двери, он еще раз глянул в телеэкран наружного наблюдения. Спецназовцы, находившиеся прежде на лестнице за лифтом, теперь сгрудились на площадке перед его дверью и собирались, видимо, рассредоточиться вдоль стен, чтобы при первом скрежете замков приготовиться захватить его врасплох. Такой удачи или безопасности со стороны нападавших он не ожидал. Прохаживаться в зоне возможного обстрела? Так бы он своих никогда не подставил.

Шкабара догадывался, как будут развиваться события в ближайшие секунды... Как только он даст очередь, вторую, коли успеет, и третью, в то же мгновение, почти одновременно, ему подорвут дверь, которая скорее всего, снося все на пути, влетит в зал — знал, потому что они прошли одну и ту же школу диверсионной подготовки, и тут изобрести что-либо новенькое трудно, а лазерных резаков у спецслужб пока было мало. И вот когда направленная взрывная волна очистит им путь в квартиру, в пролом ворвутся, стреляя на ходу, с дикими воплями и многоэтажным матом, спецназовцы — все это он видел и слышал, словно на телеэкране. Поэтому прежде чем сделать длинную пулеметную очередь, он отошел подальше от входной

двери, чтобы через считанные секунды отбросить ненужный ручной пулемет и успеть броситься на пол, под защиту стены зала, подальше от несущего смерть дверного проема...

Как только Самурай на крыше пентхауса услышал две длинные очереди из тяжелого армейского пулемета, он тут же с горечью отметил — опять похороны. И не ошибся: пятеро сгрудившихся у лифта были скошены наповал. Тут же, по сценарию, рвануло железную дверь, и Самурай, выждав паузу, пока угасла взрывная волна, от которой разлетелись стекла окон в комнате напротив развороченного входа, дал команду на штурм логова Шкабары. Три окна квартиры главаря новокузнецкой банды выходили во двор, и все три, единственные в сонном доме, были ярко освещены, к ним и устремились с крыши пентхауса спецназовцы. Еще не рассеялся дым, когда в комнату ворвались с диким криком остервенелые люди в камуфляжной форме, — бессмысленная смерть друзей на лестничной площадке заставила их забыть об осторожности и страхе. Почти одновременно с ними появились в окнах и «альпинисты» с крыши, они первыми и увидели, видимо, слегка контуженного сильным взрывом Шкабару. Тот уже поднялся и тянулся к лежавшему рядом ручному пулемету. В невероятном броске прямо с подоконника один из нападавших сбил хозяина квартиры с ног, а через секунду ему уже выворачивали руки и, бессильные что-либо изменить в судьбе погибших друзей, зло, жестоко били, пинали ногами.

Кольцову по жребию выпало прыгать в окно спальни Шкабары, вот она-то ничуть не пострадала от взрывной волны — все-таки стали для новых буржуев строить приличное жилье. Высадив своей могучей массой дубовый оконный переплет и влетев в комнату, он увидел, как женщина в просторном ярком китайском халате испуганно метнулась в сторону от тянувшегося во всю стену высокого платяного шкафа. «В такие минуты копошится в гардеробе?» — мелькнула у Самурая настороженная мысль. Застань он ее забившейся где-нибудь в углу, плачущей под роскошной кроватью с парчовым балдахинном, наверное, секунды бы не задержался в спальне, а рванул бы в зал, где, кажется, все закончилось, выстрелы уже не звучали, но что-то удержало его на месте и заставило совершенно неожиданно для себя громко скомандовать:

— Сюда что припрятала? Живо, иначе пристрелю на месте, сука бандитская!

Видимо, грохот в соседней комнате и взрыв парализовали волю женщины, или она посчитала, что мужа если не убили,

то теперь-то уже точно забьют. Потому она, находясь в прострации, молча, с покорностью шагнула к шкафу и, распахнув дверцу, кинула на кровать два полиэтиленовых пакета с аккуратно уложенными в них пачками долларов. Такой добычи, честно говоря, Герман Кольцов не ожидал. Глянув внимательнее на сникшую женщину, он вдруг обнаружил, что она, кажется, что-то прячет за пазухой, а может, бюст у нее такой впечатляющий, без бюстгальтера чуть ли не до пупка, разглядывать было некогда, и он на всякий случай заорал еще громче:

— Что ты, сука, от меня еще под халатом прячешь?

Женщина обреченным жестом вынула из-за пазухи пухлую канцелярскую папку с бумагами и так же молча, без комментариев, как и деньги, кинула ее рядом с пакетами.

— Так-то оно лучше, я не люблю, когда хитрят да изворачиваются.— Голос Самурая смягчился.

«Что же мне делать с деньгами и какими-то, наверняка, ценными документами?» — лихорадочно соображал Кольцов. Одно его успокаивало, что дверь в зал закрыта, а там, в соседней комнате, заполучив Шкабару, видимо, забыли обо всем.

Бросив автомат на кровать, Кольцов быстро стянул просторную камуфляжную куртку. Затем ловко расстегнул и снял толстый и неудобный бронежилет, в полной уверенности, что сегодня он уже не понадобится, и, снова облачившись в куртку, сперва заткнул за пояс папку с бумагами. Но прежде чем спрятать за пазуху пакеты с деньгами, он достал из каждого по три пачки долларов в упаковке американских банков и, бросив их оторопевшей и, казалось, ничего не соображавшей женщине, сказал, понизив голос:

— Возьми деньги, собери самое ценное в доме и дуй отсюда поскорее! Скоро наедут следователи, прокуроры, эксперты и другие канцелярские крысы. Они перероют все сверху донизу, а тебя замучают допросами, того гляди и в тюрьму упекут, они на это дело спорые.

Приняв неожиданное решение, Самурай страховал себя и насчет долларов, и насчет бумаг. В том, что они связаны с деньгами, и немалыми, он не сомневался,— Шкабару, как и его самого, кроме баксов мало что в жизни интересовало. Он хотел, чтобы женщина исчезла из Москвы, растворилась, специально ее искать не станут. А если когда-нибудь придется держать ответ перед братвой, этот жест милосердия ему зачтется, он хорошо это понимал.

Распихав деньги за пазухой, Самурай вышел в зал, захлопнув спальню на замок, и сразу бросился к избиваемому Шкабаре.

— Хватит, хватит! Западло нам ногами забивать человека, все-таки мы представляем закон. Оставьте его следакам, прокурорам, за ним такой кровавый шлейф в Москве тянется, может, и остальных по горячему следу задержим, если удастся расколоть этого волчару.

Растолкав ребят, он склонился над поверженным противником, который оставался еще жив только благодаря своему мощному натренированному организму. Перевернув затихшего хозяина квартиры, Самурай от удивления присвистнул: на груди у Шкабары за пуговицу камуфляжной формы был зацеплен пистолет-автомат «айграм». Они были наслышаны об этом насколько известном, настолько же редком оружии. Правда, в диверсионной школе им не могли показать даже образец, а всего лишь продемонстрировали его фотографии. Автомат девятимиллиметрового калибра высокой убойной силы даже в спецслужбах США, откуда он родом, не был широко распространен из-за своей дороговизны. Германа Кольцова восхищали в нем не только убойность, скорострельность, миниатюрность и мощь, и даже не безотказность, в чем он не уступал калашникову, а то, что ствол и приклад покрывались особым составом, не оставлявшим следов от пальцев владельца, и, конечно, наиболее совершенный из всех возможных глушитель — лучшего оружия для человека, промышленяющего разбоем, и придумать нельзя было.

В спецшколе на Тихоокеанском флоте им рассказывали, что этот автомат впервые в СССР высшие чины МВД и КГБ увидели после задержания в гостинице «Минск» легендарного вора в законе Рафика Сво — у него под кроватью, в коробке из-под обуви, лежал такой удобный коротышка. Наши спецслужбы из внешней разведки знали о существовании этого автомата, но добыть его не могли, хотя перед ними ставилась такая задача. Выходит, армянский вор выручил тогда КГБ, перещеголяв асов разведки. Сво, которого задержали с таким грозным оружием, оказался в каталажке, однако застрял там всего на неделю — высокооплачиваемые адвокаты доказали, что Рафик никогда не видел и, тем более, не держал в руках подобного оружия, мол, недоброжелатели подкинули. До самой смерти тот продолжал разъезжать по Москве в роскошном бронированном «мерседесе», сначала на зависть членам Политбюро и высшим чинам из силовых структур, а позже и новым демократическим властям. Вот это редкое и грозное оружие ныне само приплыло в руки Самурая — день по части добычи можно было считать редкостно удачным.

Присвоив папку с документами Шкабары, Герман Кольцов еще раз получил подтверждение правильности своей тактики: ныне иная бумажка или тайно подслушанная информация мешка денег стоит. Пистолет-автомат «айграм» и папку с документами Самурай оставил у себя, причем об ее экспроприации в квартире главаря новокузнецкой банды он братьям по оружию даже не обмолвился. Однако долларами Шкабары поделился честно, всем досталось поровну, включая и семьи погибших. Такое мощное финансовое вливание окрылило его команду, и даже горечь от смерти товарищей на этот раз была не такой острой: посчитали, что за такие деньги можно и жизнью рисковать. За задержание особо опасного преступника все участники операции были награждены орденами и медалями, а также денежной премией, которая не составляла и сотысячной доли того, что выделил им лично Кольцов из бывшей бандитской казны.

Штурм блатного логова на улице Опорина, а вернее, поимка матерого бандита резко подняли авторитет Кольцова. Его имя стали часто упоминать, приглашать на закрытые совещания, о которых он раньше только догадывался. Без особой волокиты ему позволили еще раз пригласить в поредевшую команду нескольких бывших соратников из Владивостока, понимали, что совместимость в их опасной работе — главное. Получив это разрешение, Герман обрадовался: значит, считаются с его мнением, однако не без опаски подумал: случись еще пару раз подобная потеря — и пополнение из Приморья иссякнет. Тогда придется брать в команду чужаков, а это значит, что его жизнь и жизнь товарищей будут подвергаться ненужному риску, а самое худшее — он может попасть под микроскоп. Милиция как раз развернула борьбу за чистоту рядов, говорят, специальные тайные отделы созданы для выявления оборотней в мундирах.

Общительный Самурай, неожиданно ставший героем — его теперь ставили в пример и доверяли самые ответственные и опасные операции, — быстро сдружился со следователями, которые вели дела по его задержанным. Ничего удивительного в этом не было — естественно, что человек интересуется, как разворачивается следствие, скажем, по раскрутке Шкабары, тем более, что на этом захвате Кольцов потерял пятерых однополчан из Владивостока. И следователи, конечно, кое-что рассказывали в общих чертах, Герман же палку не перегибал, знал, где надо остановиться в расспросах.

Конечно, на взгляд Германа Кольцова, и Лабоцкий, и Шкабара, главари банды, допустили ошибку после спецназа: с такой выучкой и репутацией не стоило подаваться в рэкет, а следовало пойти по менее проторенному пути — стать сыщиком и вором в одном лице, так выгоднее и безопаснее. Разбой, рэкет недолговечны, это прямая дорога за решетку или на кладбище: и милиция набирала силу, и законы, хоть с опозданием, вводят жесткие, да и «новые русские», единственные, у кого сегодня есть что отнять, своего без боя уже не отдадут; куда ни кинь, в итоге — кровь, тюрьма, могила.

Пример новокузнецкой банды подтверждал и старую истину: сильные волки, вожаки в одной стае уживаются редко; вот и эти хищники порешили друг друга, хотя и знакомы были с детства, со школы. Теперь и миллионы их, и «мерседесы» — по ветру, все оприходуют в казну государства. Не зря, выходит, когда Шкабару начали бить, тот орал, что кинет каждому по машине и по миллиону долларов, если только его отпустят в аэропорт. Только кто же клонет на такие посулы, если на лестничной площадке лежат убитыми пятеро твоих друзей? Об этом поведали Самураю в машине, когда он делил среди ребят бандитскую казну. Кольцов тогда промолчал, постарался даже увести разговор подальше от богатства задержанного, но позже, анализируя случившееся, понял, что Шкабара не шутил: он мог щедро заплатить за свободу.

Подтвердил его догадку и следователь по делу Шкабары, с которым он случайно столкнулся в поздней электричке. Оказывается, они оба снимали квартиры в новом микрорайоне Солнцево и ежедневно отправлялись домой с Киевского вокзала — дорога длинная, поневоле разговоришься. Мысли обоих крутились вокруг новокузнецкой банды, ее немалых средств, к поиску которых пока не удалось продвинуться даже на полшага. Выяснилось, что банда Лабоцкого — Шкабары занималась не просто рэкетом, облагая данью коммерческие структуры, банки, финансовые группы и процветающие предприятия. Почти везде, подмяв под себя руководство, бандиты стали соучредителями, совладельцами, проще говоря, старались иметь имущественный пай на владение и долю с прибылей. По словам заматанного и издерганного следователя выходило, что Шкабара действительно обладал громадным, многомиллионным состоянием и уже с полгода как начал сворачивать финансовые дела в России. Свою долю с принадлежащих ему на паях предприятий он переводил на Запад, намереваясь через месяц-два окончательно переселиться не то в Швейцарию, не то в Австрию.

Из рассказа следователя Кольцову стало известно, что Шкабара на допросах держался уверенно, карты не раскрывал и надеялся каким-то образом вырваться на волю. Попутчик Самурая с сожалением обронил, что ни в доме Шкабары, который они перевернули вверх дном, ни в тех фирмах, что были под крышей новокузнецких, никаких уличающих финансовых документов обнаружить не удалось, хотя в ходе следствия постепенно вырисовывалось, какие суммы переводились и в Цюрих, и в Женеву.

Выяснилось, что у Шкабары на службе в последние полгода состоял очень опытный, неоднократно судимый за хищения в особо крупных размерах бухгалтер по фамилии Звонарев, имевший кличку Гном: то ли из-за маленького роста, то ли из-за того, что он, как и швейцарские банкиры, давал деньги только под проценты, что в воровском мире считается крайне западно, а швейцарских ростовщиков-банкиров, как известно, зовут цюрихскими гномами. В последние месяцы в контролируемых бандой организациях Шкабара появлялся всегда с Гномом, и они подолгу беседовали с директорами или с главными бухгалтерами.

Следствие продвигалось черепашими темпами, так как банкиры и финансисты, из которых Шкабара, как пиявка, сосал кровь, ничуть не помогали прояснить ситуацию. Боялись бандитской мести, не верили власти, что она способна сегодня кого-либо защитить, а кроме того, наверняка у многих из них рыльце было в пушку. Нынче капиталы честно не делаются, опять же по причине воровского и чиновничьего рэкета и высоких налогов.

— Что же вы не прищемите хвост этому бухгалтеру? — вроде бы бесстрастно задал вопрос Самурай, хотя ответ волновал его чрезвычайно.

— Как только мы установили, что перекачкой денег на Запад специально занимается бухгалтер Звонарев, — вполголоса ронял устало слова в пустой электричке следователь, — я тут же получил у прокурора санкцию на его арест. Впрочем, оказывается, Звонарев и по другим делам числился во всероссийском розыске. Но задержать его не удалось. Он пропал на другой день после того, как ты задержал Шкабару. Теперь обвинение строим по косвенным доказательствам. Ты ж понимаешь, что такой Шкабара в России не один. И сколько же денег в стране уходит в трубу! В их трубу, на Запад... Все туда... И попробуй их найди, обнаружь...

Кольцов согласно кивал в такт словам попутчика: что уж тут, мол, говорить...

На самом же деле о существовании бухгалтера под фамилией Звонарев Герман узнал в тот же трагический день задержания, только не предполагал, что дружок Шкабары такую кликуху имеет плюс несколько ходок в зону и находится во всероссийском розыске, но это сути дела не меняло. Самурай, как и следак, сразу уразумел, что ключ или отмычка к секретным счетам Шкабары за границей находится у человека с распространенной русской фамилией Звонарев. В бумагах Шкабары были и координаты, как ни странно, оказавшиеся подлинными. Кольцов позвонил по указанному в папке телефону на следующий же день; на другом конце провода испуганно ответили: его нет дома. Несмотря на опасную ночную операцию и суету, выпавшую ему как командиру с предстоящими похоронами товарищей, Кольцов из Солнцево снова отправился в город, на Ленинский проспект, где проживал бухгалтер, имевший, оказывается, двусмысленное погоняло Гном.

Из всей школьной политграмоты Герман вызубрил лишь одно изречение, касавшееся даты революции: промедление смерти подобно. Эту фразу он считал универсальной на все случаи жизни и всегда трактовал ее по-своему. В отношении бухгалтера эта фраза, на взгляд Самурая, звучала весьма актуально. В течение дня Звонарев мог узнать по многим каналам, что Шкабара не вылетел в Австрию, а задержан милицией. В таком случае человеку, знавшему о тайных миллионах банды и тем более разыскиваемому по прежним преступлениям, не имело никакого смысла задерживаться в Белокаменной — Москва могла стоять ему свободы или даже жизни.

4

Герман отправился к дому Звонарева в камуфляжной форме, с оружием, так как имел право носить его и вне служебного времени; захватил он с собой и наручники. Он знал, что без бухгалтера миллионы Шкабары за кордоном — просто приятная, навевающая грезы сказка. А деньги, казалось, были так заманчиво близки! Для бухгалтера арест не оказался бы неожиданным даже без санкции прокурора, хотя тогда Герман еще не знал, что Звонарев находится в розыске, как не знал и других, особо пикантных подробностей его лихой жизни. Кольцов понимал, что секреты зарубежных счетов он должен выбить из Звонарева или в обмен на его жизнь — метод радикальный, но эф-

фективный,— или войдя с ним в долю. Тут интересы их совпадали полностью: ни бухгалтер без документов, находящихся у Кольцова, не мог воспользоваться миллионами, ни Герман, обладающий половиной тайны, не мог разжиться со швейцарских счетов и копеейкой.

Замыслив «арестовать» бухгалтера, Кольцов еще не определил, куда его спрятать, но понимал, что Звонарева нужно перехватить позарез. Несколько дней его можно продержат у себя — жена как раз накануне задержания Шкабары улетела к родителям во Владивосток: женился ее младший брат, а свадьба да похороны — дело святое. В конце концов, он мог рассчитывать и на помощь Хавтана, тот за последние годы круто поднялся вверх: разъезжает на «саабе», купил шикарную квартиру в сталинском доме. Теперь ему принадлежал ресторан «Золотой петушок», где некогда Хавтан угощал их, бритоголовых, перед отправкой в армию.

Впрочем, здесь, в «Золотом петушке», он с Хавтаном и повстречался снова, когда после службы в армии и работы во владивостокской милиции вернулся через пять лет в Москву. Много воды утекло в России за пять лет, многое изменилось в жизни обоих. Ресторан этот, «Золотой петушок», был первым в жизни Германа Кольцова, где он гулял по-настоящему, и на всю жизнь произвел на него неизгладимое впечатление: и интерьером с его искусственными деревьями в пластмассовых кадках, и яркими голландскими цветами из шелка, которые ежевечерне пылесосили, и огромными зеркалами в аляповатых рамах под старину, занимавшими простенки,— все это показало тогда Кольцову верхом роскоши, изыска и вкуса, атрибутами другой жизни. И как-то под настроение, через полгода после возвращения в Москву, он предложил своей жене Леночке: «А свожу-ка я тебя в ресторан, куда до армии любил захаживать».

Об убранстве, о деталях интерьера, когда-то так поразивших его, Герман Леночке не рассказывал, хотел ошеломить ее, тем более, что в ресторанах они вообще не бывали, да и какие во Владивостоке рестораны? Так... пункты общественного питания...

Леночка, конечно же, ахнула, ибо она не знала, что от прежнего «Золотого петушка» остались только место да название. Перестроенное, перепланированное лучшими архитекторами и дизайнерами заведение стало рестораном, сделавшим бы честь любой европейской столице, будь то Париж или Лондон. Здесь царили хваленый евростандарт плюс российская роскошь на грани милого излишества, а главное — был простор, то, чего так не хвата-

ет старушке Европе; она давно перестроилась, и лишних метров и капиталов ей взять просто неоткуда.

За время службы в милиции научившийся ничему не удивляться, а главное — держаться спокойно, Герман только теперь понял, каким жалким был тот прежний «Петушок». И еще сразу смекнул, что в сто долларов, на которые он рассчитывал в тот вечер, в таком ресторане не уложиться, но несколько об этом не пожалел, потому что видел, какой истинный восторг, радость вызвал «Золотой петушок» у Леночки. Однако чудеса на этом не закончились... Позже, анализируя события, Кольцов пришел к мысли, что встреча со старым знакомым по прежнему адресу была суждена ему свыше. Как все люди, живущие двойной жизнью, он был суеверен без меры...

Зал к их приходу был заполнен уже наполовину, но на многих столиках стояли таблички с надписью на двух языках: «Зарезервировано». Пока Леночка, не остывшая от восторга, выбирала место по своему усмотрению, мимо них прошел к выходу, благоухая прекрасным одеколоном, элегантный мужчина в светлой тройке и ярком шейном платке вместо галстука. Герману в какое-то мгновение показалось, что он знает этого сухощавого человека со стремительной походкой и цепким всевидящим взглядом. Мужчина, быстро проскочивший мимо них, вдруг словно наткнулся на невидимую преграду, обернулся и вопрошающе-азартно крикнул:

— Гера, дружище, ты ли это?!

— Хавтан?!

И старые друзья кинулись друг к другу в объятия — слава богу, что русские еще не научились скрывать свои истинные чувства и не думают, как это выглядит со стороны и какова будет реакция окружающих на шумную встречу.

Герман представил Хавтану свою жену, и тот, поцеловав ее протянутую руку, церемонно отрекомендовался: Леонид Андреевич. Так Кольцов впервые узнал, как зовут давнего приятеля.

Хавтан без слов понял, что гости никак не найдут удобный столик, все лучшие уже были заняты или заказаны.

— Не волнуйтесь, сейчас все устроим...

Он подвел Кольцовых к сервированному столику в центре зала: отсюда хорошо просматривалась эстрада, где сегодня выступало варьете из Одессы, и, сняв табличку «Зарезервировано», пригласил их широким жестом занять места:

— Вот этот столик вам вполне подойдет.

Тут же, словно из-под земли, рядом с ним выросли метрдотель и официант. Склонившись по обе стороны от хозяина, они застыли в ожидании приказа. Хавтан, не прерывая беседы, словно мимоходом, негромко приказал:

— Стол по полной программе, по высшей масти. Пусть Петрович на кухне расстарается. Старого кореша встретил, пять лет не виделись...

Вышколенные халдеи, которым, видимо, хозяин дважды никогда не повторял, быстро исчезли, чтобы исполнить заказ по высшей масти, — такие приемы Хавтан давал не часто.

— Ты по-прежнему любишь этот ресторан? — спросил Кольцов, оглядывая богатую сервировку стола, тонкий изысканно расписанный английский фарфор, бокалы из французского хрусталя, приборы из русского серебра.

— Да, я, знаешь ли, человек старомодный, тоскую по местам юности и, чтобы чаще вспоминать молодость, купил этот ресторан, — ответил хвастливо Хавтан, поигрывая тяжелым золотым браслетом массивного «Ролекса» на худом загорелом запястье. Глядя на жену Кольцова своими пронзительными глазами, он вкрадчиво спросил: — А вам у нас понравилось?

Леночка с искренним восторгом закивала:

— Очень! Просто чудесно! Гера еще во Владивостоке рассказывал, что вы им тут перед отправкой на службу богатые проводы устроили.

— Помнит, значит... Это хорошо... — улыбнулся и сразу смягчился Леонид Андреевич.

Он был из той категории людей, которые болезненно относятся к своей персоне, для таких чрезвычайно важно, как они выглядят, как их оценивают со стороны.

— И чем же ты теперь занят, Пересвет наш? — без перехода добродушно поинтересовался гостеприимный хозяин, вспомнив старую кличку гостя.

Герман на секунду растерялся — говорить или не говорить, что он служит в милиции. Он ведь хорошо помнил хавтановскую школу, его «политбеседы». В той иерархии ценностей, что некогда пропагандировал Хавтан, ниже мента никого не могло быть, и мусоров следовало уничтожать уже только за то, что он мент и носит погоны. Но пока Кольцов раздумывал, его опередила Леночка и с гордостью выпалила за мужа:

— А Гера окончил у нас во Владивостоке Высшую школу милиции, получил офицерское звание. А теперь он уже капитан, командир особого спецподразделения при МВД...

Герман хотел под столом нажать Леночке на ногу, чтобы та не очень-то распространялась о его службе, которая особо не афишировалась, но Хавтан, неожиданно для Кольцова, широко улыбнулся и, как показалось, вполне искренне сказал:

— От души поздравляю. Я рад, что друзья юности находят для себя место под солнцем. Милиция, ОМОН, РУОП, ФСК, ФСБ — это то, что нужно для настоящего мужчины. Россия нуждается в крепких парнях и твердом порядке.— И он кивком дал команду стоявшему у него за спиной официанту, чтобы тот наполнил бокалы.

Под ярким светом люстр заискрилось прекрасное вино, и на душе у Германа отлегло.

— За вас, за встречу, на нашу молодость,— предложил тост Хавтан, и все дружно сомкнули тяжелые хрустальные бокалы.

Просидели в тот раз в «Золотом петушке» долго, прием действительно оказался по высшему разряду, такого чета Кольцовых и представить себе не могла. Расчувствовавшийся Хавтан был без тормозов, ему хотелось блеснуть перед старым корешем богатством и властью в своем заведении. У Леонида Андреевича уже созрел план в отношении Германа после того, как он узнал, что Кольцов служит в особом спецподразделении МВД. Вина в тот вечер подавались самые изысканные, шампанское французское и только «брют». Повар Петрович, по словам Леонида Андреевича, превзошел себя, а на десерт подносили диковинные заморские фрукты, швейцарский шоколад и итальянское мороженое, голландское печенье и датский торт... В общем, чете Кольцовых такое внимание и не снилось. В «Золотом петушке» высоких гостей непременно одаривали еще и коробкой — с напитками и закуской, что было сделано и на этот раз, и опять Герман вспомнил первое свое посещение этого ресторана — тогда хозяин тоже щедро одарил их на прощанье.

В самом конце застолья захмелевший Самурай попытался попросить у официанта счет, но более трезвый Хавтан ловко свел все к шутке. Поскольку Леонид Андреевич уже твердо знал, чего он хочет от Кольцова, он достал из кармана несколько своих визиток и, отобрав среди них одну, особо важную, передал ее Герману со словами:

— Вот тебе фирман, или, как говорили ханы Золотой Орды, пайца. Она означает, что в «Золотом петушке» тебя всегда примут

по высшему разряду, а расходы — за мой счет. С кем бы ты ни пришел: один, с женой, друзьями, с начальством, пацанами, старыми ко-рефанами люберецкими. Считай, что у тебя тут открытый счет.— И, выдержав небольшую паузу, с нарочитой грустинкой добавил: — Все у меня есть, а старых друзей маловато осталось...

Леночка восторженно захлопала в ладоши, а Герман со смутной тревогой, которую, однако, быстро заглушило выпитое, принял визитку с благодарностью.

Хавтан, словно и не грустил секундой раньше, снова заулыбался:

— Когда бываешь в центре, особенно по вечерам, заглядывай в ресторан «Пекин», на площади Маяковского, ах да, теперь — на Триумфальной. Я люблю там коротать вечера. Помнишь, как ресторан гремел в шестидесятые — семидесятые годы?

Герман согласно кивнул в ответ, хотя в те годы не то что в «Пекине», ни в каком другом ресторане не ошивался. Другой у него был тогда уровень жизни.

А Хавтан продолжал свое:

— «Пекин» сейчас самое спокойное место в Москве, где не бывает пальбы и беспредела, потому как там любят собираться крутые люди и «новые русские». Да и кухня хороша, все-таки школа, традиции. Там меня можешь найти, если понадобится. Видишь ли, не люблю я общаться по телефону. С человеком надо говорить глаза в глаза, так меня учили по первой ходке.— И уже предложив тост на пососшок, тут же без перехода, вроде в шутку, сказал: — Если в «Пекине» что-то пойдет не так, сам понимаешь, ты уж как-нибудь дай знать. Многие уважаемые люди будут обязаны такой информации...

5

Так неожиданно Самурай вновь закутился с Хавтаном и его новыми дружками, где один круче другого, не знаешь кого и поддерживать, если между ними свара какая начнется. Один из них, по кличке Дантес,— тот вообще этаж в «Метрополе» снимает, самолет личный имеет, яхта, говорят, у него в Коктебеле всегда в сезон на приколе стоит. Один ворочает нефтью, другой — алмазами; третий — никогда никому в голову не придет — торгует с армейских складов новейшим оружием, причем плевать хотел он на эмбарго и конвенции всякие, продает тому, кто больше заплатит, даже если это оружие завтра про-

тив России повернут. Другой приятель монополизировал все морские перевозки и часть железнодорожных, и оттого бедняга мается, кислый ходит, что остальную часть к рукам прибрать не может, включая и автоперевозки: не по зубам пока ему, но он готов заплатить хорошо тем, кто быстро и без особого шума уберет конкурентов.

Есть и такие, которые день и ночь обхаживают людей в Думе и правительстве, в газетах и на телевидении, внушая всем и каждому, что русский мужик — пьянь, рвань и лодырь, и не надо, мол, капиталы в сельское хозяйство зря вбухивать, лучше и проще зерно и куриные окорочка из богатой Америки доставлять. Потому что тут такие деньги гуляют! Всем — чиновникам-казнокрадам, и дружкам Хавтана, и их детям — хватит! Оттого американцы так услужливо и подсунули России доллар вместо рубля: берите, сколько хотите, щедро новенькие купюры печатают и самолетами доставляют! Им российский «рваный», как говорили до эпохи «деревянных», ни к чему — на Запад гонят настоящие деньги. По числу банков всю Европу вместе с Америкой обогнали... И разве придет простому человеку в голову, что возникло их такое множество оттого, что не успевают эти банки уворованные российские капиталы обратно на Запад переводить, хоть и работают почти круглосуточно... Да, Самурай подошел слишком близко к тем, кто уже был рядом или накоротке с сильными мира сего.

Направляясь к дому на Ленинском проспекте, чтобы арестовать бухгалтера Звонарева, Кольцов рассчитывал на помощь Хавтана, если операция застопорится. Хотя понимал: братву лучше в курс дела не вводить, можно и с носом остаться. Но все зависело от того, как поведет себя Звонарев...

На звонок дверь на цепочку приоткрыла миловидная средних лет женщина. Кольцов, ничего не говоря, протянул в узкую щель служебное удостоверение и негромко буркнул: «Милиция», — после чего его впустили в квартиру. Войдя в просторную аккуратно прибранную прихожую, он сразу понял, что бухгалтер привык к комфорту и уюту. Женщина, и не пытавшаяся скрывать свое подавленное настроение, вяло пригласила в комнату, и Герман убедился в своей догадке. Все в доме дышало гармонией, вещи были подобраны со вкусом, на всем лежала печать ухоженности, достатка, да и сама хозяйка производила впечатление женщины, живущей на широкую ногу, — наблюдая ежедневно замотанных баб с авоськами и сумками, это было нетрудно определить.

Кольцов, почуяв, что бухгалтера нет дома, решил не пугать женщину сообщением, что приехал арестовать ее мужа или сожителя, хотя, в случае необходимости, готов был устроить тут засаду и ждать, когда появится Звонарев. Поэтому, присев у стола, сказал спокойно:

— Мне нужно видеть господина Звонарева по чрезвычайно важному делу.

Женщина подняла на гостя удивленные глаза и ошаршила Самурая:

— Вы опоздали. За ним пришли рано утром и увезли, сказали, что арестовали до выяснения каких-то обстоятельств.

— Кто арестовал? — не смог сдержать удивления Кольцов.

— Наверное, ваши коллеги, я была еще в постели...

— Как они выглядели? Сколько их было, какие документы предъявили?

Женщина равнодушно пожала плечами, словно судьба Звонарева была ей глубоко безразлична.

— Трое. В штатском. Прилично одеты и вели себя вполне интеллигентно. Кажется, они предъявили Борису Михайловичу ордер на арест...

Понимая, что оставаться ему в этой квартире небезопасно, Кольцов поднялся, с сожалением покачал головой:

— Извините. Вероятно, это были коллеги из параллельных структур. У нас ведь в милиции, как и везде, неразбериха, реформа то есть... Я узнаю, по какому ведомству задержан ваш муж, и позволю вам. До свидания...

И уже уходя, на пороге, Герман догадался подстраховать свой визит, чтобы сбить с толку тех, кто, возможно, как и он, заинтересуется судьбой бухгалтера. Доверительно, словно не решаясь и как бы преступая из-за каких-то внутренних симпатий к хозяйке строгие государственные инструкции, он сказал, взявшись за дверную ручку:

— У меня к вам просьба, и это в интересах вашей безопасности. Если вдруг кто-нибудь, хоть в форме, хоть без формы, с документами или без них, будет интересоваться Звонаревым, вы не должны говорить, что его арестовали. Скажите, что он ушел утром и пропал. Теперь такое случается часто и никого уже не удивляет. Договорились?

Испуганная женщина, закрывая за ним дверь, молча кивнула...

Все это время — со дня задержания Шкабары и до случайной встречи в поздней электричке со следователем банды — Самурай был уверен, что Звонарева арестовала милиция. Оказывается, он сразу взял

неверный ориентир, столько времени потерял, пытаюсь выйти на след бухгалтера в собственном ведомстве. Теперь-то Кольцов точно знал, что Звонарев по кличке Гном был не в бегах, как полагал следователь по делу Шкабары, а прищучили его совсем другие органы, не государственные. Теперь круг поисков Звонарева сузился до минимума. Его могли выкрасть за прошлые делишки друзья или компаньоны; могли похитить конкуренты новокузнецкой банды, знавшие о финансовых возможностях группировки; могли припрятать и оставшиеся члены банды Лабоцкого — Шкабары, опять же, из-за материального интереса. Короче, в какой вариант ни ткни — результат один: дело придется иметь с братвой, возможно с «синими», а может, и с молодыми волчарами, беспредельщиками, как и сам Шкабара. Биография Звонарева давала большой простор для фантазии, потому что, оказывается, разыскивали его по делам, совершенным в разных концах России, от Калининграда до Владивостока и от Архангельска до Сочи,— было, было от чего приуныть Самураю.

След Звонарева оборвался надолго, и, как ни пытался Кольцов отыскать его, шифр к миллионам Шкабары добыть ему пока не светило.

Но история со Шкабарой лишний раз подтверждала, что путь к обогащению он выбрал верный и наикратчайший. Нужна была лишь удача, одно крупное задержание настоящего толстосума или, наоборот, его освобождение — за право разделить наворованное и переведенное за рубеж. Схему экспроприации капиталов Кольцов теперь знал четко, и оставалось лишь положиться на случай, на везение...

6

Однако шли недели, месяцы, а счастливый случай Герману Кольцову так и не представился, и через каждые три дня приходилось вновь и вновь тащиться на опасное дежурство. Потерь особенных в группе больше не было, бог миловал, но ранения случались часто. Впервые у двоих молодых не выдержали нервы, и они покинули команду, устроившись на спокойную хорошо оплачиваемую работу — охранниками в банк. Там и кормежка бесплатная, и одежда гражданская выдается, потому что иногда приходится сопровождать хозяев на крупные мероприятия. Опять же, спортзал, сауна бесплатно и девок молодых целых двенадцать этажей — выбирай любую.

Герман, понявший, что рано или поздно люди от него начнут уходить, и именно из-за опасности службы, пожалуй, даже торопил события, но все было безрезультатно. День ото дня идея поймать бухгалтера новокузнецкой банды становилась у Кольцова все навязчивее и неотвязнее, словно это был его единственный шанс в жизни.

Идея стала почти маниакальной, когда Самурай узнал от того же следователя и все в той же самой ночной электричке, под пиво, что Шкабара покончил с собой. То ли не выдержал суровых допросов — а с ним иногда работали в день три-четыре следователя без перерыва, догадывались, что Шкабара огромные деньжищи перевел на Запад, — то ли был уверен, что на снисхождение суда ему рассчитывать не придется. И попади он в тюрьму, там ему точно больше недели не прожить: много крови «синих» у него на руках, а в зоне они единственные хозяева, там блатные укорот и спортсменам дают, и «новым русским», и новым беспредельщикам. Оттого, наверное, и повесился Шкабара, потеряв веру в свое всеилие.

Не радовала Самурая и всеильная пайцца Хавтана, расстилавшая перед ним скатерть-самобранку в фешенебельном «Золотом петушке». Побывал он там пару раз с Леночкой, отметили день ее рождения и Восьмое марта, потом как-то забежал один, сытно пообедал и попил хорошего пива. И ни разу он не наткнулся на Хавтана. А в «Пекин» Кольцов не заглядывал, хотя помнил, как Хавтан зазывал его туда, видимо, хотел кое-кому представить, похвалиться, что своих людей имеет в спецслужбе МВД. Не хотел Самурай там светиться, нутром чуял исходящую оттуда опасность. Да и в «Золотой петушок» Герман больше не ходил, он не был халявщиком по сути своей, и хоть мечтал есть и пить в лучших ресторанах, но только за свои кровные. К тому же он не был так глуп, чтобы полагать, что Хавтан кормит и поит его лишь из-за сентиментально-слюнявых воспоминаний юности. «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке» — он давно это слышал.

Самурай уже дважды оказал Хавтану основательную услугу, и его крутые дружки, конечно же, знают, что у хозяина «Золотого петушка» в МВД есть свой человек — капитан Кольцов, бывший люберецкий качок, выбравший ментовскую жизнь.

Однажды Самурай наткнулся на приятеля у подъезда своего дома в Солнцево, хотя адреса он вроде и не давал. Хавтан был не один и в квартиру подниматься не стал, несмотря на приглашение.

— У нас важное дело, и позарез нужна твоя помощь... — Он пригласил Кольцова в просторный «сааб», но и не подумал представить

сидевшего на заднем сиденье средних лет мужчину. — Нашему влиятельному братану — Дантес его кликуха, я тебе о нем говорил — шьют какое-то дело, — без предисловий начал Хавтан. — Мы знаем, какие следаки этим делом заняты и кого таскать будут. Знаем, на кого надежда есть, а кто и подвести может. Поэтому хотим выяснить, кто на Дантеса будет бочку катить и чем вообще располагает следствие. Может, на понт хотят взять? Мы бы тут же, по горячим следам, внесли коррективы и процесс под микроскоп взяли.

Знаешь, Гера, — голос его стал доверительным, — это очень впечатляющая штука. Приходишь к свидетелю, который убежден, что тайна следствия, особенно на таком уровне — дело святое, и задаешь невинный вопрос: «Что спрашивали? Что отвечал?» Тот, конечно, правды всей не скажет, и тут ты дословно выкладываешь, какие вопросы звучали за обитыми войлоком двойными дверями, а главное, какие ответы были даны. Шок гарантирован, со слабонервными и впечатлительными надо осторожнее — возможен инфаркт, проверено. Вот тогда, насладившись произведенным эффектом, ты и приказываешь: измените показания, вы же видите, какие у нас длинные руки, у нас везде свои люди. — Заметив, как напрягся Самурай, Хавтан вдруг мягко пожурил: — Да ты не бойсь, от тебя самая малость и требуется. Нам не резон тебя подставлять, ты же свой, люберецкий, мы тебя засланным казачком считаем... — и засмеялся негромко, но чем-то зловещим повеяло от этого смеха. — А теперь тебя Жора, Георгий Иванович, введет в курс дела.

Кольцов хотел было обернуться к собеседнику лицом, но Хавтан положил ему руку на плечо: сиди, мол, и слушай...

— Дело действительно нехитрое, но нужен человек, работающий в этом здании, как ты, например, — заговорил с кавказским акцентом мужчина на заднем сиденье. — Опасность нулевая, но осторожность не помешает. Запомни фамилии следователей: Федоров, Каплинский, Оганесян. Этажи: второй, третий, пятый. Вот, возьми, — и человек сзади передал Кольцову три булавки, очень похожие на галстучные, с небольшой, со спичечную, головкой. — Все двери в кабинетах следователей обиты дерматином или искусственной кожей. Тебе необходимо в каждую из дверей воткнуть эту булавку-маяк. Лучше сверху, чтобы исключить вероятность выпадения, — на годы. Вот и вся операция. Остальное — за аппаратурой, которая будет находиться где-нибудь рядом со зданием, в припаркованной машине. Фантастическая техника, Дантес из Англии доставил — они законодатели мод в шпионском

оборудовании. А на границе ее даже на учет не поставили, там идиоты шмонают челноков, чтобы сотню баксов лишних вытянуть,— то ли одобрительно, то ли зло заключил Георгий Иванович...

Самурай не задания хавтановского испугался, оно действительно особой опасности не представляло: Кольцов имел право ходить по этажам следственного отдела, его туда часто вызывали на очную ставку с арестованными, уточняя детали задержания. Настораживало его другое: почему он получил это задание от мужчины с кавказским акцентом? Хавтан мог и сам передать эти крошечные маячки, не надорвался бы. А посредник при таком щекотливом деле означает только одно — они, блатные, теперь от него не отстанут, и, если с Хавтаном что-нибудь случится, любой другой к нему может подкатиться с приказом.

Такой расклад с «синими» Самурая совсем не устраивал, но следовало терпеть, пока не отыщется бухгалтер, а там он порвет сразу и с белыми, и с красными, и с «синими», отвалит за бугор. Проценты с миллионов Шкабары — вот предел его мечтаний, с этих процентов можно будет жить на очень широкую ногу: путешествовать по миру, купить загородную виллу, нанять садовника, повара и прислугу по дому. О такой жизни Кольцов вычитал в одном романе, она пришлась ему по душе. Жаль только, что в тех краях, где он собирался обосноваться, нет русской зимы, с выюгами, со снегопадами, морозом, и не будет тройки с бубенцами и молодыми рысаками. Тройка тоже представлялась ему непременным атрибутом той счастливой жизни, о которой он мечтал...

В другой раз Хавтан подкатил через пару месяцев, правда, один.

И тут Самурай, не дав ему и рта раскрыть, завелся:

— Не слишком ли ты зачистил, Хавтан? Я ведь у вас на зарплате не сижу, у меня своих дел невпроворот. Да и светиться прежде времени не резон, я, может, до генерала дослужиться хочу, меня тут высоко ценят...

Но Хавтана оказалось не так-то легко сбить с толку. Он опять зашелся своим ледяным смехом и, вынув из внутреннего кармана шелкового костюма пачку долларов, перехваченную аптекарской резинкой — как обычно поступают челноки или торговцы-перекупщики, имеющие дело с большими суммами,— без слов бросил ее на колени Кольцову — они опять говорили в машине.

Самурай невольно автоматически перегнул пачку с обеих сторон, проверяя, не «кукла» ли. Ошалевший Хавтан обиженно громко сказал:

— Ты что, в милиции совсем голову потерял? Мы своих не кидаем. Да и смешно тебе «куклу» всучить...— и оба от души рассмеялись.

Кольцов спрятал деньги в карман и вопросительно уставился на собеседника: что, мол, на этот раз?

— А дело снова спешное, важное и на этот раз более опасное,— сразу взял быка за рога Хавтан.— Хотя десять тысяч баксов за полчаса риск — плата неплохая. Впрочем, рисковать конкретно будешь не ты, а другой человек. Твое дело — провести его в здание, подстраховать, пока он зайдет в нужный кабинет, и вывести его после шмона на улицу...

Герман продолжал молчать, не перебивая вопросами. Хавтан стал объяснять:

— Суть операции такова. Вчера в вашей конторе, на втором этаже, в кабинете следователя Федорова, кое-кто дал серьезные и опасные показания против одного из влиятельнейших людей, ворочающих нефтью. Кликуха его Шаман, вся Тюмень под ним ходит, теперь он в Москве штаб-квартиру держит, в Барвихе дом отгрохал — три этажа вверх, три этажа вниз. Запомни: Шаман, может, когда и сгодится, жизнь большая, не знаешь, куда повернет. В общем, большие люди тебя просят помочь. И Дантес, он старый корефан Шамана, и другие, так что уважь... Федоров вчера не только эту тварь продажную из Минфина потрошил, но и людей достойных. Они-то и запомнили: и в какой папке что лежит, и какой системы сейф, и какой замок в двери. Мы нашли спеца, которому понадобится ровно пять минут, чтобы аккуратненько вынуть из папки эту грязную бумажку,— вот и все дела. А следователь, если наша затея удастся, или сам удавится, или его инфаркт хватит. Зажрался, мразь, за каждую бумажку чуть ли не миллион баксов требует...

— Каким же образом я должен его в здание ввести? У вас есть какой-нибудь план? — спросил на всякий случай Самурай, не думая возвращать полученные деньги, но и не желая особо рисковать.

— Сначала я предложил взять твое удостоверение и сделать точно такое же, это не проблема. Но Дантес, по-моему, лучший вариант предложил. Поскольку вы все на одно лицо в камуфляже и беретах и всегда в синяках, шишках и царапинах, вот он и говорит: у Герки команда большая, наверняка кто-то хоть чуток смахивает на нашего медвежатника. И если так, надо, мол, нашего обрядить в униформу, посадить, для верности, настоящий фингал под глаз,

М

надеть очки — и вперед, никакая вахта не придерется. Вот его фотография, есть кто-нибудь у тебя в бригаде похожий?

Хавтан протянул Кольцову небольшую любительскую фотографию, с которой равнодушно глядел бесцветный мужчина лет тридцати, с нагловатым лицом; две-три судимости открыто читались в его глазах и без анкеты.

— Ну, как идея? — поторопил Хавтан, забирая фотографию.

— Да, твой Дантес не дурак, психолог. Надо этот трюк запомнить. У меня с такой же бандитской рожей есть несколько ребят, с фингалом в самый раз и без очков будет. Для конспирации под другим глазом наклеим небольшой кусочек лейкопластыря, это совсем собьет вахту с толку, хотя к нам они не особенно придираются. А очки, конечно, пусть будут, для верности, на входе он их демонстративно снимет, — согласился Самурай, неожиданно для себя войдя в азарт нового дела.

7

К нервотрепке с поиском шкабаровского бухгалтера у Германа неожиданно прибавились семейные проблемы, а улаживать такие конфликты Кольцов не умел — дело это тонкое, деликатное, и было ему не по плечу. Ему в такие минуты всегда вспоминалось выражение «слон в посудной лавке». Да и как восстановить мир, если действительно виноват во всем — вылезла-таки наружу владивостокская история: верно говорят, сколько веревочке ни виться, но конец все равно придет. Хотя, как выяснилось, все выплыло-то случайно, но от этого Самураю было не легче.

Леночка вернулась из Владивостока, куда летала на свадьбу младшего брата, через месяц после задержания Шкабары. Погостила у родителей, встречалась с подружками из университета. Честно говоря, она не прижилась в Москве, тут она потерялась — куда делись ее общительность, задор, уверенность?! В Белокаменной иная жизнь, чем в Приморье, где люди шире, проще, оттого она все время скучала по родным краям. В день возвращения жены Кольцову выпало дежурство, тут не отпросишься, в спецназе требования жесткие — укладывайся в три выходных дня. И Герман встретить жену не мог, но он предупредил ее об этом по телефону; решили, что домой она доберется на такси — от Домодедово до Солнцево по обводной дороге недалеко.

На беду Кольцова, в тот день Неделин провожал кого-то в аэропорту Домодедово, он и увидел Леночку с чемоданом и, конечно, предложил подвезти ее в город на своем шикарном «мерседесе». Впрочем, ничего предосудительного в этом не было: Слава Неделин вел себя прилично, и о давних днях, об увольнительных и встречах в универмаге даже не вспоминал. Веребочку за конец потянула сама Леночка, так, наверное, судьбе было угодно.

Когда они отъехали подальше от аэропорта, Леночка стала оглядывать роскошный салон машины. Самого Славу, элегантно одетого, благоухающего хорошими французскими духами, в общем, явно процветающего, она разглядела еще по дороге на автостоянку, где Неделин припарковал свой молочно-белый «мерседес».

— Ну, как у тебя сложилась жизнь с дочкой академика, Славик? Судя по всему, ты счастлив...

Неделин от неожиданного вопроса на мгновение даже руль управления выпустил — «мерседес» резко пошел влево, на встречную полосу, хорошо, впереди машин не было, дорога в этот ранний час оказалась пустынной. Но Картье прекрасно владел рулем, а еще лучше своими эмоциями. Выправив ход машины, он все же не без удивления в голосе спросил:

— Леночка, о какой дочке академика идет речь? И почему у меня с ней должна была сложиться жизнь?

Теперь пришел черед удивляться уже жене Самурая, и она с ехидцей сказала:

— У тебя что, как у всех мужчин, короткая память? Да на той, на которой ты собирался жениться, как только вернешься в Москву из армии. Ну, на невесте своей, которая тебя письмами и посылками засыпала.

Вконец растерявшийся Неделин, не соображая, о чем говорит путчица, переспросил:

— Кому это я говорил, что собираюсь жениться сразу после демобилизации, да еще на дочке какого-то академика?

— Как кому? Своему лучшему армейскому другу Герману Кольцову, как ты однажды представил мне его в универмаге.

— Какая-то запутанная история,— пожал плечами Картье.— У меня никогда не было невесты, в армии я редко получал письма, да и то от родителей, иногда от друзей.

— А как же фотографии? — уже не так уверенно и агрессивно продолжила Леночка.— Я ведь их сама видела, мне их Герман од-

нажды показал. Много было, и цветных, и черно-белых, хотя, честно скажу, твоя избранница мне не понравилась, да она еще и старше тебя. Или нынче так модно?

Только теперь просек Неделин трюк, который разыграл с ним его лучший армейский друг и земляк Герман Кольцов, но на всякий случай переспросил:

— ...Такая полненькая... с короткой стрижкой... больше в профиль заснята, наверное, из-за короткой шеи?

— Наконец-то вспомнил! — победно усмехнулась Леночка.— У тебя ведь в изголовье кровати вся стена была увешана ее портретами...— Молодая женщина замолчала и отвернулась к окну, за которыми проносились подмосковные пейзажи.

Молчал и Картье. Пауза явно затягивалась, и Слава не выдержал:

— Ах, Леночка, как все-таки сурово обошлась с нами судьба. Это ведь у него, у Герки твоего, невеста была, и над его кроватью висели все эти фотографии. Это он почти каждый день получал письма, посылки, бандероли, телеграммы, приглашения на переговоры. Тебе проверить это не составит труда, сия особа до сих пор в ресторане «Иртыш» завроизводством работает. Я однажды проезжал мимо, решил глянуть на нее... воочию, так сказать...

В общем, поговорили... Лучше бы владивостокский рейс опоздал в тот день, как обычно. Но для Леночки этот разговор был так же важен, как и для Картье. Хотя Славик и не напомнил, что хотел на ней тогда жениться, но она-то женским сердцем чувствовала, что он любил ее, да и сейчас, спустя годы, остался таким же ненавязчивым.

Конечно же, на другой день она отыскала ресторан «Иртыш» и увидела ту женщину, чьи фотографии почти пять лет назад показывал ей во Владивостоке Кольцов. И почему-то сразу поняла, что эта женщина из ресторана никогда не могла быть невестой Неделина. Не могла — и все!

С тех пор у Германа начались осложнения в семье. Он на время даже забыл и о беглом бухгалтере, и о многомиллионных счетах в швейцарских и немецких банках, и о вилле на берегу Средиземного моря. Хорошо, что ко времени размолвки Леночка уже работала в модном салоне обуви в Столешниковом переулке, недалеко от Пушкинской улицы, там, где прежде находился известный комиссионный магазин «Меха», а еще раньше, до революции, ломбард с огромным подвалом, куда москвичи, спасая от моли, сдавали летом на сохранение свои шубы, палантины, песцовые и горностаевые накидки. Что-

бы добраться из Солнцево к открытию магазина, она уходила из дома в половине восьмого утра, когда Кольцов еще спал. В дни, свободные от дежурства, он любил покемарить, видимо, отсыпался за бессонные ночи в юности, когда не имел своей кровати. К возвращению жены Герман старался исчезнуть из дома, иногда оставлял записку — «вызвали на работу», «срочное совещание», «поехал к матери», «нужно помочь Виктору с переездом» и тому подобное, возвратиться старался попозже, когда Леночка уже спала.

Кольцов понимал: горечь от его обмана может сгладить только время. Оправдания казались ему излишними, они только бы нарушили хрупкий мир в семье. Конечно, он не раз повторял, что лишь из-за любви к ней пошел на такую осознанную подлость, не хотел, чтобы она вышла замуж за Славку. Да разве красило его такое оправдание? Конечно нет, это он понимал... Оттого избегал крупной ссоры, зная крутой нрав жены. Как жалел Самурай, что нет в данный момент какой-нибудь локальной заварушки или межнационального конфликта, куда его на время отправили бы в командировку. Жаль было и себя, и жену, все-таки прожили столько лет вместе, прикипели друг к другу. Часто приходило на память в эти дни, как Леночка, еще во Владивостоке, на чье-то ехидное замечание, что ее муж не одолел и средней школы, ответила ласково, но твердо словами Высоцкого: какой ни есть, а все ж родня. Да, ближе и роднее у него никого не было.

В эти дни семейного разлада Кольцов пристрастился почти ежедневно бывать в «Золотом петушке». Ходил он туда один, хотя и возникала мысль захватить за компанию кого-нибудь из своих ребят, но осторожность брала верх: не хотелось объясняться, почему это перед ним расстилают каждый раз скатерть-самобранку и при этом заискивающе улыбаются. Дней десять он ходил в ресторан регулярно, сидел там до самого закрытия, слушал концертную программу или смотрел приглашенное из ближнего зарубежья варьете. Даже стал раскланиваться с завсегдатаями, а таких было немало, но, что странно, ни разу не повстречал там Хавтана, хотя пайцза его действовала по-прежнему и никто не пытался его ограничивать ни в еде, ни в спиртном.

То ли Петрович, шеф-повар «Золотого петушка», каждый раз старался обслужить особо важную персону по высшему разряду, то ли организм у Кольцова был могучий, за что некогда и полюбила его, салажонка, пышнотелая Люся из «Иртыша», то ли душа у него горела по-настоящему, по-русски, — но, сколько бы он ни пил, не пьянел. А выпивал порою за вечер не меньше двух больших штоффов швед-

ского «Абсолюта», не считая пива,— этому факту удивлялись официанты и завсегдатаи за соседними столиками, да, впрочем, и он сам. Уходил, как говорят на Руси, чист как стеклышко, ни в одном глазу.

Хавтан объявился у себя в ресторане почти через месяц после того, как Самурай зачастил в «Золотой петушок»: то ли доложили ему, то ли счета непомерные увидел, то ли понадобился сам по важному делу. Появился он неожиданно, Кольцов и не заметил, откуда тот возник, увидел его уже сидящим напротив за столом. Был Хавтан, на взгляд Самурая, расфранчен дальше некуда: в белой бабочке, при белом пикейном жилете с отворотами, сказал, что только что с концерта. Честно говоря, Кольцов до сих пор никак не мог привыкнуть, что Хавтан ходит при галстукe, бывает в театре, для него тот при любой перемене — даже стань он президентом страны — оставался бы навсегда фиксатым Хавтаном, хотя железной фиксы уже давно не было, как не было и синюшной татуировки на тыльной стороне правой руки. Была у Хавтана еще одна татуировка, на предплечье левой руки,— в память о первой любви выкололи ему в карагандинской тюрьме жирными буквами «Соня». И Кольцова вдруг отчего-то заинтересовало, уцелела «Соня» или нет? А может, он ее тоже вывел, чтобы спокойно гулять на пляжах Коста-Брава или Лазурного берега, не отпугивая наколками новых друзей и компаньонов.

В тот вечер первый штоф «Абсолюта» был опорожнен только наполовину и до горячего еще не дошло, хотя стол оказался щедро заставлен закусками. Кольцов не пьянел, но аппетит имел отменный, да и кухня, что говорить, нравилась ему, особенно дорогие рыбные блюда — Петрович поистине был русский повар, знал множество старинных рецептов.

Не успел Леонид Андреевич подсесть к столу, как официант принес бутылку «Русской водки» кристалловского завода — оказывается, Хавтан и на дух не переносил никакого заморского зелья. Халдей опередил Кольцова, занесшего бутылку над рюмкой Леонида Андреевича, и эта расторопность была оценена владельцем ресторана улыбкой и благодарным кивком. Такие знаки внимания Хавтан уделял службе не часто, но сегодня он пребывал в добром настроении и был рад, что застал Германа в «Золотом петушке»: всего час назад в «Пекине» вспоминали о Самурае — опять понадобилась его помощь.

Выпили, закусили, повторили — шел неспешный разговор о том о сем, но Леонид Андреевич не стал расспрашивать, почему Герман вдруг зачастил в «Золотой петушок», что случилось да от-

чего душа болит. Не лезть в душу — одна из главных воровских заповедей. Захочет — расскажет, так учили Хавтана с младых ногтей во дворе, так вразумляли «профессора» в тюрьме, а Хавтан гордился своими университетами, да и успех был налицо.

Конечно, официант и метрдотели рассказали Леониду Андреевичу, что Кольцов бывает в ресторане почти каждый день и много выпивает. Теперь в этом убедился и сам Хавтан, подливавший Самураю заморской водки уже из второй бутылки. Задачу перед Хавтаном братва поставила серьезную, и она не шла у него из головы. Неожиданная встреча с Германом через пять лет в собственном ресторане, а вернее, оказанные им важные услуги подняли авторитет Хавтана в криминальных кругах очень высоко. Особенно крепко он выручил Шамана, а тот добро не забывает, об этом знают все. Раньше Леонида Андреевича в Барвиху не часто приглашали, слишком высокие люди там собирались, большие государственные вопросы решали, а теперь, когда он доказал, что и сам не лыком шит и может пригодиться даже таким всеильным тузам, он зван туда всякий раз и даже получил право голоса.

Поэтому Хавтан не стал откладывать дело в долгий ящик, до следующего раза, спросил как бы вскользь, но заинтересованно:

— Гера, а ты со следователем Шкабары знаком?

Герман, хотя и приканчивал вторую бутылку, внутренне напрягся — Хавтан никогда не задает праздных вопросов, — но виду не подал. В последнюю неделю беглый бухгалтер по кликухе Гном не шел у Самурая из головы. Разыщи он его — и уладились бы, наверное, сразу все проблемы, включая и семейные. Кинул бы он к ногам Леночки виллу на берегу теплого моря, утопающую в кипарисовом саду среди цветов, показал бы ей жизнь на Лазурном берегу да Париж во всей красе, может, и оттаяла бы, простила давнюю подлость, поверила бы, что ради нее, из-за любви к ней подставил он лучшего друга Славку Неделина.

— Так знаешь или нет? — повторил хозяин ресторана.

— Самойлова, что ли? — как можно беспечнее спросил Кольцов.

— Да-да, Самойлова, — поддакнул на всякий случай Хавтан: вроде он в курсе следствия и знает тех, кто занимался делами новокузнецкой банды.

— Конечно, знаком, — усмехнулся Герман. — Он ведь не раз меня на третий этаж к себе вызывал, грозился под суд отдать, что я пятерых ребят потерял. Да и очную ставку со Шкабарой не раз устраивал. Волокитное у них дело, у следаков, про всякий пустяк

М

сто раз спрашивают: а это не видел ли? А этого не было ли? А это вы случайно не прихватили? Не выкинули? А я что, должен ему признаться, что присвоил, мол, знаменитый американский пистолет-автомат «айграм», принадлежавший Шкабаре? Я что, дурак? За кого он меня держит, я ведь тоже высшую ментовскую школу окончил, кое в чем шуруплю... — нарочито распялялся Кольцов.

— Да, «айграм» — штука серьезная. Не хочешь продать? Сейчас же десять кусков отвалю... — загорелся Хавтан, забыв о главном, — оружие действительно было редчайшее.

— И ты меня за лоха держишь. Сейчас немецкий «люгер» не меньше семи стоит, да и тот еще поискать, а ты «айграм» за червонец хочешь, — вроде как обиделся Самурай. На самом же деле он хотел размагнитить внимание Хавтана, чтобы понять, для чего ему понадобился следователь Самойлов.

— Ладно, не лезь в бутылку, — примирительно сказал Хавтан. Ссориться с Самураем ему было ни к чему... — Если хочешь продать, назови цену, мне эта штука нужна больше, чем тебе. А с Самойловым надо завести контакт, подружиться с ним, понять, на что он слаб: на баб, на деньги, может, он от машин балдеет или от охоты, нам надо все о нем знать, чтоб не промахнуться.

Но Герман, продолжая отвлекать внимание Хавтана, сделал вид, что потерял интерес к разговору, стал демонстративно разливать водочку по бокалам и, как бы закругляя и заканчивая тему, обронил:

— Я думаю, следак Самойлов вам не понадобится: Шкабара ведь повесился, и дело его закрыто. Но вы с братвой об этом знать не могли, мы объявления о смерти не даем — это тебе по старой дружбе сообщаю. Так что обрадуй братву: Шкабара больше соврать следствию не сможет, даже если и захочет, нет вам от него угрозы, — и Самурай нарочито громко рассмеялся.

— Не гогочи прежде времени! — вдруг зло оборвал его Хавтан. — Запомни, мы всегда знаем, чего хотим, на пустяки у нас времени нет. То, что Шкабара повесился, нам тоже известно...

— Тогда зачем вам его следователь понадобился? — вроде тупо размышлял вслух Кольцов.

— А вот это пока не твоего ума дело. Тебе поручено войти с ним в контакт, подружиться, а что дальше делать, узнаешь позже...

— Чтобы дружить со следователем, деньги большие нужны, они обхождение любят... — Герман намекающе постучал пальцем по опустевшей бутылке «Абсолюта».

— Деньги будут, не бойсь,— заверил Хавтан.— Задарма интереса у людей не вызовешь — ни у тебя, ни у твоего Самойлова. После ужина я отвезу тебя домой в Солнцево. Деньги в машине получишь...

Конечно, Кольцов сразу разгадал тайну задания Леонида Андреевича, он понял, что бухгалтера Звонарева выкрали если не люди самого Хавтана, то братва, с которой он близко якшается. Это была чрезвычайно важная, приятная новость. Не нужно будет теперь искать бухгалтера по всей России или в странах ближнего зарубежья, ведь это все равно что искать иголку в стоге сена... Гном находился где-то рядом, в Москве, и место, где держат в темнице бухгалтера, наверняка было известно хозяину «Золотого петушка».

На радостях Самурай перестал ходить в ресторан, потерял интерес к скатерти-самобранке, надежда вспыхнула вновь, и он решил не упустить свой шанс любой ценой. Теперь он только и думал, как вызнать у Хавтана местопребывание Звонарева: силой или хитростью? Ошибиться он не имел права, теперь-то он понимал, что шкабаровские миллионы были действительно его последним шансом, единственной путевкой в другую жизнь.

Дней через десять Герман, чувствуя, что Хавтан вот-вот объявится, как обычно, у подъезда в Солнцево, решил заглянуть в «Золотой петушок» на разведку. Плана конкретного у него не было, хотя рассчитывал выведать: Хавтан ли держит шкабаровского бухгалтера, или, на худой конец, тот знает — кто, а главное — где. Впрочем, кто держит Гнома, теперь не имело значения: Самурай созрел и знал, что на этот раз он ни перед кем не остановится — завалит любого, будь то сам Дантес или Шаман, которых он пока в глаза не видел, не говоря уже о Хавтане. Этого задохлика ему было совсем не жаль, вообразил себя хозяином жизни, видишь ли, в Барвихе с Шаманом государственные вопросы решает... Конечно, если Звонарев у Хавтана, можно и без крови обойтись, не хотелось Кольцову новую жизнь с мокрухи начинать, лучше полюбовно разойтись, он готов был даже отстегнуть бухгалтеру и Леониду Андреевичу половину того, что найдут на зарубежных счетах Шкабары...

Пришел Самурай в «Золотой петушок» раньше обычного, давая возможность халдеям разыскать хозяина по сотовым и спутниковым телефонам или по пейджеру. В том, что он нужен Хавтану и его друзьям-покровителям, Кольцов не сомневался, он ведь знал, о каких суммах шла речь,— такой куш блатные постараются не упустить, их аппетиты Герман изучил хорошо. Неторопливо изучая меню —

а оно кардинально менялось каждую неделю,— Самурай подумал, что скатерть-самобранка в «Золотом петушке» скоро для него может и перестать расстилаться, ведь совсем другие отношения могут теперь сложиться с хозяином ресторана. Впрочем, если глядеть дальше, в случае удачи всеильная пайцца скоро и не понадобится вовсе.

Кольцов уже выправил заграничные паспорта на себя и жену, хотя она ни о чем не догадывалась — он хотел поставить ее перед фактом в последний момент. Вырви Самурай бухгалтера Звонарева из рук «синих» — и дня не стал бы задерживаться в России. В стране, где он задумал поселиться, основным условием получения гражданства являлось вложение средств в ее экономику. И сумма, на взгляд Кольцова, была небольшой, всего триста-четыре тысячи долларов. И почему бы их не вложить, это же не подарить! Выбери отрасль по вкусу, дело по усмотрению — и живи в свое удовольствие! Не зря же «новые русские» уже весь мир облагодетельствовали своими капиталами, подготовили запасные аэродромы на всякий случай, только для самой России-матушки заваливающей медной копейки не находится.

Герман не ошибся, что о его появлении тут же доложат Хавтану. Через два часа, когда в «Золотом петушке» началась концертная программа, к его постоянному столику подошел старший метрдотель и вежливо предупредил, чтобы он не уходил, не дождавшись Леонида Андреевича, мол, тот недавно звонил из Барвихи, сказал, что скоро подъедет. Хавтан появился гораздо раньше, чем рассчитывал Кольцов, видимо, ни в какой Барвихе он не был, решил лишний раз козырнуть связями. Шаман, как навел справки Самурай, был действительно крутой мужик, да и тюменская нефть, которой он ворочал и благодаря которой раньше жила вся трехсотмиллионная страна, сильно спеси тому прибавила. Хавтан опять появился за столом неожиданно, был навеселе и в добром настроении, причиной которого похвалился сразу: сегодня всех обкатал в бильярд. Но где играл и с кем, уточнять не стал, а жаль, может, это косвенно вывело бы Самурая на тех, кто выкрал Звонарева-Гнома.

— Ну, как успехи? Докладывай,— сразу взял быка за рога Хавтан.

— Докладывать-то особенно нечего. Третьего дня следак неожиданно вылетел в Новокузнецк в срочную командировку. Не знаю, связано ли это с бандой Шкабары или случайно вышло, а так я до отъезда пару раз с ним пообщался. Неплохой мужик, но работа сделала его осторожным. Время требуется, чтобы понять, что он за человек.

— Ну, для начала совсем неплохо,— похвалил Леонид Андреевич и самолично налил Герману все той же шведской водки.— Жаль, ты сразу не сообразил мне позвонить, что Самойлов в Новокузнецк улетел. Надо бы посмотреть, чем он там занимается, с кем общается. Можно было бы у него в номере и шмон устроить, если он бумаги какие с собой брал...

— Ты же предупредил, что не любишь разговоров по телефону,— обиженно напомнил Кольцов,— вот я сам и заявился сюда, надеялся тебя встретить. Деньги ведь отрабатывать надо...

— Верно, все верно. Я не люблю разговоров по телефону,— согласился Хавтан,— но это был бы не разговор, а всего лишь информация, а это вещи разные. В следующий раз, если что-то экстренное надо сообщить, звони, иначе можно упустить момент. Дорога ложка к обеду...

Сообщение не испортило настроение Хавтана, и он с удовольствием выпил и закусил вместе с Кольцовым. Тут Самурай и закинул удочку — а вдруг что и удастся вытянуть из него...

— Слушай, Хавтан, если вам нужен свой человек в нашем следственном отделе, может, я вам другого подберу, там хлопчики есть более покладистые, чем Самойлов, да и возрастом помоложе, у них только деньги на уме. А Самойлов в свое время следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре страны работал, потому вряд ли на контакт с вами пойдет, опасно очень, а он стреляный воробей... Правда, сейчас он в разводе, ни кола ни двора, снимает, как и я, комнату в Солнцево, иногда в электричке встречаемся,— напропалую «откровенничал» Кольцов, хотя задача у него была совсем иная. Да и про Самойлова заказчики наверняка все знают, если так настойчиво ищут к нему ходы.

Хавтану показалось, что Самурай хочет перед ним выслужиться, попасть к нему в особую милость. А сильнее всего хавтановскую душу согрело лакейское «деньги ведь отрабатывать надо...», и он, вальяжно откинувшись на спинку стула, менторским тоном изрек:

— Хороший ты парень, Гера, а как бойцу тебе вообще цены нет. Не зря мы тебя Пересветом прозвали. Но ты как был люберецкий качок, так им и остался, казак лихой. Помнишь, фильм такой крутили, «Кубанские казаки»?

Герман не стал перебивать Хавтана, поняв, что тот, заважничав как индюк, уже клюнул на дешевую приманку и сейчас сболтнет что-нибудь важное, поэтому лишь покорно кивнул, что явно понравилось Леониду Андреевичу, который в том же резонерском тоне продолжал:

— Нам, дорогой Герман, не всякий следак нужен, а именно Самойлов. А что продажных тварей на всех этажах власти хоть пруд пруди, мы знаем, у них на морде ясно написано: купи меня! купи меня! Ох, как нужен нам этот Самойлов, если бы ты знал, Герочка! Ты уж постарайся, в обиде не будешь, да и я век тебе буду обязан...

И опять Герман, словно поуменившись в росте и габаритах рядом с щедушным Хавтаном, закинул ловко еще одну приманку:

— Да разве я, Хавтан, не стараюсь?! Видишь, все эти дни к тебе в ресторан не ходил, считай, на недели человеческой жизни себя лишил, все ловил, как бы случайно, следака этого. А если лично у тебя хреново, и от него твои дела зависят — только скажи прямо: я его завало. Бог с ней, с работой, друзья дороже...

Этим он так растрогал Хавтана, что тот налил еще по полному фужеру водочки, каждому своей, хотя до того уже объявил, что на сегодня достаточно. Подняв за тонкую ножку искрящийся гранями хрустальный французский бокал, проникновенно сказал:

— Спасибо, Гера, спасибо! Я ведь знал, что могу рассчитывать только на тебя, на своего, люберецкого. Но дело, братан, слава богу, не во мне. Это просьба моих друзей, с которыми я играю по-крупному. Уломаем твоего Самойлова — заживем!

— Да что может сделать эта конторская крыса для такого богатого человека, как ты, и твоих друзей из Барвихи? — уже откровенно подсекал Самурай заглотившего приманку Хавтана.

— Может, дорогой, может, в него все и уперлось. У Самойлова должны быть кое-какие бумаги Шкабары, он мог их у него дома найти, а скорее всего, в офисе — у того ведь фирма была на Новослободской. В бумагах этих секрет больших денег зарыт. Шкабара уже месяца за три до ареста регулярно на Запад крупные суммы переводил на номерные счета. Если бумаги даже не попали к Самойлову, то Шкабара мог поведать об этой тайне лично, на допросах, в обмен на жизнь или организацию побега, ему терять было нечего, а суммы-то гигантские.

Герман, делавший вид, что весь внимание, вдруг простецки присвистнул.

— Если разговор идет о больших бабках и номерных счетах, может быть, наш Самойлов и не в Новокузнецк улетел, а напрямик в швейцарский банк махнул? Зачем же ему пыхтеть тут сутками за сотню баксов? — огорчил он хозяина ресторана.

Хавтан, которому, видно, понравилась роль мэтра-наставника, и на этот раз свысока поучил-пожурил несмышлениша Кольцова:

— Нет, Герман, ни в какую Швейцарию Самойлов не полетел, потому что у него в руках не вся тайна, а только часть ее. А то, что он пребывает в Новокузнецке, это даже хорошо — значит, или бумаги у него, или он знает о них от самого Шкабары. На родине Шкабары Самойлов ищет следы бухгалтера банды по кличке Гном, он давно в розыске из-за одной крупной аферы, которую провернул в Новокузнецке.

Но Кольцов, упрямо продолжая играть роль настырного дебила, долдонил свое:

— А что ж тогда ты с дружками прежде времени нацелился на миллионы? Кажется, ты нас еще до армии учил не делить шкуру неубитого медведя. Как я понял, чтобы до тайных счетов добраться, надо этого мужика — Горбатого, что ли, еще найти. А он, видно, парень не простой, если за прежние дела в бегах числится.

— Молодец, Гера,— похвалил Хавтан.— На ходу подметки режешь, это мне нравится. Значит, тебе и дела, связанные с арифметикой, доверять можно — логически мыслить начал. Но слушать все-таки ты должен научиться внимательно. Не Горбатый, а Гном у него погоняло. А то будешь информацию на Горбатого собирать, а про Гнома мимо ушей пропустишь. Только учти, сегодня на Гнома ничего выискивать не надо, он у нас, и его надежно охраняют. Потому на меня и давят, скорее да скорее, что у нас в руках половина тайны. А менты, конечно, своих повсюду подняли — ищут Гнома, понимают, о чем идет речь.

— В жизни бы не допер, что такие шальные деньги рядом крутятся,— снаивничал Самурай, наполняя бокал.— Жаль, Гном не тебе лично принадлежит, а то и я бы на свою долю мог претендовать в случае удачи,— закинул в последний раз удочку Герман, прощупывая, знает ли Хавтан, где прячут бухгалтера.

На сегодня информации было достаточно, он и так вызнал гораздо больше, чем рассчитывал. Теперь главное — не торопиться по-глупому, необходимо все хорошо продумать, до мелочей, включая и билеты на самолет в Цюрих или Берн, где в основном лежат вклады Шкабары, и уж тогда нанести последний удар, может, даже смертельный, чтобы заполучить бухгалтера. Ведь Гном, если ему посулить свободу и жизнь (да и денег из своих сбережений тысяч сто-двести Герман не пожалел бы), наверняка раскрыл бы все бухгалтерские тайны Шкабары.

Очевидно, Кольцов, сам того не ведая, наступил Хавтану на большую мозоль. Тот аж переменялся в лице и, склонившись к Герману, зло и жестко сказал:

— Ты как в воду глядел... Но это ничего, что не мне лично Гном принадлежит, ведь он содержится на моей территории, и мои люди его охраняют. Ты только подбери ключи к Самойлову или вы-знай у него про бумаги — у нас с поделщиками другой разговор будет и другая доля, как ты правильно заметил. Ты, Гера, сегодня фаворит, ты идешь паровозом, первым номером, только на тебя надежда... Жалко такие деньги мимо рта пронести...

В оставшуюся часть вечера больше ни о Гноме, ни о швейцарских деньгах они не упоминали. Самурай намеренно увел разговор в давние бластные дни, когда молодой да удалой Хавтан козырял красивой наколкой «Соня» на левом предплечье и очень гордился первой ходкой в зону, где своего достоинства не уронил, — вечно дорогая тема для души обогатившегося Хавтана. Все, что надо, и даже больше того Кольцов уже знал и боялся случайно перегнуть палку, насторожить Хавтана своей настырной заинтересованностью.

Последние два дня до очередного дежурства Кольцов не находил себе места — мечта маячила где-то рядом, за углом, только надо было наверняка знать, где этот угол и как к нему пройти. Радовало и то, что Хавтан был явно недоволен той частью, которая будет причитаться ему при окончательном дележе. Его, Кольцова, никто, конечно, в расчет не брал, видимо, кинут кость тысяч в десять — двадцать, и будь добр, не кашляй, жди очередной подачи. Нет, Герману надоело быть исполнителем чьей-то воли, чьих-то хитрых замыслов, теперь он сам хотел быть хозяином и делить прибыль. Оставалось самое малое — определить, что же делать. Можно было выследить Хавтана или его ребят, когда они навешиваются к Гному, того ведь поить, кормить надо, да и охранников его тоже. А потом выбрать момент и выкрасть бухгалтера — дело нехитрое. Ребят у него достаточно, территория Хавтана известна, и трех дней между дежурствами для этого вполне хватит. Но это, так сказать, вариант на крайний случай, потому что кровью пахнет. Тут без пальбы, хотя бы односторонней, не обойтись, всех своих ребят придется к делу подключить да еще объяснять, зачем и почему, а кроме всего прочего — с ними надо делиться.

Был и второй вариант, более спокойный, но не совсем надежный: можно попытаться уговорить Хавтана войти с ним в долю и за-получить Гнома без риска и крови. Но тут крылась большая опасность — непредсказуемость Хавтана: скажет добро, а сам потом кинет, как последнего лоха, или уберет с друзьями — ему свидетели не нужны. Вот из этих двух вариантов, со всеми их плюсами и ми-

нусами, нужно было выбрать самый надежный и верный. Горячку пороть не стоит, тем более, что Самурай был уже у самой цели.

Но вмешались обстоятельства, которые никак не брали в расчет ни Самурай, ни Хавтан, не зря же говорится: человек предполагает, а бог располагает. В очередное дежурство при задержании банды, доставлявшей в Москву партию оружия и патронов из Прибалтики, из бездонных складов бывшей Советской армии, Кольцов был ранен. Не тяжело, но потребовалась госпитализация в госпитале имени Бурденко.

Только в палате, где Кольцов лежал один, он впервые осознал, каким опасным делом занят. Действительно, это не у воров или бандитов, а у него, выходит, жизнь — копейка, те могут позволить себе не рисковать раз в три дня... Сегодня избежать пули на его работе практически невозможно, ведь стреляют, не задумываясь, и стар и млад, оружия на руках — море. Каждое следующее дежурство могло стать для них последним, потому и стали уходить от него люди — умирать непонятно за что не хотелось никому. И в эти трезвые минуты прозрения Кольцов дал себе твердое слово: после выписки из больницы возьмет отпуск без содержания и вплотную займется Гномом, а значит, надо быть готовым рвануть за кордон в любой момент. Он больше не хотел подставлять свою широкую грудь под бандитские пули.

Единственным утешением в эти дни стало примирение с женой, которая прибежала в госпиталь ночью, как только узнала, что Герман ранен и попал в больницу. Ради этого, если бы знать раньше, может, сам полез бы под пули. Женщин понять и легко, и невозможно — где-то он вычитал такое изречение, но только теперь осознал эту путаную мысль.

Однако в радостном настроении ему пришлось пребывать недолго — на четвертый день к вечеру в палате появился Хавтан. Весь его вид говорил о том, что случилась беда, таким растерянным старого люберецкого друга Самурай не видел никогда. Хавтан поставил на прикроватную тумбочку два больших пакета с гостинцами, потом вернулся к двери, выглянул в коридор и, поплотнее прикрыв ее, сказал подавленно:

— У меня крупные осложнения с братвой, и тебя, как назло, угрозило...

— Что случилось? — еще не чувствуя, что происшедшее относится и к нему, спросил Кольцов.

— Гнома выкрали,— выдавил из себя хозяин ресторана, тяжело опускаясь на стул около кровати.

— Как выкрали? Кто выкрал? — Самурай резко оторвался от постели, чего ему делать было нельзя, но сейчас он даже не среагировал на полоснувшую ножом боль в груди.

— Знал бы прикуп, жил бы в Сочи,— попытался жалко отшутиться никогда прежде не унывавший, а теперь потухший Хавтан.— Знаю только, что кто-то очень крутой, для него жизнь человеческая и копейки не стоит. Пришмолял двоих охранников и еще одного парня, который еду доставлял из моего ресторана. Еще у них там девка была, совсем молоденькая, может, даже еще школьница,— они ее как раз трахали по очереди. Конечно, и проститутка, и тот, что жратву носил, не входили в планы этой сволочи, но он не мог оставлять свидетелей. Всех расстрелял, да и то сказать — и оружие хорошее имел, которое тут же, на месте, и оставил, немецкий «люгер». Представляешь картину: лежат вповал баба голая и три мужика без штанов вокруг, а Гнома и след простыл... Если бы Шаман с Дантесом не вступились за меня, наверное, мне и самому бы хана пришла...

Кольцов безнадежно молчал, и Хавтан не осмелился его потревожить, решив, что чудом избежавший смерти Герман поражен безжалостностью киллера, недрогнувшей рукой отправившего на тот свет четырех молодых людей. Но Самурай думал вовсе не о жертвах и даже не о Хавтане, которому теперь тоже придется несладко, он понял, что мечта о вилле на берегу моря, о прогулках по Парижу или Риму так навсегда и останется несбывшейся мечтой. Уяснив это, Кольцов даже застонал, теперь он корил себя за то, что в тот вечер в «Золотом петушке» не сказал Хавтану прямо — отдай Гнома!

Хавтан поднялся со стула, намереваясь, видно, уходить, но потом, словно утопающий, который хватается за соломинку, спросил:

— Ты, случаем, никому после той встречи не говорил, что бухгалтер Шкабары у меня? Что-то на свою беду я расхвастался в тот вечер...

— Не держи глупости в голове,— угрюмо бросил Самурай, ощущая, как все сильнее разгорается боль в груди.— Ищи в другом месте, я никому не говорил. Зачем мне поперек своего интереса идти?

— И то верно...— И Хавтан, не попросившись, двинулся к выходу.

Когда дверь за ним закрылась, из груди Самурая невольное вырвался дикий крик, похожий на вопль раненого животного.

Так обычно кричат в истерике и горе люди, когда теряют самых близких и родных. Он понял, что сегодня умерла его мечта, такая близкая к осуществлению надежда... Понял и заплакал... Заплакал впервые с тех пор, как стал взрослым.

ГЛАВА 10. САКВОЯЖ АЛИ-БАБЫ

Карлен Татлян постепенно обживался в Москве, привыкая к ее сумасшедшему ритму, непредсказуемости, соседству высокого и низкого, кричащей роскоши и убогой нищеты, падениям и невероятным взлетам людей, еще вчера проживавших в коммунальных хрущобах и существовавших впроголодь от зарплаты до зарплаты. Американская легенда, американская мечта, американская сказка о том, как старательный и пробивной мальчик, чистивший ботинки у входа в богатые отели, долгим и упорным трудом к старости стал миллионером, владельцем заводов, пароходов и акций, тут могла вызвать лишь жалость к мальчику, потратившему жизнь ради каких-то миллионов. Американский миф в России тускнел, не вызывал жажды подражания. Карлену было даже жаль американцев, ведь тот мальчик был символом США, образцом стопроцентного янки.

В Москве Карлен впервые усомнился в американских ценностях. Тут, в России, в столице, все вершилось с русским размахом, здесь молодые и красивые, полные всех земных желаний становились богатыми, по американским меркам, в одну ночь, с одной операции, ну, в худшем случае — за месяц-два. И Карлен видел это собственными глазами. Он попал в Россию в интереснейшее время, когда потоком хлынули новые издания — газеты и журналы, как грибы после дождя, появлялись новые эстрадные коллективы, оркестры и балетные труппы, да и звезды европейского или мирового уровня, почуяв ре-

альные перемены в России, стремились в Москву, ибо по-настоящему жизнь бурлила только в столице. Карлен и этому нашел объяснение: в какой-то газете он вычитал поразившую его цифру — восемьдесят пять процентов российских капиталов крутится в Первопрестольной.

И как же не верить в российские перемены, не восторгаться ими, если за год с небольшим пребывания в Москве его родственники Казаряны, проживавшие до того в Чертаново, в трехкомнатной малогабаритной квартире-хрущобе, переехали в центр, на улицу Ямского Поля, в пяти минутах хода от Тверской, неподалеку от знаменитой клиники Бурденко, причем заняли весь этаж, самый дорогой, с пентхаусом, ставшим столь модным в последнее время в столице. Казаряны приобрели две большие квартиры на двенадцатом этаже: в одной, шестикомнатной, с двумя ваннами, двумя туалетами, разместилась вся семья дяди и тети Карлена, а в четырехкомнатной поселился один Ашот, владелец фирмы «Арарат». Такой головокружительный рывок клану Казарянов позволил сделать бурный всплеск частного бизнеса, в том числе и торговли с Америкой.

В квартире Ашота одна просторная комната была выделена Карлену, и Татлян без долгих уговоров переехал к родственникам. Теперь квартирные, что он получал от газеты «Лос-Анджелес таймс», репортер светской хроники мог потратить с большим удовольствием. Да и тут, в армянской среде, — а дом на три четверти состоял из армян, — ему было куда легче затеряться. А догляд за ним, как он предполагал, рано или поздно все равно обнаружится. Русская разведка и контрразведка после нокаутирующих ударов реформаторов медленно, но верно приходила в себя, пытаясь вновь занять в государстве подобающее ей место. Пока Карлен Татлян, имевший в ЦРУ кличку Норман, хвоста за собой не чуял, однако на всякий случай поберегся — переезд к Ашоту и был одной из таких мер.

Конечно, Карлен Татлян запрограммировал свою жизнь на успех, на ошеломительную карьеру, но то, что он увидел вокруг себя в Москве, внесло сумятицу в его планы, в жизненные ориентиры. Здесь проблемы, даже глобальные, старались решить одним махом — такого ни в Америке, ни в Европе он не встречал, да, пожалуй, и не слышал о таком, хотя случайный успех выпал кому-нибудь и там, но на Западе ни один серьезный человек не ориентируется только на везение или удачу. Сквозь зыбкое море успеха видится все тот же трудолюбивый и упорный мальчик, начинавший свой путь чистильщиком обуви.

В «армянском» доме на Ямском Поле, как быстро окрестили краснокирпичный особняк острые на язык москвичи, на четвертом этаже занимали три квартиры и те ереванские бандиты, с которыми Карлен случайно познакомился в ночном клубе «Метелица». Позже он подружится с этими гангстерами, они и пригласили его впервые в Москве в ночное казино «Трефовый туз», в тот день, когда игорное заведение потерпело крах. Тогда он чуть-чуть не вышел на интересовавшую его тайну, но не повезло: Татлян был уверен, что в казино «Трефовый туз» отыскал бы след фальшивых долларов, именно ради этого он и прибыл в Россию под крышей «Лос-Анджелес таймс». Но, как говорят русские, нет худа без добра: в казино он встретил щеголя под кличкой Картье. Интуиция подсказывала Карлену: каким-то образом этот тип мог иметь отношение к фальшивым долларам — иначе бы так щедро не сорил ими.

Особенно близко Карлен сошелся с двумя армянскими бандитами — Ваганом и Арменом. У первого была кличка Крис, у второго — Абрек, и хотя и тому, и другому тюрьмы пока удалось избежать, но в криминальных кругах Москвы оба пользовались большим авторитетом. Возможно, этому способствовали их бывшие успехи на европейских и мировых чемпионатах по вольной борьбе, а скорее всего то, что оба по какой-то ветви приходились дальними родственниками легендарному Рафику Сво, и тот успел лично ввести их в криминальный мир столицы.

Карлен, как и всякий американец, считавший себя знатоком престижных марок автомобилей, и тут получил в России удар по самолюбию, чем был уязвлен до глубины души. Однажды вечером он собирался в какой-то недавно открытый подвальный театр, где обещали премьеру пьесы абсурда. Выйдя из подъезда, Карлен увидел невероятно шикарную машину и рядом с ней — Армена-Абрека. Как кавказец, а теперь еще и как американец, Карлен был неравнодушен к машинам, особенно к дорогим и престижным моделям. Вишнево-перламутровой окраски красавица, возле которой, рисуясь, стоял Армен, была как раз из этой, сводившей с ума породы.

Татляну всегда казалось, что стоит ему на мгновение взглянуть на машину, хотя бы издалека, и он тут же назовет ее модель, страну-изготовителя, основные достоинства. Конечно, он допускал мысль, что может ошибиться в модификации — из-за жесточайшей конкуренции автомобильные фирмы стали шевелиться проворнее, предлагая различные варианты хорошо прижившихся

на рынке машин. Японские лимузины, в какие бы одежды ни рядились — а уж их производители напропалую воровали линии дизайна и у европейцев, и у американцев, преломляя их так и сяк в своих невероятных чудо-компьютерах, чтобы не обвинили в плагиате, — он узнавал за версту. Точнее, чуял и откровенно не любил их, как и все остальное японское, — не было в их изделиях, чего ни коснись, души, от всего явно разило конвейером, научно-техническим прогрессом при полном отсутствии тепла человеческих рук. На свои, американские автомобили, Карлен тоже имел нюх, в них, как и в японских, чувствовалась запрограммированная стандартность, серийность, и они явно уступали европейским образцам в полете фантазии, изыске. Немцы, в последние годы вытеснившие новых соотечественников Карлена с автомобильного Олимпа, конечно, имели свое, немецкое, европейское лицо, потому что включали в понятие «стандарт» не только геометрию, но также и изящество, элегантность. Немецкие, наверное, не спутал бы с другими никто, особенно серии дорогих марок. На мировом рынке, как и на российском, появились и шведы, но «сааб» и «вольво» больше отличались надежностью и крепостью подвесок для русских дорог, чем привлекательностью и новизной формы, что в основном притягивает к себе внимание молодых бизнесменов.

Однако стоявшая поодаль от подъезда машина не была похожа ни на одну известную в мире модель, более того, Карлен не мог бы определить, откуда она родом, из какой страны, с какого континента, — и эта растерянность повергла его в настоящий шок.

Армен, заметивший его реакцию, молча наблюдал за спесивым американцем и радовался, что сумел утереть нос этому лос-анджелесскому всезнайке. Карлен медленно приближался к улыбавшемуся Армену, пытаясь все-таки угадать с ходу модель, но, сколько не перебирал в памяти, ни одна фирма и приблизительно не тянула на эту роскошную, удивительно красивую по пропорциям, изгибам линий машину. Он, кажется, перебрал всех, остались только итальянцы, непревзойденные дизайнеры в одежде, в обуви, да и в машинах тоже, — чего стоят одни «мазерати», «феррари», «ламборджини», — но что-то внутри подсказывало: нет, это не итальянцы. Конечно, шевельнулась крамольная мысль: может, Южная Корея? Те тоже изо всех сил рвутся на мировой рынок, предлагая немислимые по внешнему виду модели, так же беззастенчиво, как и японцы, воруя все накопленное за десятилетия в Европе и Америке. Но эта красавица

была точно европейского происхождения! Карлен мог поклясться чем угодно, и это единственное, в чем он не ошибся.

— Ну что, американец, не видел еще таких машин? — поняв его смятение, спросил насмешливо Армен.

— Похоже, новейшая модель «мазерати»,— попытался спасти репутацию автомобильного знатока Карлен.

— Не угадал! И не угадаешь... Не старайся...— подзадорил его улыбающийся владелец машины, прикрывая собой название фирмы на переднем крыле.

— Так не бывает. Заводы, выпускающие машины такого уровня, в одну ночь не продаются, это очень долгий путь,— резонно отвечал Татлян. Но даже оказавшись вблизи, не мог понять, чья эта машина, к какому классу относится. Хотя это, скорее всего, эксклюзивная модель, выполненная по индивидуальному заказу. Карлен открыто признал свое поражение, подняв руки: — Сдаюсь!

— А машинка-то фирмы «Кара-Дюшатель»,— ответил, торжествуя победу, Армен.

Но тут взорвался Карлен: нет в природе такой автомобильной фирмы. Она могла бы появиться только в одном случае, если бы перекупила «Крайслер», «Пежо», «БМВ», «Роллс-Ройс», но тогда бы об этом узнал весь мир.

— Я что, это сам наклепал? — Армен обиженно отошел от автомобиля и показал рукой на изящную вязь названия, сделанную тяжелым черненым серебром под старину: «Кара-Дюшатель».

Настал черед удивляться Татляну, но Армен, перехватив инициативу, легко распахнул дверцу лимузина, откуда приятно пахло дорогой, хорошо выделанной кожей, и показал жестом на панель приборов из тщательно отполированного красного дерева, где было вытеснено все той же витиеватой вязью, но уже белым и розовым восемнадцатикаратным золотом, неизвестное Карлену название: «Кара-Дюшатель».

— Ничего не понимаю...— еще больше смутился Татлян.— Нет такой автомобильной фирмы, я ведь про машины все знаю...— Он еще продолжал настаивать, но уже не так агрессивно.

— Как же нет, если я сам с Крисом летал в Брюссель, на завод, договориться о внутренней отделке, а неделю назад получил и сам пригнал ее через всю Европу.

— В Бельгии вообще нет серьезной автомобильной промышленности, есть только сборочные заводы. Собирают на них машины среднего класса да еще автобусы.— Тут Татлян чуть с досады не ляп-

нул, что в высшей школе разведки ЦРУ они всерьез изучали европейские страны, но вовремя прикусил язык.

Абрек совсем не собирался осложнять отношения с Карленом. Парень тот был свойский, неглупый, его советы — особенно по западной жизни, бизнесу, что купить, что продать, — были важны, но и охладить его не мешало, раз представился удобный случай, чтобы не заносился очень, считая себя знатоком всего и вся. За годы жизни в Москве и тесного общения с иностранцами Абрек сделал для себя одно важное открытие: главная черта у них — беспредельная самоуверенность, переходящая порою в наглость. Таким несносным иногда бывал и их милейший друг Карлен. Но сегодня Армен решил остановиться и, резко сменив тон, любезно сказал:

— Дорогой Каро, ты, как всегда, прав. Нет в Бельгии серьезной автомобильной промышленности, не по зубам им производить такие лимузины. Но «Кара-Дюшатель» сделана именно в Брюсселе, а точнее — переделана, доведена до высочайшей кондиции. В мире нет фирмы, выпускающей более роскошные машины. Тачка делается на базе «Мерседес-600». Бельгийцы закупают их на основном заводе в Германии, берут остов и всю ходовую часть, но даже в эти элементы вносят существенные изменения. В Брюсселе рождается новая модель, теперь знакомая тебе «Кара-Дюшатель». «Мерседес» удлиняют на шестьдесят сантиметров, бронируют «от и до», включая днище, поэтому машине не страшны ни пулеметные очереди, ни автомат, ни гранаты, ни даже мина, подложенная на дороге или подвешенная снизу. Такого же качества стекла спереди и сзади, короче, это сверхскоростной танк. Броня тут особая, из космических материалов, причем эффект создается не из-за толщины металла, поэтому вряд ли кто по внешнему виду догадается, что машина не боится пуль. В ней есть свой компьютер, космическая связь и много чудес электроники будущего...

Абрек воодушевился, словно сам был конструктором этого лимузина:

— Но и это не все. Главное достоинство тачки — сверхкомфортность салона. Ты посмотри, в ней нет ни одной пластмассовой детали, все из редчайших и ценнейших пород дерева, слоновой кости, кости носорога и особо выделанных кож, где крокодиловая и змеиная — не самые дорогие. Завод переделывает не более сотни «мерседесов», очередь — на годы вперед. Основные закупщики — арабские шейхи и «новые русские», твоих земляков американцев я в списке не видел, потому тебе и не знакома эта марка, — все-таки

не удержался, съязвил в конце Армен.— И последнее, обрати внимание на окраску — она хамелеон, постоянно меняет цвет — в зависимости от ракурса и освещения имеет пять оттенков, хорошо сбивать с толку ГАИ и выигрывать пари.

— Наверное, она стоит трех-четырех «роллс-ройсов»? — уважительно спросил Карлен, как и любой американец, с почтением относившийся ко всему дорогому.

— Обижаешь, дорогой Каро,— покачал головой Армен.— Бери выше — семь-восемь «роллс-ройсов»! Броня из космических материалов, а над оформлением салона работают лучшие ювелирные дома Европы...

— Поздравляю, Армен. Действительно, классная машина. Наверное, ваш лимузин наделал шороху в Москве?

— Спрашиваешь! — Улыбка Армена была едва ли не шире его лимузина.— Садись, подвезу куда тебе надо. Если на свидание — можешь сказать своей пассии, что я твой шофер, подыграю, будь спокоен. Мы с Ваганом так постоянно поступаем, эффект потрясающий, девушки млеют от восторга.— И оба, рассмеявшись, уселись в роскошную машину и покатали в театр.

С тех пор на все важные мероприятия и тусовки репортер светской хроники из «Лос-Анджелес таймс» приезжал на «Кара-Дюшатель», и это, конечно, производило на московскую богему и отирающуюся возле нее «золотую молодежь» огромное впечатление, особенно когда артистичный Абрек, специально прикупивший для таких случаев белые лайковые перчатки, манерно открывал для Карлена дверцу,— в общем, молодые люди развлекались.

Но это была, так сказать, внешняя сторона жизни Нормана, прикрытие, и он старался обставить ее широко, с американско-армянским размахом — броско, шумно, ярко, скандально, так учили его в Иллинойсе, в разведшколе.

Нельзя сказать, чтобы Карлен был совсем равнодушен к результатам своей репортерской работы, напротив, он внимательно следил за своими публикациями в родной газете, радовался, когда московские еженедельники перепечатывали его театральные обозрения, репортажи, зарисовки с выставок и вернисажей. Возможно, это было связано с тем, что прессу в России, видимо, по инерции с прошлых времен, воспринимали чересчур всерьез. Тут до сих пор в спорах ссылались на рецензии, рейтинги, и Карлен быстро понял, что определенным образом влияет на культурный процесс в Москве.

Он видел, как люди искусства, молодые и известные, откровенно искали встреч с ним, были признательны, если он даже мимоходом упоминал их работы в своих репортажах.

Представилась возможность наработать себе имя как специалисту по русской культуре, а это во все времена дорогого стоило.

На Западе высоко ценится жанр интервью со звездами искусства. Там, чтобы подготовить такой материал, газете надо солидно раскошелиться, да придется побегать за звездой не одну неделю, а потом, если интервью состоялось, еще десятки раз согласовывать каждую реплику, каждое слово. В Москве подобных проблем со звездами русского искусства у Татляна просто не было, и он старался сделать как можно больше репортажей, чтобы показать хозяевам газеты, да и всем своим читателям, что повсюду вхож и со всеми на короткой ноге. Впрочем, Карлен не слишком-то и привирал: здесь, в России, люди с мировым именем млели от одного предложения дать интервью для влиятельной американской газеты «Лос-Анджелес таймс» — к этому он никак не мог привыкнуть, но, понятно, виду не подавал.

Но какую бы активность Карлен-Норман ни развивал в своей журналистской жизни, он не забывал главного задания, того, ради чего его послали в Россию. Татлян прекрасно понимал, что его настоящие хозяева из ЦРУ плевать хотели на любые его сногсшибательные репортажи о духовной жизни в обновленной евроазиатской стране. Для них было главное, чтобы он искал и нашел фальшивомонетчиков, которых, оказывается, на воровском жаргоне тут называют «граверами», а иначе его немедленно отозвали бы назад, поставив крест на будущей карьере. А Карлен Татлян гордился тем, что новая родина доверила ему столь ответственное задание.

Попытался Норман прощупать следы фальшивых долларов через банки, но быстро понял, что там подобного учета не ведут, а если в банк и попадет какая-нибудь партия подделок, то там вряд ли станут поднимать шум. Скорее всего, при случае сбегрят их кому-нибудь другому или же реализуют через сеть меняльных контор, где доллары покупают провинциалы или челноки из ближнего зарубежья. Так что на государственные службы Карлен рассчитывать не мог. Оставалось уповать, как и принято в России, на удачу, на случай. Но, зная стиль работы своего ведомства, где все строится на анализе и расчете, прогнозе и научной гипотезе, Норман, конечно, не мог признать, что ищет наобум, методом тыка и надеется на «авось».

Все разведки мира одинаковы, там служба оценивается по конечному результату, а приближение к результату порой растягивается на годы, десятилетия, зато промежуточная деятельность итожится по бумагам: отчетам, рапортам, планам — тут ЦРУ, ФБР, КГБ, ФСК вполне можно сравнить с любой бюрократической конторой, изводящей горы бумаги, чтобы показать свою нужность. Точно так же толлок в ступе воду и Карлен-Норман: слал запросы, докладывал о планах и перспективах, просил уточнить данные на интересующих его людей, проконтролировать лиц, выезжающих на Запад по делам, благо ныне люди тысячами летают и в Европу, и в Америку, и среди них подозрительно ведущих себя тоже было с избытком.

Но Норман требовал и получал из центра крайне необходимую для его поисков информацию. На месте, в Москве, сориентировавшись, он понял: чтобы нащупать след фальшивомонетчиков, надо иметь всегда под рукой свежайшие сведения о подделках, выплывавших в любой части света. Карлен считал, что любой центр по выпуску фальшивых банкнотов постарается непременно реализовать их через Россию, через Москву. Ведь теперь весь мир знал, что в Белокаменной крутятся шальные миллиарды, триллионы и что на всем постсоветском пространстве предпочитают наличные доллары, не доверяя вороватым банкам, счетам или пластиковым карточкам.

Как эквивалент короткому и ясному на Западе слову «кэш», что значило «наличные», тут с перестройкой появилось новое слово — «нал». Россия была единственной страной в мире, где огромные наличные суммы не вызывали ни удивления, ни подозрения. За год жизни в Москве у Нормана сложилась внушительная картотека выявленных фальшивых долларов, и его молодая память, как считалочку, могла назвать наизусть номера и серии, изготовленные во Вьетнаме и Китае, Италии и Израиле, Колумбии и Венесуэле, Америке и Англии. Норман абсолютно точно знал, какой след обрубили навсегда, — это чаще всего случалось, когда работали одиночки, хотя иногда закрывали и целые подпольные валютные цеха.

Американцы прекрасно понимают, что значит доллар в их притязаниях на роль единственной мировой супердержавы и в их глобальной финансовой экспансии на все континенты, оттого постоянно по всему миру идет непрерывная жесточайшая борьба с фальшивомонетчиками, на это брошены лучшие силы и колоссальные средства. За многолетнюю историю борьбы с этим злом ЦРУ систематизировало основные технологии, применяемые в той или иной

стране. Скажем, долларам, изготовленным в Латинской Америке, свойственны одни погрешности, в Польше и Венгрии — уже другие, а в Ливане и Ливии — третьи, они имеют, если можно так выразиться, свой национальный колорит.

И эту тайную специфику фальшивых денег Карлен-Норман тоже знал отлично, пройдя основательную подготовку дома, в Иллинойсе. Правда, с развитием научно-технической мысли, с появлением цветной копировальной техники, компьютеров, высоких технологий в полиграфии «национальные» черты фальшивых банкнотов начали стираться и недостатки стали общими, международными, что очень сильно затрудняло борьбу с ними: банкноты утрачивали свою «географическую принадлежность», что раньше значительно облегчала поиск «граверов».

Имел Норман в своем досье данные и фотоснимки всех выдающихся фальшивомонетчиков, если же те находились в тюрьме, он точно знал срок освобождения, а с выходом на волю получал и последние их фотографии. «Граверы» — обычно народ немолодой, битый, и время, проведенное в заключении, сильно их меняет. Ни Карлен-Норман, ни его хозяева не исключали, что в связи с невероятно разросшейся мощью русской мафии боссы преступного мира Москвы, да и других крупных городов могут пригласить известных «специалистов» в этой области на российскую территорию. Тем более что здесь, на месте, и с реализацией полегче: через взятки государственным чиновникам, которые нынче меньше «лимона» не берут, можно раскидать значительную часть «продукции». Потому, бывая в казино или дорогих ресторанах, Карлен внимательно всматривался в людей, вокруг которых происходила суэта, возня, мельтешение лиц, персон с явно уголовным прошлым. И это не было умозрительной теорией — в некоторых странах благодаря хорошей агентурной сети охотников за фальшивомонетчиками так и выявлялись подпольные валютные цеха.

Правда, Карлену еще ни один «гравер» из картотеки на глаза не попался, а вот крупного наркодельца из Колумбии, за которым охотилось ЦРУ, он неожиданно встретил в Москве, в ресторане гостиницы «Националь». Об этом он тут же поставил в известность своих в посольстве США, позвонив прямо из холла гостиницы, потому что такие удачи крайне редки. Американцы молниеносно связались с ФСБ, и гонца колумбийской мафии, приехавшего наладить контакт с коллегами в России или уточнить русский коридор для наркотиков, взяли сразу же после ужина.

В картотеке Татляна имелись фотографии не только выдающихся аферистов, но и тех, кто был задержан с крупной суммой фальшивок. Эти люди тоже часто давали ориентиры прохождения подделок. В ЦРУ анализировалась вся мировая печать, где сообщались любые сведения или намеки о подделке американской валюты и даже просто о крупных наличных суммах, выплывших где-либо. И наиболее интересные, существенные из них он всегда получал на свой компьютер, — с просмотра этих новостей и начиналось каждое его утро.

Теоретически и информационно по проблеме подделок Карлен был подкован основательно, не было лишь пока фактических успехов. Правда, он нашел свою изюминку в поисках фальшивых денег. Перед отправкой в Москву Татлян обошел несколько специализированных магазинов, торгующих детекторами для проверки подлинности доллара, — а их в Америке великое множество, — и выбрал наиболее совершенный и удобный, чтобы всегда иметь его при себе. Если возникала необходимость или было предчувствие, что в той или иной компании можно выведать интересовавшие его секреты, он с улыбкой вынимал свой карманный детектор и предлагал собравшимся за столом проверить наличность. Ситуация такая могла возникнуть сама по себе, он мог и создать ее нарочито, например, попросив займы сто долларов и тут же демонстративно проверив их, чтобы завести разговор на нужную тему. А тема фальшивок для России была весьма актуальной, тут сомневались даже в купюре, полученной в банке.

Татлян был молод, честолюбив, хотел отличиться, чувствовал, что Москва наводнена фальшивыми долларами. Но удача не давалась ему в руки — он никак не мог ухватить кончик нити, чтобы распутать весь клубок. Энергии репортера светской хроники можно было позавидовать, он упорно, не отчаиваясь, шаг за шагом приближался к цели и зачастую проходил совсем рядом...

После того, как у его знакомых гангстеров, Вагана и Армена, появился роскошный лимузин «Кара-Дюшатель», Карлен еще ближе сошелся с ними, чаще бывал в их компании. В какой-то момент он даже решил, что самый краткий путь к фальшивым долларам в России все-таки пролегает через уголовный мир. Тем более что тут, в Москве, криминальной среды вроде как бы и не было в чистом виде, она тщательно рядилась в респектабельные одежды бизнесменов, предпринимателей, банкиров, и эта мимикрия была на руку Карлену-Норману. В случае какого-нибудь грандиозного скандала Татлян бы открестился от связи с преступным миром и, предьяв-

ляя визитки их владельцев, говорил бы: я знаю только этих людей, хотя он, конечно, догадывался, с кем имел дело.

За время проживания в Москве произошла метаморфоза и с самим Карленом — ему очень понравилась неожиданно сложившаяся его жизнь в столице. В Америке театральный и богемный мир, мир высокой культуры был закрыт для него по многим причинам, прежде всего финансовым. Там настоящая культура — достояние лишь богатых людей, и доморощенным российским либералам и демократам не стоило бы строить на этот счет иллюзий, обещая народу скорый расцвет искусства. Если капитализм в чисто американском виде воцарится в России, то народ навсегда будет лишен высокой культуры, ему останется лишь то, что сегодня мутным потоком течет с экранов телевизоров. А что касается высокой западноевропейской культуры — ведь Карлен до Москвы работал в известных столицах, да и ЦРУ обкатывало своих людей основательно, — там искусство существует не просто для богатых, оно вообще кастовое и на народ не ориентируется.

Что уж говорить о ночной жизни: казино, презентациях, приемах, ресторанах — это тоже в США проходило мимо Карлена, — он к ней и при большом желании не мог приобщиться. Да и качественно московская жизнь резко отличалась от западной. Тут все делалось с размахом, широтой, щедростью, с помпой, а там считают каждый цент, никаких экспромтов, фантазии, одним словом — постно... Да и не всякого репортера пригласят, система давно отлажена, случайный никуда не проникнет. Наверное, из-за внимания к своей скромной персоне Карлену и нравилась его жизнь в Москве, и он ни за что не променял бы сейчас русскую столицу ни на Париж, ни на Лондон, ни на Рим, ни на Женеву, даже если бы ему платили втрое больше. Теперь-то он понимал, почему Москва так манит богатых со всего света, и верил, что именно здесь со временем будет мировой центр культуры и бизнеса.

2

В том, что он вышел на верный путь в поиске фальшивых долларов, через своих друзей гангстеров, Татлян убедился ровно через две недели после того, как они на «Кара-Дюшатель» подъехали на премьеру пьесы абсурда. Эта постановка была единственной премьерой,

отчета о которой «Лос-Анджелес таймс» так и не получила: русский абсурд на сцене оказался Татляну не по плечу. В тот вечер, когда он наконец-то ухватил веревочку от клубка, ведущего к вожделенной тайне, Карлен в компании Криса и Абрека подъехал к Концертному залу имени Чайковского на площади Маяковского, чтобы завизировать статью о камерном оркестре Юрия Башмета, которую он написал по заказу одного чикагского музыкального журнала. Задержался Карлен там гораздо дольше, чем предполагал, и, выйдя на плохо освещенную Тверскую, не подозревал, что лимузин все еще дожидается его. Но машина стояла на месте, хотя парковка тут была запрещена, а из распахнутой задней двери раздавался веселый девичий смех.

— А вот и наш театральный обозреватель явился, с самим Башметом целый час общался... Каро его зовут, он американец,— друзья представили Татляна двум девушкам, скорее всего, студенткам-москвичкам.

— Они на Башмета на завтра билеты купили, мы их возле кассы подкараулили. Так что, пожалуйста, организуй подругам автограф мэтра. Девушки, оказывается, меломанки, обожают серьезную музыку,— поигрывая ключами от машины, заметил Армен.

— Может, тебе, Каро, следует взять у девушек интервью? Смори, какие красивые, умные... — вмешался в разговор Ваган.

— Он просто обязан это сделать! Мы тут ждем его больше часа, штраф гаишнику валютой заплатили, умираем с голоду, а он там о Малере, Шнитке и Губайдулиной рассуждает,— притворно возмущался Армен, заводя машину.

— Ох, какие высокие познания в музыке! Может, вы и Эдисона Денисова знаете? — иронично заметила одна из девушек.— Или лично знакомы?

— Мы все знаем,— кивнул Ваган.— А сейчас давайте заскочим в «Пекин», поужинаем. Это рядом, только развернуться надо. Заодно обмоем статью Карлена — это его первый заказ из серьезного музыкального журнала, и он очень волновался, подпишет Башмет статью или нет. По глазам вижу — угодил маэстро. Да и встречу с вами отметим...

Видимо, парни всерьез нацелились на этих девушек, да те и впрямь производили хорошее впечатление. Абрек всегда говорил в таких случаях: люблю домашних девочек, а это был как раз тот самый случай.

В «Пекин» они заявили в самый разгар вечера, в час, который любил чистодел Тоглар, когда при отсутствии собственного настро-

ения можно было зарядиться от царившего вокруг веселья. На входе швейцар попытался было задержать гостей до прихода метрдотеля, но Ваган коротко обрезал его, сказав: «Зарезервировано», — и, отодвинув плечом в сторону, широким жестом пригласил компанию в продымленный зал, хотя курение за столами строжайше запрещалось. В зале метрдотель уже спешил навстречу большой компании, узнав Крису и Абрека, завсегдатаев ресторана. Он провел их к столу во втором ряду от прохода, на котором действительно стояла табличка «Зарезервировано».

Когда они стали шумно рассаживаться, споря, кому куда разместиться, Карлен неожиданно заметил, как Крис и Абрек, суетившиеся возле девушек, вдруг как по команде застыли, ибо увидели впереди, через стол, большую компанию за богато накрытым столом с роскошными цветами. И на мгновение напрочь забыв про своих очаровательных спутниц, разом склонились в подобострастном поклоне, приветствуя каких-то важных знакомых. Карлен даже не представлял, что его самоуверенные, нагловатые друзья могли перед кем-то так низко гнуть спину и смотреть, даже издали, так заискивающе-лакейски. Казалось бы, те сидят рядом — что стоило подойти, поздороваться, обменяться любезностями, но чувствовалось, что ереванским гангстерам это не по рангу. Татлян сразу понял, что чисто случайно оказался рядом с очень высокими людьми криминального мира Москвы, и решил быть начеку. Разумеется, во что бы то ни стало надо их тайно заснять. Будет возможность подтвердить перед центром еще раз, что он тут не сидит сложа руки, а действует рядом с самыми главными авторитетами столицы.

Пока Армен изучал огромную карту вин в сафьяновом переплете, а Ваган знакомился с многостраничным и мудреным китайским меню, которое отнюдь не представлялось ему китайской грамотой, девушки отправились в дамскую комнату привести в порядок прически и вообще навести марафет. Воспользовавшись возникшей паузой, Карлен спросил Абрека:

— Это что за важные господа за соседним столом? Посмотри, как расстилаются перед ними хозяева «Пекина», метрдотель вообще от них не отходит, а официанты чуть ли не бригадой их обслуживают. Наверное, какие-нибудь знаменитости, а может, сенаторы, конгрессмены?

— Сенаторы? Конгрессмены? — усмехнулся Абрек, откладывая в сторону роскошную карту вин, чувствовалось, что выбор уже сде-

лан. Он задумчиво постучал пальцем по столу.— А, пожалуй, ты прав, дорогой Каро. Они и есть на сегодня реальные конгрессмены и сенаторы, а вовсе не те клоуны, что сидят в Госдуме и Совете Федерации, воображая из себя хозяев страны, гарантов порядка и Конституции. Впрочем, разве стал бы я раскланиваться так уважительно с теми марионетками из Кремля? За кого ты меня принимаешь?

— Тогда в чем дело? — сделал непонимающие глаза Карлен.

— А в том, друг мой, что через год с небольшим в России президентские выборы... Вот ты смотри и запоминай, скорее всего, кто-то из сидящих за тем столом, а, может, и не один из них, захочет вскарабкаться на самые высшие ступеньки власти в стране. А потом уже ее из рук не выпустит: власть — штука сладкая,— воодушевился Армен, и глаза его загорелись.

— Да, ты прав,— пришлось согласиться Карлену.— А люди, видно, интересные...

— Еще бы! — Армен входил в роль приближенного к сильным мира сего. Откинувшись на стуле, он принялся объяснять: — Вон тот, в сером костюме, будет выставлять свою кандидатуру точно. Деньги его уже не интересуют — наелся. Фамилии его не знаю, врать не стану, а кликуха — Шаман. Держит в руках тюменскую нефть, три-четыре крупных банка, две газеты и один телеканал. О недвижимости не говорю: заводы, трубопроводы, дворцы, пароходы, яхты, самолеты и т.д. и т.п. Рядом с ним — его друг, бывший соратник по камере, погоняло Дантес. Фамилия Лозовский, зовут Олег, сам из Днепропетровска, занимает в «Метрополе» целый этаж. В свободное время Дантес не прочь в картишки сыграть по-крупному. А рядом с ним, слева, вон тот вальяжный, в светлой тройке,— знаменитый Алик Тайванец, выдающийся катала. Говорят, с тех пор как открыли границы, он часто играет на крупных мировых курортах в паре с легендарным московским каталой Городецким, ходячей энциклопедией криминальной жизни России. Аргентинца, такая кликуха у Городецкого, ты видел не раз в закрытых катранах, куда мы с тобой заходили, он всегда в белом смокинге щеголяет. Так вот, там, где они «катают» вдвоем с Тайванцем, ставки на миллионы, на виллы и дворцы, прииски и заводы. Слышал, что они недавно в ЮАР две шахты «выкатали», не знают, кому продать, у тебя нет в Штатах клиента? Короче, наводят на Западе шорох, высоко держат знамя российских катал,— рассмеялся Абрек.— А тот, что подливает Тайванцу в бокал его любимое французское шампанское «Тайттингер», наш хороший знакомый,

владелец ресторана «Золотой петушок», кликуха Хавтан, классный мужик, живет по понятиям. Мы обязательно с Крисом должны сводить тебя к нему в гости. У него в Москве лучшая русская кухня, а шеф-повар Петрович — просто волшебник, маг и чародей. А вот главного на этой пирушке я не знаю.

— Почему ты решил, что он главный? — не удержался Карлен, искоса разглядывая людей за соседним столом.

— Тут и решать нечего. Погляди, Шаман и Дантес оказывают ему всяческое внимание, это за версту видно. Я имею в виду того худошавого господина во главе стола, в твидовой тройке и роскошных очках в золотой оправе. Говорят, этот субчик купил разорившееся казино «Трефовый туз», шикарно переделал его, но название менять не стал. А еще он приобрел на аукционе фирмы «Гелос» знаменитую картину Ивана Пуни «Трефовый туз», написанную в начале века, и повесил ее в главном зале, над английским камином.

— Эстет какой... — усмехнулся Карлен.

— Вряд ли. Просто эстету Шаман с Дантесом почести оказывать не станут. Я же отсюда вижу, как они его ублажают... Нет, это человек высокого полета, — убежденно сказал Армен и тут же расцвел широкой улыбкой, потеряв интерес и к «сенаторам» с «конгрессменами», и к Карлену, — к столу подходили явно похорошевшие за несколько минут отсутствия девушки.

Стол к возвращению девушек уже был накрыт, и веселье закипело с первых тостов. Что-что, а гулять кавказцы умеют, тем более в компании очаровательных женщин. По аппетиту друзей Карлен понял, что они действительно проголодались, да и кухня в «Пекине» была отличной, если, конечно, разбираться в ней. Оркестр играл почти без перерыва, видимо, заказы сыпались один за другим. Когда приятели с девушками уходили танцевать, Карлен, несколько раз проходя мимо стола с «сенаторами» и «конгрессменами» в курительную комнату, успел заснять всю компанию с разных точек, чтобы получилось наверняка. Фотографии будущих владык России в криминальном окружении когда-нибудь могли принести солидные дивиденды или... стоить жизни.

От выпавшей в тот вечер удачи Татлян был не менее счастлив, чем его друзья-гангстеры, — он уже выстроил в уме план дальнейших действий. Но вдруг, когда компания в очередной раз отплясывала нечто цыганско-кавказское в центре зала, а сам Карлен лениво ковылялся в грибах сян-гу, запивая их прекрасным бургундским вином,

так понравившимся девушкам, удача улыбнулась репортеру светской хроники еще раз. К соседнему столу уверенным шагом приближался... Картье! Чувствовалось, что завсегда́тай значных мест зашел сюда не случайно, то ли опоздал на прием, то ли вызвали его в ходе застолья: телефоны спутниковой связи лежали у каждого рядом со столовыми приборами — привычная деталь новейшего времени.

Карлен, обладавший орлиным зрением, увидел, что за столом заметили приближение запоздавшего гостя, и все приветливо заулыбались, а Дантес даже привстал, чтобы выйти навстречу. Но тут господин в твидовой тройке, вокруг которого сегодня все и крутилось, тоже с улыбкой привстал с места, и гость, подойдя к нему первому, обнялся с ним, а уж потом с остальными поздоровался за руку. Место ему определили рядом с поджарым господином в очках с золотой оправой. Глядя на компанию, весело внимавшую тосту нового гостя, Карлен уже точно знал, что в самое ближайшее время надо поставить на прослушивание телефоны Картье, всезнающего Аргентинца и Хавтана. Рано или поздно это поможет выйти на след фальшивых долларов, печатающихся в России.

С тех пор, как Карлен переехал в новый дом на улице Ямского Поля, в его распоряжении почти всегда была личная автомашина. То Ашот оставлял ему ключи от «мерседеса», уезжая по делам своей фирмы, то Армен с Ваганом — те тоже частенько покидали Москву, и если Ашот больше мотался по России и странам СНГ, то парни с четвертого этажа путешествовали по миру, чаще всего разыскивая по заказу должников, укрывшихся за границей. Дело это им нравилось, потому что охота всегда велась за большими деньгами. Когда Абрек с Крисом в первый раз оставили ему «Кара-Дюшатель», Карлен опешил: такую машину он не доверил бы даже брату родному, в нем уже прочно сидел стопроцентный янки. Там, в Штатах, в двухсотмиллионной Америке, не нашлось бы ни одного человека, который одолжил бы такую дорогую машину приятелю или соседу, — Карлен мог побиться о любой заклад. Армен, заметивший его растерянность, весело сказал:

— Пользуйся, дорогой Каро, мы же не в Америке. Ты наш друг, товарищ, катайся, радуйся. Мы же видим, как она тебе нравится. Разобьешь — тоже не беда. Вещь для человека, а не человек для вещи, как говорят у нас в Армении, не забыл еще? Жизнь так коротка, а деньги при нашем образе жизни ничего не значат. Сегодня нет — завтра будут, не будут — отнимем. Опиши это где-нибудь у себя в репортаже,

хотя тебя там вряд ли поймут: что скифу — стремя, то гунну — седло,— не преминул лишний раз козырнуть своей начитанностью Абрек.

В общем, в Москве Карлен Татлян вел вполне светскую жизнь. Он даже иногда со страхом думал: «Откопай я в России какой-нибудь подпольный центр по печатанию долларов, и завтра же меня перекинут на очередной неблагополучный участок работы, скажем, в Польшу или Венгрию, или того хуже — в Ливан или Латинскую Америку. Ну, кинут за успехи какое-нибудь вознаграждение, которое едва ли превысит пять тысяч». Только в Москве Карлен понял, что ни пять тысяч, ни десять, да и тридцать — не деньги, а так... пыль, на карманные расходы. Может, они в Америке деньги, потому что там любой и каждый экономит по центам. Оттого служба в ЦРУ, которой он еще год назад так гордился, стала терять в его глазах привлекательность. Вот провернуть бы удачное дельце, как его двоюродный брат Ашот Казарян, чтобы сразу купить весь этаж с пентхаусом в роскошном доме престижного района и «мерседес» последней модели, да и в тратах себя не стеснять — нет, в Америке такое могли себе позволить только очень богатые люди. Об этом пока можно было только мечтать...

3

Как-то Крис с Абреком совершенно неожиданно, среди недели, сорвались в Лондон. Неожиданно, потому что у них с Карленом были иные планы: собирались в четверг пораньше на «Кара-Дюшатель» отправиться в Санкт-Петербург, где Татлян никогда не бывал, а друзей-гангстеров ждали какие-то финансовые дела. Надо было получить расчет по старым счетам — дела у их должника, оказывается, круто пошли в гору. В общем, собирались покутить в Северной Пальмире основательно, а заодно показать заповедные уголки американцу, наслышанному о великолепии города на Неве.

Утром, когда Карлен спустился на четвертый этаж, он застал друзей, лихорадочно собирающихся в дальнюю дорогу.

— А, Каро, доброе утро,— кивнул Армен.— Хорошо, что зашел, отвезешь нас в аэропорт. В Англию вылетаем на несколько дней, срочное дело. Пожалуйста, свари кофе, это у тебя хорошо получается, особенно по итальянскому рецепту.

Карлен прошел на кухню, где увидел не убранный после вчерашнего кутежа стол. Судя по горе окурков в трех больших пепельницах, гостем

был мужчина, и сидели долго, хотя выпили необычно мало — всего две бутылки хорошего армянского коньяка. Насыпая в кофеварку свежемолотый кофе, Карлен углядел среди пустых тарелок два паспорта. Но не сами паспорта удивили Татяна, а их дипломатический зеленый цвет. По таким документам не чинят препятствий ни на въезде, ни на выезде, по ним вообще таможня не вяжется. Повинуясь профессиональному инстинкту, он раскрыл один и другой, — дипломатические паспорта были выписаны на его друзей. Положив документы на место, он вернулся в зал с дымившимся на подносе кофе, не сказав ни слова, — друзья вполне могли подумать, что он их не видел. Конечно, ясно, что паспорта принес вчерашний поздний гость, с которым хозяйева квартиры засиделись допоздна, от него, наверное, и поступило срочное задание вылететь в промозглый Лондон. Жаль, что Карлен не знал этого человека, тот наверняка заинтересовал бы его секретное ведомство. Впервые за свою недолгую, но достойную карьеру в ЦРУ, передавая отчет за неделю, Норман скрыл важную информацию: не сообщил в центр о гангстерах, вылетевших по дипломатическим паспортам к самым близким союзникам американцев по НАТО — англичанам.

...В день возвращения соседей из Англии Татяна собирался на концерт русской рок-звезды, после чего его приглашали на домашнюю вечеринку в доме одной из богатеньких поклонниц певца и даже упомянули имя ее отца, известного московского банкира. Но звонок прилетевшего Армена расстроил его планы: Абрек приглашал его вечером в гости — отметить сверхудачную поездку в Лондон, намекнул, что они приготовили ему сюрприз.

— Но у вас же пустой холодильник, — попытался отказаться Карлен, чем донельзя рассмешил Абрека.

— Ну и что? Мы позвонили Хавтану в «Золотой петушок», сделали заказ. С минуты на минуту оттуда подьедут два официанта и накроют нам стол не хуже, чем в любом ресторане. Петрович постарается, он знает, что это для нас. Так что отведаешь сегодня настоящие русские блюда, ждем...

Действительно, когда в назначенное время Карлен спустился на четвертый этаж, большой стол в зале был накрыт по всем правилам этикета. Хавтан прислал даже дорогую посуду и серебряные приборы, видимо, выездное обслуживание особо важных персон было поставлено у него не хуже, чем в любой европейской столице.

Карлен ожидал увидеть на вечеринке еще кого-нибудь, но стол был накрыт на троих. Заметив его удивление, что нет ни друзей, ни девушек, как обычно, Ваган объяснил:

— Жаль, Ашот из Алма-Аты не успел вернуться, мы ему звонили туда, он еще дня на три задержится. Мы сегодня обмываем важное событие, потому никого не пригласили, даже официантов отправили домой. Но если появится желание, то попозже поедем куда-нибудь в ночной клуб: «Сохо» или «Манхэттен-Экспресс», а может, позвоним Оле с Надей — помнишь, ужинали с нами в «Пекине»? — они захватят для тебя подружку. Надо на зимние каникулы слетать с ними куда-нибудь на Фиджи или Таити, а может, даже встретить там вместе Новый год. Новый год среди пальм в плавках — наверное, это здорово, — разошелся Крис, явно бравируя перед американцем своими неограниченными возможностями.

Армен широким жестом попросил друзей за стол и указал место Карлену. Боясь, чтобы американец ненароком не испортил эффект от заготовленного сюрприза, он поспешно сказал:

— Каро, дорогой, подними салфетку со своей тарелки. Мы ведь обещали тебе подарок из Лондона привезти, если удача выпадет...

Карлен осторожно поднял фирменную салфетку с вензелем и эмблемой «Золотого петушка» — на белоснежном английском фарфоре лежали часы с тяжелым платиновым браслетом. По модели они сильно смахивали на одну из самых дорогих моделей знаменитых «Адемар Пиге», с турбийоном, минутным репетиром, вечным календарем. Но это были другие, более изящные, аристократические швейцарские часы «Юлисс Нардан», последняя модель — «Чингисхан». Такие часы стоили вровень, или даже перевешивали в цене последние модели известных автомашин, например «Мерседес», «Ламборджини», «Мазерати».

Видя, с каким недоумением гость уставился на подарок, очевидно, зная о его баснословной цене, Абрек весело заметил:

— Каро, в Москве у крутых людей пошла мода на дорогие швейцарские часы: «Ролекс», «Патек Филип», «Пьер Бальман», «Даниель Рот», «Вашерон Константин» — ну, ты сам в курсе... Ты наш друг, бываешь среди московского бомонда, вот мы и решили сделать тебе памятный подарок. Остановились на «Юлисс Нардан», мы и себе за компанию прикупили по штучке, но другие модели, «Горгерон» называются, с кузнецами на циферблате, они отбивают бой. Если эти тебе не понравятся, можешь махнуть с любым из нас. Ну, так как?

— Нет, мне нравятся эти, — ответил замороженный Карлен. Не решаясь взять часы в руки, он нараспев прочитал название модели: — «Чингисхан». Честно говоря, я не могу осмыслить, что буду носить на руке целый «кадиллак».

— Ну, если дело только в этом, слава богу! А я уж подумал — не понравились,— сказал обрадованно Ваган и предложил тост: — За то, чтобы «Юлисс Нардан» служили всем нам долго и показывали только радостное время, как сегодня...

И вечеринка покатила своим неторопливо-размягченным ходом.

Странно, но Карлен, то и дело невольно поглядывавший на запястье, где матово-благородно блестело золото тяжелого браслета, вдруг почувствовал, что хозяева квартиры, несмотря на удачную поездку — а это явствовало из их слов,— были как-то напряжены, скованны, такими он никогда их не видел. И только он собрался спросить, что стряслось, как Ваган неожиданно поднялся с полной рюмкой...

— Дорогой Каро,— сказал он, волнуясь.— Я хочу сказать речь. А ты послушай... В последние дни произошло нечто важное — для нас, для нашей родины — Армении. Если бы мы погибли там, в Лондоне, или если завтра нас пристрелят где-нибудь на улицах Москвы, наверное, найдется немало людей, которые скажут: подумаешь, убили двух бандитов. Может, и так. Но три дня назад мы сделали для нашей Армении, для нашего многострадального народа, особенно для Карабаха, гораздо больше, чем многие праведные граждане. Сказать об этом даже самым близким не могу — мы дали слово держать все в тайне. Иначе могут возникнуть межгосударственные осложнения, скандалы, да и мы вмиг окажемся за решеткой. Но должны же мы поделиться хоть с кем-то нашей победой, нашим вкладом в борьбу за свободу армян в Карабахе. Ты и Ашот — наши лучшие друзья. И мы решили поделиться этим с тобой, так как Ашота нет, ты один будешь знать нашу тайну.

— Почему я? — все же спросил Карлен, внутренне собравшись, и подзадорил: — Может быть, не стоит?

— Стоит, стоит,— поддержал друга Армен.

— Тогда я весь внимание...

— Давайте сначала выпьем, а потом я закончу...

Они сдвинули бокалы... Потом Ваган стал рассказывать, а Армен кивал в такт его словам, словно подтверждая, что все так и было.

—...Мы сидели на квартире в центре Лондона, ожидая условного телефонного звонка, и в эти часы о многом переговорили, передумали. Что операция опасная, от нас не скрывали. В случае, если бы полиция сцапала нас живыми, мы все валили бы на разбой, личную месть — никакой политики, иначе следы потянутся в Ереван, тень

падет на Армению. Хотя наш дядя Рафик Сво всегда предупреждал: держитесь подальше от политики, от нее все зло на земле, но это был тот случай, когда политика столкнулась с интересами народа нашей родины, и мы не могли отказаться. Так вот, однажды, в минуты тягостного ожидания, Абрек и говорит: «Если мы завтра засыпем, найдется ли человек, который помянет нас добрым словом, заплачет, узнав, что нас уже нет в живых, не забудет поставить свечку за наши грешные души?» И мы оба подумали о тебе, Каро, ведь ты наш сосед, наш земляк, наш друг. Потому что ты сразу принял нас такими, какие мы есть, — гангстерами.

Карлен протестующе поднял руку, но Ваган не стал поправляться.

— Да, именно так, но ты не стыдился везде бывать с нами, ты даже поселился рядом, и за это мы любим тебя, Каро.

— Так что же произошло в Лондоне? — спросил Татлян. — Если не секрет, конечно...

— Событие вроде небольшое, смахивает на уголовку, как и было задумано, но чрезвычайно важное, я не преувеличиваю. Два чеченца, нафаршированные наличностью — да и крупные счета в лондонских банках на их имя были открыты, — приехали закупить знаменитые «стингеры», против которых беспомощны и самолеты, и вертолеты, и танки; а кроме того — средства космической связи и другое новейшее вооружение, чем славится Англия. Это был не первый их визит в Лондон и не первая партия оружия, переправленная в Чечню через Азербайджан. Об этом прознали армяне, проживающие тут, и передали то ли нашим спецслужбам, то ли спецслужбам армянских партий за рубежом — ты ведь знаешь, как сильна партия «Дашнакцутюн» повсюду, где проживает армянская диаспора, от Франции до Аргентины и от Ливана до Канады. Но суть не в том, кто поручил нам это ответственное дело, а в том, что чеченцы, быстро освоившие путь в Европу, закупали параллельно на свои деньги оружие для Азербайджана, куда его гораздо легче доставить хоть морем, хоть по воздуху — суверенное же государство.

— Значит, Дудаев рассчитывается с Азербайджаном за этот надежный транзитный коридор оружием? — уточнил Татлян.

— Именно так... Хотя сегодня чеченцы, пользуясь открытым небом, ввозят и вывозят что хочешь и кого хочешь, но в Грозном, видимо, понимают, что ситуация в любую минуту может измениться и русские перекроют им небо в случае войны — все-таки ПВО и авиация в России до сих пор что надо. А того, что чеченцы

готовятся к войне, не видит только слепой. Ты думаешь, почему в России все чаще полыхают военные склады? Это не диверсии, это продажные генералы имитируют случайные пожары, распродают чеченцам оружие. День и ночь туда машинами, поездами доставляются снаряды, оружие, амуниция.

Но бог с ними, чеченцами, у нас свои проблемы. У наших спецслужб были неопровержимые доказательства, что часть вооружения куплена для Баку, а это значит — против Карабаха, против армян. Сделку пытались расстроить по дипломатическим каналам, но когда дело касается больших денег, пропадает страх перед международными санкциями, забывают о наложенном эмбарго в горячих точках мира, не так ли?

— Да, мне это знакомо... — Карлен хотел дать Вагану передохнуть, потому что видел, как тот волновался, вновь переживая все произошедшее в Лондоне.

— Так вот, эту сделку могла остановить только смерть покупателей. И тогда вышли на нас... А мы сделали свое дело. И сделали чисто... Надеюсь, нам зачтется это и в Армении, да и в России тоже. Поэтому давайте выпьем за то, чтобы никто и никогда не замыслил дурного против нашей родины, а если и отыщутся такие подлецы, ну, что ж, всегда найдутся настоящие парни, которые встанут у них на пути. Встанут — и остановят.

Карлен с Абреком молча поднялись и, сказав одновременно по-армянски: «Да будет так!» — осушили свои бокалы до дна.

У Карлена неожиданно набегали на глаза слезы, он ощутил, как никогда до сих пор, что тоже является частью маленькой Армении, ее многострадального древнего народа, что он армянин, хотя и был гражданином всесильной и могучей Америки.

Армен улыбнулся, похлопал Вагана по плечу: успокойся, мол, друг, все в порядке.

— Но, дорогой Каро, Ваган от волнения не все рассказал. Самое невероятное, что у этой истории неожиданный финал, на который мы никак не рассчитывали. Надо заметить, что наши заказчики честно признались: денег у них нет ни копейки, даже на авиабилеты, они только выправили нам паспорта. Так что, кроме смертельного риска, мы еще и сами оплачивали эту опасную операцию. — Армен взял в руки разговор, напряжение с него, как и с Вагана, тоже заметно спало. — Люди, за которыми мы охотились, очень богатые и, как нам сказали, из очень влиятельного чеченского рода — тейпа.

Они остановились в самом дорогом отеле Лондоне — «Лейнсборо», жили в номере «люкс» за шесть тысяч долларов в сутки. Я их понимаю, люди они молодые, любят пофорсить, да и жизнь, видимо, у них такая же рискованная, как и у нас с Крисом.

— В Лондоне был, а вот в «Лейнсборо» жить не приходилось, — признался Карлен.

— Куда тебе, бедному репортеру! — поддел Ваган. — Там такие апартаменты, закачаешься! Да Армен вот расскажет — он от нечего делать там все буклеты изучал...

— Изучал, — согласился Армен. — А чем было еще заняться, если операцию переносили несколько раз? Лондон мы совсем не видели, когда утихнут страсти, обязательно слетаем обратно, проживем в «Лейнсборо». Отель — в самом центре столицы, рядом с Гайд-парком. Неподдалеку — Букингемский дворец. Гостиница, правда, небольшая — в прошлом веке в этом здании располагался госпиталь. Говорят, что при реконструкции на каждый номер было потрачено больше чем по миллиону долларов. Роскошь невероятная: кругом хрусталь, красное дерево, золото, мрамор! Кровати с изысканными балдахинами, на стенах — подлинники картин мастеров живописи, на полу — ковры ручной работы. За номерами «люкс» закреплены личный дворецкий и автомобиль «даймлер», но наши подопечные пользовались «роллс-ройсом», и водителем у них был чеченец родом из Сирии, давно живущий в Лондоне.

— Подозреваю, как нелегко вам пришлось... — посочувствовал Карлен.

— Не то слово, — обрадовался поддержке Армен. — Конечно, каждый шаг чеченцев был под контролем наших спецслужб, все разговоры прослушивались, все контакты отслеживались и опять ставились на прослушивание. Но, тем не менее, мы еле унесли ноги: их телохранители, отвозившие куда-то большую сумму наличных денег, вернулись раньше, чем планировали. Мы едва не столкнулись с ними нос к носу при выходе из лифта, это нас и спасло. В номере мы были не больше пяти минут: хозяйка сама открыла нам дверь, потому что ждали на переговоры людей, которых не знали, мы и пришли под видом этих бизнесменов. Итальянские пистолеты «бернанделли» с глушителями мы оставили на месте возмездия.

— Нет, ты о главном, о главном скажи! — нетерпеливо подгонял друга Ваган.

— Ну, это, положим, не главное... — Армен откровенно радовался, как будто только сейчас по-настоящему осознал, что дело сделано, а они вернулись живы и здоровы.

— Так что же случилось еще? — Азарт захватил и Карлена.

— Ты не поверишь, друг! — хохотнул Ваган. — Но доказательства налицо!

Армен, залпом осушивший стакан минералки — видно, в горле пересохло от волнующих воспоминаний, — вновь перехватил инициативу:

— Вот именно! В общем, когда мы уходили, Крису случайно попала на глаза модная сейчас сумка-саквояж. Фирма «Дюпон» делает такие дорогие вещи для богатых путешественников. Он ее распахнул — а она полна долларов. Тут я, на всякий случай, заглянул в гардероб. Там стояла еще одна такая же сумка, только размерами побольше, и тоже полная. Ну, мы, не будь дураками, прихватили это добро — и деру! Бог спас, что не налетели на телохранителей, а то бы хана! А когда мы осмотрели карманы хозяев, надеясь найти важные для нас документы, то наткнулись на кредитные карточки известных мировых банков. Мы их, конечно, не тронули — не лохи же. Но нам и тут повезло: у одного в кармане лежали четыре чека на очень и очень большие суммы, видимо, эти деньги предназначались торговцам оружием. Вот чеки мы экспроприировали и в тот же день все деньги перевели на кредитные карты, а потом гужевали на них в Лондоне. Вон они, саквояжики, загляни, если не веришь. Когда мы живыми вернулись на свою квартиру, суеверно решили, что такая удача выпала нам за богоугодное дело, ведь эти деньги были предназначены для войны, для смерти...

Татлян, веря рассказанному и вместе с тем боясь крутого розгрыша, на которые Абрек всегда был мастаком, встал и неторопливо подошел к двум действительно роскошным дорожным сумкам, стоявшим в углу. Открыл одну, другую... Карлену даже показалось, что запах долларов перекрывает запах дорогой кожи. Такого ошеломительного количества денег он не видел даже в кино...

Подошедший сзади Крис запустил руки в один саквояж, Армен — в другой, и они, не сговариваясь, достали столько пачек, сколько ухватили их могучие руки. Все это они высыпали на стол перед оторопевшим журналистом:

— Бери, трать! Лучше прогуляем эти деньги, чем на них купят бомбы и «стингеры» против мирных людей...

Карлен, второй раз за вечер оказавшийся в нокдауне, подошел к столу и, отделив десять или двенадцать пачек долларов в банковских упаковках, придвинул их к своей тарелке. Он ощущал какой-то внутренний протест, понимая, что не имеет права брать деньги, добытые разбоем, убийством, но протест этот был какой-то робкий, вялый, да и, с другой стороны, он уже надел золотые часы «Чингисхан», купленные на эти же деньги, и расставаться с ними ему почему-то совсем не хотелось.

— Ну, теперь, когда с души свалилась такая тяжесть — все-таки, оказывается, тайну носить в себе непросто, — давайте выпьем за жизнь, за молодость, за любовь! Жизнь так прекрасна! Особенно после того, когда сознательно ставил ее на кон, и тебе выпал выигрыш... — предложил тост повеселевший Крис.

И Карлен лишь теперь ощутил в полной мере, чем рисковали молодые люди в Лондоне. На какой-то миг Татлян даже позавидовал друзьям — они совершили что-то важное в жизни, сразу возвысившее их над другими, хотя сами еще не в полной мере осознали это.

— Ну, вот и лады, что не стал отказываться, — похвалил Армен, кивнув на высившиеся горкой пачки денег перед Татляном — А я, честно говоря, опасался чистоплюйства с твоей стороны. А ты — наш парень, наш! За это стоит выпить! Ребята, да мы же ничего еще не съели. Зря, что ли, Петрович старался. А ну-ка, налегай...

Карлен, впервые пробовавший редкие блюда русской кухни, приготовленные Петровичем, о котором ему уже прожужжали уши, ел с заметным аппетитом, особенно заливное, ассорти из осетровых и холодную дичь с брусничным соусом, и быстро понял, что к такой еде лучше всего подходит русская водка. И армянский коньяк, и шотландское виски, и даже французское вино выглядели бы сегодня за этим богато накрытым столом явными чужаками. Раньше Карлен только про одежду или интерьер мог сказать — гармония, но русская кухня вкупе с водкой тоже составляли совершенное единство стиля. Это было для Карлена еще одним приятным открытием в России. И он подумал, что теперь, когда у него есть такие деньги, он непременно станет заглядывать в «Золотой петушок». Вкуснейшая еда, над которой явно колдовал сам Петрович, на время заставила его забыть и о подаренных часах, и о деньгах, лежавших рядом.

— Если завтра ты не очень занят, приглашаем тебя прокатиться вместе с нами в гостиницу «Софитель-Ирис», — предложил

Абрек.— Там открылся международный салон одежды «Ягуар-стиль». Мужской прикид там высочайшего класса, под стать нашему «Кара-Дюшателю», в общем — для самых крутых «новых русских». Купим костюмчики, плащи фирмы «Дормей», «Обвиос», закажем сорочки, шелковые халаты. Тебе, дорогой Каро, вообще надо приодеться, у американцев в этом отношении вкус не очень... Ты на них не ориентируйся, они все одеты кое-как, да и шмотки у них дрянь. Но ты прежде всего армянин, а на Кавказе всегда было принято одеваться модно, дорого, с шиком. Ты обращаешься в элитных московских кругах, ходишь на премьеры, а там снобов больше чем надо. По одежке встречают — по уму провожают,— сейчас эта русская поговорка весьма актуальна...

Карлен не стал возражать Абреку, по правде сказать, ему самому не нравилось, как одевались американцы. Практичность его новых сограждан лишала одежду ее существенных качеств: изящества, элегантности,— тут Татлян был согласен со своими друзьями.

Посидели за столом, накрытым хавтановскими официантами, недолго — часа два, не больше. Застолье словно встряхнуло путешественников, вернувшихся из Лондона сумрачными и озабоченными, к ним вернулось былое жизнелюбие, азарт, и они решили поехать покутить в ночной клуб «Сохо». Как ни соблазняли Каро, тот не согласился, сославшись на то, что должен закончить материал для газеты. Договорившись встретиться завтра, друзья разошлись.

Поднявшись к себе в комнату с пакетом, набитым долларами, Карлен долго, очень долго сидел, задумавшись, в глубоком кожаном кресле. Дописывать статью сегодня он и не собирался, просто хотелось остаться одному и осмыслить неожиданно возникшую ситуацию.

Через день Карлену предстояло отправить в центр еженедельную шифровку, но он уже знал, что не станет сообщать о двойном убийстве в лондонском отеле «Лейнсборо», не назовет фамилий убийц. Он понимал неординарность происходящего: такое стремительное перерождение агента не могло прийти в голову даже самым изошренным педагогам-стратегам из секретного ведомства: понятно, если бы перекупили, подставили женщину, запугали угрозами отправить на тот свет, но... голос крови? В США такое вряд ли кто мог принять всерьез, а зря... Но недаром же говорят: кто пьет вино и кто пьет воду — думают по-разному.

Так он и сидел, невидяще глядя на пачки долларов, разбросанные перед ним на низком журнальном столике, и размышляя совсем

М

по-русски: как жить дальше? И вдруг его обожгла мысль, которая могла поставить все на свои места, внести ясность в мучивший вопрос. Он бросился к гардеробу и достал из кармана невзрачного твидового пиджака детектор для проверки подлинности валюты. Затем из каждой пачки, наугад, вытащил по купюре и стал тщательно проверять их. Доллары были настоящие...

ГЛАВА 11. О, ПАРИЖ!

Ремонт на квартире Тоглара затягивался, и вовсе не из-за неградивости рабочих и сантехников, — увлекшийся Виленкин вносил все новые и новые поправки, и Тоглар, как ни спешил переехать из «Метрополя» на Кутузовский, терпел и соглашался: решения в ходе работ появлялись одно оригинальнее другого. Почти все изменения касались мастерской-студии. Конечно, можно было вести капитальный ремонт иначе: отделать жилую квартиру из четырех комнат, а уж мастерскую закончить позже, не спеша. Но Тоглар хотел отметить новоселье в сталинском доме непременно в студии, как художник, — с момента заселения он как бы начинал отсчет новой жизни, жизни, где у него будут дом, семья, творческие заботы.

Машина, выбранная Эйнштейном, оказалась действительно удачной и очень комфортной, и он был рад, что остановил выбор на «порше». Автомобиль позволял провернуть за день десятки дел, и все они были связаны или с ремонтом, или с будущим обустройством новой квартиры. Виленкин порой неделями не покидал его «порше» — участие Тоглара во всех хлопотах дизайнер называл двойным авторским надзором.

После встречи, организованной старыми корешами в «Пекине», Константин Николаевич опасался, что его замучают звонками,

но он ошибся. Ему, конечно, звонили, но чаще всего старые и новые знакомые приглашали на всякие торжества: семейные, личные, связанные с работой. Вероятно, каждый из них желал закрепить с ним отношения на будущее или на всякий случай, понимая, что слово такого человека, как Тоглар, в какой-нибудь ситуации может дорогого стоить, потому старались не терять его из виду.

Торжества, на которые он был зван, чаще всего оказывались многолюдными, с размахом накрытые столы ломились от изобилия яств. Одно поначалу вызывало недоумение, смущало Константина Николаевича: где бы он ни появлялся в гостях, из старых корешей, тех, кто отмечали его возвращение из кавказского плена, встречал порой одного-двух, а в основном — сплошь незнакомые люди, кроме самого хозяина. Хотя все братаны, слава богу, были живы-здоровы, находились в Москве, — Тоглар знал об этом точно. Он еще раз оценил свою прозорливость, когда предположил на банкете в «Пекине», что его бывшие сподвижники жаждали как можно быстрее и навсегда отделиться друг от друга, чтобы ничто не напоминало о прошлом, зачастую неприглядном, жестоком. Оттого возле давних друзей и соратников — сплошь новые люди. Этим новым людям можно любую легенду о себе сочинить, пустить пыль в глаза, поэтому все приемы были так продуманны, отмечались с размахом. Чтобы как-нибудь не попасть впросак, иметь четкие ориентиры в новой Москве, Константин Николаевич стал брать с собой Эйнштейна, представляя его то своим помощником, то референтом, — впрочем, нынче на приемы мало кто приходил без охраны и сопровождения. И потому Аргентинец, разыскивая молодого картежного гения, частенько звонил Тоглару, спрашивая, не у него ли Георгий. Эйнштейн, конечно, не отказывал мэтру Городецкому ни в чем — кормился он все-таки с карт, — но уютнее и душевнее ему было явно в компании с Тогларом. Молодому человеку с болезненными амбициями и высоким самомнением все больше и больше нравился Константин Николаевич, он даже стал копировать некоторые его жесты, повторять любимые словечки и выражения, и это не осталось незамеченным. Городецкий не раз спрашивал у Фешина: «Ты что, гипнотизируешь моего коллегу? Он весь под твоим влиянием», — на что Тоглар только усмехался.

Константин Николаевич не забыл о своем обещании вызвать Наталью в гости в Москву, но потом, окрыленный покупкой квартиры на Кутузовском, решил приурочить этот приезд к новоселью, хотел удивить любимую с первых шагов пребывания в столице.

Какую женщину может оставить равнодушной приготовленная для нее квартира, да еще такая?! Но, судя по всему, если ждать новоселья, встреча может затянуться надолго, а он безумно скучал по девушке, часто видел в снах счастливые дни в Ростове, помнил тепло ее рук, губ... Георгий, знавший, кажется, о всех проблемах Фешина, и тут оказался полезен — предложил интересный выход. Как-то, сидя у Фешина и приметив, что хозяин все больше впадает в меланхолию, Георгий дал толковый совет:

— Константин Николаевич, забудьте вы на время о квартире, пусть она будет сюрпризом вашей Наталье в следующий раз, когда на Кутузовском закончится не только ремонт, но и все оформление. А сейчас вызывайте ее в Москву, устройте рядом или у себя в «Метрополе». А если она захватит заграничный паспорт, мы за неделю, от силы за десять дней, оформим вам путешествие, ну, скажем... в Париж.

— В Париж? — удивился Тоглар, такая мысль не приходила ему в голову.— Почему в Париж?

— Потому что Париж — это всегда праздник, так сказал старик Хемингуэй. А кроме того, во второй половине декабря балетный мир отмечает двадцатилетие со дня смерти выдающегося хореографа XX века Джона Кранко. Торжества будут отмечаться в парижской Гранд-опера, туда слетятся все звезды балетного искусства, прима-балерины всех известных театров мира. Грандиозный праздник, мечта для балетоманов, а курирует и финансирует программу наш земляк Рудольф Нуриев.

— А ты откуда знаешь такие подробности? — удивился Тоглар, с интересом наблюдая за своим молодым приятелем.

Эйнштейн усмехнулся, и в голосе его прорвалась горечь:

— Я ведь, Константин Николаевич, тоже готовил себя к иной жизни — способности к картам обнаружили позже и случайно. С детских лет я учился в балетной школе, а когда был студентом ГИТИСа, мечтал ставить балеты, хотя и сам танцевал неплохо. На четвертом курсе случилась беда — порвал мениск на правой ноге, одна операция, вторая — и обе неудачные. О танцах пришлось забыть навсегда, с горя запил, загулял, из ГИТИСа отчислили, и пошло-поехало... А позже появились карты, втянулся, но балет в сердце остался навсегда... Это моя молодость...

— Ну-ну, не надо так грустно,— подмигнул Тоглар.— Расскажи лучше об этом твоём балетном кумире. Ведь кумир, я верно говорю?

— Не стану отрицать — это выдающийся мастер. Хочу, чтобы вы загорелись желанием полететь в Париж, и именно на этот праздник балета. Поверьте, вы никогда не пожалеете... Увидеть такое со звездие великих танцовщиков — это же воплощение мечты многих культурных людей.

— Пожалуйста, продолжай... — подбодрил Тоглар, видя, как загорелся Эйнштейн. — У меня в жизни серьезные пробелы по части культуры, хочется хоть что-то наверстать, пусть и запоздало. Наталья, наверное, будет рада... — мечтательно вздохнул Тоглар, закинув руки за голову.

До этого момента ему как-то не приходило в голову, что он может свободно путешествовать по миру. Хоть все кругом только и говорили о заграничных поездках, круизах, к себе он это не относил, видимо, что-то заклинило в сознании. И, скорее всего, заклинило оттого, что в прошлой, советской жизни человек, имевший судимость, не мог даже рассчитывать на то, что когда-нибудь увидит Париж или Нью-Йорк.

Из мечтательного состояния его вывел голос молодого друга:

— ...Джон Кранко преобразил весь немецкий балетный театр — создал штутгартский балет. У него в расцвете сил и таланта танцует выдающаяся пара: Марсия Хайде и Ричард Крэган. В штутгартском гнезде Кранко воспитал будущих властителей дум и создателей всемирно известных театров: Джона Ноймайера, Иржи Килиана, Уве Шольца, Уильяма Форсайта. Какие имена, какие мастера! Сам Кранко неожиданно умер на гребне невиданного успеха и побед, признанный всем балетным миром, вот почему великого хореографа до сих пор любят и помнят.

— Друг мой, ты шпаришь как по писаному. Кумир, точно кумир. Не обижайся, наверное, этот человек того стоит...

— Стоил, — поправил Тоглара Георгий. — Извините, если это было похоже на ликбез...

Тоглар растерянно молчал. Он удивился прежде всего тому, с какой неожиданной стороны открылся ему ассистент Аргентинца, подноготную которого, кажется, знал уже до конца. Но вслух он сказал совсем другое:

— Благодарю за восполнение моих культурных пробелов. Действительно интересный человек этот твой кумир, оставил свой след на земле. Считай, что ты заразил меня своей идеей. А знаешь, можно развить твой план: остаться в Париже еще на недельку и встретить там Новый год. Но вся эта волокита с билетами, с приглашениями... —

Тоглар сожалеюще развел руками.— Обидно будет не попасть на гала-концерт, у нас ведь, у русских, натура такая: или все, или ничего.

— Ну, это я беру на себя,— успокоил Георгий.— Есть такая фирма «Содис», они занимаются исключительно индивидуальными поездками для состоятельных людей, там у меня есть друзья. Париж для фирмы самый удобный город, у них там накатанные связи, а новые буржуа любят Францию.

— Это я-то новый буржуа? — усмехнулся Тоглар.

— А то кто? Не я же,— отпарировал Георгий.— Ну, так вот, через эту фирму можно заказать билеты на фестиваль. Но я их, на всякий случай, подстрахую: организую из Большого театра факс в Гранд-опера, чтобы вам, ну, скажем, как представителю балетной общественности России, зарезервировали места на все спектакли и все мероприятия, связанные с юбилеем Кранко. Сейчас в Большом плохие времена: распри, ремонт, раскол труппы, денег на поездку в Париж нет, там будут рады, что кто-то посетит столицу мира, привезет видеоматериалы, программы, буклеты, альбомы, посвященные фестивалю. Я думаю, вам это не составит труда. «Содис» бронирует номера в прекрасной гостинице рядом с Гранд-опера, если хотите, там позаботятся и о гиде, и о переводчике. Сейчас ничего невозможного нет — были бы деньги. Вы только скажите, могу ли я гарантировать турфирме оплату по высшей программе?

— Разумеется.— Тоглар, кажется, постепенно заражался идеей предстоящего путешествия.— Но переводчик и гид нам, наверное, не понадобятся. Наталья знает французский, она два месяца была на стажировке в Париже, в торговом доме Кристиана Лакруа.

— И вы еще раздумываете, ехать или не ехать! — возмутился несостоявшийся балетмейстер.

— Мне это и в голову не приходило,— честно признался Фешин.— Благодарю за идею и авансом — за предстоящие хлопоты.

Предотъездные заботы отодвинули проблемы ремонта на Кутузовском проспекте на второй план, но там уже вполне могли обойтись без хозяина дома. Дизайнер Виленкин все-таки уловил слабость Тоглара: все, что касалось студии-мастерской, Константин Николаевич продумывал основательно, тут нельзя было решить вопрос по телефону, ему обязательно нужно было все показать на месте. Поэтому, когда неожиданно возникла очередная идея по оформлению студии, и, как понял Константин Николаевич, одна из ключевых, он хотел было на время отложить отъезд, но, к счастью, решение нашлось быстро...

Виленкин предлагал в самой большой комнате студии, на одной из стен, повесить какую-нибудь картину огромного размера. На нее должен был ориентироваться весь изощренно-роскошный интерьер обители художника. Конечно, было бы замечательно, если эта работа принадлежала бы кисти хозяина студии, да к тому же чтобы картина была известная, выставлялась, имелись ее репродукции. Но пока это лишь мечта, может, в будущем... Оставалось отыскать известного художника, у которого нашлась бы такая гигантская работа, да еще получившая общественный резонанс. Сразу решили, что пейзаж не подходит, абстракция тоже, остальное стоило тщательно посмотреть.

Виленкин и подключившийся Эйнштейн целыми днями сидели на телефоне, обзванивали художественные салоны, арт-дилеров, знакомых художников, коллекционеров, интересовались запасниками музеев. Но то, что предлагали, мало подходило под строгие эстетические требования Виленкина. Помог, как ни странно, Аргентинец. Узнав об их поисках за ужином в «Метрополе», он вдруг сказал:

— Я абсолютно ничего не понимаю в живописи, но однажды катал целую неделю с какими-то «новыми русскими», и они выпендривались друг перед другом, какие они успели собрать коллекции картин. Называли многих художников, хаяли почти всех, но сошлись в одном, что Эдуард Шагеев — живой преемник Сальвадора Дали. Правда, они говорили, что Шагеев, широко известный в мире, дороговат даже для них.

В тот же день удалось выяснить, что Эдуард Шагеев имеет в Москве арт-клуб в центре города, в здании бывшего ресторана «София». На следующий день Виленкин с Тогларом и Эйнштейном отправились на заранее оговоренную встречу с российским Дали. С первых шагов в шикарном арт-клубе покупатели поняли, что, кажется, попали туда, куда надо. Картину, которая им подходила, они нашли в последнем зале, а залов в салоне было шесть, и не маленьких. Огромное полотно, два шестьдесят на метр семьдесят, занимало целую стену в торце комнаты. Виленкин с Константином Николаевичем, не сговариваясь, переглянулись, как только увидели ее. Оба сразу поняли, что на Кутузовском, из-за высоких потолков и большой площади комнаты, и, конечно, в новом багете полотно будет смотреться куда интереснее, чем во владениях Шагеева. Картина была написана в желто-золотой гамме, как и вся «диванная серия», состоявшая из десяти работ. Называлась она «Сны эстета», и все видения на ней произрастали из роскошного ретро-дивана.

Переговоры начались с расстройства: картину, оказывается, намерен приобрести какой-то богатый ливанец из Бейрута, он даже оставил задаток в десять тысяч долларов, и Шагеев отказывался вести разговоры на эту тему. Стоявший рядом с Тогларом Эйнштейн вежливо, но настойчиво предложил: «Посмотрите, пожалуйста, может, срок окончательного расчета истек. Если так, мы будем счастливы, а ваша совесть чиста, и для ливанца ваши картины обретут еще больший вес». Как и предполагали, оговоренные сроки действительно давно прошли, и коллекционер из Бейрута не подтвердил дату окончательного расчета. В общем, художника уломали, или, как позже выразился Эйнштейн, «забили деньгами». Картину, не мешкая, доставили на Кутузовский, предварительно прикинули к месту, и тогда Тоглар окончательно понял, что у него будет настоящая студия: картина привнесла в мастерскую тот необходимый художественный дух, которого так добивался Виленкин.

Хозяин дома собирался в поездку, и Виленкин получил небольшую передышку. Ему не хотелось гнать ремонт, это могло отразиться на качестве работ. Дом на Кутузовском он собирался сделать своей эталонной работой, если точнее, визитной карточкой — когда еще выпадут такие возможности: простор двух квартир на одном этаже, и заказчик, не лишенный художественного вкуса, не озабоченный лишь тем, чтобы затмить или удивить кого-то, редчайший клиент, как часто думал о Тогларе дизайнер.

Предложение Фешина слетать в Париж на балетный фестиваль и остаться там встречать Новый год Наталью очень обрадовало, правда, у нее были проблемы с работой. Требовалось срочно найти себе достойную подмену: менеджеры торгового дома Кристиана Лекруа в Ростове держали обслуживающий персонал в строгой узде.

Фешин впервые собирался за рубеж и, как человек основательный, хотел предусмотреть все возможное — в чужой стране качать права бессмысленно. Там под рукой не будет братвы, которая и поддержать может, и посоветовать. Он, конечно, знал великую силу денег, но ведь надо и знать, кому давать, там, говорят, ошалели от беспардонности «новых русских».

Три года чеченского плена отдалили Тоглара от реальной жизни, да и последние несколько месяцев, когда от новой действительности он был надежно защищен деньгами, тоже не слишком расширили его кругозор. Путешествие любой человек оценивает прежде всего с точки зрения финансовых возможностей, так думал и Тоглар,

а деньги у него были. Но на Запад, оказывается, просто так деньги не провезешь, необходимы документы на их вывоз. Тут опять пригодился всезнающий Георгий: он посоветовал Константину Николаевичу зайти к соседу по «Метрополю», Дантесу, который держал под колпаком несколько московских банков, и попросить у него с десяток подобных разрешений на свое и Натальино имя, якобы они покупали валюту в дантесовских банках.

Георгий предупредил, чтобы каждый счет не превышал десяти тысяч долларов, иначе они автоматически попадут в поле зрения налоговой полиции. Эйнштейн подсказал и другой путь: найти в аэропорту «Шереметьево-2» своего человека, лучше из таможни, который принесет прямо в самолет дипломат с деньгами. Этот канал надежно опробован крутыми людьми не только в аэропортах, но и на транспорте: водном, автомобильном, особенно на финской границе. Однако такой путь Константин Николаевич отменил сразу: не желал нарушать законы, да и с братвой хотелось общаться как можно реже. Но получилось еще лучше...

Когда Тоглар выложил свою проблему Дантесу и попросил помочь, тот снисходительно засмеялся:

— Да зачем тебе бумажки? А вдруг тебе понравится путешествовать по миру, перелетать из страны в страну — ты же завалишь таможню декларациями. Давай мы тебе лучше дипломатические паспорта сварганим, зеленые. Действительны они пять лет, накатаешься всласть. По ним обычно не шмонают, если только кто-то на тебя специально не наступит в таможню. Удобная штука, особенно для нашего брата, слинять из страны можно в любую минуту, сечешь? — и Дантес, распахнув сейф за спиной, достал свой дипломатический паспорт.

— Да, серьезная ксива, с такой не пропадешь. Если можешь, помоги обзавестись... — сказал Тоглар, повертев в руках зеленые корочки. А сам уже прикинул, что, если дело не выгорит, он для себя с Натальей сделает сам, и не хуже.

— Для тебя — нет проблем, дорогой Тоглар, ты мне трижды ксивы правил, выходит, за мной должок, — и, вызвав секретаршу, Дантес попросил ее соединить с кем-то из МИДа.

С чиновником разговор был короткий, видимо, тот давно сидел на крючке или на довольствии у Лозовского. Положив трубку, Дантес улыбнулся и, черкнув номер телефона на Смоленской площади, сказал, протягивая листочек Фешину:

— Благ блатом, а пять штук баксов за пару ксив завези, он там не один решает этот вопрос.

Так неожиданно разрешилась проблема вывоза наличных долларов, а заодно и возможность путешествовать как VIP-персоны, о такой удаче Тоглар даже мечтать не мог...

2

Париж встретил их зимним холодом, настоящей русской поземкой в аэропорту Орли, и Тоглар еще раз мысленно поблагодарил Георгия: по его совету он купил пальто «Дормей-престиж» с подкладом из баргузинского соболя, а для Натальи за неделю до отъезда в модном московском салоне приобрел изумительное манто из каракульчи золотистого оттенка. Хозяйка салона Пруссак-Барковская не преминула рассказать, что на международных пушных аукционах такая каракульча — под названием сур — ценится чрезвычайно высоко, и чтобы сделать подбор подходящего оттенка на одну шубу, нужно отсортировать сотни шкурок. Потому такое манто носила прежде только Галина Брежнева, а теперь оно есть и у первой леди России — Наины Ельциной.

Фирма «Содис» не обманула ожиданий, в аэропорту их встречали, и отель на улице Рю де Ришелье оказался недалеко от Гранд-опера. Факс Эйнштейна сработал — в оргкомитете фестиваля их приняли радушно, выложив заказанные билеты на спектакли и концерты. Оплачивая все наличными, выкладывая немалые суммы, Фешин весьма удивил администратора. Впрочем, может, его огорошили чаевые? Но, как бы там ни было, вертлявый француз, мало чем отличающийся от наших прохиндеев — театральных администраторов, тут же заинтересовался: а не желают ли господа русские, за дополнительную плату, разумеется, попасть на большой бал-прием по случаю открытия фестиваля, который будет проводиться в Культурном центре современных искусств Франции имени Жоржа Помпиду, а закрытие — в одном из дворцов на Елисейских полях? К изумлению француз, русские согласились, не спрашивая, сколько это будет стоить, и вновь щедро одарили чаевыми. Тогда вконец растроганный администратор вручил им свою визитку и сказал, что он к их услугам днем и ночью.

И правда, до самого отъезда он время от времени звонил им в гостиницу и справлялся, не нужно ли в чем-то помочь, при этом его со-

веты, рекомендации были очень дельными. Тоглар отметил, что мсье Жак, так звали нового знакомого, заменил им в Париже всезнающего и всегда готового услужить Эйнштейна. Уезжая, они обменялись с мсье Жаком адресами.

Порадовало Константина Николаевича и то, как Наталья прекрасно владеет французским языком, да и держалась она так, словно всю жизнь разъезжала по юбилеям великих хореографов мира,— почему-то французы посчитали, что именно Наталя связана с балетом.

В первый же вечер в Париже, гуляя по Елисейским полям, Тоглар сделал своей подруге подарок в изысканном ювелирном магазине фирмы «Шопард»: редкой красоты швейцарские часы из розового золота с розовыми бриллиантами и изумрудами и похожее по оформлению кольцо — тоже изделие всемирно известной ювелирной фирмы «Шопард». Рассчитываясь опять же наличными, Фешин ожидал, что попросят паспорт, но обошлось, видимо, боялись потерять выгодного клиента. Впрочем, Константин Николаевич специально оставил паспорт дома. Доллары тут же пропустили через какой-то сложный детектор, но творения рук Фешина с успехом выдержали и французский экзамен...

На следующий день по приезде, как ни рвалась Наталя в свой торговый дом Кристиана Лакруа, Константин Николаевич повел ее на Монмартр, ему не терпелось увидеть прославленную в последние полтора столетия улицу, на которой побывало столько гениальных художников. На Монмартр его тянуло еще и потому, что точно знал — тут бывал его дед, где-то под толщей асфальта остались навсегда и его следы. Взгляд Тоглара невольно задерживался на этих старинных зданиях, на этих пыльных витринах и, конечно, на церкви Сакре-Кёр в начале улицы. Тут, блуждая среди заповоливших тротуар мольбертов, Тоглар, как когда-то в Казани, словно бы услышал голос крови, почувствовал себя не просто Костей Фешиным, но и внуком знаменитого живописца, а это ко многому обязывало.

Какие художники тут только ни работали! Как и сто лет назад, в эпоху медлительных паровозов и дилижансов, откуда только ни прибыли сюда живописцы попытать счастья, и каждый из них наверняка считал себя непризнанным гением. Тоглар хотел купить на память о Монмартре какую-нибудь работу, но то, что он видел, его не устраивало. Тут каждый творец рассчитывал прежде всего на коммерческий успех — жизнь в Париже дорогая,— но эти картины, этюды, зарисовки он бы даже кичем назвать не решился. Работы

вольных художников в Москве на Крымском валу — стихийном русском Монмартре — в массе своей были гораздо интереснее. Картину он решил приобрести все-таки где-нибудь в салоне или антикварной лавке, которыми так богат и славен Париж.

Может, оттого, что здесь до Константина Николаевича бывал его дед, Тоглар неожиданно ощутил связь времен, словно от академика Фешина протянулась к нему сквозь годы оборвавшаяся из-за революции и социальных потрясений нить родства, и Париж стал ему еще ближе, понятнее...

Бал-прием в честь открытия фестиваля памяти Джона Кранко в Центре современных искусств Помпиду привел Наталью в восторг прежде всего изысканностью и роскошеством вечерних туалетов, так что она даже загорелась идеей заказать себе у Кристиана Лакруа специальное платье для заключительного бала-банкета на Елисейских полях и уже мысленно видела себя в нем. Тоглар не стал возражать, ему приятно было радовать свою возлюбленную.

Торговый дом находившегося в зените славы кутюрье Кристиана Лакруа Тоглар представлял несколько иным. Нет, он его не разочаровал, просто таков уж российский менталитет, что мы легко принимаем на веру все хваленое иноземное, ориентируясь и доверяя рекламе или видеоклипам. Конечно, фасад — то есть приемная, где встречали высоких гостей, прессу, фоторепортеров, богатых заказчиц, — отличался изыском и даже шармом, но в Париже немало мест, где витрины поражают вкусом, тщательным дизайном, подчеркнутым богатством и блеском. А тут ему случайно удалось увидеть и закулисье высокой моды — за фасадом оказались цеха, причем с жестким фабричным графиком, суетой и даже с привычными нам аврами и субботниками — мода всегда требует жертв.

Конечно, Наталья во время стажировки бывала вместе с подружками из России в главном здании Дома высокой моды, и не раз, но кто же запомнит какую-то Наташу Зимину из Ростова. Поэтому ей пришлось долго и терпеливо объяснять, что она имеет непосредственное отношение к Дому Кристиана Лакруа, работает в его ростовском филиале, а сейчас, оказавшись в Париже по личному делу, хотела бы заказать себе вечернее платье. Тоглар сидел неподалеку в богато оформленном холле в глубоком кресле, обитом плотным китайским шелком осенне-золотистых тонов, и наблюдал, как у стола администратора Наталья пытается что-то втолковать немолодой француженке, упирая на то, что она-де служащая

Дома Кристиана Лакруа,— вот это-то и сбивало с толку вышколенную приемщицу заказов, это было выше ее понимания. Роскошное манто из золотой каракульчи, колье и часы, усыпанные розовыми бриллиантами и изумрудами, которые за версту кричали, что они от «Шопард», выдавали в Наталье солидную клиентку, но тогда при чем здесь какая-то служащая? В общем, приемщица вконец запуталась, хотя и держалась ровно, с улыбкой, пока Наталья не назвала фамилию одного из менеджеров фирмы — Робера Платта. Тогда администратор, облегченно вздохнув, спросила:

— Так вам вызвать мсье Платта?

И Наталья, поняв, что иначе не объясниться, согласно закивала.

Через несколько минут в холле появился энергичный молодой человек, видимо, ровесник Натальи. Увидев гостью из Ростова, он с улыбкой кинулся к ней, раскинув в приветствии длинные руки:

— Натали! Бонжур! Какими судьбами? — и на глазах у всех по-русски крепко обнял и поцеловал ее в щечку.

Обменявшись несколькими фразами, француз хотел увести Наталью с собой, но она показала на сидевшего в кресле у окна Тоглара и, подведя молодого человека, представила:

— Робер Платт, мой французский шеф. Курирует российский рынок и наш Ростов. А это, знакомьтесь, Константин Николаевич Фешин, художник. Мы приехали на фестиваль памяти балетмейстера Джона Кранко.

— О-о!..— восхищенно воскликнул Робер и, как почувствовал Тоглар, завистливо посмотрел на него.

Тогда он не понял, была ли это ревность к человеку, приехавшему на такое всемирное элитарное торжество, или взгляд этот был как-то связан с Натальей. Заметил Константин Николаевич и то, как придирчиво осмотрел француз его распахнутое пальто из ткани «викуния» и английский костюм от «Обвиос» из самых дорогих сортов ткани «черрути». Конечно, для специалиста Дома Кристиана Лакруа такие вещи не остались незамеченными, как и резкое преобразование Натальи, которое он, без сомнения, связал с этим элегантным седющим господином, одетым по самым высшим мировым стандартам.

Тут же, в холле, Наталья объяснила Роберу, что хотела бы заказать на заключительный бал-банкет по случаю закрытия фестиваля вечернее платье, а если он подберет что-то из новых моделей Кристиана Лакруа, то она, может быть, купит еще и пару костюмов для весны-осени и, обязательно, светлый плащ!

— О, с этим нет проблем, тем более для своих российских представителей,— улыбнулся менеджер и продолжил с жаром: — Наш шеф, мсье Лакруа, большой поклонник балета, и, как я знаю, он тоже приглашен на этот бал, ему будет приятно видеть свою работу на очаровательной девушке из России. Идемте прямо к нему, я вас представлю,— и широким жестом мсье Платт пригласил их на второй этаж.

В другом конце просторного холла, у широкой лестницы, ведущей наверх, Тоглар заметил уютный бар и сказал Наталье, что пождет ее внизу, не будет мешать ее общению с коллегами.

Платт по этой же мраморной лестнице, устланной сочно-зеленым ковром, увел Наталью сначала в демонстрационный зал, где были выставлены новейшие модели одежды, а уж потом представил ее самому знаменитому кутюрье. А Тоглар, раздевшись, перебрался за стойку бара, в котором так ароматно пахло кофе и звучала негромкая музыка тех далеких тридцатых — сороковых, когда рождались великие биг-бенды: Гленна Миллера, Луи Армстронга, Бенни Гудмана, Олега Лундстрема...

Константин Николаевич прождал Наталью почти три часа. После первого часа он понял, что мода действительно не может обойтись без жертв, и смирился с потерянным временем. А за окном, хоть и сырой, промозглый, шумел Париж.

Наталья появилась в баре сияющая, довольная, с новым проспектом работ Лакруа в руках, и, робея, протянула Константину Николаевичу внушительный счет, но Тоглар, даже не взглянув на него, небрежно сунул квитанцию в карман, ободряюще подмигнув ей, мол, не переживай — оплатим, и попросил для нее шампанского. Тоглару доставляло удовольствие радовать свою подругу, видеть ее такой счастливой. Потом они пересели в баре за крошечный столик у окна, и пока Наталья наслаждалась ароматным кофе-капучино, Тоглар пошел рассчитаться за заказы, сделанные своей возлюбленной.

И вновь у кассы возникла неожиданная сумятица: сумма зашкаливала за сто тысяч, и не во французских франках, а в полновесных долларах, и получить ее наличными никто не ожидал. Но тут растерянную кассиршу выручил подошедший Платт: он распорядился принять деньги, видимо, менеджер по России привык уже, что «новые русские» разъезжают по свету с чемоданами, полными наличности. Доллары опять пропустили через какой-то необычный вакуумный детектор, и Тоглар снова одержал победу над теми, кто считает, что способен контролировать качество валюты.

За три часа слушания ностальгического джаза Константин Николаевич проникся особым минорным настроением. Бармен, наверное и сам равнодушный к тому давнему джазу в исполнении легендарных виртуозов, обратил внимание, что холеный господин в безупречно подогнанном костюме, так долго задержавшийся за стойкой, наслаждается музыкой, а не убивает время, поэтому он не просто менял компакт-диски, а тщательно выбирал их. В конце концов, общая любовь к ретро-джазу помогла им понять друг друга без слов: Константин Николаевич объяснил бармену жестом, что хотел бы выпить с ним, и показал на редкую и дорогую бутылку коньяка. Так, потихоньку, до прихода Натальи они и опустошили ее чуть ли не полностью.

Вернувшись с оплаченным чеком за заказы, Тоглар мечтательно сказал:

— Как было бы здорово пойти сегодня вечером в какой-нибудь шикарный ресторан с хорошей кухней, и чтобы там играл большой джазовый оркестр, ну, пусть не такой, в три яруса на эстраде, как в старые добрые времена, но и не общипанные квинтеты, секстеты с электроинструментами, а хотя бы три-четыре трубы, саксофоны, группа тромбонов.— И пояснил почему: — Это как в опере — без внушительного хора не так звучит голос даже самого выдающегося солиста, непременно нужен фон. Так и джаз — прежде всего мощь медных инструментов оркестра.

Наталья, счастливая, что удалось сделать заказы, о которых она в своем Ростове и мечтать не могла, и что они будут готовы в ближайшие дни, хотела тоже чем-то порадовать Константина Николаевича. Поэтому, взяв Тоглара под руку, шутливо сказала ему:

— Вот сейчас вернемся в отель, позвоним мсье Жаку и спросим, есть ли в Париже такой ретро-ресторан. Я бы тоже с удовольствием станцевала с тобой танго под музыку, скажем, Гершвина.

Возможно, через час Тоглар уже забыл бы о своем желании, возникшем в баре,— оно появилось действительно под настроение,— но Наталья, как только они вошли в свой номер, тут же позвонила мсье Жаку в Гранд-опера. Шустрый администратор, внимательно выслушав ее, пообещал связаться с ними через полчаса, но позвонил с заметным опозданием, обычно он бывал пунктуален. Мсье Жак очень хотел угодить русским из Москвы, он понимал, что не во всякий ресторан можно отправить гостей с богатой фантазией, для которых цена, какая бы она ни была, в принципе ничего не значит. В Париже можно легко отыскать с десятков приличных ресторанов, где играет

джаз, но мсье Жак угадал, что Тоглар с Натальей хотят не только послушать музыку в исполнении первоклассного оркестра, а желают окунуться в атмосферу прошлых лет, почувствовать ушедшее время. И он, обзвонив нескольких эстетов, хорошо осведомленных о светской жизни Парижа, нашел такой изысканный ресторан, где все: интерьер, убранство и даже одежда — было выдержано в соответствующем духе. Ресторан этот любили посещать богатые снобы со всего света, тосковавшие по тем неспешным временам и, конечно же, равнодушные к джазу, назывался он «Леди Астор».

3

Позже, вспоминая свою поездку в Париж, и Тоглар, и Наталья одним из памятных событий во Франции будут считать именно тот незабываемый ужин, что прошел при свечах в «Леди Астор». А ведь они провели в Париже не один замечательный вечер, чего стоил каждый день фестиваля — порою по два-три одноактных балета в едином спектакле, а какие имена — звезда на звезде! Не говоря уже о балах по случаю открытия и, особенно, закрытия фестиваля, на котором Наталья блистала в невероятно эксцентричном платье от Кристиана Лакруа, и сам великий кутюрье подходил к ним за время банкета не один раз. Он и позировал для фотокорреспондентов и для прессы рядом с Натальей, отрекомендовав ее своей сотрудницей в России, в далеком и незнакомом французам Ростове. Впрочем, Наталья сумела доходчиво представить заносчивым парижанам свой любимый Ростов. Она сказала, что Ростов — это столица русского казачества, великолепно описанного в романе ее земляка Михаила Шолохова «Тихий Дон», где и сейчас живут потомки тех усатых, в красных папахах казаков, которые некогда верхом въехали в Париж победителями. За этот эмоциональный спич ей даже поаплодировали, и весь оставшийся вечер она была на виду.

Пожалуй, только здесь, в «Леди Астор», Константин Николаевич в полной мере ощутил силу долларов, даже фальшивых, понял, что значит путешествовать по миру с большими деньгами. Только пройдя по зеркальному паркету несколько шагов вслед за метрдотелем, Фешин почувствовал: вот живое воплощение его грез, давней и казавшейся несбыточной мечты — оркестранты, в безукоризненно белых смокингах, в жемчужных парчовых наутюженных

жилетах, встречали его со спутницей сказочно-прекрасной, берущей за душу «Лунной серенадой» Гленна Миллера.

В этот вечер в «Леди Астор» они встретили многих из тех, кого видели на балетном фестивале, в основном иностранцев: немцев, англичан, американцев, японцев. С некоторыми они сталкивались у себя в отеле, наверное, и сами кому-то показались знакомыми. Уж очень эффектно они смотрелись рядом: высокий, породисто-вальяжный, не по возрасту стройный седеющий Тоглар и по-спортивному изящная русская красавица, полная сил и молодости Наталья.

Конечно, и высокое ведерко на столе, в котором среди колотого льда покоились бутылки уже известного им французского шампанского «Тайттингер», и два четырехрожковых невысоких подсвечника-шандала из потемневшего серебра, стоявшие справа от каждого из них рядом с невероятным количеством столовых приборов,— все было антикварным. Хотя Тоглару, неплохо знавшему антиквариат, тут же пришлось на ум высказывание консервативных англичан, которое гласило, что все произведенное после 1830 года не может считаться истинным антиквариатом. Но вслух это снобистское утверждение Тоглар произносить не стал.

Наверное, и герои фицджеральдовских романов когда-то смаковали такое же изысканное шампанское, запивали нежнейшую дичь, выдержанную в гранатовом соке, тем же белым вином из Прованса, и на столе золотой горкой высились такие же ананасы из Марокко и Алжира, а тюльпаны рядом с ними были доставлены из соседней Голландии, но, главное, для них звучала почти та же музыка. Продуманно выстроенная психологически — по восходящей от минорных мелодий до зажигающих рок-н-роллов,— она пьянила сильнее вина. Трудно сказать почему, но, может, оттого, что и другие гости «Леди Астор», как и Тоглар с Натальей, были сегодня в этом ресторане впервые, а может, даже впервые в Париже, и тоже хотели, чтобы этот вечер остался в памяти навсегда, вскоре, как по мановению волшебной палочки, пропала к полуночи чопорность: кутили, как и фицджеральдовские герои, без оглядки, азартно, неистово. Тоглар, бывалый гуляка, знал этот ресторанный психоз и наслаждался тем, как праздник пьянил счастливую Наталью.

Заканчивали ночь в «Леди Астор», как и в любом русском ресторане: ходили от стола к столу, угощали друг друга, посылали оркестрантам дорогие вина и коньяки, щедро одаривали их чаевыми, вновь и вновь заказывали полюбившиеся мелодии, обменивались ви-

зитками, наверное, кто-то даже признавался друг другу в вечной любви и верности — в общем, гуляли лихо, совсем по-русски, хотя и в Париже, во французском ресторане с английским названием.

Еще до начала шумного загула Тоглар вдруг предложил:

— А может, нам отметить здесь и Новый год?

— Я была бы счастлива, милый, мне здесь так нравится,— ответила Наталья и вся вспыхнула от радости.

Константин Николаевич, не желая откладывать дело в долгий ящик — до Нового года оставалось чуть больше недели,— отправился на поиски главного администратора «Леди Астор». Но столы на новогодний бал, оказывается, были зарезервированы задолго до Рождества. Католический Париж встречает праздник чуть раньше православной Москвы. Выручил Тоглара опыт завсегдагая зланных мест: как и в Белокаменной, он достал внушительную пачку долларов и сказал, что готов заплатить за стол двойную цену. Администратор сразу потеплел взглядом и спросил на ломаном русском:

— Русский? Москва? — Получив утвердительный ответ, он заинтересовался, уточняя: — На сколько человек хотите заказать стол?

— На двоих,— показал пальцами Тоглар.

— Это меняет ситуацию. Я думаю, мы найдем для вас места в зале.— И администратор, встав, уже дружески протянул Тоглару руку.

Чтобы получить до отъезда заказы от кутюрье Кристиана Лакруа, Наталье пришлось ежедневно проводить по три-четыре часа на примерках в салоне мэтра, а производственные цеха находились в разных кварталах Парижа, иногда и в разных концах столицы. Тоглар еще раз убедился, что мода требует жертв, и прежде всего от самой модницы. Чтобы не ломать друг другу день, Константин Николаевич утром, после завтрака в номере, завозил ее на такси по нужному адресу и оказывался свободным до обеда, или, как говорила Наталья на английский манер: до ленча. Обедать договаривались в каком-нибудь известном ресторане, опять же, прибегая к услугам мсье Жака, и Тоглар приезжал туда пораньше, делал заказ на свой вкус и ожидал освободившуюся Наталью уже в зале.

Тоглар ничего не рассказывал девушке ни о себе, ни о своих предках — как-то не пришлось, да и она не расспрашивала, принимая все как есть. Конечно, ему больше всего хотелось поведать ей про своего знаменитого деда Николая Ивановича Фешина, повезти ее в Казань, показать ей зал в музее с автопортретом у входа, взглянув на который, в их родстве можно было не сомневаться, но все каза-

лось — не подошло время, не настал еще момент. Оставаясь каждый день с утра на несколько часов один в Париже, Тоглар отправлялся в музей или известную галерею, надеясь случайно наткнуться на работы Николая Ивановича. Отыщи он работы Фешина в галереях, появился бы и резон объясниться с Натальей, поведать о своих корнях. Конечно, когда он приведет Наталью на Кутузовский проспект в новую квартиру, покажет студию-мастерскую, обязательно расскажет ей про своего знаменитого деда, покажет единственную картину, оставшуюся от мастера и случайно попавшую к нему. Тогда, может быть, она лучше поймет его страстное желание рисовать, попытаться использовать свой шанс в творчестве. Тоглар помнил счастливые глаза возлюбленной в Ростове, когда молниеносно сделал углем ее портрет и портрет утонченного хозяина галереи «Салар».

В Лувре он уже побывал вместе с Натальей, сразу после посещения Монмартра, но однажды его вновь потянуло туда — спокойно посмотреть еще раз зал близких его душе импрессионистов. И на этот раз ему неожиданно выпала удача. В зале современных художников он увидел изумительный парадный портрет Рудольфа Нуриева, под чьим патронажем проходил нынешний фестиваль. Но главным оказалось то, что картина была кисти российского художника Эдуарда Шагеева, того самого, чью огромную картину «Сон эстета» он купил для интерьера в свою мастерскую-студию как раз накануне отлета в Париж.

В Париже Тоглар часто и с благодарностью вспоминал Эйнштейна, это ведь с его легкой руки он вызвал Наталью в Москву и уговорил отметить Новый год в европейской столице.

Вспомнив в очередной раз про Георгия, Константин Николаевич купил в подарок ему, Аргентинцу и Дантесу, заядлым картежникам, по большому набору французских карт высочайшего уровня полиграфии — смесь шелка, льна, хлопка, качественных сортов бумаги, а о красках, рисунках, сделанных известными художниками Европы, и говорить не приходится — так и просятся в руки. Зная страсть Эйнштейна к аксессуарам, Тоглар приобрел ему по дюжине шейных платков от Эрмеса и галстуков от Кардена. Наткнувшись на ювелирный магазин «Картье», вспомнил о визитных карточках, так поразивших его воображение в «Пекине», и тут же заказал себе сотню из сусального золота, правда, больше часа бился с тамошним художником, пока не придумали сложную монограмму из его инициалов: К. Н. Ф., обозначил же он себя на визитке кратко и скромно — художник.

Не забыл Тоглар и про подарки для Виленкина, с которым переговаривался по телефону каждые три дня. Дела на Кутузовском проспекте продвигались успешно, хотя до завершения было еще не близко. Но в Париже Константин Николаевич несколько успокоился: Наталья была рядом, а жить в «Метрополе» совсем не плохо, на худой конец, можно было бы еще куда-нибудь слетать отдохнуть, например, на острова в теплом Индийском океане, — наверное, приятно среди зимы вернуться в Москву загорелым. Не прав был поэт, когда назидательно заметил:

Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

Жаль, поздновато открылись и границы, и возможности...

Для дизайнера Виленкина Тоглар купил журналов, книг, альбомов по оформлению интерьеров в жилых зданиях, офисах, банках, ресторанах, барах. Константин Николаевич бегло перелистал их у себя в номере и с удовольствием отметил, что московский дизайнер нисколько не уступает прославленным коллегам из Парижа, особенно если судить по салону «Ягуар-стиль» в гостинице «Софител-Ирис». Тоглар лишний раз убедился в верности своей теории — если человеку дан талант, он проявится где угодно, при любых условиях, пример тому и Джон Кранко, и Рудольф Нуриев, да и его дед — художник Фешин.

Дни в Париже таяли, как свечи в шандале, первое совместное путешествие с возлюбленной подходило к концу, все чаще Наталья возвращалась с примерок с готовым заказом, сияющая от счастья, и эти минуты доставляли Константину Николаевичу большую радость. Она часто звонила в Ростов, домой, подружкам, и все торопили ее вернуться. Она и сама стала собираться домой, узнав, что ее мать попала в больницу, пришлось запастись здесь нужными для нее лекарствами. Выходило, что в Москве Наталья не остановится, прямо из «Шереметьево-2» поедет в аэропорт Домодедово и улетит в Ростов.

В тот день, когда на Елисейских полях был назначен бал-банкет по случаю закрытия фестиваля, Тоглар с Натальей вернулись в гостиницу с прогулки по городу пораньше. Вечернее платье для бала лежало в номере уже два дня, да и другие заказы были упакованы к отъезду. Наталья, не раз примерявшая платье для вечера и демонстрировавшая его Константину Николаевичу, неожиданно решила

сходить в парикмахерскую, сделать новую прическу, подходящую для выхода в высший свет. Ее примеру решил последовать и Тоглар, в Париже они были уже около двух недель, и подстричься не мешало, да и любопытно было, как работают французские цирюльники.

Вдвоем они спустились на первый этаж, где располагались мужской и женский салоны. Наталье повезло больше, для нее в дамском зале оказалось свободное кресло, а в мужском салоне Константину Николаевичу пришлось немного подождать, оба мастера, судя по всему итальянцы, потомки вездесущего Фигаро, были заняты. В небольшом уютном холле на мраморном столике лежали газеты, журналы, рекламные проспекты. Русских газет французские отели пока не держат, и, чтобы скоротать время, Тоглар взял богато иллюстрированный еженедельник — он не знал французского, но на иных фотографиях можно прочитать о многом. Однако листать весь журнал не пришлось, снимок на второй или третьей странице задержал его внимание надолго. На добротной мелованной бумаге был заснят роскошный номер «люкс» в дорогом лондонском отеле «Лейнсборо». Роскошь интерьера, цветовое и пространственное решения и привлекли вначале его внимание: все убранство комнаты, живые цветы, шторы, жалюзи идеально уложились в цветной снимок, да и ракурс был выбран удачно, — как говорится, все попало в кадр, всему нашлось место.

Наверное, увлекшись цветовой гаммой, он вначале не заметил главного в кадре: на вишнево-красном персидском ковре, устлавшем пол-комнаты, лежали вразброс, как в балетной сцене, два молодых человека в одинаковых белых костюмах, и лица этих парней показались Тоглару знакомыми. Вглядевшись внимательнее, Фешин понял: так и есть — братья Цуцаевы из Грозного, он хорошо их знал. Того, что лежал на снимке слева, ближе к окну, звали Алиханом, он был старшим, а второго, более спокойного и рассудительного, — Асланом. Оба из знаменитого чеченского рода, люди, близкие к генералу Дудаеву, его особо доверенные лица. Братья Цуцаевы лично контролировали подпольный монетный двор Чечни.

Тоглар невольно глянул на свои «Юлисс Нардан», их из Цюриха привез ему в подарок Алихан. За три дня до побега Тоглара из чеченского плена братья отправились в Крым посмотреть знаменитый Коктебель, а заодно, если удастся, прикупить на фальшивые доллары тамошнее казино и парочку проходящих в упадок санаториев.

Глядя на снимок, Тоглар вдруг ощутил пронзительную жалость к братьям Цуцаевым — молодые, красивые, хорошо образованные,

М

любили жизнь,— кто же их достал? И это в Лондоне! Ну, в Москве было бы понятно. Тоглар осознал, что ему от этой неожиданной и важной вести следует радоваться, может, даже заплясать, распить бутылку хорошего шампанского — ведь только братья Цуцаевы имели с ним контакт, от всех других чеченцев он был надежно засекречен, охрана тут не в счет. Лишь Цуцаевы доподлинно знали весь процесс его работы, они доставляли сложнейшую аппаратуру из Англии, и только они могли организовать настоящую охоту за ним. Выходит, по большому счету, они унесли с собой тайну фальшивых долларов из Ичкерии — не станет же он сам давать ширококвещательные интервью по этому поводу.

Наверное, надо было закричать на весь парижский отель: «Свободен! Свободен!», как когда-то в Ростове, в гостинице «Редиссон-Ростов». Но радости Тоглар не чувствовал, наоборот, ощутил нарастающую в душе тревогу.

ГЛАВА 12. ОХОТНИК ЗА «ГРАВЕРАМИ»

Карлен Татлян постепенно проникался особой любовью к Москве. Причина была простой — деньги из саквояжа чеченцев, убитых в лондонском отеле «Лейнсборо», резко изменили жизнь репортера светской хроники, а заодно и агента ЦРУ под кличкой Норман. На другой день после возвращения Вагана и Армена из Англии и застолья по этому случаю Карлен откликнулся на предложение соседей посетить новомодный салон «Ягуар-стиль» в гостинице «Софитель-Ирис», где впервые за свою самостоятельную жизнь хорошо оделся: он всегда отличался вкусом, не было до сих пор лишь возможностей. Карлен разделял мнение Абрека о том, что американцы одеваются плохо и безвкусно, но, опять же, это происходит у боль-

шинства из-за обычной нехватки денег. Модная одежда, особенно европейская, в Америке стоит дорого, возможно поэтому практичные американцы изобрели и подарили миру пресловутые джинсы и безразмерные майки. Да и все эти гамбургеры, хот-доги, сэндвичи придуманы не от хорошей жизни, просто ритм существования в этой стране такой, что там и пообедать, по российским понятиям, некогда, где уж тут до супов, рассольников или борщей.

Конечно, Карлен был ошарашен разнообразием выбора мужской одежды, предлагаемой салоном, и, будь он один, наверняка купил бы себе лишь кое-что по мелочи, цены все-таки поражали воображение. Но Абрек и Крис, словно соревнуясь друг с другом, экипировались с головы до ног, и Карлен вынужден был последовать их примеру, тем более, что одеваться ему пришлось, как говорят в России, на хляву. В противном случае ереванские знакомцы, родственники легендарного Сво, не поняли бы его, заподозрили в жадности, а жадным мало кто доверяет, жадных сторонятся, Карлен же не хотел терять дружбы с щедрыми и бесшабашными соседями. Наверное, они заметили, с какой неохотой расставался он с деньгами в магазине, поэтому, возвращаясь домой в машине, Абрек сказал ободряюще:

— Каро, ты трать деньги, не жалей. Молодость в жизни бывает один раз. А кончатся — опять можешь нырнуть в саквояж... Гуляй на здоровье, ты у нас как талисман...

Впервые по-настоящему отведав блюда русской кухни от Петровича из «Золотого петушка», Карлен понял своих друзей, у которых еда занимала не последнее место в жизни. Абрек как-то заметил, что биг-мак, гамбургер или хот-дог он может съесть, только если попадет на тюремные нары, впрочем, он и там рассчитывал на приличную еду за счет передач. И шутя размышлял, не оплатить ли заранее Хавтану, владельцу «Золотого петушка», своеобразную страховку тысяч в двадцать долларов, чтобы тот позаботился о его питании в местах не столь отдаленных, если уж он туда загремит. Кстати, его легкомысленная на первый взгляд идея пришла Хавтану по душе: он-то хорошо знал, что нынче в России достаточно богатых людей, готовых подстраховать себя на подобный случай, — рентабельный получился бы бизнес. Хавтан, загоревшись этой идеей, на следующий вечер в «Пекине» даже провозгласил за столом тост-лозунг: «Каждой тюрьме в зоне прикрепить по «Золотому петушку»!»

Поэтому Карлен, иногда с соседями, а чаще один, наведывался в «Золотой петушок». Когда он приезжал с Абреком и Крисом,

у их стола, выказывая гостям особое уважение, на минутку появлялся сам Петрович, мало похожий на привычного шеф-повара. Кудесник русской кухни в «Золотом петушке» скорее походил на бывшего спортсмена, чтившего режим, или на отставного служаку — среднего роста, крепко сбитый, подтянутый, с четкими, уверенными движениями и жестами, немногословный и со странностями.

Например, Хавтан уже несколько раз мог отправить Петровича на конкурс поваров или на месячник национальной кухни в Париж или Лондон, в Афины или Стокгольм — известные европейские отели часто проводят подобные мероприятия, и обычно желающих попасть туда — тьма, но Петрович обескураживающе говорил: «А зачем? Я и так знаю, что хорошо готовлю, мне самоутверждаться ни к чему, и реклама мне не нужна. А кто хочет отведать русской кухни, тот пусть пожалует к нам в Россию, на месте откушает нашу исконную еду с русским хлебом, русской водочкой...» Так, или примерно так, заканчивались все разговоры о конкурсах, месячниках русской кухни в западных столицах мира.

Говорят, была у Петровича в молодые годы и ходка в зону, вроде он там и пригрел бакланистого земляка Хавтана, дал ему подняться. В общем, непростой мужик был Петрович, и чувствовалось, что хозяин «Золотого петушка» не только гордится своим широко известным в московских кругах поваром, но и доверяет ему. Говорят, на заре своего становления Хавтан брал Петровича даже на серьезные разборки, а на такое дело не всякого возьмут. Но биография Петровича мало волновала Карлена, главное, готовил тот действительно замечательно — пальчики оближешь, и потому бывать в «Золотом петушке» хотелось как можно чаще.

Сбылась и американская мечта Карлена — он купил автомобиль, не в рассрочку, как принято в Штатах, а за наличные, и не какой-то задрипанный серийный «форд» или японскую малолитражку, а машину высшего европейского класса — белый «мерседес» последней модели, со всеми индивидуальными наворотами и приамбасами. Выбери он что-нибудь попроще, владельцы бездонного саквояжа на четвертом этаже его бы не поняли. Впрочем, когда он выехал из торгового представительства «Мерседес» в Москве, то вспомнил, как еще недавно позавидовал некоему Картье, когда тот после своего дня рождения в «Пекине» отъехал от гостиницы на такой же белой красавице. Тогда он и представить не мог, что станет владельцем шестисотого «мерседеса», да еще так скоро.

Завел наконец-то Карлен и постоянную подружку в Москве. Конечно, отсутствием внимания со стороны прекрасных дам он не страдал, тем более бывая постоянно на тусовках, премьерах и презентациях. Некоторые девушки льнули к нему по известной причине, им казалось: иностранец, американец, работает в солидной газете, значит, богатый человек, может жениться, увезти в вожделенную Америку, но таких Карлен вычислял на раз и быстро отваживал. Не заводил он пассию, опять же по финансовым соображениям — жизнь в Москве дорогая: пойти куда вечером вдвоем посидеть, погулять — не одну сотню долларов нужно выкинуть. Теперь же необходимость в жесточайшей экономии отпала, и он мог позволить себе жизнь вполне процветающего плейбоя. Времени и средств у Татляна было в достатке, культурная программа русской столицы к его услугам — везде желанен, кругом приглашен, мог даже выбирать, куда пойти, а куда и отказаться.

Заходя в «Золотой петушок» один, Карлен выбирал такой стол, чтобы не особенно бросаться в глаза, а самому иметь возможность наблюдать за залом, в частности, за входом, — архитектура ресторана позволяла это. Обустроившись, оглядевшись в Москве, Карлен понял, какое у него непростое задание — конкретного результата можно и не добиться, долгие годы проработать вхолостую. Поэтому он поставил себе несколько иную задачу, чем его хозяева в ЦРУ, и на это его натолкнула встреча с колумбийским наркокурьером в ресторане гостиницы «Метрополь». Выявить центр или найти хотя бы локальный район, где печатаются фальшивые доллары в России, ему казалось делом почти нереальным, но не признаешься же в этом руководству! Москву покидать не хотелось ни в коем случае, он буквально встал в нее не по дням, а по часам, а для того, чтобы надолго застолбить себе место в русской столице, нужен был успех или хоть какие-то результаты — даром деньги нигде не платят, тем более в Америке. Многословные, но безрезультатные отчеты могли устраивать начальство лишь на первых порах — там, наверху, тоже не лохи сидят, сами прошли низовую работу, чувствуют, когда пургу гонят, туфтой кормят.

Татлян не хотел попасть в категорию «бумажных» агентов, так называют как раз тех, кто преуспевает не на деле, а в отчетах и предположениях, и от которых стараются избавиться из-за их профессиональной непригодности. Поэтому его новая тактика ориентировалась на результат, любой, пусть даже не связанный напрямую с изготовлением фальшивых долларов. Задержание по его наводке представите-

ля наркобаронов из Колумбии, приехавшего навести мосты с российской мафией, высоко оценили в ЦРУ. И теперь Карлен-Норман все чаще и чаще запрашивал материалы на наркодельцов и на известных мастеров по изготовлению фальшивой валюты со всех континентов. Татлян чувствовал, что в России может быть востребовано их мастерство, тут криминальный мир живет в тесных объятиях с властью, имеет силу и может позволить себе напечатать миллиард-другой — страна большая, богатая, все рассосется.

Кроме русской кухни, интересен был Карлену «Золотой петушок» и тем, что здесь бывали криминальные авторитеты, а также много иностранцев, так же, как и он, по достоинству оценивших мастерство Петровича и его неподражаемые закуски, холодные и горячие, к настоящей русской водочке. «Срисуй» он тут залетного итальянского или польского фальшивомонетчика с кем-нибудь из крутой братвы — а их-то он уже научился распознавать за версту, в какие бы карденовские одежды они ни рядились, — и можно было еще годы и годы жить в полюбившейся русской столице. А там, выпавши еще какая-нибудь серьезная удача — хоть с наркотиками, хоть с преступлением, представляющим угрозу безопасности США, — и он уже стал бы специалистом по России. А тех, кто выдает результаты, не дергают с обжитого места, это он знал точно.

«Золотой петушок» подходил ему по всем статьям: впервые сюда он пришел с авторитетами Абреком и Крисом, а значит, был своим человеком. Если Хавтан и не подсаживался к его столу, когда он бывал один или со своей подругой Олей, то, проходя мимо, всегда приветствовал его: обронит доброе слово, а то и пришлет бутылку хорошего шампанского — такой чести удостоиваются не все завсегдатаи. Да и обслугу Карлен мало-помалу приучал к себе, вручая осязаемые чаевые или небольшие, но со вкусом подобранные подарки, — в будущем халдеи всегда могут сгодиться. Не зря же в разведшколе его учили: официант — самый лучший источник информации. В общем, «Золотой петушок» оказался для Карлена приятным и полезным во всех отношениях, вроде и гулял, и был при деле — редкостное совпадение.

Девушка, с которой Карлен встречался, Оля Харитонова, оканчивала юридический факультет МГУ, а жила в соседнем доме, тоже на улице Ямского Поля. Была она профессорской дочкой из семьи старых потомственных москвичей чуть ли не в двадцатом поколении. Перестройка резко изменила социальное и материальное положение именно этой категории людей — они оказались за бортом

новой жизни. Профессора Харитонову отправили на «заслуженный отдых» с ничтожной пенсией в первые же годы реформ, и он остро переживал, что стал никому не нужен.

Оля, как и Карлен, оказалась театралкой и радовалась каждому спектаклю, концерту, балету, на которых они бывали вместе. Впрочем, именно Карлен открыл ей, коренной москвичке, невероятную вечернюю жизнь столицы, о которой она даже и не догадывалась, считая, как и отец, что все вокруг пришло в полный упадок, а оказалось, рядом шла такая интенсивная, насыщенная до предела жизнь. Нравилось ей и в «Золотом петушке», хотя она не понимала, почему Карлена тянет именно в этот ресторан, ведь в Москве столько привлекательных мест! Но не возражала, когда он приглашал ее именно туда, она видела, с каким аппетитом уплетает он все, что им подавали на стол,— Карлен уверял ее, что лучше Петровича в России, наверное, никто не готовит.

Теперь, если понадобится, свои частые посещения «Золотого петушка» Карлен вполне мог объяснить любовью к русской кухне. Тут таких завсегдатаев было много, клиентура ресторана сложилась давно, одни приезжали обедать почти каждый день, другие появлялись только по вечерам — концертную программу и музыкантов Хавтан обновлял почаще, чем меню и винный ассортимент.

В один из таких вечеров, когда Карлен ужинал у Хавтана вместе с Ольгой, он увидел Картье, знакомого ему с первого посещения казино «Трефовый туз». Тот тоже пришел не один, а с небольшой компанией, половину которой составляли девушки. По тому, как вокруг него закружились метрдотели и официанты, Карлен понял, что Картье тут человек не случайный. А вот ориентировку на него Карлен получил только спустя четыре месяца, слишком долгий срок для его ведомства, но, видимо, и случай был особый. Оказывается, Вячеслав Михайлович Неделин два года служил на Дальнем Востоке в десантных войсках, а позже, на втором году, был откомандирован в войска особого назначения, куда ведется строжайший отбор. Прошел там школу диверсионной и противодиверсионной подготовки, знал иностранные языки, был обучен радиоперехвату и работе в эфире и еще ряду дисциплин секретного характера. Происходит из интеллигентной московской семьи. В годы перестройки успешно вписался в бизнес, имеет собственное дело. Начинал с продажи крупной партии компьютеров и оргтехники «белой» сборки для нарождающихся банков России, преимущественно в Москве. Сотруд-

ничал с известной английской фирмой, рассчитывался в срок, с первыми поставщиками в контакте до сих пор. На Западе бывает редко, в основном в Лондоне. И ни слова о его криминальных связях.

В конце информации Карлена просили уточнить, не связан ли Картье-Неделин с КГБ, уж слишком четки и ясны все его следы, не за что зацепиться, хотя и подозрительно расточителен.

Карлен ответил в центр, что за время, прошедшее после его запроса, ему удалось самому кое-что прояснить насчет Картье. И, по его проверенным и перепроверенным данным, Неделин из тех, кто принадлежит к «новым русским», тесно связанным с уголовным миром, хотя и не имеет за плечами судимости. И в подтверждение своего заключения послал в центр фотографию Картье, вторично заснятого в том же самом «Пекине» рядом с криминальным «генералитетом» Москвы: Шаманом, Дантесом и неким поджарым господином в элегантной твидовой тройке, чью личность ему пока установить не удалось. Неделин вполне может иметь отношение к выпуску фальшивых долларов или к их распространению, и он будет этот вариант разрабатывать основательно. В свою очередь, Норман просил коллег из центра каждый раз брать Картье — Неделина под микроскоп, когда тот бывает на Западе, особенно тщательно проводить экспертизу наличных долларов, где бы он ими ни расплачивался, и взять на учет приобретение им высококачественных цветных ксероксов и другой сложной аппаратуры, которая может быть использована в подпольном монетном дворе.

В конце своего отчета Карлен, как человек, уже вполне освоившийся в Москве, утверждал, что криминальный мир России — особенно его руководящие круги, мозговой центр — имеет свою, отличную от других стран специфику: он сплошь состоит из людей образованных, выходцев из благополучных и даже элитарных семей, прошедших в армии специальное обучение или известных в спортивной среде.

Криминальный мир России, по мнению Нормана, срочно требовал серьезного научного изучения, так как сложившийся в ЦРУ стереотип уголовных элементов применительно к русским может дать сбой. Странно, но, давая в центр исчерпывающую информацию на Картье, Норман, как и в случае с убийством в лондонском отеле «Лейнсборо», скрыл, что он пытался несколько раз поставить на прослушивание домашний телефон Неделина, но ничего путного из этого не вышло. Хозяин крайне редко звонил по телефону из дома

и вообще мало бывал на Кутузовском. Теперь, после получения подробной информации из центра на Картье, Норман понял, что предсудительность Неделина связана с обучением в войсках специального назначения, а если он знаком с радиоперехватом, работой в эфире, у него, конечно, есть и другие более надежные источники связи. «Непростые, оказывается, пошли в России бандиты, не по зубам даже агентам ЦРУ», — улыбнулся своему выводу Карлен.

2

Карлен сидел с Ольгой за массивной мраморной колонной в левой половине зала, где их действительно нельзя было увидеть ни от входа, ни с того места, где расположилась компания Неделина, и думал, что преимущество в этот вечер за ним. Картье бывал в «Золотом петушке», но редко, считанные разы, хотя, конечно, был слышан о его отменной кухне. Познакомил Неделина с Хавтаном Дантес, как раз накануне одного из отлетов Картье в Лондон, тогда они обедали втроем в «Метрополе». Ушли они из гостиницы вдвоем, — Хавтан в ту пору как раз обустроивал «Золотой петушок», он и заказал Неделину компьютер понадежнее для своей бухгалтерии.

Хавтан оказался в тот день без машины, и Картье подбросил его к ресторану. В машине разговорились о том о сем, и ловкий Хавтан, прознав, что Неделин спец в технике, спросил напрямую: «А нельзя ли мне отладить такой телевизор, чтобы я, не выходя из кабинета, мог просматривать зал, а некоторые столы даже прослушивать? Жизнь наша опасная, и знать, кто против тебя что замышляет, совсем не лишне».

Идея эта пришлась Неделину по душе: отладив такую систему Хавтану, он и сам мог пользоваться информацией из ресторана даже без ведома и разрешения хозяина. Необходимы были лишь один промежуточный компьютер и передающее устройство, перегоняющее текст и видеообзор из ресторана на его дисплей. Они, не откладывая дела в долгий ящик, пошли посмотреть зал, кабинет Хавтана; задуманное директором ресторана оказалось легко осуществимым. Неделин назвал сумму, немалую, в которую выльется вся эта затея, и добавил, что, как только оборудование будет доставлено из Англии, он сам все смонтирует, без свидетелей, за три-четыре ночи. Ударили по рукам...

Поэтому, заявившись в тот вечер в «Золотой петушок», Картье оставил свою компанию делать заказ, а сам прошел в кабинет Хавтана, куда по уговору с хозяином имел доступ, и включил обыкновенный цветной японский телевизор «Сони» на тридцать два дюйма. Затем, поманипулировав на дистанционном пульте управления кнопками, известными только ему и Хавтану, увидел перед собой ресторанный зал. Изображение на экране с помощью пульта можно было легко передвигать от стола к столу, фиксируя его на соответствующих особах. Зал Картье включил на всякий случай — осторожность никогда не покидала его: в ресторане могли оказаться авторитеты, с которыми он сегодня не желал встречи, и если бы они кутили у Хавтана, он с компанией отправился бы в другой ресторан. Но в роскошном зале, где уже царило веселье, опасных для него людей не было, хотя одно лицо «кавказской национальности» и насторожило его.

Вглядевшись внимательнее, Картье узнал парня, заснявшего его на дне рождения в «Пекине». Того самого, Карлена Татляна, агента ЦРУ, работавшего в Москве под крышей газеты «Лос-Анджелес таймс», как позже объяснил Неделину Виктор Королев, некогда предложивший ему нелегальное сотрудничество с КГБ.

«И этот, значит, протоптал дорожку к Хавтану», — весело подумал Неделин. Подтверждалась версия коллег Виктора Степановича с шестого этажа Лубянки, что Карлен Татлян, уже более года находившийся в Москве, постоянно ищет и завязывает контакты с уголовными элементами столицы. Видимо, в его задачу входит подробно изучить феноменальный взлет преступного мира в России и возможность с его помощью неожиданно, в подходящий момент, дестабилизировать обстановку в стране. Или же американцы затеяли охоту за миллиардами братвы, чтобы они не расплылись по миру, а прямоком текли в США. Выходило, что правы оказались аналитики из ФСК: Татляна всерьез интересовали бандиты. Ведь «Золотой петушок» — одно из любимых мест братвы в столице. В общем, ресторан Хавтана служил американскому шпиону идеальным театром действий для решения поставленной перед ним задачи. Если, конечно, именно эту цель поставили перед ним его хозяева из ЦРУ.

Сегодня Карлен Татлян предстал перед Неделиным без привычного дешевого пиджака, изысканно и дорого одетым, на руке у него блеснули золотом солидные швейцарские часы, и Картье сразу подумал, что такая метаморфоза непременно связана с чем-то важным, откуда-то у американца появились деньги. Бросилась в глаза мило-

видная девушка рядом с ним, она не походила на девиц, что часто встречаются в клубах и ресторанах рядом с «новыми русскими», были в ней заметны интеллигентность, мягкость, шарм, и Неделин на мгновение даже позавидовал американцу.

Провести вечер в «Золотом петушке» Неделин предложил друзьям неожиданно, никто не знал о его ближайших планах, их, впрочем, и не было, значит, американец пожаловал к Хавтану не по его душу, просто пересеклись дороги, потому что у них, оказывается, немало общих интересов. Да и репортер мог быть здесь сегодня без конкретной цели; собрать достоверную информацию об уголовном мире, понять его расклад, его цели и перспективы, финансовые возможности — это работа долгая, кропотливая, нужно стать не только завсегдатаем «Золотого петушка», но и своим человеком в каком-нибудь закрытом катране, где катают по-крупному, посещать известные казино, где за вечер порою спускают по «лимону» баксов. Впрочем, как отмечал Виктор Степанович, американец в значных местах Москвы ориентируется прекрасно, бывает повсюду, и сопровождают его люди, перед которыми открываются многие тайные двери ночной столицы.

«Надо как-нибудь осторожно, чтобы не испугать, внушить Хавтану мысль, чтобы взял на учет визиты американца,— подумал вдруг Картье.— С кем приходит, с кем общается, кто в эти же часы из крупной братвы в зале? Может, и выплывет какая-нибудь важная деталь, хотя, как говорил полковник Королев, работает репортер светской хроники чисто, не подкопаешься».

Когда Картье только начинал свой бизнес и еще жил с родителями, не имея нынешнего офиса, он случайно встретил в универсаме свою одноклассницу, с которой не виделся почти шесть лет, а для девушек, особенно после школы, это громадный срок, именно тогда у них случаются главные события их жизни. Произошли они по полной программе и с Татьяной. Поступила в институт, на третьем курсе вышла замуж по большой любви, вскоре родила ребенка, после академического отпуска оставила учебу и еще через полтора года разошлась с суженым, который тут же, налегке, не обременяя себя алиментами, сбежал с новой женой и ее родителями в Америку. В результате осталась одна — ни денег, ни работы, ни образования, ни перспективы,— сидит на шее родителей. В ту пору Неделин еще не знал, как у него пойдут дела, и средствами особыми не располагал, но и оставить одноклассницу один на один с такими отчаян-

ными проблемами тоже не мог, не тот характер, вот и предложил ей надомную работу — стать его секретарем, пока что просто «сидеть на телефоне», позже он поставит туда факс.

Первая мысль была: разгрузить домашний телефон на Кутузовском, чтобы отец не срывался на каждый звонок, а главное — чтобы не беспокоили стариков по ночам. Но специфика нового бизнеса, зарождающегося в России, очень скоро заставила его понять, каким удачным оказался этот ход с запасным телефоном и факсом. С первой крупной сделки он, конечно же, обзавелся и пейджером, и телефоном спутниковой и сотовой связи, появился у него и офис с секретаршей и референтами, помощниками и служебными телефонами и факсами. В какой-то момент Картье подумывал взять Татьяну сотрудницей в штат, все-таки свой, надежный человек, но интуиция подсказывала: не спешите, сделать такой шаг никогда не поздно.

После первых финансовых успехов он заметно повысил ей зарплату, и жизнь Татьяне уже не казалась такой бесперспективной. Само собой, телефон на Цветном бульваре, где она жила, был по-своему тайным, он не всякому давал эти координаты. Прежде всего, на этот адрес он ориентировал своих зарубежных партнеров и банкиров, иногородних заказчиков, а телефон знали только его особо доверенные люди. В экстренных случаях, когда Неделин должен был немедленно с кем-то связаться, Татьяна срочно отыскивала его по пейджеру, по сотовой связи, и ни у кого на другом конце провода не возникало сомнения, что его соединили с официальной приемной преуспевающего бизнесмена Неделина.

Расширились деловые контакты, увеличивались обороты дела, и Картье установил на Цветном бульваре еще и компьютер, в который Татьяна заносила нужную информацию. Все необходимые сведения Неделин теперь мог получать, не заезжая к ней, а считывая с собственного компьютера хоть в офисе, хоть дома.

По-настоящему он оценил свою тайную связь, когда полковник Королев, шеф из КГБ, сказал, что молодой человек кавказской внешности, заснявший его в «Пекине», — агент ЦРУ, и он, Картье, видимо, по каким-то соображениям интересуется американскую разведку. Однако Карлен, прознавший адрес и домашний телефон Картье на Кутузовском, не мог подслушать ничего серьезного из крайне редких разговоров по этому телефону.

Тогда же, понимая, что ЦРУ может взяться за его подопечного всерьез, Королев надежно подстраховал Неделина: на следующую

встречу принес несколько заграничных паспортов, служебных и дипломатических, разумеется, на чужую фамилию, чтобы за кордоном Картье не сели на хвост уже в аэропорту. Потому в запоздавшей ориентировке на Неделина Карлен-Норман и прочитал: редко бывает на Западе, в основном в Лондоне. Нет, на Западе Картье бывал часто, только полковник Королев на этот раз переиграл своих коллег-американцев еще на старте — Неделин был нужен людям с Лубянки, оттого и берегли его.

В тот вечер Картье пребывал в хорошем настроении и, включив хавтановский телевизор с секретом, мысленно балагурил: «Мы тебе, дорогой американец, нашу братву с миллиардами просто так не отдадим. Шалишь! Мы еще поборемся. Деньги-то, как ни крути, наши, российские, кровные!»

Однако, приближаясь к своей компании, Картье снова вернулся мыслями к Карлену-Норману: а может, у этого парня, больше года ставившего людей с Лубянки в тупик своим нешпионским поведением, какая-то другая задача, более серьезная, а братва — лишь отвлекающий маневр, вызывающее прикрытие? Нет, все-таки за ним придется установить и собственный догляд, а не полагаться на коллег полковника Королева, уж слишком часто репортер стал встречаться на пути...

3

Вечером, проведенным с Олей в «Золотом петушке», где он вновь столкнулся с Картье, пусть и не нос к носу, Норман остался доволен. Татлян все больше и больше убеждался, что Неделин как раз та фигура, которой следует заняться всерьез. Да, Картье не походил на чистого бандита, ни на «синего», ни на новых беспредельщиков, но в таком качестве он и не нужен был бы Норману — свои головорезы имелись под боком, только спустись на четвертый этаж. Что и говорить, Татлян и сам интуитивно чувствовал в поведении Картье какую-то тайну, которую его шефы из ЦРУ объяснили возможными связями Неделина с КГБ. Но Норман был убежден, что тайна, загадочность, скорее всего, связаны с фальшивыми долларами, кто-то же наводняет ими Россию.

А может, Неделин — один из тех исполнителей, через которых перегоняют на Запад после бесчисленных афер в России астроно-

мические суммы, в первую очередь в Израиль, Швейцарию, Германию, на Кипр, и совсем крохи — в США? И в этом случае, если даже Неделин не контролировал работу первоклассных «граверов», хоть своих российских, доморощенных, хоть доставленных с Запада фальшивомонетчиков, он все равно представлял интерес. Речь шла, по оценкам западных экспертов, о двадцати — тридцати миллиардах долларов, ежегодно перекачиваемых из скудеющей России. Когда дело касалось таких фантастических сумм, ни ЦРУ, ни США не могли остаться безучастными.

Ушел он тогда с Ольгой из «Золотого петушка» задолго до закрытия, когда большой кутеж в ресторане только набирал силу. А Неделин, судя по всему, загулял в тот вечер основательно, к их столу, очень хорошо просматриваемому из-за колонны, то и дело подсаживались какие-то молодые люди, и в центре внимания все время был Картье, хотя рядом с ним постоянно находились и двое солидных мужчин лет сорока.

Как бы поздно ни возвращался Карлен к себе домой на улицу Ямского Поля, он всегда просматривал сообщения на факсе, записи на автоответчике телефона и уж только потом садился основательно за свой особо скроенный, «шпионский» компьютер. Поистине, произошла невиданная по масштабам информационная революция, коснувшаяся практически всех отраслей человеческой жизнедеятельности и, конечно, облегчившая жизнь разведки. И хотя Россия проморгала эту революцию, она стала либеральней любой западной страны: не ставит на учет даже самые сложные компьютеры с цветными принтерами, на которых можно легко подделать любой государственный документ — от паспорта до водительского удостоверения, любые бумаги — от акций до облигаций государственного займа, включая и доллары. Не регистрируют на таможне и откровенно шпионские принадлежности: от приборов ночного видения до «жучков» для прослушивания любых телефонов, в этом Карлен убедился сам, и подтверждением этому служил его сверхмощный компьютер, доставленный отнюдь не тайно, по дипломатическим каналам. Ввезти свободно нечто подобное в США просто невозможно, иначе тут же начнется судебное разбирательство: откуда, зачем, с какой целью?.. Запад умеет защищать свои финансовые интересы и беречь безопасность страны.

В тот вечер компьютер никаких особо важных сообщений не выдал. Пришла обычная рутинная информация: когда, в какой стране освобождается известный «гравер», его планы, которые удалось вы-

ведать в тюрьме через подсадных по камере... Особое внимание было уделено уже освободившимся фальшивомонетчикам, с обязательной сиюминутной фотографией: в профиль и анфас, с подробным изложением известных привычек и примет, ибо этот народец на воле активно пользуется услугами хирургов по пластическим операциям. Парик, в который обряжался иной привычно лысый гражданин, фактически преображал внешность, как говорят, и мать родная не узнает. Один раз спалившийся «гравер» прекрасно знает, что он поставлен на учет во всех странах, где гуляют американские доллары — а это практически весь мир, — потому он всегда начеку.

Пришла и одна необычная новость: в аргентинской тюрьме умер известный мастер по изготовлению фальшивых долларов испанец Сесар Ди Стефано. Норман сразу вспомнил вальяжного господина с холеными усиками и манерами аристократа — обычно дон Сесар сбывал доллары собственноручного изготовления в дорогих казино. Его фотографии Карлен хорошо помнил по разведшколе. Много крови попил дон Сесар Ди Стефано у американских спецслужб, пока они в 1986 году не вышли на его след в любимом им Буэнос-Айресе. Наверное, друзья и соратники отгрохают испанцу пышные похороны, ведь маэстро со звучной фамилией был талантливым в своем деле человеком — много людей десятки лет щедро кормилось вокруг этого гуляки и донжуана.

Дальше шли сообщения: где и когда выплыли крупные суммы наличных долларов. Чаще всего такие случаи в последние год-два были связаны не с арабами, как прежде, а с «новыми русскими». Эти господа еще не привыкли к солидным кредитным карточкам, так как не доверяют скороспелым домашним банкам. Наличность при себе, в кейсе, для них как-то надежнее и привычнее. Да и «кэш» с их легкой руки стал более притягателен на Западе, что бы об этом ни говорили и ни писали, ведь нигде не хотят платить лишние налоги.

В отдельных случаях на компьютере высвечивались подробные паспортные данные на россиян, потративших крупные наличные деньги за границей. В основном это были счета в дорогих ювелирных магазинах или в домах высокой моды, «от кутюр», где наши сограждане заказывали одежду на всю семью и на все четыре сезона сразу, — суммы с пятью-шестью нулями впечатляли. И Карлен впервые подумал, что не мешает, на всякий случай, составить подробный список русских нуворишей, скорее всего, уклоняющихся от налогов

в казну. Впрочем, такой список, наверное, представлял бы интерес не только для государства, но и для его друзей с четвертого этажа. Такой реестрик мог заинтересовать и крутого Неделина, а в обмен можно было бы получить не менее интересную информацию. Эта неожиданная авантюрная мысль окрылила Татляна: оказывается, профессиональные секреты вполне можно увязать с личной выгодой, вот этому их в Иллинойсе не учили.

А какие порою встречались интересные российские фамилии, особенно в данных из Парижа! Тут даже без серьезного анализа становилось ясно, что самые крупные траты позволяли себе не предприниматели или банкиры, не звезды шоу-бизнеса и даже не воры в законе, а чиновники министерств и ведомств, работники государственного аппарата, депутаты-лоббисты. Короче, те, чей официальный оклад не превышал трехсот — четырехсот долларов в месяц, вот они-то или их жены и чада тратили сотни тысяч баксов за одну поездку. И, как понимал Карлен, такой список тоже вполне мог ему сгодиться, если у него в Москве возникнут вдруг какие-нибудь осложнения. Эти чиновники на незавидных окладах многое могут, тем более если это будет касаться их покоя и благополучия.

Но самое удивительное, что среди всех зафиксированных крупных наличных сумм из России на этот раз не было ни единого случая с фальшивыми долларами, хотя они и имели явно сомнительное происхождение. Но это не повод, чтобы Запад забил тревогу или запретил ввоз незадекларированной валюты. В России на этот случай в ходу старая римская поговорка: деньги не пахнут, — похоже, так считают и западные чистоплюи, когда дело касается их интересов.

Компьютер выдал сведения и о случаях выявления фальшивой валюты. Все они были зарегистрированы в трех странах: Арабских Эмиратах, Китае и Турции, куда в последние годы потоком хлынули челноки со всего постсоветского пространства. История этой партии фальшивых долларов, изъятых у граждан новых суверенных государств — Литвы, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, Грузии, Азербайджана, Туркмении, была хорошо известна американскому центру по борьбе с фальшивомонетничеством.

В 1991 году в польском городе Вроцлаве сотрудники ФБР накрыли хорошо организованный цех-лабораторию-типографию, где успели напечатать несколько миллионов долларов одной серии, выпуска якобы 1990 года, где впервые на стодолларовой купюре была применена защитная металлическая полоса. С выпуском фальшив-

ки явно спешили, чтобы успеть завезти в необъятную Россию, где их толком еще и не видели — ни с полосой, ни без полосы. Расчет был абсолютно верный: нигде в мире не доверяют так новеньким долларам, как в СССР.

«Польскому монетному двору» не хватило полгода, чтобы довести свой собственный «доллар» с изображением Франклина до абсолютной кондиции. Там не сумели раскрыть до конца секрет магнитных чернил, которые становятся заметными при проверке даже на детекторах среднего класса, но в ту пору в СССР не было никаких детекторов контроля — ни хороших, ни плохих. Несколько миллионов фальшивых долларов все же успели переправить в Россию и успешно их реализовать. Остальную часть денег, оборудование и группу мошенников, среди которых были итальянец, француз, ливанец, задержали.

Вот остатки той первой партии и отловили на этот раз. Все они оказались на руках у бедных челноков, далеких от желания подорвать финансовую мощь богатой Америки. О вроцлавской партии фальшивок Карлен-Норман знал, в Москве, в пунктах обмена, они, случалось, тоже попадались, но их никто не конфисковывал — возвращали владельцу, и купюры продолжали гулять по необъятной России, пока не попадали на Запад, только там их арестовывали.

Татлян помнил, как у них в разведшколе один курсант поинтересовался на лекции у преподавателя: к какому году поставлена задача выловить всех фальшивомонетчиков, подделывающих американские доллары? Видимо, он переживал, что на его долю работы может не хватить.

На что преподаватель с сожалением ответил:

— Как бы мы ни улучшали качество доллара, вкладывая в него все наилучшие достижения науки и производства, какие бы сверхсекретные технологии ни использовали в приготовлении бумаги, полиграфических красок, какие бы ни вкрапливали контрольные элементы, фальшивых долларов год от года будет появляться все больше и больше. Некоторые пессимисты предполагают, что число их будет возрастать в геометрической прогрессии, а самое тревожное в этой тенденции — центры, которые мы пытаемся держать под контролем, будут появляться в самых неожиданных местах, в самых отдаленных уголках земного шара. Для такого прогноза есть два важных основания: первое — научно-технический прогресс, высокие технологии, доступные каждому, и второе — доллар становится главной платежной едини-

цей на планете. Даже одна шестая часть мира, некогда именовавшаяся СССР, где в недавнем прошлом трудно было представить хождение нашей валюты, тоже полностью попала в зону американского финансового влияния и, кажется, навсегда похоронила свой неконвертируемый рубль. Потому и существует наша специальная разведшкола по борьбе с этим преступлением, и еще не одному выпуску, включая и ваш, работы хватит на долгие годы,— закончил на безысходной ноте старый агент, перешедший на педагогическую деятельность.

Только после этих каждодневных обязательных дел Карлен включил свои прослушивающие устройства. На Кутузовском, у Неделина-Картье, на звонки отвечал автоответчик, и немудрено: хозяин квартиры гулял в «Золотом петушке». У Хавтана, в чьем ресторане он только что приятно поужинал с Олей и посмотрел программу с приглашенной Лаймой Вайкуле, какой-то мужик по телефону через слово сыпал отборным многоэтажным матом, не давая оппоненту и слова сказать в ответ. Из-за чего разгорелся сыр-бор и за что так отчитывали Хавтана, Норман так и не понял, хотя и прослушал запись дважды. Гораздо чаще отвечал на телефонные звонки Аргентинец, известный картежный шулер по фамилии Городецкий, но то ли телефон у каталы оказался неисправным, то ли в прослушивающем и передающем устройстве что-то барахлило — запись получилась некачественной, и Карлен расстроился. Недавно он услышал от Абрека, что Городецкий-Аргентинец — один из старейших криминальных авторитетов Москвы и ходячая энциклопедия этого тайного мира, он всегда в курсе, где гуляют в столице шальные деньги.

Проанализировав итоги ночной работы, Карлен пришел к мысли, что надо отыскать, какая еще есть у Неделина телефонная связь, кроме домашнего аппарата, а у Аргентинца проверить и отладить линию — жаль было не воспользоваться источником, которого знающие люди аттестовали как эксперта преступного мира Москвы.

4

Деньги, что принес Карлен с четвертого этажа по возвращении Криса и Абрека из Лондона, таяли стремительно, он и не заметил, как они вдруг кончились. Хотя, конечно, посчитав, какие он делал траты в последние месяцы, Карлен понял, что скоротечное их исчезновение вполне закономерно.

Теперь-то можно было сказать, что у него сложился свой ритм жизни в Москве, появились неведомые прежде привычки,— все это было связано с хорошей едой, модной одеждой, комфортным обслуживанием, с цветами, подарками для девушек, и все это требовало денег, больших денег. Он уже давно убедился, что русская столица — самая дорогая в мире, тем более, если вести такой раскованный образ жизни. Когда в очередной раз его пригласили в гости ереванские приятели, они сразу раскусили причину кислого настроения своего американского друга. Привычным жестом кивнув в сторону гардероба, Армен сказал, подмигнув напарнику:

— Поспеши, а то мы скоро опустошим саквояжи. Какие-то быстрорастворимые деньги попались, тают как дым, прямо на глазах,— и оба без тени сожаления расхохотались.

Карлен, смущаясь, протопал к гардеробу. Оба саквояжа по-прежнему стояли рядом, но один из них, в который он сунулся вначале, оказался пуст, там лежали теннисные мячи «Шлезингер», второй же заметно похудел. Теперь-то Карлен вполне реально ощутил замечание Абрека: «быстрорастворимые» деньги исчезают, как туман на заре. Очевидно, к следующему разу волшебная сумка, которая помогала материализоваться самым смелым мечтам и желаниям, окажется пустой — он знал размах своих друзей, да и прихлебателей возле них после возвращения из Англии заметно прибавилось, хотя они вряд ли кому поведали о случае в лондонском отеле «Лейнсборо».

Странно, но, зная, что родник на четвертом этаже стремительно иссякает с каждым днем, Карлен не изменил сложившихся за последние месяцы привычек. Человек аналитического ума, уже хлебнувший американского практицизма, он не узнавал себя и чувствовал, как раздваивается его сознание, хотя еще в разведшколе понял, что выбранная им профессия не способствует цельности натуры.

В психике шпиона из-за постоянного и опасного лицедейства происходят необратимые изменения, и они гораздо пагубнее, чем у актеров. Там тоже постоянная игра, но без существенного элемента — угрозы для жизни. Карлен, конечно, не соотносил свое раздвоение с работой — слишком мал был для этого срок, да и риску он подвергался минимальному. Самое худшее, что с ним могли сделать,— это выслать. Он ведь не охотился за государственными тайнами, не приехал выкрасть секретного ученого или взорвать склады оружия на Тихоокеанском флоте — те и сами взрываются с четкой периодичностью без вмешательства извне.

Он видел причину своего изменения в самой российской обстановке, в московской жизни, которая его окружала. Он попал сюда в исторический отрезок времени, выпадающий раз в тысячелетие, когда происходит кардинальная смена взаимоотношений в обществе, меняются ценности и цели у государства, когда богатство одних переходит к другим за ночь, когда в считанные дни делаются состояния. Он попал в Россию в идеальное для авантюрных людей время, и это время пьянило некогда уравновешенного американца, толкало на непредсказуемые поступки.

Он не скрывал, по крайней мере от себя, что в натуре его, как и у большинства кавказцев, есть авантюрная жилка. Это авантюрное начало, попав в благоприятную российскую среду и дав свои всходы, теперь кружило голову репортеру светской хроники, и он стремительно несся то ли к ошеломительному успеху, то ли к провалу. Он жил на грани крайностей... Скрыв от своих шефов происшествие в «Лейнсборо», проживая добытые разбоем деньги, он-то понимал, что, по большому счету, теперь мало чем отличается от гангстеров с четвертого этажа.

Прошла неделя, вторая, с тех пор как Карлен стал замечать за собой раздвоение личности, или, как он мысленно определил тогда же новую черту в собственном характере, стал ощущать себя сыщиком и бандитом в одном лице. Странно, эти, казалось бы, несовместимые понятия прекрасно уживались в нем, не мешали работать и даже наслаждаться жизнью. Он исправно дважды в неделю отправлял материалы не только в «Лос-Анджелес таймс», но и в журналы, освещающие культурную жизнь планеты. Писал он для них только по заказу, как, например, статью о камерном оркестре Юрия Башмета, и гонорары за такие статьи иной раз превышали его жалование в газете. Он как бы интуитивно нащупывал новые источники заработка, чтобы не снижать резко уровень бытия, когда иссякнет родник на четвертом этаже или случится что-нибудь с его щедрыми друзьями.

Светская жизнь, особенно свидания с Олей, которые становились все чаще и продолжительнее, отнимала у него много времени, и в один прекрасный день он обнаружил, что не успевает в срок отправлять материалы в свою газету, задерживает заказанные статьи и не всякий вечер проводит за своим спецкомпьютером, а главное, все никак не выяснит, из-за каких технических неполадок не может прослушивать телефон Городецкого-Аргентинца. И тогда, чтобы не загнать себя в тупик, Карлен нашел выход...

В последние годы в Москве стало издаваться много солидных, красочно оформленных газет и журналов, и все они, стремясь заполучить читателя и утвердиться на рынке, наиболее подробно освещали две темы: криминальную жизнь столицы и культурную. Там печатались серьезные, с глубоким анализом обзоры театральной или музыкальной жизни, детально исследовались нашумевшие спектакли, выставки. Конечно, такие значительные материалы никогда не проходили мимо внимания Карлена. Тут была другая традиция в оценках культурных событий, чем на Западе, — все рассматривалось серьезнее, шире и адресовалось определенному читателю, и Татлян часто поражался глубине эстетических взглядов театральных обозревателей или искусствоведов, освещавших заметные выставки. Так что не было ничего удивительного в том, что однажды Карлен занялся прямым плагиатом: собирал из нескольких газет и журналов материал на одну тему или на одно и то же событие, а потом соединял их воедино. «Винегрет» казался свежим, а иногда в нем проскальзывали и нетривиальные мысли, оттого, возможно, его материалы имели успех в Америке. Таким образом он закрывал брешь в родной газете материалов о московских культурных событиях, на которых не успевал побывать из-за бурной личной жизни.

С заказами на статьи из солидных музыкальных и театральных журналов получилось еще проще. Он стал публиковать их в соавторстве с известными в столице обозревателями — одних знал по тусовкам лично, а других — по их серьезным материалам в российской периодике. К таким он подходил с белозубой американской улыбкой и говорил с душевной прямоотой, что готовит материал о таком-то театре или симфоническом оркестре, но в ходе работы понял, что мало знает его прежний репертуар, его истоки, корни, первый состав, творческое кредо и прочее и прочее — причин можно было придумать сколько угодно, и все будут убедительны, — и предлагал совместную работу, беря на себя перевод и устройство статьи в солидном западном журнале. Он сразу называл сумму гонорара, раз в пять меньшую, чем должна была причитаться за совместную работу, но в России даже таким деньгам были безмерно рады, и уж тем более возможности опубликоваться в известном американском журнале.

Вскоре ему даже не нужно было искать соавторов: откуда-то прослышав о щедром американце, именитые искусствоведы и театроведы сами стали навязывать не только свои услуги, но и интереснейшие темы. Предложения были столь заманчивы

и неожиданны, что он решил собирать статьи впрок, рассчитываясь с авторами собственными деньгами. Такие статьи-исследования, на которые авторы порой тратили годы, могли принести ему настоящую популярность, сделать имя на Западе, ибо там звание доктор, профессор — не пустой звук.

Отладив регулярный поток культурной информации из России, Карлен повеселел. Хозяева из ЦРУ, конечно, внимательно следили за его публикациями в «Лос-Анджелес таймс», загоняли в компьютерное досье статью за статьей, анализируя их и время от времени отдавая на экспертную оценку. Крыша репортера светской хроники должна быть чистой, не вызывать подозрений в непрофессионализме — об этом его строго предупреждали.

Но московская жизнь словно была предрасположена кидать Карлена, как говорится в русской пословице, из огня да в полымя. Однажды, далеко за полночь распростившись с Олей, он вернулся домой в прекрасном настроении. От переполнявших его нежных чувств он не находил себе места в квартире, спать не хотелось, хотя он и не был «совой». Не долга ради, а скорее по инерции, чтобы не убивать время зря, Карлен включил свой компьютер, к которому уже не подходил дня три. И первое же сообщение, пришедшее почти двое суток назад, враз испортило ему настроение. В эту ночь он не сомкнул глаз, хотя после ошеломившей его информации, удрученный, поплелся в постель. Сенсационное сообщение словно напрямую адресовалось одному Норману, хотя это было вовсе не так. Информация поступила на тысячи компьютеров на всех континентах, где тайно трудились охотники за «граверами». Еще не ознакомившись полностью с необычно обширным текстом, Карлен понял, о чем идет речь...

Сообщалось, что несколько месяцев назад в фешенебельном лондонском отеле «Лейнсборо» были убиты двое чеченцев, братья Цуцаевы, доверенные люди генерала Дудаева. Чеченцы, оказывается, не однажды бывали в Лондоне, тайно покупали оружие в частных фирмах и наземным и воздушным транспортом доставляли его к себе на родину, в Ичкерия.

Эти масштабные закупки для маленькой горной республики казались странными, такие запасы делаются только на случай войны. В Англии закупалось наиболее совершенное оружие, например «стингеры», средства космической связи. За время расследования выяснилось, что на имя братьев Цуцаевых в известных лондонских банках были открыты валютные счета на крупные суммы, с которых

и происходил расчет за вооружение. Специалисты не исключают, что использовались и миллионы наличных денег.

В номере, где проживали эмиссары генерала Дудаева, значительных наличных сумм найдено не было, но у каждого в карманах, кроме нескольких стодолларовых купюр, обнаружены кредитные карточки всемирно известных банков на сотни тысяч долларов. Далее информация напрямую касалась Татляна...

Дело в том, что доллары, найденные в бумажниках убитых чеченцев, после тщательнейшей проверки были признаны фальшивыми. Это смогли установить только в научном центре по борьбе с фальшивомонетничеством с участием опытных экспертов, лаборантов, в результате структурных и химических анализов. Все детекторы на месте преступления, в Лондоне, — в банках, в магазинах, в полиции, — показывали, что деньги настоящие. Доллары братьев Цуцаевых были доставлены в центр, так как сам Татлян некогда посоветовал проверять все деньги чеченцев. Благодаря интуиции специалистов, почувствовавших, даже при положительных результатах проверки на детекторе, чужеродность происхождения данных банкнотов, и была обнаружена подделка. Фальшивые купюры признаны супербанкнотами, такого качества прежде никогда и нигде не встречалось. Кому-то удалось повторить все три степени защиты национальной валюты США — была использована абсолютно идентичная бумага, на семьдесят пять процентов состоящая из хлопка и на двадцать пять — из льна; созданы такие же магнитные чернила и применена той же структуры шелковая нить, вплетенная в бумагу, которая проявляется при ультрафиолетовом свете. Ничтожное, микроскопическое отличие супербанкнота от настоящего — строго засекречено. В связи с этим по настоянию ЦРУ правительство США в самое ближайшее время примет решение об изъятии из обращения повсюду в мире старых стодолларовых купюр и замене их на новые, будут предприняты более надежные и эффективные меры для защиты американской валюты от подделок.

Информацию о появлении супербанкнотов, их номера и серии Федеральный резервный банк Америки решил не распространять. Ею располагают несколько высокопоставленных руководителей государства, некоторые доверенные их лица, а также люди из центра, как и Татлян, занятые поисками фальшивомонетчиков. Иначе в мире начнется паника, повсюду станут сбрасывать доллары, и случится общепланетарный финансовый коллапс с непредсказуе-

мыми последствиями. Во второй раз доллар уже никогда не станет мировой валютой. Исходя из высших интересов государства, эти сведения являются сверхсекретными и подлежат уничтожению сразу после ознакомления.

Дальше в тексте шли номера и серии обнаруженных у братьев Цуцаевых фальшивых банкнотов. Не вычитывая до конца восьмизначные цифры на номерах купюр, Карлен понял, что это те самые деньги, которые он так щедро тратил в Москве. Ими он заплатил за машину в представительстве «Мерседес», рассчитался за респектабельную одежду от «Обвиос» и «Дормей» в салоне «Ягуар-стиль», часто тратил их у Хавтана в «Золотом петушке» и других модных ресторанах столицы. Совсем недавно Карлен получил из музыкального магазина «Пурпурный легион» свой заказ от французской фирмы «Мутон Ротшильд» — комплект аудиоаппаратуры класса «хай-энд», рассчитанный на утонченных и очень богатых меломанов. Это они говорят: хай-эндовский звук — это как вкус настоящего коллекционного вина. За аппаратуру он тоже рассчитался теми же фальшивыми деньгами.

На этом неприятные для Карлена сообщения не закончились. Оказывается, после того, как центр установил, что доллары, найденные в бумажниках у чеченцев, фальшивые, в Лондоне отфильтровали значительную сумму денег подобной серии. И даже сумели установить, из какой торговой точки попала в банк такая большая сумма наличных долларов. Выяснилось, что в ювелирном магазине на Даунинг-стрит двое молодых людей, плохо говоривших по-английски, купили трое швейцарских часов фирмы «Юлисс Нардан» и две тяжелые мужские цепи из розового и белого золота тоже швейцарской фирмы «Шопард». Когда в магазине предъявили фотографии убитых братьев Цуцаевых, которые, видимо по чистой случайности, тоже носили часы марки «Юлисс Нардан», продавцы не признали в них богатых покупателей. Только пояснили, что те не были ни англичанами, ни европейцами.

Вот это-то сообщение вконец доконало Карлена, и он выключил компьютер, хотя дальше шли какие-то практические рекомендации в связи с появлением в мире нового фальшивого супербанкнота, который, скорее всего, родился в недрах непредсказуемой России. Машинально глянув на циферблат, Карлен в испуге поспешил снять свои шикарные часы. Как утопающий хватается за любую соломинку, так и он на всякий случай достал из ящика письменного стола пач-

ку долларов, но шансов на удачу не было никаких — номер и серия точно совпадали с исходными данными фальшивки, впрочем, он помнил их наизусть, автоматически, с того вечера, как впервые услышал об истории в отеле «Лейнсборо».

Первое, что ему пришло на ум, — это, несмотря на глубокую ночь, спуститься на четвертый этаж и устроить друзьям-армянам скандал: и за фальшивые доллары, и за то, что своей щедростью втянули его в грязную историю, — он был на грани истерики. Но через минуту-другую, взяв себя в руки, вспомнил советы опытных педагогов из разведшколы и, приняв ледяной душ, выпил, не разбавляя, рюмку виски «Баллантайн». Это вызвало внезапный острейший приступ голода, — такое случается при нервных срывах, — и он среди ночи отправился приготовить себе ужин, благо что, уходя накануне из «Золотого петушка», предусмотрительно попросил собрать коробку домой. За трапезой Карлен пропустил еще и рюмку хорошей водки от Петровича, и жизнь перестала казаться такой беспроблемной.

Первая улыбка промелькнула у него на лице, когда он представил, как врывается ночью в халате к Абреку с Крисом и пытается устроить им разнос за фальшивые доллары. Он воочию увидел, как загоготали бы его веселые друзья. Они наверняка, перебивая друг друга, стали бы кричать: «Что, у тебя крыша поехала? Сошел с ума? О каких фальшивых долларах ты говоришь? Мы тратили их в самом мнительном и щепетильном в отношении денег городе мира — в Лондоне и его побратиме по этой части — Париже. В Москве, наконец, где не проверяют их только на зуб. А ты сам какими деньгами расплачивался в немецком представительстве «Мерседес»? А в салоне «Ягуар-стиль»? В музыкальном магазине «Пурпурный легион»? Братан, ты спятил — от денег, или от того, что они кончились?»

Конечно, он выглядел бы смешно и глупо, да и дорогу к саквоюжу от «Дюпон», если там еще что-то осталось, сам бы закрыл. И вообще, чего бояться, зачем трястись от страха, ведь о том, что эти доллары фальшивые, знает в мире крайне узкий круг лиц, и центр, из-за планетарных амбиций США, никогда не признается, что доллар всемогущей Америки можно подделать один к одному. И поэтому они никогда не обнаружат серии и номера сверхбанкнот, а значит, гуляй, Вася, как говорят крутые в Москве. А на замену столлларовых купюр уйдут годы и годы — ведь в мире крутится более трехсот пятидесяти миллиардов наличных! Да и шиковать уже не на что, ведь

фальшивки лишь на доньшке саквояжа остались. Что же он тогда сыр-бор затеял, запаниковал, друзей оскорблять собирался?

Поднявшись из-за стола, Карлен нашел и машинально нацепил на руку свои любимые часы «Чингисхан», а потом пропустил еще рюмочку водки от Петровича. Придя в себя, он вспомнил о приказе уничтожить информацию сразу после ознакомления с ней. Наверное, компьютерные спецы из ЦРУ придумали, чтобы уничтожение сверхсекретного текста моментально становилось известным в центре, и он, вернувшись к дисплею, дочитал сообщение и ликвидировал тайну Федерального резервного банка Америки, как предлагалось по инструкции. Неисполнение приказа могло вызвать тревогу в центре, ведь он уже два дня не подходил к своему компьютеру. Сон пропал совсем, хотя нервы окончательно успокоились, он вернулся в зал и тихо включил свою хай-эндовскую аудиосистему «Мутон Ротшильд» — прекрасная музыка Вивальди в исполнении оркестра Владимира Спивакова зазвучала среди ночи на последнем этаже «армянского» дома. Новый, записанный в Париже компакт-диск с дарственной надписью презентовал ему сам маэстро. Нет, жизнь все-таки была прекрасна!

И вдруг в его расслабленном мозгу пронеслась мысль, мгновенно отрезвившая его. Она могла прийти в голову только Норману — подающему надежды агенту ЦРУ, словно и не начались с ним московские метаморфозы, приведшие к раздвоению личности. Он вдруг понял, где печатаются эти выдающиеся супербанкноты, и толчок неожиданному прозрению дало, опять же, воспоминание о разведшколе в Иллинойсе. Там преподавал один из старейших и уважаемых наставников, сам в прошлом охотник за «граверами», побывавший почти во всех горячих точках планеты, где печатали фальшивые доллары. Он был полиглотом и знал не то двадцать один, не то двадцать два иностранных языка, включая китайский, японский и множество диалектов хинди. Именно он как-то с горечью обронил: «По-настоящему качественные доллары могут появиться только в стране, которая будет открыто или тайно противостоять Америке. Без поддержки институтов власти масштабный и идентичный выпуск нашей национальной валюты невозможен».

Но то было личное мнение бывшего опытного агента, и они, слушатели, позже долго спорили об этом и к единому мнению не пришли. Большинство не соглашалось со старым практиком, настаивали, что движущей силой в этом процессе является не государство,

а частная инициатива. Но только сейчас, спустя несколько лет, сидя в центре Москвы, Норман понял правоту своего наставника, он уяснил ее не умом, а, скорее, ощутил кожей, физически. Эта уверенность происходила от того, что сейчас он находился в России и с детских лет знал, что такое Чечня и кто такие чеченцы...

Еще в старой России, при губернском правлении, когда на Кавказе сидел наместник русского царя, никто в горах не носил папахи выше, чем чеченцы, ни перед кем они не гнули спину, и от их набегов страдали все соседи на все четыре стороны света — это совсем недалекая история. Наверное, чеченцы единственный народ на Кавказе, у кого в языке не было понятия «господин», а значит, и понятия «раб». Возможно, от гордости и от ощущения своей силы чеченцы вели столетнюю войну с Россией в ее лучший исторический период, когда русские войска наголову разбили и французов, и турок и представляли в мире грозную силу. Октябрьская революция не только не уравнила чеченцев в правах с соседями, но и унизила их, придав гордой Чечне статус автономии в составе Российской Федерации. И все потому, что Ленин и его сподвижники решили: чтобы получить статус республики, нужно иметь внешний выход на соседние государства.

Умозрительное решение вождя большевиков определило дальнейшую судьбу целых народов: чеченцев, татар, башкир, поволжских немцев, в одночасье ставших людьми второго сорта, объединенных общим унижающим официальным термином «национальные меньшинства». Но чеченцы никогда не считали себя второсортным народом и, живя на своей исконной земле, не желали мириться с урезанными правами. Бомба была заложена большевиками-ленинцами, фитиль к ней тлел все семьдесят лет, и при первой же возможности Чечня взбунтовалась, вышла из-под российского контроля.

Люди в Кремле активно подталкивали Чечню к этому шагу, оставив там в девяносто первом году, когда Союз уже трещал по швам, горы оружия. Развалив СССР, эти кремлевские «геростраты» жаждали по той же модели разрушить, расчленить и саму Россию. И уже который год Чечня откровенно конфликтует с Россией, провозгласив себя суверенной и независимой.

Скорее всего, отцы чеченской идеологии серьезно просчитались в своих планах: они полагали, что Запад с восторгом подержит отделение Ичкерии от России. Но не слишком искушенные в большой политике и дипломатии чеченские лидеры могли

и не знать, что существуют негласные сферы влияния великих государств. Ни одно большое государство не станет ссориться с Россией из-за маленькой Чечни. Разве что пошумят, осудят, сделают заявление, но дальше дело не пойдет. У России всегда есть возможность наступить на хвост любой стране, не особенно объясняя причину. Чеченские лидеры не учли, что даже такая богатейшая и влиятельная страна, как Япония, дружащая с Америкой, и с Англией, и Францией, до сих пор не может вернуть себе четыре крошечных островка, находящихся под российским флагом в далеком от метрополии Тихом океане. А тут оттяпать часть территории в самой России? Никто, никогда и ни при каком режиме на это не пойдет!

Запоздало уяснив ситуацию, упрямая Чечня приготовилась к самому худшему в отношениях с Россией, а заодно и возненавидела Америку — вечного закулисного подстрекателя, — не признавшую ее независимость официально.

Если Чечня никогда не трепетала перед грозной Россией, хоть сейчас, хоть сто лет назад, то на Америку ей и вовсе наплевать. И Карлену стало ясно, что именно поэтому Чечня пошла на величайшую авантюру века против Америки, на которую не решились бы другие, более могущественные и действительно независимые государства, считающие США своим врагом. Там стали изготавливать фальшивую валюту хозяйки всего мира, заодно поднимая финансовую мощь маленькой непризнанной страны. Это была месть Америке за равнодушие к судьбе Чечни, причем месть изощренная, двойная: другим концом она была одновременно и по России. Это ведь на ее территории печатались фальшивые доллары, и рано или поздно это должно было вызвать гнев Америки, а уж она умеет отстаивать свои интересы. Россия еще раньше Америки ощутит на себе мощь финансовой диверсии чеченцев, ибо сегодня на ее просторах правит бал не рубль, а доллар.

Эти неожиданно пришедшие мысли осветили сознание Карлена, и теперь никто не переубедил бы его, что супербанкноты печатаются где-то в другом месте. Теперь он был уверен, что подпольный валютный цех находится за Тереком, в Ичкерии. Гениальная месть маленького народа злomu и равнодушному миру! Карлен в какой-то миг даже восхитился чеченцами...

Конечно, он не стал бы настаивать на том, что производство отладил именно чеченец, скорее наоборот, но обязательно под их контролем, за их деньги. Наверное, «граверами» в Чечне

могли быть выходцы из Ливана, Иордании, Сирии, Турции, но, скорее всего, они нашли своего доморощенного русского гения, тут столько невостребованных талантов!

Карлен, например, знал, что совсем недавно азербайджанская наркомафия совершила революцию в производстве наркотических средств. Отыскивали в Казани талантливых студентов-химиков, поставили перед ними задачу: создать абсолютно новый препарат, который бы готовился быстро, дешево и был гораздо эффективнее, чем все известные ранее. Несведущие люди, конечно, не знают, что в мире уже десятки лет существуют тысячи тайных экстра-лабораторий со сверхсложным оборудованием, на которых работают талантливейшие, но беспринципные ученые. Молодые казанские студенты с задачей справились раньше срока — создали препарат, который, по мнению виднейших химиков-экспертов мира, просто не мог быть создан. На радость человечеству молодые гении, благодаря сотрудникам КГБ, были задержаны и вынуждены объяснить крупным ученым тайну своего творения. Говорят, если бы эти усилия были направлены на иные, благородные цели, ребята потянули бы на Нобелевскую премию, а так... за все про все получили от наркodelьцов чуть больше двух тысяч долларов плюс харчи.

Вот такая она, Россия, гении на каждом шагу... Могли и чеченцы отыскать нового Левшу, который тоже имел великую мечту — щелкнуть по носу зажавшихся американцев. Русский характер непредсказуем, необъясним, это Карлен понял в Москве.

Сделав свое открытие, Карлен понял, что он, как никто другой из охотников за «граверами», стоит близко к подпольному монетному двору, и что интуитивно, еще до получения известия о супербанкноте, избрал верный путь поиска — через преступный мир. Дорогу в Чечню он мог отыскать и тут, в Москве: он знал, что чеченцы контролируют банковский и нефтяной бизнес, автомобильный рынок, особенно перепродажу машин в Южном порту. И тот центр сервисного обслуживания иномарок, куда он заезжал на своем «мерседесе» или с друзьями на «Кара-Дюшатель», принадлежал чеченцу Николаю Сулейманову по кличке Хоза, одному из лидеров чеченской мафии.

Со слов друзей с четвертого этажа Карлен знал, что преступный мир Чечни не придерживается воровских законов. Хотя чеченская молодежь тысячами прошла через тюрьмы и лагеря, но, как рассказывал Абрек, и там она не признавала воровских традиций, а жила по своим горским понятиям добра и зла. И в Москве

чеченский криминальный мир живет обособленно: не рисуется, не сорит деньгами, не устраивает шумных скандалов, но действует дерзко, молниеносно, жестоко, нападает первым.

Есть еще одна важная черта чеченцев, их особого менталитета, о ней Карлен узнал, общаясь уже в среде культурной элиты столицы. В ней тоже занимают свою нишу известные чеченцы-москвичи, например, народный артист Махмуд Эсамбаев, поэт и философ Вахит Итаев, академик Айдашев. Оказывается, с самого рождения жизнь чеченца в первую очередь принадлежит Аллаху, народу и только потом — его кровным родителям и лично ему. Это усваивается каждым с первого проблеска сознания, отсюда неслыханное единение, невероятная жертвенность во имя национальной идеи, родины. Слово духовного и религиозного лидера-шейха, совета старейшин — закон и обсуждению не подлежит. Качества, которых не хватает, к сожалению, многим народам...

Но при желании путь можно найти и к чеченцам, если есть цель и упорство. Карлен сам видел, как был любезен хозяин автосервиса Хоза с Крисом и Абреком. В свое время легендарный дядюшка Сво успел представить любимых племянников Хозе, словно предвидел скорый взлет чеченской мафии в Москве.

Но, найди он ход к Хозе или другим чеченцам, дорога в Чечню пока все равно закрыта, отнять что-то силой у чеченцев невозможно, нужны иные обстоятельства. Война, например. По-другому — в условиях изоляции и жесткой конфронтации с Россией — туда просто не войти, чужие там видны за версту. С той миссией, с которой ему следовало бы отправиться в Ичкеррию, обратно живым не вернешься...

Так, не замечая времени, Карлен долго искал варианты, как проникнуть в мятежную Чечню, чтобы на месте отыскать подпольный монетный двор, печатающий фальшивые доллары. И что странно, о своем открытии центра фальшивомонетчиков и о том, как туда проникнуть, если и будет туда найден ход, Норман вовсе не думал сообщать своим шефам из ЦРУ. Такая мысль даже не пришла ему в голову. Он хотел отыскать этот цех, этого Левшу только для себя, потому что фальшивыми супербанкнотами мог пользоваться, ничем не рискуя, ибо, волею судеб или случая, оказался одним из немногих, посвященных в тайну Федерального резервного банка Америки. Теперь его успех зависел только от него самого, а на помощь он мог всегда призвать друзей-приятелей с четвертого этажа — найденных денег должно было хватить на всю жизнь, на всех...

ГЛАВА 13. КУТУЗОВСКИЕ СТРАСТИ

Зима в Москве по возвращении из Парижа напомнила Тоглару прежние годы. Январь выдался снежным и холодным, без резких перепадов температур, неожиданных оттепелей и капелей. И город, упрятавший под сугробами огрехи коммунальной службы, сразу похорошел, как-то даже помолодел. Особенно прекрасным он становился по утрам после ночного снегопада, когда снег еще был девственно бел и чист.

В такие дни Константин Николаевич, продолжавший жить в «Метрополе», любил прогуляться по Москве пешком, вновь узнавая и не узнавая знакомые с молодости улицы, переулки, тупички... Что и говорить, Москва стремительно менялась, ее строительство не прекращалось даже зимой; особенно ощутимо это было в центре, в районе Садового кольца и на прилегающих к нему старинных улицах, которым спешно возвращали исторические названия.

Частенько он брал с собой фотоаппарат, чтобы запечатлеть уходящую, стремительно меняющуюся Москву. Но случалось, что он забывал о «кодаке», покоившемся в кармане, и подолгу стоял у какого-нибудь покосившегося двухэтажного особняка с облупившейся лепниной, с просевшими ржавыми коваными воротами, и словно заглядывал сквозь время в его светящиеся окна, когда в эти распахнутые ворота въезжали припозднившиеся гости на запорошенных снегом санях и, шумно озуруя, вылезали из долгополых ямщицких тулупов, предчувствуя веселье в хлебосольном доме, откуда на весь Харитоновский переулок уже гремела музыка.

Уходя от приглянувшегося особняка или глухого московского дворика, он невольно оборачивался, словно боялся упустить какую-то важную для себя деталь или пытался запомнить цвет выцветшей крыши, ибо в эти минуты всегда видел ненаписанную картину. Тоглар точно вбирал в себя будущие сюжеты — город притягивал его своим многообразием, своим несовершенством, своей

красотой и уродством, своей радостью и печалью, помпезностью и нищетой. Сколько он видел печальных окон в Замоскворечье! И каждое — это целый мир, роман, эпоха!

Ежедневные неспешные прогулки обогащали долго дремавшее художественное воображение Константина Николаевича, наполняя его душу светлой грустью об уходящем времени, и он чувствовал, что сможет передать все это на полотне. В такие минуты его тянуло к мольберту, к станку. В какие-то дни, когда особенно одолевала страсть к рисованию, он брал с собой на прогулку стопку прекрасной бумаги под карандаш, уголь или сангину и делал быстрые наброски, которые походили на законченные работы — столь тверда и уверена была рука Тоглара. Но как бы ни были удачны эти этюды, Фешин считал их только прелюдией к будущим картинам и потому не позволял разглядывать Георгию-Эйнштейну, хотя тот искренне радовался его неожиданно проснувшемуся интересу, тяге к живописи. Наверное, в этом ощущалось родство их душ.

В один из таких дней, когда путешествие по старинным улочкам Москвы особенно затянулось, Тоглар наткнулся на уютную антикварную лавку, в которой рядом с кузнецовским фарфором, венецианским стеклом, позеленевшей бронзой, надраенным для продажи русским серебром продавались и картины. Несмотря на предобеденное время, народу в зале не было, хотя одного взгляда хватало, чтобы понять: хозяин лавки знал толк в своем деле и обладал несомненным вкусом. Антикварных лавок, как и частных галерей, в Москве развелось множество, многие нынче кинулись в этот бизнес, верно определив, что столица — бездонный колодец, откуда любителям старины черпать и черпать.

Хозяин лавки, сухонький старик неопределенного возраста, которому можно было дать и шестьдесят, и семьдесят лет, на минуту оторвался от толстого старинного фолианта в кожаном переплете. Глянув на высокого мужчину в заснеженной собольей шапке и не посчитав его за солидного клиента — посетитель, судя по всему, гулял пешком и без привычной ныне свиты или охраны, — старик вновь углубился в неспешное чтение вечного философского трактата.

Осматривая застекленные витрины-стеллажи, витрины-горки из красного дерева, с годами утратившего блеск и полировку, Тоглар определил, что магазин, скорее всего, был открыт в давние, еще довоенные годы и потому, наверное, имел постоянных поставщиков со всей Москвы. Для антикварного магазина это одно из главных

условий существования — нужна постоянная и качественная подпитка. И у Тоглара невольно мелькнула шальная мысль: если хозяин лавки работает давно, может, попросить отыскать для него работы деда... А вдруг? Если в мире все дороги ведут в Рим, то в России все самое значительное стекается в Москву. Могли ведь и работы художника Фешина оказаться в столице, хотя он знал, что искать их нужно, скорее всего, в Казани и в крупных городах Поволжья.

В дальнем углу лавки Тоглар наткнулся на старинный каминный набор из красной меди добротной ручнойковки. Но, как бы ни понравились ему щипцы, кочерга, совок и щетка, которые он уважительно подержал в руках, ощущая добротность вещей, купить все это он не решился — тут требовалось «добро» Виленкина. Он не хотел вмешиваться в концепцию художника — уж очень нравилась Константину Николаевичу работа дизайнера, с которым за месяцы ремонта он крепко сдружился. Приглянулось ему и еще кое-что в лавке, что, наверное, подошло бы в квартире на Кутузовском, особенно в мастерской, но он решил не спешить, а направить сюда самого Виленкина. Однако без покупки из заинтересовавшего его магазина Тоглар все же не ушел...

Дошел черед и до осмотра прилавка, где расположился увлекшийся чтением хозяин лавки, и тут Фешина поджидала удача. В витрине под стеклом — наверное, чтобы не пылились, — рядом с серебряными портсигарами, конфетницами, солонками, подстаканниками с забытыми гербами и величественными монограммами гремевших некогда российских фамилий, монетами и кавказскими кинжалами лежали две небольшие старинные гравюры с видами Санкт-Петербурга в резных рамках из хорошо отполированного незнакомого темного дерева. «Наверное, все-таки, из моренного в северных реках дуба», — решил Константин Николаевич и не ошибся. Гравюры были удивительной сохранности, время не тронуло желтизной даже бумагу, и Тоглар, разглядывая городские пейзажи с видом на Неву, понял отчего. Мастер-краснодеревщик, управлявший работой художника в багет, сделал свое дело ювелирно: разместил гравюру под стеклом так чисто, что она находилась как бы в вакууме, оттого целое столетие оказалось для картины нипочем.

Заметив, что покупатель что-то соображает в графике, хозяин лавки поспешно отложил в сторону книгу и сказал:

— Прекрасная сохранность, не правда ли? И немудрено, больше века гравюры провисели в одном доме, потомственных дворян

Поспеловых на Мойке. Выдержали две революции, три войны, голод, разруху, а вот перестройку не смогли — попали ко мне. Привезли из Ленинграда, там мало кто покупает старину, а тут иногда находится клиент из «новых русских» или из иностранцев. Рекомендую, писал французский художник Лефарг по заказу графа Поспелова, который якобы и сюжет указал... Так что вряд ли когда-нибудь встретите нечто подобное — в ту пору копии без разрешения хозяина не делали.

— А что, есть еще работы из дома Поспеловых? — быстро смекнул Константин Николаевич.

— Да,— оживился хозяин,— есть еще четыре гравюры: с видом Исаакиевского собора, Фонтанки, Сенатской площади и Зимнего дворца. Те размером побольше, но в такой же отличной сохранности. Оформляли со вкусом и на века, лучший мореный дуб на багет пустили, да и резчик искусный попался. Сама рама, на мой взгляд, отдельный шедевр. Если желаете, покажу...

— Да, пожалуйста,— кивнул Фешин, невольно поддавшись интересу.— Я готов их приобрести. Жаль, если такие вещи разойдутся по разным адресам или покинут Россию.

— Вы правы...— Старик цепко оглядел непонятого покупателя и быстро исчез в подсобке, откуда вернулся с аккуратно завернутыми в старое одеяло гравюрами.

Пейзажи действительно были великолепными, исполненными весьма искусно, и Тоглар поразил продавца, когда, даже не спрашивая цены, решительно сказал:

— Беру.

— Все?..— удивился растерявшийся старик.

— Да, все,— и, не торгуясь, отсчитал названную хозяином сумму.

— Может, вам надо еще что-нибудь подобрать, подыскать? Так я с удовольствием...— предложил вдруг на радость Тоглару подбравший старик.

— Да, наверное, мы еще кое-что купим у вас. Я пришлю сюда знакомого человека, он и отберет на свой вкус, я ему доверяю,— согласился Фешин.— Он закажет вам необходимое для моего дома. Я и гравюры сейчас забирать не буду, за ними заедут завтра-послезавтра.— И неожиданно, словно только что вспомнил, с волнением сказал: — Есть у меня к вам и личная просьба, помогите, пожалуйста. Я ищу картины Николая Ивановича Фешина, слыхали про такого? Он работал в России, в начале века...

Старик довольно долго молчал, отыскивая в памяти фамилию, потом заглянул в какой-то толстый рукописный гроссбух и только после этого, виновато разведя старческими руками в «гречке», сказал:

— Извините, не знаю такого, и в моих списках не числится. Но не беда, ко мне многие коллекционеры и знатоки заходят, часто звонят, спрашивают о цене и спросе, да и я частенько у них консультируюсь. Так что обязательно прознаю про вашего Фешина. Откуда он родом, где жил, где работал, где и с кем выставлялся, где умер?

Тоглар довольно подробно рассказал, что знал, и даже назвал города, где наверняка должны быть работы академика Фешина.

— Ну, по таким ориентирам да такого известного художника просто грех не найти,— ободрился хозяин антикварной лавки.— Обнищал повсюду народ в России, и в Поволжье тоже. Свяжемся с коллекционерами и художниками из тех краев, нынче все везут в Москву. Есть заказ — будут картины. Уверяю вас, найдем, дайте только срок...

На том они, довольные, и распрощались. Тоглар оставил старику свою новую визитку: он поверил, что с помощью такого искушенного в старине человека обязательно выйдет на след картин своего деда...

2

Ремонт, реконструкция, перепланирование на Кутузовском, как и предсказывал Георгий, затягивались из-за того, что основательно перестраивались две трети лестничной площадки громадного сталинского дома. Сразу после возвращения Тоглара из Парижа Виленкин, вводя хозяина в курс текущих дел, смущенно признался: все, чем он до этой поры занимался, включая наиболее удачные проекты, по большому счету, было лишь изысканным косметическим ремонтом, с тщательным световым и пространственным решением. Настоящая дизайнерская и архитектурная работа — с перепланировкой, когда наполовину сносятся стены и остаются одни полы, а точнее, метраж от полов,— выпала ему лишь здесь, на Кутузовском, и он, не имея прежде такого опыта фундаментальной перестройки, не смог точно рассчитать лишь одно — время. Но классная работа не делается в спешке...

Тоглар и сам это знал. Он верил своему дизайнеру и, как человек с фантазией, видел все, что задумал Виленкин. После двух-трех переделок, согласованных с Тогларом, вопрос о конкретной сдаче

квартир под ключ вообще отпал: жесткие сроки, как понял Константин Николаевич, могли сказаться на качестве работ и закрепили фантазию автора проекта, которому объект был так же дорог, как и хозяину, а может, для художника он был даже важнее, ведь тот выхаживал его как дитя, создавая с нуля.

Такое спокойное отношение к переезду на Кутузовский было у Тоглара оттого, что он прекрасно обжился в «Метрополе». Его трехкомнатный «люкс» на втором этаже одного из лучших отелей Москвы как нельзя лучше подходил для комфортной жизни. В пятизвездочных отелях, предназначенных для состоятельных гостей, все мыслимые и немыслимые услуги стали оказывать по международным стандартам, потому что главными постояльцами гостиницы были не просто богатые люди со всего света, а, зачастую, господа с причудами. Подстраиваясь под вкусы экстравагантных клиентов, гостиница быстро подняла сервисный уровень, достойный любой европейской столицы. Быть может, и неожиданное путешествие в Париж, открывшее Тоглару новые горизонты в жизни, заставляло его не спешить с ремонтом и переездом. Ведь он мог слетать с Натальей еще куда-нибудь — мир, оказывается, так велик, прекрасен и разнообразен, и дверь в него стала теперь распахиваться на удивление легко, так что Константину Николаевичу было даже трудно свыкнуться с этим. Но, вспоминая дни в Париже, вечер в «Леде Астор», он понимал, какие перспективы открываются перед ним!

Теперь он знал, что, например, сегодня, в начале февраля, когда зиме в России конца-краю не видать, можно слетать на острова в Тихом или Индийском океане у экватора, где круглый год лето. На те самые ласкающие слух своими названиями острова, которые весь советский народ видел лишь по телевизору в «Клубе путешественников» или, на худой конец, читал о них в книгах о морских путешествиях и пиратах: Фиджи, Таити, Тасмания, Сейшельские, Мальдивские острова, десятки крошечных островков в Океании... Все это звучало как музыка, но теперь уже не казалось сказкой, в которой невозможно очутиться.

Конечно, влюбленному Тоглару хотелось показать этот прекрасный мир своей избраннице и увидеть его самому глазами художника, ведь там совсем иные краски, иное освещение, иная реальность! Но Наталья, с которой Тоглар переговаривался по телефону почти каждый день, не могла и на неделю покинуть Ростов, оставить больную мать. Да и на работе, по ее словам, хлопот хватало. Мода — дело

капризное: в феврале в их салоне-магазине ожидали с инспекционной поездкой и новыми моделями парижского патрона Робера Платта. В общем, приходилось терпеливо ждать, хотя он не раз предлагал, чтобы Наталья оставила работу в фирме Кристиана Лакруа.

В дни, когда особенно допекала тоска, Тоглар и сам едва не срывался в Ростов, но Наталья останавливала его, просила подождать лучших дней. Константина Николаевича утешало лишь то, что, провожая подругу после Парижа на ростовский рейс, он успел незаметно положить в ее любимую сумочку внушительную пачку долларов — они, наверное, в связи с болезнью матери были ей сейчас очень кстати.

На банкете в «Пекине» по случаю возвращения в Москву из чеченского плена Тоглар интуитивно предположил, что его пути с братвой в скором времени могут разойтись навсегда,— так оно и выходило. После Парижа он мало кого встречал из старых корешей. Правда, Фешин сам как-то нанес визит Дантесу, расположившемуся здесь же в «Метрополе», двумя этажами выше. Предусмотрительно решил, пока позволяли обстоятельства, завести еще и служебные паспорта для себя и Натальи. Он быстро уразумел, какие преимущества дают такие ксивы людям, часто выезжающим за границу, тем более, что после Франции решил основательно посмотреть мир, как только переедет на Кутузовский проспект и оформит свои отношения с Натальей.

Встречался Тоглар довольно часто, можно сказать постоянно, лишь с одним Городецким, когда тот навещался в «Метрополь» к Дантесу или когда они тут, в гостинице, сутками играли в карты в каком-нибудь номере или в апартаментах самого Дантеса. Иногда Аргентинец сваливался как снег на голову, разыскивая своего гениального компаньона — Эйнштейна. Часто Городецкий приглашал Тоглара домой: он любил принимать гостей, или, как он подчеркивал, ужинать компанией в праздничной обстановке. Что и говорить, старел, старел неугомонный Аргентинец, кутила и весельчак, годы тянули к уюту, покою, домашнему очагу, а дом свой и домочадцев своих он любил. Городецкий побывал на будущей квартире Тоглара и, оценив размах великого чистодела, восхищенно, но без тени зависти заметил:

— Да, брат, широко ты замахнулся! Моя хваленая квартира по сравнению с твоей может показаться бедной хижинкой. Крепко, я чувствую, ты «чехов» кинул, молодец!

Он-то видел и знал, что Тоглар после кавказского плена отошел от дел, или, как говорят, завязал. Значит, имел средства, если такое строительство затеял, да и на будущее в голове, кроме картин и художественных выставок, ничего не держал. Впрочем, Городецкий от души радовался этому, он и сам старался не влипать во всякие авантюры. Надеясь спокойно дожить до старости, выбирал для игры в карты по-крупному только богатых лохов, которых ему подыскивали за деньги проверенные люди, сами бывшие картежники, зарекшиеся когда-либо брать карты в руки.

Однажды после такой игры, принесшей серьезный выигрыш, неунывающий Аргентинец неожиданно с завистью обронил:

— Эх, жаль, что я, дурак, пошел в жизни не по чиновничьей линии, а в карты кинулся. А ведь иняз окончил...

Тоглар удивленно вскинул брови, что развеселило Аргентинца.

— Да-да, именно! Надо было по госслужбе двигаться. Только там крутятся настоящие деньги, а настоящие чиновники ворочают миллиардами. Как ты думаешь, легко из бюджета или по президентскому указу получить выделенные деньги? Вот и не отгадал. То, что положено, это еще ничего не значит. Пока не пришлешь назад пятнадцать-двадцать процентов от выделенной суммы, никогда не получишь своих денег. Даже если у тебя в крае, области из-за этого останутся заводы, или без зарплаты голодают люди. Пришли — получишь, а попытаешься вякать, права качать или вернуть на копейку меньше, чем требовали, — себе дороже станет. В глазах других еще и дураком выставят: не может, мол, получить всенародно выделенные деньги из бюджета. А пятнадцать-двадцать процентов от триллионов, дорогой Тоглар, это не миллионы, а миллиарды! Вот что значит сегодня чиновник при российской демократии.

— Неужели это все творится на самом деле? — Тоглар не переставал удивляться крутости новой жизни. Но и Городецкий зря не скажет. Скорее всего, так оно и есть.

— Да, брат, отстал ты от жизни... — Городецкий удобно развалился в кресле, грея в руках бокал с искрящимся вином. — Ты думаешь, с кем я нынче катаю в карты: с банкирами, предпринимателями, оптовиками, нефтяными магнатами, ворами в законе, аферистами или ювелирами? Нет, ошибаешься... Эти уже из серьезной игры выпали, с ними я не играю уже года два-три. Сегодня я катаю только с государственными чиновниками. Впрочем, — он хохотнул довольно, — и меня за оно по легенде выдают. Я вроде как сосу бюджет за счет

топливно-энергетических ресурсов — тут самый жирный кусок выпадает из казны,— оттого я всегда желанный гость в их компании. Правда, ради этого время от времени приходится посещать с умным видом соответствующие министерства, чтобы примелькаться в глазах у тех, с кем буду завтра катать. Тут у меня режиссеры-постановщики почище Мейерхольда и Таирова... и ассистенты все сплошь гениальные. Ты бы видел, как в нужный момент появляется служивый человек и хорошо поставленным театральным шепотом, слышным за квартал, сообщает мне: «через полчаса вас ждет министр», или же: «вам назначил встречу Владимир Виноградов из «Инкомбанка» или, скажем: «Юрий Агапов из «Кредобанка». Впечатление, скажу я тебе, что надо, особенно среди чиновничьего люда,— они должность уважают, у них кресло — синоним денег. Я своим режиссерам и ассистентам двадцать процентов отстегиваю от выигрыша, и не приведи господь что-то утаить или запамятовать — долго будешь ждать следующей игры, еще и штраф навесить могут. Ох, и трудно стало катать в карты, скорей бы на пенсию отвалить, жить с ренты,— мечтательно вздохнул Аргентинец.— Но скоро, чтобы не потерять работу и кусок хлеба, мне придется дом за рубежом приобрести — на Кипре или в Англии. Они, гады, туда косяками собираются переезжать, селятся кучно, чтобы друг дружки держаться на всякий случай, да и водку в компании слаще пить. Они и мне предлагают поселиться рядом, как своему,— придется раскошелиться. Представляешь, какие деньги они туда перегнали?!

— Тебе не угодить: не воруют — играть не с кем. Воруют — Россию разграбили,— пошутил Тоглар, и оба от души расхохотались.

Постоянно, едва ли не каждый день, Тоглар встречался с Эйнштейном; после поездки на фестиваль и особенно после того, как Георгий рассказал о своем увлечении балетом, они очень сблизились, хотя Константин Николаевич и словом не обмолвился о своей бывшей жизни. У них было и без того достаточно точек соприкосновения — искусство во всех его проявлениях.

Конечно, бывал Тоглар с Эйнштейном и на балетных спектаклях. После многолетнего затянувшегося скандала в Большом театре российский балет распался на несколько частных коллективов, а некоторые талантливые танцовщики уехали на Запад, где без особых усилий стали звездами в знаменитых европейских театрах. Но даже такие, казалось бы, невосполнимые для другой страны потери не стали для России роковыми. Словно по волшебству, появи-

лась новая плеяда талантов, и Георгий, хорошо ориентировавшийся именно в балете, водил Тоглара на такие спектакли, где на афишах значились не затасканные имена, а выступали завтрашние Улановы, Плисецкие, Нуриевы, Барышниковы, Лиепы...

На одном из таких представлений сидевший рядом Эйнштейн молча подал Тоглару предусмотрительно захваченную пачку бумаги и угольный карандаш, и Константин Николаевич, увлекшись, сделал несколько рисунков с натуры. В рисунках этих Тоглар легко схватывал движение, жест, пластику тела — главные элементы в балете, составляющие его суть, красоту, грацию. Чуть позже Константин Николаевич, увлекшийся погоней за жестом, движением, стремительным пируэтом, попросил Георгия устроить ему возможность побывать в балетном классе, в репетиционном зале, где сделал еще десятки разных рисунков.

Иногда Фешина неудержимо влекло к природе, на пленэр, на зимние пейзажи, и тогда он, один или опять же с Георгием, уезжал в свой загородный дом в Переделкино. Особняки в Переделкино, когда-то возведенные по сталинскому приказу для писателей, были задуманы с размахом, и неплохие архитекторы приложили к ним руку. Поговаривали, что дом, приобретенный Тогларом, выстроен по проекту Курбатова, одного из любимых учеников знаменитого Шехтеля. Эту версию подтвердил и Виленкин, часто бывавший в Переделкино, — ему тоже нравилось вычурное, с претензией на тогдашнюю моду, каменное строение. Правда, он, имевший на все свой собственный взгляд, уже видел, что следовало бы убрать, добавить, сломать, перестроить, и обещал после окончания работ на Кутузовском, которые близились к завершению, заняться и загородным домом в сосновом лесу.

Писательский городок, где разместились также дачи крупных военачальников, маршалов, адмиралов флота, с первых лет существования был подключен к центральному отоплению, и жить в нем можно было круглый год. Зимой он был так же прекрасен, как и весной, летом и осенью. Тоглару нравилось, затопив камин в угловой комнате второго этажа, подолгу сумерничать у пляшущего огня — в те удивительно уютные часы, когда так легко и светло думается у весело пылающих смолянистых сосновых чурок.

В Переделкино, где в зимнем лесу из-за поворота неожиданно мог появиться медлительно-вальжный лось, Тоглар впервые после давних уроков отца в районном Доме пионеров попытался писать маслом. Но эти этюды на свежем воздухе, в заснеженном лесу, да-

вались ему трудно, наверное, оттого, что перед глазами всегда стояли полотна деда, непревзойденного мастера зимних пейзажей. Вот это-то и лишало Тоглара покоя: умом, эстетически до понимания творений деда он дошел, но добиться успеха в своих работах после того, как много лет не брал кисть в руки, он пока не мог, хотя интуитивно чувствовал, что все еще впереди.

Женя Виленкин, забравший по просьбе Константина Николаевича из антикварной лавки в Замоскворечье старинные гравюры с видами Санкт-Петербурга, высоко оценил покупку хозяина квартиры.

Приобрел Виленкин у старого антиквара и еще кое-что по мелочи, чтобы гравюры не выглядели инородными в модернистской мастерской. Как бы стилисты ни увлекались антиквариатом в современном интерьере, Виленкин придерживался другой линии — современной и даже авангардной, хотя отдавал должное изыску старинных вещей, мебели, посуды, аксессуаров. Однако использовал их осторожно, в меру, органично вплетая в свои проекты. И как радовался дизайнер, когда, промучившись неделю, сумел развесить все шесть гравюр в мастерской так, что ни огромная сюрреалистическая работа Эдуарда Шагеева «Сон эстета», ни работы Лефарга не отторгали друг друга, а, наоборот, дополняли, вызывали интерес! Вот в этом — найти и совместить, казалось бы, несовместимое — и проявлялся настоящий талант дизайнера.

Так, в хлопотах, суете по обустройству будущего семейного гнезда, в поездках в заснеженное Переделкино, пеших прогулках по старой Москве, почти ежевечерних телефонных разговорах с Натальей пролетел февраль. И однажды поутру неторопливый Виленкин объявил, что к Восьмому марта квартиры будут готовы, а чтобы подготовить их окончательно, как договаривались — с мебелью, посудой, белыми шелковыми ламбрекенами на окнах, — ему требуется еще месяц, потому что все нужное уже заказано разным фирмам. По мере поступления заказанного все определилось на свои места, и квартиры задышали по-новому. Итальянцы смонтировали удивительной красоты освещение в обеих квартирах, немцы оборудовали обе кухни, финны — ваннные комнаты и санузлы. В общем, дом ждал лишь хозяйку...

В тот же день Тоглар уговорил Наталью прилететь в Москву, хотя бы на женский праздник, и обещал ей большой сюрприз. Наталья согласилась приехать на три дня — мать по-прежнему находилась в больнице.

В тот вечер после разговора с суженой, когда Фешин ходил по номеру, радостно потирая руки и желая как-то отметить долгожданное событие, раздался телефонный звонок. Хозяин антикварной лавки из Замоскворечья сообщил радостную новость: четыре разных человека из четырех городов Поволжья, включая и Казань, привезли картины академика Фешина: заброшенная два месяца назад сеть дала щедрый улов. Уравновешенный, всегда владеющий собой Константин Николаевич от волнения даже присел, потерял дар речи, но потом, спохватившись, попросил у антиквара, несмотря на позднее время, разрешения подъехать к нему домой тотчас же. Тоглар чувствовал, что в эту историческую для него и будущих Фешиных ночь ему все равно не заснуть. Старик, оказывается, жил в том же доме, где располагалась его лавка, только на пятом этаже, и потому сказал: если уж не терпится, приезжайте через час.

В назначенное время, минута в минуту, Тоглар с волнением нажимал кнопку звонка обшарпанной двери на темной и грязной лестничной площадке, где витали все мыслимые и немыслимые запахи неухоженного и ветшающего дома. Наверное, не живи Тоглар с полгода в «Метрополе» и не посещай таких квартир, как у Аргентинца, он не обратил бы внимания ни на грязь, ни на вонь; человек быстро привыкает и к хорошему, и к плохому — Фешин знал это по своему личному опыту.

Дверь долго и шумно открывалась: гремели засовы, крючки, скрипели задвижки и замки — верхние, нижние, боковые, — хозяин, живший здесь, видимо, с рождения и оставивший позади не один этап лихолетья в России, был надежно защищен и без современной бронированной толщи. Прежде в таких домах ставили толстенные дубовые двери на тяжелые, в три ряда, бронзовые завеси, чтобы не оседали и не скрипели, — их хватало не на одно поколение жильцов. Перед такой вечной дверью и стоял сейчас взволнованный Фешин.

Чувствовалось, что в беспокойстве пребывал и хозяин антикварной лавки: не шуточное дело, когда заявляется клиент, замахнувшийся на четыре картины сразу. Хоть и много пишут про чудачества и баснословные траты «новых русских», старый торговец таковых до сих пор не встречал — живописью и антиквариатом они интересуются редко. Их больше волнуют престижные модели автомобилей, драгоценности, редкие швейцарские часы из золота и платины, усыпанные

крупными бриллиантами, одежда от дорогих кутюрье — в общем, все, что можно носить на себе или с собой, но не станут же они таскать по ночным клубам картину, чтобы покичиться перед своими приятелями. Чтобы просто заниматься коллекционированием, нужно нечто большее, чем деньги, — культура, например.

Квартира являлась как бы продолжением уже знакомой Тоглару лавки или, еще точнее, походила на музей, где экспонаты время от времени гуляли с этажа на этаж. В другое время и в другой обстановке Константин Николаевич осмотрел бы сокровища антиквара внимательнее, но сегодня его интересовало только одно — картины его деда. Чувствуя, что гостю не терпится поскорее увидеть полотна художника из Казани, хозяин дома сразу провел позднего покупателя в большой хорошо освещенный зал. Две картины, прислоненные к спинке высокого дивана, стояли у проема занавешенного окна, две другие — у стенки слева, рядом с громоздким резным буфетом. Все четыре были в родных старых рамах.

Константин Николаевич не знал, к какой подойти сначала, его одновременно тянуло и вперед, и налево. Вдруг, радостно улыбнувшись, он шагнул к окну, глаза впились в одну из работ, где была изображена красивая молодая женщина, наверное, собиравшаяся на свидание или в гости, а может, просто прихорашивалась в ожидании возлюбленного.

В начале века часто использовался прием, когда художник представлял изображение в зеркале или хотел через зеркало показать, что находится позади главной фигуры композиции. Фешин сразу вспомнил знаменитую картину Эдуарда Мане «Бар в Фоли-Бержер». Здесь художник воспользовался тем же приемом, и Тоглар почувствовал атмосферу далеких спокойных лет богатого, с традициями, дома. Как бы в подтверждение своей догадки Константин Николаевич увидел рядом с четкой размашистой подписью автора и год создания картины — 1913. В картине ощущалось едва уловимое влияние импрессионистов, и немудрено: они тогда были в фаворе, будоражили умы, но если взглядеться внимательно, чувствовалась традиционная русская школа и в цвете, и в композиции, да и в технике тоже, а легчайший французский флер добавлял очарования полотну.

Другая картина была более привычна для Константина Николаевича, похожие работы он видел в казанском музее в зале, посвященном Николаю Фешину. Добротный зимний пейзаж, где была увековечена городская усадьба, купеческий особняк с колоннами в ложнокласси-

ческом стиле, с выкрашенной в красноватый цвет железной крышей, изящно выписанными водостоками и ажурным крыльцом... массивные кованые ворота, большая ель, слегка присыпанная снегом... распахнутый сеновал с едва обозначенной шаткой лесенкой, коновязь с парой гнедых — навсегда ушедшее, но сохраненное на века точной кистью время... Радость и грусть рождают такие картины, но эти написанные с натуры пейзажи и есть, наверное, то, что русский человек любовно называет Отечеством, Родиной, Россией...

Две другие картины стояли на полу рядом с черным резным комодом. Тоглар поднял их и перенес на диван — здесь было более удачное освещение. На одной из работ была изображена обнаженная молодая женщина, говоря языком искусствоведов — «ню». Тут сразу на память приходят женщины Ренуара, не по-французски в теле и даже, на наш сегодняшний вкус, несколько полноватые. Но от этой женщины, хорошо освещенной ярким летним солнцем в светлом предбаннике, веяло молодостью, силой, тем более, что упор художник сделал не на внешности модели, а на фигуре натурщицы, на прекрасных густых русых волосах, небрежно собранных в изящно-кокетливый узел на голове, и хорошо прописанных легких руках, как раз довершающих это сооружение на затылке. Поражала удивительная целомудренность картины, хотя в начале века даже такая умеренная работа могла показаться смелой и вызвать шквал нападок со стороны ортодоксальных ценителей живописи. Наверное, картина получилась еще и потому, что художник Фешин всегда остро чувствовал розово-сиреневый и белые тона, и ему прекрасно удался цвет молодого здорового тела, который как раз и доминировал на всем полотне.

Последняя картина, на которой Тоглар остановил свой взгляд, являла собой урбанистический пейзаж, модный в начале века и занесенный в Россию из Европы импрессионистами и постимпрессионистами. Казань, как и Рим, расположена на холмах, особенно в центре, в исторической ее части. Здесь выбор натуры художником оказался весьма оригинальным. Пейзаж был написан не по восходящей — поднимающиеся в гору здания и особняки, — а наоборот: с главной улицы перспектива уходила как бы в овраг, на дне и склонах которого лепились удивительной архитектуры дома, строения с разноцветными крышами, утопающими в садах, — трогательный вид навсегда сгинувшей жизни...

На этих картинах рядом с четкой подписью автора тоже значились даты написания работ: 1912-й и 1911-й годы. Выходит, все че-

тыре были созданы в предгрозовое, но еще тихое для России время, когда никто не ждал ни Первой мировой войны, ни революции, ни гражданской, да и сам Николай Иванович вряд ли представлял свою жизнь и смерть на чужбине. Так, перебегая взглядом от одной картины к другой, Тоглар ходил вдоль дивана и обратно, пока хозяин не предложил ему прекрасной сохранности венский стул.

Теперь он сидел перед картинами, разглядывая работы своего деда, пытаясь угадать его настроение, когда тот был увлечен тем или иным сюжетом. Неожиданно Тоглар задумался, был ли художник Фешин в то время, до Первой мировой войны, знаком с его бабушкой, Елизаветой Матвеевной, и, подсчитав годы, пришел к мысли, что нет — бабушка в ту пору была еще студенткой консерватории. Думал Константин Николаевич и о том, видела ли Елизавета Матвеевна эти работы, нравились ли они ей?.. В какие-то минуты он даже забыл, где находится и зачем, потерял счет времени. Из забытья его вернул голос антиквара — он и так слишком долго засиделся: за окном стояла глубокая ночь и, несмотря на начало марта, густо валил снег.

— Ну как, понравились работы, молодой человек? — В вопросе старика сквозили тревога и надежда, видимо, он обнадежил всех, кто искал картины, что клиент попался солидный, не обманет.

— Спасибо,— растроганно сказал Тоглар.— Очень и очень. Даже не знаю, как вас и благодарить, Кузьма Митрофанович. Век ваш должник... — Он достал портмоне с собственной многоцветной золотой монограммой, которую заказал в фирме «Картье» вместе с визитками.— Сколько я должен вам за хлопоты и за работы?

И когда старик, волнуясь, назвал цену, Тоглар добавил к ней еще изрядную сумму, прокомментировав свой щедрый жест:

— А это лично вам от меня в благодарность.

Старик, не решаясь пересчитать деньги, как привык, обронил:

— А если еще найдутся работы этого художника, как мне поступить, искать вас?

— Обязательно, Кузьма Митрофанович. Сколько бы ни нашлось работ моего деда — теперь я могу признаться в этом,— я буду вам премного обязан...

На том далеко за полночь они распрощались.

Константин Николаевич не уснул в ту ночь, привезя в свой номер эти ниспосланные ему свыше, как он считал, картины. До самого утра расставлял он их по своему трехкомнатному «люксу», любовался то одной, то другой, и как только посчитал приемлемым поутру под-

нять с постели Эйнштейна, позвонил ему и Виленкину и велел срочно приехать к нему. Тоглару не терпелось поделиться с ними своей радостью: фамильные картины начали стекаться в новый фешинский дом...

4

...Наталья прилетела в праздничный день первым рейсом. Накануне Восьмого марта у них в магазине допоздна шла бойкая торговля последними весенними моделями от Кристиана Лакруа, доставленными Робером Платтом. Французы хорошо усвоили русскую поговорку: дорога ложка к обеду — в бизнесе это приносило немалый успех. Встречал ее Тоглар в аэропорту вместе с Георгием. Большой специально заказанный букет из Голландии бросался в Домодедово в глаза каждому, хотя в этот день многие встречали прилетающих с цветами — женский день все-таки! Из аэропорта, где на этот раз непривычно долго задерживали багаж, поехали в «Метрополь», а оттуда почти сразу на обед к Городецкому — там их уже ждал празднично накрытый стол.

Дом Аргентинца, которого Константин Николаевич представил как старого друга и компаньона по бизнесу, сразил Наталью наповал. Она не ожидала увидеть такого великолепия: простор, обстановка, планировка квартиры, каминный зал, зимняя оранжерея на веранде — все было как в сказке. Так она восхищенно и сказала хозяину, когда Аргентинец задал свой обычный вопрос: нравится ли его бунгало гостье? Довольный Аргентинец улыбнулся, но все же, покосившись на Тоглара, не сказал, какие апартаменты готовит для нее старый его друг.

У Городецких загуляли допоздна — тепло, уютно, душевно принимали Наталью у друзей Константина Николаевича. Чувствовалось, что вальяжный и остроумный хозяин дома дорожит дружбой с Тогларом, ценит его, и это наполняло душу Натальи гордостью, ей казалось, что в Москве она с ходу попала в компанию высоких и влиятельных людей. И район, где жил Аргентинец, и сама квартира — о существовании подобных она и предполагать не могла, — казалось ей, были предназначены для небожителей. Когда подъезжали к этому дому, Константин Николаевич показал на такой же, по соседству, но только с мемориальной доской на фронтоне здания, и сказал: «Тут жил Брежнев. А рядом дом, где умер Андропов». Да и на этом особняке, где

они отмечали праздник, на въезде она видела несколько барельефов из гранита и тяжелые, бронзового литья мемориальные доски с указанием фамилий и скорбных дат, но не решилась спросить, кто жил тут, подумала: не в последний раз, успеется.

Вернулись они к себе в «Метрополь» поздно и в этот вечер куда больше не пошли, хотя, встречая Наталью, Константин Николаевич предполагал заехать после Городецких в какой-нибудь ночной клуб — его подруга очень любила танцевать, это открытие Тоглар сделал для себя в Париже. В гостинице, когда они уютно расположились на диване посмотреть праздничную программу по телевизору, Наталья, наверное, находившаяся под впечатлением всего увиденного в гостеприимном доме Городецких, с завистью и грустью одновременно, но в любом случае неожиданно для Тоглара сказала:

— Как мне понравилось у твоих друзей... И дом, и какая у них семья, и как они любят друг друга...

— Выходи за меня замуж, и мы так же будем жить. И дети у нас, я думаю, будут неплохие, мать-то у них вылитая красавица,— подзадорил ее Тоглар, приобняв.

Но, видимо, уклад яркой, помпезной жизни Городецких сильно подействовал на молодую женщину, и она, не таясь, с сожалением проронила:

— А где мы с тобой будем жить, в этом номере в «Метрополе»? Мне свой дом хочется иметь, принимать гостей... Я уже была однажды замужем, намаялась по чужим квартирам. Зареклась — за бесквартирного замуж никогда не пойду, жизнь одна, да и та быстротечная...

— Ну, мы, наверное, этот вопрос как-то решим. Видишь ли, тут наши интересы и планы, слава богу, совпадают. Мне тоже хочется жить домом, семьей, принимать гостей, растить детей...— ответил Константин Николаевич, внимательно глядя на нее.

Впервые он почувствовал, как в Наталье открылось или проскользнуло что-то хищное, жесткое, рациональное, шедшее вразрез с его сложившимся представлением о ней. Но мысль об этом не успела задержаться, пустить корни, ибо в тот же момент любимая, трогательно обняв его, стала благодарно целовать за предложение. Такой красноречивый ответ отогнал насторожившую было Тоглара мысль. Но тайну готовых апартаментов на Кутузовском Константин Николаевич в этот день все же не раскрыл, хотя и порывался несколько раз — и по дороге из аэропорта, и у Городецких,— но сработал какой-то неподвластный ему тормоз.

Утром, когда они позавтракали внизу в ресторане, Тоглар весело сказал:

— А я ведь обещал тебе сюрприз, выманивая тебя из Ростова в Москву, а ты и не напомнила.

— Я думала, что визит к твоим друзьям Городецким и есть тот самый сюрприз,— пожалала плечами подруга.— Я очень довольна проведенным у них вечером, спасибо тебе. И если сегодня меня ждет еще одна подобная радость, считай, что ты приготовил двойной сюрприз.

— Ну, это судить тебе,— несколько туманно изрек Тоглар.— Если понравится, то это и будет главный сюрприз. Во всяком случае, я старался...

Забрав «порше» с автостоянки гостиницы, Константин Николаевич повез Наталью на Кутузовский проспект. Когда подъезжали к дому, очень похожему на тот, в котором жил Городецкий, Наталья заметила, что на фронте этого здания тоже висели два барельефа из черного и серого гранита и три бронзовые, позеленевшие от времени, мемориальные доски.

— Значит, я угадала, опять в гости? — с деланным восторгом сказала Наталья, оглядывая высокое парадное с консержем в униформе бывшего десантника.

— Сюрприз может быть и не в гостях, потерпи немного,— ответил с усмешкой Тоглар, вызывая скоростной лифт.

Поднялись на шестой этаж, на просторную лестничную площадку. Поскольку на нее выходили только две квартиры, и обе принадлежали теперь Константину Николаевичу, Виленкин привел в порядок и эту территорию. Оформление было строгим, изысканным, на долгие годы: до потолка — крупная плитка под цвет редчайшего каррарского мрамора, на стенах — полированные дубовые панели, пол — из специального наборного паркета. Хотя обе квартиры на площадке принадлежали Тоглару, но входные двери в них резко отличались друг от друга и по форме, и по цвету полотна и косяков, и особенно по богатству и дизайну хорошо надраенной бронзовой фурнитуры. Над входом в двухстворчатую массивную ореховую дверь, что вела в мастерскую-салон, имелась большая застекленная арка, из-за нее прихожая в светлое время суток могла обходиться без электрического освещения, что было очень важно для художника и преобразовало квартиру до неузнаваемости.

Конечно, лестничная площадка у Городецких тоже была чистой и аккуратной, но не шла ни в какое сравнение с этой: как го-

ворот — небо и земля. И тут, на площадке перед дверями, у самого Константина Николаевича вышла заминка: он растерялся — в какую квартиру вести Наталью сначала. В конце концов он подошел к двери, что выглядела пострже в сравнении с дверью мастерской-салона — тоже двустворчатой, сделанной из цельного массива могучего дуба, в середине которой было пропущено толстое восьмимиллиметровое бронированное полотно, выдерживающее очередь из крупнокалиберного пулемета — такие двери делали в Англии почти семь месяцев. Открыв ее своим ключом, Тоглар радушным жестом пригласил Наталью в дом.

— Чей это дворец? — спросила она растерянно и отчего-то испуганно. Кругом ее окружало такое великолепие, что она боялась куда-нибудь не туда ступить или что-то задеть.

Заметив ее смущение, Константин Николаевич весело сказал:

— Ты вчера что-то говорила о собственном доме, собственной кухне. Вот, предлагают мне такую квартиру, а я без твоего согласия не могу дать ответ. Посмотри, пожалуйста, кухню, может, надо что изменить, добавить?

Раздевшись в просторной прихожей, Тоглар провел ее за руку по сверкающему паркету в большую, метров на двадцать пять, комнату, которую он назвал кухней. Наталья даже не представляла, что могут быть такие роскошные кухни — с прекрасной мебелью, встроенными холодильником, морозильной камерой, микроволновыми и электрическими печами и духовками, восьмиконфорочной электрической плитой, сияющей хромом и никелем и снабженной всевозможными датчиками и приборами, отчего она походила на космический аппарат. Здесь же были посудомоечная машина и другие агрегаты, предназначения которых она не знала и о существовании которых даже не догадывалась. Обратила Наталья внимание и на то, что на всем оборудовании стоит знак одной фирмы — «Сименс».

Константин Николаевич подошел к громадному холодильнику и, распахнув его, сказал:

— Будет где хранить продукты... — Потом щелкнул переключателем плиты, которая тут же сама зажглась, но о таких чудесах, плитах на пьезоэлементах, она уже слышала. — И где обед сварить — тоже...

Наталья заметно осмелела и, подойдя к хромированной мойке, включила воду — полилась холодная и горячая. Константин Николаевич отодвинул один из четырех тяжелых деревянных стульев с высокой спинкой и объявил:

— Вот это место будет моим, не возражаешь?

— А я займу вот это, чтобы лучше видеть тебя и быть поближе к плите,— озорно ответила Наталья, включаясь в игру или подстраиваясь под веселое настроение Тоглара.

Затем они осмотрели зал, комнату с камином, которая понравилась Наталье больше всего. Особенно — огромная, похожая на фантастическую птицу люстра из цветного венецианского стекла и схожие по стилю торшеры в углах комнаты. Да и все изысканное освещение, выполненное итальянскими дизайнерами, будущая хозяйка дома приняла с нескрываемым восторгом — это радовало Константина Николаевича, ревниво следившего за ее реакцией.

Из каминного зала Наталья никак не хотела уходить — даже не обставленный до конца мебелью, он был уютен. Но Константин Николаевич сказал, что им есть еще что посмотреть в этом доме, и увел ее в следующую комнату, оказавшуюся кабинетом-библиотекой. Она выглядела более завершенной и обставленной, чем остальные, хотя Тоглар обронил, что еще должны привезти сюда массивный двухтумбовый письменный стол, рабочее кресло и комплект кожаной мебели с диваном, креслами и журнальным столиком.

Наталья Зимина, выросшая в рабочей семье в заводском микрорайоне, ни у себя, ни у подружек дома никогда не видела столько книг. Не всякая городская, не говоря уже о сельской, библиотека могла гордиться таким собранием, и речь шла даже не о тщательности подбора и раритетах, а просто о количестве книг. В библиотеке от соседства с множеством мудрых фолиантов Наталье почему-то сделалось даже неуютно, и, увидев в одной из стен, между уходящими до потолка стеллажами с книгами, еще один вход с аркой, она удивленно спросила:

— А эта дверь куда ведет? Неужели есть еще одна комната? — Она уже сбилась со счета холлов, прихожих, гостиных...

— А мы сейчас посмотрим! — сказал заговорщицки Константин Николаевич и, взяв ее под руку, повел к потаенной двери, которую не сразу и заметишь, но женщины — народ всевидящий и любопытный.

Из бесшумно отворившейся двери будущего кабинета они сразу, как по волшебству, попали еще в один холл с камином. Но этот камин был поменьше, попроще, чувствовалось, что зал и камин не рассчитаны на большие посиделки, а предназначались для одиночества, часов раздумий.

— Я так поняла, что мы попали в еще одну квартиру, — вопросительно глянула гостья на Константина Николаевича, но тот уже приглашал ее в следующую комнату. — Ух ты! — восхищенно ахнула Наталья. Она увидела на одной из стен, почти во всю ее ширину, огромную сюрреалистическую работу Шагеева.

Полотно действительно притягивало внимание — мастерски оформленное, прекрасно освещенное произведение смотрелось великолепно! Наверное, примерно так обставляются выставки одной картины. Привычное окно, выходящее во двор, расширили в четыре раза, и вся торцевая стена стала сплошным окном: причудливое переплетение рамы было рассчитано на движение солнца, и оттого мастерская была ярко освещена в течение всего дня. Поэтому комнате никак нельзя было принять за обыденное жилье, и гостья поняла, что попала в студию художника.

С трудом оторвав взгляд от полотна знаменитого московского сюрреалиста, Наталья вдруг увидела у сдвинутого к стене мольберта с забытым этюдом картину с обнаженной женщиной и невольно шагнула к ней, и тут, вблизи, разглядела еще два городских пейзажа: один летний, другой зимний. Картины ей понравились, но какое-то внутреннее чутье подсказывало, что в мастерской они неспроста, — было видно, что даже каждый гвоздь тут вбит продуманно, — и Наталья молча прошла к другим полотнам, возможно, они подскажут разгадку тайны. Гостья и подумать не могла, что все увиденные ею сейчас старые картины принадлежат художнику, который имеет непосредственное отношение к хозяину дома.

Внимательно вглядываясь в полотна, перебегая взглядом с одного на другое, она почувствовала уверенную руку одного мастера, хотя, честно сказать, особенно глубоко в искусстве никогда не разбиралась, даже имея друга-художника. Машинально глянув на год написания работы — эта деталь для нее казалась в тот момент важнее, любопытнее, — автоматически прочитала фамилию автора: «Фешин». И до нее неожиданно дошло, что Константин Николаевич — тоже Фешин, не часто встречающаяся в России фамилия. Тогда Наталья вернулась к первой картине, там тоже стояло: «Н. И. Фешин» — и она, повернув удивленное лицо к молча наблюдавшему за ней Тоглару, спросила:

— Неужели твой отец писал эти прекрасные картины?

— Нет, — ответил спокойно, обнимая ее за плечи, Тоглар, — это мой дед, академик Николай Иванович Фешин.

— А кто был твой отец? — пользуясь моментом, задала новый вопрос Наталья.

— Тоже художник. Настоящий художник, кормился кистью. Жаль, рано умер, в сорок лет. Военные ранения дали о себе знать.

— Ты никогда мне об этом не говорил.— Наталья обиженно дернула плечом, освобождаясь из его объятий.

— Не было повода. Не сердись. Сегодня другая ситуация, ведь вчера я сделал тебе предложение... Ты еще не забыла?

— Наверное, тебе вернули жилье, когда-то принадлежавшее вашей семье? — спросила Наталья.

Видно было, что она пытается что-то для себя уяснить. Слишком уж все было для нее неожиданно: и дом, и квартиры, и изысканный ремонт, и намечавшаяся обстановка — Константин Николаевич по ходу осмотра рассказывал вскользь, где что будет стоять, как выглядеть.

— Не совсем так, Наташа,— покачал головой Тоглар.— Дома на Кутузовском — сталинской эпохи, тогда строили капитально, с размахом, на века. А Фешины родом из Казани, там родились и жили мой дед, мой отец, моя бабушка. Сегодня там никого в живых не осталось. Зато в Казани, в государственном музее Татарстана, есть специальный фешинский зал, мы как-нибудь съездим туда... А я родился и вырос в Западном Казахстане, в далеком местечке Мартук. Там остались могилы отца и матери... Вот и вся моя родословная,— заключил он невесело.— Будем начинать все сначала. Вместе с тобой, надеюсь, мы возродим некогда достойный русский род Фешиных. Если ты, конечно, согласна...

— Я сразу, еще в Ростове, почувствовала, что в твоей жизни есть какая-то тайна, но никогда не думала, что это может быть связано с твоей фамилией, с родословной,— призналась неожиданно Наталья, прильнув к нему.— Еще на выставке у Бабура, когда все так восхищались твоими рисунками, мог бы признаться, что ты из семьи известных русских художников.

— Зачем? Тогда мы с тобой были еще мало знакомы, а родословную человека не всякому следует открывать, это глубоко личное. Теперь-то другое дело... Не поверишь, мой дед пятьдесят лет был под запретом. Слава Богу, что не уничтожили его работы в запасниках. Только теперь по-настоящему у него начинается жизнь в новой России. К сожалению, до сих пор он известен только узкому кругу специалистов, искусствоведов, да, пожалуй, жителям Казани.

Там его знают и любят. До сих пор нет ни одного каталога его работ... Этим мы с тобой займемся в ближайшее время...

— Значит, в тебе тоже живут гены художника, раз твои рисунки вызвали восторг у Бабура,— он не всякому скажет комплимент, тем более коллеге по цеху...

— Да, пожалуй, так оно и есть. Я чувствую тягу к живописи, хочу рисовать. Раньше жизнь складывалась иначе, не до холстов и мольбертов было. Теперь и я хочу попытаться использовать свой шанс, может, что и получится, не возражаешь? — шутливо спросил он.

— Нет, конечно,— задумчиво ответила Наталья, уж очень все это было неожиданно для нее.— Рисуй на здоровье, если душа лежит. Да и грех, наверное, с такой родословной не попробовать себя в живописи.— Она огляделась вокруг.— И мастерская твоя мне нравится, здесь так удобно, уютно, красиво, столько света!

— Тогда давай продолжим осмотр квартиры, ведь тебе предстоит решать, подходит она нам или нет? — предложил Тоглар невесте.— Нам немного осталось инспектировать, хотя и в этой половине есть и кухня, и ванная, и комната для гостей, если они вздумают у нас заночевать, или вдруг нагрянут твои родственники. Моих, американских, к сожалению, еще предстоит отыскать, а других у меня нет,— закончил грустно Константин Николаевич.

— Кухня — моя слабость,— загорелась будущая хозяйка фешенебельного дома и весело приказала: — Веди!

Кухня в студии-мастерской оказалась гораздо меньше, не больше шестнадцати — семнадцати метров, но и она вдвое превышала все известные до сих пор Наталье. И ванная комната, и кухня, и гостевая на этой половине дома были решены в другой цветовой гамме, по-иному обставлены и освещены. Например, кухня в мастерской была укомплектована фирмой «Бош», тоже немецкой. Константин Николаевич отдавал предпочтение технике из Германии, мебели из Италии, посуде из Англии, часам из Швейцарии, винам из Франции, и это будущей хозяйке следовало учесть.

Особенно понравилась Наталье просторная хорошо освещенная прихожая, свет сюда попадал из огромной застекленной арки над входной дверью, благодаря этому решению архитектора-дизайнера квартира была полна воздуха, света. И, разумеется, поразившее ее вчера жилье Городецких не шло ни в какое сравнение с тем, что задумал Константин Николаевич. Она запоздало поняла, почему он так настойчиво напоминал ей о сюрпризе. Такие сюрпризы, каза-

лось ей, бывают только во сне или в мечтах, а тут... В какой-то момент на Наталью словно нашло озарение: она увидела эти двухквартирные апартаменты, соединенные тайным ходом, во всем убранстве и блеске, как подробно описал ей Константин Николаевич. Увидела и себя в доме, принимающей гостей, друзей, родню, воспитывающей будущих детей, ведь он сказал ей: начнем с тобой возрождать старинный русский род Фешиных, и ей стало так тепло и радостно, что она тут же бесхитростно выпалила:

— Ну, если выбор зависит от меня, мне тут все нравится, и я не хотела бы ничего менять. Спасибо, дорогой, сюрприз действительно великолепный, так меня еще никогда не радовали.

— Я счастлив, что в праздничный день мне удалось поднять тебе настроение и мой подарок пришелся тебе по душе,— со старомодной галантностью ответил Тоглар и шутливо поклонился.— Давай вернемся в гостиницу, оставим машину на стоянке и погуляем по Москве пешком. Я покажу тебе одну дивную антикварную лавочку, познакомлю с ее хозяином Кузьмой Митрофановичем, потом пообедаем в испанском ресторане, ты ведь в Ростове проговорила, что Испания тебя чем-то притягивает...

И снова они прошли комнату за комнатой, и вновь Наталья стояла у понравившихся картин и гравюр, посмотрела на окрестности с высоты шестого этажа в огромное окно в большом каминном зале, включая и выключая диковинные люстры под высокими потолками, заглянула еще раз на кухню — честно говоря, уходить ей совсем не хотелось... В какие-то минуты она готова была ликующе закричать в гулкой тишине пустых комнат: «Это мой дом! Это мой дом!»

Подавая Наталье в прихожей манто из золотистой каракульчи, так поразившее пресыщенных французов в Париже, Тоглар, обняв и целуя ее в ухо, спросил:

— Ну, так как, выходишь за меня замуж? Квартирный вопрос, как видишь, решен...

И она, повернув к нему счастливое лицо, прошептала:

— Да, милый, я согласна продлить род Фешиных...

Поздний обед в испанском ресторане «Реал» плавно перетек в ужин, но Тоглар с Натальей не замечали времени, темени за окном, мокрого снега — они были по-настоящему счастливы, потому что определили день свадьбы: 20 апреля, как раз в день ее рождения.

Суеверная Наталья вычитала в каком-то гороскопе, что браки, которые заключаются в день рождения невесты, оказываются

необыкновенно счастливыми. Она уже однажды выходила замуж в мае и, по поверью,— промаялась. Теперь она не хотела рисковать. Константин Николаевич, с улыбкой выслушивавший доводы возлюбленной, был согласен на любые сроки. Наталья хотела непременно венчаться в какой-нибудь известной церкви или соборе, обязательно в белом свадебном платье с длинным шлейфом, чтобы этот день запомнился на всю жизнь. Видимо, она помнила свою первую свадьбу в студенческом общежитии и скучную регистрацию в районном загсе, в обшарпанной комнате с задерганной жизнью заведующей, которая заодно выписывала и свидетельства о смерти.

5

Все почти так и получилось, как задумывала невеста, только заметно изменились сроки в грандиозных и пышных планах. В самом конце марта, когда Наталья сдавала свои дела в магазине «Астория», умерла в больнице ее мать, хотя врачи уверяли, что больная идет на поправку. Пришлось Константину Николаевичу срочно вылетать в Ростов, организовывать похороны и поминки — все, как положено у православных. Теперь, до истечения сорока дней и очередных поминок, о свадьбе не могло быть и речи, греховность такого поведения казалась очевидной обоим, впрочем, и поводов особых спешить не было. Виленкин, которому была названа дата свадьбы, к середине апреля подготовил дом к встрече молодой хозяйки: в обеих квартирах укомплектовал все, вплоть до обувных щеток для любого цвета обуви. Так что в квартиру на Кутузовском Наталья въехала невенчанной, вопреки задуманному. Поминки по матери, сороковины, отметили в Ростове, куда они поехали вдвоем, и жили уже в гостинице «Редиссон-Ростов», где прошли первые счастливые свидания после побега Тоглара из чеченского плена.

С Ростовом, где Наталья родилась, училась и прожила все свои двадцать девять лет, она расставалась без сожаления. Со смертью матери оборвалась последняя ниточка, связывавшая ее с этим городом. «Мы с тобой теперь оба сироты»,— сказала Наталья Тоглару после похорон матери. Отца своего она не знала вовсе, хотя носила его фамилию — Зимиана.

Пережив в апреле вместо назначенной свадьбы похороны и проведя сороковины в мае, они задумались, когда же назначить

венчание. Май невеста исключила наотрез, по уже известной причине. Лето выпадало как-то само по себе,— эти месяцы, на взгляд невесты, тоже считались несчастливými. Остановились на второй половине августа, ближе к осени, когда люди возвращаются из отпусков, отдохнувшие, загорелые, энергичные. И тут Георгий вновь выручил умным советом, предложив Тоглару оригинальный ход: сделать свадебное путешествие наоборот — поехать за границу, отдохнуть где-нибудь на море, а потом уже венчаться в церкви, как пожелала ростовская невеста. Этот неожиданный план пришелся по душе будущим супругам, и они стали придумывать маршрут, чтобы сочетать приятное с полезным.

Когда-то Константину Николаевичу попался на глаза альбом знаменитого музея искусств Прадо, что находится в Мадриде, и он был восхищен испанской живописью. Испания, которая, кстати, занимала и воображение Натальи, и дала толчок к началу путешествия. Решили вылететь в Мадрид, пожить там дней семь-восемь, походить по галереям, посетить достопримечательные места, католические храмы, затем переехать в Толедо, город оружейников, кузнецов, ювелиров, где находится музей Сальвадора Дали, потом поселиться на испанском берегу Средиземного моря, вблизи Барселоны, чтобы почаще бывать в знаменитом городе, посмотреть настоящую корриду, увидеть футбольные матчи на известном своей архитектурой стадионе «Бернабеу». Затем перелететь на остров Мадейра, где курортный сезон уже будет в разгаре. С Мадейры, где они собирались купаться и загорать не меньше двух недель, прямым рейсом перебраться в Лиссабон, познакомиться там с мало кому известным музеем искусств, основанным нашим соотечественником Гюльбекяном, бывшим крупнейшим нефтяным магнатом в двадцатых годах.

Это тот самый Гюльбекян, который готов был построить в советской Армении город, дорогу, музей, все что угодно, лишь бы это было названо его именем, но, как говаривали еще недавно: у советских собственная гордость, и власти, конечно, не разрешили. Тогда всю свою щедрость неутомимый Гюльбекян обрушил на Португалию: там расположен один из лучших в мире госпиталей, который он выстроил в Лиссабоне и который, естественно, носит его имя. Собрал симфонический оркестр своего имени, с условием, что там всегда будут несколько музыкантов из Армении, построил порт, создал танкерный флот, и после его смерти все содержится на его средства. В музее, открытом Гюльбекяном в Лиссабоне, самая

большая в мире коллекция ковров, там есть ковры, которым по две тысячи лет и больше. Но Тоглар также знал, что в этом музее выставлено почти все уникальное столовое серебро Екатерины Второй и редчайшие картины, проданные большевиками в двадцатых годах из запасников Эрмитажа, Третьяковки, Музея изящных искусств, из музеев Саратова, Казани, Куйбышева, Минска, Киева.

Планировали они посетить единственный в мире музей карет, да и вообще погулять по Лиссабону. Как-то Дантес, немало побродивший по миру, сказал, что Португалия произвела на него особое впечатление, и советовал обязательно попробовать там знаменитое коллекционное вино «Лансерс», белое и розовое. А о музее Гюльбеяна Тоглару когда-то рассказывал Рафик Сво, он успел побывать в Португалии в начале восьмидесятых, когда там ненадолго сформировалось левое правительство и с Москвой возникли дружественные отношения.

Из Лиссабона «молодые» собирались перелететь или через Даккар, или через Женеvu на острова в Тихом океане, сначала на Таити, потом на Фиджи, и отдохнуть там недели по две. Затем опять через Европу, а, может, через Каир или Арабские Эмираты вернуться в Москву и тогда уже заняться предстоящим венчанием в церкви и свадьбой. Впрочем, это Тоглар решил поручить Эйнштейну — тот был дважды женат и знал, как оформляются гражданский и церковный браки, а главное, как организовать свадьбу по высшему разряду.

Набросав предварительно план путешествия, передали его Георгию, и тот отправился к своим знакомым в туристическую фирму «Содис». А сами будущие супруги приобрели огромный глобус, ворох карт и каждый день связывались с «Содис», уточняя маршрут будущего путешествия, аэропорты, из которых им придется перелетать с континента на континент, города и отели, в которых предстоит жить. В течение двух недель все формальности, связанные с визами, билетами, местами в гостиницах и на курортах, были утрясены, и в начале июня Тоглар с Наташей улетели в Испанию. В квартире на Кутузовском временно поселили Эйнштейна, — после второго развода он остался без своего угла, снимал жилье и как раз собирался менять очередной адрес. Единственная просьба, которую высказал Тоглар Эйнштейну, отдавая ключи от квартиры, — никогда не играть в этих стенах в карты. Оказывается, существует поверье: дом, где играют в карты на интерес, обязательно закончит плохо — в нем поселятся беда, горе и слезы.

Двухмесячное путешествие, начатое в Испании, прошло так, как задумали в Москве, только с острова Фиджи, где им понравилось больше всего и куда они решили вернуться зимой, в январе, летели в Белокаменную не через Дакар, а через Париж. Невеста все-таки надумала купить или заказать в своей бывшей фирме Кристиана Лакруа свадебное платье и еще кое-что по мелочи. За время путешествия она навидалась нарядно одетых женщин, и, видимо, ей захотелось пополнить и обновить свой гардероб. В Париже они остановились в той же гостинице, что и в первый раз, и связались с мсье Жаком, который обрадовался им как родным. Вспоминая новогодний бал в Париже, решили заглянуть в «Леди Астор». Видя, как Наталья буквально расцвела, счастливый Константин Николаевич, не знавший, чем еще порадовать невесту, предложил:

— Если тебе так нравится Париж, мы бы могли купить здесь квартиру в хорошем районе — они тут гораздо дешевле, чем в Москве, — и бывать тут почаще...

Наталья поспешно и, как показалось Тоглару, с испугом ответила:

— Нет, только не в Париже. Я не люблю Францию. — Заметив его удивление, она поспешила объяснить свой отказ: — Париж год от года становится похожим на площадь трех вокзалов в Москве — одни приезжие и транзитники. Да и французов в Париже маловато, сплошь негры, арабы, африканцы, марокканцы, филиппинцы, вьетнамцы, а теперь и наши проститутки с бандитами тысячами сюда повалили. Вот где-нибудь в Испании, в Марбелье например, где мы побывали, там дом был бы в радость. Мягкий климат, море, субтропическая зелень, кругом состоятельные люди... Нет, квартира в Париже нам не нужна. Сюда можно приезжать погулять, походить по музеям, выставкам, магазинам или заглядывать, как сейчас, возвращаясь транзитом из дальних странствий...

Позже этот разговор Тоглар будет часто вспоминать... Но тогда он согласился с убедительными доводами любимой и оставил мысль о квартире в сердце Европы.

Обвенчались они в Елоховском соборе, одном из красивейших и самых посещаемых в Москве, туда часто заглядывают первые лица государства, а на Пасху и Рождество и сам президент.

Конечно, Эйнштейн, которому было поручено заняться предстоящим венчанием и свадьбой, один не смог бы организовать торжество в таком значимом для столицы соборе, если бы не помощь Аргентинца. Братва в последние годы нашла путь и к духовенству, не зря же в знаменитых церквях лучшие батюшки с хорами отпевают братков в последний путь, а город выделяет им самые престижные места на давно закрытых для захоронения кладбищах, предназначенных для самых выдающихся граждан России. А тут стоял вопрос о свадьбе самого легендарного Тоглара, и братва, конечно, подсуежилась.

Как ни настаивал Тоглар на том, чтобы отпраздновать торжество в узком кругу друзей, переубедить ни Аргентинца, ни Дантеса, да и других ему не удалось. Все в один голос твердили: «Ты ведь, братан, первый раз в жизни женишься, первая у тебя свадьба. Да и жена — красавица, чего же таиться, скромничать? По любви же вступаешь в брак!» В общем, если и не убедили жениха, то дожали...

Свадьбу решили сыграть в «Пекине» — и привычно, и зал большой, просторный, есть где развернуться, и стоянка для автомобилей у гостиницы своя, теперь это веский аргумент в запруженной машинами городской жизни. Попытался Тоглар на финансы сделать упор, чтобы хоть таким образом уклониться от помпезного бракосочетания, мол, дороговато встанет свадьба на триста персон в «Пекине». Ему и тут сказали: не бойсь, это не твоя проблема — скинемся на законный брак.

Кто-то из новых братков оплатил аренду самого ресторана на два дня, Дантес принял счет за богато накрытые столы, Хавтан выделил в помощь своих вышколенных официантов, они хорошо ориентировались среди гостей и знали, кто есть кто. Виленкин, конечно же приглашенный на свадьбу как самый дорогой гость, предложил Константину Николаевичу услуги своего товарища-дизайнера, специалиста по проведению особо торжественных и пышных мероприятий, оказывается, теперь есть и такие узкие профессии. Тот, расстаравшись, нарядил и преобразил и без того роскошный зал «Пекина» так, что его не узнали завсегдатаи, а хозяева ресторана поспешили тут же заключить с дизайнером контракт на оформление «Пекина» к Новому году и Восьмому марта, когда от желающих заказать столик нет отбоя уже за месяц.

Огромный зал утопал в цветах, столы оказались расставлены так, что гости могли легко передвигаться по залу, не мешая друг другу. И чтобы потанцевать, не нужно было сбиваться в одну кучу — танцевать можно было везде, музыка прекрасно слышалась даже в самых

Ж

дальних углах. Не зря сняли ресторан на двое суток: к обеду следующего дня гости вернулись за накрытые столы, чтобы по старому русскому обычаю «поправить голову» и еще раз выпить за здоровье молодых и пожелать им многие лета.

Эйнштейн нанял с «Мосфильма» трех известных операторов, ныне безработных. Прекрасное получилось кино! Тоглар, глядя, как разворачиваются события, уже и позабыл, что рассчитывал на скромную свадьбу, уж очень счастливой выглядела невеста. Наталья накануне свадьбы нервно твердила: «Говорят, как получится свадьба, такой и будет жизнь...» Выходило, что впереди их ждет сплошной праздник, улыбки, цветы и подарки...

ГЛАВА 14. ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ

Отношения Карлена Татляна с Оленькой Харитоновой завывались все туже день ото дня, и теперь в доме известного профессора его принимали как жениха. Норману такое положение нравилось. Семья невесты внушала Карлену уважение — чувствовались традиции, культура, основательность уклада дома, несмотря на материальные невзгоды, переживаемые научной элитой в России. Но тут Карлену удалось помочь будущему тестю: он пристроил несколько нашумевших ранее в узких кругах лекций-статей Олега Даниловича, которые в прежнее время нельзя было опубликовать в открытой печати из-за тотальной секретности всего и вся. А западные технические журналы платили куда более солидные гонорары, чем искусствоведческие издания за статьи и обзоры культурной жизни России.

После первых публикаций на Западе забытый на родине и бедствующий профессор получил от нескольких видных журналов предложения выступить по той или иной проблеме, в которых был

весьма компетентен доктор наук Харитонов. А один престижный университет даже пригласил прочитать курс лекций в удобное для него время. В общем, благополучие в семье Харитоновых начало возрождаться с появлением в их доме обаятельного американца, которого будущая теща ласково звала Каро и пекла к его приходу любимые им пироги с грибами и с капустой.

В условиях контракта, подписанного Карленом-Норманом с американской разведкой, был пункт, где он обязывался поставить в известность руководство, если надумает вступить в законный брак. Особенно в том случае, если избранницей сердца окажется подданная другой державы. Американские спецслужбы знают несколько случаев, когда всесильный КГБ, да и другие известные в мире разведки: итальянская, немецкая, израильская — сумели скрутить заокеанских агентов брачными узами. Американцы до сих пор спорят, была ли минчанка Марина, жена Ли Харви Освальда, убийцы президента Джона Кеннеди, агентом КГБ и как этот факт повлиял на судьбу самого обаятельного президента всемогущего государства.

Составил такой рапорт руководству и Карлен-Норман, где подробно описал семью профессора Харитонова, на чьей дочери он собирался жениться в ближайшее время. Сообщил в центр и о публикациях будущего тестя в американских журналах, и о приглашении прочитать курс лекций перед студентами влиятельного университета, в котором в разное время учились несколько бывших президентов США. Передал он и с десяток фотографий семьи Харитоновых: дома, на даче, в театре — это тоже являлось непременным пунктом контракта.

Ответа долго ждать не пришлось, он получил его гораздо раньше, чем предполагал. Причем депеша была подписана высшим руководством разведки, а это означало, что брак агента представлял повышенный интерес для спецслужб. Оказалось, что к профессору Олегу Даниловичу Харитонову разведка давно проявляла интерес, еще с начала семидесятых годов, когда по научным каналам до ЦРУ дошли слухи о его открытиях в химии, пригодных для использования в области высоких технологий. Но работы, ценность которых была очевидна, сразу строго засекретили, впрочем, как и самого профессора, и ниточка интереса ЦРУ к нему оборвалась в самом начале его научной карьеры. И вдруг приятная неожиданность — возможность внедрить агента в семью самого ученого, подобное случается не часто! Начальство, заранее поздравляя своего молодого

и талантливого агента, просило не упустить свой шанс и даже обещало увеличить суммы представительских расходов, дабы он выглядел достойным Америки женихом.

Карлен, читая высокопарное послание из центра, лишь туманно улыбался — интересы США, патриотизм и любовь к звездно-полосатому флагу теперь его мало волновали. Москва быстро остудила и юношеский, и шпионский романтизм. Жениться на Ольге он, конечно, хотел всерьез и, как считал, по любви, хотя и проскальзывала тут скрытая от чужих глаз личная выгода, тонкий расчет. Отсылая в центр сообщение о том, что он намерен обзавестись семьей, Карлен, конечно, знал, что оно вызовет у его шефов подобный резонанс.

Это он понял еще тогда, когда прочитал статьи Олега Даниловича для американских журналов, да и по беседам дома на английском он ощутил незаурядную одаренность будущего тестя. Такие люди, как профессор Харитонов, и составляли сегодняшнее богатство и могущество его новой родины: Америка всегда жила за счет талантливых доноров со всего света. Карлен хорошо знал, что из тридцати живущих сегодня в США лауреатов Нобелевской премии — три четверти составляют выходцы из Китая, Индии, Пакистана, Израиля, России, Латинской Америки. Даже в большой политике, в кого ни ткни — по нашим понятиям, иностранец: Генри Киссинджер — немец, Збигнев Бжезинский — поляк, Спиро Агню — грек. Конечно, такие люди, как профессор Харитонов, интересовали разведку, тем более, если много лет к нему не было подхода.

Но Карлен, несмотря на молодость, уже всерьез играл свою игру. Этим сообщением он надолго, если не навсегда, резервировал за собой место в Москве, из которой ему уезжать никуда не хотелось. Во-вторых, теперь даже отсутствие ощутимых результатов в охоте за «граверами» не могло изменить его местопребывание — профессор Харитонов стоил того, чтобы агент находился постоянно подле него. В невинном на первый взгляд сообщении репортера светской хроники, что он собирается жениться, таилась еще одна коварная хитрость. Положение жениха, естественно, требовало времени, и он получал на полгода, на год относительную свободу — а это время он всерьез собирался потратить на поиски «гравера». Карлен чувствовал, что тот где-то рядом, в России, если не живет, то обязательно часто бывает в Москве, косвенно все подтверждало это. А разыщи он «гравера», можно навсегда остаться в Белокаменной и потихоньку, год от года, сворачивать работу, чтобы уйти в отставку как не оправдавший надежды агент.

...Как-то в конце лета, в августе, он вместе с Олей подъехал на своем белом «мерседесе» к ресторану «Пекин» поужинать, потанцевать. Карлену, да и Оле тоже, очень нравился китайский ресторан, где их уже знали и принимали как завсегдатаев.

Только повернув с Тверской направо, на автостоянку перед кинотеатром «Дом Ханжонкова», прежде называвшимся «Москва», Карлен увидел небывалое скопище роскошных иномарок и не сразу понял, что все они стараются припарковаться на площадке перед «Пекином». У въезда на стоянку стоял вальяжного вида распорядитель, ловко направлявший машины на соответствующие места; он пропустил Карлена с его «мерседесом», видимо, приняв его за званного на сегодняшний банкет гостя. Как только они с Олей вышли из автомобиля, на стоянку под восторженный гул встречающих въехал кортеж свадебных машин, элегантно украшенных цветами, без всяких пошлых надувных шаров и пластмассовых кукол. И они поняли, что кто-то арендовал в «Пекине» зал на свадьбу. К головной машине, огромному черному «кадиллаку», где сидели жених с невестой, кинулись гости с цветами. И Ольга потянула Карлена туда же — ей хотелось посмотреть платье невесты, в последнее время они тоже часто говорили о свадьбе, о церковном венчании. После первых объятий, приветствий, поздравлений у «кадиллака» толпа гостей расступилась и открыла дорогу молодоженам к ресторану, под ноги им полетели розы — новая традиция на богатых свадьбах в России.

— Какое платье! — с восторгом прошептала Ольга. — Наверное, в Париже на заказ сшили. Красивое и без шлейфа, удобно танцевать, — азартно комментировала она наряд невесты.

Но Карлен не видел ни наряда невесты, ни самой невесты, его внимание привлекли шаферы жениха — в элегантных смокингах на располневших фигурах, с белыми атласными лентами через грудь, по давней русской традиции. Как-то давно, еще до знакомства с Олей, ужиная с Крисом и Абреком в «Пекине», Карлен видел этих вальяжных господ неподалеку за соседним столом и помнил, что одного кличут Дантес, а второго Шаман, знал он и то, что на ближайших выборах они наверняка выставят свои кандидатуры на президентский пост, а депутатские мандаты в Государственной думе в ту пору уже имели оба. Чуть поодаль за шаферами-друзьями, на позиции телохранителя, шел Хавган, владелец ресторана «Золотой петушок». Незнаком был Карлену только жених, его он никогда и нигде не встречал,

хотя большинство окружавших молодоженов людей Норман видел часто: в казино, в хавтановском ресторане, на бегах, в автосервисе иномарок, ночных клубах, в «Пекине», наконец. Видимо, седеющий жених не первой молодости был влиятельный человек, раз такие высокие господа оказались у него доверенными людьми на свадьбе.

— Вот сфотографировать бы это платье! — продолжала мечтательно восторгаться Ольга, завороченная нарядом невесты.

Карлен, в лацкане пиджака которого всегда таился глазок микрокамеры, уже давно усиленно фотографировал и молодых, и окружение, и всех подходивших гостей — чувствовал, что эти снимки когда-нибудь очень ему пригодятся. Судя по заставленной автостоянке, свадьба намечалась грандиозная, а машины все прибывали.

Уже когда жених с невестой подошли к распахнутым настежь высоченным дверям «Пекина», появился чуть запоздавший Аргентинец в белом смокинге, рядом с ним — жена и дочери, в руках у женщин были роскошные букеты. «Значит, вездесущий Аргентинец хорошо знает жениха», — почему-то подумал Карлен. Телефон Городецкого давно уже стоял у Татляна на прослушивании, и он решил дня через два внимательно изучить записи разговоров каталы, который наверняка в беседе с кем-нибудь обмолвится о роскошной сегодняшней свадьбе в китайском ресторане.

Среди множества иномарок Карлен узрел и две машины фирмы «Кара-Дюшатель», только других расцветок: белую и жемчужно-дымчато-перламутровую, на фоне даже самых престижных моделей эти автомобили выглядели вызывающе роскошно. Карлен, занятый личными делами, уже три дня не видел своих друзей с четвертого этажа, и «Кара-Дюшатель» навела его на мысль поискать их тут, но сколько он ни оглядывал плотно заставленную стоянку, знакомой машины, на которой он часто выезжал сам, не было видно. Хотя, судя по составу гостей, особенно по их количеству, Крис с Абреком вполне могли быть приглашены на это претенциозное торжество. Отыскать соседей не удалось, и Карлен, потерявший интерес к чужой свадьбе, отъехал от «Пекина».

Тот вечер Карлен с Олей провели тоже шумно и весело — в хавтановском ресторане у Петровича. В тот день там отмечали день рождения сразу три компании: шампанское лилось рекой, оркестр не умолкал ни на минуту, и специально приглашенные цыгане из театра «Ромэн» придали гулянию особый, по-русски залихватский шарм, так нравившийся Карлену.

Карлен с Олей вскоре забыли о том, как они не попали в «Пекин» из-за чужой свадьбы. Однако Татлян, проявив снимки, сделанные на автостоянке рядом с кинотеатром «Дом Ханжонкова», обратился к своим друзьям с четвертого этажа, надеясь прояснить ситуацию: почему такие влиятельные люди, как Дантес и Шаман, были шаферами со стороны жениха — человека неизвестного для широкой публики? И почему с такой помпой отмечалась эта свадьба — ведь не политик, не банкир, не предприниматель, не эстрадный кумир? Крис с Абреком, рассматривая фотографии, узнали почти всех присутствовавших на торжестве людей. Это вдохновило Абрека на поучительные откровения:

— Дорогой Каро, ничего случайного в жизни не бывает. Если состоялась такая роскошная свадьба, значит, человек заслужил подобные почести. Ты прав, не на всякую свадьбу пойдут и Дантес, и Шаман, представляющие наивысшие авторитеты в государстве. А что касается скромного, на твой взгляд, жениха, то это легендарный человек из уходящего поколения. Например, его хорошо знал наш дядя Рафик Сво. Он как-то, упоминая о нем, изрек: это великий человек, чистодел! Но чем этот великий занимается, рассказать не успел, что-то увело в тот раз разговор в другую сторону, а допытываться у нас не принято, дурной тон, запахло, когда надо, сам скажет. Но «чистодел» означает мастерство, работу по высшему разряду. Может, он из тех редчайших людей, художников-ювелиров, которые отладили в начале семидесятых чеканку старых царских золотых монет достоинством в пять и десять рублей — самого привлекательного товара для тех, кто любил прежде «солить» деньги, таких гобсеков пруд пруди. Никакая экспертиза, кроме Пробирной палаты при Гохране СССР, не могла установить подделку, все совпадало: абсолютные параметры, точнейший вес, чисто золотой звук, а золота там была только одна десятая часть. Таких мастеров и называют с уважением — чистоделы.

В любом случае он человек высочайшего авторитета, за это головой ручаюсь. Он, видимо, давно отошел от дел, еще до нашего появления в Москве, иначе бы мы точно знали, кто он, чем занимается. А теперь, вероятно, живет в свое удовольствие, как видишь, решил семьей обзавестись, значит, раньше жил по понятиям: братан в законе не имел права на семью, на собственность. Сегодня авторитет такого человека, его слово дороже золота, дороже бриллиантов. Случись какой-нибудь важный спор, разборка между большими людьми — обратятся к нему. И как он скажет, так и будет, нравит-

ся это кому или нет. Как говорят юристы, приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Но ошибись он, прими чью-либо сторону — больше к нему не обратятся. Независимый и неподкупный судья нужен не только в гражданском обществе, но и в уголовном мире, иначе — конец: хаос, беспредел.

— Да, жаль, не были мы званы на эту свадьбу,— поддержал Крис,— погуляли бы рядом с такими корифеями. Жаль, не запомнил, какая у него кликуха, хотя Сво нам тогда ее называл, точно. Но ничего, дорогой Каро, мы свое тоже возьмем и пригласим самого чистодела на наши свадьбы, если сами, конечно, доживем до таких дней...

Вот такой неожиданный комментарий получил Карлен по поводу свадьбы в «Пекине».

2

Прошло всего лишь три месяца со дня пышной августовской свадьбы, и Карлен с Олей еще раз вспомнили о ней. Но на этот раз репортер светской хроники «Лос-Анджелес таймс» проявил к ее главным участникам гораздо более пристальный интерес.

В конце ноября, в один из промозглых дней поздней московской осени, когда уже выпал первый снег и все напоминало о предстоящей зиме, Карлен заехал к Ольге домой, захотел повидаться с ней, да и новость приятная для Олега Даниловича имелась. Приехал он без предупреждения — сразу после интервью с одним молодым скрипачом, которому специалисты с восторгом прочили лавры Давида Ойстраха или даже Иегуди Менухина,— и попал за накрытый стол. Ольга, оказывается, только полчаса назад вернулась из института, а гость к столу у всех народов считается счастливым приметой, о чем ему не преминули поведать. После такой преамбулы новость для Олега Даниловича явилась как божий дар, а не как дальний, ловко рассчитанный ход американской разведки. Один из всемирно известных университетов в Вашингтоне, округ Колумбия, собирался издать его учебник по химии, который он написал для студентов высших учебных заведений СССР еще лет пятнадцать назад. Обещанный за издание гонорар для потерявшего жизненные ориентиры профессора показался просто гигантским, разом снимавшим все финансовые проблемы.

Посидев за столом, Карлен с Олей оставили счастливых родителей на кухне и уединились, как обычно, у нее в комнате. Не успел

он ее обнять, как Оля взяла с письменного стола броский журнал, название которого ни о чем не говорило Карлену, и протянула ему. Подобные издания возникали шумно, претенциозно, денег на их рекламу, особенно на презентацию, не жалели, но через полгода, успев выпустить пять-шесть номеров и не оставив заметного следа в культурной жизни страны, они исчезали навсегда. Скорее всего, этот журнал был из такой же серии однодневок, более серьезные издания, утвердившиеся на рынке, Карлен хорошо знал, так как сотрудничал с большинством из них.

Протягивая Карлену журнал, Оля сказала с лукавой улыбкой:

— И у меня для тебя сюрприз. Помнишь ту свадьбу в «Пекине», где мне так понравилось подвенечное платье невесты? Мадам, выходит, очень богатая, посмотри, какие она траты себе позволяет.

Журнал, как и предполагал Карлен, оказался «пустым», так на языке профессионалов оценивается качество издания. На Западе подобную прессу называют «бульварной» или «желтой», но в чистом виде таковой в России еще не сформировалось. Большинство страниц заполняли фотографии скандальных звезд, дам полусвета, шлюх, не скрывающих своей профессии, вчерашних кумиров, спившихся спортсменов. Разворот в середине журнала занимали тоже снимки, но уже лучшего качества. Они принадлежали западным фоторепортерам, даже очень известным. Те быстро сориентировались на русском рынке и сбывали в Москву работы, которым не нашлось места в «Плейбое», «Вог», «Эль», «Базар», «Космополитен» — дорогих и престижных в Европе изданиях. Снимки шли под вызывающе претенциозным названием: «Русские завоевывают мир». Только глянув на несколько фотографий, сделанных в дорогих ювелирных магазинах Лондона, Вены, Тель-Авива, Цюриха или в антикварных салонах Парижа, Мадрида, Афин или Рима, Карлен подумал, что эти снимки могли бы заинтересовать налоговую инспекцию России, жаль, не было сопроводительного текста к ним.

Но два снимка внизу разворота заставили насторожиться и Карлена-Нормана, ему с трудом удалось скрыть свое волнение от невесты.

На первом, сделанном в известном парижском автосалоне «Сен-бастьян», где продаются дорогие, чаще всего сделанные по предварительному заказу эксклюзивные экземпляры редких машин, была изображена знакомая им невеста, чье свадебное платье сразило Ольгу. Одетая она была и на этот раз богато и со вкусом, но не наряд привлек внимание Татяны. Покупательница явно позировала оказавшемуся

случайно рядом или специально дежурившему в таком магазине фоторепортеру — с улыбкой эффектно опустила левую руку, унизанную кольцами и браслетами с дорогими камнями, особенно ярко выделяющимися на цветном снимке, на стопку долларов в банковских упаковках. А находящийся по другую сторону от впечатляющей долларовой пирамиды не то владелец, не то менеджер магазина держал перед собой двумя пальцами нераспечатанную пачку ассигнаций, видимо, из этой же стопки. Снимок явно символизировал поведение «новых русских» за рубежом и их девиз: «За все — наличными!»

На другой фотографии, пониже, та же дама уже сидела за рулем роскошного кабриолета «мазерати»: ослепительная женщина, умопомрачительная машина! Подобная модель «мазерати» с откидывающимся верхом стоила, на взгляд Карлена, не меньше трехсот тысяч долларов. Если репортер хотел эпатировать публику, он своего вполне добился! На втором снимке рядом с женщиной на переднем сиденье примостился какой-то мужчина, но для фотографа он явно не представлял интереса, и фигура смазалась. Однако Карлен ясно видел, что этот мужчина совсем не тот жених, седеющий господин, что вел невесту под руку у ресторана «Пекин», — тот был заметно выше, вальяжнее.

Карлен уже хотел вернуть журнал Ольге, как вдруг его взгляд от роскошного золотистого «мазерати» с кожаным откидным верхом перекинулся на невзрачного менеджера магазина «Себастьян», а точнее — на пачку долларов, которую тот держал почти на уровне лица. И только тут Карлен разгадал замысел фотомастера: главным в кадре были все-таки деньги — Его Величество Доллар. В пачке долларов, в пирамиде, составленной из них, и крылась задуманная художником идея, очень понятная западному обывателю. Выходило, что деньги затмили, заслонили не только скромного служащего автосалона, дорогую машину, но и ослепительную покупательницу. Доллары на снимке выглядели броско, рекламно, можно даже сказать — художественно. И тут Карлен, уже минуты три державший в руках журнал и в упор разглядывавший снимки, увидел четко номер и серию купюры — это были те самые супербанкноты, о которых предупредило его ЦРУ и Федеральный резервный банк Америки...

От неожиданности он чуть не вскрикнул, но вовремя сдержался. Ольга уловила перемену в настроении своего жениха, заметила его необычную бледность, мгновенно возникший лихорадочный блеск глаз, как при температуре, и потому, нежно обняв, участливо спросила:

— Что-нибудь случилось, Каро? Я расстроила тебя этими снимками?

Карлен, чтобы скрыть свое состояние, встал и, нежно приобняв ее, потерся щекой о щеку:

— Конечно, жаль, что я не могу подарить тебе такую великолепную машину или драгоценности, но я очень люблю тебя и думаю, что смогу баловать дорогими подарками...

— Спасибо, милый. Но я ничуть не завидую ни ее машине, ни нарядам и украшениям. Странно другое, что она уже дважды встретила на нашем пути...

— Да, пожалуй, ты права, в этом есть что-то мистическое. В десятиmillionном городе это похоже на чудо, но, как говорится у вас в России: что ни делается, все к добру. Будем и мы так считать...

Уходя из дома профессора Харитоновна, Карлен попросил у Оли журнал, сказав, что хочет показать эту модель «мазерати» своим друзьям, ярим поклонникам автомобилей.

Вернулся к себе в «армянский дом» Карлен расстроенным, честно говоря, он оказался не готов к такой быстрой удаче. Он полагал, что поиски «гравера» затянутся на годы, хотя чувствовал, что все крутится где-то рядом, возле него, и многих людей, имеющих к этому отношение, он уже наверняка знает в лицо. В этот промозглый предзимний день Карлен уже больше никуда не собирался выходить из квартиры и потому налил себе солидную, по-русски, порцию виски «Баллантайн», к которому пристрастился уже в Москве. Потом, хотя и отобедал у невесты дома, принялся готовить ужин.

В холодильнике у него была пицца-полуфабрикат из хорошего итальянского ресторана по соседству — он поставил ее в микроволновую печь. И от души пожалел, что в такую минуту в доме не было ничего от Петровича, день ото дня Карлен-Норман все больше ценил русскую кухню, русскую еду, особенно ту, что готовили в хавтановском ресторане. В какой-то момент он хотел даже позвонить в «Золотой петушок», чтобы прислали корзину с традиционным набором еды, но в последний момент передумал: ему нужно было побыть одному, принять стратегически правильное решение, — он был близок к достижению цели и ошибаться не имел права. В конце концов, в холодильнике было достаточно всего, это соответствовало его армянскому менталитету, которого он, из-за дружбы с Крисом и Абреком, пытался придерживаться. Друзья с четвертого этажа могли позвонить среди ночи и спросить: нет ли у тебя семги или соленой капусты и хрустя-

щих огурчиков с Центрального рынка под водочку? И не окажись того или другого, могли воспринять это как обиду — по понятиям Криса и Абрека, в доме должно быть все.

Накрыв стол, Карлен достал бутылку русской водки, рекомендованной ему Петровичем, и с удовольствием выпил стопку под грибы и языковую колбаску. Татлян принадлежал к тому редкому типу людей, которых спиртное скорее мобилизует, чем расслабляет. Обычно, приняв два-три стаканчика крепкого спиртного, он мыслил четче, многовариантнее, такое он за собой заметил давно, еще со студенческих лет. Сегодня требовалась особенная ясность ума: в том, что он случайно наткнулся либо на самого русского «гравера», либо на крутого сбытчика фальшивых долларов, он не сомневался. При любом раскладе — он у финиша, и не упустит свой шанс, дожмет «жениха», чего бы это ни стоило, чтобы выйти на подпольный валютный центр. Если надо, прибегнет к помощи бандитов с четвертого этажа.

После первой рюмки прекрасной водки «Русская рулетка» на ум ему пришла неожиданная мысль. Последнее время Карлен искал фальшивомонетчика только для себя, но в эти минуты подумал, что если русский «гравер» почему-то окажется ему не по зубам, он, не мешкая, призовет на помощь всю американскую мощь. В выигрыше он окажется в любом случае, но лучше было попытаться повернуть все самостоятельно. Ведь найди он этот чертов цех — сразу решил бы все проблемы личной жизни, а жизнь у него только-только начиналась, судьба редко и не всякому предоставляет такой шанс. Карлен прекрасно это понимал.

Поразмыслив на эту тему еще с полчаса, он твердо решил: вначале попытаться использовать личный шанс, тем более что к интересам Америки он мог вернуться на любом этапе поиска «гравера». Сегодняшнее открытие требовало немедленных действий, и Карлен, подняв лежавший всегда рядом сотовый телефон, позвонил на четвертый этаж, но никто по стационарному номеру не ответил. Тогда он позвонил прямо в «Кара-Дюшатель» — откликнулись сразу.

— Абрек, мне нужно срочно вылететь на недельку в Париж. Не могли бы вы помочь мне с паспортом? Я хотел бы слетать туда инкогнито...

— Каро, дорогой, без скремблера на телефоне о таких делах говорить не стоит, мы ведь можем быть на крючке у властей, а это повредит твоей репутации, это на всякий случай, не обижайся, — укоризненно заметил Абрек, и Татлян согласно кивнул, словно друзья могли его видеть. — Те связи сохранились... Слушай, мы решили провести вечер дома, холодно, да и снег повалил. Так что жди нас в гости, аппетит гарантируем...

Вечером за дружеской пирушкой, которая оказалась так кстати к настроению Нормана — в одиночку он от волнения не находил себе места в квартире,— вопрос с паспортом, обязательно зеленым, дипломатическим, решился быстро. Карлен объяснил: он хотел бы, чтобы его скоротечный визит в Париж не был известен его хозяевам, а иначе он не мог оформить визу во Францию через американское посольство. Поездку в Париж он объяснил личными проблемами: хотел купить невесте наряды и свадебное платье — о том, что у них с Ольгой дело шло к венцу, Абрек с Крисом хорошо знали.

После ухода друзей, которым Карлен журнал, естественно, не показал, он долго разглядывал снимки, пытаясь составить к ним словесный комментарий. Выходило, что молодожены, на чью свадьбу он чуть было случайно не попал, жили или имели квартиру в Париже. Если бы они покупали такую дорогую машину для Москвы, им пришлось бы оплатить только ее стоимость, и через некоторое время ее доставили бы транспортным самолетом прямо в Шереметьево. И тогда хозяйка, скорее всего, фотографировалась бы в машине уже дома, на фоне русского пейзажа, а тут на фотографии четко виднелись парижские номера — там машины продают уже с номерами, зарегистрированными в полиции. Эти детали Карлену, хорошо знавшему западную жизнь и бывавшему в Париже, говорили о многом. Люди, имеющие доступ к фальшивым долларам, могли позволить себе жить двумя домами — в Москве и в Париже, что сейчас ничуть не удивительно для «новых русских». «Птицы высокого полета»,— говорил о таких нуворишах язвительный Абрек. Отсюда и пышная свадьба в Москве... Значит, столица занимает в их жизни не последнее место...

Такие гипотезы выстраивал в ту ночь Татлян после ухода гостей. Но как бы он ни фантазировал, следовало лететь в Париж, навеститься в автосалон «Себастьян», а там уже искать покупательницу, позволившую себе дорогую покупку, да еще и за наличные.

Прилетел Карлен в Париж рано утром, первым рейсом авиакомпании «Эр-Франс», в знакомый по прежним визитам аэропорт Орли. В Париже стояла такая же сырая, промозглая погода, хотя снег во Франции еще не выпадал. Погода не оказалась для него неожиданной — он жил в Париже больше года, проходил стажиров-

ку в известной газете «Франс суар» и знал, что такое конец ноября во Франции. Да и в самолете объявили метеосводку, после чего все дружно запросили кто виски, кто коньяк.

Прибыл он в Париж налегке, с одним полупустым дипломатом, если что и понадобится, все можно приобрести здесь — денег с собой он взял достаточно. Друзья с четвертого этажа любезно предоставили возможность еще раз воспользоваться чеченским саквояжем из отеля «Лейнсборо». Кстати, Карлена сильно удивило, что денег в щегольском саквояже за последние два месяца несколько не ubyло, хотя Крис с Абреком тратили их напрапалу, значит, снова разжились где-то солидной суммой.

В Париж он летел без особого трепета и волнения, и не потому, что не любил его или был равнодушен к европейской столице, просто хорошо помнил тот давний год стажировки. Здесь, как ни в каком другом городе мира, чувствуешь власть, силу денег и свое бессилие, ничтожество, когда их нет! Все есть, и все не для тебя — таким запомнился Карлену Париж. Что мог позволить себе бедный студент, куда пойти, когда на счету был каждый доллар, а в молодые годы так хочется есть, одеваться, гулять, ухаживать за красивыми девушками! Париж не оставил в его воспоминаниях ничего сентиментального, о чем стоило сожалеть, и оттого сегодня он чувствовал себя твердо и уверенно, казалось, ничто не способно его расслабить или отвлечь от выполнения задуманной миссии.

В самолете, когда он равнодушно думал о Париже, припомнилось почему-то окончание одного знаменитого европейского романа, когда некий разочаровавшийся путешественник возвращается из Венеции, о которой грезил всю жизнь. В ресторане Восточного экспресса ему на глаза попадает газетный абзац о том, что Венеция ежегодно погружается в пучину на сантиметр-полтора. Незадачливый разочарованный герой в сердцах роняет: «Пусть поглотит ее море!» — и выпивает бокал вина за будущую смерть великого города грез. Конечно, Карлен не вынес бы столь сурового приговора любимому всем миром городу, но Париж не трогал его сердце.

Стажировка во «Франс суар» позволила ему неплохо узнать французскую столицу, особенно ее вечернюю жизнь, — он и там специализировался на культуре и светской хронике. Разумеется, у него, как у всякого молодого человека, случались тут интрижки, и в электронной записной книжке еще хранились телефоны девушек, но он не строил никаких планов на их счет. Хотя, конечно, ему было

приятно осознавать, что сегодня он мог бы пригласить любую из них в дорогой ресторан, сделать какой-нибудь подарок или удивить отелем, в котором остановился. «Прежде всего — дело, а там посмотрим», — решил Карлен. В аэропорту он взял такси и назвал одну из дорогих гостиниц на Елисейских полях — «Палас-отель», когда-то довелось брать там интервью у Элтона Джона, гастролировавшего в Париже, и его поразила роскошь апартаментов.

Устроившись на том же этаже, где некогда проживал кумир его юности, Карлен спустился в ресторан, плотно, на русский манер, позавтракал и даже выпил пару рюмок хорошего французского коньяка «Реми-Мартэн», чем удивил, казалось бы, невозмутимых официантов престижного отеля. За завтраком он пытался как-то спланировать свой день или продумать разговор в «Себастьяне», который сегодня был важнее всего, но быстро отбросил эту идею — действовать следовало по обстоятельствам.

У подъезда «Палас-отеля» стояла вереница пустых такси, ожидавших клиентов дорогой гостиницы. Карлен, мысленно перекрестившись, нырнул в теплое чрево первого же попавшегося автомобиля, в который его услужливо поманили. Шпионские привычки, а точнее, выучка, давали о себе знать: он сел на заднее сиденье и назвал не сам магазин «Себастьян», куда направлялся, а кафе рядом с ним. Он хорошо запомнил русскую поговорку: береженого бог бережет. Прекрасное итальянское кафе «Верона» находилось как раз наискосок, через дорогу от автосалона. Шофер, подъезжая, уточнил: «Вам в «Верону»?» — и Карлен кивком подтвердил адрес.

Прежде чем раздеться в гардеробе, Карлен придирчиво оглядел себя в высоком зеркале у входной двери. Английское пальто из ткани «викуния» на теплой норковой подкладке, приобретенное в Москве, сидело на нем безукоризненно, впрочем, как и костюм от фирмы «Дормей», купленный там же. Пожалуй, так или приблизительно так выглядят покупатели магазина «Себастьян» — у продавцов глаз зорек, ему нельзя было их чем-нибудь насторожить.

Раздеваясь, он подстраховался, оглянувшись по привычке: нет ли за ним хвоста. И столик занял так, чтобы хорошо видеть входную дверь, но, судя по всему, его никто не пас. В «Вероне» он просидел больше получаса, выпил две чашки крепкого кофе и рюмку коньяку. Погода требовала сегодня крепких напитков, хотя в итальянском заведении обычно больше пьют вино, а сюда оно поступало из самой Сицилии, об этом говорили рекламные плакаты на стенах. Было теп-

ло, уютно, обслуживали любезно, но дело есть дело, и Карлен, глянув на свои «Юлисс Нардан — Чингисхан», с сожалением покинул «Верону». Постояв минуты две у кафе, словно поджидая такси, неожиданно резко пересек улицу и решительно направился к «Себастьяну».

В автомагазине на подиуме стояли четыре машины, и все европейские — две немецкие, одна итальянская и одна французская, «рено». Посетителей в этот час еще не было, а праздные зеваки во Франции в дорогие магазины не заглядывают, там вообще не принято без особой нужды слоняться по торговым заведениям, тем более таким как «Себастьян». Кажется, не пришли даже все служащие автосалона, лишь одинокий человек в синей фирменной курточке протирал переднее стекло у белого «порше». Едва Карлен распахнул входную дверь, в глубине магазина раздался мелодичный звук колокольчика, так обычно подается сигнал, что в зале появился его величество клиент. Человек в униформе оставил «порше», снял перчатки, в которых протирал стекло, и двинулся навстречу Карлену, изобразив улыбку на лице. Выходило, что приступать к делу следовало прямо с порога.

Поздоровавшись, продавец, чувствуя в Карлене солидного покупателя, вежливо спросил:

— Чем могу быть полезен? Какая вам нужна машина: европейская, американская, японская? У нас широчайший выбор. Не обращайтесь внимания на подиум — площадь магазина не позволяет выставить даже супермодели, новейшие образцы.

— О да, «Себастьян» не нуждается в рекламе, — с такой же улыбкой ответил Татлян. — Но я сегодня пришел не за машиной. Я по другому делу, пожалуйста, помогите... — и, достав из-за пазухи заготовленный журнал, распахнул на нужной странице и протянул его служащему.

Тот, мгновенно утратив к посетителю интерес, нехотя наклонился, но, увидев знакомое лицо шефа и интерьер своего магазина, заулыбался на всякий случай снова.

— Да, это наш магазин, а на снимке главный менеджер «Себастьяна», — сказал он и вопросительно глянул на посетителя, давая понять, что свободным временем на пустопорожние разговоры не располагает.

— Я репортер светской хроники, — поняв его красноречивый взгляд, стал объяснять Карлен. — Пишу о жизни «новых русских», заполонивших Европу и Америку, да и весь свет. Тема вызывает у читателей громадный интерес. Не могли бы вы подсказать мне адрес

этой мадам, купившей такой роскошный кабриолет «мазерати»? Я полагаю, что эта эффектная женщина достойна эксклюзивного интервью, а не только снимка в русском журнале без всяких комментариев. Уж больно хороша и элегантна, особенно за рулем такой красавицы,— машину она, наверное, подбирала под цвет своих прекрасных волос...

Последнее замечание несколько рассмешило продавца, но он вдруг, вероятно, вспомнив про свои обязанности, жестко сказал:

— Извините, мсье, мы не вправе давать какую-либо информацию о своих покупателях, тем более о таких богатых,— и, считая разговор оконченным, сделал шаг в сторону «порше».

— Но я же журналист, вот мое корреспондентское удостоверение,— попытался вновь завладеть вниманием служащего Карлен, хотя заранее предполагал, что таким и будет ответ.

Однако и форсировать события было нельзя. Если продавец не поверит, испугается — в Париже, как и в России, аферистов хватает,— он не только не поможет, а доложит руководству магазина о домогательствах прессы. А те могут предупредить покупательницу, такими клиентами на Западе не разбрасываются, и услужить им — значит закрепить доверие на будущее: кто живет одним днем, редко выигрывает.

Человек в униформе чисто из вежливости глянул на настоящее репортерское удостоверение, подтверждавшее, что перед ним корреспондент «Лос-Анджелес таймс». И тут Татлян пустил в ход домашнюю заготовку: словно замаявшись, сменив тональность разговора, просительно сказал:

— Пожалуйста, помогите, у меня горит важный репортаж. От его успеха зависит моя карьера...— и протянул тому три сотенные купюры долларов.

Продавец, как-то быстро, воровато зыркнув по сторонам, взял адресованные ему деньги и, спрятав их в нагрудный карман, уже по-отечески мягко ответил:

— Так сразу бы и сказали... Помочь молодому человеку в работе, в карьере — дело святое. Но и вы должны войти в мое положение. Что не положено — то не положено. Так что, в любом случае, я вам ничего не говорил, имейте это в виду...

Предупредив настырного клиента, он направился к служебной стойке, достал из сейфа толстую бухгалтерскую книгу, где, видимо, велся какой-то учет, и быстро, поглядывая на входную дверь, продиктовал Карлену адрес и телефон владелицы «мазерати».

Искренне поблагодарив его, Карлен тут же выпорхнул из «Себастьяна» — ему, как и продавцу, свидетели были ни к чему.

Не успел он пройти и сотни шагов после удачного посещения автосалона, как рядом на перекрестке тормознуло пустое такси, и Татлян неожиданно для себя, еще не наметив дальнейших планов, нырнул в машину. Ему вдруг захотелось немедленно увидеть дом, где снимала квартиру загадочная московская пара, имевшая отношение к фальшивым супердолларам. Судя по адресу, жили богатые русские в уважаемом районе неподалеку от Булонского леса, и он еще раз оценил вкус молодой женщины и почему-то представил ее гарцующей верхом на прекрасной лошади в Булонском лесу. Такая женщина должна была не только гонять на роскошной машине, но и непременно заниматься верховой ездой. Не оттого ли чета выбрала квартиру рядом с лесом?

Подъехав к месту по указанному адресу, Карлен отпустил машину, но, выйдя из теплого салона, сразу почувствовал сырость, неуют, холод с заметным северным ветром. Тут и в пальто с норковой подкладкой недолго замерзнуть. То, что он здесь надолго не задержится, Карлен понял быстро. Семиэтажный дом, построенный в начале прошлого века в готическом стиле с элементами барокко, выглядел помпезно — такие здания и составляют красоту и величие Парижа. Конечно, от первоначального строения осталась лишь внешняя оболочка, да и та — искусно отреставрированная, внутри все давно перестроено «от и до», и здание напичкано самыми современными коммуникациями и другой технической начинкой. Он бывал по долгу службы в Париже в таких домах, где брал интервью у известных людей. В подобном доме, даже, кажется, неподалеку, жил великий французский шансонье Шарль Азнавур, армянин по происхождению, о нем Карлен сделал свой первый репортаж из Парижа, как-никак свой по национальности.

Дом стоял чуть в глубине от дороги, в саду, и попасть во двор было невозможно. В обоих торцах пятиподъездного величественного дома располагались внушительные старинные ворота, являвшие собой шедевры кузнечного ремесла, и при каждом входе сидел консьерж, который без согласования по телефону с жильцами уважаемого дома никого не впустит. Карлен прошелся вдоль ограды раз и другой, наивно надеясь, что сейчас из тех или других ворот плавно выплывет золотистый «мазерати» с поднятым кожаным верхом, и он увидит знакомых по Москве молодых людей. Время

шло, но бесшумно двигавшиеся на гидравлике ажурные ворота казались задраенными наглухо, никто не въезжал в строго охраняемый дом и не выезжал из него.

Карлен уже хотел ретироваться от не подававшего признаков жизни особняка. Следовало выработать какую-то иную тактику — ведь у него был домашний телефон молодой четы, — но на продуваемом осенним ветром тротуаре ничего толкового в голову не приходило. Вдруг около одной из будок с консержем остановился пикапчик, или, как говорят в России, «пирожковоз», «каблук». Пробежав глазами рекламные надписи на машине, Карлен понял, что к особняку за забором подъехала молочница, доставлявшая прямо к дверям жильцов продукты: творог, кефир, йогурты, молоко, сметану, мороженое, — форма обслуживания, кажущаяся в России фантастической, но уже давно принятая во всем мире. Жилец делает время от времени заказ по телефону и забирает продукты за дверью своего порога, а по мере накопления счетов оплачивает их в соседнем магазине.

Из «каблук» ловко выпорхнула статная девушка в джинсах и кожаной куртке и, не закрыв машину, подбежала к будке. О чем-то переговорив с консержем, она зашла на охраняемую территорию и тут же выкатила из-под навеса с внутренней стороны хромированную двухосную тележку на резиновом ходу. Охранники открыли для нее тяжелые кованые ворота. Как понял Карлен, на территорию въезд на машине был запрещен даже для молочницы, и то верно, трудно было представить, что она переезжает от подъезда к подъезду на машине, тут каждый из пяти входов походил на театральное парадное.

Быстро подкатив тележку к задней дверце пикапа, девушка нажала на какую-то педаль, площадка для груза поднялась на уровень днища машины, и молочница одной рукой, без усилий, выкатила оттуда большой контейнер с заказами. Легонько подталкивая нарядную тележку с контейнером, она покатила ее к первому подъезду. Ворота за молочницей закрылись сразу, чувствовалось, что операция ежедневная и отработана по минутам, да и девушка действовала ловко, сноровисто. Карлена заинтересовало, сколько же минут она задержится в ближайшем подъезде, и он засек время.

Задержалась девушка ровно на пять минут — лифты в таком доме скоростные, незагруженные, да и молочные продукты заказывают не в каждой квартире. Он уже собирался остановить первое свободное такси, но неожиданно ему в голову пришла дерзкая мысль: а вдруг удастся что-то прознать? И, проходя мимо «пирож-

ковоза», нырнул на переднее сиденье рядом с водительским местом. В машине было тепло, уютно, волнующе пахло незнакомыми духами. Ключ зажигания торчал в панели, и Карлен включил музыку, закурил и, на мгновение отвлекшись от дел, даже подумал: «А молочница недурна собой, стройна, легка в движениях, может, пригласить ее сегодня вечером куда-нибудь?» От этой мысли он почувствовал себя веселее, непринужденнее.

В машине он провел более получаса, их в тепле, считай, и не заметил: позволил себе даже сменить кассету, уж слишком заманчивыми показались записи, лежавшие свободно на сиденье. Заслушавшись музыкой, он на минуту задремал и прозевал возвращение хозяйки автомобиля, увидев девушку уже на водительском месте. Молочница оказалась не робкого десятка, а главное, с юмором: первое, что она спросила после «бонжур»:

— Не огорчила ли я вас своей фонотекой?

Карлен с улыбкой ответил в том же духе:

— Нет, даже наоборот. У нас почти совпадают вкусы. Я тоже люблю Патрисию Каас, Далиду и Иглесиаса. Жаль, у вас не нашлось Шарля Азнавура, я брал у него когда-то интервью.

— О, вы журналист? — спросила с любопытством девушка, тронув машину с места.

— Да, я из этого незавидного племени, — ответил Татлян, предложив сигарету девушке, и тут же, уловив ее благосклонное отношение, представился: — Меня зовут Карлен, я репортер светской хроники.

— А меня зовут Колект. Вы что же, собираетесь взять у меня интервью? — спросила она кокетливо.

Молодой человек ее явно заинтересовал: одет был изысканно, держался уверенно, но без цинизма и хамства, такие мужчины нравились ей.

— Отчего бы и не взять? Прекрасные молочницы могут такие тайны знать про своих клиентов!.. — Но тут же, сменив шуточный тон, продолжил серьезно: — Честно говоря, я чертовски замерз, и ваша машина спасла меня от верной смерти. А караулил я тут одну богатую особу из того дома, куда вы доставляете молочные продукты. Мне обязательно надо взять у нее интервью или сделать о ней репортаж.

— Если не секрет, у кого? — спросила Колект.

— Какие могут быть секреты у репортера светской хроники! Наоборот, хочется разболтать о них на весь свет, о своей героине, ее при-

чудах, страстях, наклонностях, вкусах, пороках. А ждал я одну русскую даму, она с мужем поселилась тут, кажется, недавно. Могу даже показать вам ее фотографию...

— Я уже догадалась, о ком вы говорите,— торопливо прервала его Колетт,— в этом доме одна русская — Натали. Действительно, очаровательная женщина, добрая, приветливая, щедрая, не то, что старые гусыни по соседству,— заключила она неожиданно сердито.

Карлен на всякий случай показал разворот журнала, где был снимок, заставивший его прилететь в Париж.

— Я угадала, это она,— кивнула Колетт.— И что же вы хотели бы у нее спросить?

— То, о чем спрашивают у всех красивых и богатых женщин: почему она выбрала местом жизни Париж, Францию, почему отдала предпочтение «мазерати», да еще кабриолету, нравится ли ей дом возле Булонского леса, занимается ли она верховой ездой, кто шьет ей такие изысканные наряды, где собирается встретить Рождество, какой подарок она сделает любимому мужу? Спрошу что-нибудь про Россию. Да мало ли что можно спросить у молодой женщины с такой очаровательной улыбкой! А как вы считаете, Колетт, мадам Натали интересная женщина? И что бы вы спросили у нее, окажись на моем месте?

— Не знаю,— сказала молочница нерешительно. И вдруг весело выпалила: — Я сама могу дать ответы на некоторые ваши вопросы. Возможно, они помогут вам в работе.

— Было бы очень любезно с вашей стороны,— загорелся Карлен.— Ведь я пока не знаю, как подступиться к теме, а так я, пожалуй, смогу развить какую-нибудь линию, например, какие очаровательные молочницы доставляют продукты в дом, где она купила квартиру.

— Вот и введете читателя в заблуждение,— прервала Колетт, не отрывая взгляда от дороги и лавируя между множеством машин.— Дом действительно роскошный, с родословной, живут там многие известные люди, но мадам Натали лишь снимает шестикомнатную квартиру во втором подъезде на пятом этаже. Поселились они тут недавно, еще и месяца нет, а квартира принадлежит профессору права Огюсту де Брессону, вернее, она принадлежала испокон веков его роду, известной во Франции фамилии — его предки служили при дворе еще во времена Бурбонов. Профессора назначили послом в Мексику, и он через своих знакомых сдал квартиру со всей обстановкой на два года. Нынче содержать этаж в Париже в таком респек-

табельном районе дорого, а свободных квартир у Булонского леса почти не бывает, тут живет французская аристократия, наверное, мадам Натали прельстило именно это.

— Вы с ней познакомились, бывали у нее дома? — спросил Карлен, направляя разговор в нужное для себя русло.

— Да, буквально на второй или третий день, как она поселилась в этом доме. Услышав мои громыхания за дверью, она пригласила в квартиру и кое-что по-женски расспросила: о магазинах, прачечных, парикмахерских, косметических салонах в этом районе. — Заметив удивление на лице собеседника, Колетт с вызовом сказала: — В нашем знакомстве, как мне кажется, ничего удивительного нет: мы с ней близки по возрасту, я парижанка, и спросить ей есть о чем, например о соседях... Еще я могу рассказать, где она так элегантно одевается.

— О, это один из главных вопросов к прекрасным и знаменитым женщинам, — пытаюсь заручиться расположением Колетт, поспешил уверить Карлен. — И ответ будет волновать многих наших читательниц...

— Тут ей повезло. Ее муж — его я, правда, видела только мельком и то на фотографии, стоящей в прихожей у зеркала, — работает у известного кутюрье Кристиана Лакруа, занимает какую-то высокую должность. Натали обмолвилась, что в России она работала от этого торгового дома и познакомилась с мсье Робером, когда он приезжал туда по делам фирмы.

— Значит, муж у нее француз? — тщательно скрывая удивление, поторопился спросить Карлен.

— А вы думали кто, немец? — засмеялась Колетт. — Потому она и приехала к нему в Париж.

Карлен от неожиданного сообщения непроизвольно откинулся на спинку сиденья и вытер испарину на лбу. В машине действительно было слишком тепло, но бросило его в жар от слов Колетт. Возникла абсолютно новая непредсказуемая ситуация: муж прекрасной Натали, оказывается, не тот чистодел, которого некогда высоко аттестовал легендарный вор в законе Рафик Сво, а какой-то француз по имени Робер, имеющий отношение к миру высокой моды. В таком случае сразу возникала куча вопросов, и прежде всего, зачем был организован тот недавний шумный маскарад со свадьбой в Москве, и почему в нем участвовали Шаман с Дантесом — люди, официально претендующие на российский престол, им-то скандалы вовсе ни к чему. И вообще, куда тогда подевался тот седой вальяжный господин, весомый и авторитетный в уголовных кругах человек, в котором он, Карлен, заподо-

зрил или русского «гравера», или, на худой конец, крупного сбытчика фальшивых долларов. И что сулит ему, Карлену, появление некоего Робера рядом с московской красавицей — новый, французский, след супербанкнота? Не Натали, похожая на супермодель, а прямо какая-то Мата Хари: муж в Москве, муж в Париже, шаферы на свадьбе — уголовные генералы, да и гости того же пошиба, муж-француз занимается высокой модой — непонятный, нелогичный получается винегрет, пришел к выводу Карлен-Норман.

Пытаясь разобраться с мужьями загадочной Натали, Карлен шуточно спросил:

— Наверное, мсье Робер похож на Карла Лагерфельда — в возрасте, с сединой, но без брюшка?

Кто его знает, может, теперь этот московский чистодел выдает себя за француза и готовит аферу во Франции — против франка? А может, Шаман с Дантесом замыслили через него прикупить какую-нибудь отрасль или вообще взять в руки Париж, как прибрали к рукам златоглавую Москву, Прагу и взяли уже за горло немцев у них же дома? Планы у этих деятелей могли быть самые обширные, аппетит у русской мафии завидный, тем более, если есть фальшивые доллары, чтобы реализовать любые амбициозные фантазии, ведь Запад еще по-настоящему не искушали крупными взятками, не запугивали всерьез.

Но Колетт в ответ от души рассмеялась:

— Как вы меня развеселили! Я действительно представила рядом с мадам Натали этого обаятельного толстяка Лагерфельда — смешная пара получилась бы. Хотя я высоко ценю его модели. А что касается мсье Робера, он вполне достоин своей красавицы жены: молод, строен, обаятелен и талантлив. Как сказала мадам Натали, он намерен отделиться от Кристиана Лакруа и открыть свой салон, и главной моделью там будет интересующая вас русская мадам.

— Вот это поворот сюжета, значит, я правильно выбрал натуру. Предугадать будущую топ-модель редко кому удается,— восхитился в меру всех своих артистических сил Карлен-Норман, внутренне чувствуя, что запутался пуще прежнего, для него было бы лучше, если мсье Робер оказался бы московским чистоделом.

Было от чего разволноваться Карлену. Единственное, чему он порадовался в этой ситуации, так это тому, что не показал Колетт свадебные фотографии Натали из Москвы, они бы однозначно вызвали у нее подозрение. Карлену теперь было над чем подумать, но вслух он возбужденно сказал:

— Да, представляю, какую дополнительную рекламу получит напоследок Дом Кристиана Лакруа, одевается-то она действительно изысканно... — Сведений он накопил вполне достаточно, и они немедленно требовали спокойного осмысления, поэтому, сворачивая разговор, Карлен вежливо сказал: — Я вам очень обязан, Колетт, за бесценную информацию, кроме того, просто рад знакомству с вами. Если вы располагаете временем и желанием, я бы сегодня с удовольствием пригласил вас куда-нибудь посидеть, потанцевать? — и внимательно посмотрел на зардевшуюся девушку.

— Спасибо, я тоже очень рада знакомству с вами — не каждый день приходится беседовать с репортером светской хроники. Но сегодня я очень занята, семейное торжество, — сожалеюще ответила Колетт. — Если вы позвоните завтра, я встречу с вами с удовольствием, — и, достав визитную карточку, протянула ее Карлену.

4

Расставшись с Колетт, Карлен довольно долго гулял пешком по центру, как ни странно, не ощущая ни холода, ни сырости, ни ветра, а ведь погода несколько не изменилась, ничуть не потеплело. Мысли его были только о Наталье, высветившейся с неожиданной стороны, — теперь о ней можно было строить любые догадки.

Если у Карлена, сначала в Москве, потом в самолете «Эр-Франс», а рано поутру в Париже, в кафе «Верона», и выстроился какой-то план, схема расследования, то теперь он ни к черту не годился — все карты спутал французский муж Натальи, некий Робер из торгового дома Кристиана Лакруа. Машинально взглянув на часы, Карлен аж присвистнул от удивления: приближался полдень. В Москве он привык обедать обстоятельно и потому почувствовал, как проголодался. Нужно было возвращаться в отель на Елисейских полях, пообедать там, а затем в тепле уютного номера рядом с телефоном выстроить новый план действия. Вероятно, придется звонить в Москву Абреку с Крисом, чтобы узнать, там ли находится один из мужей Натальи, о чьей свадьбе в «Пекине» он не только поведал им, но и показал любопытные фотографии участников торжества. А может, ему придется здесь, в Париже, прибегнуть к чьей-то помощи, если одному окажется не по силам разобраться с «невестой», — следовало обдумать и этот вариант. В общем, напрашивался небольшой перерыв, чтобы

переосмыслить возникшую ситуацию, хотя первый день пребывания в Париже следовало признать удачным: повезло ему и в «Себастьяне», и с Колеетт, от них он получил ценную информацию.

Приняв такое решение, Карлен остановил первое же свободное такси и поехал к себе в «Палас-отель». В номере он отдохнул с полчаса, попытался позвонить в Москву, но телефон Абрека с Крисом не отвечал, и он спустился вниз, в ресторан. Обедал он уже в другом, основном зале, хотя и утренний, где завтракал, ему понравился. Карлену и тут подфартило — в ресторане был день итальянской кухни. Конечно, лучше бы русской, но после Петровича из «Золотого петушка» его вряд ли устроила бы любая другая русская кухня, да еще во Франции. Но итальянская кухня для него все же лучше, чем французская, — как южанину, кавказцу, она была ближе, роднее. С пряностями, приправами, соусами, зеленью; равиоли, спагетти, пастами, террапитос — слоеными пирожками с особым сыром... При одной мысли о еде у него разыгрался аппетит, и Карлен кивком поздравил официанта, молча дожидавшегося, пока он перелистает многостраничное меню и винную карту.

Во время обеда Татляну вдруг пришла в голову такая невероятная мысль, что он чуть не выронил ложку в бульон с равиоли. Может, во всей этой истории со свадьбой в Москве, женихом-чистоделом, известным в уголовных кругах, и мужем-французом в Париже, занятым в сфере высокой моды, что более всего поразило Карлена, — главное действующее лицо не мужчина, а женщина? Невеста — в Москве, мужняя жена — в Париже, некая очаровательная россиянка Наталья. Задавшись этим вопросом, Карлен окончательно испортил себе роскошный обед — любимые равиоли, напоминающие русские пельмени, только совсем мелкие, если не сказать крошечные, даже непонятно, как их начиняют, Карлен доедал почти остывшими. Второе блюдо — особо запеченная рыба — требовало при еде внимания, но он не мог отдаться кушанью целиком и тоже не получил удовольствия, хотя рыба была редкостная и подали ее с соусами, приправой, зеленью — огромное блюдо походило издали по цветочной гамме на букет-икебану.

Смешно, но все складывалось совсем по-французски: ищите женщину! Об этом им толковали еще в разведшколе: женщина, ее причуды, капризы, вкусы, требования, запросы и даже ее преступления слишком индивидуальны и неповторимы! Мысль о том, что главным лицом в производстве супербанкнотов может оказаться женщина, настолько взбудоражила душу Карлена, что он окончательно потерял

интерес к обеду, не дожидаясь десерта, покинул ресторан и поднялся к себе. Правда, попросил подать кофе в номер.

В конце ноября в Париже темнеет рано, особенно в такие пасмурные дни, и в комнатах было уже мрачно, неудобно. Сгущавшаяся за окнами темень ничуть не напоминала привычные московские сумерки, которые Карлен так любил. Он завесил окна плотными шторами, включил свет, и комната преобразилась. Расхаживая по просторному номеру, устланному дорогими персидскими коврами ручной работы, отчего шаги делались вкрадчивыми, бесшумными, Карлен пытался нащупать в памяти хоть какую-то зацепку насчет женщин-«граверов», но, сколько ни старался, ничего припомнить не мог, таких фактов просто не было. Правда, были женщины-подручные, женщины-подружки, женщины — реализаторы готовой продукции. Таковых, причем даже очень известных, прославившихся шумными аферами, он мог перечислить много, ведь этот этап работы у фальшивомонетчиков не менее важен. Запустить фальшивки в жизнь, чтобы не попасться сразу, даже не ощутив результатов своего рискованного труда,— на это тоже требуется большой талант, даже артистизм.

Возвращаясь мыслями в Москву, особенно к шумной августовской свадьбе в «Пекине», Карлен, развивая тему, предположил: а может, она сама и без «завязавшего» жениха-чистодела известна в уголовных российских кругах? Мысль о русской красавице, наверняка имеющей связь с преступным миром, как ни гнал он ее от себя, не давала покоя, и он стал ворошить в памяти свои долгие беседы с Крисом и Абреком об уголовной среде Москвы, Кавказа и даже Средней Азии. Однако не припомнил, чтобы в них когда-либо упоминалась женщина. Но Наталья, как бы он ни прикидывал, не походила на тех бандерш, что готовят вооруженные налеты или занимаются по ночам с подругами и дружками гоп-стопом. На аферистку, мошенницу, даже на «гравера» или крупную растратчицу она еще могла потянуть, но не на пресловутую уголовницу. Может, поэтому он и не мог отделаться от навязчивой идеи, что эта женщина теперь его главный ориентир в поисках подпольного монетного двора...

В Париж Карлен прилетел ненадолго, от силы на недельку, да и виза была краткосрочной, поэтому действовать следовало оперативно. Первый день во Франции подходил к концу, а ясного плана, с чего начать, у Карлена не было. И тут он впервые ощутил, как тяжело работать одному, или, вернее, лично для себя. Если бы он искал фальшивомонетчика от имени всемогущей Америки, немедленно

получил бы в Париже подмогу: тут же взяли бы старинный особняк у Булонского леса и его прекрасную обитательницу с мужем под круглосуточное наблюдение, поставили бы телефоны на прослушивание, а через двадцать четыре часа, ну, максимум через сорок восемь, он знал бы все о некоем мсье Робере, занятом в сфере высокой моды, если, конечно, он действительно мсье Робер и работает у великого кутюрье Кристиана Лакруа. Но чего нет, того нет — зато и успех ему не придется делить ни с кем. А если выйдет на самого «гравера» и подпольный монетный двор, то получит не премию в размере двух-трех окладов и повышение в звании, а огромное состояние, которого хватит на всю жизнь. Последняя перспектива приободрила Карлена, опускать руки у самой цели он не имел права, да и удача пока не отворачивала от него свое ехидное лицо.

Наступил вечер, первый вечер в Париже после долгой разлуки с этим городом, и эта мысль несколько взбудоражила Карлена. Он искренне пожалел, что у хорошенькой молочницы Колетт вечер сегодня занят, а просидеть его в номере один он не собирался. Друзей, к которым он мог навеститься или пригласить их куда-нибудь в ресторан, у него в Париже не было. Оставались девушки, с которыми он приятно проводил время в своей тесной комнатухе под самой крышей старого восьмизэтажного дома во время стажировки во «Франс суар».

Достав из дипломата электронную записную книжку, Карлен начал отыскивать старые парижские телефоны — их набралось всего четыре, хотя ему казалось, что должно быть больше. «Изабель... Беатрис... Мануэла... Жанет...» — читал он имена своих бывших парижских пассий, пытаясь припомнить какие-нибудь детали давних встреч. Не дай бог спутать особо милые подробности свиданий — женщины очень обидчивы, ведь они считают, что остаются в памяти мужчин единственными и неповторимыми.

Отчетливее всех он помнил Жанет — она работала с ним во «Франс суар» и проявляла к нему повышенный интерес, кажется, даже имела на него виды. У нее была небольшая двухкомнатная квартира с балконом на Сену — наследство от любимой бабушки. Жанет была единственной, с кем он встречался на ее территории. Но звонить ей первой ему не очень хотелось, большие страсти нынче ни к чему, в Москве у него невеста, а Жанет такая взбалмошная, замучает потом звонками по международному телефону.

Сначала он позвонил Мануэле, черноокой брюнетке с пышной грудью и дивными вьющимися смолисто-черными волосами,

она работала в каком-то музыкальном театре, пела и танцевала, веселая девушка, хохотушка. Но первый блин оказался комом: на том конце провода сказали, что такая здесь давно не живет. Не повезло и с Изабель: какая-то бабуля садистски строго отчеканила на его вопрос, что Изабель вышла замуж и отныне живет в Лондоне, и, не дав сказать ему ни слова, положила трубку. Два прокола подряд сбили спесь с Карлена, но коротать вечер одному все-таки не хотелось, а знакомиться было поздно, лень было выходить на холод, ветер, в темень. Оставались Беатрис и Жанет, и он, переведя дух, позвонил студентке Сорбонны. К этому времени Беатрис должна была уже закончить филологический факультет или одолевала последний курс университета. На этот раз ему повезло: Беатрис оказалась дома, замуж не вышла, никуда не уехала, пребывала в прекрасном настроении и даже обрадовалась его звонку. Поддразнивая Карлена, — видимо, не забыла его бедную студенческую жизнь стажера, — она сказала:

— Может, ты пригласишь меня поужинать в «Максим»?

— А почему бы и нет, — огорошил ее ответом Карлен. — В Москве, где я сейчас работаю, теперь есть такой же ресторан «Максим», и на открытие приезжал сам мэтр Карден, правда, я до сих пор там не побывал — дела, заботы. Говорят, «Максим» парижский и «Максим» московский — один к одному, до последней тарелки, до последнего бокала и вешалки в гардеробе. Так что мне представляется прекрасная возможность проверить, так ли это, может, даже наскребу на какой-нибудь скандальный материал. «Максим» так «Максим», я принимаю с удовольствием твой выбор...

— Ты не шутишь? Или неожиданно разбогател? — спросила иронически Беатрис.

— Я думаю, что наша встреча после долгой разлуки стоит того, чтобы отметить ее в знаменитом «Максиме». Тем более, что для меня, да и для тебя, скорее всего, это первое знакомство с карденовской гастрономией, — отшутился Карлен. — Так во сколько мне ждать тебя? Может, мне заехать за тобой?

— Нет, спасибо, я приеду на своей машине. Будь любезен, не забудь предупредить метрдотеля, я вряд ли похожа на завсегдатаев «Максима». А буду я там ровно через два часа.

— Какие тебе сегодня нравятся духи? — спросил он напоследок в радостном порыве — хотелось порадовать Беатрис и поблагодарить за спасение от одиночества в этот сырой и ветреный вечер.

— «Ван Клиф» и «Дюн». Но учти, у меня сегодня другая парфюмерия, духи, что я назвала,— из области мечты. Целую. До встречи...

Перво-наперво Карлен набрал номер главного метрдотеля в «Максиме» и заказал столик на двоих, на всякий случай,— не хотелось огорчать ни себя, ни Беатрис, если случится какой-то наплыв гостей, хоть и редко, но такое бывает в Париже. Затем позвонил вниз — в холле отеля он видел несколько роскошных магазинчиков, где в витринах стояли изысканные французские духи,— и спросил, нет ли у них «Ван Клиф» и «Дюн». Ему ответили, что есть, но предупредили, что через час закрываются. И он поспешил в холл, ему очень хотелось удивить Беатрис. Заодно он купил себе там же шелковую сорочку от «Труссарди» и строгий галстук, напрашивавшийся к его костюму от «Дормей».

Времени у него было предостаточно, и, забыв о «граверах», о женщине, живущей у Булонского леса, ее мужьях, московском и парижском, он с удовольствием принял ванну, тщательно побрился, и вскоре был готов отправиться в знаменитый ресторан.

5

К «Максиму» Карлен подъехал за двадцать минут до назначенного времени, по дороге успев купить букет роскошных белых роз. Он не стал один рассматривать убранство ресторана, а поспешил сразу к зарезервированному столику, чтобы спокойно, не спеша сделать заказ — ему по-мальчишески хотелось ошеломить бывшую подружку. С помощью метрдотеля справился с меню: на стол должны были подать шампанское «Тайттингер», особенно любимое «новыми русскими», устрицы, которых Карлен сам впервые попробовал в Москве, заказал и большого лобстера, зная, что французы равнодушны к дарам моря, и, подчеркивая свою нынешнюю причастность к русской столице, черную икру и нежнейшую семгу. Чувствуя, что стол получается с «морским уклоном», в качестве основного блюда попросил что-нибудь из дичи — остановились на белых куропатках, фаршированных белыми грибами с брусникой; куропаток и грибы, оказывается, доставляли в «Максим» из Польши. В общем, стол получился богатым, на русско-кавказский манер, как он уже привык в Москве.

К приходу Беатрис все было готово: заказ сделан, цветы и подарки на столе. По натуре Карлен был пунктуальным, обязатель-

ным человеком и сейчас почувствовал внутреннее удовлетворение: вот теперь-то можно было и оглядеться, посмотреть, что представляет собою всемирно известный ресторан. Но рассмотреть внимательно зал ресторана, где в основе стиля лежали три священных кита: роскошь, изящество и утонченный вкус, ему так и не удалось. Он успел только заметить, что кругом — красное дерево, бронза, позолота, редчайший мрамор, парча — и на всем печать индивидуальности великого Кардена, будь то дверь, стул, серебряное ведерко для шампанского или лампа на столе.

Закончив со сложным заказом, Карлен поправил букет для Беатрис в высокой витиеватой вазе из цветного венецианского стекла, сделанной тоже по эскизам мсье Кардена, и развернулся лицом к залу. Он снова вспомнил о мадам Натали, сбившей его с толку своими многонациональными браками. Точнее, не вспомнил о ней, а ясно представил, как ему следует поступить завтра, — то, над чем он бился целый день, то, ради чего и прилетел в Париж. Все оказалось так, как и учили в разведшколе: гениальные ходы отличаются простотой, ясностью и, как правило, лежат на поверхности.

Не нужно было звонить в Москву Крису и Абреку, уточнять, там ли пребывает московский муж Натальи, не требовалось ставить на прослушивание ее квартиру и собирать досье на саму хозяйку и ее французского мужа Робера. Двух наборов фотографий — из магазина «Себастьян» и московской свадьбы — вполне хватит, чтобы, умело выстроив разговор, припереть Наталью к стенке, ведь в том, что она рассчитывалась теми самыми супербанкнотами, которые искало ЦРУ, не было никаких сомнений, об этом красноречиво свидетельствовал журнал. На всякий случай, для верности, до приватной встречи с Натальей следовало лишь удостовериться, что мсье Робер на самом деле француз и ни капли не похож на московского жениха-чистодела. А есть ли французский след у супербанкнота или он имеет чисто российскую родословную — должна была прояснить завтрашняя встреча с будущей топ-моделью Натали.

«Вот что значит хорошее настроение», — радостно подумал Карлен, именно настроение одарило его внезапным озарением, и он потянулся взглядом к арке, откуда вот-вот должна была появиться Беатрис...

Вечер в «Максиме» старые знакомцы провели удивительный, ресторан ошеломил их обоих, позже, перекусив, они разглядели его вдвоем более основательно. Если бы в этот ноябрьский вечер кто-то со стороны наблюдал за Карленом и Беатрис, наверное, сказал бы: какая

счастливая пара. Так оно и было: Татлян был безудержно рад тому, что нашел путь к заветным супербанкнотам, а Беатрис светилась оттого, что неожиданно попала в знаменитый «Максим» и встретила с молодым журналистом, который оставил когда-то след в ее сердце. Во время пиршества, как окрестила застолье Беатрис, Карлен не раз, хоть и ненадолго, возвращался мыслями к предстоящим событиям завтрашнего дня, на который уже составил четкий план.

Прощаясь с Беатрис у отеля на Елисейских полях, Карлен как бы случайно, мимоходом, сказал:

— Мне с утра потребуется твоя машина и твоя помощь. Ты располагаешь временем и желанием выручить бедного корреспондента? Я готовлю сверхважный материал, который может отразиться на моей карьере.

— Ну, если дело касается твоей карьеры и если от этого будут зависеть твои поездки в Париж, то я и моя старая колымага к твоим услугам.— Счастливая подружка была согласна, кажется, на все.— Во сколько мне приехать и куда?

— Спасибо, я обязан тебе за сегодняшний дивный вечер и верю, что твое присутствие рядом поможет мне в работе. Пожалуйста, подъезжай к девяти утра сюда, к «Палас-отелю», если не возражаешь. Вместе и позавтракаем...

Утром за завтраком Карлен, чувствуя, что Беатрис сгорает от любопытства, в чем же будет заключаться ее помощь, показал ей московский журнал со снимками в магазине «Себастьян». Фотографии вызвали у Беатрис восторг: ей понравились и кабриолет, и хозяйка машины, оценила она и пирамиду долларов. Насладившись эффектом, Карлен, не раскрывая истинной тайны, попытался чуть-чуть ввести Беатрис в курс дела.

— Я пишу репортаж о жизни «новых русских». Она сегодня затмила даже похождения арабских шейхов. Русские повсюду таскают огромные суммы наличных денег... Меня интересует эта молодая женщина в «мазерати». Зовут ее Натали, она из Москвы. Живет сейчас в респектабельном районе Парижа, в старинном особняке у Булонского леса. По моим данным, которые обязательно надо будет уточнить, она вышла замуж за француза, некоего мсье Робера. Он работает у Кристиана Лакруа, занимает очень высокую должность... Мсье Роббер намерен отделиться от великого кутюрье и открыть собственный салон высокой моды, где главной моделью станет его жена, русская красавица Натали. Если все это соответствует

действительности, то мой материал получит совсем иную окраску... Тебе интересно? — спохватился Карлен.

— Очень. Но чем могу помочь тебе я? — недоуменно пожалала плечами Беатрис.

— Не спеши, допей кофе, и пора ехать. На месте, по обстоятельствам, и будем действовать.

В машине Карлен назвал адрес старинного особняка, где жила новоиспеченная парижанка, щедро сорившая фальшивыми долларами.

Подъехали к особняку у Булонского леса быстро и заняли исходную позицию, которую Карлен наметил еще вчера. Как раз из обоих ворот, охраняемых консьержами, выезжали две машины: одна — черный «мерседес», другая тоже немецкая, «порше», точно такую Карлен видел вчера на подиуме автомагазина «Себастьян». В каждой из них мог ехать на работу мсье Робер, — наверное, у молодоженов в гараже стояла не одна «мазерати». Размышляя об этом, Карлен сказал Беатрис, внимательно оглядывавшей дом в глубине сада:

— Мы приехали наобум. Я верю в случай, и слово «вдруг» мое любимое. Подождем ровно час, и если на нашу удачу не выплывет знакомая нам «мазерати», тогда мы поедем напрямиком в Дом Кристиана Лакруа и уже там попытаемся увидеть мсье Робера и выяснить, какое он имеет отношение к московской красавице Натали. У меня даже есть кое-какие наметки этого плана, но не будем торопить события, я человек везучий... Включи, пожалуйста, музыку и расскажи что-нибудь веселенькое из жизни студентов Сорбонны, — попросил он Беатрис с улыбкой...

Прошло минут двадцать, из ворот одна за другой выезжали машины, и Карлен отметил, что подъехали они вовремя: мсье Робер не простой портной в Доме высокой моды, и ему не обязательно являться на работу минута в минуту.

Время от времени Карлен кидал взгляд на сновавшие мимо молочные фургончики, гадая, приезжала сегодня Колетт к этому дому или нет, — телефон симпатичной молочницы он на всякий случай занес в память электронной записной книжки. Еще минут через двадцать, когда Карлен машинально глянул на свои «Юлисс Нардан», поток машин со двора уважаемого дома иссяк совсем, и наступило затишье — точно как и вчера, когда при нем через эти ворота не въехала и не выехала ни одна машина. Можно было гадать по-всякому: или мсье Робер уже выехал на работу в другой, незнакомой им машине, или сегодня уже никуда не поедет.

Время бежало, и таяли надежды на удачный исход дела. Карлен, на минуту оторвав взгляд от кованых ворот, задумался, как же быть дальше. Никакого четкого плана у него не было, блефовал по привычке, одно он знал наверняка — в случае неудачи надо ехать в Дом высокой моды Кристиана Лакруа, где служит Робер, будь он неладен.

Беатрис, заразившаяся азартом охоты за неизвестной ей мадам, еще надеялась, что вот-вот из тех или других ворот выскочит долгожданная «мазерати» и они помчатся вслед за ней — ей нравилась охота за чужими тайнами. Она так страстно жаждала увидеть машину первой, что, когда Карлен о чем-то надолго задумался, даже обрадовалась и не стала его отвлекать, хотя, судя по всему, первый вариант их «охоты» провалился окончательно. Однако Беатрис упорно не отрывала взгляд от дома — до конца условленного времени оставалось еще семь минут... И вдруг в глубине сада мелькнуло длинное хищное тело «мазерати», и Беатрис от неожиданности невольно протерла глаза: не померещилось ли, ведь ей так хотелось, чтобы эта машина появилась. Но тут она увидела, как медленно и бесшумно поплыли створки ворот, чтобы пропустить машину. От волнения у нее перехватило дыхание, и она не смогла ничего сказать, хотя пыталась что-то произнести шепотом, и лишь сильно ткнула кулачком ушедшего в свои мысли Карлена. Тот мгновенно очнулся и радостно подтвердил:

— Она самая, родная. Включай мотор — и следом за ней, не давай только оторваться. Я полагаю, мадам Натали везет мужа на работу, если, конечно, рядом с нею мсье Робер... — В машине хорошо просматривались два силуэта: мужчины и женщины.

Как только проехали несколько кварталов, Беатрис радостно сказала:

— Похоже, они и впрямь едут к Дому Кристиана Лакруа.

— Тогда, Беатрис, слушай меня внимательно. Наша задача в этом случае простая и ясная. Как только автомобиль остановится у Дома моды и мадам Натали с попутчиком выйдут из машины, ты ступай следом. Постарайся запомнить, какой плащ или пальто будет на мадам. Это на тот случай, если они в холле не задержатся, а вместе поднимутся лифтом прямо к мсье Роберу. Но может случиться, что они с кем-нибудь заговорят в приемной — французы любят посудачить, потрепать языком. Может, кто-то скажет комплимент мадам Натали или поздоровается с мсье Робером — этого для нас будет достаточно, чтобы понять, кто есть кто. Мне непременно надо знать, похожа ли дама в журнале на мадам Натали и как выглядит мсье Робер — фотографии его у меня нет.

— Я пойду одна? — загорелась Беатрис — приключение все больше захватывало ее.— А если...

— Я тоже войду следом за тобой в холл,— успокоил ее Карлен.— Если они там задержатся хотя бы две-три минуты, как я рассчитываю, успею понять, что к чему. Но это лучший для нас вариант, самый удачный. Если же они не задержатся в холле и молча прошмыгнут к себе на этаж, ты обратись к приемщице заказов. Скажешь: вот только что прошла красивая женщина с мужчиной, у нее такое дивное осеннее пальто, я бы хотела заказать себе такое. Если будут уточнять, какая, мол, женщина, скажешь: они только что вышли из стоящей под окном роскошной «мазерати», вероятно, работают здесь...

— Мне придется заказать у Кристиана Лакруа пальто или плащ? Это же безумные деньги...— Глаза Беатрис изумленно округлились, на что Карлен от души расхохотался: женщина она и есть женщина.

Он положил руку ей на колено, успокаивающе сказал:

— Не волнуйся... Если дело дойдет до этого, закажем и оплатим, пусть пальто станет памятным подарком о твоём сегодняшнем приключении. Я буду поблизости и подойду в нужный момент, не переживай...

Уточняя на ходу детали предстоящей операции, они подъехали к Дому моделей Кристиана Лакруа. Выходило, что прелестная молочница Колеетт дала верную наводку и муж Натали все-таки имел отношение к моде, это-то и сбивало Татяна с толку: по его предположениям, у супербанкнотов должен был быть только русский след.

Машина Беатрис, старенькая, но проворная «рено», остановилась почти вплотную за припаркованной золотистой «мазерати», из которой вышли оба пассажира, что несказанно обрадовало Карлена, ведь Натали могла высадить мсье Робера и поехать дальше по своим делам, и тогда хоть разорвись — за кем следовать в первую очередь?.. Операция могла бы затянуться еще на день-два, и снова пришлось бы просить о помощи Беатрис, а это не входило в планы Карлена.

Вслед за четой выпорхнула из автомобиля и Беатрис. Карлен шепнул ей вдогонку:

— Запомни ее пальто, оно и впрямь красивое...

Натали, в демисезонном удлинённом и расклешённом пальто с большим воротником-шарфом из мягкого струящегося кашемира фиолетово-василькового цвета, в туфлях на высоких каблуках, смотрелась чуть выше своего партнера, которого Карлену не удалось разглядеть — он все время держался спиной,— но было ясно как божий день, что он молод и ничуть не похож на московского

жениха-чистодела. Как только исчезли в нарядном парадном Натали с мсье Робером и Беатрис поспешила за ними следом, вышел из машины и Карлен-Норман...

Когда Татлян появился в просторном, изысканно обставленном, благоухающем духами холле, перед его глазами предстала сцена, которую он провидчески предсказал Беатрис всего несколько минут назад. По всей видимости, мадам Натали не часто бывала на работе у мужа, и сейчас коллеги, сотрудники дома, встретившие мсье Робера, вслух выражали восторг его красавицей женой, ее нарядом, такой замечательной парой... Находившаяся неподалеку от них Беатрис вроде бы внимательно рассматривала модели, выставленные на продажу, а встретившись с Карленом взглядом, со счастливым лицом стала делать ему какие-то гримасы, означавшие одно — что она все прознала. Впрочем, тут особых секретов и не было, это понял и Карлен, услышав две-три фразы, обращенные к счастливой паре. Да, мадам Натали была той самой покупательницей «мазерати», что изображена в московском журнале, а ее муж Робер оказался чистой воды французом и ничуть не смахивал на московского чистодела. Компания вокруг сияющих молодоженов, к которой одни подходили, другие отходили, еще минут пять восхищалась избранницей своего патрона, и Карлен, узнавший даже больше, чем ему требовалось, незаметно дал знак Беатрис, чтобы она подошла к нему.

В другом конце просторного холла у ведущей на второй этаж лестницы, устланной роскошным ковром цвета опавших осенних листьев, разместился небольшой бар со стойкой на четыре места, и прямо под лестницей — три крошечных столика для посетителей. Очень уютное, хорошо продуманное и выполненное по дизайну самого Кристиана Лакруа место, куда Карлен и пригласил Беатрис. Заняв столик, удобный для обозрения холла, Татлян спросил у Беатрис:

— Не знаешь, сколько минут может занять примерка платья в этом Доме моды?

— Смотря какое платье,— усмехнулась Беатрис.— Тут все шьется вручную, значит, минут сорок, не меньше. Ты решил заказать мне платье вместо пальто? — лукаво поддела его подруга.

Карлен, улыбнувшись, сожалеюще развел руками:

— Видишь, Беатрис, не судьба, а могли заказать тебе пальто... Но не огорчайся,— поспешил он успокоить девушку, заметив, как потухли ее глаза,— ты заслужила подарок, и я его сделаю обязательно. А примерка у мадам Натали, она поэтому заехала на работу к мужу,

это я сам слышал. Нам лучше подождать русскую красавицу в тепле и уюте. Не возражаешь? Какой кофе тебе заказать? Может, рюмочку шартреза, бенедиктина? На улице так холодно...

Дружески подмигнув Беатрис, Карлен отправился к стойке сделать заказ. Сам он решил выпить коньяку, грех на родине божественного напитка отдавать предпочтение виски или водке, к тому же коньяк не требует особой закуски.

В углу бара негромко звучала хорошо знакомая Карлену джазовая музыка — попури из танцевальных шлягеров двадцатых годов в исполнении оркестра Гленна Миллера.

— Любите джаз? — любезно спросил Карлен бармена по-английски.

— А что? — почему-то настороженно вопросом на вопрос ответил человек за стойкой.

— Я американец, и приятно услышать во Франции первоклассный джаз...

— Я француз, но не меньше вас люблю джаз, именно довоенного периода, когда царствовали большие биг-бенды, как Миллер, например,— подтвердил меломан догадку Татляна.

Карлен был в хорошем настроении и, как когда-то Тоглар за этой же стойкой, предложил бармену выпить по рюмочке редкого французского коньяка. Вероятно, это было просто совпадение, но он указал на такую же коллекционную бутылку безумно дорогого напитка и попросил чуть прибавить громкость в динамиках испанской «Риохи» с хай-эндовским звучанием.

Они просидели в баре с Беатрис чуть больше сорока минут, прежде чем в холле появилась Натали в сопровождении мсье Робера — судя по одежде, он вышел проводить ее только до машины. Так оно и оказалось, и пока они прощались с поцелуями у «мазерати», Карлен с Беатрис уже сидели в своей машине с включенным мотором. «Мазерати» не повернула обратно к дому, как рассчитывал Карлен, а двинулась вперед, и скоро стало ясно, что Натали, видимо, решила пройтись по магазинам на Елисейских Полях, только долго не находила места для парковки и, наконец, заехала на платную стоянку у небольшого отеля. Карлен, дав ей отойти на несколько шагов, пошел следом за молодой женщиной. Беатрис осталась в машине, теперь в дело вступал сам репортер светской хроники.

По тому, как Натали с восторгом рассматривала яркие витрины, заглядывала почти в каждый престижный бутик или салон по пути,

Карлен понял, что она еще не очень хорошо знает Париж, не привыкла к нему, но ей доставляет удовольствие знакомиться с городом вот так, самой, на ощупь. Интересно было наблюдать за женщиной со стороны: иногда что-то явно провинциальное проскальзывало в ее движениях, неожиданной суетливости, но она это чутко улавливала, словно обладала боковым зрением, и старалась вовремя поправить. В такие минуты становилось очевидным, что она самостоятельная, богатая женщина, которая знает, чего хочет в жизни, понимает всесильную власть денег.

Хотя Натали была в туфлях на высоких каблуках, шла она быстро, энергично, с каким-то особым изяществом, словно заранее готовила себя к подиуму, и ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин. Она ушла от припаркованного «мазерати» довольно далеко, и чем дальше удалялась женщина от стоянки отеля, тем больше радовался Карлен. Рано или поздно «шпильки» дадут о себе знать, и она обязательно зайдет в одно из ближайших уютных и дорогих кафе на Елисейских Полях или даже в ресторан, чтобы перевести там дух, дать отдых натруженным ногам. Вот тогда-то и наступит для него подходящий момент: подсядет к ней, расслабленной, уставшей, и задаст свои «неприятные» вопросы.

Попался ей на пути и изысканный салон «Эрмес», конкурент всех известных Домов моды, где она и сделала первые покупки. «Эрмес» знаком всем модницам мира своими знаменитыми шелковыми платками-каре, и Натали тщательно отобрала их сразу четыре, а один, в красно-вишневых тонах, тут же, у зеркала, повязала на шею — получилось необычайно элегантно. «Эрмес» славен также аксессуарами для светских дам, и она купила в другом отделе зонт-трость из плотного набивного шелка. Зонт привлекал внимание и изящно выгнутой ручкой из хорошо отполированного редкого черного дерева. «Это дерево используют резчики, скульпторы, растет оно лишь на севере Африки и обладает такой плотностью, что тонет в воде,— любезно пояснил покупательнице консультант, сопровождавший Натали по магазину.— Такие зонты из «Эрмеса» — изюминка сезона»,— уточнил он.

Сделанные Натальей покупки обрадовали не только продавцов салона, но прежде всего Татяна — предоставлялся шанс увидеть, какими деньгами она будет оплачивать покупки. В «Эрмесе» было немало товаров для мужчин, и как только Наталья отобрала каре, Карлен тоже решил приобрести несколько шелковых шейных платков для себя и в подарок Крису с Абреком — неудобно было возвращать-

ся из Парижа с пустыми руками, ведь приятели никогда не забывали о нем и дарили очень дорогие и изысканные вещи. В тот момент, когда Наталье упаковывали платки и она раскрыла сумочку, чтобы расплатиться, Карлен встал за ее спиной у кассы. Одного его наметанного взгляда было достаточно, чтобы определить: толстая пачка долларов, которую достала Наталья, была из той самой серии, что и ожидал увидеть Карлен, — фальшивки...

После «Эрмеса» Натали заглянула еще в два салона, задержавшись в них ненадолго. Постояла в раздумье у спящих бриллиантами витрин респектабельного ювелирного магазина «Картье», но не вошла — драгоценности требуют свежего глаза, и она, скорее всего, отложила посещение до следующего раза. Теперь в ее походке появились признаки усталости, подиумное изящество движений исчезло, судя по лицу, она уже жалела о шпильках и, как правильно рассчитал Карлен, стала поглядывать в сторону встречавшихся по пути кафе и бистро. Из-за ненастья столики с тротуаров были убраны, иначе она уже не выдержала бы и присела за первый попавшийся. Но то, что видела за стеклом молодая женщина, видимо, ей не нравилось: в одних было тесно, в других — чересчур просто, в третьих — многолюдно и шумно, и она проходила мимо. Было ясно, что она ищет место, где можно отдохнуть, выпить чашечку кофе, зайти в дамскую комнату и привести себя в порядок. Карлен тоже был не прочь присесть, выпить не только чашечку кофе, но и рюмочку хорошего коньяка, погода не радовала, однако его грел азарт охотника: Натали вот-вот должна была попасть в заготовленный им капкан.

Впереди показалось величественное здание старинного «Гранд-отеля», который в конце прошлого века и до революции так любили богатые русские люди, недаром он описан во многих романах эмигрантов первой волны. Обновленный, стилизованный под модерн пристроенный стеклянный фасад гостиницы вплотную приблизился к тротуару, и Карлен подумал, что лучшего места перевести дух ей не найти. То ли до Натальи дошли импульсы, исходившие от следовавшего за ней по пятам американского сыщика, то ли она сама сообразила, что отель есть отель, или увидела сквозь прозрачный стеклянный фасад уютное кафе-бар внутри, справа от входа, тоже под лестницей, как и в доме Кристиана Лакруа, но она уверенно подошла к парадному, и вальяжный швейцар в богатой униформе учтиво распахнул перед ней дверь и что-то с улыбкой сказал. Улыбнулась в ответ ему и гостя...

Подошел поближе к входу и Карлен. Сквозь стекло хорошо просматривался просторный холл «Гранд-отеля». Он увидел Наталью, направляющуюся в сторону кафе-бара, а вернее, к гардеробу ресторана, вход в который он тоже разглядел в глубине. Однако было неясно, куда она свернет: в ресторан или кафе под лестницей. Столики под лестницей, их было всего пять, проглядывались лучше всего, и он увидит, если Натали решит выпить кофе там, ресторан же находился в глубине и с улицы был недоступен обзору. Все столики в кафе, на парижский манер крошечные, оказались заняты, кроме одного, самого дальнего, везде сидели парами, а за одним — трое пожилых людей. И тут Карлену пришла оригинальная идея: пока женщина будет прихорашиваться в дамской комнате, надо занять место за пустующим столом. Если Натали решит зайти в кафе, ей ничего другого не останется, как занять оставшееся свободное место рядом с ним, если же она выберет ресторан, он вынужден будет направиться туда. Зато, если его ход окажется верным, он застанет ее врасплох: неожиданность, внезапность — половина успеха, так учили его в разведшколе.

6

Когда Карлен, занявший позицию в кафе, допивал свою рюмку «Наполеона», Наталья появилась у стойки бара — энергичная, собранная, вновь демонстрирующая свою летящую походку, что только не делает с женщиной зеркало и воля! Пока она что-то заказывала у стойки, Карлен углубился в заранее заготовленную «Фигаро» и оторвался от нее, лишь услышав адресованный ему вопрос:

— Не возражаете, если я здесь присяду?

Французский у нее был приличный, но русский акцент все-таки чувствовался.

— Да-да, пожалуйста,— ответил Карлен и постарался скрыть за газетой довольное лицо. Интуиция не подвела его, все складывалось как нельзя лучше.

Натали присела с удовольствием, и если бы не молодой человек рядом за столом, наверное, с наслаждением вытянула бы ноги, они гудели, как натянутые провода в мороз. В последние минуты прогулки по Елисейским Полям ей нестерпимо хотелось зайти в обувной магазин и купить первые попавшиеся туфли без каблука, что-нибудь легкое, на сплошной подошве. Но сейчас она гордилась

собой — выдержала! И почему-то вспомнила поговорку покойной матери из времен ее молодости: дрожи, но фасон держи. Правда, это касалось истории капроновых чулок и модниц, щеголявших в них суровой российской зимой, но суть от этого не менялась — мода всегда, во все времена, требовала жертв.

Принесли заказ. Гарсон, убирая пустую рюмку и чашку из-под кофе у соседа, спросил:

— Желаете чего-нибудь еще?

Карлен, оторвавшись на миг от газеты, ответил:

— Пожалуйста, повторите заказ,— и снова углубился в чтение.

Натали, поняв, что ей не удастся вытянуть ноги, как хотелось бы, вдруг почувствовала, что она еще и замерзла, и пожалела, что не заказала себе рюмочку чего-нибудь крепкого — в образ парижанки она еще не вжилась.

Соседка заказала себе большую чашку шоколада с ликером, а кофе должны были принести чуть позже. Когда она допивала шоколад, сразу оценив его обжигающее блаженное тепло, молодой человек, отложив газету и вежливо улыбнувшись, спросил на прекрасном русском языке:

— Как вам живется в Париже, не скучаете по России, по Москве?

Хотя молодой человек и был сама любезность, и вопрос не содержал ничего неприятного, она ощутила, как все похолодело внутри, и она по-женски остро почувствовала надвигающуюся беду. Тут гарсон как раз принес кофе, и Натали получила на какой-то момент передышку, чтобы собраться с мыслями, но ничего оригинального в голову не приходило; неожиданно сковавший ее страх парализовал не только волю, но и все тело, и она, чтобы продлить паузу, попросила официанта принести ей рюмочку коньяку, после чего, повернувшись к соседу за столиком, вместо ответа с улыбкой спросила сама:

— Как вы угадали, что я не француженка? Вы прекрасно говорите по-русски. Вы россиянин, москвич?

— Нет, я американец, из Лос-Анджелеса. Кроме русского, знаю еще французский, английский, итальянский.

— Вы не ответили на главный вопрос, как вы угадали, что я русская? Многие принимают меня за француженку, говорят, что язык у меня неплохой...

— Да, французский у вас неплохой,— согласился Карлен, изучающе разглядывая молодую женщину,— но я почувствовал в нем именно русский акцент. Однако узнал я вас не по акценту. У меня

профессия такая — много знать, я охотник за чужими тайнами.— Он уже почувствовал, как соседка внутренне насторожилась, на-пряглась. Это было почти незаметно, но ведь он был профессионал, а она — вряд ли.— Вас я знаю по Москве, вы представляете для меня интерес, и я намерен задать вам несколько вопросов,— нарочито спокойно говорил Карлен, видя, как смятение, растерянность и даже страх меняют красивое лицо собеседницы. В разведке при допросах или дознании непременно наступает «момент истины», и этот момент не следовало упускать. Чем ошеломительнее атака, тем вероятнее шанс на удачу.

— Любопытно, любопытно,— только и нашлась что сказать с улыбкой Наталья и потянулась к чашечке с кофе, чтобы скрыть смятение, однако жест получился жалким, движения потеряли былую уверенность, и вся она сникла.

Она пожалела, что зашла в «Гранд-отель», потом тут же поняла, что от этого разговора, явно переходящего в допрос, ей было не отвертеться и совсем не случайно этот американец оказался рядом за столом. А молодой человек, словно задавшись целью испортить ей настроение, неторопливо продолжал:

— Мне очень понравилась ваша недавняя свадьба в Москве, в «Пекине». Роскошная, многолюдная, а какие гости! Да и жених ваш — человек в определенных кругах известный. Между прочим, вы вместе прекрасно смотрите.— Он достал из кармана и протянул ей несколько свадебных фотографий.— А тут случайно встречаю вас в Париже и с удивлением узнаю, что у вас и здесь недавно появился муж — мсье Робер, человек тоже небезызвестный. Как тут могут не возникнуть вопросы? Вы не находите?

Наталья впервые видела эти снимки: она в подвенечном платье у «Пекина», рядом с Константином Николаевичем. Выходит, этот молодой человек действительно много знает о ней... Но, уже готовая расплакаться или сорваться в крик от надвигающейся истерики, она все-таки взяла себя в руки и спокойно спросила:

— Кто вы? И почему вас интересует моя личная жизнь?

Карлен, как и всякий человек, живущий на Западе, сразу среагировал на этот выпад, на эти слова: «личная жизнь». Это табу, запретная зона, куда заказан вход посторонним. Но он не растерялся, не выпустил инициативу из рук.

— Вы правы, ваши браки — хоть в Москве, хоть в Париже — это, разумеется, ваша личная жизнь, и она меня мало волнует, по-

М

верьте, я не моралист.— Он сделал паузу, вертя кофейную чашечку в руках, словно ожидал вопроса, но Наталья молчала.— Меня интересует другое. Вы повсюду рассчитываетесь крупными наличными суммами в долларах, и сегодня в «Эрмесе», и чуть раньше в «Себастьяне».— И он пододвинул к ней журнал, открытый на нужной странице.

Наталья, видимо, впервые видела снимки, сделанные в автомагазине «Себастьян» в день приобретения «мазерати». Тогда она подумала, что позирует случайному покупателю, которого привела в полный восторг своим внешним видом и богатой покупкой. В то утро, особенно рядом с кабриолетом, она казалась себе голливудской звездой, не меньше! Выходило, доснималась! Эти фотографии — свадебные и журнальные, — специально подобранные, конечно, смущали ее, но она, не понимая, чего же хочет от нее этот настырный американец, и зная, что атака — лучшая защита, агрессивно ответила:

— А что, разве возбраняется оплачивать покупки наличными? Я не вижу тут никакого криминала...

— Нет, не возбраняется, — согласился Карлен.— Но вы повсюду расплачиваетесь долларами одной серии, в крупных купюрах. А известно ли вам, что эта самая серия, более двадцати миллионов, доставленная из подвалов Федерального резервного банка Америки для коммерческих структур России, была украдена полтора года назад в аэропорту Шереметьево? — уверенно сблефовал Карлен и, не отрывая взгляда от ее глаз, спросил в упор: — Откуда у вас эти деньги?

Она ожидала, видимо, какого угодно вопроса, только не этого. Хотя еще там, в Москве, обнаружив в тайнике у мужа, в мастерской на Кутузовском, эти доллары, почувствовала, что с ними что-то не так. Но чтобы деньги были крадеными и их могли разыскивать, такое ей и в голову не приходило, ведь они тратили их давно и по всему свету, включая и Париж. Если бы она чувствовала, подозревала это, у нее рука не поднялась бы украсть их. Зачем ей рисковать молодой жизнью, когда у нее было все! И все принадлежало ей законно — жена за грехи мужа не ответчица, она знала это. Теперь крайней оказывалась она, ей могут предъявить обвинение. Но терять свободу, такую прекрасную, Париж, идти в тюрьму ей не хотелось, и от отчаяния она выпалила не раздумывая:

— Это не мои деньги...

— А чьи же? — понимая, что вот он настал, «момент истины», и надо жать до упора, уже более строго спросил Карлен, чувствуя, что Наталья потеряла контроль над собой.

И она шепотом простонала:

— Фешина Константина Николаевича.

— Где он проживает, чем занимается, и есть ли у него кличка? — пытался как можно быстрее выудить главное Карлен, пока женщина находилась в шоке. И чтобы придать разговору официальность, выложил на стол портативный магнитофон, на который записывал всю беседу.

— В Москве, на Кутузовском проспекте, — она назвала дом, квартиру, номер телефона, — по профессии он художник. Друзья, обращаясь к нему, называли его иногда Тогларом, но я не знаю, кличка ли это.

Видя, что она необычайно побледнела, Карлен предложил:

— Вы не возражаете, если мы выйдем на свежий воздух и продолжим разговор в другом месте?

Наталья безвольно поднялась, и они вместе покинули кафе. Не прошли они и несколько шагов по тротуару, как Карлен услышал сзади знакомый автомобильный гудок, явно адресованный ему, и, оглянувшись, увидел улыбающуюся Беатрис в припаркованной у «Гранд-отеля» машине. «Молодец!» — мысленно похвалил ее Карлен, а вслух, обращаясь к Наталье, предложил:

— Здесь моя машина с водителем, она подбросит нас на стоянку, где вы оставили свою «мазерати». Не возражаете?

— Спасибо. Я, наверное, и не дошла бы пешком, так болят ноги и спина, — призналась Наталья, и они направились к белому «рено».

Карлен услужливо открыл ей дверцу и сам сел рядом.

Когда они вышли из машины около платной стоянки, Карлен взял свою спутницу под руку:

— Я предлагаю продолжить нашу непростую беседу хоть у вас дома, хоть у меня в «Палас-отеле», это недалеко, тоже на Елисейских Полях, только в другую сторону.

— Лучше у вас, тем более, если это рядом. Я так устала и скорее хочу покончить с этим кошмаром, — обреченно согласилась Наталья. От былого ее великолепия не осталось и следа.

— Боюсь, что быстро не получится, вы влипли в очень неприятную историю. Кража в таких масштабах расценивается не просто как уголовное преступление, но как подрыв экономики государ-

ства — в Америке к деньгам особое отношение. Если мы решили поехать в «Палас-отель», я отпущу машину...

Татлян отошел к «рено» и попрощался с Беатрис, пообещав ей вечером обязательно позвонить. Вернувшись к Наталье, он увидел, что та совсем сникла, и предложил:

— Вы не возражаете, если я сяду за руль?

Наталья, не говоря ни слова, протянула ему ключи.

7

В номере, помогая гостье раздеться, Карлен понял, что она держится из последних сил,— в такие минуты от человека можно ожидать чего угодно. «Стадия непредсказуемости», кажется, так говорили его учителя в Иллинойсе. Надо было срочно снять это нервное напряжение, и Татлян позвонил в ресторан, заказал бутылку хорошего коньяка, закуски, лучшие на русский манер: рыбу, икру, заливное, свежие овощи и кофе, непременно в кофейнике на спиртовке — разговор мог затянуться. Наталья безучастно слушала его разговор по телефону, не пытаясь осмотреться вокруг, а апартаменты были неплохие — на стенах висели старинные картины, хрустальная люстра даже представляла антикварный интерес, как и две бронзовые скульптуры в углах на изящных консолях из старого красного дерева. Но ничего этого молодая женщина не замечала, погруженная в свое смятение.

Чтобы вернуть ее к прежней беседе, а заодно дать почувствовать ей серьезность момента, Карлен выложил прямо перед ней диктофон и включил запись. Однако дослушать до конца неприятные вопросы и вымученные ответы не удалось — расторопный гарсон из дневного ресторана вкатил в номер тележку с заказом и вмиг накрыл стол.

Когда Карлен пригласил Наталью за стол, она встрепенулась и вдруг неожиданно весело произнесла:

— Да, мне хорошая порция спиртного не помешает...

И Татлян понял, что с ней надо держать ухо востро — такая может выкинуть любой фортель,— и на всякий случай вынул из диктофона мини-кассету и спрятал ее в карман.

Карлен разлил по рюмочкам коньяк и предложил гостье выпить, сказав что-то про непогоду, настроение. Она не стала отказываться, только неожиданно для Татльяна плеснула себе коньяку из бутылки в фужер для воды, опрокинула туда же рюмочку, предложенную хо-

зьяном, и без комментариев, в несколько глотков, выпила как воду — чувствовалась российская школа жизни. За столом Карлен ни слова не говорил о деле, больше о Париже, о погоде, хотя Наталья и попыталась, после выпитого, вернуться к неприятной беседе, начатой в «Гранд-отеле», но он ей резонно заметил:

— Кажется, у вас в России есть пословица: делу — время, потехе — час.

Пословица Наталье показалась двусмысленной, и она, поняв ее на свой лад, вдруг стала строить глазки Карлену, поправлять и без того идеально сидевшие чулки, но, даже будучи подшофе, увидела равнодушные глаза американца и поняла, что поступает пошло. Когда пришел черед кофе, Карлен неожиданно сказал:

— Вот теперь мы можем вернуться к нашим делам, — и жестом пригласил ее в кресло к журнальному столику, куда поставил чашечки с кофе.

Впрочем, особо важных вопросов у него уже не было, что надо, он узнал. Но чувствовал в ее словах, поведении какую-то недосказанную тайну — не такая она уж невинная овечка, какой хочет прикинуться перед ним, в этом Карлен был убежден. Да и отпускать ее просто так, не запугав надолго, тоже было нельзя. И вдруг пришла неожиданная мысль:

— Я должен доставить вас в Москву. Необходима очная ставка с господином Фешиным, может, вы оговариваете его. Ведь сорит деньгами не какой-то там Тоглар, а вы, не так ли? — Вроде бы логичные слова, вытекавшие из ситуации, и какая вдруг последовала неожиданная реакция!

Наталья, побледнев, истерично взвизгнула и выронила из рук чашечку с кофе, та жалобно дзинькнула о блюдец.

— Нет, нет! В Москву я не поеду, хоть убейте! Умоляю вас, что хотите, только не это! — И совсем уже неожиданно для Карлена соскользнула с кресла, встала перед ним на колени. — Я лучше покончу с собой тут, в Париже, там меня ждет только смерть.

— Почему? И кто желает свести с вами счеты? — жестко спросил Карлен, даже не пытаясь ее успокоить, он чувствовал: наткнулся на что-то важное.

Тут она, долго сдерживавшаяся, заревела в полный голос и, размазывая тушь и румяна по лицу, призналась:

— Я украла эти деньги в Москве у Фешина, и если узнают об этом его друзья, меня просто разорвут на куски.

— Ах, вот оно что! — от души рассмеялся Карлен, но тут же посерьезнел. — Вор у вора дубинку украл, а отвечать не хотите, мечтаете жить в Париже жизнью великосветской дамы: квартира у Булонского леса, «мазерати», муж — известный человек в мире моды. Губа не дура. Сколько же вы украли?

Как бы ни была подавлена, сломлена Наталья, тут она спохватилась и вроде искренне, с раскаянием, без раздумий выпалила:

— Ой, много, целых четыре миллиона! — хотя хапнула гораздо больше.

— Немалая сумма. И сколько же вы оставили на жизнь господину Фешину? — язвительно уточнил Карлен.

— Нисколько, я забрала все до копейки... — Наталья «в раскаянии» склонила голову.

Тут Карлен не выдержал менторского тона и в сердцах произнес:

— Вы не только коварная, но и жадная женщина. Но, как говорится: жадность фраера сгубила. Одного не пойму: зачем вы это сделали, вы же были его женой, деньги и так принадлежали вам на законных основаниях? Нелогично, мадам Натали. Не-ло-гич-но...

Женщина усмехнулась, в глазах ее промелькнул прежний огонек.

— Вы так полагаете? А еще утверждали, что знаете обо мне все. Тогда вы должны быть осведомлены о том, что задолго до встречи с Фешиним я была любовницей Робера Платта, и он не раз говорил, что только финансовые возможности не позволяют ему жениться на мне. Вот я и попыталась решить эту проблему...

— За счет этого самого Фешина? За счет его денег и личной судьбы? Можно ли строить свою жизнь на несчастье других? Мне показалось, этот Тоглар вас тоже любил. Во всяком случае, на вашей свадьбе он выглядел очень счастливым... — жестко укорил Татлян.

Наталья смолчала, понимая, каким ничтожеством она выглядит в глазах этого настырного сыщика. Но поговорка о жадности натолкнула ее на отчаянную мысль: пан или пропал. Чувствуя, что влипла всерьез, и еще неизвестно, кто страшнее: братва, государство или этот иноземец, она встала с коленей, отряхнула юбку от несуществующего сора и твердо, совсем по-блатному, сказала:

— Давай, начальник, разойдемся по-мирному. Ты меня не нашел, я тебя не видела. Идет?

Карлен зашелся в смехе от подобной наглости и, вытирая слезы на глазах, с иронией спросил:

— И как вы себе это представляете, мадам?

— Я делюсь с тобой долларами, и ты обо мне забываешь. Ничего к вашим пропавшим долларам в аэропорту «Шереметьево-2» я дала, копайте на здоровье в Москве — и флаг вам в руки.

— Но вы забыли, что я не российский милиционер, который за взятку готов на что угодно, я агент секретной службы. Американской, — четко выговорил Карлен, чтобы до нее дошло. — Теперь-то поняли? — и на всякий случай, бравируя, протянул ей свое настоящее удостоверение, которое предъявляется только в крайних обстоятельствах, но она даже не взглянула на документ.

— Все менты одинаковые, не берете только до поры до времени, да если мало дают, а я предлагаю серьезную сумму...

— Серьезную — это сколько? — любопытно спросил Карлен, откинувшись в кресле и внимательно наблюдая за ее преображением.

— Чтобы ты снова не обвинил меня в жадности — половину, и думаю, это будет справедливо: я ведь тоже рисковала.

— О, ничуть не сомневаюсь в этом, — усмехнулся Карлен.

— Ни за что ни про что заполучить сразу два миллиона баксов — такое выпадает не всякому агенту, даже американскому, — в свою очередь съехидничала и Наталья, видимо, уловив перемену в его настроении.

— Это предложение надо обдумать, взвесить, — сказал Карлен уже не так строго и пригласил ее снова к столу — там было еще что выпить и чем закусить.

Теперь уже Наталья сама разлила коньяк по рюмкам и предложила тост: за милосердие. Карлен молча выпил, испытующе глянул на женщину.

— Деньги я могу получить прямо сейчас, наличными?

— Да, минут через сорок. Поедем ко мне домой, и я отдам — из рук в руки. Жаль, конечно, расставаться с такой суммой, но свобода того стоит. Правда, у меня будет одно условие...

— Какое? — уточнил Карлен. Преображение этой женщины все больше занимало его. Черт побери, ему это даже нравилось.

— Никогда и нигде ты не должен упоминать, что видел меня в Париже, — жестко отчеканила московская воровка или несостоявшаяся парижская мадам. — Или — или...

— Даю слово офицера, — искренне и вполне серьезно поклялся Карлен.

Мысль о двух миллионах долларов, которыми он будет располагать через час, уже сейчас грела его душу. Да что там грела —

М

его душа пела, и он готов был пуститься в пляс: такого расклада событий он даже не предполагал.

— Что же, придется положиться на слово чести американского офицера.— Наталья потянулась к сумочке, чтобы привести себя в порядок.

«Тем более, что ничего иного вам и не остается, мадам»,— мысленно заключил журналист.

8

Через два часа Карлен вернулся в номер с пластиковым пакетом, где покоились ровно два миллиона долларов. Он тут же пересчитал их — красавица Натали на этот раз не обманула, отсчитала честно. Прошло всего два дня его пребывания во Франции, а он уже решил все проблемы — на такой быстрый успех он не рассчитывал. На радостях Карлен позвонил Ольге в Москву, уточнил размер одежды и обуви — теперь он мог позволить себе любые траты. Вспомнил он и про Крису с Абреком, но звонить им не стал, и так прекрасно знал их вкусы и привычки, и еще раз мысленно поблагодарил их за зеленый дипломатический паспорт — с ним он беспрепятственно мог ввезти в российскую столицу любую сумму денег. С этим капиталом можно начать совсем другую жизнь: сыграть богатую свадьбу, купить отличную квартиру на имя жены — в общем, открывались невероятные перспективы, ведь он вышел, наконец, на человека по кличке Тоглар, так или иначе связанного с изготовлением или сбытом супербанкнотов.

В тот же вечер Карлен позвонил молочнице Колеетт и пригласил ее в ресторан. Как человек суеверный, он считал, что его удачи в Париже начались с нее, да и нравилась она ему — остроумная, приятная девушка.

В Париже он пробыл еще два дня, потому что невероятно изменилась погода: потеплело, появилось солнышко, исчезли ветер и облака — ну, прямо бабье лето вернулось во французскую столицу, и грех было уезжать, не погуляв, не побродив по его волнующим улицам. Париж теперь представлялся Карлену совсем иным: таинственным, привлекательным, сулящим удачу...

Возвращался он ночным рейсом «Эр-Франс» нагруженный подарками. Самолет прилетал в Москву на рассвете, и он не стал беспокоить друзей просьбой, чтобы его встретили. В самолете, навер-

ное из-за хорошего настроения, он даже не вздремнул — все строил планы. Теперь-то он стоял у цели и оттого время от времени мысленно повторял кличку человека, знавшего тайну фальшивых долларов. «Тоглар... Тоглар...» — назойливо вертелось в голове, и вдруг ему показалось, что он когда-то уже слышал это имя. Редкая кличка, не спутаешь. Ничего конкретного связать с этим именем Карлен не мог, но и от навязчивой мысли отделаться не удавалось...

Войдя в дом и даже не распаковав вещи, он поспешил к своему всезнающему компьютеру, где находились данные на всех, кто мог быть причастен к производству супербанкнотов. Поискал человека по кличке Тоглар по многим разделам, но ничего похожего не было, и, уже отчаявшись, просто на авось, он «заглянул в досье» на умерших «граверов». И тут ему повезло: в самом конце он нашел данные, которые так упорно искал, — все-таки его коллеги из ФБР работали основательно, надежно. Сведения гласили: «Фешин Константин Николаевич, год рождения 1943-й, имеет судимость за подделку документов государственной важности. С 1966 года постоянно живет в Москве, не женат. Пользуется авторитетом в криминальных кругах. Имеет узкую специализацию — может подделать любой документ, а значит, при определенных обстоятельствах, и деньги. Кличка — Тоглар. Погиб в декабре 1990 года в автокатастрофе на московской обводной дороге, похоронен на Востряковском кладбище, могила № 11632».

Погиб? Опять какая-то тайна. А может, ловко инсценированная смерть, чтобы надолго пропасть из поля зрения органов или конкурентов и наладить выпуск супербанкнотов? По срокам все совпадало. И тут Карлен вспомнил, как Абрек комментировал свадебные фотографии, сделанные в «Пекине», и, несмотря на раннее утро, позвонил на четвертый этаж. Трубку снял сам Абрек. Поздоровавшись и сообщив о своем приезде, Карлен спросил без обиняков:

— Помнишь, мы как-то говорили о шикарной свадьбе в «Пекине», о женихе, которого некогда высоко аттестовал Рафик Сво? Вспомни, пожалуйста, кличка у него — Тоглар?

— Да, точно, Тоглар, — обрадовался Абрек. — Вспомнил наконец. Да разве удержишь в голове такую мудреную кликуху — не Кувалда, не Кистень, не Балда. Зачем он тебе сдался, хочешь статью о нем тиснуть? — спросонья зевнул в трубку Абрек.

Но Карлен уже не слышал его трепа... Все сходилось и теоретически, и практически: человека, которого разыскивали все спецслужбы США, звали Тоглар.

Весь сентябрь Аргентинец переживал тяжелейшую депрессию, хотя видимых причин для этого не было. Карта шла, случались, и часто, заметные выигрыши — по-крупному, слава богу, не «залетал» года три. Дома вроде тоже все было спокойно, если не считать того, что младшая дочь, кажется, влюбилась в Эйнштейна. Это вселило в него тревогу, он не хотел, чтобы Верочка вышла замуж за каталу, даже и за подающего надежды аса — нет, такой судьбы для любимой дочки он не хотел. Впрочем, заметного интереса к дочери со стороны Георгия он не замечал, а поклонниц у него было хоть отбавляй: обаятельный, всегда изысканно одетый, часто при деньгах, с машиной, а кроме того, хорошо образован, начитан — в общем, мог и любил пустить пыль в глаза, таких девушки любят, не дают им прохода. Правда, в последнее время Георгий играет в карты редко, постоянно держится при Тогларе, словно его референт: сопровождает повсюду, и даже в отсутствие хозяина живет на Кутузовском. Общение с Тогларом, конечно, пойдет Георгию только на пользу, даже сейчас близость его к чистоделу подняла авторитет Эйнштейна.

А ведь начинался сентябрь так прекрасно! После свадьбы Тоглара Аргентинец с семьей был приглашен в гости на Кутузовский, в недавно отделанную, отреставрированную квартиру Константина Николаевича. Кстати, полностью обставленной, доведенной до ума Аргентинец видел ее тоже впервые, хотя не раз бывал здесь во время ремонта и очень гордился тем, что картина Шагеева появилась в мастерской с его легкой руки — она так пришлась к месту, что даже далекому от живописи человеку это было очевидно. Апартаменты, занимавшие этаж, с изысканной мастерской-салонем, потрясли его домочадцев, как некогда их квартира произвела ошеломляющее впечатление на Наталью, жену Тоглара.

В гостях у Константина Николаевича оказался и Георгий, и именно в тот вечер Аргентинец заметил, что его Верочка неравно-

душна к картежному гению Эйнштейну. Тогда же впервые Городецкий узнал, что дед Константина Николаевича был крупным русским художником, академиком и умер в эмиграции, вдали от родины. Картины Николая Фешина не оставили его равнодушным, и теперь понятна стала тяга Тоглара к живописи — кровь есть кровь, гены когда-нибудь должны были взять свое. В тот теплый сентябрьский день легендарный Тоглар открылся Городецкому совсем с другой стороны, а казалось, он знал об этом человеке все — ведь знакомы уже без малого почти тридцать лет, целую жизнь.

Пригласил Тоглар Аргентинца с семьей и в загородный дом в Переделкино — в общем, налаживалась спокойная, благополучная жизнь, о которой мечтал его близкий друг Костя Фешин.

В последний год Аргентинец чаще всего играл в Барвихе, иногда у Шамана дома, но потом сложился настоящий катран у одного из высоких чиновников из окружения президента. Катран в Барвихе ценился высоко среди катающих по-крупному: безопасность и комфорт гарантированы, и в долг тут не играли, у всех наличка — в дипломатах, баулах, саквояжах, чемоданах, очень состоятельные господа собирались там.

Своей глубокой депрессией Аргентинец отчасти был обязан тамошним разговорам, неожиданным тайнам, открывавшимся ему в барвихинском катране. Чиновничий люд, подогретый дорогими коньяками и виски, наперегонки спешил избавиться от служебных и государственных тайн, словно знание их душило, не позволяло радоваться жизни. Потому эти сытые и самодовольные господа легко, без сожаления, даже бравируя, расставались за ночь с целыми состояниями. Неправедно нажитые деньги как будто жгли им руки, не давали ощущения реальности, оттого им не радовались выигравшие, не огорчались проигравшие: иные пачки по двадцать-тридцать тысяч долларов, небрежно перехваченные резинкой или бечевкой, по нескольку раз за ночь переходили из рук в руки, перекочевывали из баула в чемодан, из чемодана в дипломат и обратно. И никто не удосуживался хотя бы пересчитать их, не говоря уже о том, чтобы прокутить или подарить кому-то, впрочем, по их словам, это были деньги для игры; некоторые даже не уносили эти саквояжи и сумки домой, считая: зачем таскать, если на неделе опять предстоит игра.

Вот это-то безразличие к большим деньгам — все равно завтра еще нанесут взятку, или возможность добывать их без особо-

го труда и риска, отбивала у Городецкого тягу не только к игре, но и к жизни вообще. Без азарта и страстей, когда на кон ставится все, включая и жизнь, игра — не игра. Да, подивился бы великий знаток рискованных картежных людей Федор Михайлович Достоевский, попади он в катран в Барвихе: какой тип игроков создало новое российское смутное время!

Но не из-за отсутствия страстей хандрил весельчак, балагур, неунывающий катала Аргентинец — он-то рисковал своими кровными, ему взятки не носили: ни добровольно, ни принудительно, а деньги ох, как были нужны. Девчонки — обе уже на выданье, дом, семья требовали все возраставших затрат, жизнь дорожала не по дням, а по часам.

Но угнетало его другое — он не понаслышке знал о перспективах своей страны, народа, ведь играл-то с вершителями судеб России: чиновниками, законодателями, депутатами, министрами.

Иногда Аргентинцу даже хотелось пропустить игру — слишком откровенные там велись разговоры, а он по собственному опыту знал: знание чужих тайн укорачивает жизнь. Это одна из главных заповедей уголовного мира, потому там не лезут в душу и стараются без надобности не совать нос в чужие дела. Но он не мог поставить крест на катране в Барвихе, это было единственное место в Москве, где крутились по-настоящему большие деньги, а у Аргентинца была тайная мечта: если сорвет сумасшедший банк, миллионов в десять-двадцать, баксов, разумеется, заляжет на дно. С него хватит, нервы на пределе, здоровье не то, да и пример Тоглара, занятого только любимой женой и живописью, вдохновлял. Может, и он придумает для себя какое-нибудь хобби и будет посвящать целые дни своему увлечению, как Константин Николаевич мольберту. Новому занятию своего друга Городецкий завидовал больше всего — завязал навсегда с прошлым и нашел все-таки на закате жизни дело по душе. Но тут Аргентинец понимал, что Тоглару легче, в нем гены взыграли, происхождение обязывало.

В какие-то вечера, наслушавшись опасных речей, он задерживался с выездом, хотя не меньше других спешил домой, в уют, тепло. Он намеренно поднимал капот, с умным видом копался в чреве машины, что-то подтягивал, закручивал, протирал, или же, сам незаметно спустив колесо, принимался не спеша его менять, а другие, подтрунивая над ним, над его машиной, весело улюлюкая, гогоча и посмеиваясь, разъезжались в ночи. И лишь когда вдали стихал шум

скоростных машин, выезжал со двора и он. Да и то, отъехав от катрана, останавливался где-нибудь в придорожной тени и спокойно выкуривал сигарету-другую, и только после этого трогался в путь. Городецкий был убежден, что люди, так небрежно обращавшиеся с чужими секретами, обязательно попадут в беду. И как в воду глядел — оказался провидцем, хотя, конечно, вслух никому и ничего не предсказывал. Одну машину, возвращавшуюся после игры в Барвихе, расстреляли в ночи в упор из крупнокалиберного пулемета. Досталось и автомобилю, мчавшемуся следом, об этом писали московские газеты, и Аргентинец оценил свою предусмотрительность — ведь и у него был такой же роскошный белый «сааб».

Странно, но покушение с трагическим исходом не особенно взволновало посетителей катрана в Барвихе: все единодушно признали, что покойный брал не по чину и не любил делиться с коллегами и начальством. Аргентинец тогда обезопасил себя еще раз: стал приезжать на игру в скромных «жигулях» песочного цвета — чиновники на таких машинах не ездят, и теперь его случайно спутать не могли.

Однажды, в середине сентября, в катране появился новый игрок, или, как называли его завсегдатаи, новый назначенец в президентской команде. Альберт Янович был из семьи потомственных чекистов, и родословную вел то ли от Берзиня, то ли от самого Дзержинского. Правда, потомок, по нынешним демократическим временам, не любил вспоминать богатую советскую родословную и имел модную нынче профессию — политолог, то бишь аналитик, от которой явно пахло саморекламой или шарлатанством. Но, видимо, он делал нужные анализы и прогнозы, если попал в президентскую команду и уже нафаршировался основательно. На игру он приезжал весь навороченный, с новомодным кожаным саквояжем, но никогда не оставлял его в катране до следующей игры. Этот и вовсе не знал удержу, вещал без остановок, и его сообщения действовали на нервы не только Аргентинцу, но и остальным завсегдатаям. Чуял Городецкий, что иные чиновники даже подозревали непонятную провокацию со стороны политолога, хотя виду старались не подавать, а заволноваться было от чего...

Потомок чекистов утверждал, например, что новый Генеральный прокурор России, которого Президент отыскал в Сибири, скоро может и сам загреметь в тюрьму. Слишком рьяно стал пропихивать своих близких родственников в нефтяной бизнес, где уже все давно

поделено, и конкурентов не терпят. Прокурор, пользуясь высшей властью, начал еще и наезжать на московские кланы, а за ними ведь тоже не рядовые граждане стоят, и своего они так просто не уступят. Альберт Янович уверял, что это станет первым прецедентом в истории России, когда Генеральный прокурор будет обвинен в примитивном взяточничестве, коррупции, и кончит он дни на тюремных нарах. От таких прогнозов у многих портилось настроение, и они сбрасывали карты невпопад, чем ловко пользовался Аргентинец. Но игроки вскоре приходили в себя: знали, что свято место пусто не бывает и, может, попадет туда кто-то из своих людей, так что нет худа без добра — Москва чужих никогда не любила, особенно на больших постах.

Тот же Альберт Янович обронил, что скоро грохнут известного в прошлом телеведущего, а ныне влиятельного бизнесмена. Причем он называл суммы, которые гуляют на телевидении от рекламы — официально и черным налом, и у партнеров по картам, людей, выдавших виды и знавших, что такое шестизначные и семизначные цифры, просто отвисали челюсти.

Спустя несколько месяцев Аргентинец убедится в ясновидении говорливого политолога, который, кстати, по телевидению в те дни со скорбной миной на лице будет говорить о «дорогом друге» как о самом бескорыстном человеке на земле, которого убили люди, не разделявшие его творческих планов, и сравнит его смерть со смертью Пушкина. Поистине, лицемерию нет предела. Но Альберт Янович лицемерил не всегда — со своими, за карточным столом, он был предельно откровенен, резал правду-матку если не в глаза, то уж в богато обставленное пространство — точно.

Аргентинец не раз пытался развеяться от депрессии, дважды даже крепко загулял у Хавтана в «Золотом петушке», хотя выпивка и загулы — не его стихия, катале нужен ясный ум и очень чуткие пальцы, тренированные так же, как у пианистов-виртуозов. Хавтан тоже переживал не лучший период жизни, у него выкрали какого-то бухгалтера, имевшего доступ к тайным счетам в западных банках. И если бы не заступничество старой братвы — Шамана и Дантеса, — скорее всего, он гнил бы уже на каком-нибудь перенаселенном московском кладбище.

Зная, что Аргентинец возвращается в разных кругах, Хавтан просил помнить про бухгалтера по кличке Гном, может, где объявятся его следы, или хотя бы получить наколку, кому он мог понадобиться.

ся, обещал за информацию большие деньги. Иначе, мол, ему долго не восстановить свой авторитет. Косится братва, не верит, что украли Гнома, хотя четыре трупа на месте похищения — аргумент более чем весомый. Но они думают, для себя приберег он бухгалтера, а на деньги банды Лабоцкого — Шкабары, хранящиеся на Западе, многие серьезные люди претендуют, и он, выходит, очутился теперь в центре внимания. Впрочем, про банду новокузнецких громил Аргентинец и сам хорошо знал.

В Барвихе чаще стали говорить о войне с Чечней, которая вот-вот должна была грянуть, и, тоже не таясь, называли фамилии тех, кто уже нажил на этом миллиарды, оставив горы оружия, бронетехники и даже авиацию чеченцам. Разговоры о предстоящей войне не пугали чиновный люд, наоборот, они его возбуждали, пьянили, на различных поставках для армии можно было по-настоящему нажиться, а уж украсть — и говорить нечего. А главное — не нужно выполнять никаких обязательств перед народом, на все годился один многозначительный ответ — война...

Всезнающий Альберт Янович и тут мудро заметил: война, как первый снег, запорошит все следы преступлений, совершенных за годы реформ, и если не случится эта, организуют другую. Только большое горе, тысячи и тысячи новых молодых инвалидов могут отвлечь внимание людей, заставят их забыть о прежних преступлениях высоких людей, чтобы те под шумок успели прибрать, продать последнее, что еще осталось непроданным. Не зря народ говорит: кому война — кому мать родна.

Когда начались разговоры о предстоящей войне в Чечне, Аргентинец сразу вспомнил Тоглара, который три года находился там в плену и хорошо знал обстановку. Еще год назад он уверял, что столкновения с «чехами» не избежать, слишком высокие финансовые интересы сошлись в этом горном крае и чересчур много оружия появилось у воинствующего народа, к тому же впервые в своей истории Чечня заимела регулярную армию. Оружие и пьянит всех от мала до велика.

По своим каналам Аргентинец знал, что «чехи» резко увеличили в Москве оброк с банкиров, промышленников, бизнесменов, занятых нефтью, — понятно, война потребует больших денег, выходит, к ней за Тереком готовятся всерьез.

Такие грустные мысли навевала еще не начавшаяся бойня Аргентинцу и, конечно, настроения не поднимала.

В те самые дни, когда впервые возник разговор о Чечне, появился в катране новый игрок, которого отрекомендовали как Александра Михайловича, в первый раз он приехал вместе с Альбертом Яновичем. В любом катране, даже в Барвихе, нет постоянного состава игроков, хотя существует какой-то костяк, так сказать, завсегдатаи. Карточные компании сохраняются за счет постоянного обновления: одни проигрываются в пух и прах, других отвлекают иные страсти: любовь, запои, наркотики, неприятности по службе или в семье, перемещения и передвижения. Некоторые разочаровываются в игре, даже выигрывая, иные получают назначение за рубеж. Так что свежий человек не был неожиданностью за столом, тем более, новичок не мог появиться с улицы, постучав в бронированную дверь. По клубному правилу, он приходил с кем-нибудь из завсегдатаев, и это ни у кого не вызывало ни вопросов, ни любопытства, тут каждый считал себя самодостаточным, чтобы не расспрашивать назойливо, кто есть кто. А то, что новый игрок, Александр Михайлович, появился с политологом, уже гарантировало ему дружеское отношение собравшихся за карточным столом. В иной день в катране появлялись и по два, и по три новичка сразу, а то и больше — тогда играли одновременно на двух столах. Среди новичков попадались люди известные: актеры, модные журналисты, банкиры, политики, но этот Александр Михайлович никому не был знаком, в прессе и на телевидении не мелькал, особой принадлежностью к верхам не кичился, держался просто, но с достоинством.

В серьезной игре — а тут, в Барвихе, другой не бывало — некогда особенно разглядывать партнеров, все внимание только на том, что у тебя на руках, какие карты выбывают из игры и почему сбросили именно эту карту, чтобы быстрее вычислить, что у кого осталось на руках. Иногда, даже зная все о тридцати пяти картах, можно проиграть оттого, что не вычислил одну-единственную, оказавшуюся у твоего главного соперника. Игру на крупный интерес можно сравнить с современным бегом на короткие дистанции, где победителя чаще всего определяет лишь фотофиниш. А разницу в результате между победителем и тем, кто пришел вторым или третьим, составляют сотые и даже тысячные доли секунды. Но победивший с такой ничтожной разницей войдет в историю, получит приз и пожнет лавры успеха, а об остальных никто и не вспомнит. То же

самое и в картах, тут вторых не бывает. В катранах следовало бы повесить лозунг: все или ничего!

Позже, когда свершатся события, которые на какое-то время свяжут нового игрока Александра Михайловича и Аргентинца, Городецкий будет мучительно восстанавливать в памяти образ молодого человека, впервые пришедшего в катран вместе с политологом, которого за глаза быстро прозовут Оракулом. Конечно, некоторое внимание Аргентинец новичку уделит; старея, Городецкий стал бояться, как бы не нарваться на картежного шулера классом выше, чем он сам, а таких теперь было пруд пруди, кругом одни таланты, взять хотя бы его ученика Эйнштейна — чем не гений? «Гениев» и виртуозов регулярно поставляет в нашу жизнь зона. Есть заключенные, которые в тюрьме за пять-шесть лет срока ничего в руках, кроме колоды карт, не держали, там они тренируются по десять — двенадцать часов в день, тем более, что такие условия им создают другие, более авторитетные и сильные зеки. Знают: на воле такой человек с лихвой оправдает все заботы. После освобождения возле такого «маэстро» крутится целая команда — и откормят, и приоденут по высшему классу, и в свет введут, а главное, подскажут, с кем играть.

Но появился и другой тип игроков, незнакомых раньше, — это люди, обладающие силой гипноза, внушения или способностями экстрасенса, такие каталы — тоже беда, эти одолеют, даже не имея выдающихся способностей к картежной игре. Аргентинец уже трижды вычислял таких игроков, объявившихся в Москве, и успевал под уважительным предлогом соскочить с игры. Вот на этот случай Городецкий, помнится, и оглядел мельком Александра Михайловича. Профессионального каталу, шулера всегда выдавали руки — они у них предмет особой гордости и заботы, — и такой человек всегда пытается скрыть свои таланты, возможности. Поскольку Аргентинец сам постоянно находился в подобном положении и пользовался теми же приемами уже лет тридцать пять, он всегда вычислял своих коллег и гордился тем, что ни разу не ошибся. Шулеров, профессиональных катал Аргентинец боялся гораздо меньше, чем гипнотизеров, — те умеют на мгновение отключить внимание, когда нужно сбросить карту или обменять ее, или внушить, что у него на руках карта, меньшая по значению, отчего у соперника тут же возникает желание удваивать и удваивать ставки, ставить на кон все! Ну, и потом, как правило, нокаут. Бубновый валет или пиковая дама, мелькавшая в руках соперника, почему-то неожиданно оказывается козырным тузом, и пенять здесь не на кого.

Но Александр Михайлович на картежного шулера ни по каким известным Городецкому параметрам не походил, хотя играл уверенно, с размахом и рисковал отчаянно,— это Аргентинец видел по сброшенным картам. В общем, чувствовалось, что человек он энергичный, с характером. Аргентинец невольно следил и за речью Александра Михайловича, все-таки переход из грязи в князи не проходит бесследно, и жизнь в определенной среде накладывает свой неизгладимый отпечаток, который нет-нет да и проявляется — в словах, жестах, привычках или пристрастиях. Александр Михайлович не уклонялся и от весьма щекотливых разговоров, а поддерживать беседу в Барвихе мог только человек осведомленный, сам вращающийся в высоких кругах. Вот эта-то черта — принадлежность к чиновничьей среде — и сбила Аргентинца с толку, и он вскоре перестал присматриваться к новичку столь внимательно, а жаль: может, чуть позже и промелькнуло бы нечто такое, что могло сдержать его азарт, или хотя бы надумило быть поосторожней с новичком.

Бросалась, правда, в глаза одна деталь, отмеченная не только Городецким, но она тоже не взывала к бдительности, а скорее наоборот — отвлекала внимание. Уж слишком большим модником выглядел Александр Михайлович, он выделялся даже среди этих людей элиты, равнодушных к собственному внешнему виду и вещам, окружавшим их. Аргентинец не был мастаком по части моды, но как одевался Александр Михайлович, ему нравилось. Это, конечно, не был ни привычный Карден, ни примелькавшиеся Версаче или Армани, чьи модели стали как бы униформой у «новых русских», отчего они до сих пор не обрели ни своего лица, ни стиля. А если учесть, что именно этих знаменитых кутюрье тиражируют, один к одному, производители дешевой массовой одежды в Турции и Китае, Тайване и Гонконге, и даже в Одессе, на Малой Арнаутской, то, конечно, большинство русских нуворишей с их претензией на исключительность, утонченность, рафинированность выглядят просто смешно.

И, глядя на нового партнера за карточным столом, Аргентинец почему-то вспомнил Тоглара, именно так стал одеваться его старый приятель по рекомендации его ассистента Эйнштейна,— несостоявшийся балетмейстер, конечно, обладал безукоризненным вкусом, об этом Городецкий слышал от многих людей, включая и своих домочадцев. Но Аргентинец-то уж знал цену любой вещи из «Ягуар-стиля», которые настойчиво рекомендовал ему Георгий-Эйнштейн, мечтавший сделать своего патрона образцом вкуса в картежных салонах.

Однако Аргентинцу все это было ни к чему, он не понимал страсти мужчины к тряпкам. Обыкновенному шулеру, катале, если бы Александр Михайлович был из этой породы, такие причиндалы были вовсе ни к чему, как-нибудь обойдемся Труссарди, Хуго Боссом или всем понятным Пьером Карденом, чьи позиции в России после открытия ресторана «Максим» укрепились прочно и всерьез.

Аргентинец обратил внимание, что Александр Михайлович не старается выставлять напоказ ничего из своей экипировки, — это он определил по его ответу одному из игроков, слишком уж восторженно высказывавшемуся по поводу его часов «Ролекс». «Обыкновенная серийная титановая модель», — лаконично обронил новичок, сразу закрывая тему для обсуждения. И Аргентинец, знавший, наверное, одну-единственную марку дорогих часов — и именно эту, поначалу удивился. Дантес, носивший такие часы, всегда хвастался ими и даже показывал рекламный плакат, висевший у него в кабинете, где на старинных весах чаша с «Ролексом» явственно перевешивала другую, на которой взмыла вверх новейшая модель «мерседеса». Обычно Дантес за игрой снимал «Ролекс» с запястья, и часы переходили из рук в руки, держал их перед глазами и Аргентинец и потому знал, что этот массивный платиновый «Ролекс» с календарем, установленным до середины XXI века с учетом високосных годов, с турбийоном и другими всевозможными наворотами, делается только по заказу, эксклюзивно, и могут позволить их себе лишь очень богатые люди.

Разбираясь задним числом в своих ошибках, Аргентинец пришел к выводу, что, в конечном счете, его бдительность усыпила не манера Александра Михайловича одеваться с иголки, не его «Ролекс», о цене которого хозяин не распространялся, не роскошный английский джип «лендровер», в котором тот приезжал на игру и на котором угадывались сразу две сверхмощные и сверхчувствительные антенны. Цена таким «игрушкам» не один десяток тысяч долларов, и предназначены они, скорее всего, для особой спецтехники, например, для перехвата пейджинговых сообщений, телефонных переговоров или даже разговора в салоне впереди идущей скоростной машины, а не просто для услаждения слуха меломана. А отвлекло Городецкого то, как Александр Михайлович умел слушать и направлять хвастливый разговор партнеров по игре в нужное русло, и еще — взгляд: особый, незаметный, жесткий, ледяной — таким обладают обычно люди из органов, да и то не все, а лишь наделенные высокой властью. Катран в Барвихе для такого человека мог представлять бесценный

интерес, информация — с конкретными суммами и фамилиями — густым дымом висела над столом, только запоминай, записывай.

Много позже Городецкий поймет, что случившееся с ним — жестокое стечение обстоятельств, никто конкретно против него пакости не организовывал, специально его не подставлял. Короче, это была судьба, или, как говорит Хавтан, попал под паровоз. Да и доля собственной вины есть, что и говорить, повел себя западло по отношению к счастливицу, но если бы знать... предвидеть... Знал бы, где упасть — соломки подстелил бы. Поздно пить боржоми, когда почки отвалились...

Впрочем, подобная неприятность должна была рано или поздно произойти. Фарт — штука капризная, переменчивая, а ему грех обижаться на госпожу Удачу, считай, жизнь прожил с колодой карт в руках, и безбедную, не надрываясь, детей воспитал, хоромы — каких поискать. А ведь если и не предчувствовал беду, все равно ощущал, что стареет, теряет скорость мышления, интуицию, что пора завязывать, так нет же, все норовил банк шальной сорвать...

Александр Михайлович наезжал в катран с какими-то рваными интервалами, но всегда в компании политолога. И всякий раз его появление оживляло игру, ставки взлетали до небес, азарт смогом зависал над зеленым сукном, и игроки даже забывали про роскошный ужин, который тоже входил в ритуал катрана. Собираясь в Барвиху, Аргентинец иногда ловил себя на мысли: хорошо, если бы сегодня появились Александр Михайлович и Альберт Янович — оба они вносили какую-то особую атмосферу в компанию завсегдаев. Один мог вскользь сообщить сногшибательную новость, другой — при средних картах удвоить ставки, от чего партнеров бросало в жар и карты на руках уже не казались столь выигрышными, — все это чаще всего было на руку Аргентинцу, он первый раскусил эпатажность в поведении Александра Михайловича.

Наверное, никто не приезжал сюда проигрывать: ни специально, ни случайно, это не в природе человека, но Аргентинец видел, что большинство посетителей знаменитого катрана искали острых ощущений — крупные ставки заставляли бешено колотиться любое сердце. Однако к этой категории любителей пощекотать нервы и потешить самолюбие Аргентинец никак не относил хозяина «лендрове-ра» — у него, как понимал Городецкий, были совсем другие задачи.

И еще одна деталь усыпила внимание Аргентинца: Александр Михайлович не был жаден, это было видно по его отношению к день-

гам — как в случае выигрыша, так и в случае проигрыша. За долгие годы, проведенные за карточным столом, Городецкий научился безошибочно распознавать этот широко распространенный человеческий порок. В жизни нередко встречаются настоящие профессионалы, которые обладают удивительной памятью на все, что касается их деятельности, например, шахматист помнит партию десятилетней давности и не спутает последовательность ни одного хода — ни своего, ни чужого. В футболе ситуация меняется ежесекундно, но профессионалы припомнят точно, словно в видеозаписи, как развивались события, почему был забит или не забит гол. Сродни им и картежники: не ведя никаких записей, они всегда помнят, кто с каким результатом закончил игру.

За месяц с небольшим после появления в катране Александра Михайловича с политологом они были в проигрыше, но не внушительном, а просто с заметным минусом, как принято у них говорить. У Аргентинца мелькнула как-то мысль, что они могут играть на пару, негласным тандемом, правда, оба должны быть игроками равными, а потомок чекистов, честно говоря, играл слабовато, но мысль эта у Городецкого как возникла, так и увяла. Все эти обстоятельства, вместе взятые, отвлекли внимание Аргентинца от Александра Михайловича и его друга политолога, их он как серьезных игроков не воспринял, тем более, что в катране появлялись другие залетные гости, оставлявшие за вечер по пятьдесят — шестьдесят тысяч, и за ними нужен был глаз да глаз. Ведь никто не гарантирует, что проигравший не встретит тебя с друзьями в подъезде или по дороге домой, — времена ныне подлые, для многих сегодня бог один — деньги.

3

В тот субботний вечер, когда за окном лил нудный осенний дождь и в воздухе пахло предзимней свежестью, в особняке в Барвихе, сиявшем огнями, было тепло и уютно. Гости съезжались медленно, хотя встреча была оговорена заранее, подтверждена днем телефонными звонками, но служба есть служба, даже у таких высоких чиновников, как барвихинские завсегдаи, есть начальники. Днем хозяйка особняка, наверное от скуки, организовала девичник, который затянулся до вечера, и теперь собравшиеся гости и вернувшийся с работы хозяин катрана не отпускали женщин, обещая позже развезти их по домам, хотя многие из дам приехали в Барвиху на собствен-

ных машинах, а кое-кто даже с телохранителями. В общем, в доме царило оживление, слышались смех, музыка. Повсюду: в каминном зале, оранжерее, в гостиной, домашней картинной галерее — хозяйка особняка владела на Тверской одним из самых известных художественных салонов, «Зимним садом», — стояли накрытые столы для фуршета, а гостей молча обслуживали приглашенные из города вышколенные официанты.

Аргентинец, наезжавший сюда уже с полгода, ничего, кроме бильярдной, где они играли в карты, и столовой, где им накрывали ужин, до сих пор не видел. Особенно поразила его домашняя галерея, где висели очень интересные картины, в том числе работы уже знакомого ему Эдуарда Шагеева, и он, поздравив хозяйку с прекрасной коллекцией, сказал, что у него есть друг, художник, и что он обязательно свозит ее на Кутузовский в его мастерскую. Городецкий рассчитывал, что Тоглару, наверное, в будущем понадобится какая-нибудь галерея, чтобы выставляться, а тут под рукой салон в самом центре столицы, да и хозяйка — женщина со вкусом и хваткой.

Аргентинец уже думал, что игра сегодня не состоится, и даже позволил себе выпить вместе с хозяйкой галереи и ее подружками пару бокалов французского шампанского «Де Кастеллани», которым некогда угощал его в Ростове Тоглар. Но вскоре дамы почему-то дружно засобирались домой, и мужчины, вздохнув с облегчением, поднялись наверх, в бильярдную, за привычный карточный стол. «Дамы и карты одновременно — вещи несовместимые», — изрек острый на язык Альберт Янович, больше всех довольный отъездом женщин. К своим сорока годам политолог уже четырежды был официально женат и не очень-то жаловал прекрасный пол, относился с нему без пиетета.

В тот день играли в покер, но во все известные игры они, по всеобщему согласию, часто вносили изменения, несущественные, но обострявшие игру. Как всегда, по жребию для игры вытягивали колоду карт из закрытой коробки — на каждый кон использовали только запечатанную колоду. Возбуждение, витавшее в доме от присутствия прекрасных дам, перекинулось и на карточный стол — шум и азарт не утихали с первой раздачи.

К полуночи, когда их пригласили на второй этаж на ужин, Аргентинец оказался с заметным выигрышем — тысяч сто, не меньше. Даже мелькнула несвойственная его натуре осторожная мыслишка: а не слинять ли домой после обильного застолья, — но здравая идея не получила развития, хотя игроков сегодня было больше, чем нужно,

и его уход вряд ли был бы замечен. За ужином много пили, но Аргентинец, уже жалевший о выпитом с дамами шампанском, к вину не притрагивался, хотя поднимал бокал со всеми вместе, когда произносили уж очень зажигательные тосты. Он был профессионал и знал, что карты и вино тоже несовместимы. К тому же Городецкий чувствовал, что подогретые спиртным игроки будут обострять и обострять игру — кураж уже витал над ночным застольем.

После ужина договорились играть не больше двух часов, время было далеко за полночь, а на завтра многие партнеры были приглашены в Кремлевский дворец на юбилей одного политического деятеля, с чьим именем связывали новый курс реформ. На торжестве ожидался весь столичный бомонд, и пропустить мероприятие, свидетельствующее, что и ты принадлежишь к элите российского общества, никто, конечно, не хотел.

С первой раздачи ставки пошли резко в гору, их, естественно, поднимали проигравшие и двое новичков из Тюмени, имевшие какое-то отношение к нефтяному бизнесу, — Аргентинец встречал их с полгода назад в доме у Шамана, тут же, в Барвихе. От такого резвого старта, к которому он никак не приложил руку, у Аргентинца радостно забилося сердце: ему выпало редчайшее выигрышное сочетание, которое часто снится в картежных снах, — каре.

Теперь следовало никоим образом не выдать своего состояния — удача, которую он ждал два последних года, кажется, сама шла в руки, ставки продолжали расти и без его вмешательства, а он, словно подчиняясь всеобщему гипнозу, тоже поддался гонке на повышение. Сумма так быстро стала для многих неподъемно-опасной, что некоторые лихачи, отрезвев, сошли с дистанции, длинный спурт продолжали только четверо: двое тюменских нефтебаронов, Александр Михайлович и Городецкий.

Вот тут-то за столом стихли сами собой смех, шутки, разговоры: игра приняла серьезный оборот, такой куш разыгрывался в катране впервые. Напряжение достигло такого апогея, что один из тюменцев попросил хозяина дома налить в бокал для воды виски, — тележка со спиртным и закусками всегда стояла неподалеку от карточного стола. Но даже стакан крепкого виски не помог тюменцу: через десять минут оба, перекинувшись взглядом друг с другом, открыли карты, и Аргентинец отметил для себя, что нефтебароны играли на один карман, но теперь это не имело никакого значения. Александр Михайлович и Городецкий остались один на один, и тут на мгновение

Аргентинец внутренне вздрогнул: теоретически существовал единственный вариант его проигрыша, но он мог выпасть только в том случае, если карты раздавал сам противник или его ближайший партнер. Но, к счастью, раздавал карты после перерыва не Александр Михайлович, а его друг-политолог, тот задержался после ужина в столовой, беседуя с хозяйкой дома о живописи, и сейчас с напряженным лицом стоял за спиной своего протеже, наблюдая за игрой. Выходило, что Аргентинцу можно было рисковать всем, даже жизнью,— такой фарт при таком банке бывает не часто.

Александр Михайлович, прибывший сегодня на игру с кожаным саквояжем, достал несколько внушительных пачек долларов и, поскольку был его черед увеличивать ставку, сказал:

— Предлагаю в последний раз поднять ставку и открыться, не будем доводить друг друга до разорения. Вы согласны?

Аргентинец ссохшимися губами тихо и неуверенно хотел прошептать, что согласен, но лишь кивнул — он не хотел сильного увеличения, потому что уже не располагал наличными деньгами.

Александр Михайлович небрежно бросил груды пачек в банк и предложил:

— Ваш черед...

Аргентинец аккуратно продвинул вперед всю имевшуюся у него наличность и хрипло добавил:

— На остальное ставлю свою хату на Кутузовском, которую цену с обстановкой в миллион баксов. Идет?

В принципе, противник не имел права отказываться — квартира того стоила, да и доложить Аргентинцу нужно было всего четырехста тысяч баксов.

После некоторого раздумья, в гробовой тишине, Александр Михайлович согласился, и они оба, разом, карта за картой, стали открываться... Одновременно крик радости и разочарования разорвал тишину ночного дома — общество болело и за того, и за другого, но больше за Аргентинца. Еще до открытия последней карты Городецкий понял, что проиграл: Александру Михайловичу выпало то, что могло выпасть только теоретически,— тоже каре, но каре старшее...

Аргентинец молча, как после тяжелого нокаута, поднялся с места и, никого не замечая, не попрощавшись, вышел из бильярдной — такого сокрушительного поражения он никогда не переживал и не был готов к нему ни морально, ни физически. Спустившись во двор по винтовой мраморной лестнице, Городецкий впервые так тяжело ощутил

груз своих лет. Перед глазами стоял не карточный стол, и в голове не крутился, как обычно, анализ ситуации,— нет, все мысли его были о доме на Кутузовском — он так любил его, так гордился им. Во дворе он, также молча, не распрошавшись с охранниками, завел свои «жигули» и выехал из катрана, который совсем недавно считал самым удачным для себя и где мечтал поймать за хвост жар-птицу.

Рублевское шоссе, неожиданно ставшее правительственной трассой, в этот час оказалось пустынным и, как ни странно, плохо освещенным — то ли где-то велись ремонтные работы, то ли уже перешли на режим экономии, как и на других магистралях.

Аргентинцу больше всего на свете хотелось сейчас попасть домой, принять душ и забыться глубоким сном, а уже потом, завтра, обдумывать, как действовать и что предпринять. Сейчас же он находился в состоянии шока и соображал туго, даже ехал, как говорят лихачи после ресторана, на «автопилоте» и все давил и давил на газ. В одном месте на затяжном подъеме шоссе делало поворот, который возникал неожиданно из-за подступавшего вплотную леса — об этом заранее предупреждали дорожные знаки,— но сегодня на пустынной трассе Городецкий не обращал на них внимания. Дорогу эту он знал хорошо, все-таки дважды в неделю уже не один месяц наезжал в Барвиху, да и раньше частенько навещался сюда к Шаману, но сейчас был особый случай, за руль вообще не следовало садиться в таком состоянии. Аргентинец, забывшись и посчитав, что он уже давно проскочил коварный поворот, на бешеной скорости влетел в него и, снося защитные ограждения у дороги, пулей врезался в темный лес. Все произошло так быстро, почти мгновенно, что он не успел ничего ни понять, ни предпринять, ни даже испугаться.

С полчаса, вероятно от сотрясения, он находился без сознания. Придя в себя, понял, что чудом остался жив — ни одной царапины, перелома или пореза, и он, перво-наперво, поблагодарил бога, а затем осторожно выбрался из покореженной машины. Равнодушно оглядев свои новенькие «жигули», которые специально купил для поездок в Барвиху, понял, что связываться с ремонтом нет никакого смысла — такие хлопоты ему были теперь ни к чему. «Значит, не пришло еще мне время умирать,— суеверно подумал Городецкий об аварии, но тут, как током, ударила мысль о проигрыше и перечеркнула его мимолетную радость.— Лучше бы я погиб, и вопрос с квартирой отпал бы сам собой. Братва никогда бы не позволила отнять квартиру у вдовы, сказали бы Александру Михайловичу:

хватит с тебя и того, что снял в тот вечер, — а может, и похороны навесили бы на его счет».

Авария отрезвила и вывела его из состояния шока, и, взяв себя в руки, он мысленно сказал себе: «Раз остался жив, надо жить, действовать, защищать свой дом...» Особенно ему понравилось это — «защищать свой дом...». Да, ему было что защищать.

Выбравшись по откосу на шоссе, он стал дожидаться случайной машины на Москву. Аварию, случившуюся на шоссе, Аргентинец посчитал ниспосланной свыше благодатью, и не только потому, что остался жив-здоров — за это, конечно, Всевышнему отдельное спасибо, — а из-за того, что она помогла ему скрыть дома масштаб другой трагедии, происшедшей в тот же вечер, на полчаса раньше. Видя его ушедшим в глухое затворничество, его нежелание ни с кем видаться и даже говорить по телефону, домочадцы связали это с дорожной катастрофой: естественно, что хозяин дома находился в шоке, испытав такое нервное потрясение.

4

Городецкий провел у себя в кабинете три долгих дня, выходя из комнаты только по ночам, но решения найти не мог. Судя по телефонным звонкам, о которых говорила жена, о его проигрыше знали многие. На четвертый день осунувшийся, похудевший килограммов на пятнадцать — теперь-то он знал, что есть способ похудения почище «гербалайфа», — Городецкий вышел из дому и напрямик поехал в «Метрополь» к Олегу Лозовскому, Дантесу, и попросил у него займы тысяч двести, чтобы сохранить свой дом на Кутузовском, в котором тот не раз бывал. Дантес, заметив, что сам переживает не лучшие времена, помочь не отказался, но сказал, что в лучшем случае может дать тысяч пятьдесят, не больше. И под конец, поинтересовавшись, кому проиграл, насмешливо посоветовал:

— Тебе дешевле завалить этого лоха. За десять тысяч баксов киллера можно найти на конкурсной основе, с завидным послужным списком.

Аргентинец за помощь поблагодарил, но рассчитаться таким способом с партнером-противником посчитал западло, резонно заметив:

— По такой логике меня должны были хлопнуть уже тысячу раз, а я, как видишь, жив...

В этот день Аргентинец посетил еще пять-шесть человек, на чью помощь, как он полагал, мог рассчитывать, но больше ста двадцати тысяч набрать не мог, да и тех нужно было дожидаться еще дней десять, не меньше. Расстроенный, злой, голодный, возвращался он к себе домой, когда наконец вспомнил о Тогларе: вот кто сможет выручить! Хотя на большую сумму он не рассчитывал — видел, какие Фешин понес расходы в последний год, — но, все же, чем черт не шутит. В крайнем случае Тоглар мог подсказать что-нибудь толковое, — в общем, Аргентинец круто развернул «сааб» к дому Фешина.

Тоглар оказался дома, но таким понурым, небритым, враз поставившим Городецкий не видел его никогда. Поэтому с порога, забыв про свои печали, с тревогой спросил:

— Что-нибудь случилось? На тебе лица нет! Вторую неделю не звонишь, вот, решил заехать...

Тоглар, не отвечая, молча направился внутрь квартиры, на кухню, и только там, придвинув стул, вяло махнув рукой, пригласил к столу. С первого же взгляда на друга Аргентинец понял, что произошла какая-то беда: заставленный порожними бутылками стол говорил о многодневном загуле, а ведь Константин Николаевич, как и он сам, выпивохой никогда не был, да и запои с ним не случались. Честно говоря, трудно было даже вообразить, что могло вывести из себя спокойного, рассудительного Тоглара, ведь в последние месяцы он был счастлив, зажил наконец, как мечтал, — домом, семьей, искусством. Судя по тому, как запущена была квартира, Аргентинец понял, что причина скорее всего в Наталье, не зря говорят французы: ищите женщину. И он, взяв в руки стакан с водкой, протянутый ему Тогларом, хотя был за рулем и не собирался пить, спросил как можно мягче:

— Что-нибудь с Натальей?

— Давай, брат, сейчас выпьем, а потом я тебе все расскажу... Который день душа горит... И никому... Никому не расскажешь...

Они выпили, молча что-то пожевали. Тоглар, вдруг заглядевшись в темное окно, снова надолго замолчал, но Аргентинец не трогал его: сегодня, как никогда, он понимал состояние старого друга. Оторвавшись взглядом от окна, Константин Николаевич резко повернулся к Аргентинцу и заговорил торопливо, с горечью, словно боялся, что его прервут или не поймут:

— А ведь я любил ее, Аркаша. Вся жизнь никого в душу не впускал, не доверял женщинам... И вот распахнулся, доверился... все

перед ней выложил, ничего не пожалел. За что же так? Я же знал, знал основную заповедь жизни для братвы,— он ударил кулаком по столу так, что подскочили стаканы,— человек нашего ремесла не должен иметь семью. Да любому парню, впервые попавшему на нары, внушают: женщина — исчадие ада, от нее исходит все зло на земле, от нее все неприятности у мужчины. Может, это мне божья кара, что я на старости лет отступился от правил и захотел пожить остаток жизни как все нормальные люди?

— Костя, что же произошло? Не тяни.— И Аргентинец сам подвинул стакан, считая, что сегодня только спиртное не даст свихнуться от тяжелых дум его другу Тоглару — нервы у того были явно на пределе.

Они снова молча осушили стаканы.

— Она убежала от меня... Убежала!.. Сбежала, как последняя сучка. Она... От меня...— Тоглар криво усмехнулся.— Ты можешь мне сказать, объяснить, чего ей не хватало? — Он обвел свои хоромы затуманенными глазами.

— Так ты из-за этого убиваешься, казнишь себя? Мне бы твои заботы...— вздохнул Аргентинец и едва не выложил новость о том, что он проиграл свою роскошную квартиру, но что-то в последний момент удержало его.

— Нет, Аркадий, ты не прав.— Тоглар помахал перед его носом пальцем.— Дело и в ней, и не в ней... Это я потерпел жизненный крах — я ведь хотел иметь семью, детей. Я и дом-то этот затеял только ради нее. Уж ты-то знаешь, что значит дом, семья для мужика.

— И все равно,— не согласился Аргентинец,— ты жив, здоров, дом на месте, все образуется. А хозяйка на такие хоромы быстро найдется, и не хуже, поверь мне...— Он старался говорить бодро, даже весело, но, кажется, это у него получалось не совсем так оптимистично, как хотелось.

— Но я тебе еще не все сказал...— Тоглар сидел на стуле ссутулившись, и казалось, что он постарел за эти дни лет на двадцать.— Она же меня кинула... как последнего лоха... Украла все до копейки... Прихватила даже какие-то мои побрякушки, а мне братва на свадьбу одних часов платиновых и золотых аж пять штук подарила. Этого я пережить не могу... Но не из-за денег, а из-за подлости... Ты ведь знаешь, все здесь создавалось для нее...

— Ну и сука! — откровенно возмутился Аргентинец. Кто бы мог ожидать такого поворота событий? Теперь понятно, почему Тоглар

в таком состоянии, сам бы волком выл от обиды и бессилия, но все же спросил по инерции: — И много увела?

— Да не спрашивай, Аркадий... Много, все до копейки. Я не имею в виду украшения и бриллианты, которых я накопил ей на миллион баксов, нет, все-все выгребла. А ведь они на старость спокойную были заготовлены.— Он рванул рубашку на груди, словно она душила его. На глазах выступили слезы горечи или злости.

— Что же ты, как лох, держал их на виду? — удивился Городецкий.— Деньги кого хочешь с толку собьют.

— В том-то и дело. Деньги были в мастерской, в тайнике, в специальной упаковке. Захочешь — не найдешь, а найдешь — не догадаешься... А она нашла, докопалась... Шустрая оказалась мадам...

— У-у, тварь поганая, попадись она мне, сам бы ноги выдернул! — вскипел Аргентинец.

Он был обижен и за Тоглара, которого так кинула какая-то баба-дешевка, да и за себя тоже: теперь рассчитывать на помощь вряд ли возможно.

В тот вечер Аргентинец не оставил своего старого друга наедине с горем, заночевал у него, да ему и самому требовалась мощная разрядка, а в России лучшего средства для этого, чем водка, еще никто не придумал. Много пили, говорили о проклятых бабах, о жизни, о любви, но как бы Городецкий ни был пьян, он ни разу не обмолвился о своей беде — прежде следовало вытянуть из душевного кризиса Тоглара. Картежный долг имеет право на отсрочку, и время у Городецкого еще было.

5

На третий день после запойной ночи у Тоглара поутру в квартире Городецкого раздалась телефонная трель — звонил Александр Михайлович. Он просил Аргентинца приехать к нему в гостиницу «Украина» и решить вопрос с долгом. Договорились, что Городецкий будет у него через час — «Украина» находилась от его дома неподалеку, две-три остановки на троллейбусе.

Городецкого насторожило, что Александр Михайлович живет в гостинице, он-то был уверен, что тот москвич. Это, с одной стороны, облегчало его положение: а вдруг удастся повлиять на него, все-таки Аргентинец — человек известный, в авторитете, а с другой стороны — темная лошадка хуже всего, не ведаешь, что от такого можно

ожидать, не знаешь, под кем он ходит. Поэтому на встречу Городецкий пошел пешком — не хотел засветить свой «сааб»: без машины остаться — что без ног, как шутил его ассистент Эйнштейн. Раньше, в старые запретные времена, он не раз играл в «Украине» и хорошо знал гостиницу, даже в названном Александром Михайловичем «люксе» на шестом этаже бывал не раз — любил там жить одно время Алик Тайванец, пока не уехал в Германию.

Александр Михайлович был в номере один, чего, конечно, Аргентинец не ожидал. Он не стал упоминать, что бывал в этих стенах, хотя думал начать разговор именно с этого... Хозяин «люкса» встретил радушно, словно их и не связывали столь тягостные обстоятельства, пригласил на диван, у которого уже стоял сервированный столик с закусками и спиртным.

— Что будем пить — виски, коньяк, водку? — спросил хозяин, присаживаясь рядом.

Отказываться было некстати, и, хотя пить сегодня не собирался, Аргентинец сказал:

— Пожалуй, водку.

Оба явственно ощущали напряжение, и, чтобы не усугублять обстановку, Александр Михайлович заговорил первым:

— Я тут навел справки у людей, знающих вас... Все утверждают, что квартира ваша стоит миллион, может, даже и больше. Конечно, имея на руках старшее каре, я мог взвинтить ставку и выше, но что было, то было. Если вы решили расстаться с квартирой, я готов принять ее вместо денег. Район престижный, да и дома там что надо...

— О квартире говорить еще рано, — жестко перебил его Аргентинец, — четыреста тысяч — сумма серьезная, но все же подъемная при моих возможностях и друзьях. И я, как положено по нашим правилам, хочу получить отсрочку. За этот срок я, возможно, отыграюсь или найду деньги. Если же не уложусь в срок, тогда вернемся к сегодняшнему разговору. Так будет справедливо... Или я не прав?

— Пусть будет по-вашему, — не стал спорить хозяин. — Вы, Аргентинец, человек известный, авторитетный, вы вправе рассчитывать на месячную отсрочку. И от игры я не уклоняюсь, а вот вы что-то перестали приезжать в Барвиху, — и Александр Михайлович встал, давая понять, что аудиенция закончена.

В этот миг Городецкий увидел вблизи его насмешливо-умные глаза — таким взглядом мог обладать только очень независимый, влиятельный человек, уверенный в своих силах на все сто. И все

это никак не вязалось с его прежним представлением о самодовольных, но трусливых чиновниках. Тут, в бывшем номере Тайванца, Аргентинец понял, что Александр Михайлович вряд ли принадлежит к сонму государственных служащих, пусть и очень высокого ранга, не был он похож даже на крупных бизнесменов — он был птицей иного полета, не зря же кентовался с потомком чекистов. Какой птицей и какого полета, это нужно было выяснить, если, конечно, удастся, но держать его за лоха нельзя было ни в коем случае, иначе можно пролететь еще раз.

Выйдя из гостиницы «Украина», Аргентинец глянул на календарь своих наручных часов «Вашерон Константин», которые тоже когда-то выиграл в карты у залетного пижона, — в его распоряжении осталось ровно три недели. Александр Михайлович, конечно, прекрасно знал правила карточного долга: отсчет идет со дня проигрыша, и первая отсрочка равна календарному месяцу. Неделя пролетела у него в душевных муках и сомнениях, теперь надо было действовать или отдавать квартиру, хотя о последнем не могло быть и речи.

Аргентинец начал активно искать деньги, чтобы попытаться отыграться в Барвихе, — туда было не принято заявляться без серьезной наличности, тем более тому, над кем висел внушительный долг. Хотя он сознавал, какие пренебрежительные взгляды ожидают его там среди сытой публики, но надо было терпеть: другого катрана, где играют постоянно и по-крупному, он не знал. Но за следующую неделю, кроме пятидесяти тысяч, что ссудил Дантес, он больше ничего не нашел: обещали на будущей неделе, через десять дней, через полмесяца, срок же, отпущенный Александром Михайловичем, истекал. А с пятьюдесятью тысячами появляться в Барвихе было просто смешно. И впервые он пожалел о своей недалекости — надо было не жадничать, а брать с собой в Барвиху Эйнштейна, чтобы там к нему привыкли, а сегодня, если бы нашел деньги, сыграть с ним на пару. Так они поступали крайне редко, в чрезвычайных обстоятельствах, когда позарез нужны были деньги. В этом случае выигрыш был гарантирован стопроцентно. У них были отработаны варианты без всякого шулерства — они всегда знали, что у кого на руках и что следует предпринять. Это далось месяцами изнурительных тренировок, а главное, у них обоих был особый картежный ум и нюх.

Прошли вторая и третья недели, за которые удалось найти всего тридцать пять тысяч. Теперь даже теоретически был упущен шанс собрать нужную сумму, и Аргентинец заволновался всерьез, поте-

рял еще несколько килограммов веса и теперь выглядел молодожаво, под стать Тоглару. Не наклюнулась ни разу и игра по заказу, когда ему подставляли подготовленную жертву: богатого человека, лоха. Иногда в таких случаях случалось выиграть и сто, и двести тысяч, хотя приходилось делиться и с «загонщиками».

Все эти дни, занимаясь поисками денег, Аргентинец нет-нет да и вспоминал совет Дантеса — решить возникшую проблему с помощью наемного киллера, но каждый раз старательно гнал от себя эту мысль, все-таки он катала, а не примитивный мокрушник. Впрочем, если эта тайна с киллером когда-нибудь выплывет, то на картежной карьере тоже можно ставить крест, кто же сядет за стол с заведомым убийцей?

Когда до назначенного срока осталось четыре дня, Аргентинец запаниковал, вновь закрылся у себя в кабинете, всерьез подумывая о самоубийстве, — только так он мог сохранить квартиру за семьей. Он даже начал писать предсмертное письмо, обвиняя Александра Михайловича в несуществующих грехах, намекая, что его проигрыш был тщательно спланирован и что его угрозами загнали в угол. Попади такая малява в руки братвы, она обеспечила бы семье гарантии, в России, и в уголовном мире особенно, отношение к ушедшему в мир иной свято, не зря поговорка гласит: о покойниках говорят или хорошо, или ничего. В общем, Городецкий все рассчитал верно, но умирать не хотелось — ни повеситься, ни пустить себе пулю в лоб, ни с помощью яда. Он перебрал множество вариантов самоубийства, но ни один не вызвал у него восторга.

Помучившись еще двое суток, Аргентинец отменил эту идею раз и навсегда, он вспомнил недавнюю аварию на Рублевском шоссе, где смерть его казалась неизбежной. Даже выдавшие виды работники ГАИ и те сказали ему: «Ну, брат, родился ты в шелковой рубашке. Значит, нужен ты Всевышнему на этой земле...» И свое малодушие, отсутствие силы воли, чтобы достойно уйти из жизни, он опять же увязал с высокой мистикой — вроде рука свыше удерживает его, желает, чтобы он жил... Эта мысль дала ему новые силы, он даже философскую базу подвел под свои малодушные метания: «Если я должен жить, значит, кто-то должен умереть».

Теперь, когда он созрел для подобной идеи, снова вспомнился Дантес... и совет его уже не показался циничным, а, скорее, мудрым. Мысль эта пришла Городецкому поздно вечером, и поскольку в его распоряжении осталось всего два дня, он решил заняться

этим делом немедленно. Деньги у него были, а примерную расценку за услуги Дантес ему назвал, хотя киллер мог повисить тариф за срочность, но ведь экономить на этом не станешь, себе дороже выйдет.

Аргентинец переоделся в белый смокинг, тщательно побрился и уже через час был в «Пекине».

6

В китайском ресторане всегда можно было встретить нужных людей, но он надеялся отыскать там Хавтана, старая гвардия чтит авторитеты, и Аргентинец для него был не последним человеком в Москве. В «Пекине» Городецкий не был давно, со дня свадьбы Тоглара с Натальей. Здесь по-прежнему гремела музыка, хлопали в разных концах зала пробки от шампанского, витал привычный ресторанный шум... Да, кто-то решает вопросы жизни или смерти, а здесь звон бокалов, смех гуляк... «Вот и умирай после этого. Ничего не изменится в жизни, просто будут гулять и пить шампанское другие», — мудро рассудил Аргентинец.

Хавтана в «Пекине» не было, хотя знакомых гуляло много. Вася Головачев по кличке Сапер, узнав, что Городецкий ищет Хавтана, сказал, что только что сам приехал из «Золотого петушка», и если Аргентинец сейчас же рванет туда, наверняка застанет хозяина в собственном ресторане. В последние дни Аргентинец обратил внимание: в какой ресторан ни ткнешься — везде полно народу, хотя время как будто не до гуляний. И он вспомнил, как его бабушка-долгожительница, прекрасно помнившая и Первую мировую войну, и Великую Отечественную, когда-то говорила: если народ валом валит в кабак — жди войны. «Сбудется ли пророчество бабушки на этот раз?» — машинально подумал Аргентинец, ведь в Барвихе предсказывали войну с Чечней со дня на день.

Аргентинец не был завсегдаем «Золотого петушка», хотя знал, что заведение Хавтана пользуется успехом у братвы и деловых людей, тут, не выходя из зала, можно было решить кучу проблем. Да и русская кухня Петровича не нуждалась в рекламе, про нее даже иностранцы прознали, и теперь их тут можно было встретить в любой день, особенно японцев и немцев.

Посетителей в ресторане было под завязку, как сказал швейцар, пропустивший Городецкого. В зале Аргентинец и без помощи офици-

антов легко отыскал Хавтана — тот сидел за колонной с каким-то рослым мужиком в камуфляжной форме. Судя по двум пустым штофам шведского «Абсолюта», гуляли они долго, а возможно, был и третий, и четвертый собутыльник, уж слишком щедро был накрыт стол. «Наверное, Хавтан не станет засиживаться со всяким в камуфляже», — подумал Аргентинец и, решив не отвлекать хозяина ресторана, выбрал место так, чтобы тот мог обязательно увидеть его сам.

Так оно и произошло: минут через пять Хавтан, все-таки не забывавший, что он владелец ресторана, поднял голову на шум, раздавшийся в конце зала, и в этот момент увидел Аргентинца. Увидел и удивился: Аркаша не часто баловал вниманием «Золотой петушок». Судя по тому, что он приехал один и сидел за пустым столом, гулять он не собирался, выходило, его привели сюда важные дела. Аргентинец человек масштабный, по мелочам прислал бы своего шестерку Эйнштейна. «Значит, пожаловал с чем-то серьезным, не терпящим отлагательств», — решил Хавтан. Почему-то у хозяина «Золотого петушка» затеплилась надежда, что крученный-верченый Аргентинец, знавший всех и вся, приехал к нему с вестью о выкраденном бухгалтере Гноме: объявленная им сумма вознаграждения в пятьдесят тысяч баксов — только за след, за наколку — могла заинтересовать и Городецкого.

Хавтан незаметно подал условный знак официанту, означавший, что его надо выдернуть из-за стола, и тот, подойдя к хозяину, что-то вроде прошептал на ухо.

— Ну, Гера, посидели мы с тобой сегодня душевно, а сейчас меня труба зовет, дела ждут, — сказал Хавтан, давая понять, что аудиенция для Самурая закончилась. — Но ты не бери в голову, наладится жизнь. Тебя я без дела и без куска хлеба не оставлю, ты ведь свой, люберецкий, а я добро всегда помню. Ты только не пей, мои халдеи, восторгавшиеся тобой, заметили, что ты теперь пьянеть стал после одного штофа, а у тебя должны быть твердая рука и верный глаз. — И Хавтан, легко поднявшись, стремительной походкой направился к своему кабинету, даже не глянув в сторону Городецкого.

Не успел Хавтан убрать кое-что со стола, как распахнулась дверь и на пороге появился Аргентинец. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла озабоченной.

— Привет, Леня, давно тебя не видел. — Аргентинец шагнул вперед, протягивая для приветствия руку вышедшему из-за стола Хавтану.

— Да, давненько не виделись. Кажется, в последний раз на свадьбе у Тоглара погужевались, — ответил Леонид Андреевич, и они обнялись.

— Да, теперь только на свадьбах детей или на похоронах и видимся,— грустно ответил Аргентинец и сел в предложенное хозяином кресло.

— Может, выпьешь, закусишь? А то и отужинаешь... Петрович для старого кореша расстарается, он ведь тебя давно знает.

— Спасибо. Сегодня не до гуляний, если честно. А про кухню твою давно слышан, вот свалю один груз с плеч, обещаю банкет для друзей у тебя закатить.

— Какие проблемы? Если в наших силах, Аркадий, всегда поможем, кому же помогать, если не Аргентинцу...

— Вот-вот...— Взор Городецкого затуманился, он нервно дернул плечом.— Попал я, Леня, крепко попал. Счетчик давно включен, и послезавтра последний срок. А проиграл я хату, понимаешь...

Хавтан от неожиданности даже привстал, но тут же, словно пристукнутый, плюхнулся на стул.

— Ты проиграл хату на Кутузовском? Где мы были на дне рождения твоей старшей дочери? Ей, кажется, восемнадцать тогда стукнуло.

— Да, ее, брат. Со всеми потрохами...— горько подтвердил Аргентинец.

— Кому же ты попался, Аркаша? Я что-то о таком проигрыше не слышал, хотя знаю всякое: нужное и ненужное. Видно, не из нашего круга люди?

— Угадал, Хавтан. Не из наших. Чиновник, на нефти руки нагрел.

— Что же ты долго тянул, до последнего дня? Через день и валить надо было, если не наших кровей человек...

— Тебе легко говорить, а я ведь чистый катала, у нас другая мораль, мы помним Христову заповедь — не убий. Не мог я через кровь шагнуть, понимаешь? Месяц деньги искал, никто не дал. Может, я и откатал бы... Но выбросить семью на улицу тоже равносильно убийству, да и где жить, зима на носу. И потом, сердцем я прикипел к этой хате, детям она по душе, да и старость не за горами. Так что, ты правильно меня понял, я созрел, чтобы переступить божью заповедь... В общем, нужен профессиональный киллер. Деньги на его оплату у меня есть.

— Само собой,— кивнул Хавтан, сочувственно глядя на гостя.— Без денег на эту тему и базара не может быть, киллеры не работают в кредит, а иногда даже просят предоплату. Теперь тебе за срочность

платить придется, а это еще пятьдесят процентов. Но дело не в деньгах... Ты же понимаешь, на тебя первого могут подумать, учитывал этот вариант? — озабоченно спросил хозяин кабинета.

— Времени навалом было, все предусмотрел.— И Аргентинец стал обстоятельно излагать свои доводы.— Во-первых, никто не станет распространяться о катране в Барвихе, о том, какие люди там катают и какие суммы проигрывают,— это смерть для них, пресса нынче жадна до сенсаций. Во-вторых, как ты мудро заметил, мне не было смысла откладывать убийство до последнего дня, резон был уничтожить его сразу. В-третьих, там, за столом, выяснилось, что тех, кто занят нефтью, шмаляют чуть не через день. И потому у моего Александра Михайловича врагов много, он даже называл кое-кого. Есть еще одна пикантная деталь в убийстве нефтебаронов: после контрольного выстрела в голову их еще и нефтью из бутылки поливают — мода или традиция такая пошла, чтобы не гадали, за что. Мы тоже этой модой воспользуемся. А ментам копать нет выгоды. Им лишь бы закрыть дело, им всяк ни к чему. Одним бизнесменом больше, одним меньше. И последнее: завтра я позвоню ему и скажу — приезжай, смотри, я решил отдать хату,— уже спокойнее подытожил Аргентинец.

— Да, застраховался ты как будто капитально,— задумчиво почесал затылок Хавтан.— Но по мне, чем меньше вариантов и алиби, тем надежнее. В одном ты прав, менты не любят «новых русских» еще больше, чем бандитов. А если кто и шепнет, мол, хлопнули из-за квартиры, думаю, на эту версию не клонут, спишут на нефть.

— Есть ли у тебя надежный человек на примете? — спросил, устало откинувшись в кресле, Аргентинец.

— Ну, теперь кого только нет,— усмехнулся Хавтан.— Ты ведь знаешь главный закон политэкономии: спрос рождает предложение.— Он оживился, кивнул на дверь, из-за которой доносился ресторанный шум.— Вот только что я ужинал с одним офицером. Может, он и сгодится...

— Что за человек? Ему можно доверять? — Аргентинец явно не ожидал, что все может устроиться так быстро.

— Я знал его еще парнишкой, до армии, а потом потерял из виду на семь лет. Он люберецкий, кликуха Самурай. Служил в морском десанте, заканчивал армию в особом подразделении спецвойск. После службы остался во Владивостоке, женился там, заочно закончил Высшую школу МВД, работал в милиции, в порту. В конце концов понял, что все российские деньги гуляют в Москве, и вернулся домой, попал

в особые подразделения МВД. Но от люберецкого прошлого никуда не денешься, да и государство за рисковую работу гроши платит. Щипал он кое-кого потихоньку в Приморье. И здесь то же самое, чувствую, практиковал. Ну, тут и пересеклись наши стежки-дорожки, и я понял, что свой человек нам в МВД не помешает. Несколько раз он выручал нас по-крупному. В общем, был у меня в органах свой человек...

— Почему был? — невольно перебил его Аргентинец.

— Да, к несчастью, был. — Хавтан сожалеюще развел руками. — Работа у них не приведи Господи, за год десятерых своих ребят похоронил, стали нервы шалить. С женой неполадки — она у него оттуда, из Владивостока, — не прижилась в Москве, квартиры нет, в общем, бросила его и уехала домой. А тут среди его людей словно вирус завелся — страх, и как следствие — увольнение за увольнением: не хотят молодые за гроши жизнью рисковать. А с новой командой, когда не чувствуешь за спиной своих, идти на штурм очередной бронированной двери не в жилу. А может, уже и возраст берет свое... Короче, подал рапорт об увольнении. А профессионал-то хоть куда: прошел школу диверсионной подготовки, в электротехнике шурупит, а бомбу из подручных материалов изготовить — раз плюнуть. Могу с ним переговорить, если хочешь, — предложил Хавтан, потянувшись к звонку, чтобы кликнули Самурая.

Городецкий потер в раздумье щеку.

— Нет, этот мне не подходит. Я его видел в зале — у него тяжелая депрессия, по себе знаю. Потом я, как человек старых правил, ментам не доверяю — ни бывшим, ни даже люберецким. Ты мне найди кого-нибудь из наших, кто из зоны вернулся, сидел по серьезной статье, не баклан какой-нибудь, кому деньги позарез нужны, у кого дети голы-босы, семья голодает. Ему богатого пришлолять в радость будет. А план у меня разработан, нужен только исполнитель.

— Сколько ты готов заплатить? — уточнил по-деловому Хавтан.

— Десять тысяч, как принято сегодня, я консультировался, плюс еще пять тысяч за срочность. Будет выжимать еще две-три штуки, соглашайся, если человек серьезный.

— Хорошо, заметано, — хлопнул ладонью по столу хозяин ресторана. — Завтра до обеда сиди дома, он сам тебе позвонит, назовется, скажем, Жорой, пригласит куда-нибудь пообедать и договориться об очередной картежной игре. Место встречи назовешь сам. Лады?

Городецкий кивнул и поднялся с кресла. Уже направившись к двери, он неожиданно вернулся к столу.

М

— А ты, Леонид Андреич, прав: твой Самурай действительно представляет интерес. Может, на что и сгодится. Дай-ка мне его телефон, может, я его телохранителем возьму. Только предупреди, пусть с выпивкой завяжет, я сам редко пью и пьяниц не люблю, у них другая психология...

— Ну, вот и лады,— явно обрадовался Хавтан,— а то я расстроился, что ты недооценил моего человека. А в телохранители — это в самый раз... Ты не смотри, что он как медведь, я видел его в спортзале: пантера, гепард, удав. Жаль будет, если Самурай уйдет к другому хозяину.— На этом они и распрощались.

Покидая ресторан, Аргентинец внимательно осмотрел зал — вроде новых лиц не прибавилось. То же самое проделал на автостоянке — ни убыло, ни прибыло ни одной машины; обладая фотографической памятью, он мог поручиться за это. Осторожность никогда не мешает, тем более что Александр Михайлович — темная лошадка, и заниматься им вплотную, узнавать — кто он и какие силы за ним стоят, у Городецкого времени не было, а теперь, после разговора с Хавтаном, в этом и надобность отпала. Но действовать надо осторожно, чтобы Александр Михайлович, не дай бог, не раскусил его затею...

7

Но Аргентинец или переоценил свои возможности, или, наоборот, недооценил интуицию удачливого партнера. После того как Аргентинец нанес визит в гостиницу «Украина», Александр Михайлович почувствовал, что хозяин хаты на Кутузовском расставаться со своей квартирой ни при каких обстоятельствах не собирается, а четыреста тысяч ему в такой короткий срок не собрать — время шальных денег в Москве прошло. Значит, остается лишь один известный и хорошо отработанный в России вариант. Криминальные круги как-то сами собой пришли к убеждению, что проще убить кредитора, своего, так сказать, благодетеля, у которого вчера в ногах валялся, прося займы, чем возвращать ему долги. Оттого уже который год изо дня в день отстреливают в России банкиров и богатых людей.

По такому верному пути может пойти и Аргентинец, хотя репутация у него доселе по этой части была безупречной. Свои долги всегда возвращал в срок, а по отношению к проигравшим вел себя достойно, если не сказать благородно, московская молва хранила

о нем десяток подобных легенд. Впрочем, в том и состоит репутация каталы высокого полета. Но Александр Михайлович любил поговорку: береженого бог бережет, и за Аргентинцем был устроен жесткий догляд — поставили на прослушивание его телефон и организовали плотное наружное наблюдение, когда он выходил из дому. Так что постоялец гостиницы «Украина» хорошо знал, как у Аргентинца идут дела и почему он не появляется в Барвихе, он не ошибся в своем прогнозе: денег тот собрал чуть больше четверти от нужно-го, а значит, оставался один проторенный путь...

Поэтому, когда Александру Михайловичу доложили, что Аргентинец приехал в «Золотой петушок», тот велел «работать» тщательно и не светиться — с Хавтаном у жильца с шестого этажа были особые счета. По правде сказать, он несколько обеспокоился: не сошлись ли тут два интереса, — и срочно послал к ресторану свой «лендровер», начиненный сложной аппаратурой. Но записать разговор в кабинете директора не удалось. Откуда Александру Михайловичу было знать, что Слава Неделин по кличке Картье в свое время не только сделал Хавтану прослушивающее и просматривающее устройство, но и поставил дорогой защитный экран, потому люди Александра Михайловича остались с носом.

Наткнувшись на совершенную технику по защите стен от прослушивания, наблюдающие доложили об этом Александру Михайловичу, и хозяин «лендровера» велел всем возвращаться на Кутузовский, к дому Аргентинца, занять там исходные позиции и перейти на круглосуточное наблюдение — операция подходила к завершающему этапу. Человек, сорвавший куш в Барвихе, знал наверняка, зачем Аргентинец приехал к Хавтану, но ему важно было другое — кого нанял Городецкий и какой план они разработали, а главное, где предстоит охота на него: в гостинице, на улице, на трассе или в Барвихе? Если б Хавтан только знал, кого хочет убить Городецкий, он не стал бы искать заказного киллера, а сам бы достал из потайного места пистолет-автомат «айграм», который все-таки выкупил у Самурая, отправился на охоту за постояльцем гостиницы «Украина» и вряд ли потребовал бы с Аргентинца плату за свои «ритуальные услуги».

Впервые со дня проигрыша и аварии Городецкий спал спокойно. Решение принято, цель ясна, исполнитель есть, и он не терзался сомнениями. Оставалось главное, как и в картах — чтобы не подвела госпожа Удача, уж очень у нее капризный, непредсказуемый характер. Живя в волчьем мире, Аргентинец впервые ощутил

на своей шкуре гладиаторский закон: или ты, или тебя — и он вынужден был сделать свой выбор.

Ровно в одиннадцать часов позвонил человек, назвавшийся Жорой, и пригласил куда-нибудь пообедать, а заодно договориться о серьезной пульке на предстоящую субботу-воскресенье — в общем, Хавтан закутил карусель. Место встречи Аргентинец обдумал заранее, для этого лучше всего подходила оживленная в этот час Тверская, и он сказал:

— Хорошо, суббота у меня свободная. А насчет обеда не возражаете? Значит, встретимся через час у старого ресторана «Якорь» у Белорусского вокзала?.. Знаете? Я человек пунктуальный, у меня день расписан по минутам, пожалуйста, не опаздывайте.— И Аргентинец положил трубку. Все шло как по маслу, и он с удовольствием потер руки, кажется, сегодня госпожа Удача встала с любимой ноги.

Об авансе киллеру он не подумал ни вчера, ни с утра, а сейчас бросился к тайнику и тут же задумался: за срочность тоже причитается аванс? В конце концов, деньги вещь щепетильная, а киллеры, по слухам, народ страшно привередливый и капризный, как примадонны, вероятно, от избытка заказов и щедрого финансирования. Аргентинец на всякий случай сделал два свертка из стодолларовых купюр: в пять тысяч и в две с половиной тысячи. И сразу поспешил в гараж, выходить из автомобиля он не собирался, лишь на минуту тормознет перед рестораном и заберет исполнителя в машину. Тут, в «саабе», он получает инструкции и деньги, если, конечно, сговорятся.

Молодой человек, лет тридцати — тридцати пяти, в новомодном просторном кашемировом пальто с ярким шарфом, переминался с ноги на ногу у входа в «Якорь». Еще издали увидев его, Аргентинец недовольно подумал: «Если бы за мной был хвост, то не нужно быть семи пядей во лбу или заглядывать в анкету этого «джентльмена», чтобы понять, что парень имел ходку в зону и, возможно, не одну». Об этом убедительно говорили землистый цвет лица, жидкие посеченные волосы и манеры. Хотя он вроде и не демонстрировал их, а всего лишь пританцовывал на месте тощими ногами, обутыми в модные туфли на тонкой кожаной подошве, не рассчитанные на конец ноября, и время от времени резко зыркал по сторонам — жесты, повадки зоны он впитал навсегда, их никогда, ни под каким костюмом не скроешь. Выходило, что Хавтан прислал серьезного человека.

Аргентинец, как и наметил, подъехал ближе, приоткрыл дверцу и, высунувшись, негромко окликнул:

— Жора!

В мгновение ока, чего, наверное, делать не следовало, щеголь очутился в машине, и «сааб» рванул по Тверской.

Если бы Городецкий знал, что он как в воду глядел: люди Александра Михайловича, знавшие об этой встрече, еще до приезда Аргентинца вычислили киллера и сделали несколько его снимков, даже успели сообщить об этом шефу, от которого получили строжайший приказ не потерять киллера сегодня из виду, особенно после встречи с Городецким. Оттого за лихо рванувшим вперед белым «саабом» следом сорвались сразу три неприметные «Волги». Они, попеременно отрываясь вперед, повели машину заказчика, и сразу стало ясно, что Аргентинец повез наемного убийцу на место будущего преступления — в Барвиху.

Хавтановский щеголь представился в машине Борей и без разрешения закурил, чувствовалось, что он продрог. Погода и впрямь была отвратительная: сырая, промозглая, с ветерком, пахнувшим зимой и снегом. Словно читая мысли Аргентинца, молодой человек, попыхивая сигаретой, небрежно сказал:

— Погода нам в масть. В такую слякоть и холод вечером на улицах ни души, жуть как не люблю свидетелей.— Чувствовалось, что оживший Жора-Боря в тепле был не прочь прихвастнуть.

Городецкий, тоже не знавший, как приступить к делу — то ли с денег начать, то ли с объекта, то ли как-то прощупать исполнителя на предмет профпригодности,— ответил тому в тон:

— Ну, любишь не любишь, а иногда выбирать не приходится. Кстати, двое свидетелей у тебя уже есть...

Парень не сразу въехал, о каких свидетелях идет речь, и в машине на миг зависла короткая пауза, но потом до него дошло, и он от души расхохотался. Смеялся, запрокинув голову, искренне, и Аргентинец сразу почувствовал в нем азартного человека.

— Ну, вы даете, рассмешили, ей-богу. Вы не в счет, вы заказчики, а их не сдают — это одно из правил нашей профессии. К тому же, вы люди высокой масти, авторитеты. Вас заложить — значит подписать себе приговор. Выручить таких людей для меня святое дело. Я попаду — к кому пойду разбираться, помощи искать: к вам, к Хавтану. Оттого я все дела побоку, по первому звонку к вам, сказали — дело не терпит отлагательств...

— Да, что уж говорить, горит, Боря, синим пламенем,— поддакнул Аргентинец, уверенно обгоняя очередную «Волгу».

— Не волнуйтесь, если пуля решит ваши проблемы, мы ее выпустим точно в цель. А чтобы надежнее, с гарантией, можно и из калашникова дать пару очередей,— заверил Жора-Боря.

— Тебе нужна подробная информация, кого ты должен завалить? — перешел наконец к делу Городецкий.

— Нет, лишнее,— отмахнулся парень, стряхивая пепел за окно.— Я перестал быть любознательным после первой отсидки — такие знания укорачивают жизнь. Но на фотографию я бы глянул, если есть, конечно, чтобы не спутать и не сомневаться потом, что не того пришло. Хорошие деньги требуют качественного исполнения дела,— намекнул хваткий Боря об оплате, что облегчило для Городецкого дальнейший ход разговора.

Но это Аргентинец все-таки оставил напоследок и, вынув заранее заготовленную фотографию, протянул ее наемному убийце. Тот, глянув на цветной снимок, засмеялся:

— Да вы шутник. Тут трое мужиков, кого же из них мне отправить на тот свет? Всех, что ли? Тогда оплата совсем по другому тарифу. Группа, команда — это уже за сто штук тянет, даже для своих...

Тут уж рассмеялся Аргентинец:

— Ты не спеши всех-то сразу валить, посмотри внимательнее, может, кого и пожалеть надо.

— И то верно,— осклабился Боря, разглядев на снимке Аргентинца.— Но, все равно, еще двое остаются на фоне картины. Кого надо убрать-то?

— А это тебе экзамен, психологическая задача — вычисли, кого я тебе отдаю на заклятие,— с некоторой долей издевки сказал Городецкий.— Я даже загадал: попадешь в точку, значит, выгорит наша затея. Но если и не отгадаешь, то отступать поздно — не отменю операцию, хотя я человек очень суеверный...

На моментальном снимке, сделанном «Полароидом», они были засняты в тот роковой день проигрыша, когда хозяйка галереи «Зимний сад» затеяла у себя в Барвихе девичник, и Аргентинец впервые увидел все великолепие загородного дома: и оранжерею, и домашнюю галерею с великолепными картинами. Какая-то дама и засняла их там с Александром Михайловичем у очаровательного пейзажа «Осень в Подмоскovie», а третьим на фотографии был Альберт Янович. Возможно, Аргентинцу не следовало говорить о своей суеверности и о том, что он загадал, уж слишком серьезно киллер принял его откровения и надолго углубился в фотографию, на лбу у него даже

появилась испарина. Он всерьез посчитал, что должен вычислить, кого из этих двух джентльменов следует убрать, вроде бы от этого зависел его престиж. Аргентинец почувствовал это, но переиначивать ситуацию не стал, пусть поломают голову.

И вдруг щеголь со сбившимся на шее шарфом с волнением выпалил:

— Вот этого молодого человека лет тридцати — тридцати пяти, пониже ростом, славянина, — и показал на Александра Михайловича; потомок чекистов, стоящий рядом с ним, был похож на «лицо кавказской национальности» и за славянина никак сойти не мог.

— Молодец! — радостно выдохнул Городецкий, он не хотел, чтобы киллер ошибся, действительно был суверен. — Ну, раз отгадал, вникай в дело дальше, — теперь уже без шуток заговорил Аргентинец. — Мы уже на Рублевском шоссе, едем в Барвиху. Видишь, дорога свободна от ментов, президент находится в Германии с официальным визитом, — тут нам крепко повезло, иначе бы этот вариант исключался. Нет хозяина — не будут в Барвиху шляться всякие высокопоставленные господа, из-за которых трасса берется под особый контроль, поэтому ночью она будет освещена слабовато. У меня есть несколько вариантов операции, но перенапрягать я тебя не буду, остановимся на самом простом, а значит, и более надежном. Не выгорит, сорвется завтра — а завтра в катране большая игра и к тому же пятница, — будем отработывать другой план.

— Вам виднее. Я даже рад, что вы сами все продумали, а я, поверьте, не дрогну, не промахнусь... — вмешался хавтановский протеже.

— Есть вариант... — Аргентинец замялся, подыскивая нужное слово, все-таки он был картежник, а не бандит. — Ну, прямо в Барвихе... По ходу игры «объект» любит покурить на открытом балконе. Мы играем в бильярдной на третьем этаже, а напротив достраивается такой же четырехэтажный особняк, сейчас там работы законсервированы до весны. Можно оттуда, хоть с третьего, хоть с четвертого этажа, расстояние там не более сорока метров: хлопнуть его из снайперской винтовки с глушителем — это с гарантией, промазать на фоне освещенного балкона с такой близости невозможно. Но вырваться потом из поселка на машине — это лишний риск, чужую тачку обязательно приметят. По мне лучше устроить ловушку на трассе, тут достаточно крутых поворотов и мест, где сбрасывают скорость, поэтому есть возможность действовать наверняка, с контрольным выстрелом, а в нашем случае еще с одной необходимой процедурой...

— Какой? — нетерпеливо спросил вошедший в азарт киллер.

Только сейчас, по расширенным зрачкам, Аргентинец понял, что парень или курит травку, или, хуже того, сидит на игле.

— Надо будет облить труп нефтью, чтобы дать ментам наколку, за что, мол, наказали барыгу. Бутылку из-под «Херши», наполненную соляжкой, я привез, в багажнике.

— Знаю, слышал о такой традиции,— ответил спокойно посланец Хавтана.

— Сейчас, минут через пять, мы остановимся,— предупредил Городецкий, сбрасывая скорость.— Месяц назад я сам попал тут в аварию, но по божьей милости остался жив. Я думаю, что это гибельное место — для нас в самый раз. Посмотришь все сам — удобная позиция, крутой поворот, лес вплотную подступает к дороге, хочешь не хочешь — затормозишь, сбросишь скорость. И схорониться тебе есть где, и для машины я место приметил.

Через несколько минут они остановились на обочине и пошли не спеша к лесу. Аргентинец захотел еще раз посмотреть на место своей аварии. Когда они дошли до «жигулей», раскуроченных до самого остова, на Барвиху пронеслась одинокая серая «Волга». Сидевшие в ней люди усекли и белый «сааб», и две фигуры у самого леса. Нетрудно было догадаться, что именно здесь готовится засада на Александра Михайловича, тут же последовала команда идущим вслед машинам не ехать дальше, а поджидать «сааб» на въезде в город, в районе кольцевой дороги.

Киллер, уже живший предстоящей операцией, выбором места остался доволен. Однако, подумав, изрек:

— Думаю, ни автомата, ни контрольного выстрела не понадобится. Тут нужна надежная советская мина, надежнее не бывает, или противопехотная, или противотанковая.

— А я думал, обойдемся калашниковым, мина все-таки, на мой взгляд, стопроцентной гарантии не дает,— засомневался Аргентинец.

— Не скажите,— не согласился Жора-Боря.— Это смотря в каких руках. Мина, бомба как раз дают полную гарантию, оттого в Москве в последнее время валом пошли взрывы. Я, как специалист, предсказываю, что будущее за взрывами.

— Значит, надо искать минера? — обеспокоенно спросил Аргентинец,— такой расклад был ему явно не по душе.

— Зачем? — усмехнулся киллер и глянул на заказчика как на малое дитя.— Я сам Афган прошел «от и до», орден имею, сотни мин душманам ставил и сотни их разминировал, так что знаем, что почем...

— Ну, тогда другое дело,— повеселел Городецкий.— Мина так мина, профессионалу лучше знать.

— Но мину покупать надо, а такая, как нам нужна, надежная, безотказная, радиоуправляемая, тянет дороже, чем калашников,— охладил его пыл киллер Боря, явно не желавший тратить деньги из своего гонорара.

— О чем базар, я аван привез,— заверил Аргентинец, согласный теперь на все.

— Ну, тогда у меня только один вопрос,— энергично сказал исполнитель, наверное, он уже ощущал приятную тяжесть денег в кармане,— какая у него машина, и как мне не спутать ее с другими? Теперь иномарок развелось, как вшей в зоне, все богатеи на «мерседесах» разъезжают...

— Профессионал! Ценю тонкий подход к делу,— польстил парню Аргентинец.— Но в этом загвоздки не будет. Машина у него джип «лендровер», английская. Не в единственном числе, но в Москве их мало, как и «роллс-ройсов». А спутать не спутаешь.— Аргентинец широко улыбнулся.— Когда я был у него в гостинице «Украина», выходя, пристроил на автостоянке под заднее крыло его «лендровера» небольшой маячок, настроенный на определенную волну. Кстати, тоже английское изделие, я их штук десять когда-то приобрел, чтобы за должниками гоняться,— ты бы видел их лица, когда я их находил в самых неожиданных местах,— хохотнул Городецкий.— А эта, последняя, видишь, по более серьезному делу пригодилась. Когда джип появится в радиусе трех километров, вот на этой коробочке возникнут свечение и слабый зуммер, значит, машина приближается, тут уж не спутаешь,— и Аргентинец передал Боре вещицу, очень похожую на дешевую пластмассовую зажигалку.

— Вот бы мне такую штучку,— по-детски восхитился киллер.— Мне тоже иногда надо знать, кто возле меня ошивается.

— Сделаешь дело, десять штук от меня в подарок,— щедро пообещал Аргентинец — персонального киллера тоже иметь неплохо, время смутное, и впереди просвета на годы и годы не видать.

— Для меня все ясно, место идеальное, даже мину закапывать или маскировать не надо. Машины, въезжающие в кривую, вписываются по внутреннему радиусу, ближе к защитным ограждениям, я за них и положу ее,— сказал довольный афганец, когда они возвращались к застывшему на обочине «саабу».

В машине Аргентинец, вдруг спохватившись, озабоченно сказал:

— Не мешало бы тебе иметь сотовый телефон, чтобы в любой момент и в любой точке можно было с тобой связаться. Но это поправимо. Сей же момент заедем в «Билайн» и приобретем тебе такую игрушку.

— Обижаешь, начальник,— заулыбался киллер Боря.— Фирма веников не вяжет, а она у меня есть,— и вынул из-за пазухи радиотелефон,— фирма делает гробы. Поэтому и машина есть с подложными номерами, и документы выправлены как следует, вот только мины нет в арсенале, но к вечеру она у меня будет...

Теперь настал момент для денег, дальше тянуть не было смысла, и Городецкий спросил:

— Я привез половину суммы, оговоренной с Хавтаном, нормально?

— Плюс еще половину за срочность, значит, семь с половиной штук,— твердо сказал киллер, давая понять, что здесь он шутить не намерен.

— Все верно, такую сумму я и прихватил,— и Аргентинец передал ему обе пачки.

Боря внимательно пересчитал деньги и сказал:

— Я служил в Афганистане с узбеками, хорошие ребята, надежные. Так вот, оказывается, у них есть пословица: пересчитай деньги, даже если найдешь их на дороге. Мудрая пословица, она меня от многих неприятностей спасала.

— Теперь осталось согласовать самую малость,— подытожил Аргентинец.— Расписать завтрашний день, а точнее — ночь. Часов до десяти вечера ты свободен: отдыхай, отоспись, приведи в порядок машину, документы. Я позвоню тебе около одиннадцати и скажу одно слово — «пора». Это в том случае, если операция не откладывается, не срывается по не зависящим от нас обстоятельствам. После звонка ты сразу, не мешкая, выезжаешь на место действия. Кстати, оденься потеплее и попроще. Через час позвоню тебе еще раз, чтобы убедиться, что ты на месте. Услышав мой голос, ответишь: «Я вас не слышу, перезвоните». Это на всякий случай — там, в районе правительственной трассы, может работать радиоперехват, и они среагируют на любой подозрительный разговор. Ты сам оттуда никому не звони. Ждать придется и час, и два, но не больше, он обычно выезжает раньше других. Полагаю, к женщине, я слышал не раз, как он говорил по сотовому телефону: жди, обязательно приеду,— и вскоре бросал игру.

— Как мне доложить об исполнении боевого задания? — спросил бывший минер Советской армии.

— Это я тоже продумал. Нервишки будут шалить не только у тебя, но и у меня. Как только я получу подтверждение, что ты на исходной точке, я тут же отправлюсь в «Золотой петушок» — теперь он по пятницам и субботам работает как ночной ресторан. Там я тебя и подожду...

— В «Золотом петушке» и окончательный расчет? — поинтересовался Боря-киллер, видно было, что он не любит откладывать дела в долгий ящик.

— Да, там на месте, — подтвердил Городецкий. — Заодно и отметим успех нашего совместного предприятия. Годится?

— Вполне. Я думаю, мы все рассчитали верно. — Парень был спокоен, как будто все уже было позади, и это радовало старого каталу.

— Где тебя высадить? — спросил он, когда они уже ехали по городу.

— Тормозните у метро неожиданно. Тут вход прямо у дороги, я и нырну в подземку.

Так они и поступили. И люди Александра Михайловича, ехавшие следом, все-таки упустили киллера из виду — проворный оказался хлопчик.

8

Поездка к месту завтрашней засады на Рублевском шоссе заняла почти два часа, пора было и обедать. Хорошее расположение духа всегда прибавляло Аргентинцу аппетита, и он почему-то снова повернул на Тверскую, в «Якорь». Этот ресторан и прежде, несмотря на свою неказистость, славился кухней, и у него был постоянный круг клиентов, а сейчас, после реставрации, он стал еще лучше. Городецкий мог гарантировать, что это лучший рыбный ресторан столицы, а он рыбу любил, знал в ней толк. Настроение у старого игрока было куда лучше после общения с афганцем, чем все последние дни. Правда, первое впечатление было не в пользу минера, но понравилась его хватка, вопросы задавал дельные, толковые, а главное, он отличался верностью, надежностью. Городецкий-психолог хорошо знал людей и мог в этом поручиться. Жаль, что эти лучшие человеческие качества служили теперь дьяволу, но это уже судьба, и совсем другой и долгий разговор.

Обедал Городецкий в «Якоре» долго и обстоятельно, спешить ему было некуда, теперь от него мало что зависело — опять все упиралось в госпожу Удачу.

В тот вечер он лег раньше обычного и встал поздно. Жена со старшей дочерью звали его с собой на открытие какой-то выставки в известной галерее «Нескучный сад», которую держала энергичная, обладающая прекрасным вкусом Ирина Туманова, но Аргентинец отказался: ему почему-то казалось, что бывший афганец может позвонить и попросить о помощи, но звонка так и не последовало. Весь день он ломал голову, как бы выведать, будет ли сегодня в Барвихе Александр Михайлович, — о том, что сегодня там большая игра, он знал точно.

После десяти вечера, когда игроки уже обычно находились в бильярдной, Аргентинец позвонил в Барвиху. Трубку почему-то подняла хозяйка дома на втором этаже. Аргентинец представился, сказал ей несколько комплиментов — в тот день, когда она впервые продемонстрировала игрокам домашнюю галерею, Городецкий оказался наиболее осведомленным из них в живописи; особенно порадовало хозяйку, что он высоко оценил главную работу в ее коллекции — картину Эдуарда Шагеева.

Поговорив с ней минут десять, Аргентинец как бы невзначай спросил, прибыл ли сегодня на игру Альберт Янович: мол, надо с ним проконсультироваться по одному вопросу, и он, возможно, подъедет к ним через час. Хозяйка весело ответила: «Да, он здесь. Весь расфранченный, и, как всегда, вместе с Александром Михайловичем.

Я слышала, что они после полуночи отправляются в какой-то ночной клуб и подбивают в компанию других. Но это вряд ли им удастся, наши игроки карты на стриптиз не поменяют. Ни за что на свете...»

Все складывалось как нельзя лучше. Обрадованный Аргентинец, прежде чем дать команду афганцу, открыл бутылку шампанского «Крюг» и, подняв бокал, мысленно пожелал себе удачи и лишь затем позвонил по телефону. Услышав голос минера, сказал, не скрывая радости, условленное — «пора!». Потом стал потихоньку собираться в «Золотой петушок» — давно он не ходил в ночные рестораны... Поглядывая на часы, он незаметно допил бутылку французского шампанского. В половине двенадцатого он связался с Борей-киллером вторично и, услышав от него оговоренное: «Я вас не слышу, перезвоните», — положил трубку и отправился в хавтановский ресторан, окрыленный надеждой.

В «Золотом петушке» стоял шум, гвалт, разноязыкий говор — пол-зала иностранцев: немцев и японцев. Судя по броским театральным проспектам, лежавшим на каждом столике и у тех, и у других, приехали они после спектаклей с намерением продолжить «культурную программу». Гуляющих немцев Аргентинец видел не раз, они в этом смысле очень похожи на нас: шумны, заводятся с пол-оборота, не знают удержу и, не в пример иным европейцам, по-русски щедрь и сентиментальны. Японцев в такой массе, да еще в ночном ресторане, он никогда не видел, а те чинные обеды в советское время, когда они группами трапезничали в «Пекине», в счет не шли: и время было другое, и страна не та, и японцы теперь стали иные.

Тоглар после возвращения из Франции рассказывал, что в Париже во всех дорогих и знаменитых магазинах, где продают эксклюзивные вещи — будь то одежда или обувь, меха, аксессуары, ювелирные изделия и даже антиквариат,— до девяноста процентов покупателей японцы. А в бутиках Тьерри Мюглера, Кензо, Сони Рикель, Пако Рабана, Живанши иногда выстраиваются очереди сплошь из японок и японцев. И теперь Аргентинец смотрел на наших курильских соседей глазами Тоглара и видел, что все они изысканно одеты, и мужчины, и женщины, полыхают бриллиантами, сверкают дорогими часами и редчайшими изумрудами — богатая страна, богатые граждане.

Аргентинец хотел увидаться с Хавтаном и поблагодарить его за киллера и за помощь вообще, но хозяина в ресторане не оказалось; метрдотель объяснил, что Леонид Андреевич улетел с друзьями в Карелию поохотиться на кабанов, там уже, оказывается, недели две лежит снег.

С эстрады объявили, что через десять минут начинается программа варьете, в которой должна была принять участие и знаменитая группа «На-На». В зале приглушили яркий свет, и Аргентинец поспешил за столик в ту половину зала, где гуляли японцы, и сделал заказ на двоих: минер должен был появиться в разгар эстрадной программы, через час-полтора.

Обслужили Аргентинца без проволочек, чтобы не беспокоить клиента во время представления. Все закуски, над которыми колдовал Петрович, выглядели так привлекательно — тот всегда старался делать их с сюрпризом, с секретом,— что у Городецкого разыгрался аппетит, впрочем, это он связывал с приподнятым настроением. Он чувствовал, что на сей раз фортуна не должна отвернуться от него, и даже поймал себя на мысли, что всю дорогу к «Золотому петушку»

пытался что-то напевать и насвистывать — такого давно с ним не случилось. И в тот момент, когда в зале, погасив свет, зажгли лампы на столах и ярко вспыхнула огнями на возвышении эстрада, Аркадий Ильич налил стопку водочки кристалловского завода и, пожелав себе и минеру Боре удачи, с удовольствием выпил. Первая рюмка согрела душу, — то ли от великолепных и продуманных под водку закусок, то ли от настроения, но он уже давно не испытывал такого удовольствия и снова налил себе рюмочку.

Он не боялся сегодня выпиться, хотя и был за рулем. Хавтан оказался сущим гением, — может, оттого к нему валит народ, — он предложил посетителям услугу, возможно, первый в мире, жаль, что не запатентовал как ноу-хау. А услуга заключалась в следующем: любой клиент на машине, перебравший в «Золотом петушке», мог рассчитывать на профессионального водителя, который доставит хозяина на его машине прямо домой. Обычно в ресторане всегда дежурили подле швейцара два-три шофера, но если понадобится, он мог вызвать по телефону любого из состоявших у него на договоре. Такой сервис не додумался предложить ни один ресторан мира — ай да Хавтан, ай да «синий»! А еще говорят, что русские лишены коммерческой жилки. Помощью такого водителя и собирался сегодня воспользоваться Городецкий.

Уже вовсю шло представление, и время от времени Аркадий Ильич поднимал голову от тарелок и заглядывался на эстраду. Там старались: контрактная система и хавтановские порядки не давали возможности халтурить, рассчитывать только на заказы оркестру, тут тоже действовали гладиаторские правила: пой и пляши в полную силу, а не можешь — освободи место тому, кто сделает это лучше тебя. Впрочем, если бы Аргентинец получше был знаком с современной эстрадой или почаще смотрел телевизор, то сегодня узнал бы много примелькавшихся лиц: время быстро уравнило концертные и ресторанные подмостки — так, между прочим, заведено во всем мире.

Увлеченный то ли музыкой, то ли разносолами, Аргентинец на время забывал о киллере, бывший афганец должен был появиться с минуты на минуту, если, конечно, Александр Михайлович не задержался в Барвихе или не передумал посетить ночной клуб. За результат Городецкий не волновался, чувствовал, что за дело взялся профессионал — с миной ему и в самом деле было куда сподручнее, чем с автоматом.

В какой-то момент, когда он увлеченно вместе с японцами аплодировал молодой певице с прекрасно поставленным голосом очень

приятного тембра, Аргентинец почувствовал, что кто-то вроде бы подсел к нему с затемненной стороны. Полагая, что это наваждение от долгого ожидания афганца, он повернулся; чутье, нюх не подвели его — за столом сидел... улыбающийся Александр Михайлович.

— Вы кого-нибудь ждете, Аркадий Ильич? — ровным, любезным голосом, как обычно, спросил роковой картежный партнер.

Первое, что произошло молнией Аргентинца: подлец афганец — продал! Но он зря потревожил улетающую к небесам душу минера. Александр Михайлович явился в «Золотой петушок» по следам своих подручных, которые наблюдали за Аргентинцем до последнего момента и, как только он подъехал к ресторану, тут же доложили об этом в Барвиху. А Боря-киллер не сдал ни его, ни Хавтана, он ничуть не хватал, когда говорил, что они заказчиков не сдают. Еще вчера, после поездки Аргентинца с этим парнем к месту аварии «жигулей», люди Александра Михайловича вычислили предстоящий расклад событий. Нашли они и место, где киллеру удобнее всего будет схоронить машину, чтобы без хлопот выскочить на трассу и гнать в сторону города, подальше от взрыва. Там они ввечеру и устроили засаду.

Когда афганец, сообщив Городецкому, что он у цели и готов к операции, выходил из машины с радиоуправляемой миной, его вмиг скрутили сильные руки двух бывших особистов. Потом они долго били и пытали минера: кто заказал убийство и кого он должен был уничтожить? Но тот, не дававший присяги на верность ни Хавтану, ни Аргентинцу, не проронил ни слова. Время поджимало — все-таки рядом правительственная трасса, — и подручные Александра Михайловича, оглушив неудачливого киллера, бросили его в машину на заднее сиденье, а рядом положили заготовленную мину, предназначенную для их шефа. И, уже отъехав подальше, подорвали ее. Через день почти все российские газеты и телевизионные каналы сообщат, что на правительственной трассе неизвестный террорист, готовивший диверсию против высших должностных лиц государства, подорвался на собственной mine в тот момент, когда выходил из машины. Как ни крути, взрыв на Рублевском шоссе в ту ночь все же произошел, но какой...

— А кто ты такой, чтобы я перед тобой ответ держал? Кого надо, того и жду, — еще не очнувшись от транса, дерзко ответил Аргентинец. В этот момент он очень пожалел, что на столе нет тяжелого стеклянного графина с водкой или пивом, как бывало во времена его молодости. Сейчас бы хватил его по голове и в суматохе дал деру через

кухню на улицу — черный ход он знал. А в «Золотом петушке» народ работает тертый, ментам такой фотопортрет опишут, и, скорее всего, «лица кавказской национальности», что вовек не отыскать.

Оружие при себе Аргентинец не носил, держал в машине, а момент был для него исключительно благоприятный. В том, что операция провалилась и теперь он сам прижат к стене, а может, даже и приговорен, сомневаться не приходилось, и потому он был спокоен и готов огрызнуться перед смертью. Был у Городецкого еще один шанс: убивать его в «Золотом петушке» не станут — хорошо знают, кому принадлежит ресторан, — Хавтан тут же из-под земли достанет, репутация заведения — основа его успеха.

— А я думал, что вы нашего общего знакомого ждете, — небрежно бросил Александр Михайлович и выложил перед неудачливым партнером цветную фотографию молодого человека в светлом кашемировом пальто у входа в ресторан «Якорь».

Аргентинец и не подумал взять ее в руки или хотя бы наклониться к снимку. Видимо, почувствовав перемену в настроении Городецкого, незванный гость резко переменял тональность разговора:

— Ты, падла, хочешь знать, кто я такой? — И, приблизив к нему лицо вплотную, выдохнул, как по башке ошарашил: — Я — Македонский! Может, слышал? — и вновь легко откинулся тренированным телом на высокую спинку обтянутого тугой бычьей кожей стула.

В зале гремела музыка, слышался разноголосый гомон гостей, на эстраде вихлялась очередная примадонна. Но ничего этого Аргентинец не видел. Он даже не заметил, как знаменитый беглец из «Матросской тишины» плеснул водки в бокал, предназначенный для его убийцы, выпил одним махом, придвинул к себе тарелку с закуской. Аргентинец как-то враз обмяк, посерел, потерял дар речи и лишь минут через пять, очнувшись от ступора и перестав глотать воздух посиневшими губами, жалко вымолвил:

— Я же не знал!!!

— Незнание законов не избавляет от ответственности, кажется, так говорил прокурор на твоём первом суде, — зло подытожил Македонский. И тут же, налив Аргентинцу полный бокал водки, чтобы тот наконец пришел в себя, уже не так резко добавил: — Выпей и вытри соплю... Убивать тебя не собираюсь, живи и помни мое великодушие. Ты меня тоже многому научил, теперь крупный выигрыш в карты вряд ли мне будет доставлять удовольствие. К тому же, я не хочу лишать Москву живой картежной энциклопедии, но заруби на носу: ты

проиграл мне не только хату, но и жизнь, усек? А квартиру я у тебя заберу.— Он усмехнулся, заметив, как Аргентинец дернулся при этих словах.— Заберу, заберу... Послезавтра утром придешь в гостиницу с документами, и поедем переоформлять. Проиграл — умеи платить,— жестко говорил Македонский.— Я только сегодня узнал, что эту квартиру ты, оказывается, выиграл в секу. Нехорошо, брат, за чужую недвижимость так стойко держаться.— Македонский легко, пружинисто поднялся. На прощанье ткнул пальцем в фотографию киллера, все еще лежавшую на столе, сказал, как отрезал: — А на него зла не держи, не сдал ни тебя, ни того, кто вывел его на тебя, хотя я догадываюсь, кто он... Запомни еще одно: ты меня никогда не видел и не знаешь, как я выгляжу, особенно сейчас.— И знаменитый киллер, гроза авторитетов и банкиров, по-кошачьи вкрадчиво прошел по затемненной стороне вдоль стены и растворился в глубине зала.

После ухода человека, которого падкая на сенсации пресса называла даже санитаром нашего больного общества, Понтием Пилатом России, а то и Робин Гудом, Аргентинец, как ни странно, быстро пришел в себя. Теперь, когда он чудом остался жив, потеря квартиры уже не казалась ему трагедией. Действительно, потеряв голову, по волосам не плачут. Загулял он в ту ночь в «Золотом петушке» крепко, как не гулял никогда. Загудел не от души, когда кутеж в радость, а разошелся от черной тоски, когда нет покоя ни в тебе самом, ни вокруг. Через час-полтора после ухода Македонского он уже братался и с немцами, и с японцами, и вскоре те и другие соединились у него за столом. Объявилась у него в тот вечер и дама сердца — долговязая крашенная под блондинку немка, увешанная драгоценностями, словно новогодняя елка. По-русски она знала лишь одно слово — «карашо»! Впрочем, в ту ночь оно было в ее устах везде к месту — гуляли они поистине по-барски, по-купчески — карашо! Так, как об этом иностранцы читали в старых русских романах: шампанское лилось рекой, пели и плясали цыгане, и оркестр до утра играл по заказу Аргентинца.

Проснулся он утром от холода в своей машине на стоянке хавтановского ресторана. От денег, что принес он Боре-киллеру, в карманах осталось всего двести долларов. Аргентинец, стараясь припомнить подробности вчерашнего застолья, машинально глянул в зеркало заднего вида и не узнал себя — сатанинская ночь не прошла бесследно. Глаза глубоко ввалились, под ними появились мешки и тяжелая синь; скулы, поросшие жесткой щетиной, обострились как у мертве-

ца. Когда он попытался поправить прическу, заметил, как у него дрожат руки. Он вспомнил, что вчера окончательно проиграл квартиру и жизнь, и ему так жаль стало себя, семью, свой дом, что он заплакал навзрыд, как не плакал никогда с давних детских лет.

В таком подавленном состоянии он просидел в машине час, может, два, возвращаться домой в подобном состоянии физического и душевного разлада было нельзя — сегодня воскресенье, вся семья в сборе. Да и не хотелось возвращаться на Кутузовский, он не был готов к тому, чтобы сообщить домочадцам: не сегодня-завтра придется оставить эти роскошные апартаменты. Сегодня, даже с жуткого похмелья, он наконец уразумел, в какой тупик себя загнал, теперь и самоубийство, еще вчера спасительное для семьи, для дочерей, потеряло всякий смысл. Как говорится, поймали за руку: хотел убить того, кому проиграл, а это запахло, об этом любая шпана скажет. Впрочем, то, что он проиграл легендарному Македонскому, в миру Александру Солонику, наверное, и самоубийство не отмыло бы, тот своего никому не уступит. Выходит, как и говорил Хавтан, он действительно попал под паровоз.

Стоять у «Золотого петушка» было нелепо, и Аргентинец, немного очухавшись, поехал куда глаза глядят. Наверное, он отправился бы к Георгию-Эйнштейну, но тот снова сменил квартиру, и патрон не знал его нового адреса. И вдруг в усталом мозгу Городецкого мелькнуло имя старого кореша — Тоглар. После сегодняшней ночи они сравнялись с Фешиным в несчастье, и Аргентинец развернул машину на Кутузовский.

Городецкому повезло, Тоглар был дома и тут же на звонок открыл дверь. Но какие же разительные перемены произошли с ними с того дня, когда Аргентинец успокаивал своего друга, который извелся после побега своей жены Натальи. Они словно поменялись ролями, и вместо «здравствуй», как и в прошлый раз, прозвучало: «Что случилось? На тебе лица нет!» Только спрашивал на этот раз хозяин дома.

— Беда у меня, Костя, большая беда, — только и успел сказать Городецкий и от расшалившихся нервов снова заплакал, как и в машине.

Даже с похмелья Городецкий увидел, что Тоглар воспрянул духом, выглядит как прежде, спокойно и с достоинством, в доме снова чисто и уютно. Он даже подумал, может, Наталья, часом, вернулась, но быстро отринул эту мысль — просто Тоглар вышел из кризиса.

Как и в прошлый раз, Тоглар провел своего друга на кухню и, понимая, что тот нуждается в срочном «лечении», быстро накрыл стол

на двоих, решив составить Аргентинцу компанию. По-русски в одиночку не опохмеляются, нужна солидарная душа, ведь отходить надо не только физически, но и душой. Выпили по первой молча, вяло зажевав кусочком колбасы. Потом почти сразу и по второй, и только после этого Городецкого прорвало:

— Попал я, Костя, крепко попал. Хату проиграл, а теперь еще и жизнь...

Тоглар слушал молча, не перебивая, и лишь подливал по ходу печальной повести рюмку за рюмкой. Аргентинец поведал и о проигрыше в Барвихе, и о том, как нанял киллера, чтобы убить того, кому задолжал, даже свое желание уйти из жизни не скрыл. Рассказал и про Борю-киллера, которого уже нет в живых, и о Хавтане, подыскавшем ему надежного человека. Все в деталях, не спеша, только Александра Михайловича не назвал ни по фамилии, ни по кличке, просто сказал, что проиграл одному крутому человеку из молодых, которого Тоглар знать не может. Признался и в том, что целый месяц искал четыреста тысяч и не мог найти, как приходил и к нему за деньгами, но, увидев тогда Тоглара совершенно убитым, конечно, о проигрыше ничего не сказал.

— Когда у тебя стрелка назначена с ним? — деловито спросил Тоглар, выслушав историю Городецкого.

— Завтра утром. Я должен прийти к нему с документами, и мы поедем переоформлять квартиру.

— Ты не горюй, еще не вечер, — успокоил Фешин. — Мне кажется, я знаю, как сохранить твою квартиру. Ты должен всего четыреста тысяч? Мы их ему найдем. Дадим в два, в три раза больше, только пусть подождет недели две-три.

— Он уже не верит ни одному моему слову и потребует серьезные гарантии или залог, — заволновался Городецкий, надежда вновь забрезжила перед ним, хотя и верилось в нее с трудом.

— Ну, гарантии мы ему дадим, — заверил Тоглар. — Если мое имя для него ничего не значит, я попрошу Дантеса или Сапера, чтобы подтвердили мои гарантии. Впрочем, я могу под залог предложить ему свою хату, наверное, она его устроит.

— Ты что, совсем с ума сошел? Ты сам всю жизнь был бездомный, а теперь из-за меня ставишь ее на кон. Не надо, как-нибудь выкручусь, — ответил, трезвея, Аргентинец.

— Ты за меня не беспокойся и за хату не переживай, — впервые улыбнулся Тоглар. — Тут затевается одно дело, оно решит и твои, и мои

проблемы. Я ведь знаю, что значит квартира для тебя, да и для твоей семьи. А сейчас давай выпьем еще раз, и я расскажу тебе о своем плане, может, мне и твоя помощь понадобится.— И Тоглар предложил тост: — За дружбу, за друзей, за братьянов!

Выпили и стали закусывать жирной селедкой и соленьями с базара. Аргентинец оживился, почувствовав проблеск надежды, он знал, что Тоглар слов на ветер не бросает. «Не зря же я сюда сердцем, душой тянулся. А может, божья рука меня к нему направила?» — даже как-то суеверно подумал Городецкий, готовый выслушать любое предложение хозяина дома. Тоглар сразу и перешел к делу.

— Чтобы ты приободрился, взял себя в руки и поверил, что твоя проблема разрешима, я открою тебе одну важную и опасную тайну.— Тоглар испытующе смотрел на Городецкого, и тот кивнул, что он — весь внимание.— Так вот, «чехи» выкрали меня не для того, чтобы я подделывал гарантии солидных банков и изготавливал нужные бумаги за подписью первых лиц государства и крупных компаний, хотя я и это делал, когда надо было. Задача передо мной была поставлена другая... Учти, Аркаша, это я открываю тебе одному... Я должен был сделать идентичный по всем параметрам доллар.

Условия были созданы для этого первоклассные: я получал все, что запрашивал, вплоть до консультаций нужных мне ученых и участия в моих экспериментах лучших лабораторий. Признаюсь, мне даже польстило такое предложение: я — против могучей финансовой империи США. Мне давно хотелось как-нибудь напакостить американцам по большому счету — за стремление переделать весь мир на свой лад и мерить все своим аршином, а точнее, долларом. В этом, не скрою, была моя личная корысть. И ты знаешь, мне это удалось! Когда в Ростове я сказал тебе, что увел у «чехов» казну, я не соврал, но я взял деньги, которые сам же и изготовил, и унес столько, сколько смог!

— Но это же фальшивые деньги! — вконец отрезвев, разочарованно произнес Городецкий — надежда, поманив его пальцем, глупо хихикнув, упорхнула вновь.

— Так-то оно так, да не совсем. Вот уже больше года я трачу эти деньги по всему миру. Да и «чехи» повсюду ими расплачиваются, мешками в банки завозят, и ни одного прокола. Я сделал такие, какие от меня требовали,— настоящие, их называют супербанкнотами.

— Ну, ты даешь! Действительно художник! Вот это класс! Утер все-таки нос этим спесивым янки, я рад, поздравляю! — и Аргентинец от души пожал руку Тоглару.

— Я человек умеренных запросов,— продолжал Тоглар,— того, что вывез из Чечни, должно было хватить до конца жизни, но женитьба внесла коррективы в мои планы. Как я горевал, ты видел. Долго на судьбу обижаться не мужское дело, надо жить дальше, ведь теперь у меня появился интерес, дело для души и сердца — живопись. Но все мои планы, чего ни коснись, требуют денег, и я решил еще раз тряхнуть стариной.

— Ты хочешь снова печатать деньги? — испуганно спросил Аргентинец, ему вовсе не улыбалось прыгнуть из огня да в полымя.

— Нет, что ты,— рассмеялся Тоглар,— на это ушло три года и миллионы долларов, не считая покровительства чеченского государства. Снова мне такого дела не поднять. Кроме того, кураж весь вышел, интерес пропал, а без этого браться бесполезно, да и зачем, мне ведь много не надо. Я решил прогуляться в Чечню, навеститься по старым адресам и взять часть того, что мне причитается. Уже недели две вплотную этим занимаюсь, кажется, обмозговал все до мелочей, и время на меня работает, говорят, со дня на день война с Чечней начнется.

— Это точно,— прервал его взволнованный Аргентинец.— Я ведь в Барвихе в последнее время катаю, а там высокие чиновники только об этом и талдычат, да еще те, кто уже успел нажиться на этом...

— На носу Новый год,— как о давно решенном продолжил Тоглар,— это время для меня самое подходящее, но с войной было бы удобнее — получилось бы под шумок. Мне нужно побыть там день, от силы полтора дня. Все должно произойти быстро, неожиданно и, конечно, все надо тщательно организовать.

— Я пойду с тобой,— по-молодецки азартно выпалил Аргентинец и приосанился, готовый сейчас на любые подвиги.

Тут серьезно говоривший Тоглар не выдержал и от души расхохотался:

— Ах, Аркадий, ты бы посмотрел на себя в зеркало. Все, поезд ушел, отходили мы свое. Я иду от безысходности, мне никто ничего на блюдечке не принесет. Нет, ты уж дома оставайся, но помочь ты мне можешь.

— Как? — теперь растерянно спросил Аргентинец.

— Я все продумал, рассчитал, но один я не справлюсь. Мне нужны еще два-три человека, но гораздо моложе меня, бывшие десантники, спортсмены, хорошо знающие оружие и ведающие, на что идут.

А главное, чтобы можно было им доверять или как-нибудь контролировать их, от таких сумм у кого хочешь голова может пойти кругом. Деньги — большое испытание для души.

— Впрочем, до поры до времени в то, что именно ты намерен выкрасть, их можно и не посвящать,— подсказал Городецкий, он уже вживался в роль помощника, которую определил ему Тоглар.

— Резонно, вполне резонно,— согласился хозяин.— Тем более что деньги хранятся в специально изготовленных упаковках, по два миллиона долларов в каждой, и внешне похожи на пачки разных бланков бухгалтерской отчетности. Хорошо обвязаны, под тонкой прозрачной пленкой. Даже взяв в руки, не сразу поймешь, что это контейнер-тайник, над ним тоже бились с год очень умные люди.

— Ну, Наталья-то твоя разобралась гораздо быстрее этих мозгокрутов,— съязвил повеселевший Городецкий.

— Да, но она прежде вычислила, что деньги где-то есть в доме. А помощь твоя нужна вот в чем,— продолжил Тоглар, не обращая внимания на колкость Аргентинца,— ты знаешь, кто есть кто на сегодняшний день, ты и подбери мне команду. Не получится, пойдём к Хавтану, у него есть свои люди, попросим его помощи. Поскольку ты остаешься в Москве, ты должен быть гарантом моей безопасности в случае удачи, а для этого у тебя на руках должны быть все данные о тех, с кем я иду.— Тоглар замолчал на минуту, видимо, обдумывая еще какие-то детали, касающиеся участия Городецкого в операции.

— У меня есть сорок пять тысяч, я хочу отдать их тебе на подготовку твоего марш-броска,— вывел его из задумчивости Аргентинец.

— Спасибо, они мне очень кстати,— поблагодарил Тоглар, понимая, что приятель предлагает последнее.— Но я тоже не пустой: перед самым побегом...— он споткнулся на слове,— моей жены я дал Эйнштейну сто тысяч на какую-то важную игру, уж очень он просил, убеждал, что чувствует фарт. Потом он надолго куда-то пропал и буквально после твоего прихода вдруг заявляется и приносит сто пятьдесят тысяч, говорит, это, мол, моя доля, признался, что крупно выиграл. Значит, Бог — есть, на эти деньги я и готовлюсь. Но придется отстегнуть хотя бы по двадцать тысяч аванса тем, кто пойдет со мной, так что и твои бабки не будут лишними...

Просидели они, обсуждая детали предстоящей операции, еще часа два. Аргентинец оживал с каждой минутой, он поверил, что судьба и на этот раз смилостивится над ним, сохранит его дом, не даст разорить семейное гнездо. За это время Аргентинец неод-

нократно набивался в поход вместе с Тогларом, но тот каждый раз его отговаривал и отсылал к зеркалу. После очередного отказа Городецкий не выдержал и пошел в коридор к высокому, в человеческий рост, зеркалу в старинной венецианской раме. Оттуда вдруг раздался смех, а затем жалкое признание:

— Да, ты, Костя, наверное, прав, не гожусь я для вылазки в Чечню, — после чего Городецкий перестал настаивать на месте в команде.

Тоглару надо было по своим делам съездить в загородный дом в Переделкино, и ближе к обеду они расстались. Городецкий тоже поспешил домой, но теперь он возвращался к себе в другом настроении — гроза, кажется, миновала.

9

Утром в понедельник Аргентинец психологически был готов к встрече с Македонским. То, что он мог предложить и двойную, и тройную сумму за проигрыш, придавало ему уверенности, да и люди, готовые стать его гарантами, имели вес в обществе, и беглец из «Матросской тишины» не мог этого не знать. Поехал он к Македонскому на «саабе», потому что уже пережег свой страх и после встречи хотел вплотную заняться делами Тоглара. Время и обстоятельства поджимали, Новый год на носу, а в случае удачи, как планировал Тоглар, 31-го он мог быть уже в Ростове с добычей. Тогда для них с Тогларом с нового года начался бы новый отсчет жизни, и кошмар с проигрышем и Натальиной кражей был бы позади.

Сейчас Аргентинец выглядел уверенно и спокойно, но это была не уверенность трезвого ума, а скорее эйфория от поддержки, что оказал ему Тоглар, заручившись благосклонностью своих влиятельных друзей, потому старый катала не контролировал четко ни своих слов и жестов, ни того, какие маневры пытался совершить Македонский. Не будь он в такой эйфории, Аргентинец заметил бы тех, кто повел его от автостоянки до входа, и вычислил того, кто вроде дожидался лифта на шестом этаже, а на самом деле страховал встречу. Но свобода, радость, что он избежал петли, пьянили его, туманили разум, и жизнь виделась ему уже без капканов и ловушек, в ярком свете тех астрономических сумм, что в скором времени раздобудет его друг Тоглар.

Македонский, как и в прошлый раз, находился в номере один. Но сегодня хозяин номера встретил гостя менее любезно и без накры-

того стола, однако Городецкий не огорчился — рассиживаться тут он не собирался. Предложив жестом Аргентинцу занять кресло, Македонский сразу взял быка за рога:

— Принес документы?

— Нет,— твердо и даже как-то по-мальчишески залихватски ответил Городецкий, глядя прямо в глаза киллеру номер один, как иногда называла пресса Македонского после его таинственного побега из «Матросской тишины».

— Почему? — не сумел скрыть удивления Македонский.— Значит, ты принес деньги?

— Нет, и денег я не принес, но готов через две недели вернуть миллион.

Македонский, что-то обдумывая, прошелся по комнате.

— У тебя есть залог? — Македонский знал, что такой авторитетный катала, как Городецкий, еще имеет право на отсрочку долга, хотя он сам уже давно не признавал ни воровских, ни государственных законов и не чтит никаких авторитетов, он жил по библейской заповеди: не сотвори себе кумира.

— Есть у меня и залог, и гарантии,— небрежно бросил Аргентинец, закинув ногу на ногу и постукивая пальцами по ручке кресла.

— Меня больше устроил бы залог,— сказал Македонский, не переставая вышагивать по номеру.

— Залог — точно такая же квартира на Кутузовском, только гораздо интереснее, перепланированная и отремонтированная.

— Кто хозяин и почему он отдает под твой залог свою хату? — быстро, как на допросе, среагировал Македонский.

— Тебе, наверное, этого не понять... Это мой старый друг, кликуха Тоглар, может, слышал? — еще небрежнее сказал по-глупому заважничавший Аргентинец.

— Тоглар? — Македонский резко остановился, будто напоролся на преграду, видно было, что он и не пытается скрыть изумления.— Разве он не погиб четыре года назад в автомобильной катастрофе?

— Нет, слава богу, он жив,— счастливо выдохнул Городецкий.— Хотя похороны ему кое-кто тогда организовал, это точно. Могила и по сей день на Востряковском кладбище есть...

— Ну и дела! — Хозяин кабинета обрел прежний невозмутимый вид.— Я тоже рад, что такой человек остался жив. Значит, суждена ему долгая судьба,— и тут же, не давая гостю опомниться, попытался выудить, кто же стоит за Городецким: — Ну, а гарантии чьи будут?

— Хотя бы того же Тоглара, а если этого мало,— Дантеса, Васи Головачева, кликуха Сапер, Шамана,— сблефовал под конец потерявший голову от успеха Аргентинец.

— Серьезные люди, серьезные...— Македонский отошел к окну и опять задумался.— Ты ведь знаешь, я живу по своим законам и воровских не чту. Но тут особый случай, не хочу из-за тебя всех «синих» против себя восстанавливать. Но от тебя я гарантии не приму, ты свой ресурс доверия исчерпал.— Аргентинец возмущенно дернулся в кресле, но хозяин остановил его жестом руки.— Пусть в течение завтрашнего дня позвонит мне кто-нибудь из тех, кого ты назвал, сам и поручится за твои гарантии.

— Нет базара, будет завтра звонок,— сказал Аргентинец, вставая и считая, что важный для него разговор успешно закончен.

И тут Македонский, как бы сомневаясь, задал еще один, вполне невинный вопрос:

— Почему Тоглар так легко ручается своей квартирой? Ведь найти миллион за две недели непросто, ты вот не мог сыскать даже четыреста тысяч за целый месяц?

Тут Аргентинцу, будь он внимательнее и собраннее, следовало бы уклониться от ответа, ибо все было решено, но он вдруг, не думав, радостно брякнул:

— Не бойсь, найдем... Через несколько дней он стогнет в Чечню, потряхнет там кое-кого по старой памяти, и с деньгами не будет проблем...

Македонский, словно компьютер, молниеносно просчитавший ситуацию, понял, что легендарный Тоглар по мелочам в опасную Чечню не сунется, и есть смысл узнать, что это за деньги, если ему так щедро сулят из них миллион вместо четырехсот тысяч. Внезапно он перекрыл Городецкому путь к дверям и спокойно сказал:

— Не спеши, Аркадий Ильич. Ну-ка, садись и расскажи подробнее, какие деньги ждут Тоглара в Чечне?

Городецкий в запале уже хотел послать Македонского куда-нибудь подальше, но вдруг осекся под взглядом резко преобразившихся серо-стальных глаз, а тот, почему-то перейдя на шепот, от которого у Аргентинца вмиг заледенела спина, напомнил:

— Ты забыл одну существенную деталь: ты проиграл мне не только хату, но и жизнь, но если хочешь выйти отсюда живым, расскажи подробнее о планах Тоглара. Они, кажется, и для меня представляют интерес...

Городецкий, поняв, что попал в ловушку, оттолкнул Македонского и кинулся к незапертой двери, но ловкая подсечка хозяина номера сбила его с ног. Когда он поднял голову, над ним, рядом с Македонским, стоял еще один молодчик, и было ясно, что живым отсюда действительно не выберешься.

Продержался Аргентинец всего четыре часа, и к вечеру он сломался. Уходил он от Македонского как побитая собака, дав слово держать его в курсе всех событий, касающихся вылазки Тоглара в Чечню.

ГЛАВА 16. ТРОЙНОЙ ОБГОН

Карлен Татлян после возвращения из Парижа резко преобразился, главной причиной тому стали деньги, что удалось ему неожиданно заполучить у жены Тоглара. Конечно, он не собирался тратить их так безрассудно, как его друзья гангстеры с четвертого этажа, хотя деньги эти ему дались даже легче, чем Абреку с Крисом в Лондоне. В Карлене проснулся типичный американец, который считает каждую копейку, даже если он и не беден. Он сам обратил внимание на то, что, когда пользовался деньгами из бездонного саквояжа братьев Цуцаевых, тратил их щедро, с размахом, даже порой с кавказским шиком. Но со своими деньгами, которых было гораздо больше, расставаться так легко не хотелось, он корил себя за это, но поделаться с собой ничего не мог. Даже Оля заметила в нем неожиданную перемену, но она по-женски объяснила себе появившуюся у жениха скупость тем, что он собирается жениться, знает, что семья требует денег.

Еще в салоне самолета «Эр-Франс», возвращаясь с победой из Парижа, Карлен подумал, а не сыграть ли свадьбу с Оленькой на Новый год, но в последний момент передумал, понимал, что дело Тоглара важнее и не терпит отлагательств, и позже похвалил себя за сдержан-

ность, иначе, если сначала объявил бы, а затем отложил дату венчания, у невесты испортилось бы настроение. Откладывать назначенную свадьбу — все-таки дурная примета. Но в том, что у Карлена серьезные намерения, не сомневалась ни сама Ольга, ни ее родители: какие наряды он привез ей из Парижа, какие украшения, а свадебное платье — просто закачаешься! Оля часто запиралась по вечерам у себя в комнате, надевала его и часами сидела у зеркала, оно ей нравилось все больше и больше. Куда более весомый подарок, подтверждающий серьезность его намерений, он сделал через неделю после Парижа.

В этом районе, на улице Ямского Поля, рядом с родителями невесты, заканчивались отделочные работы в девятиэтажном кирпичном доме, тоже с пентхаусом, подземными гаражами, спортзалом и бассейном, с охраной не только дома, но и территории — в общем, дом был рассчитан на очень состоятельных граждан, и квадратный метр в нем стоил около пяти тысяч долларов. Квартиры свободно продавались, и Карлен смекнул, что ему опять выпала удача. Иметь квартиру рядом с родителями невесты — большое удобство: пойдут дети, будет к кому отводить, да и район ему нравился, он уже привык к нему. И он решил, не мешкая, купить четырехкомнатную квартиру на имя жены, поставив в известность об этом Ольгу и ее родителей. То-то было переполоху в доме Харитоновых — судьба дочери решалась так быстро и счастливо!

Карлен попросил лишь об одном, чтобы его не беспокоили по этому поводу недели три, уж слишком он занят до Нового года, чтобы сами все отбирали, осматривали, оформляли, а деньги он готов уплатить в любой день и час. Не возражал он и против персональной отделки квартиры по каталогам, как гласило заманчивое объявление.

А времени у Татяна действительно было в обрез — события в Москве развивались странным образом. Наталья не обманула: человек по фамилии Фешин, Константин Николаевич, в самом деле проживал по указанному адресу на Кутузовском, и это был тот самый жених, чью свадьбу Карлен некогда, в прекрасный августовский день, заснял у «Пекина».

Телефоном Тоглар пользовался крайне редко, и ему звонили не часто, да и то одни и те же люди: картежник Аргентинец и некий щеголь по имени Георгий. Вот его-то Карлен частенько встречал на всяких тусовках, и кто-то даже обронил, что Георгий большой специалист по балету. Однажды Карлен просидел в машине у подъезда Тоглара четыре с половиной часа — он поставил себе в тот день за-

дачу непременно увидеть хозяина, усвоить распорядок его дня, а если удастся, и на гостей его глянуть. По всем статьям выходило, что Тоглар жил затворником, даже отшельником.

В тот день «гравер» вышел из дому в обеденное время, и Карлен подумал, что он поедет куда-нибудь обедать, но тот заглянул по соседству в гастроном «Украина» и купил две бутылки армянского коньяка в фигурных бутылках из хрусталя, подтверждающих подлинность напитка. Карлен зашел вслед за ним в магазин и увидел легендарного Тоглара вблизи. Чувствовалось, что «гравер» не первый день в запое, видимо, сильно переживал историю с побегом жены или не мог перенести ее подлой кражи, которая привела его к финансовому краху. Однако, судя по тому, что Карлен знал о чистоделе, тот вовсе не был похож на сентиментального слюнтяя, убивающегося из-за воровки-жены, значит, догадка насчет финансового краха более верная. Эта мимолетная встреча с «гравером» в гастрономе натолкнула Карлена на мысль, что станок для печатания фальшивых долларов, возможно, не принадлежит Фешину и, скорее всего, находится не в Москве, ведь напечатать пять или даже десять миллионов долларов на отлаженной технике, чтобы развеять грусть и печаль, — работа двух дней.

Однажды Карлен дожидался «гравера» с утра... Судя по тому, как разительно отличался этот Тоглар от того, что покупал армянский коньяк в гостинице «Украина» несколько дней назад, запой у него прошел. От Тоглара в то утро даже на расстоянии исходила энергия: и держался он иначе, и выглядел гораздо моложе, и одет был изысканно — прикид из «Ягуар-стиля» спутать ни с чем невозможно. Карлен сам там впервые по-настоящему прибарахлился на деньги своих приятелей. В таком виде, в такой форме Тоглар вполне походил на фальшивомонетчика высокого класса — были в нем стать, манеры человека из этого сословия. И даже эти мелкие, несущественные на первый взгляд, детали говорили, что Карлен наконец-то вышел на прямой след.

Когда Тоглар вывел из гаража свой «порше» и направился за город, сердце Карлена от радости екнуло, он решил, что «гравер» поехал на подпольный монетный двор, и рванул следом. Когда они въехали друг за другом в Переделкино, Карлен подумал, что если печатный станок находится здесь, то лучшего и безопаснейшего места придумать было просто нельзя, и вновь восхитился Тогларом.

Подкатив к двухэтажному особняку за высоким деревянным забором, Тоглар въехал во двор и надолго исчез в доме. У Карлена

машина была напичкана всевозможными приборами шпионского свойства, и перво-наперво он попытался определить, есть ли в доме кто еще — разговор можно было легко прослушать. Но Тоглар в особняке был один: он ясно слышал его шаги, какой-то стук и даже уловил мелодию, которую «гравер» пытался насвистывать,— судя по всему, медведь с его ушами дела не имел. Карлен ожидал, что через час-полтора где-нибудь в подвальном отсеке загородного дома заработает печатный станок,— и это он мог с уверенностью зафиксировать, потому что такой агрегат потребляет огромное количество электроэнергии, и он эту разительную перемену в сети засек бы сразу. Но прошел час, два, а умный прибор не подавал никаких признаков жизни. Тогда Карлен отъехал подальше и, заметив безлюдную стройку — окна второго этажа особняка Тоглара выходили как раз на недостроенную виллу,— поднялся на второй этаж и стал осматривать в мощный бинокль дом, в котором исчез «гравер». Карлен сразу наткнулся на Тоглара: тот стоял в большой прекрасно освещенной комнате у мольберта и самозабвенно рисовал. Татлян даже видел, как он что-то с увлечением напевал или насвистывал. Что ж, на этом наблюдение можно было пока закончить...

Но в тот же день поздно вечером Карлен снова вернулся в Переделкино: его не оставляла мысль, что подпольный монетный двор все же находится в подвале особняка. Прежде чем ехать, Карлен-Норман позвонил Тоглару на Кутузовский и, убедившись, что тот дома, быстро рванул в писательский городок. Погода, холодный осенний ливень и кромешная тьма самых коротких суток в году — все благоприятствовало тайному визиту в пустой загородный дом. В разведшколе их научили многому, и любой домушник, квартирный вор позавидовал бы способностям Карлена. В особняк он проник без труда, пробыл там почти два часа, время от времени названивая Тоглару на Кутузовский по сотовому телефону и убеждаясь, что хозяин дачи находится в тепле и уюте своего сталинского дома.

В то, что печатного станка здесь нет и не было, он поверил скоро, все оставшееся время он упорно искал тайники, где могли быть спрятаны деньги или какие-нибудь бесценные клише для печатания долларов, но и в этом ему не повезло. Зато с полчаса он с удовольствием пробыл в мастерской, осмотрел работы, обозначенные размашистой подписью «К. Фешин»,— чувствовались твердая рука, зоркий глаз и обостренное чувство цвета, он бы сам с удовольствием приобрел работы знаменитого «гравера». В разведке, как и в науке, существует

понятие «отрицательный результат», ему порою рады не меньше, чем положительному исходу, но Карлен был явно разочарован. Уходя, он на всякий случай навтыкал кругом «жучки» для прослушивания, словно чувствовал, что тут грядут важные события.

Более ясная картина вырисовывалась после прослушивания телефона Аргентинца, близкого друга и соратника Тоглара. Тот, оказывается, крупно проигрался и метался по Москве в поисках денег — Городецкому нужно было добыть аж четыреста тысяч. Если бы станок у Тоглара был бы под рукой, то какие проблемы: поработай два-три часа и выручи кореша. Отчаянное положение Аргентинца косвенно подтверждало, что ни денег, ни станка у Тоглара под рукой нет.

Иногда Карлена так и подмывало посвятить в свои планы друзей-гангстеров с четвертого этажа, разработать с ними план и выкрасть Тоглара, чтобы выжать из него все тайны, связанные с фальшивыми долларами. Но благоразумие брало верх, внутренний голос шептал ему: «Не спеши, ты вышел на самого «гравера», жди терпеливо своего часа. Рано или поздно Тоглар пойдет к своему станку или к своим хозяевам, а может, компаньонам, если таковые есть, и будет просить или попытается отнять то, на что имеет право». «Граверы» никогда не меняют профессии и, как правило, они люди жесткие. Таким в последний раз и показался ему Фешин.

Конечно, в такой ситуации Карлену было не до свадьбы, тем более не до квартиры, которую уже облюбовали тещь с тещей и Оленька и теперь занимались ее оформлением. Деньги, ровно шестьсот тысяч долларов, он занес в освободившемся дорожном саквояже братьев Цуцаевых. Сейчас, после внезапно приваливших шальных денег из Парижа, которых ему должно было хватить на первое время, Карлен иногда подумывал: а не сдать ли Тоглара властям? В этом случае резко подскочил бы его авторитет на службе, а это значит уважение, более высокое звание, да и в историю приятно было попасть: «граверов» в мире единицы, и удачливых ловцов столько же, так, в связке, они и остаются в документах и в памяти, а тут речь шла о «гравере», изготовившем супербанкнот! Одни мемуары, выпусти он их после замены стодолларовых купюр, могли бы принести славу и миллионы, тут было о чем подумать. Но всегда в таких случаях ему вспоминался ранее нелюбимый Париж — какая, оказывается, жизнь открывалась там человеку с деньгами! И эту жизнь он хотел показать своей суженой Оле, он мечтал положить к ее ногам сказочный Париж, а для этого нужны миллионы и миллионы, теперь-то он это знал.

Нетерпение Карлена было так велико, что он уже не удовлетворялся возможностью на дому прослушивать телефоны Тоглара и его друга Аргентинца, а перенес прослушивающее устройство к себе в машину и часто подолгу караулил у дома Тоглара, словно мог не поспеть за ним после какого-нибудь экстренного сообщения или вызова. И однажды его упорство было вознаграждено. Поутру, когда он стоял невдалеке от шикарного подъезда Тоглара, удалось перехватить телефонный звонок Аргентинца.

Видимо, разговор носил тайный характер, и Аргентинец по привычке что-то недоговаривал, но суть беседы, несмотря на недомолвки, была ясна не только Тоглару, но и Татляну. Карлену, слушавшему этот разговор, невольно хотелось дать совет таким бывалым людям, как Тоглар и Городецкий: да поставьте вы на свои телефоны скремблеры, это избавит вас от многих несчастий.

Аргентинец после приветствия сказал:

— Я нашел ребят, которые готовы пойти с тобой к «чехам». Оба соответствуют твоим требованиям: спецназ, прекрасная подготовка, молоды, с высшим образованием. Один работал несколько лет в особых подразделениях МВД, знает нынешние ментовские порядки.

— Почему двое?..— перебил вдруг Тоглар.

— Пока двое, они вместе служили. Третьего подберут завтра, выбор есть. Я назвал условия,— продолжал Аргентинец,— по двадцать тысяч аванса, а по возвращении, в случае успеха, по «лимону» каждому. В чем состоит их задача, я не распространялся, да и они пока не особо интересовались. Здесь тебе карты в руки. Когда мне назначить стрелку от твоего имени и где?

Тоглар обдумывал недолго:

— Послезавтра. Думаю, у меня дома не стоит, лучше на даче в Переделкино. Ты привези их ближе к вечеру, часам к пяти, сейчас рано темнеет.— И разговор оборвался.

Карлен-Норман сидел как оглушенный, он вызнал то, что хотел. Тоглар собирал команду, чтобы отправиться к каким-то чехам. Но сколько бы Карлен ни выуживал из памяти хоть какое-то сообщение о фальшивомонетчиках в Чехии, ничего такого припомнить не мог. И вдруг его осенило: он тут же набрал номер телефона Абрека и, услышав его голос, спросил:

— Абрек, выручай... что может означать на жаргоне выражение: «нанесем визит чехам»? Это в Чехию или Словакию?

Абрек вначале рассмеялся, а потом с тревогой спросил:

— Ты влип в какую-нибудь историю с чеченцами?

— При чем тут чеченцы? Я о чехах спрашиваю,— уточнил Карлен.— И никуда я не влип.

— Ну, слава богу,— облегченно вздохнул Абрек,— они сейчас в Москве в силе. А «чехи» на жаргоне и означает — чеченцы.

— Ах, вот оно что! Спасибо! — удивился Карлен и оборвал разговор.

Выходит, его давнее предположение, что подпольный монетный двор России находится на территории Чечни, было верным, и туда-то Тоглар, кажется, намерен нагрянуть с бандой.

2

Герман Кольцов переживал не лучшие времена — казалось, все шло под откос. Гнома, бухгалтера банды Шкабары, он уже не искал, хотя знал, что Хавтан до сих пор не потерял надежду найти этого таинственного Звонарева-Гнома и даже объявил о крупной сумме вознаграждения тому, кто наведет на его след. Конечно, если бы Хавтану удалось заполучить Гнома, Самурай открылся бы хозяину «Золотого петушка», что главные бумаги, касающиеся тайных валютных счетов за границей, находятся у него — уж как-нибудь сговорились бы, ведь свои, люберецкие. Сегодня Самурай не стал бы категорично уточнять, какой процент причитается ему в случае удачи, теперь он согласен на все, что дадут. Жизнь быстро усмиряет амбиции задиристых, да и Хавтан стал более покладистым, у него и любимая присказка в последнее время появилась: лучше половину, чем ничего.

Из команды, что приехала с Самураем в Москву для работы в спецподразделениях МВД, погибло восемь человек, четверо бойцов отделались ранениями, не раз получал пулю и он сам. Один за другим поувольнялись все его ребята. Особенно резкий отток пошел после того, как пронесся слух, что скоро элитные спецподразделения бросят в Чечню, на штурм дворца Джохара Дудаева, а воевать непонятно за что никому не хотелось. Последним из владивостокских ушел он сам — не получалось у него с новой командой, не чувствовал он их ни рядом, ни за спиной, а это значит — жить только до первой серьезной засады или штурма. Отпускало его начальство нехотя: майор Кольцов был известен в милицейских кругах, да к тому же отчаянных и бесшабашных в России поди поищи, все больше становится расчетливых, а они под пули за гроши не полезут.

Крах произошел и в личной жизни Самурая: его бросила ненаглядная жена Леночка, уехала к родителям во Владивосток. Открывшаяся в Москве тайна давней его подлости точила ее постоянно, не давала покоя, и, в конце концов, она решилась на развод. Может быть, не последнюю роль сыграло и то, что в Москве она не прижилась, не завела подруг, не заладилось у нее и с работой. Нестабильность, бесперспективность жизни, давний подлый обман мужа, нелюбимая Москва — все это толкнуло ее на решительный шаг. Леночка вообще была с характером, принципиальная, такие на поводу у судьбы не идут, собрала вещички и сказала: «Прощай!». И Герман понял, что это навсегда: изменить жизнь к лучшему — ни ее, ни свою — он не мог, судьба не зависела от его усилий, большая удача так и не улыбнулась ему.

Конечно, деньги кое-какие у него имелись, и, живя без особых претензий, он мог протянуть на них и год, и два. Поэтому устраиваться на службу Кольцов не спешил, надо было найти место с умом, работу без избыточного риска, — теперь-то он был кое-чему научен жизнью. Жаль, конечно, что пришлось уйти из милиции, он понимал, какую силу давало ему пребывание в системе власти. Тот же Хавтан, когда он сообщил, что ушел из органов, не замедлил отобрать у него волшебную пайцзу, дававшую право бесплатно есть и пить в «Золотом петушке». «Ныне, вопреки пословице, место красит человека», — укоризненно подчеркнул при последней встрече Хавтан, правда, тут же и приободрил, сказав, что без работы и без куса хлеба не оставит. Но какую работу мог предложить Хавтан, Герман догадывался.

Потому Самурай не удивился, когда однажды поутру раздался телефонный звонок и незнакомый человек, сославшись на Хавтана, предложил встретиться, пообедать вместе, а заодно и обговорить одно стоящее дело. Договорились встретиться в тот же день в «Пекине», и Самурай понял, что дело, как обычно, неотложное и непростое — нынче обед в китайском ресторане стоил серьезных денег, среднемесячной зарплатой двух россиян тут не отделаться.

Человек, назначивший встречу, сидел в дальнем углу зала, у эстрады, за тем самым столом, за которым Слава Япончик некогда в семидесятых годах принимал дань с фарцовщиков, отиравшихся у коммиссионного магазина рядом с Академией ЦК КПСС. Еще не дойдя до указанного столика, Самурай узнал в поджидавшем его незнакомце того самого вальяжного мужчину, который приходил в «Золотой петушок» в тот день, когда Хавтан отобрал у него пайцзу на скатерть-само-

бранку. Это из-за него халдеи выдернули Хавтана из-за стола, и тот быстро свернул разговор. Хотя, на взгляд Хавтана, Кольцов в тот вечер был изрядно пьян, он все равно разгадал их мелкие ухищрения и жалкую конспирацию, но, видимо, встреча у этого человека с хозяином «Золотого петушка» была тогда необычайно важной.

— Аркадий Ильич Городецкий. Друзья-приятели еще кличут меня Аргентинцем,— многозначительно представился мужчина лет пятидесяти, небрежно, но дорого одетый, и без вступлений стал разливать водку «Абсолют», видимо, он уже знал о вкусах Самурая.

Стол Аргентинец заказал богатый, интересно, с чего бы это? Самурай был в «Пекине» впервые, хотя Хавтан не раз пытался затащить его сюда. За обедом о деле не говорили, больше о жизни, ресторанах, женщинах, о все улучшающемся качестве водки. Иногда, совсем неожиданно, переходили на работу милиции и власти вообще. Городецкий, видимо, был мужик тертый, потому что легко перескакивал с одной темы на другую, и неясно было, чего же он хочет. Догадывался Самурай, что такой зондаж называется проверкой на интеллектуальную способность.

В ресторане задержались недолго, побыли ровно столько, сколько времени потребовал изысканный обед с десертом, фруктами, зеленым чаем. Деловой разговор начали в машине — белый «Сааб-900» поджидал на стоянке у входа в ресторан.

— За вас поручился наш общий друг Хавтан,— полуобернувшись к Герману, Городецкий говорил кратко, жестко, как гвозди вколачивал.— Но теперь я и сам вижу — на вас можно положиться. А предложение такое: нужно с одним моим хорошим товарищем — Хавтан его тоже знает, человек он очень авторитетный — наведаться в Чечню. Ходка, не считая дороги, займет на месте сутки, ну, от силы двое. Надо оттуда забрать кое-что и вернуться в Москву. Операция тщательно продумана, хотя кое-какие хлопоты по ее подготовке еще предстоят. Нужна команда — три человека, такого уровня, как вы: молодые, сильные, с определенным опытом жизни. Я сам намеревался отправиться, да вот годами староват оказался,— сбился с жесткого тона Аргентинец, и это прозвучало у него по-мальчишески обиженно, будто его не взяли в увлекательную игру.

— Что мы будем иметь за риск? В Чечне не сегодня-завтра начнется заваруха. Да и чеченцы ничего без боя не отдают, они Москву за горло держат, а уж дома... — посомневался для вида Кольцов.

— Знаем все это,— перебил его Городецкий.— Понимаем, что не в Сочи путешествие, поэтому каждому щедрый куш: по двадцать тысяч баксов аванса сразу, если сойдемся, и по миллиону в случае успеха. Годится?

— Вполне. И люди есть...— Кольцов внешне оставался спокойным, но внутри у него все клокотало от радости: миллион, вожделенный миллион был рядом! Названная сумма ошеломила, затмила мысли о возможной опасности, и Самурай, давно уже готовый на все, что предложат, поторопился заполучить этот заказ.— Считайте, два человека имеются, а третьего я подберу за сутки. Ведь нужна надежная команда, чувствую, дело серьезное, раз такие деньги готовы платить,— повеселев, сказал Самурай.— Как готовиться? Какая амуниция, какие документы потребуются?

— Не спеши, не лезь поперед батьки в пекло,— осадил его Аргентинец.— Договоренность пока предварительная. Я и сам не знаю всех деталей вылазки до поры до времени. Опасность, конечно, не исключается, но с вами идет хозяин груза, он рискует так же, как и вы. До встречи с ним я должен иметь на руках подробные досье на всех троих и ближайшую вашу родню. Это на всякий случай, чтобы удержать вас от соблазна посягнуть на то, что вам не принадлежит,— груз очень ценный, но еще дороже жизнь человека, с которым вы туда пойдете. Вы должны вернуться не только с грузом, но и с ним. Надеюсь, ты понимаешь, о чем идет речь?

— Куда уж яснее. Наша жизнь привязана к жизни хозяина,— согласился, принимая жесткие условия, Самурай.

— Я с Хавтаном должен обеспечить моему другу гарантии безопасности,— уточнил Аргентинец.— Только после этих формальностей я сведу вас с руководителем операции, а он объяснит вам все в деталях. Ну что, берешься?

Самурай согласно кивнул, и они, обменявшись телефонами, расстались — каждому из них предстояли свои неотложные дела.

Выйдя из машины Городецкого, Герман Кольцов прошелся пешком по Тверской, обдумывая детали предстоящей операции. Сказав Аргентинцу, что в команде уже есть двое, он схитрил, выдав желаемое за действительное. А имел он в виду своего армейского друга Славку Неделина по кличке Картье. В такой операции, где на кон ставится жизнь, более надежного и верного человека Самурай найти бы не смог, за Картье он ручался как за себя. Да и выбора особенного у Самурая не осталось: кто полег на поле брани, а кто отошел от дел.

Сколько раз в Москве, до того как открылась эта история с фотографиями пышнотелой Люси из ресторана «Иртыш», Герман хотел встретиться со Славкой, честно повиниться во всем и попросить прощения! Но каждый раз что-то мешало сделать этот порядочный шаг. Поэтому и не откликнулся на приглашения Неделина встретиться, вспомнить армейскую жизнь, чувствовал, что, когда они сойдутся втроем, его подлость обязательно выплывет наружу. Ничего не помогло, все равно все открылось. Но теперь, когда между ними не стояла женщина и у Картье с годами, наверное, прошла боль-обида, Герман еще больше ощущал вину перед своим другом.

Эта вина мешала ему жить, и он все время думал, как избавиться от нее, как получить прощение армейского друга. И вот, кажется, представляется случай повиниться перед Славкой, а заодно и отплатить ему чистоганом — дать возможность сорвать миллион. Подобный шанс, даже с риском для жизни, выпадает не часто, и не каждому так может подфартить. Кольцов верил в ту подготовку, что они получили в армии, там они были натасканы на неожиданные, молниеносные операции, а именно такая, вероятно, и предстоит им в Чечне. И Самурай, смекнув, что сегодня он может убить сразу двух зайцев — помириться с Картье и заполучить надежного напарника, — решительно направился к уличному телефону-автомату.

Неделин оказался дома, и Герман, не вдаваясь в подробности, сказал:

— Мне очень надо бы тебя увидеть...

Картье не очень обрадовался звонку, но все же ответил:

— Хорошо, подъезжай, — и назвал номер дома и квартиры на Кутузовском.

В эту ночь Самурай остался у Неделина ночевать. Разговор долго не клеился, но Герман искренне желал повиниться, а еще больше — заполучить Славку в напарники для предстоящего дела и потому прилагал к этому все усилия, что в конце концов растопило между ними лед недоверия. Русские вообще люди отходчивые и умеют прощать — под утро бывшие армейские дружки замирились окончательно. Они вспоминали тяжелую службу, сплотившую их, не забыли и о «бандеровцах», не дававших им, москалям, жизни, и, конечно, Леночку, как свою прошедшую молодость, как первую любовь. Неудивительно, что предложение Германа сходить в Чечню за миллион заинтересовало Картье.

Чечня представляла для Неделина давний интерес: ведь он предупреждал органы о готовящихся крупных аферах в банковской систе-

ме России, следы которых отчетливо тянулись в Грозный, а в Москве — к чеченской мафии. Позднее эта, по сути гениальная, афера получит название «чеченские авизо», и обойдется она российской казне в шесть триллионов рублей. Не готовится ли нечто подобное или более крутое надувательство против России вновь, если заказчики готовы рассчитаться за доставку какого-то секретного груза в Москву миллионами? Нет, от такого соблазна Неделин отказаться не мог, даже если бы его и не прельстили миллионом. Опять, выходит, наша контрразведка проворонила что-то важное, ведь он недавно встречался с руководством, и они много говорили о Чечне, о том, что почти вся банковская система России оказалась под «чехами», но о готовящемся визите в Ичкерия столицей банды не было и намека.

3

Через день, к вечеру, Городецкий привез в загородный дом в Переделкино команду Самурая. Одного из них, назвавшегося Неделиным, Аргентинец иногда встречал в «Пекине», причем в обществе людей авторитетных, но не «синих». Он производил приятное впечатление и прикидом, и манерами, и речью, чем резко отличался от Самурая и третьего — чернявого крепыша, чем-то смахивающего на горца, назвавшегося просто Лехой.

Тоглар ждал гостей на втором этаже, в мастерской, где уже был накрыт стол на пятерых, но вначале расположились в глубоких кожаных креслах у потрескивающего дровами камина. Когда Аргентинец представил хозяину дома его будущую команду, тот тоже обратил внимание на Неделина и поинтересовался:

— А чем вы занимаетесь вообще?

— Я бизнесмен, у меня своя фирма,— и Картье привычным жестом протянул Тоглару визитку, в которую тот внимательно вчитался.

— У вас что, неважно идут дела, если согласились на рискованную операцию? — недоверчиво спросил Тоглар, глядя на Неделина в упор. Странное впечатление производил этот «бизнесмен»: он притягивал и отгалкивал одновременно.

— Нет, наоборот. Дела идут прекрасно, грех жаловаться.— На лице Славы появилась добродушная улыбка.— А согласился потому, что меня пригласил старый армейский друг. Сказал, серьезное мужское дело, и гонорар солидный, думаю, стоит рискнуть. Но глав-

ное, себя проверить хочется на деле: ведь мы с Германом прошли особую даже для спецназа подготовку, нас готовили к таким делам! — Он грустно вздохнул. — Молодость проходит, мне уже тридцать, а навыки, по-серьезному, не пришлось применять в жизни. Лет через пять-десять они и вовсе могут оказаться ненужными...

— Да, для мужчины это серьезный аргумент, — сказал задумчиво Тоглар, — но вы ошибаетесь, Вячеслав, навыки могут сгодиться в любом возрасте. За моей спиной тоже морской десант, и служил в тех же краях, что и вы. Я внимательно изучил ваши биографии. Я иду с вами, хотя мне, увы, уже даже не сорок. Но я не намерен просить скидок за возраст и прятаться за ваши молодые спины.

Он достал из бара бутылку коньяку и предложил всем пропустить по рюмочке. Когда вся команда расселась поудобнее, Тоглар попросил внимания.

— А теперь я введу вас в курс дела. Мы должны появиться в одном из сел вблизи Грозного и добыть из подвалов хорошо охраняемого дома некий груз в упаковках, весом по шесть килограммов. Всего упаковок будет сорок — пятьдесят, возможно, чуть больше, а может, меньше, сумма вознаграждения от этого не меняется. С грузом надо вернуться в Москву или хотя бы в Ростов, это рядом. Должен особо отметить, что в ходе подготовки операции каждый участник имеет равное право голоса, если мы что-то не учтем, не предусмотрим, не оговорим здесь, в Москве, за это придется расплачиваться или в дороге, или в Чечне. Просчет может стоить жизни всем, так что — думайте, предлагайте. Но дорога в Чечню и из Чечни, если мы вернемся оттуда живыми, не представляет для нас серьезной опасности, хотя сейчас шмонают чуть ли не на каждом километре, а чем ближе к Грозному, то там, кроме ГАИ, стоят блокпосты военных и казаков. Но мне, кажется, удалось найти способ передвижения, при котором нас или вовсе не будут тормозить, или крайне редко.

Видя, как напряглась от волнения его новая команда и даже Городецкий, Тоглар неспешно и обстоятельно продолжал:

— Идея моя заключается в особом транспорте. Не скрою, я выудил ее из памяти, из тех давних времен, когда сам служил на Тихоокеанском флоте. Так вот, тогда рядом с нами стояла небольшая часть химических войск. Была в части машина «рафик» с грозными эмблемами, означавшими смерть: череп с перекрещенными костями и надписью «радиация», а на ней водителем — один шустрый малый, у которого в нашей роте служил земляк. Что такое земляк в ар-

мии, вам, служившим, объяснять не надо, да еще двадцать пять лет назад,— брат, да и только. И вот когда кому-нибудь из наших позарез нужно было смотаться в самоволку во Владивосток, мы прибегали к его помощи. А стояли мы в пятидесяти километрах от города, да и Владивосток, по тем строгим годам, был сверхзасекреченный, закрытый, патруль на патруле. Забьемся иногда по двое-трое в салон, набросим громоздкие свинцовые накидки и еще такой же шлем на колених — и катим себе. Как только наш Толик начинает тормозить, мы быстренько надеваем эти шлемы-скафандры и сидим истуканами-чудищами. Порою откроет дверь какой-нибудь ретивый служака, а увидит нас и в ужасе дверями хлопает. Таким манером и назад нас Толик доставлял, подбирая в условленном месте.

— Отчаянные ребята! За такую прогулку в секретный город, да еще из спецчасти, могли припать пяток к тем трем, что вы служили,— подал голос Леха.— Молодцы!

— Могли,— согласился Тоглар.— Суровое время выпало на нашу молодость. Но охота пуще неволи, любовь гнала на риск... Ну, как идея, не устарела? — спросил хозяин, оглядывая сидевших у камина.

Заговорили все разом. Выходило, что машина с радиационными знаками сегодня, после Чернобыля, куда эффективнее, чем раньше.

— Только где нам добыть такую машину? — опять раньше других поторопился неугомонный Леха.

— Машина не проблема. Тут, в Подмосковье, стоит подобная часть, сюда перегнали транспорт наших войск из Германии. Среди этих машин — а они сделаны по спецзаказу военных — есть несколько подходящих, и мы можем забрать любую хоть завтра. Если, конечно, решим, что нам подходит этот вариант...

— Надо брать, идея стоящая. Но машину для дальней дороги придется подготовить основательно,— вмешался бизнесмен Картье.

— Я тоже так считаю,— поддержал Тоглар,— но подготовить, как вы сказали, мало. Я думаю, от машины должна остаться одна оболочка — свидетельство ее причастности к опасному роду войск, включая противорадиационную экипировку. А все остальное заменить: достать новый сверхмощный форсированный двигатель, поставить на все четыре колеса бескамерные шины, чтобы не бояться пуль, случайных проколов и даже спецсредств для остановки машины.— Тоглар перечислял, загибая пальцы.— Поставить пуленепробиваемые стекла и бронировать боковины, приладить амортизаторы от комфортных

джипов, чтобы машина не гремела, стала бесшумной. Решить вопрос надо и с калорифером, все-таки на дворе уже зима, снег, а нам, возможно, придется где-то выждать ночью три-четыре часа на ветру.

— Ясно, командир, в общем, необходимо переделать колымагу химвойск в бронированный и скоростной джип,— весело подытожил Самурай.

— Только не надо забывать, что внешние параметры машины должны остаться прежними. Кто персонально возьмется подготовить транспорт к походу?

— Я могу,— охотно отозвался Картье.— Знаю такую автомастерскую, там особых вопросов задавать не станут, да и работа им привычная.

— Хорошо,— согласился Тоглар.— Но кто-то должен постоянно присутствовать при этом, а заодно и знакомиться с машиной.

— Я не могу находиться там целыми днями, эта работа, даже по ускоренному графику, в две-три смены, займет не менее четырех дней,— быстро среагировал Неделин.

— А вам и не надо там быть, спасибо, что мастерскую нашли. Мы это поручим...— Тоглар глянул на Самурая и крепыша и сказал, как решенное: — Лехе.— Этот парень больше всех внушал ему доверие.— Не возражаешь?

— Что касается подготовки, то это мне по силам, автомобили я люблю. Сделаем как надо, не беспокойтесь,— заверил крепыш.

— Вот и прекрасно,— впервые за вечер улыбнулся Тоглар.— Но прежде чем сесть за стол и отметить наше внезапно сложившееся содружество, еще пару слов. Официально мы направляемся в командировку в район поселка Бамут, там в горных шахтах после демонтажа ракет класса «земля — земля» и «земля — воздух» осталось кое-какое секретное оборудование. Так вот, наша цель по бумагам — вывезти его опасную начинку в специальном контейнере, он будет в нашей машине, в него как раз поместятся пачек двадцать основного груза. Соответственно, у нас будет приказ Министерства обороны, и у каждого — документы военнослужащего. Для этого вам придется пройти в соседнюю комнату, где висят несколько кителей с разными знаками воинского различия, и я сниму вас для водительских прав, удостоверения, военного билета, спецпропусков, допусков к объектам радиации — мы же будем представлять сверхзасекреченные воинские части, у которых особые полномочия и права, и на все нужны документы, чтоб комар носа не подточил.

Позже, когда они будут готовы, познакомитесь с ними более подробно. А теперь — к столу, на сегодня хватит,— поднялся с кресла Тоглар.— Все дела по подготовке теперь решать только через моего друга Аргентинца, со мной связи не искать.

Прежде чем сесть за стол, Картье осмотрел картины, висевшие на стене, и те, что были в работе на мольберте и на станках. Но спросить, чьи это картины, Неделин не решился: в том, что дача принадлежит Константину Николаевичу, как отрекомендовался при встрече седовласый мужчина, Картье не был уверен. У камина Неделин сидел рядом с ним и, считай, почти не видел говорившего, только слышал его по-военному четкий голос. Сейчас, за столом, Неделин занял место чуть наискосок от руководителя операции. Человека по кличке Аргентинец, доставившего их сюда, в Перedelкино, через кого они должны были держать связь с Константином Николаевичем, Неделин встречал часто: в «Пекине», в казино «Трефовый туз» и на всяких тусовках, тот принадлежал к уголовному миру, элите старшего поколения, а вот его друга, с которым придется идти в Чечню, Картье видел впервые.

Константин Николаевич производил впечатление: чувствовались громадный жизненный опыт и хватка, хладнокровие, аналитический ум и жесткость характера, да и то сказать: слабак в Чечню нынче ни за какие пряники не сунется. «Что же он хочет найти в чеченском селе, в неприметном, но охраняемом доме? — размышлял за столом Картье.— Может, дело связано с ураном, на него в мире громадный спрос, а какой-то «секретный груз» — просто отвлекающий маневр, чтобы не испугать идущих в связке? Ведь контейнер для хранения радиоактивных предметов из машины не выбрасывается...» Было тут о чем задуматься, в любом случае операция предстояла серьезная, готовятся к ней толково и обстоятельно, и хорошо, что Самурай вышел на него.

Стол был накрыт щедро, с размахом, блюда подвезли из ресторана, и потому сидели они долго. Застолье, видимо, тоже служило какой-то проверкой. Картье не раз чувствовал на себе внимательный, оценивающий взгляд Константина Николаевича. Если бы представительный хозяин, которого, однажды увидев, вряд ли с кем спутаешь, был бизнесменом или принадлежал к высоким криминальным кругам, Неделин обязательно знал бы его — за эти три года кого он только не повидал в Москве,— но этого человека, готового платить за два дня рискованной работы по миллиону каждому, он не встречал никогда, в этом

Картье был уверен. Да и всей статью, манерами, речью он не походил ни на «старых» завсегдаев тюрем, ни на «новых русских». А может, он из органов? Теперь у каждой ветви власти свои тайные службы безопасности, только при президенте их две, и никому они не подчиняются. Этот вариант исключать тоже не следовало, возможно, операция находится под контролем государства, не отсюда ли такая продуманность и четкость, гарантии серьезных документов, с которыми обеспечен бесконтрольный проезд по всей стране. Картье так и эдак мысленно просчитывал всевозможные варианты. Официально Москва с Чечней не имеют контактов, может, оттого сложился этот странный симбиоз? В общем, надо было думать и думать, чтобы не получилось прокола...

«А не поставить ли в известность шефа, Виктора Степановича? Попросить о страховке, о помощи в случае чего?» — мелькнула мысль, но однозначного ответа не нашлось, ведь он не знал пока главного: зачем, почему, кто? Возможно, это чистая уголовка, учитывая участие в деле Аргентинца. Впрочем, спешить не следовало, у него есть спутниковая связь, можно переговорить или сбросить на пейджер любую информацию: где ты или что нуждаешься в помощи. В Ростове жили два его однокашника по секретной школе, можно было рассчитывать и на их подмогу, он поддержал их как-то в Москве, ребята крутые, многое могут.

Конечно, следовало бы ненавязчиво выведать, как попал в эту команду Самурай, ведь он недавно работал в милиции и сам охотился за такими китами, как Аргентинец. В общем, в тот вечер на загородной даче в Переделкино Картье многое узнал, но еще больше предстояло выяснить, ходку затягивать, как он понял, не станут...

4

Карлен, прослушавший разговор Аргентинца с Тогларом и прознавший о предстоящей встрече в Переделкино, тоже с нетерпением ждал этого дня. Несмотря на то, что он навтыкал кругом «жучки» в мастерской художника и мог слушать разговор, сидя у себя дома, на улице Ямского Поля, он на всякий случай, полагаясь на более мощную аппаратуру в машине, заранее подъехал к знакомому загородному дому и видел, как Аргентинец привез на встречу на своем «саабе» троих мужчин.

Разговор на даче подтвердил догадку Карлена: Тоглар готовится к походу в Чечню, для чего собирал серьезную команду, проду-

мывал хитрый план операции. Не была названа только дата отъезда, но что это дело ближайших дней, Татлян не сомневался. Надо было спешно собирать свою рать, и, не дожидаясь окончания застолья у Тоглара, медленно перетекавшего в пьянку, Карлен поспешил домой.

«Кара-дюшатель», разбитая уже в который раз, нынче из-за гололеда, стояла на ремонте, друзья в этот вечер оказались дома и, затеяв на ужин жаркое по-армянски, как раз ждали Карлена. Скромный ужин, состряпанный Абреком и Крисом, затянулся до глубокой ночи. Как ни хотелось Карлену, но ему пришлось выложить все: и о государственной тайне США, и о тайне легендарного Тоглара, создавшего супербанкнот, и даже про свой визит в Париж, правда, о том, что Наталья поделилась с ним краденым, он умолчал. Признался он и в том, и зачем прибыл в Россию, и в том, что репортерство — всего лишь крыша, и если удастся отнять у Тоглара добычу, он оставит и газету, и разведку. Рассказал в подробностях о намечающемся походе Тоглара в Чечню, о чем прознал несколько часов назад.

— Может, нам следует взять еще одного человека? — спросил Карлен, ни на минуту не усомнившись, что друзья отправятся с ним вместе на охоту за «гравером».

Крис с Абреком одновременно вернулись памятью в лондонский отель «Лейнсборо» и поняли, что Карлен, зная об их преступлении, скрыл этот террористический акт от своего руководства, не выдал их. И журналист, над которым они частенько подтрунивали, вырос в их глазах. А теперь еще он задумал дерзкий налет на банду самого Тоглара, знаменитого чистодела.

— Нет, не надо, четвертый — это еще одна доля, — первым заговорил Крис. — Лучшее дело нам вряд ли когда выпадет, мы идем с тобой, Каро!

— А что нас трое, — вмешался Абрек, — ты не переживай, тем более, и ты — не простой журналист. На нашей стороне преимущество: мы знаем, кто они, сколько их... мы нападем или устроим засаду... Только нужно все хорошо продумать, подготовиться, судя по тому, что ты рассказал, Тоглар учел все до мелочей, вплоть до шин. А сколько он оставил тайн при себе? Ведь он даже не сказал подельщикам, в какое село едут, когда и за каким грузом...

Дальше часа три подряд они обсуждали детали предстоящего неожиданного похода в Чечню. Машина, амуниция, оружие — все это было без проблем. Долго не могли найти ход, равный тому, что придумал Тоглар, чтобы легализовать свой визит в Чечню. О том, что сейчас

М

на трассе тормозят почти у каждого столба и что у въезда в Чечню уже стоят блокпосты военных, они тоже знали. И ход-таки нашелся, додумался до него Абрек. Решили, что Карлен, как корреспондент известной американской газеты «Лос-Анджелес таймс», едет в Грозный взять интервью у президента самопровозглашенной республики Ичкерия Джохара Дудаева. Крис с Абреком будут оформлены при нем водителем и телохранителем, что давало им право на ношение оружия, а наличие такого документа исключает тотальный досмотр машины. Распланировав ближайшие два дня, в которые друзья-гангстеры займутся транспортом — остановились на мощном многоместном джипе «гранд-чероки», — а Карлен не будет спускать глаз с команды Тоглара, они расстались, готовые ринуться за птицей удачи и... добычей.

Но, поднявшись к себе на шестой этаж, Карлен впервые по-настоящему осознал весь риск предстоящей операции. Он решил на случай неудачи или гибели сохранить свое доброе имя и оградить родителей и многочисленный род Татлянов от подозрений ФБР и ЦРУ. Везде, во всем мире, на предателей и их родственников смотрят с осуждением, это только в России зачитываются книгами изменников Суворова и Гордиевского и предоставляют им эфирное время в лучших телевизионных программах. В Америке подобные поступки называются своими именами. Поэтому он набрал на компьютере текст, который его хозяева рано или поздно снимут сами, если он не вернется. Этим он давал наводку, где может погибнуть, исполняя свой долг перед Америкой.

Текст был предельно краток:

«Не имея времени ни на обдумывание, ни на подготовку операции, вынужден немедленно отправиться в Чечню. Кажется, я вышел на подпольный монетный двор, где печатаются супербанкноты указанной вами серии, я держу пачку их в руках. Попытаюсь дать знать о себе с дороги или из Грозного. Пожелайте мне удачи.

Норман».

5

Аргентинец, после того как доставил в Москву команду Самурая, вновь заехал к Тоглару, теперь уже на Кутузовский, домой, где они проанализировали итоги встречи в Переделкино и реши-

ли, что команда вполне профессиональная, имеет опыт, особенно сам Кольцов и его дружок Леха. Тут же они с Тогларом определили и срок похода — 30 декабря, лучшего времени для проезда по трассе и для проникновения в Чечню не найти, но дату решили пока держать в секрете, чтобы не сбивать проснувшийся у команды азарт — до Нового года оставалось две недели. Лишь после этого Аргентинец отправился домой... Он так увлекся планами Тоглара, что совсем забыл про Македонского, и только войдя к себе в кабинет и увидев телефон, обреченно присел в кресло. Тупо глядя на аппарат, он просидел с полчаса, а затем все-таки набрал номер в гостинице «Украина». На другом конце провода, словно дожидаясь результата, уверенный мужской голос нетерпеливо сказал:

— Я вас слушаю...

6

Самурая, который активно подключился к подготовке операции, Тоглар через день вновь затребовал к себе. Хозяин подробно выспрашивал спецназовца, как обычно происходит захват банды в здании, штурм какого-нибудь притона или катрана, какие при этом применяют спецсредства, какое оружие наиболее удачно в коротких стычках, как упреждаются засады и даже как уничтожают собак, теперь они есть в каждом доме, особенно загородном. После двух дней таких дотошных бесед Тоглар вычертил Самураю план усадьбы за высоким кирпичным забором, где в виде буквы «П» располагалось приземистое одноэтажное строение, утопающее летом в зелени прекрасного сада, затененное виноградником. В левом крыле жила чета престарелых хозяев дома, в середине и справа обитала постоянная охрана, а в подвале находился тот самый груз, за которым готовилась экспедиция.

Тоглар не сказал Самураю, что в подвале есть еще одна потайная дверь, которая ведет в тайную лабораторию и типографию, где он проработал ровно три года. Понимал, что времени заглянуть в комнату, где он пережил звездные часы успеха, у него не будет, впрочем, ни ностальгии, ни любопытства он давно уже не испытывал. Тоглар знал этот двор гораздо лучше хозяев и часто менявшихся охранников, кроме одного — Шамиля, внука владельцев дома, но тот больше занимался хозяйством, чем доглядывал за важным пленником. Помнил он каждое дерево в саду, грядку

в огороде, не забыл, как зовут каждую из трех собак, отвязываемых на ночь,— все три появились за год до побега, и Тоглар усиленно их прикармливал, приучая к себе, и знал, где они любят прятаться в ненастную погоду. Помнил, в каких комнатах, у каких окон располагаются до утра охранники. Впрочем, после его побега, после того как перестала работать типография, возможно, и охрана уменьшилась. Но в том, что ее не сняли совсем, он не сомневался. Лабораторию перенести тоже не могли, слишком капитально она была сработана, кроме того, он успел перед тем, как бежать, спутать всю компьютерную программу печатания, бумага получалась путем кропотливого ручного труда, а пропорции и температурный режим знал только он. Готовую продукцию забирали регулярно, но тут же, в подвале, был замаскирован тайник, куда заложили пачки надолго. Как говорил Алихан, это неприкосновенный запас Чечни на случай войны. Вот на этот «госрезерв» Тоглар и рассчитывал, хотя сейчас его могли и ополовинить или опустошить совсем, но Тоглар верил в свой шанс, да и выбора у него другого не было. И об этих своих сомнениях он Самураю, конечно, ничего не сказал.

Поселок, куда им предстояло наведаться, был небольшой, тысяч на пять жителей, но дома, усадьбы поражали воображение своей архитектурой, размерами, этажами. После бедной одноэтажной России с усеченными, в шесть соток, дворами Константин Николаевич диву давался: как же так, ведь в одной стране жили, по одним законам? А выходит, законы были у всех разные, и каждый народ жил по своим законам, невзирая на Конституцию и Уголовный кодекс. Дом, где три года держали Тоглара в плену, стоял на углу — фасадом выходил на улицу Ленина, а правым крылом, где находился подвал, на сквозной переулок. Это облегчало задачу команде Тоглара, уже напрашивались два варианта нападения. Вариантов добычи секретного груза майор Кольцов наработал шесть, но Тоглар все их забраковал, предложил обдумать вместе с ребятами.

С планом дома Самурай отправился в автомастерскую, где в отдельном закрытом боксе полным ходом переоборудовали машину для похода в Чечню. На месте оказался не только Леха, но и Картье, привезший широкие бескамерные шины известной английской фирмы «Томпсон», они придают автомобилю еще и устойчивость на крутых горных дорогах — Неделин учел и это обстоятельство. В четыре дня, как заверял в Переделкино Картье, мастера никак не укладывались, и он попросил Германа доложить об этом Тоглару.

— Кому же достанется эта супермашина, когда мы вернемся? — с завистью спросил Леха, уже влюбленный в нее.

— Зачем тебе спецмашина? — рассмеялся Самурай. — Людей пугать?

— Перекрашу под гражданский цвет, выкину этот контейнер, установлю мягкие сиденья, и летай на здоровье — хоть с пассажирами, хоть с грузом! — с жаром выложил свои прожекты Леха, похожий на горца и такой же азартный по части того, к чему прикипала его душа.

Самурай вынул из кармана два плана усадьбы, вычерченные Тогларом на компьютере, и, протянув один из них Лехе, сказал:

— Вот план объекта... Если ты предложишь лучший вариант, как без шума и пыли вывезти отсюда груз, машина твоя! Я попрошу шефа об этом. — Отдав другой чертеж Неделину, Кольцов сказал: — Надо продумать, как нам взять эту усадьбу, ведь у «чехов» на стволах глушителей нет, и, если они жажнут, нам тут же могут перекрыть выход — самооборона у них отлажена не хуже, чем в Кремле. А что касается машины, Леха, раз она тебе приглянулась, я поговорю с шефом, может, и получишь ее в подарок. Я был сегодня у него дома, мужик он не бедный и не жлоб. Но за лоха его держать не стоит — сегодня он шесть моих вариантов отклонил, ценит жизнь, и свою, и нашу.

Из автомастерской Самурай уехал вместе с Неделиным, они поужинали в ресторане Дома литераторов, в Дубовом зале, где у Картье была назначена деловая встреча, занявшая минут десять, а уж потом Славик отвез его домой, в Солнцево, где он снимал однокомнатную квартиру. Время они даром не теряли, даже в ресторане за столом обсуждали все тот же план, над которым в эти же минуты ломал голову и Леха.

Когда Самурай поднялся к себе пешком на пятый этаж — лифт почему-то не работал третий день, — дома его ждал сюрприз... Все в квартире было перевернуто сверху донизу, даже кое-где вскрыты полы, вентиляционная отдушина в ванной вырвана с мясом — рылись люди, знавшие толк в сыске. Герман сразу бросился к хозяйскому гардеробу — он снимал квартиру вместе с мебелью, — там висела кожаная куртка, а в кармане аванс, полученный от Тоглара. Куртка была на месте, деньги тоже. В первый миг он обрадовался, но, просчитав что к чему, насторожился. Было ясно, как день, что искали не деньги. Тогда что же? И тут его осенило...

Кто-то, выкравший Гнома у Хавтана и расстрелявший при этом четверых, видимо, вычислил, что бумаги Шкабары могут быть у тех, кто его задерживал. И он оценил свою предусмотрительность:

бумаги Шкабары он не держал при себе, а давно отвез в дом к родителям, в Люберцы, чтобы они случайно не попали на глаза Леночке. Да, это не только жестокий, но и неглупый человек, подумал Самурай о похитителе Гнома, ведь он догадался о том, до чего не могли додуматься ни Хавтан, ни следователь Самойлов. И Кольцов тут же решил, что если из Чечни он вернется с миллионом, то непременно разыщет этого человека, перевернувшего вверх дном его квартиру, и войдет с ним в долю. «Вроде пошла светлая полоса в жизни», — заключил Кольцов и отправился спать — на завтра у него была назначена встреча с Тогларом, уже были готовы документы, и он должен был глянуть на них милицейским глазом.

7

Аргентинец тоже участвовал в подготовке похода в Чечню — был связным между троицей бывших спецназовцев и Тогларом, не раз заезжал в мастерскую, видел, как на глазах преображался неказистый, но надежный УАЗ. И он отдал должное сметке своего друга — с такой машиной можно идти на любое дело, ход придуман что надо. Правда, можно использовать этот трюк только раз — засветишься основательно. Встречаясь с Тогларом почти каждый день, Городецкий думал: вот-вот представится случай, и он, прямо или косвенно, намекнет другу, что за ним будет хвост, и даже опишет «лендровер» Македонского. Но дни таяли, отбытие десанта в Чечню приближалось, а он так и не смог выбрать подходящий момент — то одно мешало, то другое, но больше всего — малодушие. Порою ему казалось, что все разрешится само собой... Он часто вспоминал погибшего Боря-киллера, вот когда снова нужен был минер. Аргентинец готов был совершить новое покушение на Македонского, но боялся что-нибудь предпринять, полагая, что за ним установлен жесткий догляд. Правда, для очистки совести, когда машина была уже совсем готова и ее собирались продемонстрировать Тоглару, Аргентинец, отведя Самурая в сторону, сказал ему, смущаясь:

— Гера, не бери меня на смех и не передавай то, что я сейчас тебе скажу, Константину Николаевичу.— Самурай приложил руку к груди — мол, какой разговор, я — могила.— Я человек очень суеверный, а Тоглар всегда подтрунивает надо мной по этому поводу... Сегодня видел плохой сон... Как будто за вами на трассе увязалась

какая-то машина, черный иноземный джип... Они вроде пронюхали, что вы за золотом в Чечню едете, и ждут часа, чтобы отнять у вас добычу. Их в машине трое... Да, кажется, трое... Потом... не помню, что потом... наверное, я проснулся...

— Да, такой сон на дорогу рассказывать шефу не годится. Дурная примета, может настроение испортить,— согласился Самурай.— Спасибо, я учту это и буду осторожен. Чем черт не шутит, ведь кто-то видит тут, в мастерской, какая машина готовится, ежу понятно, что не девушек катать...

За три дня до намеченного отъезда Тоглара с ребятами у Аргентинца дома раздался телефонный звонок. Даже не поздоровавшись, Македонский коротко сказал:

— Абсолютно достоверные сведения, сегодня под утро наши самолеты начнут бомбить Грозный, а к обеду туда войдет танковая колонна. Лучшего времени для прорыва в Чечню и придумать нельзя. Действуй...— и положил трубку.

Аргентинец тут же связался с Тогларом и передал сообщение открытым текстом.

Команда уже в течение двух дней находилась в готовности номер один, и Тоглар решил собрать всех на даче и обсудить ситуацию. Совещались недолго. Решили выезжать немедленно, а если к утру сообщение о военных действиях против Чечни не подтвердится, они передохнут в Ростове день-два и прикатят в Ичкеррию в канун новогодней ночи, как и планировалось.

8

Оба телефонных звонка — и Македонского, и Аргентинца — Карлен прослушал дома на улице Ямского Поля и тут же спустился на четвертый этаж — там тоже жили на казарменном положении и ждали времени «Ч».

9

Македонский нисколько не сомневался, что Тоглар примет именно такое решение, оно было не только разумным, но и единственно верным — под грохот пуль легче нырнуть и вынырнуть

М

из Чечни. Но он не стал караулить час их выезда — дорога длинная, «лендровер» с мощным мотором мог развивать сумасшедшую скорость. Кроме того, когда Аргентинец назвал мастерскую, где Тоглар готовил машину для похода, Македонский послал туда человека, и тот умудрился прилепить внутрь бронированной обшивки незаметный маячок. Так некогда поступил Аргентинец с его собственной машиной, только маяк знаменитого киллера оказался куда более совершенным и имел защиту от обнаружения.

Ровно через три часа, к вечеру, из Москвы на Северный Кавказ потянулись три машины. Быстро сгущались сумерки, валил мокрый снег, и скользкая дорога не позволяла скоростным машинам показать мощь своих моторов.

10

Из-за непогоды джип «гранд-чероки» Карлена старался держаться к машине Тоглара поближе — преследователи боялись его упустить, хотя понимали, что привязаться вплотную нужно лишь у въезда в Чечню, чтобы там не потерять их из виду. Хитрый «гравер» так и не открыл подельникам точный маршрут следования, хотя Татлян несколько раз переслушал все записи телефонных разговоров и бесед в Переделкино. И с Тоглара решили не спускать глаз, этот мог что угодно выкинуть, например, сменить машину на трассе, а то и что-нибудь мудренее.

Более беззаботным выглядел Македонский. Он знал: его час впереди, операция начнется для него всерьез только с того момента, когда груз окажется в машине, и «гравер» вырвется из чеченского села. Это был его стиль: он всегда нападал неожиданно и в последний момент, когда уже никого не боятся и никого не ждут. И сам уходил от погоны, облавы тоже в последнюю минуту, когда казалось, что обложили его со всех сторон, лучше всего он выстраивал свои действия именно в этот решающий момент. Он наводил ужас и на власти, и на преступников, и те, и другие знали — у этого одиночки свой суд.

Но на этот раз он ехал не один, дорога дальняя и утомительная, да и в Чечню одному за грузом идти не с руки, нужны бойцы, или, как говорят, «пехота». Людей он взял проверенных, «быков», промышлявших рэкетом, выбиванием долгов. Своей команды они пока не имели и ходили под Анзором, контролировавшим подмосковный

Воскресенск. Анзор за тридцать граммов героина и отдал парней Македонскому на неделю. И для Анзора, и для его «быков», Влас и Мити, он был залетным уркой Станиславом, Стасом. Еды, курева, даже спиртного — всего взяли в дорогу самого первоклассного. Музыкальная аппаратура была заряжена дюжиной компакт-дисков — слушай, не хочу, и настроение у парней было прекрасное. Они уже подумывали, а не перекинуться ли от скуповатого Анзора к этому Стасу, который нравился им своей немногословностью и основательностью.

Из Москвы «лендровер» вел сам Македонский, позже, ночью, он собирался передать баранку кому-нибудь из молодых. В машине звучала негромкая музыка, и настроение у Македонского было под стать — лирическое. Фонотеку он собирал тщательно, на свой вкус, находя на это время и в Париже, и в Лондоне.

Снег шел полосой, и в какие-то моменты, иногда на час-полтора, он пропадал вовсе. Несмотря на позднее время, машины на трассе шли густым потоком, и на юг России — на Кубань, на Ставрополь, — и на Москву, и те, и другие спешили, наверное, домой на Новый год.

Влас сидел рядом, на переднем сиденье, а Митя сзади: откинув столик между рядами кресел, они затеяли игру в карты на деньги, опорожня одну за другой бутылки пива «Карлсберг». Отвлекать «пехоту» от любимого занятия не хотелось, да и поразмышлять Македонскому было о чем. Он любил дорогу и ночную езду за эти минуты одиночества и полета в пространстве. Какой-то настырный красный «жигуленок» уже дважды обгонял его, обдавая «лендровер» потоками грязи с разбитой тяжелыми машинами дороги, и Македонский, на всякий случай, решил узнать, кто же это такой лихой и дерзкий. Пристроившись «шестерке» вслед, он выключил магнитофон и включил спецтехнику. И тут же в салон «лендровера» ворвались чужие голоса, смех. Эффект был поразительный, все было слышно так, как из соседней комнаты с распахнутыми настежь дверями. От неожиданности «быки» оставили карты и с восторгом смотрели на волшебника Стаса — оказывается, и такие штучки возможны. А в «жигулях» ехала компания навеселе, и присутствие девушек придавало лихости парням.

— А можно прослушать ту «Волгу», третью впереди? — спросил Влас.

Он был в полном отпаде — какие возможности открывались перед ними в городе. Катайся и слушай, катайся и слушай — есть деньги, прижимай к обочине, наезжай.

Македонский, показав, как пользоваться аппаратурой, передал пульт дистанционного управления Власу и сам с насмешливым любопытством наблюдал за парнями, дивясь их детскому восторгу, а ведь за ними кровавых дел уже не счесть.

Аппаратура брала разговоры метров на сто, но в большинстве машин водители ехали в одиночку, и Влас попросил обогнать автомобилей двадцать — вдруг наткнется на любопытный разговор. Так поступили раза два, и когда охота за чужими секретами уже стала надоедать Македонскому, в салон ворвался чей-то разговор, и он услышал: «Тоглар... Чечня... баксы...» Сперва Македонский решил, что подошел вплотную к машине «гравера», но оказалось не так — разговор происходил в черном джипе «гранд-чероки», и он, забрав у Власа пульт дистанционного управления, стал слушать разговор внимательнее. В машине было трое молодых мужчин, судя по акценту — кавказцы.

Македонскому сразу стало ясно, что они знают тайну Тоглара и тоже охотятся за ним.

Выключив спецтехнику, Македонский преобразился — от былой безмятежности не осталось и следа. Случайное любопытство «пехоты» спасло задуманную операцию от провала, вот и не верь после этого в его величество случай. С конкурентами нужно было расправиться быстро, до утра, завтра сделать это будет сложнее, а он не хотел делиться добычей ни с кем. «Быки» почуяли перемену в настроении Стаса и тоже насторожились; ни о цели поездки, ни о каких планах шеф им, конечно, не поведал, сказал лишь — распоряжения будут по ходу дела. Они заметили, что Стаса обеспокоил непонятный им разговор в мощном джипе, идущем впереди через три машины, но расспрашивать о чем-либо не решились.

Ехали молча, без музыки, с полчаса, и вдруг Стас-Македонский словно очнулся, резко спросил:

— Вы видели черную машину, джип, разговор в которой испортил мне настроение?

— Видели, — кивнул Влас. А Митя добавил:

— Но ничего не поняли...

— Это машина конкурентов, из-за них у нас могут быть большие неприятности. Ума не приложу, как они могли пронюхать про нашу поездку, но гадать об этом некогда, разбираться будем в Москве, — зло сказал Стас-Македонский, потом, мгновенно сменив тональность разговора, продолжил спокойнее: — Чуть дальше, когда войдем в ле-

сополосы, и рядом не будет машин,— они идут хорошо, под сто двадцать километров,— достанем их, и при обгоне пальнете сразу в упор из двух гранатометов «муха». Этого, думаю, хватит.

— Вполне, Стас,— заверил Митя,— джип идет на скорости, от них ничего не останется.

— Ну и хорошо, с богом... Подготовьте гранатометы, будем ловить момент, а он может выпасть не скоро, уж слишком много машин на трассе и туда, и обратно, а ночь не резиновая... — Сонливость у Македонского как рукой сняло, в нем проснулся азарт охотника...

Проехали часа полтора, но удобный момент все не подворачивался, наоборот, поток машин навстречу пошел еще гуще, а места, подходящие для нападения, попадались одно лучше другого. Чтобы снять напряжение «пехоты», Македонский предложил им выпить и чего-нибудь пожевать — в упор промазать все равно трудно. Пока ребята закусывали, Македонский решил, что и заправиться бензином не мешает, и через полчаса, у въезда в какой-то райцентр, заметил у дороги заправочную станцию. Завернул к ней и впереди идущий «гранд-чероки», а когда Македонский въехал на территорию заправочной, то увидел и УАЗ Тоглара — у него как раз подходила очередь. Все верно, как в задачке для первоклассника: три машины почти одновременно вышли из Москвы и намотали почти по четыреста километров, всем пришло время наполнять баки.

«Быки» с удовольствием ужинали, допивая бутылку шотландского виски «Джонни Уокер», и, кажется, напрочь забыли или, наоборот, не придавали особого значения тому, что им вскоре придется стрелять. Они тоже увидели впереди в очереди джип, но никакого любопытства он не вызвал: им было все равно, кто едет в машине, зачем их надо расстреливать. Они уже выросли такими — ни о чем не думать, а выполнять приказ. Очередь была минут на десять — пятнадцать, и Македонский решил размяться, а если удастся, и глянуть на тех, кто в джипе, да и заплатить за бензин нужно было. На заднем сиденье лежала пятнистая куртка-бушлат одного из «быков» и армейская шапка-ушанка, и он, накинув униформу, которая враз его преобразила, вышел из машины.

Опять валил снег, но к середине ночи похолодало, и теперь он ложился плотно и даже поскрипывал под ногами.

Заплатив в зарешеченное окошко за пятьдесят литров бензина, Македонский оглядел очередь. У занесенного снегом, залепленного грязью узика стоял коренастый крепыш в армейском бушлате с по-

гонами прапорщика и ждал, когда последняя перед ним машина передаст ему шланг. Из джипа никто не выходил, да и, судя по всему, не выйдут, выбегут в последний момент, когда подъедут к колонке вплотную, он хорошо знал кавказцев — баре.

Прапорщик уже сунул железный наконечник шланга в чрево бензобака, как вдруг Македонского осенила дерзкая идея. Подойдя к живому, он заговорил вполголоса, быстро, заговорщицки:

— Слушай, братан, я еду следом за вами из Москвы, в Ростов. А часа два назад остановился у придорожного кафе купить сигарет, там стоял джип «гранд-чероки», — и он назвал номер машины Карлена, — они тоже там тормознули, купить что-то, кажется минералки. И я услышал обрывок их разговора, вроде, речь шла о вашей спецмашине, мне кажется, они вас пасут. Будьте осторожны. Их трое, чеченцы, а может, дагестанцы, они для меня все на одно лицо. У меня брат в армии, тоже прапор, да я и сам служил в стройбате... — закончил Македонский, поправляя не по размеру свободный бушлат, и шмыгнул носом, получилось вполне естественно: мол, человек человеку друг, товарищ, брат.

Прапорщик внимательно глянул на худощавого мужчину и, ничего не заподозрив, с улыбкой ответил:

— Наверное, вы ошиблись. Мы военная лаборатория, занимаемся радиацией, взять у нас нечего, но все равно спасибо. — И, передав шланг очередному водителю, Леха ловко нырнул в машину.

В кабине переоборудованного уазика за рулем сейчас сидел Картье, он сменил Германа, а Тоглар расположился рядом с водителем. Леха обрадовался, что оставшуюся ночь будет ехать с Самураем; Картье, которого он не знал, а лишь общался с ним в автомастерской, оказался парнем неразговорчивым. Правда, его и тут, в машине, доставали звонки из Москвы по спутниковой связи, но он всем говорил, что отдыхает и вернется в столицу через два дня, к Новому году.

Леха тут же рассказал своему бывшему командиру про странное предупреждение на заправочной станции. Самурай сразу вспомнил «дурной сон» Аргентинца, все совпадало точно: джип, три кавказца, и он понял, что, возможно, какие-то жизненные обстоятельства не позволили Городецкому открытым текстом предупредить своего друга о том, что за ним в Чечню потянется хвост. Но Герман решил не впутывать Аргентинца, спасибо, что хоть так, по-восточному витиевато, предупредил, и немедленно постучал в перегородку, отделяющую салон от кабины. Тоглар открыл раздвижное окошко, и Самурай

доложил о разговоре на заправке. Тоглар вспомнил, что видел этот джип еще засветло, когда они выезжали из Москвы, он думал, что тот уже давно их обогнал или остался на пути, такие мощные машины обычно в хвосте не плетутся, особенно если за рулем кавказцы.

До рассвета оставалось часа три-четыре, а в светлое время разбираться будет гораздо сложнее или вообще поздно. Тоглар, не раздумывая, решил проверить предупреждение, возможно, кто-то и прознал про операцию, ведь никого из команды он толком не знал, да и ручаться в наше время за кого бы то ни было становилось все труднее и труднее.

— Значит, так, ребята, действуем по обстановке, — стал излагать свой план Тоглар. — Ты, Слава, — обратился он к Картье, — гони по трассе и внимательно посматривай по сторонам. Как только увидишь пустынную проселочную дорогу, ведущую к казачьим станицам, хоть влево, хоть вправо, сворачивай, в удобном месте тормози и выходи из машины. Я пересаживаюсь на твое место, а ты прячешься со своим телефоном где-нибудь под деревом или в кустах, и я гоню дальше. Если джип по нашу душу, он обязательно свернет, и ты позвонишь на мой мобильник. Тогда в дело вступят Гера с Лехой: я высаживаю их с гранатометами, а сам неторопливо еду дальше, чтобы кавказцы видели меня впереди. Как только появится этот джип с нашими преследователями, расстреливайте его в упор. После взрыва я разворачиваюсь и подбираю вас по очереди, а через полчаса, если бог даст, мы снова на трассе. Ну, как ловушка? Есть предложения?

Команда согласилась без возражений, и каждый принялся готовиться к своей части операции.

Ровно через час, в пять утра, на дороге в станицу Ярмолинская тишину заснеженных свекловичных полей разорвали одновременно два залпа из гранатометов, а чуть спустя — короткая очередь, похожая на одиночный выстрел из израильского автомата «узи». Столб огня после взрыва машины полыхал еще некоторое время, но дорога на Ярмолинскую была пуста, а с трассы горевший джип не было видно. Лес у дороги стоял густой, не прореживавшийся с самого начала перестройки, уже одичавший и занесенный снегом, он и погасил взрывную волну.

Тоглар, чтобы не застрять в занесенных снегом обочинах, долго искал, где можно было бы развернуться на узкой проселочной дороге, и, доехав до перекрестка, ведущего на развалившуюся ферму, развернулся и поспешил к месту засады, что устроили джипу Леха с Самураем.

Еще издали в свете фар и огне пожараща Тоглар увидел, что, кажется, не все прошло так удачно, как он спланировал. Машина продолжала гореть, источая вокруг едкий дым, время от времени взрывались патроны, видимо, оружия преследователи запасли немало, а Самурай, склонившись над кем-то, то ли оказывал помощь, то ли пытался услышать чьи-то последние слова. Леху он нигде не видел. Подбежав к Самураю, Тоглар понял, что лежавший на снегу мужчина не Леха, а молодой кавказец, хорошо одетый, без шапки, на привычного бандита он никак не походил, что-то интеллигентное было в его лице, искаженном болью. Одного взгляда Тоглару было достаточно, чтобы понять, что тот уже не жилец, понимал это и Самурай и пытался перед смертью узнать хоть что-то у незнакомца. Но парень говорил с трудом и все пытался поднять перебитую левую руку, наверное, что-то хотел достать или куда-то показать, и, чувствуя, что это ему уже не удастся, он вдруг прошептал:

— Я американец... В кармане паспорт, не забирайте документы, я не должен умереть безымянным.— По-русски он говорил хорошо, без акцента.

— Оставлю, если скажешь, зачем за нами охотился? — жестко ответил Тоглар, прислонив его удобнее к замерзшему стволу старого тополя.

— Скажу, скажу,— прохрипел тот,— теперь нет смысла хранить тайну, я чувствую, как из меня уходит жизнь. Я охотник за «граверами» из ЦРУ, а ты — Тоглар, создавший супербанкнот, который не читает ни один детектор.

— Как ты узнал об этом? — уже кричал, склонив лицо почти вплотную к нему, Тоглар — парень говорил все тише и тише.

— Я выследил Наталью, которая украла у тебя деньги... Она живет в Париже, вышла замуж за какого-то модельера. Она мне тебя и выдала, а дальше... сам понимаешь... Не забирай документы, мои родители умрут от горя, если не похоронят меня... У меня на руке часы «Чингисхан», они полмиллиона стоят — возьми их себе, я восхищался тобой. И еще, главное: живи спокойно, твою тайну знал я один. Я не сдал тебя ЦРУ, я искал «гравёра» для себя...

— Обещаю... — только и успел сказать Тоглар, и американец затих.

Тоглар на всякий случай достал документы — парень не обманывал, он действительно был корреспондентом газеты «Лос-Анджелес таймс». Командировочное удостоверение гласило, что он направляется в Грозный, чтобы взять интервью у Джохара Дудаева. Документы

Тоглар положил на место и даже застегнул внутренний карман. Он хотел перенести парня поближе к дороге, но Самурая рядом не было. Пришлось окликнуть. Самурай отозвался с другой стороны дороги, и Тоглар понял, что беда случилась и с Лехой. Оттащив американца к обочине, Тоглар подбежал к Самураю.

— Вот, успел кто-то из них пальнуть, прямо в сердце, наверное, со стволами наготове свернули они сюда,— произнес тихо Самурай и добавил: — А он хотел попросить у вас после операции эту машину.— И голос Кольцова дрогнул.

— Что будем делать с ним? — спросил Тоглар, понимая, что нужно убираться отсюда побыстрее.

— Зима, похороним по-язычески,— обреченно вздохнул Самурай.— Надеюсь, он нас простит. Кто жив останется, пусть по всем поминки справит и молебен в церкви закажет, теперь это нетрудно.

— Хорошо, действуй,— ответил Тоглар и пошел к машине...

11

«Лендровер» Македонского уже больше часа стоял на обочине неподалеку от поворота на станицу Ярмолинская.

— Отдохнем чуток, давайте перекусим, и я с вами выпью, устал,— сказал он, как только увидел, что уазик и джип свернули с трассы.

Когда они, словно мусульмане в пост, трапезничали на рассвете, из-за поворота на большую дорогу вынырнул шустрый уазик Тоглара и рванул на Ростов. Черный джип не появился ни через пять минут, ни через десять, и Македонский сказал Власу:

— Садись за руль и поехали, а я немного вздремну, охота на «гранд-чероки» отменяется.

12

Утром Тоглар ехал уже по хорошо знакомой дороге — тот путь, который он проделал в прошлом году на «Волге» с Андрюхой из Ставрополя, он запомнил навсегда. Первый день на свободе! Как жадно он тогда вглядывался в каждое селение, в дома у автотрассы, и вот он снова добровольно возвращается в Чечню, хотя, кажется, тогда

он зарекался, что на Кавказ он больше ни ногой. Чужой он, Кавказ, если не сказать опасный, для русской души, как бы его исторически ни привязывали к России, ни искали общих корней и стратегических интересов,— в этом Тоглара никто не переубедит. Это про них, про кавказцев, некогда в тюрьме сказал Тоглару первый учитель: сколько волка ни корми... И время доказало правоту мудрого уголовного, которого, кстати, много лет позже кавказцы и прирезали.

Место за рулем занимал Картье, разговор после происшедшего на дороге не клеился, ехали молча. Тоглар, сразу поверивший умершему у него на руках кавказцу, все думал, кто же навел на него иноземца, и вдруг неожиданно сказал:

— Знаешь, Слава, а один в джипе оказался американцем, корреспондентом газеты «Лос-Анджелес таймс»... — но о предсмертном признании погибшего распространяться не стал.

— Его звали Карлен Татлян? — спросил сразу, не раздумывая, Картье, чем удивил Тоглара.

— Да, так. А откуда ты знаешь?

— В прошлом году он почему-то проявлял ко мне интерес, не явно, конечно, но я это чувствовал,— стал рассказывать Неделин, не отрывая взгляда от дороги.— Куда ни приду, везде он. Он не пропустил в Москве ни одной серьезной тусовки, тогда я и узнал, что он репортер светской хроники американской газеты. Но я заметил за ним одну странность, он старался бывать в местах, где собираются крутые, и гуляют шальные деньги: в казино, катранах, в «Пекине», в ночных барах и ресторанах, а в «Золотом петушке» у Хавтана он был завсегдаем. Я предупредил Леонида Андреевича, просил присмотреть за ним. Да и появлялся этот американец всегда в обществе армянских гангстеров. Я так и не понял, почему он интересовался мной,— закончил, пожав плечами, Картье, а затем добавил: — Может, это ереванские гангстеры навели на вас?

Но Тоглару все стало ясно, он понял, почему американец, охотник за «граверами», присматривался к Картье — наверное, подозревал Неделина в причастности к фальшивым долларам. А Картье вполне тянул на этот романтический образ — умен, элегантен, ведет светский образ жизни, не беден.

Однако вслух Тоглар сказал другое:

— Интересно... Молодец, что прояснил ситуацию, а то я мучаюсь: отчего, почему? — Случайное признание Картье отвело от него закравшееся было у Фешина подозрение. И Тоглар впервые

почувствовал к нему искреннюю тягу и симпатию, надежный был парень Неделин.

Когда до Чечни осталось часа два езды, Тоглар решил: пора делать привал, пообедать, отдохнуть, и стал вглядываться в часто мелькавшие у дороги селения, чтобы сделать остановку. Такое село вскоре нашлось. Возможно, Тоглара привлек придорожный трактир, где у входа висели три освежеванные туши крупных курдючных баранов из калмыцких степей, тут же мясник в замызганном фартуке отрубал желающим приглянувшийся кусок. Из раскрытых настежь дверей доносились вкусные ароматы, а за углом, в затишье, на открытом мангале жарили шашлык. Трактир держали армяне — беженцы после бакинских погромов.

Машину отогнали во двор, чтобы лишний раз не мозолила глаза, и вошли в прокуренный зал.

— А чиж-пыж в этом заведении имеется? — спросил Тоглар у бросившегося к ним хозяина, он знал, что такое блюдо могут приготовить только в Баку.

Хозяин внимательно посмотрел на Тоглара и с улыбкой ответил:

— Если время есть, какой разговор, сделаем. Мне и самому вдруг захотелось, — признался добродушно толстяк, один к одному похожий на Элвиса Пресли, — а пока, и хаш есть, и суп кюфта, и жаркое из ребрышек с картошкой, шашлык любой: из мяса, из печени, а можем и из осетра — Дон еще не оскудел. А к водочке и икру малосольную можем подать, и балычок...

Чем-то эти ребята приглянулись хозяину трактира, да и небедные, сразу видно. Тоглар, не знавший, где скоротать часа три-четыре, сказал, повеселев:

— Времени у нас хватит. Накрой нам стол в дальнем углу, и если есть свежая осетрина, пожарь не только шашлыки, но и кусками, и все остальное подавай, больно вкусно рассказываешь. И про чиж-пыж не забудь, угощу ребят, теперь им в Баку не бывать, все, развелись окончательно. — И уже за столом он объяснил Самураю и Картье, что чиж-пыж — это блюдо из свежих бараньих потрохов, и если его готовят умельцы — объеденье.

В придорожном трактире все разговоры были о начавшейся войне в Чечне, это стало заметно с утра, когда поток машин навстречу усилился вдвое-втрое, они шли лавиной. Тоглар, до того как они молча помянули Леху, достал карту Грозного и стал внимательно ее рассматривать: им предстояло пересечь чеченскую столицу и двигаться

вглубь республики, к горам. Ушли они из гостеприимного трактира затемно, засиживаться дольше было неудобно. Провожал их сам хозяин, просил остаться на ночь, но, видя непреклонность гостей, пожелал им удачи и сказал, что обязательно будет ждать их на обратном пути и зажарит им такого поросенка, которого они никогда не едали. На том они и распрощались. Уезжая, Тоглар попросил завернуть свежего мяса, килограммов десять, но разрезать на семь-восемь частей. Сперва подельщики не поняли зачем, но быстро просекли: в усадьбе, спущенные с цепи, гуляли ночью три огромных волкодава — гостинец предназначался им.

На блокпост российских войск у въезда в Грозный подъехали за полчаса до полуночи. Документы у них проверяли основательно, пришлось показывать секретное командировочное предписание, залезли даже в салон уазика. Майор на вахте предлагал Тоглару дожждаться утра, в городе шел жестокий бой. Чеченцы, не оказав сопротивления, пропустили танковую колонну в город, а затем, подбив в каждом квартале головные машины, заперли их, лишили маневра — ни вперед, ни назад, — и методично, в упор, расстреливали беспомощных танкистов противотанковыми гранатами, жгли «шмелями» — новейшим российским оружием, оставленным предателями и казнокрадами из Москвы. Да и саму танковую операцию в условиях города можно было считать подарком чеченцам, но страна вряд ли когда узнает имя генерала, отправившего на верную смерть сотни молодых танкистов. Однако Тоглар объяснил, что он на ночь только и рассчитывает, а к утру, до конца смены майора, уже должен возвратиться с секретным грузом, как ему и приказано. Тогда майор, взяв карту Тоглара, пометил красным карандашом, как им безопаснее проскочить Грозный, — маршрут проходил по окраинам, почти по тем же улицам, что наметил в трактире он сам.

В Грозном чеченцы пытались остановить их дважды, и всякий раз Тоглар, притормаживая издали, словно намеревался выполнить приказ, в последний момент, когда патруль сходил на обочину, готовый к проверке, резко давил на газ и уносился вперед — форсированный мотор позволял такие штучки. Запоздалые выстрелы по скатам и в заднюю бронированную дверь не могли причинить машине вреда. В Грозном они по-настоящему ощутили, что такое война, фронтовой город. Горел, освещая ярким пламенем северные окраины города, нефтеперерабатывающий комбинат, в центре слышались взрывы, автоматные очереди, тяжелые залпы танковых орудий, обреченные танкисты отби-

вались в горящих машинах. А в небо, словно в праздник, ежеминутно взлетали сотни осветительных ракет, падая, они театрально высвечивали снегопад, но ими в эту ночь вряд ли кто любовался.

После обильного застолья и отдыха в гостеприимном и радушном армянском трактире у дороги за руль сел Тоглар, и ровно в половине второго ночи, проезжая какое-то село в предгорьях, в темном и безлюдном переулке сказал вдруг, притормаживая:

— Вот мы и приехали, Картье.

Неделин, глянув вправо, увидел особняк за глухим кирпичным забором, где в правом крыле, несмотря на ночь, светились оба окна. Картье сразу представил узкий коридор, где на зиму висят связки лука, и дальше две комнаты, в одной из них и находится вход в подвал,— чертеж этот они знали наизусть и могли пройти в тайник, кажется, в темноте.

Картье хотел открыть задвижку и предупредить Самурая, что приехали, но Тоглар удержал его:

— Не спеши, не время. Пусть покомарит после сытного обеда, ничего нового мы ему не скажем, московский план остается в силе. Судя по светящимся окнам, груз на месте. Но мы подождем еще часа полтора-два, лучшее время для серьезного дела наступает в три-четыре часа утра, проверено. А пока отъедем в следующий квартал, к мельнице, там, под навесом для лошадей, в тени, и станем. Оттуда нам будет видно, когда погаснет в доме свет.

Но не успел он произнести эти слова, вдруг, как по волшебству, погасли окна, и двор погрузился в темноту. Они услышали, как тоскливо, словно чуя беду, завyla за забором собака, и Тоглар, наострившись, определил: Казбек... У мельницы Тоглар и Картье перебрались в салон к Самураю — тот уже понял, что они прибыли на место. В плане, многократно обсуждавшемся в Москве, роль старшего на последнем этапе отводилась Самураю. Тоглар должен был войти во двор, лишь когда они доберутся до подвала. После гибели Лехи ситуация изменилась, теперь Тоглар должен был не ждать подельщиков за рулем машины, а страховать их с улицы, но в дом он все равно должен был войти, только когда они нейтрализуют охрану. Самурай помнил грозное условие Аргентинца — жизнь хозяина дороже успеха операции.

Вначале заготовили собакам корм: облили мясо ядовитым составом, инструкция требовала делать это не меньше чем за час до операции. Затем каждый примерил и подогнал для себя небольшой

респиратор, спецназовцы называют их намордниками. Решили воспользоваться новейшим нервно-паралитическим газом, тем самым, которым пользуются израильские командос при ликвидации террористов, захвативших самолет или автобус с заложниками. Газ не имеет цвета и запаха, его присутствие нельзя ощутить, как и радиацию, но действует очень эффективно и быстро, в течение пяти-десяти минут, и гарантирует всем отключку на три-четыре часа.

Через час они подошли к усадьбе с подветренной стороны, чтобы их не учуяли сторожевые псы, и Тоглар стал потихоньку, кусок за куском, забрасывать мясо во двор. Только с четвертого куска они услышали, как весело заскулили собаки, обнаружившие в снегу свежую баранину. Закинув оставшуюся отраву, Тоглар стал внимательно прислушиваться к хрусту костей, наконец, передвигаясь вдоль забора, убедился, что пируют все три волкодава. Вновь вернулись в машину, — собаки бывают чрезвычайно живучи, но больше часа, как показывает опыт, не выдерживает ни одна, тем более, что яда они не пожалели. Решили не рисковать, ждать — времени еще хватало.

С той минуты, когда Тоглар объявил, что они прибыли на место, Неделин пытался понять, отгадать, что ценного можно было добыть в этом глухом предгорном селе. Но никакого вразумительного ответа найти не мог. А тайна была, подтверждением тому служила и смерть американца, кадрового офицера ЦРУ. Может, золото? Картье прекрасно знал, что на золотых приисках России, еще с царских времен, приемщиками золота, кладовщиками из поколения в поколение работали ингуши и чеченцы. Золотой песок и самородки десятки лет стекались в два чеченских села, и золота там всегда было не меньше, чем в государственной казне, даже слитки отливались весом в килограмм. Может, Тоглар добрался до тайны чеченского золота? Но золото должно охраняться более основательно, а, скорее всего, за время правления Джохара Дудаева оно, как и положено, было переправлено в самые надежные швейцарские банки. Как ни крути, тайна Тоглара не давалась в руки, ее предстояло отгадать.

В машине еще раз проверили оружие и фонарики. Внимательно осмотрели баллончики с газом, имеющие мощные присоски, с помощью которых можно было приладить баллончик к любой щели или замочной скважине. Еще до того, как погас свет в двух окнах в правом крыле, Тоглар показал Неделину на открытые форточки-фрамуги, из которых на холодную улицу тянулся пар. Такая же форточка была и в единственном окне затемненной комнаты

посередине. Форточки в сельских домах маленькие, узкие, и приладить в двойных рамах баллончик — дело минутное. Газ поступает хоть и под давлением, но бесшумно, останется лишь захлопнуть наружную створку форточки и подождать пять-семь минут. В это время Самурай и Картье отмычками попытаются открыть наружные двери в правом крыле и посередине. Если какая-нибудь дверь поддастся, открывать вторую нет смысла — комнаты внутри соединялись между собой коридором.

Когда на часах было половина четвертого ночи, они на машине подъехали прямо к дому. Самурай с крыши уазика перелез через высоченный забор, снял засовы с ворот и приоткрыл калитку, в которую прошмыгнул Картье. Он направился с баллончиками к окнам в правом крыле, а Самурай поспешил к единственному окну в середине дома. Тоглар с новеньким укороченным автоматом в руках, о котором мечтают бандиты, остался у машины, больше поглядывая во двор, чем на улицу. Самурай быстро приладил свой баллончик, захлопнул форточку и перебрался к двери. Оставалось самое сложное на сегодня, но вдруг он обнаружил, что дверь плотно прикрыта, но не заперта. То ли забыли, то ли кто ночью выходил по нужде, то ли ждали кого-то с вечера — гадать было некогда, и Герман, знаками подзвывая Картье, дал понять, что путь свободен. У входа, прислоненные к стене, стояли большие самодельные санки — наверное, в них подвозили к дому из сараев дрова и уголь, — и Самурай предусмотрительно пристроил их рядом с крыльцом. Если пачки, как мыслил Тоглар, на месте, они побросают их в санки — и тут же к воротам; на этом выиграют три-четыре минуты, а чем раньше они рванут от этого таинственного дома, тем больше шансов остаться в живых.

Минуты тянулись медленно. Самурай то и дело поглядывал на часы. «Пора», — сказал он наконец, и друзья, поправив «намордники», стали осторожно открывать дверь, — слава богу, она не скрипела. По плану, вычерченному Тогларом, они знали, в каких комнатах должна находиться охрана, и, разделившись в коридоре, один направился направо, другой — налево. Уже в прихожей они услышали молодецкий храп, раздававшийся из комнат. В правом крыле в одной из комнат спали на железных кроватях двое молодых парней, одетых в спортивные костюмы. На полу возле них валялись старые автоматы, а у одного, лежавшего на боку, лицом к стене, из-под подушки выглядывала рукоятка пистолета «ТТ». Картье на всякий случай брызнул на охранников из баллончика, забрал оружие и перешел в сле-

дующую, безоконную комнату, где включил свет. Здесь, в середине комнаты, под затоптанным ковром, находился лаз в подвал. В ту минуту, когда Картье откинул ковер, рядом появился Самурай и, поняв, что они у цели, побежал на крыльцо: теперь наступал черед Тоглара.

Тоглар, на удивление Самурая, кинулся не к открытому лазу в подвал, в который с фонариком в руках уже спустился Картье, а к старому коврику на стене и, отодвинув его нижний угол, нажал пыльный выключатель. В подвале сработал какой-то механизм, и одна из оштукатуренных стен, с навешанными на ней старым корытом, хомутами, седлами, уздечками, пучками засушенного красного перца и початками кукурузы в связках, с шумом отошла в сторону. Она открыла один из секретных тайников, где хранилась часть чеченских денег — на экстренный случай. Тоглар, тут же в комнате, нажал на другой выключатель и зажег в подвале свет, и только потом нырнул в тайник вслед за Самураем и Картье.

— Успели ополовинить... — в сердцах выругался Тоглар, увидев на грубых полках из половой доски аккуратные пачки каких-то бумаг. — Тридцать две, — быстро подсчитал он.

Велев не мешкая выносить, Тоглар сам схватил сразу четыре пачки и первым кинулся к лестнице. Самурай, поднявшийся следом, не дал хозяину спуститься вновь, а приказал срочно вернуться к машине и страховать их с улицы — дом уже не представлял для них опасности. Подхватив пачки, Тоглар бросился из дома, там уже могли справиться и без него. Побросав пачки вглубь открытого салона, Тоглар вышел на середину улицы, дошел до угла, глянул вдоль переул-ка, — казалось, чеченский аул спал безмятежным сном.

Пачки были обтянуты прочной прозрачной пленкой, и Картье с Самураем видели лишь, что это какие-то бланки бухгалтерских отчетов — за такой груз не могли платить миллионы и рисковать жизнями, значит, опять какая-то тайна. Вскрыть пачки было невозможно, они оказались очень тщательно обвязаны нейлоновыми жгутами. Конечно, не сговариваясь, попытались потрясти их, полагая, что внутри может быть что-то спрятано. Но, судя по весу, по однородности массы, это были всего лишь бумаги, хотя, конечно, не бухгалтерские. И Картье, и Самурай подумали, что это, скорее всего, сверхсекретные архивы, документы, которые любой ценой следовало вывезти из Чечни, чтобы сохранить позорные тайны Кремля и, возможно, новой, постсоветской власти.

Оставшиеся двадцать восемь пачек быстро побросали на санки, закрыли дверь и потащили груз к воротам. Картье залез в салон и стал акку-

ратно укладывать пачки в контейнер — сразу стало ясно, что они не только поместятся там все, но еще и останется немного места.

Когда Самурай подал Неделину последнюю пачку, в переулке внезапно появился человек — это был Шамиль, внук хозяев дома. Весь день он пропадал с товарищем в Грозном, час назад они вернулись в село, поужинали у друга, и сейчас он торопился домой, завтра с утра снова надо было ехать в столицу, — это для него оставили дверь открытой.

Увидев у ворот своей усадьбы автомобиль, о котором днем не было и речи, и человека возле него, он грозно спросил по-чеченски:

— Кто вы такие?

Тоглар, который должен был стрелять в любого, кто мог появиться, узнал парнишку по голосу и на секунду дрогнул, затем ответил тоже по-чеченски:

— Шамиль, это я, Тоглар... Решил вернуться, не пошла в масть жизнь в России... — Так он хотел отвлечь внимание парня, приблизиться и оглушить его. Стрелять у Тоглара не поднималась рука, уж очень человечно относился к нему этот чеченский парнишка.

Наверное, так бы оно и случилось... Шамиль успел крикнуть что-то радостное и шагнул навстречу Тоглару, но в этот момент из-за машины появился Самурай, и молодой чеченец, ощутив всем нутром грозившую ему опасность, выстрелил в Кольцова первым. Второй выстрел, в Тоглара, находившегося в нескольких шагах, Шамиль не успел сделать: раздался слабый хлопок из «люгера» — Картье тоже не промахнулся. Оба сразу бросились к Самураю... Но чеченец попал в голову — смерть наступила мгновенно. Не раздумывая, они подняли Самурая, закинули его в салон и бросились в кабину — УАЗ стоял уже с работающим мотором. Через несколько минут они выскочили к трассе на Грозный...

Вырваться из Грозного по новому маршруту было сложнее — даже на окраинах шли бои, а на некоторых улицах спешно возводили баррикады, и кругом — патрули, патрули, чеченские ополченцы: молодежь в спортивных куртках, старики в кудлатых папахах, при кинжалах и шашках, с давно забытыми маузерами в деревянной кобуре. На одном перекрестке, возле сгоревшего БТРа, лежали трое убитых российских солдат, и Картье неожиданно глухо сказал:

— Давай оставим Германа рядом с ними. После боя пойдет похоронная команда, она и заберет всех, похоронит по-человечески.— Неделин был уверен, что Грозный возьмут если не сегодня, то завтра.

Они остановились, быстро вытащили и положили на грязный снег рядом с молодыми солдатами Кольцова-Самурая, мысленно попрощались с ним и стали вновь петлять по улицам, чтобы выскочить из города на Ростов,— уже светало.

Через час, когда уже совсем рассвело, многократно обстрелянные, они выскочили на тот самый блокпост российских войск, через который недавно въехали в Чечню. Очередь на КПП была не меньше, чем на заправочных станциях в дни бензинового кризиса. Тоглар, чувствуя, что они могут застрять тут и на два, и на три часа, пошел на пропускной пункт, в надежде на то, что знакомый майор, показавший им ночью на карте, как лучше проскочить Грозный, еще не сменился.

Увидев Тоглара, майор радостно спросил:

— Успели? — и, получив утвердительный ответ, отдал команду пропустить военных из радиационной лаборатории срочно и без дозора.

Когда отъехали от Чечни километров на пятьдесят, Тоглар, остановив машину и освобождая место водителя для Картье, сказал устало:

— Может, нам подыскать местечко и поспать часа три-четыре? Задание, хоть и с потерями, мы выполнили, а путь предстоит неблизкий, дорога скользкая, загруженная, снегопад, а впереди еще ночь...

Картье, подумав, предложил:

— А не лучше ли нам доехать до армянского трактира, это часа три езды, там можно хорошенько пообедать и поспать до ночи. Надеюсь, хозяин определит и нас, и машину в надежное место, он произвел на меня приятное впечатление.

Так и решили. Обменявшись местами, поехали дальше. Тоглар, откинув голову, постоянно дремал, видимо, напряжение, риск, бесконечная ночь давали о себе знать, да и возраст сказывался, он осунулся на глазах. А Картье не переставал гадать, что же такое тайное они везут в радиационном контейнере и будет ли у него до Москвы возможность узнать секрет этих бумаг? Теперь Картье интересовало и другое: откуда Тоглар возьмет миллионы для оплаты операции? Неделин был уверен, что они поехали в Чечню или за деньгами, или за чем-то ценным, и оплачено всем будет из тех средств, что они, рискуя жизнью, вывезут из чеченского села. В общем, Картье запутался окончательно,

не зная, что и предпринять... Может, ночью после отдыха и хорошего ужина сам Тоглар и прояснит ситуацию.

К придорожному трактиру подъехали к обеду. Хозяин, увидев их вдвоем, спросил тревожно:

— А где третий парень, Герман? Ему в прошлый раз так понравились шашлыки из печени...

— Пришлось оставить, так сложились обстоятельства,— по-военному кратко объяснил Тоглар.

— А я поросенка, как обещал, подготовил. Сейчас я его в духовку — и через сорок минут подам на стол,— опять засуетился двойник Элвиса Пресли.

Тут Тоглар, отведя его в сторону, сказал, что они бы не прочь после поросенка где-нибудь поспать, а к ночи тронуться в путь.

После обеда, за которым они, опять же молча, помянули и Леху, и Самурая, хозяин трактира повез их к себе домой. На окраине казачьего села он уже успел выстроить себе двухэтажный особняк за высоким кирпичным забором, с гаражом, надворными постройками и баней.

— Отдыхайте здесь на здоровье. Мы с женой и детьми все равно до позднего вечера в трактире пропадем.— Радужный армянин, помнивший о щедрой оплате накануне, отдал ключ от дома и гаража.— Когда отоспитесь, подъезжайте к трактиру, подзаправитесь на дорогу — и в Москву...

Все складывалось как нельзя лучше. Загнали УАЗ в бетонный гараж с железными воротами, заперли и поднялись на второй этаж в спальню для гостей, как указал хозяин,— через полчаса они уже спали крепким сном.

Когда часа через три Тоглар, сонный, хотел перевернуться на другой бок, он неожиданно почувствовал в плече резкую боль. И, еще не проснувшись, понял, что попал в какую-то ловушку: левое запястье сжимало кольцо наручников. «Кто это? — мелькнула горькая мысль.— Преследователи, трактирщик, Картье?»

Открыв глаза, Тоглар увидел, что по комнате, устланной коврами, расхаживает человек среднего роста в тонкой лайковой куртке — такого в трактире он не видел, не был он похож и на чеченца. Чуть скосив взгляд, Тоглар заметил похрапывающего Картье, его свесившаяся рука тоже была прикована к батарее отопления, и он не знал еще о своей участи.

Тоглар попытался резко рвануть — на первый взгляд, тонкая цепочка была не очень прочной,— но наручники оказались надежными. Словно прочитав его мысли, незнакомец оглянулся на грохот:

— Проснулся? А вот испытывать наручники не советую, проверено... Изготавливает солидная немецкая фирма, «Крупп» называется, она все делает с гарантией.— И в вопросе, и в тональности объяснения сквозила театральная издевка, насмешливость.

У Тоглара промелькнула мысль, что он то ли знает этого человека, то ли слышал о нем. Чтобы сбить с него спесь, жестко спросил:

— Кто ты такой? И что тебе от меня надо?

От шума в комнате проснулся Картье и рванулся с кровати на помощь Тоглару, но тут же, от резкой боли в руке, вскрикнул. Тоглару стало ясно, что к этому эпизоду Картье не имеет никакого отношения.

— Кто я? — так же спокойно, наигранно спросил человек и не замедлил с ответом: — Я — Македонский...

И Тоглар сразу вспомнил рассказ Аргентинца про того известного киллера, где явь давно уже перемешалась с фантазиями. Надо было во что бы то ни стало скрыть свою обреченность — терять-то уже нечего,— поэтому Тоглар спокойно ответил:

— Слышал... Знаю про твои художества. Даже восхищался: никому до тебя из «Матросской тишины» бежать не удавалось. Но если ты имел две ходки, как про тебя говорят, то и ты про меня должен был слышать?

— Да, ты прав. Я знаю — ты легендарный Тоглар. Когда я бежал из лагеря в первый раз, у меня от Соболя малява к тебе имелась, чтобы ты помог мне с ксивой...

— Я не помню тебя... — перебил Тоглар.

— А я и не добрался до тебя, меня снова повязали в Тюмени, кто-то сдал...

— Чего ты хочешь от нас? — агрессивно спросил Тоглар.

— Экспроприировать ваши деньги. Уверяю вас, они мне больше нужны.— Македонский в упор смотрел на Тоглара и словно не видел его.

— Не подавишься? Там ведь миллионы,— вспыхнул Тоглар и уже совсем зло добавил: — Ты же знаешь, по нашим законам — это моя добыча, и то, что ты затеял,— запахло. Если это когда-нибудь всплывет, тебе долго не жить. Я слышал, что многие авторитетные люди имеют на тебя зуб, а моя кровь может переполнить чашу терпения братвы...

Картье, наблюдавший за этой словесной перепалкой, догадался, кто на них наехал,— о Македонском он, конечно же, знал. И тут до Картье дошло, что в пачках тех, оказывается, деньги, и скорее всего, даже в долларах. Но сейчас надо было думать о жизни, а не о добыче

из Чечни. И только после того, как он понял, что мотались они за деньгами, до его сознания дошло, что Тоглар и есть тот самый чистодел, который, по данным КГБ, давно считался погибшим в аварии.

— Не кипятись, Тоглар,— между тем говорил Македонский, вышагивая по комнате.— Я понимаю тебя, наверное, такой и должна быть реакция, когда из-под носа уведут богатую добычу. Но если бы я не уважал тебя, не понимал, что ты сделал для братвы, ты был бы уже не жилец. Мне ничего не стоило пристрелить тебя и твоего подельщика, а контейнер я бы и без тебя открыл, даже без ключа, для этого сейчас существуют лазерные резаки. Деньги я решил забрать, а тебя отпущу в Ростове. Дружка твоего кончу, я не люблю свидетелей, к тому же он не ваших кровей...

— Нет! — дернувшись, жестко отрезал Тоглар.— Я втянул его в это дело, мне его рекомендовали тоже авторитетные люди. Кроме того, он ночью спас мне жизнь: не выстрелил он вовремя и точно, чеченец изрешетил бы меня насквозь, я стоял в двух шагах от смерти... Если надумал стрелять, стреляй уж обоих.

— Ну что ж, если ты за него отвечаешь, пусть живет,— согласился внезапно Македонский, пряча пистолет под куртку.— А теперь кончаем базар — и быстро в машину! Наручники, на всякий случай, снимем в Ростове. Где ключи от гаража, машины и контейнера?

Тоглар взглядом показал на висевшую у входа камуфляжную куртку с полковничьими погонами.

— Влас! — крикнул, повернувшись к двери, Македонский, и в комнату тотчас вошел молодой человек с бычьей шеей, обязанности которого были понятны и без объяснений. Македонский кинул ему связку и приказал: — Отдай ключи Митяю, пусть он выводит УАЗ из гаража. А ты, по очереди, отведешь этих людей, в наручниках, в салон. УАЗ поведу сам, ты — в салоне вместе с ними, и гляди в оба. Митяй на «лендровере» поедет вслед за нами...

Через полчаса две скоростные машины, разрезая дорожную тьму мощными галогенными фарами, летели к Ростову. То ли ночь выпала морозная, то ли война в Чечне гаишникам пыл поубавила — теперь за настырность и пулю в лоб легко можно было получить,— их ни разу до самого Ростова не тормознули. Когда вдали появились пригородные огни Ростова, УАЗ остановился, и Македонский, открыв заслонку, спросил у Тоглара, где их высадить в городе, на что тот, подумав, ответил: у гостиницы «Редиссон-Ростов». Его путь из Чечни опять заклинился на этой гостинице.

— А я ведь тебя, Тоглар, отпускаю на волю не с пустыми руками. Слушай меня внимательно,— сказал Македонский, сложив руки на руле.— В Москве почти два года беспредельничала банда из Новокузнецка, страха нагнала и на «синих», и на банкиров, и на ментов. Последний главарь банды, Шкабара, успел перевести на Запад бешеные деньги, гораздо больше, чем я собираюсь у тебя отнять. Но в тот день, когда он намечал смотаться в Вену, его арестовали, а позже он повесился в тюрьме. Бухгалтер банды, знавший о деньгах все досконально, сбежал, а бумаги на предъявителя пропали. Я, прознав про такую историю, нашел следы бухгалтера, кликуха у него Гном,— он содержался под стражей у одних авторитетных людей,— и выкрал его, теперь он находится у меня. Концы документов, кажется, пропали навсегда. Но у Гнома остались их ксерокопии, и я их хорошо изучил. Рано или поздно, я все равно пришел бы к тебе, чтобы ты «восстановил» документы, тогда у нас в руках был бы ключ к швейцарским банкам. Я тебе уступаю копии бумаг и Гнома, действуй, обещаю не претендовать на долю. Ну, может быть, если мне опять придется быть в бегах, пригреешь где-нибудь на своей вилле возле Женевского озера. Красивые и удобные для жизни там места, рекомендую. Там я лечился, восстанавливал силы после побега и ранения...

— Интересно,— обронил Тоглар, уже, кажется, смирившийся с поражением. Конечно, о Шкабаре и о его банде он слышал, даже знал, у кого Македонский выкрал Гнома, но распространяться об этом не стал.— Скажи мне, зачем тебе такая сумма? — полюбопытствовал неожиданно даже для себя Тоглар.— Это слишком большие деньги. Может, тебе хватит двадцать — тридцать миллионов?

— Нет, Тоглар, меня и сто миллионов не устраивают,— не согласился Македонский.— Не жадничай, я даю тебе гораздо больше. Завтра ты увидишь бумаги и убедишься в этом.— Македонский, сняв наручники с Картье и Тоглара, протянул ему записку с адресом и ключ от квартиры, где содержался Гном.

— Ты не ответил,— напомнил Тоглар.— Или это тайна?

— Зачем мне нужны деньги? — с усмешкой переспросил Македонский.— Ну, я могу тебе выдать такую теорию... Открытая военная интервенция Антанты в 1918 году — ничто по сравнению с тем, что предпринимают против России сегодня подлецы, дорвавшиеся до власти. Я кто? Да, бандит... Но у меня сердце болит за землю, где я родился. Я не один такой. У меня есть единомышленники, люди, которым я доверяю, им тоже не безразлична судьба страны. Между про-

чим, это они помогли мне бежать из «Матросской тишины». И я дал себе зарок бороться с предателями и подлецами всеми доступными мне средствами, а я могу многое, тебе об этом известно. Но на это нужны деньги, много денег, причем немедленно, сейчас...

В этот момент УАЗ мягко встал на площадке перед гостиницей, и Влас вопросительно глянул на хозяина: что дальше?

— Ну что ж, прощайте,— сказал Македонский и открыл пленникам дверцу машины.

Когда Тоглар с Картье, не оглядываясь, отошли шагов на двадцать, их вдруг снова догнал голос Македонского:

— Тоглар, подожди! Я, кажется, поступаю не совсем справедливо по отношению к твоим седидам, вот, возьми... — и Македонский выкинул из машины четыре пачки «бухгалтерских бумаг», только после этого УАЗ, а следом и «лендровер» исчезли за углом в ночи...

Тоглар переглянулся с Картье и в его глазах прочел ту же самую скептическую насмешку. Значит, он тоже не поверил байкам Македонского... Какое Отечество, какая страна, какое, к черту, благородство, да еще у такого матерого, отпетого бандита? Деньги — вот истинный бог и для вора, и для подонка-политика. Это из-за них валяется под снегом, как брошенная собака, крепыш Леха, из-за них заплатился жизнью прошедший огонь и воду Самурай, из-за них очертя голову кинулся в омут погони, отдал богу душу то ли армянин, то ли американец Карлен Татлян и его дружки, ереванские гангстеры, и кто еще следующий?

Он стоял и смотрел, как Неделин не спеша направлялся к валявшимся в подтаявшем снегу пачкам — осколкам их большой удачи и утраченных надежд.

А за спиной Тоглара горел огнями, гремел музыкой фешенебельный отель «Редиссон-Ростов», где, несмотря ни на что, никогда не прерывался, не кончался пир жизни.

*Переделкино,
август 1996*

Повести

Не забывайте нас...

Повесть

*Посвящается отчиму
Исмагилю Зарифовичу Мифтахутдинову*

Письмо пришло перед самым отпуском, когда путевка была у Бекирова на руках, да и билет уже заказан. Писем от матери Фуат Мансурович не получал, пожалуй, лет восемь, с тех пор, как однажды, заскочив на пару дней погостить по дороге с моря, установил старикам телефон. Установить телефон на селе — дело еще более тягостное, чем в городе, но Бекирову повезло: начальником телефонного узла оказался давний школьный приятель.

Сославшись на срочную работу, Фуат Мансурович, даже не допив чай, ушел в кабинет, прихватив конверт, лежавший на журнальном столике. Дел у него никаких сегодня не было, что случалось нечасто, — у главного инженера крупного строительного треста работы обычно невпроворот, суток не хватает, считанные дни в году оканчиваются выходными. Трижды перечитав написанное карандашом письмо, Бекиров успокоился и даже улыбнулся. Улыбнулся он тому, что помнил этот химический карандаш еще со студенческих лет, мать надписывала им посылки. Теперь редко кто пользуется такими карандашами, все больше шариковыми ручками. Таким же карандашом был написан и единственный отцовский треугольничек с фронта.

Для порядка посидев в кабинете с полчаса, перелистав журналы и сделав несколько звонков на домостроительные комбинаты, работавшие в три смены, Фуат Мансурович вышел с письмом в сто-

ловую. Жена с сыном еще пили чай. С тех пор как в школе начались уроки эстетики, сын настоял, чтобы ужинали в столовой, и сам с особым старанием накрывал на стол, к удивлению родителей, ничего пока не разбив из парадного китайского сервиза. Жену это нововведение поначалу сердило, а Фуата Мансуровича, наоборот, веселило, но скоро вошло в привычку и теперь нравилось всем; удивительно, сколько лет теснились в крошечной кухоньке и смотрели, как пылилась красивая, удобная посуда.

Не успела жена налить Фуату Мансуровичу чаю, как сын торопливо спросил:

— Что-нибудь случилось у бабушки?

Бекиров улыбнулся и сказал, что ничего не случилось, просто дедушка выходит на пенсию, а в трудовой книжке то ли записей каких-то недостает, то ли где-то с отчеством напутали. С татарскими именами напутать немудрено, встречаются такие имена-отчества — язык сломаешь, не то что буквы перепутаешь. Вот дед ходил-ходил — из одной двери в другую гонят, из одной конторы в следующую выпроваживают, — да и обиделся, говорит, не надо мне вашей пенсии, пока руки-ноги целы, не пропаду, а что записи не сделаны, так мое, мол, дело было работать, а бумажки писали другие. Домашние хорошо знали характер деда и живо представили себе эту картину. Писала бабушка, что уже полгода бумаги лежат без толку, а дед строжайше наказал ей не вмешиваться в его дела и вообще о пенсии запретил всякие разговоры. «А жалко ведь старика, сколько на своем веку потрудились, да и обидно ему, я же вижу», — заканчивала бабушка свое торопливо написанное письмо.

Приглашала Минсафа-апа сына приехать в отпуск домой, отдохнуть и подтолкнуть дедовы дела. Все-таки человек образованный, законы знает, да и многие друзья его школьные теперь в начальниках ходят, может, помогут старику. Ведь, считай, на людских глазах век прожил, не таился, и работал-то всю жизнь в Мартуке.

Фуат Мансурович ждал этого отпуска с нетерпением, летом отдыхать выпадало ему не каждый год, чередовались с управляющим трестом. Лето для строителей — что жатва для хлеборобов: три четверти годового плана тянет. Да и путевка была желанная — к морю, в Алушту, — великими трудами добытая.

Выросший в степи и поздно, лет в двадцать семь, познакомившийся с морем, Фуат Мансурович полюбил его безоглядную манящую ширь. Целыми днями он пропадал на берегу и, уезжая, подолгу

скучал, считал дни и месяцы до нового свидания. Домашние знали об этом, но не разделяли его тягу к морю, предпочитая лес, тихие озера, поля,— наверное, оттого, что жена была родом из Белоруссии. Однако, понимая, что работа выматывает Бекирова до предела, всегда старались создать ему условия для полноценного отдыха. Потому они и огорчились, что у отца может сорваться путешествие к морю. О том, чтобы отложить поездку в Мартук, и речи быть не могло. Правда, вызвалась поехать жена, обещала уладить все сама, все-таки юрист, народный судья, но Бекиров знал, как бы это огорчило Минсафу-апа, потому и решил отправиться сам.

Жена дала ему справочник по социальному обеспечению, на всякий случай кое-где закладки вложила. В общем, казалось, что за неделю, ну, максимум дней за десять он уладит дела и еще успеет к морю. С тем и отбыл он в родные места.

Бекиров свыкся с поездками. Трест был республиканский, и объекты находились в каждой области, в каждом городе, а теперь вот и аграрно-промышленные комплексы начали возводить в районах. Так что начальники не особенно засиживались в кабинетах. Но с железной дорогой у него были связаны и давние, юношеские воспоминания. Учился он неподалеку от дома, в пяти часах езды, в Оренбурге, и домой наезжал через неделю: то картошки прихватить, то каравай домашнего хлеба, тогда в Мартуке еще в каждом доме пекли свой хлеб, то яиц, а зимой иногда и мяса. В первые годы студенчества тянуло к друзьям детства, к мартукским девчатам. Уезжал он из дома в полночь ташкентским почтовым. Сразу после танцев в районном Доме культуры забегали веселой гурьбой к Бекировым, где Минсафа-апа поджидала с самоваром, а отчим давно уже спал. Наскоро, подшучивая друг над другом, пили чай, потом кто-нибудь прихватывал тяжелую спортивную сумку Фуата, а он, стесняясь материнских ласк, торопливо прощался с матерью; и опять с шумом, распевая что-нибудь залихватское, компания подавалась на вокзал. Ездил он, как и все студенты, в переполненных общих вагонах, каким-то чудом всегда отыскивая свободную багажную полку у самого потолка, и, тут же уместив под головой сумку, проваливался в крепкий молодой сон. А иногда подолгу стоял в безлюдном тамбуре, не замечая холода, вспоминал с нежностью, до слез в горле, как это бывает только в молодости, какие замечательные у него друзья и какая прекрасная девушка согласилась проводить его. Вот тогда он и полюбил поезда, хотя ни разу не ездил

в роскошных спальнях вагонов, где зеркала во всю дверь и яркие ковровые дорожки устилают коридор, а на нежно-зеленый велюр мягких диванов падает интимный свет матовых ночников.

Стоя у окна, глядя в выжженную жарким солнцем бескрайнюю казахскую степь, Бекиров то и дело мыслями возвращался к отчиму. Нет, не о предстоящих пенсионных делах думал он. Сейчас, под мерный стук колес, он остро ощутил, как коротка человеческая жизнь. О том, что она коротка, в свои тридцать семь Фуат Мансурович, разумеется, знал, но так остро, до волнения, он почувствовал это только теперь. Как же так? Этот как будто совсем недавно гибкий, по-юношески стройный мужчина, мастерски игравший за «железку» в волейбол и приезжавший к ним на сиявшем хромом и никелем голубом трофейном велосипеде «диамант» — неслыханной роскоши на селе послевоенных лет, — уже уходит на пенсию. И еще более странным казалось то, что он, ловкий и смелый, имевший в селе больше всего орденов, нуждался сейчас в его, Фуата, помощи. А ведь когда-то, мальчишкой, он с отчаянием думал, что ни на что не сгодится в жизни, а уж стать таким человеком, как отчим, — казалось совсем невероятным. Да и мог ли он тогда подумать, что когда-нибудь хоть чем-то сможет помочь Исмагилю-абы? Конечно, нет! Даже сейчас, почти через тридцать лет, Бекиров словно услышал в пустом коридоре задорный смех сильного, уверенного человека — так смеялся отчим.

Встречала его мать. Не видел ее Фуат Мансурович лет пять. Минсафа-апа в последние годы сильно сдала. С тех пор как его перевели из управления в трест, и отпуск не каждый год выпадал, да и к морю тянуло, однажды всей семьей даже в Болгарии побывали, день в день уложились, — Бекировы все откладывали поездку к старикам на следующий год. Да и сама Минсафа-апа перестала приезжать в гости, ноги стали побаливать, а в поездках теперь, хоть зимой, хоть летом, не протолкнуться, словно весь народ великое переселение затеял, мука одна, а не дорога. Самолетом мать летать побаивалась. Кто ее знает, эту крылатую машину, на колесах спокойнее. И главный довод у матери — корову не на кого оставить, прежние соседи в город, к детям подались, а новые, интеллигенты, сами ни скота, ни птицы не держат, не то что за чужим хозяйством приглядеть. Корова же уход любит, времени требует. Так вот и не виделись лет пять, а для тех, у кого время не в гору, а под гору бежит, ох, как заметны эти долгие годочки.

Мать Фуата Мансуровича долго красивой и статной была. Не зря, наверное, завидный жених Исмагиль ее с ребенком взял, хотя в каж-

дом доме невеста любого возраста нашлась бы. Трое, трое всего парней вернулись в Мартук с войны, а ушло... лучше и не вспоминать.

Вросший окнами в землю дом, где родился Фуат Мансурович и во двор которого когда-то лихо вкатил на «диаманте» Исмагиль-абы, стоял раньше у дороги. Теперь на этом месте отцвелал запущенный розарий. Розарий был разбит давно, во времена всеобщего увлечения Мартука розами, а теперь здесь росли густые, одичавшие кусты, как ни странно, ярко и щедро зацветшие с тех пор, как оставили их без внимания. Вплотную к колючим кустам жался веселый штaketник: красно-белосиний, так его всегда красил отчим, так же чередуются цвета и теперь. С обеих сторон невысокого заборчика в землю были врыты лавки. Толстые плахи, на которых нацарапаны дорогие для кого-то девичьи имена, потемнели, а одна чуть треснула. Бекиров хорошо знал эти лавочки. Они, как розы, а позже персидская сирень, были в свое время очередным увлечением Мартука. У каждого дома, каждого палисадника имелись лавочка, скамейка на свой лад, и у жителей считалось доброй приметой, если по весне в скворечнике поселилась птаха, а молодые облюбовали скамеечку у их дома. Была заветная скамеечка и у Бекирова — на Ленинской, у дома сапожника дяди Васи Комарова.

Новый дом, стоявший в глубине двора, отчим выстроил лет пятнадцать назад, когда был еще в силе и наконец-то деньги завелись в семье. Тогда Фуат Мансурович только окончил институт и работал на Крайнем Севере. Помогая строить деньгами, Фуат Мансурович уверял для успокоения родителей, что, отработав положенное, вернется домой навсегда. Тем более что писали родители ему: организуется в Мартуке строительно-монтажное управление и решено строить в их краях два крупнейших, невиданных доселе элеватора.

Дом строили, нанимая людей. Саман купили у цыган, промышлявших летом этим трудным ремеслом. Хотя выглядел отчим тогда еще молодцом, но на тяжелую работу уже не годился. Зато архитектором, прорабом, бригадиром, снабженцем был отменным и, нанимая людей, знал, кто на что способен. Плотничал одноногий Гани-абы Кадыров. Какие песни пел за работой неунывающий, громкоголосый, единственный в селе башкир! Минсафа-апа часто заслушивалась и запаздывала с обедом. И какие резные наличники, какого веселого петушка на коньке крыши оставил на память о своей работе Гани-абы! Люди по сей день останавливаются полюбоваться, проходя мимо дома Бекировых, а ведь об этих «излишествах архитектуры» с мастером не договаривались.

По дороге с вокзала Минсафа-апа, обрадовавшаяся сыну, но как будто уже пожалевшая о своей затее, строго-настрого предупредила его, чтобы дома ни слова о пенсии, а уж если и пойдет он в собес, то осторожно, чтобы не дошло до отчима.

Вечерело. Мягкий, покойный закат, обещавший на завтра хороший день, розово окрасил полнеба за огородами, когда они с матерью добрались до двора. Отчим, видимо, только закончил поливать из шланга зелень, цветники, запущенный розарий, и асфальтовая дорожка, нагретая за долгий день жарким солнцем, чуть дымилась. В воздухе стоял запах земли, сада, пахло так, как может пахнуть после дождя только в деревне. Он стоял у самовара, добавляя из совка истлевающие рубиновые куски угля, чтобы медный красавец запел; видимо, это было главным заданием Минсафы-апа, потому что тут же, на летней веранде, уже приготовлен был стол.

Внешне отчим изменился мало, только заметно поредел его седой ежик, стрижка, которой он не изменял всю жизнь. Но Фуат Мансурович заметил, как мал и худ сделался отчим, словно подросток, даже его шестиклассник сын обошел деда. Что-то так же незаметно сместилось в лице и дикции, но Бекиров понял сразу, в чем тут дело, наконец-то отчим поставил зубные протезы, нашел все-таки время для того, чтобы в последний черед заняться и собой.

Они как-то неловко, словно смущаясь, обнялись, и Бекиров ощутил острые лопатки отчима под теплой фланелевой рубашкой. Минсафа-апа, что-то наскоро убрав со стола, что-то добавив, пригласила к нему мужчин.

Исмагиль-абы прихватил из ведра у колонки чекушку захолодевшей водки. Выпили за проезд и закусили первыми малосольными огурцами с собственного огорода. Слово за слово, отчим спросил: надолго ли, или опять на пару деньков?

— Наверное, надолго,— ответил Фуат Мансурович и неожиданно добавил: — Соскучился я по дому...— И понял, что не слукавил, сказал правду.

Ему было радостно ощущать на себе теплые взгляды матери, чувствовать ненавязчивое внимание отчима. Приятно было вдыхать забытые запахи тлеющего самоварного угля, свежей кошенины, уложенной на просушку на крыше низкого сарая, удивляться по-деревенски пахучему аромату масла, молока. Ему захотелось пожить дома, куда когда-то собирался вернуться навсегда, а, по существу, живал здесь несколько лишь раз, наездами. А ведь отчим,

узнав о решении Фуата уехать с Севера в Среднюю Азию, записал дом на имя приемного сына. Вот и выходило, что хозяин приехал в родной дом, его собственный.

Таких домов в Мартуке раньше не было; можно сказать, с Бекировых началось строительство больших, просторных, со стеклянными верандами домов. Теперь, правда, пошли дальше — и веранды сделали теплыми, и воду в дома провели, и отопление паровое с собственным котлом у добрых хозяев не редкость. Пришла, пришла и сюда хорошая жизнь, забыты голод и холод — вечные спутники степного Мартука. Так получилось, что Фуат Мансурович, считай, и не видал дома сытой жизни — в эти края пришла она с целиной, и первый недостаток, тогда еще не очень-то и ощутимый Бекировыми, стал заметен только в самом конце пятидесятых, когда Фуат уже студентом был. Каждый лишний рубль шел на него, хотя жил Бекиров, как многие, скромной, рассчитанной до копейки жизнью, — студенчество тогда умело обходиться без излишеств.

Старики определили сына на его половине нового дома — большой зал с роскошным фикусом и темноватая спальня, такой она была задумана, ведь, ожидая Фуата, надеялись и невестку увидеть. Каждый раз, будучи проездом в Мартуке и живя несколько дней в отчем доме, Фуат Мансурович думал о том, как бы сложилась его жизнь, вернись он сюда. Иногда такой красивой и безмятежной рисовалась эта жизнь, что казалась похожей на сказку, мираж. Потом взволнованный Бекиров вдруг улыбался и успокаивал себя: что ни делается, все к лучшему. Ведь в этой воображаемой жизни — удобной, с опорой на родителей и крепкое хозяйство — не было места главному для него, любимой работе.

Фуат Мансурович был инженер-монтажник по призванию. В начале шестидесятых попасть на Крайний Север было совсем не просто, распределяли туда лучших, а на студента-третьекурсника Бекирова пришла персональная заявка, ибо по его проекту уже два года забивали свайные основания на мерзлых грунтах. На Севере ценят сметку, знания и умение, истинная значимость каждого определяется быстро, потому и Бекиров быстро нашел там свое место, а бывалые северные строители признали в нем инженера.

Когда первый управляющий Бекирова получил задание возвести в кратчайший срок в Средней Азии химический комбинат, то единственной просьбой его к парткому было разрешить взять с собой несколько коллег, в число которых попал и Фуат Мансурович. Бекиров

понимал, что дома нет пока применения его знаниям, а на масштабность Севера, который быстро приручил его мыслить крупными категориями, и вовсе рассчитывать не приходилось. Ведь даже элеватор, который начали возводить с опозданием на два года, еще и заморозили лет на пять. Да и что особенного в строительстве элеваторов? Отладить подвижную опалубку, потом день и ночь гнать бетон — для этого большого ума не требуется, надо создать сильную группу главного механика да найти толкового мужика на бетонный узел.

Родителям он, конечно, об этом никогда не говорил, подумали бы: ишь, какой инженер выискался, масштабы ему подавай! Старики считали, что Фуат оставил Север и подался в Среднюю Азию только потому, что СМУ в Мартуке создали с опозданием года на два, да и хлипким оно оказалось. А в это время сын уже корни пустил в узбекской земле: женился, ребенок. Конечно, вернись он в Мартук, думал иногда Бекиров, нашлось бы дело и для него; но был бы он что капитан без моря или летчик без неба, а работа для мужика — главное, это Фуат Мансурович усвоил в не богатом работой поселке с детства.

Дома, в Ташкенте, запруженном дипломированными специалистами, три четверти которых были такими же выходцами из маленьких местечек, как и он сам, Фуат Мансурович иногда с некоторой жалостью думал о своих коллегах, не состоявшихся, по большому счету, инженерах, напрасно протирающих штаны отделах и бюро с раздутыми штатами. Как, наверное, они нужны у себя на родине, дома. Этим людям, которым масштабность противопоказана по их сути, в малом, наверное, удалось бы показать себя, ведь строится страна-то из края в край, сейчас в любом раньше забытом богом уголке высится башенный кран. Но нет, привыкли, притерлись, так и живут по многим городам, иногда вспоминая с тоской о родных хуторах, аулах, кишлаках, селах, несостоявшиеся горожане и не очень грамотные инженеры. Найти себя — это не только привилегия юности, найти себя и выбрать дорогу — это дело всей жизни.

Утром, когда Фуат Мансурович проснулся, отчима уже не было: промкомбинат, в котором Исмагиль-абы трудился тридцать с лишним лет, начинал работать с половины восьмого.

Чай пили на веранде, с распахнутыми в огород окнами. Бекиров пребывал в добром расположении духа: хорошо выспался, ведь даже сны видел приятные, о давней, отроческой жизни в Мартуке. Минсафа-апа, заметившая это, приободрилась. Вчера на вокзале ей показалось, что Фуат приехал скорее по долгу, чем по велению серд-

ца, но сейчас она видела, как радуется сына солнышко, гулявшее в огороде, пыхтящий самовар, видела, какими соскучившимися глазами оглядывает он соседние дворы за ветхими, покосившимися плетнями, как тянется то и дело взглядом к жеребенку в казахском дворе Мустафы-ага. Сидели они долго, Минсафа-апа дважды подкладывала из совка жаркие угли, чтобы не кончалась песня надраенного до золотого блеска ведерного самовара. Казалось, не иссякнут сыновние расспросы и не будет конца ответам, потому как за каждым ответом чья-то жизнь, так или иначе соприкасающаяся с давними днями.

Но разговор их прервали: пришли две казашки, которых мать тут же усадила за стол. И, обращаясь к той, что постарше, своей ровеснице, сказала, гордясь: вот, сын приехал в отпуск из Ташкента, большим инженером там работает... А та ответила, что помнит Фуата, мальчишкой с другими ребятами приходил к ним во двор поздравлять с гаитом, да жаль, не щедро она одаривала их, время трудное было, а сейчас милости просим, барана зарежем, гостем будете, слава Аллаху, жизнь и к нам повернулась лицом.

Фуат Мансурович, выпив с гостями традиционную пиалу чая, оставил женщин за столом, а сам подался в поселок. Весь день не шло у него из головы, кто же эта аккуратная старушка в розовом бархатном жилетике и где, в какой стороне их усадьба, но так и не вспомнил, а ведь Мартук его детства был не так уж велик. За последние пять лет многое изменилось: грейдерная Украинская улица покрылась асфальтом, почти исчезли на ней старые дома, поотстроились заново, считай, все. Теперь новая мода пошла — обкладывать снаружи светлым кирпичом-сырцом саманные дома, и веселее, наряднее стала улица. Узнавая и не узнавая усадьбы, на чьи огороды не раз, бывало, в детстве совершал лихие налеты, а позже тайком рвал с грядок цветы для девчат, Бекиров незаметно прошел собес, старое, под ржавой крышей здание. На его памяти там всегда и отдел образования ютился в двух крошечных комнатах. «Ладно, успеется», — подумал Фуат Мансурович и не стал возвращаться. Проходя мимо промкомбината, Бекиров замедлил шаг, а потом и вовсе остановился, захваченный воспоминаниями. Перейдя через дорогу, присел с сигаретой на лавку в тени акаций у веселого, желтой окраски дома, обшитого деревом.

Промкомбинат, главный кормилец Мартука, долго, до тех пор, пока целина не набрала силу, оставался единственным работодателем поселка. Фуат Мансурович знал все ходы и выходы на его казавшейся тогда огромной территории, ведь не раз приходилось носить в сумер-

ках отчиму скудный ужин, — случалось, Исмагиль-абы работал в цехе до глубокой ночи. А в праздники, умытый и по возможности принаряженный, бегал сюда на утренники. Какие елки, с какой выдумкой организованные, проводила артель (так в просторечии называли в селе промкомбинат)! А подарки, вручавшиеся «настоящим» Дедом Морозом (не издерганной теткой со списком), даже по нынешним меркам были истинно новогодними, ибо уже за два-три месяца готовились порадовать детей, и людей равнодушных, способных урвать на ребячьей радости, за версту не подпускали к светлому, праздничному.

Бекиров осматривал вытянувшиеся вверх на три-четыре этажа новые цеха комбината. Знал он, что на втором этаже вон того дальнего углового здания отчим стегает ватные одеяла, а уж какие они получаются мягкие, с красивым узором-строчкой, из ярких атласов и цветной хлопчатки, Фуат Мансурович вчера видел сам. Одеяла эти хорошо раскупались в районе, а теперь и облпотребсоюз присылает заявки, успевай только стегать, не залеживается работа Исмагиля-абы. Хотелось Бекирову подняться к отчиму в цех и, никуда не спеша, посидеть рядом, не мешая, а потом вместе через весь поселок вернуться домой, до обеда-то отчиму уже недолго. Но Фуат Мансурович опять решил, что успеется, нечего торопиться. Вдруг пришло на ум, что стоило бы рассказать о волоките с пенсией отчима парторгу комбината; хоть дед и не партийный, зато ветеран комбината, а не перекаати-поле, кому в трудовой книжке и штамп некуда ставить; к тому же фронтовик, орденосец.

Бекиров встал и решительно направился к одноэтажному административному флигелю под цинковой крышей, единственному зданию, оставшемуся с прежних времен. Но комната парткома оказалась на замке, а спрашивать кого-либо, по какому случаю закрыто, не хотелось, того и гляди до Исмагиля-абы дойдет: мол, сын парторга разыскивает.

Он уже выходил из узкого темного коридора на улицу, как вдруг его окликнули:

— Федя...

В Мартуке, где двор ко двору жили русские, немцы, украинцы, татары, казахи, а в давние времена, когда он учился в школе, еще и чеченцы и ингуши, всех звали на русский лад, и никого это не обижало; вот только иногда, когда дело доходило до документов, случалась путаница: оказывалось, что какой-нибудь Григорий, которого сызмальства все знали как Гришку, по паспорту оказывался Гарифуллой. Он же для всех здесь был Федей, а отчим — Алексеем.

Обернувшись, Бекиров увидел тетю Катю, жившую раньше напротив, через дорогу. Сколько помнил Бекиров, она всегда работала в бухгалтерии артели. Тетя Катя обняла Фуата Мансуровича, и они вместе вышли во двор.

— Сколько ж лет я тебя не видела, Федя... Помню, с Севера в отпуск на новоселье приезжал, тогда я еще плясуньей и певуньей была. Добрый дом отгрохал Алексей, хвалился тогда, что женить тебя будет и внуки, мол, скоро по дому просторному побегут... Как, дети-то есть?

— Есть один, парень.

— Мы ведь теперь получили казенную хату за железной дорогой, строиться нам, старикам, не по силам, да не по деньгам. А дети, как и ты, разлетелись, не чаще, чем тебя, вижу. Как матушка? Я ее ведь тоже года два не видела. Вот, господи, в одном селе, называется, живем... Раньше-то я часто у вас бывала, сколько попила чаю из вашего самовара, бывало — с сахаром, бывало — «вприглядку», всяко довелось. Иное время и вспомнить страшно. Слава богу, что на старость и к нам жисть людская пришла. А ты зачем к нам в артель пожаловал, Федя?

— Да вот с парторгом хотел увидаться, только вы уж, тетя Катя, отцу об этом не говорите.

— А, понимаю. Характер у Алексея мужской, дважды не просит. Слышала, обиделся он на собес. Это хорошо, что ты вызвался помочь старику, такое уж время бумажное, к справке справка требуется, а иную справку добыть — в пояс кланяться нужно, просить, а твой отчим смолоду такой, умрет с голоду, но не унизится. Настрадалась, поди, родительница твоя от гордыни его? Правильно жил твой отчим и от других того же требовал, да люди-то все разные. Ты помоги, помоги старику. А у меня давно все готово, все подсчитано, не шибко, правда, много получается, но все поскребла, трижды просчитала, ничего не упустила. Не было денежной работенки в наших краях, хоть надрывались порой, да ты и сам, чай, помнишь...

Бекиров промолчал.

— Я отдам тебе, Федя, папочку с документами на время, посмотри сам, просчитай, дело нехитрое. Дам, хоть и не положено, с Алексеем нас жизнь и смерть связывают. Ведь с ним уходил на службу, на его глазах погиб, им похоронен мой Дмитрий. Дружки неразлучные были.

Тоненькая папка на тесемочках хранила не только выписки из приказов, ведомости заработной платы за многие давние годы, расчеты и прочие финансовые документы, необходимые для установления размера пенсии отчиму, она хранила историю их семьи. По ней

можно было проследить почти всю жизнь Исмагиля-абы, пожелтевшие листы бумаги возвращали Фуата Мансуровича к детству, отрочеству. Иногда в комнату, где он сидел за письменным столом, незаметно входила Минсафа-апа. Она бережно, как только мало учившиеся люди обращаются с документами, брала какую-нибудь бумажку, исписанную выцветшими фиолетовыми чернилами, и тут же узнавала в строчках, выведенных тонким ученическим пером «рондо», руку Кати Панченко, их бывшей соседки. Поначалу Фуата Мансуровича удивляло, что мать, только взглянув в ведомость, в строку, где указаны жалкие гроши, что зарабатывал муж более чем двадцать лет назад, помнила, не вчитываясь в документ, за что они были выплачены. И тут же, если была в настроении и не одолевала дела, начинала рассказывать о чем-нибудь примечательном, памятном из того давнего года. Рассказывая, тайком утирала краешком платка слезы. И перед Фуатом Мансуровичем из вдруг озаряемых яркой вспышкой памяти полузабытых картин складывалась не только судьба их семьи, а еще и история артели Мартука.

Память матери удивляла сына еще потому, что, проработав на одном предприятии много лет, отчим сменил десятки профессий — попробуй упомни. Нет, Исмагиль-абы никогда не был летуном, бездарью, неумехой. «Золотые руки, золотая голова» — так говорили все про отчима, это Фуат Мансурович слышал сам, и не раз. Дело было в ином: артель долгие годы была маломощной, да и планирование, как теперь понимал Бекиров, бестолковым, как и во многих и многих маленьких местечках, подобных Мартуку. Чуть ли не каждый год открывались одни цеха и закрывались другие. Едва какой-то цех, обучив людей, начинал набирать силу и кое-как выполнять план, обрадовав забрезжившей надеждой хорошего заработка, как бессменный председатель артели Иляхин вынужден был нести рабочим горькую весть: закрывают производство по велению областных деятелей. А через год артель, растеряв оборудование, людей, спешно организовывала тот же цех, зачастую для изготовления прежней продукции.

Каких только цехов не имела артель: и шорный, и кондитерский, и даже сани делали — кошевые, легкие, быстрые, в них разъезжали председатели колхозов всей области. Богата все же наша земля умельцами и толковыми мужиками, если даже в крошечном Мартуке за любую работу брались — хоть чесанки валять, хоть тулуп, полушубок справить, хоть шаль-паутинку связать, и получалось одно загляденье, так что память о них до сих пор не выветрилась.

А все артельные ликвидации начинались с сокращения штатов. Но миновала чаша сия Исмагиля-абы — работник он был умелый и безотказный, да и по праздникам при всех орденах, которым было тесно на его неширокой груди, сидел всегда в президиуме, так что неудобно было с фронтовиком худо обходиться. Пряча глаза в пол или отводя их в сторону, говорил обычно Иляхин: «Ты уж, Алексей, не обессудь, опять в новый цех учеником пойдешь, ты одолеешь...» Потому-то и встречались Фуату Мансуровичу ведомости с графой, где отчиму причиталось 280–320 старых рублей, а работали тогда не только без свободной субботы, но и воскресенья частенько прихватывали.

Минсафа-апа вспоминала не только грустное; вдруг, казалось бы, не к слову, глядя в те же графы, она говорила, что это был месяц выборов. Тепло, волнуясь, с посветлевшим лицом называла по имени-отчеству тогдашних депутатов. И Фуат Мансурович, уже вполуха слушая мать, видел радостные, праздничные дни выборов в Мартуке. Главный агитпункт, где проводились и сами выборы, располагался тогда в школе, и по вечерам в агитпункте уже за месяц до срока играла радиоло, ярко горели огни. А в день выборов затемно, когда он еще спал, родители уходили голосовать. Возвращались веселые, возбужденные, видимо, успев пропустить рюмочку-другую с друзьями, сослуживцами, родственниками; дело не зазорное в такой всенародный праздник, а мать еще и напляшется и под русскую гармонию, и под татарскую тальянку с колокольчиками. Возвращались они всегда с чем-нибудь вкусным: апельсинами, халвой, ржаными пряниками или копчеными лещами, товарами редкими и потому памятными.

Позавтракав, он и сам, торопливо одевшись, бежал в школу. Празднество уже было в разгаре. В зале под радиолу танцевала молодежь, в классах — под баян, аккордеон, гитару, в каждой компании свой инструмент — плясали или пели люди постарше, семейные. Работали буфеты, магазины. Торговали пивом, по такому случаю щедро завезенным из города. А во дворе школы стояли запряженные кауры секретаря райкома. Дуги, сбруя, да и сани были ярко украшены. В санях стоял ящик для голосования, обитый кумачом; прямо к дому подъезжали к старым и немощным, чтобы и те смогли отдать свой голос за кандидата, которого поддерживал весь Мартук. Праздник начинался вечером накануне; молодежь и не расходилась до утра, голосовали первыми, к десяти утра Мартук уже рапортовала о выборах в область, а праздник, рекой выплеснувшись на улицы и в дома, продолжался до позднего вечера.

Захваченные воспоминаниями, засиживались они с матерью иногда часами, а однажды проговорили до самого обеда, опомнились, только увидев у калитки отчима. Фуат Мансурович от растерянности не все бумажки успел припрятать, но Исмагиль-абы, к радости матери, не обратил на них внимания.

За столом, или поливая с отчимом по вечерам огород, а то мастеря что-нибудь по хозяйству,— дел в любом доме всегда с избытком,— Фуат Мансурович лишь изредка перекидывался о отчимом малозначащими фразами, в основном только по делу. Бекиров уже успел заметить, что у мужчин контакты со своими отцами со временем становятся гораздо труднее, сложнее, что ли, чем у женщин; у тех, кажется, наоборот, с годами дочери теснее сближаются с матерями. Может, оттого сейчас так получалось, что в детстве Бекиров и его сверстники не видели дома такой уж большой ласки, и вообще не до того тогда было. У родителей одна была забота — как бы накормить ребятишек, обуть, одеть. Уходили на рассвете, приходили с закатом, но заработанного едва хватало, чтобы свести концы с концами. До ласк ли было...

Фуат, хоть всего шесть лет ему исполнилось, не называл отчима отцом, потому что уже знал — его отец, танкист, погиб под Москвой; да и позже никогда не называл его «ати», а всегда «абы». Хотя, помнится, поначалу Исмагиль-абы, чтобы привык к нему парнишка, много времени потратил на него. Рискуя расшибить, ободрать сияющий хромом «диамант», научил его раньше всех мальчишек кататься на велосипеде. И санки, и коньки самодельные, и лыжи-самоструги сделал Фуату, но так ни разу и не услышал долгожданного «ати». Вспоминая это, Фуат Мансурович даже сейчас не мог понять причину детского упрямства. Ведь у многих не было отцов, а у него был, такой замечательный, веселый, да еще с орденами — и Фуату завидовали все мальчишки, считая, что дядя Алексей самый сильный в Мартуке, хотя и намного меньше ростом, чем отец Петьки Васютюка.

В отсутствие матери Фуат Мансурович открывал окованный медью старый китайский сундук, некогда девичье приданое бабушки. В узком боковом отделе он находил ордена и медали Исмагиля-абы. Даже по нынешним скептическим меркам людей, не нюхавших войны, награды отчима были высокие, и было их действительно много: девять. А первый орден отчим получил в тридцать девятом, на озере Хасан. Рассматривая вновь эти ордена, к которым в детстве его тянуло как магнитом, Фуат Мансурович вспоминал: хоть и трудно было

принимать в те годы гостей, а все-таки праздники не обходились без них. Водкой тогда баловались только по особо важным случаям или ставили бутылку-другую в красном углу стола для дорогих и редких гостей — не по карману была она мартучанам. А готовили хозяйева, ждавшие гостей, за неделю-две до праздников «бал» — разновидность русской бражки, медовухи. Напиток не крепкий, но с градусами, и делали его в каждом доме по своим рецептам. Людей, гнавших подобное зелье на продажу, не было, а на производство «бала» для себя власти смотрели сквозь пальцы.

Фуат Мансурович, перебирая награды, вспоминал, что обычно в праздничные дни отчим прилаживал на свой полувоенный френч только вот эти три ордена, теперь-то Бекиров знал им цену — ордена Славы. Но это было давно-давно, когда отчим со своей матерью, бабушкой Зейнаб-аби, только приехал к ним насовсем; тогда он еще разъезжал на «диаманте» и не пропускал ни одной игры в волейбол за «Локомотив», команду станции, за которую играл еще до войны. Раньше за ордена и медали выплачивали деньги. Фуат помнил это хорошо, об этом и сопливые мальчишки говорили, и соседки судачили. Пусть не ахти какие деньги, но, поскольку у отчима наград было немало, и если учесть, что в Мартуке каждую копейку приходилось считать, ибо заработать-то особенно негде было, «наградные» являлись большим подспорьем. С наградных-то и баловал Исмагиль-абы иногда Минсафу-апа и Фуата. Но выплаты очень скоро отменили. В Мартуке событие это, считай, никого, кроме отчима, не коснулось. Фуат помнил, как переживал, маялся отчим, ведь выплаты были не только подспорьем семье, а как-то поднимали его в глазах сельчан: не просто фронтовик, а воевал как надо, потому и почет, награды... и вдруг как обухом по голове! Маялся отчим еще и потому, что были люди, намеренно подначивавшие его, называя ордена «железками»; по их словам выходило, что теперь, после отмены выплаты, все равно, хорошо ты воевал или за спины товарищей прятался. Война, мол, кончилась, новая жизнь началась — все с нуля, старое, мол, перечеркнули. И еще помнит Фуат, как у них дома на Октябрьские праздники отчим подрался из-за этого с каким-то мужиком, приехавшим из Оренбурга с мелочной торговлей.

— Провокатор, сволочь! — кричал разъяренный Исмагиль-абы, и рыжие веснушки, словно капли крови, горели на его мертвенно-бледном лице. — Я бы таких, как ты, расстреливал на месте, гнида, спекулянт...

Его едва удерживал, обхватив сзади, первый друг и первый силач в округе Алексей Тунбаев.

А торговец, ретируясь, показывал кукиш и зло огрызнулся:

— Вояки... Обвешались, как бабы, побрякушками и хотите тут порядки фронтовые завести... Поплачете, хлебнете еще горюшка на гражданке со своей совестью и правдой, бесштаннные генералы...

С тех пор отчим реже доставал из сундука свои ордена. Гулянок в праздники с дракой, руганью Фуат Мансурович не помнил. Больше взрослых ожидал Фуат прихода гостей. Чаще всего бывали у них дома одни и те же люди: Васятюк, соседи Панченко, несколько оренбургских татар — отчим был родом оттуда, одна-две вдовы, подружки Минсафы-апа, и всегда Гани-абы, плотник, с деревяшкой вместо левой ноги, первый песенник и гармонист. А какие песни, татарские, башкирские, русские, украинские, певали на этих вечеринках! За песни больше всего и любил гостей Фуат. А иногда вдруг — тогда еще много говорили о прошедшей войне — заводили разговор о солдатских путях тех, кто собирался за столом. Обычно начиналось со слов: «а вот в Германии» или «а в Польше...». И разговор чаще всего был о мирном: об укладе, привычках, нравах, хозяйствовании, о скоте... Но вспоминали и о боях, о жестоком. Да разве можно было избежать этой темы, если и в Германии, и в Польше остались навечно друзья-товарищи, земляки. Отчим, как ни странно, чаще всего уклонялся от таких разговоров, но всегда находил в компании новый человек, который знал или слышал о его наградах и, естественно, спрашивал, а этот орден, мол, за что, а этот? Исмагиль-абы отвечал коротко: за форсирование Днепра, за освобождение Киева, за Брест, за выполнение особо важного задания. Но изредка, под настроение, а то подогретый воспоминаниями своего друга Васятюка, рассказывал и Исмагиль-абы.

Из этих рассказов постепенно сложился у Фуата образ отчима-фронтовика. Сейчас в этом не по возрасту сдавшем, немногословном и тихом старичке очень было трудно признать солдата, и далеко не робкого десятка. И Фуат Мансурович то и дело возвращался к тому давнему образу, нарисованному детским воображением. Воевал Исмагиль-абы в разведке, а точнее — обеспечивал разведке связь. Забираясь в тыл, подсоединялся к вражеской сети, а офицер, знавший немецкий, занимался подслушиванием. Разумеется, в таких ситуациях не раз и не два приходилось сталкиваться с немцами нос к носу, почти всю войну он ходил за линию фронта, иногда оставив за спиной километры ничейной, нейтральной территории, даже просто пройти

по которой было делом сложным и стоило многих жизней. Отчим был огненно-рыж и, наверное, действительно смахивал чем-то на немца. Почти всю войну, уходя на задание, он надевал форму солдата вермахта, тщательно подогнанную полковыми портными. Форма эта была у него на все сезоны, и автомат, с которым он не расставался ни днем, ни ночью, был немецкий «шмайссер».

Из рассказов, услышанных в детстве, больше всего запала Бекирову в память такая сцена. Отчим под носом у немцев подсоединяет на столбе провод для подслушивания. Экипировка, наушники, инструмент, все чин чином — немецкий связист, да и только. А рядом, в густом кустарнике, — товарищи, ждут, когда сержант, спустив незаметно по столбу провод, дотянет его до офицера, знающего язык. И вдруг, совершенно неожиданно, шагах в десяти появляются немецкие солдаты, человек пятнадцать. Завидев сержанта, они что-то весело кричат и смеются, сержант, опережая их, делает единственно возможное, торопливо берет в зубы концы проводов и, также весело улыбаясь, машет в ответ рукой. Рукава закатаны по локоть. Руки, лицо густо усыпаны яркими веснушками — весна. Веселый, храбрый Ганс, на тонкой шее болтается «шмайссер», а у столба лежит ранец из телячьей кожи, загляни ненароком — все немецкое, до губной гармошки. Все продумано в разведке, но главная надежда на выдержку, хладнокровие, на характер. Даже через годы Фуат Мансурович словно чувствует, как предательски подрагивают ноги отчима, того и гляди «когти» сорвутся, как руки невольно тянутся к вмиг потяжелевшему «шмайссеру», но нельзя, и он долго-долго, сквозь холодный пот, улыбается и машет немцам, признавшим в нем своего...

Недели или даже десяти дней, как рассчитывал Бекиров, оказалось недостаточно, чтоб уладить дела, но, честно говоря, все эти дни Фуат Мансурович почти не вспоминал о путевке в Алушту. Напомнил ему об этом звонок жены, и Бекиров, чтоб не огорчать ее, сказал, что все уладилось и он послезавтра улетает к морю. А на самом деле на послезавтра он наметил поездку в Оренбург, и не потому, что хотел встретиться с городом студенческой юности, хотя поездка этим тоже была приятна; главное, нужно было внести в метрику отчима поправку в отчестве и уточнить для собеса дату рождения.

Юные девицы из собеса и довольно молодая дама, их начальница, ни заглядывать в справочники, подготовленные народным судьей Бекировой, ни выслушивать аргументы самого Бекирова не стали. И, как понял Бекиров, здесь вообще мало кого выслушивали, и любимой

поговоркой, повторяемой много раз на дню, была: «Москва слезам не верит», хотя Бекиров и возразил, не сдержавшись, что Мартук далеко не Москва. Быстро оценив ситуацию, а главное, почувствовав непробиваемость стены равнодушия, потому как юные чиновницы надежно упрятались за букву закона, за какой-то пунктик его, зная, что в любом случае останутся правы, а пожалуешься — так отделаются выговором, который, по их же словам, им «до лампочки», Фуат Мансурович смирился и решил все же представить документы, где в отчестве вместо «в» будет «ф», а в метрике вместо пятого марта будет девятое. А что этот человек тридцать с лишним лет подряд ходил по соседней улице на родное предприятие, ревностных законниц нисколько не волновало.

Выехал Фуат Мансурович ранним утром поездом. Дорога и прежде была неблизкой, а стала еще длиннее: поезд до Оренбурга теперь шел не пять, а шесть часов, явление при нынешних скоростях совсем уж необъяснимое. В вагон он проходить не стал, хотя места имелись и была возможность подремать еще часок-другой, да и молодая проводница настойчиво приглашала, но он так и остался в громяющем безлюдном тамбуре. Протерев носовым платком давно не мытое окно (платок, естественно, пришлось выбросить), Фуат Мансурович вглядывался в набегающие станции, разъезды. Путь этот он одолевал многократно, когда-то, как считалку, мог назвать он разъезд за разъездом, станцию за станцией от Мартука до Оренбурга и обратно. А вот теперь он узнавал только некоторые: Мартук, Яйсан, Акбулак, Сагарчин. Выпали, выветрились из памяти названия знакомых местечек, да и изменились они очень, выросли, одни названия и остались.

В тамбуре вспомнился вчерашний, казалось бы, незначительный случай.

Утром Минсафа-апа, достав все из того же сундука, где хранились ордена, с десятков облигаций сорок седьмого года, попросила Фуата Мансуровича проверить в сберкассе, может, и попали они под погашение, многие сейчас, мол, выигрывают. Часа два Бекиров провел в книжном магазине, где, на удивление, оказались нужные для него технические книги, справочники, ГОСТы, каталоги. Отобрав по несколько экземпляров для технического комбината и библиотеки треста, он вспомнил о наказе матери и заглянул в сберкассу, где, к своей радости, получил тридцать рублей. Родители, потеряв надежду, что сын вернется к обеду, уже сидели за самоваром, когда появился улыбающийся Фуат Мансурович. Он тут же торжественно передал

матери новенькие хрустящие десятирублевки. И странно: неожиданно свалившиеся деньги не вызвали восторга ни у матери, ни у отчима. Бекирова это настолько удивило, что он решил пошутить:

— Так разбогатели, что и тридцать рублей вам не деньги?..

Но шутка, он понял, оказалась неуместной, и Бекирову кусок в горло не шел за обедом, и даже теперь, в безлюдном тамбуре, он чувствовал, как краска стыда заливает лицо.

— Ах, сынок,— ответила, вздохнув, Минсафа-апа,— в сорок седьмом каждая эта сотенная бумажка была четвертой частью зарплаты отца...

И под грохот колес, поеживаясь от утренней прохлады, Фуат Мансурович вспоминал сорок седьмой год, тогда он учился в школе. В конце той зимы умерла бабушка Зейнаб-аби, мать отчима. Умерла тихо, незаметно, как и жила. По мусульманскому обычаю покойника предают земле в тот же день, хоронят, завернув в белую холстину. И дома, и у знакомых не нашлось не только метра новой ткани, но даже подходящей простыни — по бедности, по тяжелому времени можно было и этим обойтись. Материю в магазинах тогда продавали редко, да и то на паевые книжки, которых у них не было, а главное, денег в доме — ни копейки. Зима в тот год выдалась лютой, на один кизяк уходило почти ползарплаты Исмагиля-абы, а тут еще ежемесячно удерживали на заем. В тот день Фуат не пошел в школу и помнил все до мелочей. Мать уже и не знала, к кому идти заниматься, а отчим... разве он мог у кого что-нибудь попросить? Если только у Васютюка, так тот жил еще беднее.

Исмагиль-абы сначала сидел, нахмурившись, потом вдруг встал, торопливо оделся и, схватив стоявший тут же в доме бережно смазанный на зиму «диамант», главное украшение и гордость дома, единственный трофей с войны, исчез с ним в разгулявшемся буране. Через час он вернулся нагруженный свертками, в доме как раз ни щепотки чаю, ни кусочка сахара не было. Прихватил отчим и две бутылки водки, а оставшиеся деньги передал матери.

Помнит Фуат, как бегал он по бурану из дома в дом, извещая, что бабушка умерла. И потянулись в метель к заовражному кладбищу старики и молодежь. И что странно, несмотря на лютейший холод, выкопали могилу быстро и легко. А мать только к обеду смогла найти двадцать метров дефицитной марли, в которой и схоронили Зейнаб-аби. Много лет спустя услышал Фуат Мансурович, как на каких-то пышных похоронах кто-то ехидно заметил: Исма-

гиль, герой-орденоносец, единственную мать в марле схоронил, на десять метров бязи не раскошелится. Но драться на этот раз отчим уже не стал, укатали сивку крутые горки, да и перегорела, улеглась боль. А «диамант», который Фуат с завистью и стыдом ожидал увидеть весной у кого-нибудь из ребят, так никогда больше и не появлялся в Мартуке, словно в воду канул.

Вышагивая из края в край тесного и узкого тамбура, Бекиров припомнил еще один случай, связанный с этой дорогой и отчимом. Тогда уже не было ни бабушки Зейнаб, ни голубого «диаманта», и учился Фуат не то во втором, не то в третьем классе. По самой весне закрыли валяльный цех, или, как его еще называли, пимокатный. Отчим валял плотные войлочные кошмы. В степном и ветреном краю они незаменимы и пользовались большим спросом у казахов, заменяя ковры. Там же валял он и валенки, и легкие, изящные, из мериносовой шерсти белоснежные чесанки, в основном женские. Ремеслу этому он учился дольше всего. Непростое и нелегкое дело. Целый день находится пимокатчик в мельчайшей едкой пыли низкосортной шерсти, в шуме, грохоте, а главная трудность в том, что все — руками, на ощупь делается, никаких тебе приборов, чтобы толщину, плотность измерить. Не чувствуют руки материала — значит, брак, а ОТК, глуховатый Шайхи, лютовал, ибо работы никакой не знал и не любил, на лютости лишь и держался. Но одолел Исмагиль-абы и это ремесло. И появились в ту зиму у Минсафы-апа чесанки — загляденье, а у Фуата — валенки, черные, мягкие, теплые.

Этот цех по какой-то причине и закрыли. Многих тут же сократили, отчима, правда, оставили, но работы никакой не предложили. Не прозвучало на этот раз спасительное иляхинское: «Пойдешь учеником...» На работу Исмагиль-абы выходил, что-то там делал, короче, был на глазах у начальства. В те дни и предложил Гимай-абы, мездровщик с кожзавода (заводом назывался маленький цех артели), отчиму варить мыло. Мездры, мол, и поганого жира с плохо снятых кож предостаточно, а достать каустическую соду и химикаты артели, мол, под силу.

Быть золотарем, или мыловаром, считалось в селе делом последним даже среди не имеющих работы, но отчим, молодой мужик, едва за тридцать перевалило, раздумывать не стал, согласился, хотя и знал, что ни на волейбольную площадку, ни в кино теперь не ходить, ведь разит от мыловара за квартал.

Запах мыла, пропитавший в тот год их дом, Фуат Мансурович помнил много лет, и от одного вида вязкого хозяйственного мыла ему

делалось плохо. Жена знала об этом и никогда не держала на виду мыло и не затевала стирок при Бекирове.

С этой вот идеей производства мыла и зашел отчим к Иляхину. Разговор председателя был короток: сделай ящик мыла, которое в области можно показать, а остальное, мол, за ним, Иляхиным. Разрешил на свой страх и риск занять две комнаты на кожзаводе, котлы дал, угля выделил, бочку соды не пожалел, все, что на складе для работы нужного оказалось, выписал, хотя и не положено было.

Мыло в Мартуке и до войны не варили, и подсказать-показать некому было. И Гимай-абы, подавший идею, тонкостей дела не знал, но посоветовал съездить в Оренбург, сказал, что мыло там татары варят, небось, не откажут в совете, на всякий случай дал адрес одного кожевенника.

В тот же день повеселевший Исмагиль-абы распрощался с домашними и отправился на вокзал. Тогда в Мартуке останавливались все скорые, паровозы здесь заправляли водой и чистили топки. На дворе уже стоял май, теплынь и благодать, и Исмагиль-абы с комфортом, греясь на солнышке, на крыше мягкого вагона быстро добрался до Оренбурга, только пришлось прыгать на ходу на Меновом дворе, потому что в железнодорожная милиция в городе вылавливала безбилетников.

Дела в Оренбурге отчим уладил быстро. «Видать, здорово приперла жизнь, коль такой молодой и удалой мыло варить решил-ся», — сказал рябой и лысый старшина мыловаров. А узнав, что Исмагиль-абы фронтовик и земляк, секретов не утаил, все рассказал. И полмешка всяких химикатов дал на первое время, поверил на слово, что рассчитается в лучшие времена рыжий сержант в отставке.

Возвращался отчим таким же способом, как и приехал, только садиться на скорый поезд с пудовым мешком было непросто. Но не зря он воевал в разведке, к тому же мягкие вагоны тогда имели лестницы с глубокими подножками. На ходу закинул мешок на подножку одного вагона, а на подножку другого, спального, успел запрыгнуть сам, потом по крышам добрался до заветного мешка и, подняв его наверх, ехал, напевая и насвистывая, радуясь удаче.

В то время в Среднюю Азию на тепло тянуло немало шпаны. Ехали они таким же «плацкартом», как и отчим, по пути задерживаясь в городах и селениях, но конечной целью их был далекий хлебный Ташкент. Люди эти были отчаянные, и всякое рассказывали про странствующих уркаганов. Фуат видел их, и не раз, когда ходил на станцию

к поездам за шлаком. Они лежали, отогреваясь в затишке дышавших теплом огромных отвалов шлака. Правда, его, малолетнего, не задирали, лишь однажды попросили закурить. И вот компания таких удальцов села на крышу на какой-то станции. Отчим заметил их не сразу. Только оглянувшись случайно, увидел, что как-то поредело народу на крышах, а с Оренбурга, считай, на каждой по двое-трое ехало. Начав с хвоста поезда, компания, видимо, сгоняла, ссаживала людей, отобрав пожитки у тех, кто не сумел постоять за себя. Когда до него осталось вагона четыре, Исмагиль-абы решил пройти к голове поезда, к самому паровозу, где было совсем уж грязно от дыма и копоти трубы; удальцы обычно таких мест избегали. В худшем случае он намеревался спуститься и пройти в вагон, хотя риск нарваться на штраф был велик. Беспокоился отчим прежде всего за содержимое мешка, нового крепкого джутового мешка, одолженного у Гимая-абы на поездку в город. Удальцы скорее всего вытряхнули бы все, а мешок оставили себе как подстилку, — на жесткой и грязной крыше очень удобная штука.

Когда Исмагиль-абы поднялся и торопливо направился к голове поезда, то, оглянувшись, увидел, что, заметив его с мешком, за ним побежали. Не желая потерять добро, — до Мартука уже рукой было подать, — побежал с мешком и отчим. И вдруг с ужасом вспомнил, что сейчас, через сотни каких-то метров, после крутой кривой — мост, длинный Каратугайский мост через реку Илек. Исмагиль-абы бросил мешок и, обернувшись к преследователям, замахал руками и истошно закричал: «Мост! Мост!.. Мост...» Едва он сам повалился на крышу, как состав, громыхая, застучал по мосту. Когда, миновав оба пролета, состав выскочил из-под габаритов кружевных арок, Исмагиль-абы повернул голову и увидел, как поднимались те парни в клешах. Слегка побледневшие, они подошли к лежавшему Исмагилю-абы и предложили закурить.

— Что везешь, мужик? — спросил тот, что угостил «Казбеком».

— Золото, — ответил равнодушно Исмагиль.

В ответ дружно рассмеялись, разгоняя последнюю бледность с молодых лиц, и все тот же, видимо главарь, спросил:

— А на крыше, миллионщик, для экзотики катишь?

— Душно в спальном, — ответил отчим.

— А в мешок заглянем, любопытно все-таки, за что враз чуть жизни молодой не лишились. А, в общем, ты, мужик, не слабак: страх не затуманил мозги, вспомнил про мост. Спасибо, век помнить будем. — И они дружно протянули ему крепкие, в ссадинах и порезах руки.

— Ну и вонища! — брезгливо сморщился тот, что с головой сунулся в мешок.

И пришлось Исмагилю-абы рассказать, зачем он ездил в Оренбург, да и про свою жизнь в Мартуке тоже.

— Да брось ты все, провоняешь с этим мылом насквозь, да и денег не загребешь, поедем лучше с нами. Мужик ты ловкий, в Ташкенте как-нибудь определимся,— предложил главарь.

Но Исмагиль, поблагодарив, отказался. Прямо на ходу один из компании спустился в ресторан и вернулся на крышу с водкой, вином и закусками, каких Исмагиль-абы давно уже не видел. Так, пируя на крыше ресторана, доехал он до Мартука. На прощание ново-явленные «друзья» дали Исмагилю-абы буханку белого хлеба и красную довоенную тридцатку.

В Оренбурге Фуат Мансурович пробыл четыре дня. Архивы махалли Захид-хазрат, где родился Исмагиль-абы, частью пропали в гражданскую, когда на постое в квартале стояли дутовцы, а потом перевозились не раз из помещения в помещение; а немецкая пословица не зря гласит: «Два переезда равны одному пожару». Да что там давнее! Бекиров с трудом отыскал два письма Минсафы-апа, что отправила она в архив три месяца назад, на которые не было ни ответа, ни привета. Но здесь уж Фуат Мансурович не только стучался в разные двери, но и стучал по столам в кабинетах.

Оренбург изменился здорово, с тех пор как открыли здесь газ, население удвоилось. В какой конец города ни заедешь, везде жилые массивы, одноликие, без фантазии, такие же, что в Ташкенте или Туле. Считай, сошел на нет еще один старинный татарский город с неповторимым ликом, но зато появился новый индустриальный гигант. И любимый Бекировым Урал так обмелел, дальше некуда, а берега, прежде в буйной зелени лесов, вызывали жалость. И хотя у Фуата Мансуровича в этом городе прошла студенческая юность, уезжал он из ставшего уже чужим огромного суетливого города без сожаления. Единственным утешением служили две добытые с большим трудом маленькие справки.

Отпускные дни таяли один за другим, но Фуат Мансурович не жалел об этом. От осознания выполненного долга, а больше от приобщения вновь к своему корню, роду, еще от неясного ощущения близкого родства с этим краем, людьми, домом, рекой, всем окружавшим его в эти три недели, находился он в таком душевном покое, какого давно уже не знал.

Сдав документы в собес, Фуат Мансурович часто ездил на велосипеде или ходил пешком на Илек: загорал, купался, пытался рыбачить. Но даже на самых жирных червей и щедрую, обильную приманку ловилась мелочь, — вывели рыбу подчистую. Вечером он старался поспеть к приходу отчима, ибо привык уже к неторопливому ужину, беседе после трудового дня. Потом они вместе делали что-нибудь по хозяйству, а позже, помогая друг другу, ставили самовар.

Из бумаг, отданных тетей Катей, из всплывших воспоминаний Бекиров знал, что отчим в артели шил кепки и шапки-ушанки, тачал сапоги и работал шорником, варил не только мыло, но и конфеты, одно лето он был механиком на поливных огородах, а еще мельником, даже полгода в начальниках ходил — подменял заболевшего кладовщика. Не работал он только на пилораме и в столярке да кольца бетонные для колодцев не лил. И, глядя на него, Бекиров думал: если бы в Мартуке действовала шахта — отчим бы был шахтером, дымили бы трубы заводов — стал бы рабочим. Отчим и сам не раз жалел, что в их краю ни завода, ни большой фабрики не было — его сметке и умелым рукам нашлось бы дело.

На реке Бекиров часто подолгу думал о жизни отчима. Не была она устлана розами, но никогда, даже в дни отчаяния, Исмагиль-абы никого не ругал, а уж имел право, наверное, сказать: «За что воевали?» Но не говорил он таких слов ни трезвым, ни во хмелю. Раньше, возвращаясь то из Ялты, то из Сочи, Фуат Мансурович заезжал на денек-другой к старикам. Те, конечно, интересовались, как там в этих городах, которые они видели на открытках, да еще, может быть, в кино. Но никогда ни мать, ни отчим не говорили, что вот всю жизнь проработали, а так ничего и не повидали.

Вспомнилось ему это потому, что в расчетах пенсии двадцать один раз встречалась графа «компенсация за неиспользованный отпуск». Поначалу смысл этих часто встречающихся строк не дошел до Фуата Мансуровича, пока его не пронзило — двадцать один год без отпуска! Он хотел кинуться к матери и спросить, как же так? Но сам же остановил себя: зачем возвращать мать к грустным дням... Взволнованный этим открытием, он несколько раз пересмотрел бумаги, но они бесстрастно подтверждали: все точно — двадцать один год. Фуату Мансуровичу вспомнилось, как часто здесь, у родителей, за самоваром говорил он, как, мол, устал, заработался, второй год без отпуска, в общем, многое в этом духе, а они, добрые, милые старики, ни разу не сказали ему ничего обидного, не укорили своей жизнью, а лишь сочувствовали.

«Какое пижонство! Какое глупое пижонство! И перед кем? Перед собственными родителями!» — со стыдом думал сейчас Бекиров. И от своих стариков мыслью невольно переносился в Ташкент: наверное, и в его десятитысячном коллективе достойных, похожих на Исмагиля-абы, немало. Знал ли он их, интересовался ли, как они уходят на пенсию, не маются ли, не ходят ли с обидой, как отчим? Нет, этого Фуат Мансурович не знал. А бывали они в Сочи, Ялте? Не помнит случая, чтоб интересовался и этим, хотя путевок, знает, маловато. Да что Ялта — в пансионат строителей на Иссык-Куле в летний сезон и то не пробиться. С этим пансионатом и в республиканскую печать попали — едкий был фельетон: при проверке оказалось, что на киргизском море в разгар сезона среди отдохавших было всего двадцать процентов строителей, а остальные — нужные люди со стороны. Да и там, где отдыхал сам Бекиров, хоть зимой, хоть летом, треть всегда составляли студенты, и дня не проработавшие, а уж объездившие и Крым и Кавказ; и просто молодежь, которая могла бы повременить с отдыхом, не слишком еще притомилась.

По вечерам иногда приезжал он на речку еще раз — верхом на лошади. Сын соседа Мустафы-ага Мукаш работал в колхозе бригадиром и, как истинный казах, любил лошадей, даже собственного скакуна для байги имел. На областной байге чабаны предлагали за вороного Каракоза на выбор «жигули», что стояли тут же, у ворот ипподрома. Но Мукаш даже не глядел с высоты скакуна на лаково-цветной ряд. Мустафа-ага и давал Фуату выезжать по вечерам Каракоза, потому что началась уборка, и Мукаш дневал и ночевал в поле — не до коня было.

Перед самым отъездом Фуата Мансуровича Мукаш принес печальную весть о Мустафе-ага. Мать доила корову, а Фуат, рано проснувшийся, вызвался выгнать ее в стадо, хотел в последние дни хоть чем-то помочь.

— Умер отец, умер Мустафа-ага,— сказал неожиданно объявившийся во дворе Мукаш. Осунулся, почернел, неся из двора во двор печальную весть, этот красавец, весельчак и первый джигит.

Мать пошла будить отчима, а когда Фуат Мансурович вернулся, уведя Зорьку на выгон, Исмагиль-абы правил во дворе лопаты, штыковую и грабарку, тут же рядом на земле лежал лом. Пойти копать могилу Мустафе-ага вызвался и Фуат Мансурович.

— Иди, иди, сынок,— сказала Минсафа-апа и тут же вынесла из дома рублей двадцать денег, трешками и рублями.— Иди, посмо-

тришь на последних наших стариков, ты должен их помнить. Отца твоего ровесники они. Когда еще приедешь сюда... Попрощайся с аксакалами... А деньги, деньги раздай, когда они молиться будут, обычай такой, пусть помолятся за Мустафу-агая, мир праху его, добрый человек, хороший сосед был...

Из переулков, улиц тянулись люди с лопатами к заовражному кладбищу. Кто-то из седобородых уже определил последнее место Мустафы-ага на земле, и теперь, прежде чем начать рыть могилу, поджидали стариков, совершавших утренний намаз. Да ждали еще муллу, бывшего шофера, пенсионера Зияутдина-бабая. Как бы ни жил, кем бы ни был человек, хоронить его надо тихо, покойно, без суеты, а медь, оркестры, речи менее всего подходят к такому случаю, единодушно считали аксакалы Мартука.

Вряд ли истово верили в бога собравшиеся здесь старики, вчерашние поденщики, разнорабочие, гуртоправы, месяцами перегонявшие стада на далекие мясокомбинаты Семипалатинска. Да и «мулла» Зияутдин едва ли знал более одной-двух молитв, которые, наверное, вы зубрил, когда общество возложило на него, единственного грамотного старика, столь важную миссию.

Могилу копали молодые парни и мужчины, работали быстро, часто менялись, людей-то собралось много. Только в самом начале, когда не ушла могила выше колена, старики символически, самой легкой лопатой, выкинули по одной грабарке. Даже Фуату Мансуровичу, хотя он и не отходил от ямы, немного досталось покопать. Исмагиль-абы не стал дожидаться молитвы у свежeverытой могилы, а, наказав Фуату Мансуровичу прихватить инструмент, потихоньку направился домой, на работу идти время подходило. Бекиров был до конца; даже когда опускали тело Мустафы-ага, принял его с Мукашем внизу и укладывал на специальной доске в боковую нишу.

Когда все разошлись, Бекиров еще задержался на мазаре. Мусульманские кладбища ухоженностью не отличаются, и нет здесь особого культа умершего, столь обременительного для оставшихся родственников. Крашенные железные оградки, а то и просто «таш» — бетонная глыба, что безвозмездно ставил каждому мудрый и справедливый мясник Барый-абы Шакиров, пока был жив. Кладбище без цветов, без привычной могильной яркости зелени, поросло серой полынью и колючим татарником. Бекиров осматривал надгробные камни, припоминал знакомые фамилии, и иногда и лица этих людей. Когда он уже шел к выходу, взгляд его упал

на покосившийся камень, и он решил поправить его; может, и некому в целом свете вернуться к этой могиле.

Установив довольно тяжелый камень как полагается и поправив холмик, он с трудом прочитал на выкрошившемся бетоне: «Кашаф Валиев. 1923–1949 гг.», а чуть ниже с трудом разобрал надпись: «Онытмагыз безне».. Из тридцатилетней давности обращался к нему двадцатишестилетний парень: «Не забывают нас...» Не забывают нас...

Кашаф Валиев... Кашаф... Бекиров без труда вспомнил его, ведь он бывал у них дома, один из парней, вернувшихся с войны. Не дожил, много не дожил до хорошей жизни Кашаф, а значит, из тех парней, ушедших на войну, считай, остались трое: отчим, Васянюк и потерявший на войне руку бухгалтер райпотребсоюза Ахметжанов. «Не забывают нас... не забывают нас...» — словно сквозь время кричал печальноглазый Кашаф.

По вечерам Бекиров с отчимом сидели на айване, который на узбекский манер смастерил Фуат Мансурович, чем удивил Исмагиля-абы и обрадовал Минсафу-апа. Отчим, хотя и крепился, на работе очень уставал; не шутка для старика — целый день на ногах. Айван оказался кстати; положив под локоть подушку, отчим по-восточному полулежал, покуривая неизменные дешевые сигареты «Прима». Курил он их по-старомодному, пользуясь мундштуком, да и сигареты держал в побитом эмалевом довоенном портсигаре. В такие минуты Фуат Мансурович иногда ощущал в себе прилив какого-то нового чувства к этому человеку, хотелось подойти и сказать или сделать что-нибудь приятное ему.

Никогда раньше Бекиров не понимал, не задумывался, как гордо, по-мужски, не унижаясь, не расплескав на долгой и трудной ухабистой дороге жизни достоинства, прожил свои годы Исмагиль-абы. Не унижал и не позволял, насколько мог, унижать достоинство других.

В этот приезд мать рассказала про отчима случай, который произошел лет пятнадцать назад. В тот далекий год совсем худо было с сеном, не то чтобы засуха, а просто колхоз сам не накосил: некому было и нечем, да и другим, желающим накосить под процент, не велено было, и сено в цене подскочило — просто ужас. Кто помоложе да с транспортом, из других районов и областей завозили. Тогда кто-то и надоумил Минсафу-апа написать в военкомат, в те годы как раз начали вроде фронтовикам больше внимания уделять.

Написала мать, так-то и так, помогите, мол, фронтовику, орденосцу, человеку преклонных лет и слабого здоровья. Конечно, ни слова об этом Исмагилю-абы сказано не было. Его ответ: «Я воевал не за то, чтобы задаром сено получать» — Минсафа-апа знала заранее. Прошло несколько дней, и как-то к вечеру к ним зашел средних лет капитан, новый работник военкомата. Конечно, тут же самовар на стол. Капитан был любезен, расспрашивал отчима обо всем, и о наградах тоже. Исмагиль-абы воспрянул духом, повеселел, орлом глянул на Минсафу-апа: через много лет вспомнили, интересуются. Спросил гость и о корове, и о сене. Старики, ободренные вниманием, вдвоем выложили свои тревоги и насчет коровки; где ж им триста пятьдесят рублей на машину сена добыть. Тут любезный капитан и предложил: хотите, мы, мол, прижмем, пристыдим через военкомат предприятие вашего сына в Ташкенте, пусть поможет старикам с сеном. Секунды хватило, чтобы отчим понял, чем был вызван визит щеголеватого капитана. Хотя он всю жизнь с почтением относился к властям и умел держать себя в руках, а тут не выдержал и показал оторопевшему капитану на дверь. Даже попить чаю не дал, отобрал пиалу из рук. А уж Минсафе-апа досталось, до сих пор вздрагивает; потому и с пенсией такую осторожную политику ведет.

Уезжать, не узнав окончательного результата хлопот насчет пенсии, Бекиров не хотел и уже собирался дать телеграмму на работу, что задержится дня на два-три, но в тот же день к обеду Исмагиль-абы вернулся радостный и возбужденный. За столом он спросил у матери, показывая на холодильник, есть ли, мол, что-нибудь эдакое. Минсафа-апа поначалу и не поняла, отчим никогда не пил в рабочее время. Достав все ту же початую бутылку пшеничной, оставшуюся с банного дня, мать не преминула напомнить отцу об этом.

— Все, отработался, шабаш! — озорно улыбнулся Исмагиль-абы, разливая остатки по рюмкам. И тут же рассказал, что перед самым обедом вызвали его в отдел кадров и объявили, что пенсия ему определена, и будет он получать ее второго числа каждого месяца, значит, уже через неделю. — Семьдесят два рубля, мать, семьдесят два рубля! — радовался отец. — Переплюнул я все-таки Шайхи, у него только шестьдесят восемь... а семьдесят два, мать, с твоими-то нам хватит, нам много не нужно, верно я говорю?

После обеда, все в том же приподнятом состоянии духа, Исмагиль-абы отправился на работу, чтобы закончить последнее одеяло и сдать числящийся за ним инвентарь и инструмент. Признал-

ся все-таки старик, что чертовски устал и очень рад пенсии. Фуат Мансурович, подмигнув матери, ушел к себе укладывать чемодан и упаковывать книги — решил ехать в Ташкент утренним почтовым поездом. А Минсафа-апа поспешила к соседке, звать на помощь, договорились вечером гостей пригласить: и пенсию долгожданную отпраздновать, и заодно проводы сына отметить.

Тщательно укладывая книги в коробку из-под болгарского вина, выпрошенную в сельмаге, Фуат Мансурович вдруг задумался, почему отчим в такой важный для себя день вспомнил Шайхи и сравнил пенсии. Бекиров, конечно, знал, что у Исмагиля-абы с Шайхи давно шла скрытая борьба, борьба неравная, потому что на разных ступенях общественного положения стояли они. Шайхи с таким же начальным образованием, как и отчим, но с партбилетом в кармане, умудрился и фронта в войну избежать со своим дружкой Мухаметзяном Шакировым, и всю жизнь проходить в начальниках. Всегда он оценивал, инспектировал, курировал, принимал работу отчима, так сложилась жизнь. Шайхи, человек недалекий, ничего в жизни не умевший, люто завидовал золотым рукам и светлой голове рыжего Исмагиля; ждал, что вот-вот сникнет от круговерти жизни Исмагиль, устанет ходить в учениках с седой головой и запьет, а тут ему и под зад коленкой, как прогульщику и пьянице, можно будет дать,— и такую комиссию возглавлял глуховатый малограмотный Шайхи. Ан нет, держался солдат, не просил ни милости, ни снисхождения. А сколько сотен кепок, сколько десятков пар валенок отметил он Исмагилю-абы третьим сортом, а то и браком, думал, что придет, приползет на коленях Исмагиль и попросит — смилуйся, мол, Шайхи, пожалей; нет, не пришел. А сколько пар валенок, тапочек, сколько кепок и шапок, вроде как взятых на экспертную комиссию, недосчитался отчим, хотя как истинный мастер узнавал свою «бракованную» продукцию на ногах и на головах домочадцев, родни и дружков Шайхи. Никогда отчим не крикнул ему в лицо «вор», ибо время было такое: людям, подобным Шайхи, рискованно было бросать такое даже вслед. Но Шайхи-то всегда читал в усталых, покрасневших от пыли и бессонного труда глазах Исмагиля: «Ничтожество, мерзавец, неуч, вор», потому и лютовал пуще.

Только однажды в долгой и неравной борьбе Исмагиль праздновал победу, хоть и обошедшуюся, что называется, себе дороже. Работал отчим тогда на мельнице, или, точнее сказать, на крупорушке. Была такая малосильная установка рядом к кожзаводом. Мололи для колхоза, мололи и «давальческое», то есть частникам. А частник

того времени приходил на мельницу с пудом-другим, а уж с целым мешком зерна не часто. За помол брали определенный процент.

Пришел как-то на мельницу и Шайхи со своими старшими сыновьями, Акрамом и Мухарамом, лет через десять одного из них убьют в Караганде, наверное, как и отец, тот хапал и хамел чрезмерно. Разумеется, ни «здравствуйте», ни «салам-aleyкум», как порядочные люди говорят, никому не соизволил бросить, а на длинную очередь — дело перед Новым годом было — даже не глянул. Каждый пришедший свою пшеницу ссыпал в бункер сам и сам из ларя выбирал деревянным совком теплую муку в мешок. А отчим следил за тонкостью помола, сбавляя или, наоборот, прибавляя ход жерновам, квитанции выписывал и процент за помол в государственный ларь ссыпал.

Шайхи, едва кончился чей-то очередной скудный помол, молча отпихнул очередника-казаха брюхом, и сыновья его ссыпали в бункер тяжеленный мешок. Отчим, выписывавший очередную квитанцию, конечно, все это видел. Ни взвешивать свой мешок, ни оформлять квитанцию Шайхи не стал. И платить за помол, как все, конечно, не думал. Мука сразу пошла хорошо, и помол был что надо, Шайхи даже улыбнулся. Сыновья держали мешок, а продолжавший улыбаться Шайхи торопливо сгребал совком.

Исмагиль-абы сидел, закипая от бессилия и стыдясь за себя и за людей, испытывающих унижение, и только маска из мучной пыли, словно у Арлекина, прятала горевшее огнем лицо. Неожиданно он потихоньку отошел от стола, взвесил чей-то мешок и поднялся наверх. Что-то там посмотрел, наверное, поправил и вернулся за стол. Мука шла ровно, густо. Вдруг раздался треск, шум, бункер враз ссыпал на жернова остатки мешка, и уже вместо муки повалила ведрами какая-то мешанина, годная разве что на корм скоту.

Что тут было! Шайхи, до этого не сказавший ни слова, извергал потоки ругани и угроз и требовал возместить ущерб. Отчим соглашался держать ответ, только просил показать квитанцию, сколько и чего нужно возместить. Впервые ушел Шайхи несолоно хлебавши и долго помнил отчиму этот мешок пшеницы, а тому пришлось самому, за свой счет, весь Новый год чинить установку.

Фуат Мансурович думал, что все это было давно и за давностью лет былшем поросло. Оказывается, нет, борьба Исмагиля-абы не прекращалась, и, кто знает, может быть, этой фразой насчет пенсии отчим передавал ему эстафету. Ведь сам же Фуат Мансурович недавно за столом рассказывал услышанное от друзей, что Ибрай, сын Шай-

хи, в бытность здесь секретарем райкома комсомола обобрал сельские библиотеки всего района, почистил в целинных совхозах и колхозах и даже до дальних казахских аулов добрался, «просветитель».

Утром, по прохладе, все вместе, втроем отправились на вокзал. Едва вышли из калитки, по Украинской пронеслась яркая цепочка велосипедистов, на миг ослепив их хромом и разноцветным лаком гоночных итальянских «фerrари», напоследок еще раз напомнив Бекирову о голубом «диаманте».

Поезд подошел скоро, и поскольку стоянка была всего трехминутной, Фуата Мансуровича быстро и суетливо определили в вагон. Он стоял один в тамбуре с распахнутой дверью и смотрел на своих стариков. Мать рядом с отчимом казалась высокой, крепкой и еще молодой, а он, в ярком мальчишковом свитере, с седым бобриком волос, выглядел таким беззащитным, что у Фуата Мансуровича перехватило горло.

Уже по старинке отбил отправление станционный колокол Мартука, а поезд почему-то не трогался. И вдруг из глухого, заброшенного станционного сада за спиной Исмагиля-абы Бекирову послышался голос печального Кашафа: «Не забывайте нас... не забывайте нас...»

Тепловоз неожиданно мощно рванул, и состав тут же набрал ход. Фуат Мансурович, ухватившись за поручни, высунулся и сквозь нарастающий грохот колес вдруг отчаянно, словно видел в последний раз, закричал:

— Отец!.. Отец!

*Ялта,
август 1978*

Маржанбулак — жемчужный родник

Повесть

Ф

алин любил поезда. Даже однообразный пейзаж за окном — выжженная жарким солнцем степь и редкие, на одно лицо, полустанки — не раздражали его. Он немало поездил по этой дороге, знал, что и завтра, почти до самого Ташкента, мало что изменится в пути: будет та же одуряющая жара, белые солончаки и редкие кусты саксаула. И все же, даже такая дорога приносила ему радость: мерный перестук колес располагал к размышлениям, воспоминаниям, в пути он не раз встречал удивительных попутчиков и в неторопливых беседах с соседями по купе обретал столь редкое в последнее время душевное равновесие. Однако все чаще Фалин замечал, как люди отвыкают ездить поездами, а если все же едут, то, скорее всего, не по желанию, а вынужденно: или не смогли достать билет на самолет, или погода нелетная. Людей, которые мечтают сесть в поезд, разложить скорее вещи по местам и, переодевшись в спортивный костюм, начинают знакомиться с соседями по купе, предвкушая долгие два-три дня пути и приятного общения, да и просто возможность выспаться за длинный путь, словом, настоящих пассажиров, становится все меньше и меньше... Все спешат, торопятся, и каждый свой шаг примеряют к самолетным скоростям.

Вот и нынешние попутчики Александра Михайловича только сели, как начали на чем свет стоит клясть железную дорогу, несмотря

на то, что поезд шел по расписанию, проводник был трезв, дважды в день жужжал пылесосом в коридоре и чай подавал по просьбе в любое время, хотя и не обязан был это делать. Да что там соседи по купе! Казалось, весь вагон заполонил какой-то нервный народ: то и дело хлопали двери, сновали взад-вперед по коридору недовольные люди, и Фалина, стоявшего у окна, так и подмывало сказать: «Да угомонитесь вы! Перестаньте суетиться. Посмотрите, какой яркий закат в степи. Посмотрите, как возвращается в серых сумерках стадо в аул, и пастиуха на верблюде ведь нечасто увидишь, разве что в кино...»

Он пригласил своих соседей, семейную пару средних лет, поужинать с ним за компанию в купе, но те как-то суетливо отказались и на весь вечер пропали в ресторане, хотя приглашал он их радушно, искренне, да и столик купейный был заставлен всякой всячиной, одолеть которую одному было трудно.

За ужином он с грустью думал, что замкнутость, уход в себя, некоммуникабельность все чаще определяют наши взаимоотношения.

Откуда эта отчужденность, стремление обособиться? Где теряются связи, бывшие когда-то настолько тесными, что без них не мыслили своего существования? Может быть, бешеный ритм жизни, ставший нормой в последние десятилетия, не оставляет времени на чувство общности, родства с ближними? Думал он и о том, что в его любви к железной дороге, ночным полустанкам, мелькающим за окном огням, есть что-то старомодное, наверное, даже трогательно-смешное, если глядеть с высот нашего стремительного времени.

Но именно с железной дорогой были связаны самые дорогие детские и юношеские воспоминания, да и позже дорога доставляла немало радостей в жизни, и перечеркнуть все это разом ему не хотелось. Летал Фалин и самолетами, и частенько, но лишь потому, что в тех местах, где он работал, железных дорог, чаще всего, не было вовсе, а служебные командировки в министерство, проектные институты, к заказчику, как неожиданно обострившийся аппендицит, требовали немедленного, безотлагательного вмешательства, тут уж без авиации было не обойтись. Предпочитал самолет поезду он и еще в одном случае: когда удавалось вырваться на отдых к морю. Тут уж хотелось сэкономить каждый день, каждый час...

И все же к месту новой работы, как бы далеко это ни было, Фалин всегда ехал поездом. Только так он мог ощутить расстояние, осознать в полной мере за долгий путь важность и необходимость того или иного объекта, который ему придется строить. Иной раз, когда до места

оставалось еще несколько часов езды, он, вглядываясь в мелькавшие станции и разъезды, проселочные дороги и мосты, уже прикидывал в уме, с какими проблемами ему придется столкнуться на месте. Опытный инженер, он знал наперечет все цементные заводы страны, помнил, откуда поступают кислотостойкий и огнеупорный кирпич, лес, металл, оборудование. Частенько, подъезжая к месту назначения, он исписывал в своем объемистом блокноте не один десяток страниц. Это умение, знание, хватка пришли к нему не сразу, годами постигалась строительная мудрость, копился опыт, и еще, может быть, самое главное — ему везло в жизни с наставниками.

В Джизак, к месту нынешней работы, он добрался из Ташкента только к вечеру. Назначения, как всегда прежде, у Фалина на этот раз не было. Точнее, предложений-то было много, и стройки были интересные, и должности престижные, но как-то раз попалось ему на глаза объявление в «Строительной газете», что недавно организованный трест «Джизакцветметстрой» приглашает на работу специалистов, и он решил поехать. В том, что работа ему найдется, не сомневался. Его не манили высокие, почти двойные коэффициенты к зарплате — опытного строителя они скорее настораживают. Интерес у него был совсем к другому. Строил он много, всякие объекты повидал, но фабрик по добыче золота, где с конвейера будут сходить бруски с гербом республики, еще не возводил.

Объявление в газете было коротенькое, без подробностей, хотя Фалин считал, что в таких случаях надо бы называть фамилию управляющего трестом, ведь иные фамилии настоящим строителям так же хорошо известны, как актерам имена знаменитых режиссеров.

Сравнение с театром Фалину пришло в голову не случайно. Одна молодящаяся курортница, с которой он познакомился на пляже, оказавшаяся к тому же актрисой, обратила внимание на то, как тщательно он вычитывает объявления о трудоустройстве, и однажды спросила: «Разве можно по газетному объявлению выбрать работу по душе?»

Он ответил, что у работы строителей своя специфика, и если ясно представляешь, чего ты хочешь, то, пожалуй, можно и найти что-то по душе. Собеседница не хотела спорить, пожалала плечами и стала рассказывать Фалину об актерской жизни...

Оказывается, ежегодно после окончания театрального сезона в Москве собираются со всех концов страны актеры, режиссеры, другие работники театра, желающие по каким-то причинам сменить коллектив, а также главные режиссеры, которые на этой «ярмарке» могут

набрать в свою труппу недостающих артистов, осветителей, костюмеров и даже рабочих сцены. Это показалось Фалину интересным. И он, посмеявшись, сказал, что неплохо бы Министерству строительства в Москве или в республиках, где намечаются крупные стройки, иногда проводить подобные «ярмарки». Конечно, слабаки инженеры и не подумали бы поехать на такой «конкурс», зато отважившиеся смогли бы подробнее ознакомиться с условиями предлагаемой работы, разузнать о климате, зарплате, бытовых условиях, словом, обо всем, чего не узнаешь из скупых строчек газетных объявлений. Сколько молодых, способных инженеров, в которых так нуждается любая стройка, дерзнули бы испытать себя в настоящем, большом деле!

Но смотров таких пока не предвиделось, и потому прибыл Фалин в Джизак, почти ничего не зная о предстоящей работе. По дороге из Ташкента в междугородном автобусе узнал он от словоохотливого соседа, что Джизак стал областным центром недавно, два года назад, и не из-за открывшейся вдруг промышленной перспективы, а благодаря решению освоить гигантскую джизакскую целину, построить здесь совхозы, которые будут выращивать тонковолокнистый хлопок.

Раньше Джизак, дремотный провинциальный городишко на полпути между Ташкентом и Самаркандом, был знаменит только тем, что являлся родиной двух известных узбекских советских писателей. Узнал он также за трехчасовую дорогу, что теперь Джизак превратился в огромную стройплощадку, и чего в нем только не строится: областной театр, центральный телеграф, телефонная станция, гостиница, кинотеатр, поликлиника, и даже заложены два больших жилых массива. Узнал он и то, что за год, в рекордно короткий срок, был пущен домостроительный комбинат, уже выпускающий типовые дома новой серии с повышенными удобствами, рассчитанные на жаркий климат, а самое главное — сейсмостойкие.

Утром в отделе кадров треста он подал женщине за некрашеной конторкой трудовую книжку и сказал:

— Кто как, а я к вам по объявлению... в «Строительной газете»...

Внимательно изучив все записи, кадровичка вопросительно взглянула на Фалина, спросила, какие еще есть документы. Прочитав все бумаги, вдруг улыбнулась и сказала:

— В моей долгой практике не было случая, чтобы вот так, сам по себе, приходил устраиваться на работу главный инженер, их обычно снимают или назначают.

— Меня до сих пор не снимали,— коротко ответил Фалин.

— Верю вам, Александр Михайлович, все увольнения у вас по собственному желанию... Но не слишком ли много для ваших тридцати трех лет? И странно, что вы уже почти семь лет ходите в главных инженерах. У нас в двадцать шесть разве что до начальника хозрасчетного участка можно дорасти. Может, это по той причине, что вы обычно работали «на краю географии», как у нас здесь выражаются?

— Начальником участка, правда, не хозрасчетного, я был в двадцать лет, это отмечено в трудовой. А что касается «переднего края», как обычно выражаются у нас, «на краю географии», то строится ли комбинат в Подмосковье, Сибири или на Дальнем Востоке — плановые сроки строительства везде одинаково жесткие. Далеко или близко мы строим, главное — сдать объект в срок, ну и, конечно, не в ущерб качеству... И потом, там, «на краю географии», постоянно приходится помнить, что Север есть Север, просчетов не прощает ни в каком деле. Поэтому главному инженеру там скидок никаких не делают — ни на молодость, ни даже на неопытность.

— Да я, собственно, ничего против не имею, — согласилась начальница отдела кадров. — Согласна с тем, что молодежь в строительстве должна быстрее расти, чем в других отраслях. Легкое ли это дело — на пустом месте за два года выстроить комбинат, пустить его на полную мощность, да и город преобразовать: одного жилья сколько придется строить. Такое по плечу лишь молодым, крепким. Разве я спорю? И какое же управление вы хотели бы взять?

— Любое, — не задумываясь, ответил Фалин. — Можно и общестроительное, и монтажное, могу и сантехническое, кроме разве что управления механизации. Но лучше, конечно, строительно-монтажное. Это мне ближе. Разумеется, если есть такая возможность.

— Есть, Александр Михайлович. У нас все есть, — вздохнула начальница. — В двух управлениях вакантны должности исполняющего обязанности главного инженера, в трех не сегодня-завтра главных снимать будут: завалили полугодовой план. Да и в других пока не лучше, все идут с громадным перерасходом фонда заработной платы. Стройка разрастается, кадров не хватает, рады любому специалисту. Вы пока единственный, кто прибыл по объявлению в центральной газете... Мы и объявление-то дали, скорее, для очистки совести, чем в надежде, что валом повалит к нам народ. Ну, а с вами... — Она улыбнулась. — Что скрывать, впервые оформляю главного инженера не по назначению. Такие вопросы сама ре-

шать я не вправе. Идемте к главному инженеру треста, он и примет решение, а с моей стороны возражений не будет.

Главный инженер, сощуриив глаза, внимательно читал листок по учету кадров, что заполнил Фалин в приемной.

— Фалин... Фалин... Александр Фалин... Не ваша ли фамилия мне встречалась в журнале «Рационализатор-изобретатель»?

— Моя,— просто ответил Александр Михайлович.

— Лет пять назад вы, кажется, работали на севере Узбекистана, на строительстве Хивинского коврового комбината, и предложили оголовки-«тюбетейки» для забивки свай? Я верно говорю?

Фалин утвердительно кивнул головой.

— Слышал, слышал от очевидцев, что производительность подскочила ошеломляюще, да и треть свай сберегли от разрушения. Да, до ваших оголовков сваебойка ломала сваи, как спички. Нам сейчас как раз пришлось столкнуться с подобного рода работой на многих объектах Джизака. Конечно, хотим выиграть время. Но ведь зона у нас, сами знаете, сейсмическая, поэтому основание в данном случае — главное. Поможете с внедрением давнего изобретения, Александр Михайлович?

Фалин неопределенно пожал плечами. Да и что говорить, если он еще ничего не видел, не знает, что здесь и как...

— Вознаграждение за внедрение при наших-то объемах, пожалуйста, выйдет даже побольше, чем вы получили в свое время за изобретение. Советую вам подумать, Александр Михайлович. А мы можем со своей стороны...

Начальница отдела кадров, видя, что они забыли о ней и завели малопонятный неспециалисту разговор, встала и незаметно вышла из кабинета.

Через час, в разгар обсуждения проблем свайных оснований, главный инженер, спохватившись, вдруг предложил:

— А может, Александр Михайлович, пойдете к нам в трест начальником технического или производственного отдела? Я вам гарантирую максимальную зарплату, ну, и все прочее... Жилье, конечно...

— Спасибо, Олег Николаевич.— Фалин поднялся.— За доверие спасибо, но в трест — только ближе к пенсии. Я привык строить сам и, смею думать, умею это делать...

— Значит, управление в Джизаке... Что ж, уже готова документация на строительство завода пластмассовых изделий, завода по ремонту сельхозмашин. Да и с квартирой здесь полегче будет,

через два месяца сдаем собственный дом, так что будем соседями. Пишите заявление.

— Извините, Олег Николаевич. Но я приехал на строительство золотодобывающего комбината. Меня, пусть вас это не смущает, интересует золото. И только золото...

— Ах, вон оно что! — рассмеялся главный. — Интересный вы человек, Фалин. На комбинат, значит, хочется? Грешным делом, побоялся предложить вам Маржанбулак... Ведь это в голой степи, в восьмидесяти километрах от Джизака, ни жилья, ни коммуникаций. Ветер с песком пополам, летом жара ниже сорока не спадает, трудности с водой... Правда, скважины бьем днем и ночью, вот-вот должна ударить большая вода, геологи гарантировали, иначе бы никакого смысла не было возводить комбинат и строить поселок для золотодобытчиков. Если все это вас не пугает... Могу только приветствовать... Да туда, Александр Михайлович, начальником любого управления, пожалуйста.

— Нет, — решительно возразил Фалин. — Я не администратор, я инженер. Меня устраивает моя должность. Конечно, хотелось бы, чтобы и начальником был знающий, толковый инженер, а не просто руководящий работник... Я привык иметь дело с деловыми людьми...

— Стройка важная, Александр Михайлович, и не стоит объяснять вам, что и мы в первую очередь учитываем деловые качества людей. А начальник управления у нас есть на примете, опытный строитель. В Маржанбулаке нам нужны надежные кадры...

К обеду пришла вызванная по рации из диспетчерской машина из Маржанбулака, и Фалин, бросив на заднее сиденье свои нехитрые пожитки, тронулся в путь. Молоденький шофер, назвавшийся Азизом, и новенький юркий вездеход Фалину понравились. Азиз дело свое, видимо, знал, из запруженного машинами города они вырвались, к удивлению Фалина, быстро.

— Давно за баранкой? — спросил Александр Михайлович.

— Еще до армии гонял, — с гордостью ответил Азиз.

— Где служил, в каких войсках? — продолжал расспрашивать шофера Фалин.

— В Москве. Два года возил генерала авиации, хороший человек, жалко было расставаться. — Азиз стал рассказывать о службе, о Москве, потом вдруг спохватился: — Вот ведь болтун, заговорился, а спросить, обедали вы или нет, не догадался, извините.

— Я думал, на месте и пообедаем, — ответил Фалин.

— Не спешите. От столовской еды вам, к сожалению, никуда не деться. А сейчас через три километра будет неплохая чайхана. Это прямо у дороги, сворачивать не надо. Если повезет, отведаем и плова, и шурпы. На худой конец, чаю с горячими лепешками попьем. Народу на этой трассе — тьма, и все норвят пообедать у Махмуда-ака.

Еще издали по скоплению машин Фалин определил, что это и есть придорожная чайхана.

— Наверное, и из нашего управления здесь шоферов немало? — поинтересовался он.

— А что делать, в наших столовых и вам аппетит скоро отобьют. Здесь уж так принято: кто на колесах, так на обед разъезжаются кто куда, и приятелей, конечно, прихватывают.

Пока они обедали, машины разъехались от чайханы. Азиз предложил перейти на освободившийся айван под деревьями, чтобы спокойно, не торопясь выпить пиалу-другую зеленого чая. Невдалеке, сияя начищенными боками, пыхтел трехведерный самовар. Фалин не возражал. И пока Азиз разыскивал пустые чайники и пиалы без щербинки, он забрался на айван, встряхнул курпачу и уселся поудобнее.

В Узбекистане Фалин уже бывал. Пять лет назад знакомый управляющий трестом, в котором они когда-то работали на реконструкции Балхашского комбината, вызвал его в Кашкадарьинскую область, предложив возглавить монтажные работы. Строили там ковровый комбинат, полностью оснащенный импортным оборудованием. Станки поступили к сроку, по контракту должны были вскоре подъехать и наладчики, а монтажных работ оставалось еще невпроворот. В общем, нужно было выручать коллегу. Фалин уговорил тогда поехать и бригаду монтажников. Края были новые, южные, ребята там интересно, поехали с ним охотно.

Встретил их сам управляющий и прямо из аэропорта повез в чайхану, где специально для них приготовили плов и шашлык. Чайхана сразу пришлась по душе монтажникам Фалина. Тогда они тоже разъезжались на обед кто куда; бывало, километров за двадцать-тридцать гоняли машины и знали наперечет в округе всех чайханщиков. В общем-то, в чайхане специально обед не готовят, но при любой есть своеобразная кухня, и если находятся желающие, за чисто символическую плату всегда можно получить котел и дрова.

В Средней Азии каждый мужчина — кулинар, и те, у кого есть время, готовят на свою компанию плов или жаркое из привезенных с собой продуктов.

Но в некоторых случаях чайханщики, не особо обремененные работой, готовят к обеду казан плова или казан шурпы. Вот в такие чайханы в округе и ездили ребята Фалина. И хотя еда в чайхане была отменная, плата умеренная — не намного дороже, чем в столовой, местная власть периодически пресекала такое частное предпринимательство. Не раз, проехав километров двадцать до чайханы, где они только вчера обедали и договаривались на завтра, уезжали, что называется, не солоно хлебавши. Огорченный чайханщик с сожалением разводил руками, мол, участковый пригрозил крупным штрафом. Вот тогда, прикинув, сколько времени теряют строители на обед и как неразумно используется транспорт, решил Фалин на собственный страх и риск открыть чайхану для своих рабочих рядом с объектом.

И чайханщика подыскал подходящего — фронтовика Махсума-ака, пенсионера. Должности в штате такой, конечно же, не было, пришлось оформить старика монтажником. Нарушение, разумеется, а что делать?

Соорудили печь, сколотили айваны, навесы, посуду за счет профсоюза приобрели. Идея пришлась всем по душе, так что за несколько дней все было готово. Даже добровольные помощники у Махсума-ака объявились. Только дрова да уголь для самовара и мангала доставали чайханщику, а остальное Махсум-ака, человек в округе уважаемый, добывал сам, разве что иногда машину просил — за барашком в горы к чабанам съездить. И повелось с тех пор: день шурпа, день плов, иногда жаркое или шашлык, а по весне — домлама, и весь обед с лепешкой, чаем — рубль.

Повеселели монтажники, да и старик помолодел, чувствовал себя при нужном деле. Семь месяцев работала чайхана, шуточно прозванная высотниками на парижский манер «У Максима». Но нашелся кто-то, настроил бумагу в народный контроль, что, мол, Фалин отбивает клиентов у общепита и держит мертвые души в бригаде монтажников. На один такой сигнал реагируют куда быстрее и эффективнее, чем на тысячу в адрес общепита... И Фалину, и монтажникам досталось тогда... И, хотя ребята уверяли, что с их ведома и согласия числится в бригаде повар и норму его они выполняют с гаком, ничто не помогло. Им сказали, что если бы они Гагарина в бригаду зачислили или работали, предположим, по почину «За того парня» (конечно, предварительно согласовав кандидатуру с райкомом), тогда — совсем другое дело, а повара ни в коем разе нельзя. В общем, даже собирались передавать дело в суд... Во всей этой истории Фа-

лину было больше всего жалко старика — ведь это он втянул Махсума-ака в авантюру. И когда вместо суда вдруг предложили возместить «ущерб, нанесенный государству», — а исчислялся он почти в тысячу рублей, — Фалин вздохнул облегченно и, не задумываясь, внес деньги в кассу. Но еще долго, пока не уехал, чувствовал себя виноватым перед стариком и старался реже попадаться ему на глаза. Так что прелесть чайханы Александр Михайлович знал хорошо.

Разъезженная, с разбитыми обочинами дорога убегала назад, селения встречались не часто, вокруг лежала выжженная степь: пейзаж напоминал скорее Казахстан, чем Узбекистан, сказывалось безводье. Азиз рассказывал о кишлаках, лежащих на пути, показал Богарное, ближайшую от Маржанбулака станцию, куда поступали грузы и оборудование для комбината. «Далековато... Из-за тридцати километров дважды перегружать каждую тонну стройматериалов», — мелькнула у Фалина мысль. Но тут же решил, что проектировщики правы: тянуть новую ветку железной дороги не имело смысла. Готовую продукцию будут увозить раз в неделю или даже в месяц в бронированном автомобиле или на вертолете.

Но все же с обидой, годами копившейся на проектировщиков, подумал: «Конечно, так уж они и расстараются для нашего брата строителя. «Как-нибудь доставят» — вот и все их решение». Да, строим одно, а у каждого свои интересы: кому — подешевле спроектировать, а кому — понадежнее построить. И, как бы проверяя себя, спросил у Азиза:

— Кирпич поступает на поддонах?

— Я поддоны видел только в Москве, удобная штука, — уклончиво ответил Азиз.

— А цемент, надеюсь, в мешках?

— В прошлый выходной наши комсомольцы работали на воскреснике: пять вагонов цемента неожиданно пришло. Я разгружал вместе с ребятами. Валом, конечно. Пока перевозили, наверное, полвагона по дороге выдуло, зона-то у нас ветровая.

— Я так и думал, — подытожил Фалин, а Азиз так и не понял, о чем это он.

— Вот здесь вы пока будете жить, — Азиз лихо тормознул возле вагончика под номером «66».

Фалин выпрыгнул из машины, огляделся. Они находились почти в центре хорошо спланированного, с улицами и переулками, городка, состоявшего из типовых бытовых вагончиков. Такого множества

новых бытовок Фалину до сих пор видеть не приходилось. Хотя все вагончики были пронумерованы, на бытовках красовались яркие надписи, свидетельствовавшие о ведомственной принадлежности — «Минстрой», «Стальконструкция», «Тепломонтаж», «Энергострой», «Узбекзолото»... И еще, и еще. Приезжий человек легко мог отыскать кого надо. Судя по количеству вывесок, снабжение золоторудного комбината было на высоте, наверное, ни в чем отказа не знали. Эта мысль на миг порадовала Фалина.

Азиз уже внес вещи и ждал у входа.

— В другой половине вагончика, — шофер показал рукой, — живут трое наших бетонщиков. Они из кишлака Яван. Домой ездят только на воскресенье, очень далеко добираться. Народ семейный, солидный, спать ложатся рано, и вам мешать не будут. К слову, готовят они себе сами... Так что, если столкуетесь, вам будет удобнее — не придется думать об ужине или обеде. О вашем прибытии они знают. Ну, как будто все. Утром, в девять, начальник проводит планерку, где и представит вам всех инженерно-технических работников. До свидания, Александр Михайлович. — С тем словоохотливый Азиз и отбыл.

В бытовках Фалин живал не раз, но эта была новой, улучшенной конструкции и планировки: окна, на манер поездных, хорошо открывались и были из небьющегося стекла, отопление спрятано под обшивку стен и настил пола, что и говорить — полный комфорт!

— Жить можно и нужно! — сказал себе Фалин. Распахнув чемодан, достал фотографию и прикрепил кнопками над кроватью, аккуратно заправленной неизвестной пока комендантшей.

С фотографии глядела юная девушка, снятая в строгой школьной форме, при фартучке, которые носили даже выпускницы в уже далекие шестидесятые годы. Эта фотография темноглазой девочки в белом передничке над изголовьем взрослого мужчины порою казалась нелепой, но другой карточки у него не было.

Фалина не однажды спрашивали: сестренка? И он коротко кивал в ответ: да, мол. Но девушка с грустными глазами, едва заметной родинкой на щеке не была его сестренкой. Не была она и женой...

Женился он поздно, в двадцать восемь, когда работал уже главным инженером, а развелся через год с небольшим. Оказалось, что Фалин по натуре — однолюб. Та первая, безответная любовь к милой девочке из соседней школы в провинциальном городке на западе Казахстана осталась в нем на всю жизнь. «Пьянея звуком голоса, похожего на твой» — ничего подобного Фалину так и не пришлось

испытать, хотя как хотелось ему встретить девушку, чем-то похожую на Тамару. Только однажды он позволил себе заслушаться голосом девушки, в котором уловил волновавшие его некогда нотки, и она тут же почувствовала, что имеет какие-то ключи к недоступному Фалину.

Вика Кораблева, инженер планового отдела, как и многие на тракторном заводе, который они строили, была влюблена в главного инженера. Еще там ему предсказывали головокружительную карьеру, и, будь он чуть тщеславнее и практичнее, что ли, уже в Павлодаре мог бы стать главным инженером крупного объединения «Тракторстрой». Да и как было не влюбиться в Фалина: молод, порядочен, талантлив. А перспективен — аж дух захватывает. Такому и в Москву перебраться — стоит только захотеть. Хотя поклонников у Вики было немало, настойчиво замуж никто не звал. Она не любила Павлодар, на ее взгляд, он сплошь был населен незамужними женщинами, а мужчины были заняты лишь одним — работой.

Энергии инженеру Кораблевой было не занимать, а уж если женщина что-то замыслит, остановить ее невозможно. Она как движущийся под уклон локомотив — несется, пока есть путь. И вот тактика наступления разработана, кони руют копытами землю, шашки наголо. Вперед! Для начала Вика обменяла свою двухкомнатную квартиру на однокомнатную, зато на одной лестничной площадке с Фалиным. В любом случае она не особенно проигрывала: долго оставаться в холодном, ветреном Павлодаре не собиралась.

Потом она познакомилась с бабушкой из соседнего подъезда, которая убирала квартиру и вела несложное хозяйство Фалина. Так Вика впервые вошла в квартиру Александра Михайловича и увидела на стене фотографию.

Кораблева, конечно, девушку за сестренку не приняла, однако ничего выдающегося в ней не нашла, только подумала: «Господи, до чего же он наивный! Школьная фотография... А я-то думала, у него что-то серьезней в жизни произошло, если он до сих пор не женат».

В общем, она начала осаду, тщательно планируя каждый свой шаг, анализируя каждый прошедший день. Два месяца кряду считывала время по минутам, чтобы случайно не столкнуться с Фалиным в подъезде, этого требовал скрупулезно выверенный план, и, по расчетам Вики, ошибка была исключена. Наконец, долгожданный момент настал. Когда Александр Михайлович однажды утром увидел на своей лестничной площадке Кораблеву, он удивился, что так давно живет с ней рядом и не встречался раньше.

Слишком высока была ставка, потому Вика не торопила события. Но осенью ей повезло: Фалин, сутками пропадавший на объектах, сильно простудился и неожиданно слег с высокой температурой. И когда приехавший врач «скорой» сказал, что возле больного постоянно должен кто-нибудь находиться, местком упрямил Кораблеву, как соседку, подежурить у главного инженера. Ее даже от работы освободили на это время. Фалин метался в жару, подолгу бывал в забытьи, и Вика, как и всякая женщина, прониклась к больному и слабому искренней жалостью. В эти дни вдвоем с бабушкой они привели в порядок очень запущенную холостяцкую квартиру, так что коллеги Фалина, навещавшие главного инженера, говорили шутя: давно, мол, пора Александру Михайловичу завести хозяйку в доме. И, заговорщицки посматривая друг на друга, добавляли: тем более, если такая милая и умелая под боком. Вика, прежде не жаловавшая кухни, поутру бегала на рынок, покупала свежую сметану, молоко, тщательно выбирала курицу. Она готовила наваристый бульон и сама с ложки кормила обессилевшего и исхудавшего Фалина. Две недели она неотлучно находилась рядом с ним, была хозяйкой в его доме. Выздоровевший Фалин смущенно благодарил ее горячо, сказал, что он теперь — в неоплатном долгу перед ней. Ушла она скромно, тихо, как и должно по ее сценарию. Месяц-другой после выздоровления соседа старалась меньше попадаться ему на глаза и на работе, и дома.

Впрочем, это было не так уж сложно: Фалин уходил рано, приходил поздно, постоянно пропадал на объектах. Однажды поздним вечером он вернулся домой прямо с объекта с друзьями. Выпить у него нашлось кое-что, а закусить оказалось нечем, тогда кто-то и вспомнил о соседке Кораблевой. Вика приготовила быстренько салат, нажарила отбивных, умело, со вкусом накрыла стол, и приятели волея-неволей вновь заговорили про женитьбу Фалина. Пора, мол, кончать с холостой жизнью, видишь, как нужна хозяйка в доме, тогда, мол, и проблем не будет с закуской. Шутили, конечно, но Вика, слышавшая на кухне эти разговоры, и вида не подавала, как ей это на руку.

У Фалина был телевизор — премия, как лучшему рационализатору-изобретателю. Включал он его, правда, редко, не до концертов и фильмов ему было. Однажды, когда его на неделю вызвали в Москву, Кораблева попросила, если можно, оставить ключи: должны показывать многосерийную постановку «Сага о Форсайтах», и ей хотелось бы посмотреть. Фалин не только отдал ключи, но сказал, что она в любой день может приходиться смотреть телевизор. Но Вика

не особенно надоедала Фалину, появлялась лишь, когда он отсутствовал, к счастью, это случалось часто. После ее визитов Фалин замечал, что на кухне все сияло, ванна блестела, а полы были вымыты. Как бы тщательно ни убирала бабуля, но разве ей было сравниться с Викторией? После ее посещений оставалась какая-то особая, стерильная чистота. Как-то, отлучившись на день,— а ездил он в дальние карьеры, откуда поступал щебень на бетонный узел,— Александр Михайлович, вернувшись, не узнал своей квартиры: вся мебель была расставлена по-иному, оттого и столовая, и спальня преобразились, стали просторнее, светлее. Просто неузнаваемой стала квартира. «Ну и рационализатор, не додумался мебель расставить как следует»,— с улыбкой подумал Фалин. Он, конечно, догадался, что это затея Кораблевой, бабуле одной передвинуть все это не под силу, да и ни к чему.

Однажды он прилетел из командировки ночью. Веселый от того, что поездка оказалась удачной, насвистывая какую-то мелодию, он поднялся к себе. Открыл дверь, включил свет в прихожей и услышал шум работавшего вхолостую телевизора. Он тихонько вошел в комнату. Было уже далеко за полночь, передачи все закончились, а Вика, в роскошном голубом пеньюаре, с распущенными волосами, заснула на диване. Фалин присел на краешек дивана, сначала хотел разбудить ее, а потом передумал: зачем — смутится, сконфузится девушка. Поправил сползший с коленей пеньюар, принес ей подушку, накрыл пледом и выключил телевизор.

«Красивая девушка, добрая...» — подумал, засыпая, Фалин.

На Новый год Фалина пригласили в компанию сослуживцы, люди в основном семейные. Оказалась там и Вика Кораблева. Вечер был славный, шумный. За полночь, весело отметив встречу Нового года по местному и по московскому времени, стали расходиться. Погода стояла для Павлодара редкостная: ни ветерка, по-киношному медленно падал мягкий снег. Всю дорогу до дома они дурачились, как школьники, а у подъезда Вика, задохнувшись от бега, спросила:

— Фалин, хотите еще шампанского?

И Александр Михайлович ответил:

— Хочу!

На площадке, пока Фалин рылся по карманам, отыскивая ключ, Вика распахнула свою дверь и сказала:

— Сегодня шампанским угощаю я, потому что очень хочу, чтобы этот год принес мне много радости.

У нее был накрыт стол, в углу стояла наряженная елка, Вика, как сказочная фея, повела рукой, и елка вспыхнула разноцветными огнями.

— Какая ты молодец, Вика! — вырвалось у Фалина. Он даже в ладоши похлопал.

Когда разлили пенящееся шампанское, Вика, подняв бокал, попросила его достать из-под елки пакет.

— Александр Михайлович, дорогой сосед, это мой новогодний подарок — теплый пуловер из исландской шерсти. Надеюсь, вам в нем будет тепло и никогда больше не придется болеть. Вам болеть, а мне ухаживать за вами, хотя это было совсем не трудно.

Фалин смутился, не зная, что и сказать, но Кораблева не растерялась, засмеявшись, проронила:

— Да не смущайтесь вы так. Восьмое марта не за горами, у вас будет возможность ответить...

Она включила радиолу и в танго, обняв его за плечи, сказала:

— Фалин, милый мой сосед, неужели, кроме бетона, железобетона и стальных конструкций, вы ни в чем не разбираетесь? Я ведь люблю вас, Сашенька, и уже давно...

Фалин молчал, смотрел куда-то поверх плеча, и Вика на миг растерялась. Чтобы избежать тягостной паузы, она уже хотела поцеловать его, как Фалин вдруг спросил:

— И давно это случилось?

— Давно, Сашенька,— вздохнула Вика.— Давно, уже восемь месяцев.

Фалин улыбнулся:

— А я, Вика, влюблен уже одиннадцать лет, понимаешь, одиннадцать. Когда мы познакомились, она оканчивала восьмой класс, а я учился на втором курсе техникума.

— Это в ту девочку, чья фотография у тебя на столе?

— У меня в жизни не было другой, Вика. Когда-нибудь, в другой раз, я расскажу тебе о ней, о Тамаре. А теперь я, пожалуй, пойду. Светлеет уже...

Вика протестующе подняла руку.

— Да нет, еще совсем рано... Разве можно спать в новогоднюю ночь?!

Фалин усмехнулся:

— Спать, может, и не придется...— Он помолчал.— Вика... Вика... да ты получше взглядишь в меня. Такой ли человек тебе нужен? Ты права, лучше всего я разбираюсь в бетоне, железобетоне, сталь-

ных конструкциях, и это меня очень интересует. И сегодня, и завтра, и через десять лет я буду уходить рано, приходить поздно и прихватывать на ночь домой чертежи и сметы. А если сегодня мы живем и работаем в городе, то завтра это может быть палатка или барак, где угодно — в степи, пустыне, тайге, даже в зоне вечной мерзлоты — там, где будет стройка мне по душе. А зачем все это тебе? Я ведь вижу, тебе в тягость даже Павлодар, а ведь это — город. Я мало читаю, не смотрю телевизор, совсем не хожу в театр, и тебе, наверное, меня жаль, думаешь: вот, заела работа человека. Но если бы у меня в сутках было еще двадцать четыре часа, я бы и их отдал делу. Потому что для меня строить — все равно что другому писать музыку, сочинять стихи. Я занят своим делом, а дело, которое ты знаешь и любишь, никогда не в тягость.

Сейчас много развелось знающих дилетантов — просто не перечесть! Все-то они знают, обо всем наслышаны, а коснись конкретного дела — пшик один. А я строю, понимая, что делаю жизненно необходимое дело. И эта уверенность будет гнать меня с одной важной стройки на другую. Но зачем тебе-то цыганская жизнь, ведь ты мечтаешь совсем о другом. Так что, не печалься, Вика. Ты красивая, добрая и, как говорят мои коллеги, хозяйственная. У тебя все еще будет прекрасно. А мы останемся с тобой добрыми друзьями, хорошими соседями.— И, поцеловав ее в щеку, он ушел...

Через полгода Фалина неожиданно перевели на реконструкцию одного из уральских заводов. Уезжая, он подарил Кораблевой телевизор. Как и обещал, рассказал ей грустную историю любви к девушке, чья фотография стояла у него на столе. Казалось, их пути разошлись навсегда. Однако это он так считал. Узвленное самолюбие Кораблевой не давало ей покоя, и она не оставила своих планов. Для начала стала писать такие трогательные письма, что порой ей самой казалось: она безумно влюблена в Фалина, которого теперь иначе как Сашенькой и не называла. Она не забывала поздравлять его с праздниками, прислала на его день рождения только входившие в моду плоские часы «Полет» с перламутровым циферблатом.

Фалин, никогда не знавший такого внимания к собственной персоне, даже растерялся. Но самый большой сюрприз Вика преподнесла Фалину на Новый год — приехала к нему на праздники. Новый год встретили они вместе. И снова Вика объяснялась ему в любви. Говорила, что нет ей без него жизни. Твердила, что они коллеги, и лучше, чем она, никто не поймет его, уверяла, что согласна ехать с ним хоть

на край света, жить в любых условиях. А самое главное, она понимает, как свята, как глубока бывает первая любовь, и обещала никогда не корить его за это и всегда считаться с ней.

Два дня Фалин отговаривал ее, уверял, что это пройдет. Сказал даже, что у Тамары, хоть сын учится уже во втором классе, неладно с мужем, и, может быть, скоро она решится оставить его. Но он плохо знал Вику. Оказывается, Кораблева была готова и к этому. Как последний аргумент она протянула ему конверт.

Увидев в руках Вики письмо Тамары, Фалин был сражен.

«Сашенька, дорогой,— писала Тамара,— я очень рада, что в тебя влюбилась такая милая, славная и очень красивая девушка. Мы с ней вместе провели два приятных дня, приятных тем, что они были заполнены разговорами — воспоминаниями о тебе. Вика рассказала мне о тебе нынешнем, известном инженере, а я вспоминала нашу юность, молодость, сорок четвертую школу и наш далекий, засыпаемый по весне тополиным пухом город. Я так была тронута тем, что ты верен той первой нашей школьной любви! Это ведь редкость теперь. Признаюсь еще, все эти трудные годы сознание того, что ты меня любишь, помнишь, несмотря ни на что, давало мне силы жить. Спасибо тебе за это, спасибо за все. Мне грустно, что мы расстались. Но кто знает, были бы мы счастливы вместе? О жизни моей ты знаешь, перемен особых, тем более к лучшему, нет. Наверное, мне давно следовало бы решиться на развод, но ведь у нас сын, и пусть он хоть немного подрастет, чтобы понять все и не обвинять меня, что я лишила его отца. Я думаю, эта девушка, чей визит ко мне — уже благородство, будет тебе хорошей женой. Прости, Саша. И желаю вам счастья. Тамара»

— За этим ты ездила во Львов? — спросил Фалин.

— Нет, не за этим. Сначала мне просто хотелось увидеть женщину, которую так любят. А когда увидела, не смогла удержаться, рассказала обо всем. Письмо она написала сама. Я об этом ее не просила. Если ты не веришь мне, то ей-то поверь...

Восьмого марта они сыграли свадьбу. Это был тот подарок, которым Вика предлагала ответить ему в ночь под Новый год. Он вспоминал потом об этом часто и усмехался в душе.

Весь тот год они жили в чистом, опрятном уральском городке в хорошей двухкомнатной квартире. Объем выпускаемой продукции заводу не снижали, несмотря на реконструкцию, и потому Фалин разве что не ночевал на работе. Привыкший к холостяцкой жизни, он был

благодарен Вике за уют, тепло, которые всегда ждали его дома. Фалину казалось, что семейная жизнь его течет нормально. Реконструкция подходила к концу, и хотя Фалину предлагали немало мест, он искал стройку поинтереснее. Иногда за ужином они говорили с Викой, куда можно было бы поехать на работу. Но если он называл место где-нибудь вдали от больших городов, жена только подергивала плечами и фыркала. Она все чаще заводила разговор, что пора бы Фалину добиться должности главного инженера треста. А там, смотришь, года через три-четыре перебраться в министерство, в Москву. Александр Михайлович такие разговоры не принимал всерьез, отделялся шуточками, да и Вика, что называется, не перегибала палки. Она считала, со временем все равно будет так, как она решила однажды в Павлодаре, ведь сумела же она выйти за него замуж, а всего остального добиться гораздо проще.

Решение Фалина поехать в Таджикистан, на Вахшскую ГЭС, стройку уникальную по своим масштабам и чрезвычайно смелую по инженерному замыслу, Вика встретила в штыки, не обошлось и без слез, но поехать она все-таки поехала. Стоял конец июня, время саратана, самого жаркого периода в Средней Азии. Нурек, тогда еще маленький, пыльный поселок, после зеленого, прохладного уральского городка расстроил Вику донельзя. Выделили им для начала комнатку в вагончике, железная крыша которого за день так накалялась, что дышать в комнате было нечем, даже долгожданная ночь не приносила ощутимой прохлады.

Фалин, уже увлекшийся новой работой, не замечал ни жары, ни мелких неудобств, но Вику раздражало все: и пыль, и жара, и примус, на котором она никак не могла приноровиться готовить, а особенно — жилье без элементарных удобств. Однажды с ней случился солнечный удар, а может, просто перегрелась на солнце, но с этого дня она заладила: мне здесь не подходит климат, нам нужно уезжать. Фалин понимал, что Вика мается от непривычной жары, неудобств, без квартиры, где она могла бы создавать уют, а управление уже заканчивало монтаж пятиэтажного дома, где ему обещали к осени жилье, и потому он решил: пусть отдохнет месяц- другой у моря, а к осени и жара спадет, и дом сдадут к ее приезду, и все решится само собой. Эта перспектива большой радости у Вики не вызвала, но уехать подальше от жары она согласилась. На работе Фалину пошли навстречу: достали горящую путевку в Ялту, и Вика отбыла к морю.

Дней через двадцать Фалину выпала срочная командировка в Москву, в проектный институт: обнаружилась неувязка в чертежах, и сле-

довало согласовать вопросы на месте. В проектно-институте претензии строителей приняли безоговорочно, и вопрос был решён на три дня раньше, чем предполагало руководство стройки, да и сам Фалин. И тут, в Москве, как только он получил необходимые чертежи и сметы, ему пришла в голову мысль хоть на денек слетать в Ялту, проведать жену. Разлучились они со дня свадьбы впервые, и, по правде говоря, он очень скучал. Даже сам удивлялся, никогда не предполагал в себе такого. В тот же день, поздно вечером, он вылетел в Симферополь.

Далеко за полночь добрался на такси до Ялты и разыскал санаторий, где отдыхала жена. Справившись внизу у дежурной, где живет Фалина, предъявил паспорт со штампом регистрации и поднялся на второй этаж. Телеграммы он нарочно не дал: хотел сделать сюрприз молодой жене. Постучал раз, другой — дверь не открывали. Фалин, решив, что жена крепко заснула, постучал сильнее, настойчивее.

Раздался совсем не сонный, звонкий голос жены:

— Сейчас открою, Мария Михайловна.

Щелкнул замок, но дверь открыть Фалину пришлось самому. У распахнутого окна застыл сконфуженный мужчина, а Вика, в знакомом ему голубом пеньюаре, стоя спиной к двери, с насмешкой выговаривала ему:

— Трус вы, оказывается, Зурабчик. Побоялись прыгнуть со второго этажа ради покоя дамы, а теперь у меня будут неприятности с дежурной...

Мужчина вдруг улыбнулся и радостно поднял руки в знак примирения.

— Вика, прелесть моя, это вовсе не дежурная, а такой же мужчина, как и я, только он номером ошибся. Верно я говорю?..

Вика резко обернулась. Фалин швырнул на мятую постель цветы и подарки и, не сказав ни слова, вышел. Семейная эпопея его на этом закончилась...

За свою жизнь Фалину пришлось работать в разных краях, и у него выработалось одно бесценное качество: ему не нужно было времени, чтобы приспособиться к северному или южному климату, а тем более к новым обстоятельствам.

Когда начиналась настоящая работа, для него переставали существовать бытовые неурядицы, а на особенности климата, будь то проливные дожди Кондопоги, жара Таджикистана, пыльные смерчи Хорезма или холод Заполярья, он просто не обращал внимания, если, конечно, это не мешало производству. То же было и с работой: трех

М

дней ему вполне хватало, чтобы познакомиться с проектами и финансовой документацией, а объехав раз объекты и ремонтные мастерские, он почти наверняка уже знал, кто из коллег на что способен. И в дальнейшем, как правило, всегда подтверждалось первоначальное впечатление. Воспитательной работой, увещеваниями и разносами в коллективе он никогда не занимался, но умел организовывать работу так, что нерадивым людям — тем, про которых обычно говорят: человек не на своем месте, — работать с Фалиным становилось невозможно. Таких он не уговаривал остаться, хотя на любой стройке всегда не хватало людей.

Когда Фалин учился в техникуме и позже, когда заочно одолел политехнический институт, встречал он много толковых ребят, и не раз они мечтали: вот бы поработать вместе, потому что были единомышленниками и, казалось тогда, могли горы своротить. И всякий раз, когда Фалин писал статью в технический журнал или описывал рационализаторское предложение в информационном бюллетене, он ждал: а ну, да откликнется кто-нибудь из сокурсников и приедет работать к нему или пригласит к себе. Это ожидание письма-восточки после каждой публикации долго жило в нем, пока однажды, переезжая на новое место службы, он не попал в купе с одним пожилым человеком, оказавшимся писателем. Как водится, разговорились, и когда Фалин посетовал на то, что не откликаются вот друзья-коллеги, писатель с улыбкой сказал: «Голубчик, да я написал десятки книг, по моим произведениям поставлены радиоспектакли, сняты фильмы, пьесы идут, но за всю свою долгую жизнь я не получал писем ни от однокашников, ни от товарищей, которых растерял в молодые годы. Конечно, как и всякий писатель, я получаю письма от читателей, но совсем не так много, как рассказывают мои коллеги, и если быть откровенным, это не те письма, которых я ждал, не о том и не от тех. В каждом письме я надеялся, как и вы, услышать голос из детства, юности, молодости, наконец, но вот проходит жизнь, а такого письма я еще не получил. Не получил восточки и от той, на воспоминаниях о которой держится каждая лирическая строка моих книг, а вы хотите найти друзей по публикациям в специальных журналах. Это же чистейший абсурд».

Не тратил времени на раскачку Фалин и в новом управлении... Хотя золотодобывающих фабрик он не строил, а маржанбулакская принципиально отличалась от тех, что он видел на Колыме и в Яку-

тии, но, ознакомившись с чертежами, Фалин нашел сходство с обогащительными фабриками цветных металлов, а такие строить ему уже довелось. Каждый день приходилось наезжать в Джизак: совещания в тресте, заседания, согласования с заказчиками — все это отнимало драгоценное время. Конечно, без всего этого, пока стройка не наберет темпы, никак не обойтись, но даже с таким лихим шофером, как Азиз, много времени уходило на дорогу: путь неблизкий, да и дорога разбита и запружена машинами, особенно не разгонишься. Через неделю на разборе дел в обкоме партии Фалин попросил слова и произнес неожиданную речь:

— Проблем — тьма-тьмущая, но сроки пуска фабрики обсуждению не подлежат, по-моему, с этим согласны все. Я, как и мои коллеги, считаю сроки вполне реальными и думаю: если стройка наберет заданный темп, мы дадим стране маржанбулакское золото даже раньше. Прекрасно, что нам ни в чем не отказывают, мы можем рассчитывать на любую помощь и содействие. Но время отсрочить никто не вправе, поэтому время надо беречь. Нас в Маржанбулаке — двадцать строительных организаций, а трест наш — в Джизаке, и нам почти каждый день приходится бывать здесь. Посчитайте: два часа сюда, два обратно — и половины рабочего дня как не бывало, а если два совещания, то и день как корова языком слизала. Вот я и прошу четко определить: если совещание действительно важное, пусть оно проходит на месте, в Маржанбулаке. Это поможет нам сэкономить драгоценное время, которое мы урываем у стройки. Есть и другая проблема: заказчик «Узбекзолото» находится в Ташкенте, там же проектные институты и «Стройбанк», поэтому руководителям часто придется навещаться и в столицу, тут уж никуда не денешься. Поэтому от имени моих коллег, хоть они меня и не уполномочивали, прошу обком выделить для строителей золоторудного комбината два вертолета. Имея вертолет, я и мои коллеги выиграли бы самое ценное в данной ситуации — время. Двадцать минут до Джизака, час-полтора — до Ташкента.

Не успел он закончить, как в зале зашумели, заговорили все разом, раздались смешки, а кто-то громко подал реплику:

— Вот молодежь! Скоро они самолет потребуют.

Фалин, не успевший сесть, не удержался от ответа:

— Самолет у меня на прежней работе уже был...

Это вновь вызвало оживление в зале.

Все ждали, что секретарь обкома осадит делового «мечтателя», но тот вдруг, улыбнувшись, сказал:

— А что, дело говорит молодой инженер. Неделю как пришел в управление, а вот по-своему уже решает проблему. От заседаний и совещаний, к сожалению, никуда не денешься, но как сберечь время, он продумал верно. Может быть, и мне придется воспользоваться вертолетом, ведь с меня не только за комбинат спрашивают, а и за скот, и за хлопок, и за новый Джизак не меньше. Так хоть почаще смогу бывать у вас... Выездные совещания тоже неплохая идея. Спасибо, Александр Михайлович. А вертолет у вас будет...

Соседи Фалина, как и предсказывал Азиз, оказались людьми степными. По-русски говорили не так бойко, как его шофер, но для беседы за пиалой зеленого чая словарного запаса вполне хватало. А ужины, которые для Фалина чаще всего оказывались и обедами, затягивались до полуночи, к этому времени жара спадала и ветерок до рассвета нес живительную прохладу. Чаевничая, они обсуждали многое, но чаще всего говорили о комбинате. Фалин, отправляясь на стройку в джизакской степи, знал, что больших проблем с кадрами у него не будет, разве что высококвалифицированных монтажников, высотников и наладчиков найти непросто, но таких специалистов и в столицах пойдти поищи. А кадры в Узбекистане есть свои, коренные, потому что нет там покинутых деревень, не стоят немым укором дома с заколоченными окнами. Молодежь охотно остается в селе, не рвется неведомо куда из родных краев. И лишние рабочие руки в окрестных кишлаках найдутся, ведь пришла на узбекские поля мощная техника, и три четверти хлопка уже сейчас убирают комбайнами. Знал он и то, что люди охотно пойдут на стройку в глубинке, потому что работающие здесь будут иметь доступ к стройматериалам. А в Узбекистане любят строиться. Сын только в школу пошел, а ему уже потихоньку начинают возводить дом — хорошая, привязывающая к земле, к отчему краю, традиция.

Дней через десять после того, как Фалин принял дела, участковый милиционер из соседнего кишлака доложил ему, что прораб Файзиев продал машину цемента своему односельчанину, рабочему со стройки. Фалин пообещал разобраться, и вечером, на планерке, закончив обсуждение вопросов, он попросил всех задержаться еще минут на десять.

— У меня есть данные, что один наш прораб продал нашему же рабочему машину цемента,— сказал Фалин в напряженной тишине.— Известна и сумма, полученная за это. В таком маленьком местечке трудно что-либо утаить. Дело по составу — уголовное,

а по сути своей — мерзкое. Какие же вы руководители, если своим же рабочим сбываете краденое? Я знаю, многие пришли на комбинат в надежде, что появится возможность доставать стройматериалы для собственного дома... Думаю, что такую возможность мы изыщем, но только для тех, кто пришел по-настоящему работать, а не воровать дефицитные материалы. Да, у прорабов всегда есть возможность придержать излишки материалов, и некоторые этим пользуются. Но у нас будет иная форма списания и иная форма поощрения за экономию материалов... Мы с начальником производственного отдела уже готовим положение на этот счет.

Хотите хорошо зарабатывать — зарабатывайте, я только поддержу вас. Не дело, когда подсобный рабочий получает больше инженера, авторитета у такого руководителя не прибавится. Вы спросите, как? Отвечу. На каждой своей работе я, например, кроме должностного оклада и премиальных, получал почти столько же, а иногда и больше, за рацпредложения, изобретения, за внедрение чужих предложений, наконец. Рационализаторские предложения не влияют на фонд заработной платы и оплачиваются по определенной статье, так что — творите, дерзайте, зарабатывайте. От этого наше общее дело только выиграет. Есть еще способ, от которого выиграете и вы, и дело: я имею в виду обучение. Хотя обучение и оплачивается дополнительно, оно входит в ваши должностные обязанности, и я за это буду спрашивать строго. С кадрами, я знаю, особых проблем нет, но беда в том, что пока это малоквалифицированные люди, и средний разряд по управлению просто называть стыдно. К тому же, появившись в такой бригаде один-два человека с высшим разрядом, будут они получать почти вдвое больше, чем другие, или, как выражаются рабочие, будут снимать сливки, а это, естественно, вызовет в коллективе протесты. Поскольку рабочие приходят к нам из деревни, вернее, из кишлака и они больше знакомы с сельским хозяйством, чем со строительством, прямая обязанность каждого мастера, прораба, инженера — вести с ними постоянные теоретические и практические занятия.

Академических знаний от рабочих никто не требует, но знать свойства основных материалов, порядок хранения и складирования, погрузки и разгрузки, уметь пользоваться электрическим инструментом и малой механизацией они должны, а научить их этому — ваша обязанность. Бригады у нас в основном комплексные, мы постоянно будем иметь дело с башенными и автомобильными кранами, поэтому необходимо во избежание простоев и несчастных случаев, чтобы

все, без исключения, рабочие прошли еще и обучение по строповке и перемещению грузов кранами...

Такие вот задачи стоят перед нами, товарищи инженеры. И они же — варианты вашего дополнительного заработка. А за сбытые на сторону стройматериалы буду спрашивать строго — вплоть до суда...

У меня на сегодня все, и я надеюсь, что визит участкового в наше управление больше не повторится...

На следующий день на всех участках стройки рабочие оживленно обсуждали необычное выступление главного на планерке. Мнения на этот счет были разные, и потому все с нетерпением ждали, что скажет главный на профсоюзном собрании, которое должно было состояться сегодня.

Когда закончилась официальная часть, и был назван состав местного комитета, приступили к прениям. Фалин, выслушав несколько выступлений, попросил слова.

— Товарищи,— начал он,— я внимательно прочитал заявления, написанные в адрес администрации за последние полгода, слушал острые выступления рабочих, беседовал уже со многими из вас, особенно с бригадирами, на чью помощь очень рассчитываю в работе. Все ваши заявления, выступления, разговоры об одном — как будем работать дальше? Не скрою, мне нравится, что наше профсоюзное собрание ведет разговор по большому счету: о главном, о работе. О том, что у нас еще множество неполадок и в работе, и в быту, мы знаем и, по возможности, будем улучшать быт и налаживать ритмичную работу. Какой комбинат строим, вы знаете не хуже меня, и об этом говорить не стоит. Металл, который мы с вами дадим стране, называют благородным, он не ржавеет, не подвластен времени. Хотелось, чтоб и мы с вами на стройке стали чище, благороднее, не ржавели на глазах...

Несколько лет назад я работал в Казахстане, строил там тракторный завод. А еще раньше, в конце пятидесятых годов, там построили металлургический комбинат, и неподалеку от него вырос красивый поселок частных домов с очень некрасивым названием — Вор-город. К чему я это говорю? Да к тому, что вы все ждете от меня, когда я скажу о строительных материалах. Я знаю, и это секрет только для человека равнодушного, что большинство из вас пришло на стройку, чтобы получить строительную профессию и иметь возможность доставать любым способом материалы для личного строительства.— Он сделал паузу, оглядел притихших людей, увидел заинтересованные гла-

за... — Я не вижу в этом ничего плохого, даже приветствую людей, отважившихся на такое трудное дело. Дом построить — не у каждого духу хватит, сейчас больше предпочитают у телевизоров время проводить. Но... стройка только начинается, а некоторые уже спешат обзавестись материалом, и обзавестись путем нечестным — либо воруют сами, либо покупают краденое. Этому надо положить конец...

Помогать частным застройщикам мы будем, и в первую очередь тем, кто хорошо трудится. Это и будет одна из главных форм поощрения. Вы спросите у меня, откуда же я возьму материалы, чтобы дать их вам? Отвечу. Вот, например... Всем вам нужен цемент, без него дома не построишь. Вы знаете, что грузы прибывают на станцию Богарное, знаете, что разгрузка цемента — дело трудоемкое, вагоны часто простаивают, из-за этого управление выплачивает огромные штрафы. Цемент к нам поступает свой, узбекский, из Ахангарана, и у нас есть возможность договориться, чтобы подавали его с субботы на воскресенье. Так вот, кто будет принимать участие по воскресеньям в разгрузке и не забудет, что цемент следует беречь, получит его в первую очередь — причем по государственной, а не по коммерческой цене. Наверное, особо отличившимся даже будем доставлять и по кишлакам нашим транспортом. Оплата за разгрузку любых грузов на станции будет аккордно-премиальной, по отдельным нарядам, так что, у кого есть возможность, приглашайте трудоспособных родственников. То же самое с кирпичом: чем меньше он будет биться, тем больше будет попадать его в ваш фонд...

Далее... Много пиломатериалов будет уходить на опалубку. Чем бережнее, аккуратнее вы будете обращаться с ней, тем больше после списания получите леса; в частном строительстве любая доска сгодится, а на опалубку пойдет отборная пятидесятка... Вот такой у нас резерв, товарищи... Тогда, я думаю, к прекрасным кишлакам вокруг Маржанбулака не прилипнет оскорбительное название, которое я и повторять не хочу, — закончил Фалин под аплодисменты свое выступление.

Собрание всколыхнулось. Один за другим поднимались рабочие, инженеры... В некоторых выступлениях высказывались такие интересные, дельные предложения, что многоопытный Фалин не успевал записывать себе в блокнот. Закончили к ночи, и даже разойдясь по баракам и вагончикам, люди продолжали обсуждать неожиданное предложение нового инженера.

Стройка с каждым днем ширилась, двух вертолетов комбинату стало не хватать — дали третий, более вместительный и комфорта-

бельный. Он каждый день с утра вылетал в Ташкент и к вечеру возвращался, а два других сновали между Джизаком и Маржанбулаком.

Фалина, хотя и был он самым молодым главным инженером на комбинате, признали сразу: в каждом вертолете у него было персональное место, его так и называли — «фалинское». Частые совместные полеты в Джизак и Ташкент по-своему определили отношения руководителей между собой, они, в разной степени, но сдружились, понимали один другого, и на планерках редко когда спорили, да и то только по принципиальным вопросам, а мелкие утрясали меж собой. Да и сами планерки проходили вдвое быстрее, чем обычно: в дороге они успевали обсудить часть проблем, согласовать мнения.

К концу года Фалин первым в тресте ликвидировал огромный перерасход фонда заработной платы — тяжелое наследство, доставшееся ему от прежнего коллеги, — и даже получил некоторую экономию. Фалин считал, что по-настоящему стройка начнется только тогда, когда объем и ритм позволят работать в две-три смены, а это время было уже не за горами. К такому «часу пик» следовало подойти без задолженностей, отладив весь производственный процесс.

На планерках в своем управлении он видел, как горячатся его молодые прорабы: «Чего вы хотите от нас, Александр Михайлович? Ежемесячные и квартальные знамена присуждаются нашему управлению, и не похоже, чтобы кто-нибудь мог реально конкурировать с нами. И выработка у нас выше всех, а по новой технике и рационализации мы одни освоили трестовский план. Да что там план! Ведь попасть к нам в управление даже рабочим непросто, хоть конкурс объявляй. Берем только тех, за кого ручаются наши рабочие, да и то им ждать иногда приходится, текучки практически нет». Все это было верно и полностью соответствовало истине, но Фалин умел находить слабые места в делах каждого, указывал на резервы. А самое главное — нацеливал каждого на долгую работу, до самого завершения комбината. «Начинать легко, — говорил он, — все едут с надеждами, принимают за дело горячо, но не все, бывает, выдерживают до конца. А важно удержать темп, не сбиться, сберечь в коллективе каждого».

На одну из планерок Фалин пригласил табельщицу. Тоненькая, хрупкая девушка Мавлюда, как и большинство рабочих, родом из кишлака Яван, пришла в отдел кадров, когда там был главный. Просилась она в арматурщицы, а инспектор советовала пойти в отделочницы, говорила — там будет легче. Но девушка твердо стояла на своем — только к арматурщикам, она видела в кино, как интерес-

но там работать. Фалину понравилось упорство девушки, он пригласил ее к себе в кабинет. Усадив на диван, стал расспрашивать, чем привлекла ее стройка, почему хочется именно к металлу. Оказалось, что мечтает Мавлюда поступить в политехнический институт, и для этого хотелось бы иметь с места работы справку повесомее, а труд ее, мол, не страшит. Фалин, почувствовав в девушке твердый характер, неожиданно предложил ей... пойти в табельщицы. Он долго объяснял, почему на данный момент считает эту работу особенно важной, и девушка согласилась.

Фалин часто брал Мавлюду с собой на объекты или давал ей машину, но девочку с толстой тетрадкой в руке, вчерашнюю школьницу, никто на стройке не принимал всерьез. Вообще-то, мало где смотрят на табельщиц всерьез, какая там у них работа: поставил крестик — и все дела. Когда же Фалин предоставил Мавлюде слово на планерке, по кабинету пробежал удивленный шепоток. Но она сделала такое сообщение, что сотрудники были просто ошарашены. Подробный анализ за три месяца по каждому участку и управлению в целом показал, что потери рабочего времени составили около двух тысяч человеко-часов. Да еще Мавлюда, хорошо знавшая почти всех рабочих — кто приходился ей родственником, кто соседом, кто знакомым, — прокомментировала:

— Садыков не вышел в пятницу, потому что водил корову к ветеринару; прораб Файзиев отсутствовал в понедельник — отвезил тещу в Ташкент. А Джураева не было на работе целых два дня: ездил, видите ли, сватать невесту для сына...

Все сорок минут кабинет главного инженера содрогался от смеха. Когда Мавлюда закончила, Фалин поблагодарил ее и продолжил планерку.

— Мавлюда провела тщательный анализ, и сделала это очень своеобразно, но смех смехом, а потеря тысяч часов рабочего времени всего за три месяца должна нас насторожить. Я понимаю: Файзиеву не отвезти тещу в Ташкент никак нельзя, тут свои обычаи, молодого зятя могут упрекнуть в неуважении к родне. Садыкову отвести корову к ветеринару тоже нужно, за него никто этого сделать не может... Всем надо, у всех объективные причины, и я по-человечески всех понимаю, но...

Расскажу вам случай из моей практики... Начинать я мастером на строительстве Чимкентского завода фосфорных солей, мне тогда только восемнадцать после техникума стукнуло. Вот однажды

каменщица, труженица, каких мало, говорит: «Сашенька, я завтра и послезавтра на работу не выйду». Я ей отвечаю: «Хорошо, тетя Даша, только, если что, скажите на всякий случай, вам, мол, в ЖЭК или к врачу надо было...» — «Да нет, — отвечает тетя Даша, — никуда мне не надо, с утра посплю подольше, потом стирку затею, а послезавтра уж по магазинам да по базарам похожу». Я удивился: «Как же я вас с работы, мол, отпущу, это ведь явный прогул». А она отвечает: «Поставишь, милок, никуда не денешься», — и достает из кармана тетрадку: завела, говорит, с тех пор как я мастером у них стал.

«Вот, смотри, отпрашивались все кому не лень: кто на день, кто на полдня, а ты, добрая душа, всех отпускал. Федорова, скажем, которая у тебя чуть ли не целую неделю после обеда отпрашивалась, живет со мною в одном доме, и я знаю: ни в какой ЖЭК ей не надо — по базарам да по магазинам мотается, а то к моему возвращению стирку развешивает во дворе. Так и большинство других. И, выходит, что теперь — мой черед гулять, чтобы не думали остальные, какая я дура.

Сунула мне тетрадку в руки и ушла. Просмотрел я ее записки — все точно, так оно и было, и если по-честному, пришла пора и ей пару деньков отдохнуть, оплата-то из общего котла.

После такого случая и я завел тетрадку. Отпрашивается кто, говорю: хорошо, я вас отпущу, а эти четыре часа вы отработаете, ведь сколько раз бывает нужно остаться после работы на час-другой, а то и в воскресенье выйти, чтобы к понедельнику другой бригаде фронт работ обеспечить. И как рукой сняло: через месяц у меня уже никто не отпрашивался, да и в бригаде лад появился.

Надеюсь, все уразумели, что Мавлюда сегодня не случайно выступила и историю из личной практики я не просто так рассказал.

Со следующего месяца приступаем к двухсменной работе, и каждый трудовой час должен быть на учете...

Осень в Узбекистане богата свадьбами. Как только отвезут последнюю машину хлопка на хирман, считай, каждую субботу трубят в ночи карнаи. Двух свадеб в одном кишлаке, как бы он велик ни был, одновременно никогда не бывает, потому что на торжество приглашают все село. Люди на стройке работали из всех окрестных кишлаков, и почти не было субботы, когда бы Фалина не пригласили на свадьбу. За всю свою жизнь он не побывал на стольких свадьбах, сколько за одну осень в Маржанбулаке.

Его соседи по вагончику, с кем он и ужинал, и коротал за разговором не часто выпадавшие свободные вечера, люди тактичные, никогда не расспрашивали Фалина о семье, хотя он и чувствовал, что им непонятно, как это тридцатилетний человек живет без семьи, без детей...

А ведь сын Тамары, школьник, мог быть его сыном...

На маржанбулакских свадьбах ближе к полуночи, когда ждали прибытия машины с невестой, Фалин вдруг уносился памятью далеко-далеко, в город, запорошенный по весне тополиным пухом, когда приятели называли его Санек, а она, единственная,— Сашенькой. И прошедшее казалось Фалину таким нереальным, что он вдруг начинал сомневаться: да было ли оно, это удивительное время, да еще с ним, которого теперь за глаза часто называли просто «главный».

И рисовалось Фалину в мареве знойной среднеазиатской ночи заиндевшее узорчатое окошко, и в середине, как в рамке морозных узоров, неправдоподобно красивое оттого девичье смеющееся лицо в мужской заячьей шапке-ушанке, с выбившейся из-под нее непокорной прядкой смоляных волос.

Тамара...

Именно такой она всегда вспоминалась ему — той, которая стучалась к нему в окошко пятнадцать лет назад.

Их познакомил бокс.

Стоя в коридоре перед зеркалом, Санек корчил себе рожи, разглядывая безобразный синяк, нагло расцветший чуть не на половине фалинской физиономии и уже наливающийся спелым фиолетовым цветом, как вдруг в зеркале всплыло незнакомое девчоночье лицо в обрамлении тугих завитков темных волос.

— Больно? — неожиданно участливо осведомилось видение, и теплые пальцы чуть коснулись фалинского украшения.

Сашка сперва опешил, но услужливая память тут же поднесла ему чью-то напыщенную фразу:

— А, ерунда. Бокс — спорт мужественных.

Гордо выпяченная грудь послужила иллюстрацией к великому изречению. Видение, прыснув, растаяло, но зато накрепко засело в памяти прикосновение теплых пальчиков и низковатый, чуть с хрипотцой, голосок.

Сколько помнил себя Саша, так ласково и участливо его никто ни о чем не спрашивал, разве что с издевкой. Дело в том, что отца Фалина в родной деревне не любили, даже и по имени,

не то что по отчеству редко кто называл. «Куркуль» — это прозвище крепко пристало к Фалину-старшему. Отец был мастером на все руки: и плотничал, и столярничал, и часы, и швейную машинку мог починить, и валенки свалять, и сапоги стачать... А дом у них в Аксае был на загляденье: весь в резных наличниках, крытых поверх краски еще и специальным лаком, чтобы служил дольше и краше было. Свиней они меньше четырех не держали, корова была особой голландской породы, за телочкой от нее весь район охотился, и давала она молока вдвое больше, чем соседские. Короче, не дом — полная чаша, живи да радуйся. Но не слышно было в нем ни смеха, ни веселья, разговаривали только о деньгах. Работящ, головаст был Михаил Прокофьевич, золотые руки имел, да жадность его все переборола, и застила она глаза на все лучшее, что было в нем, оттого и пристало это ненавистное — Куркуль.

Так получилось, что за отцовские грехи чаще всего приходилось страдать сыну. Хотя и добрый был малый Саша Фалин, всегда делился и пирогом, и дефицитной жилкой для рыбалки, а все равно — Куркуленьш. Пока был мал — терпел, сносил, а класса с пятого дрался чуть ли не каждый день, не разбирал — старше ли, сильнее ли обидчик. Тогда и пристала к нему еще одна кличка — Лютый, потому как дрался зло, люто, умело.

Фалин не любил Аксай так же, как не любили жители его отца, и мечтал как можно скорее вырваться из дома. После семилетки, не спрашивая разрешения родителей, он забрал документы из школы, сел на крышу почтового поезда и поехал поступать в строительный техникум в соседнем городке. Фалину-младшему казалось: уйдет он в город, получит место в общежитии — и забудется унизительная жизнь в Аксае, отомрут ненавистные клички. Но не тут-то было, учился-то в техникуме из поселка не он один. Через полгода в общежитии все знали, какой богатый и жадный у Фалина отец. Все, что он привозил из дома, куда навещался по воскресеньям (а мать тайком от отца не жалела для единственного сына домашних припасов), съедалось старшими ребятами в первый же день, и вместо благодарности выговаривали еще: чего, мол, мало привез. Не жаль было Фалину съеденного, хотя сам потом перебивался целую неделю с хлеба на воду, обидно было, когда среди недели кто-нибудь, распахивая пустую тумбочку, язвил: «У Куркуленьша не разживешься». Были в общежитии ребята, у которых на дверцах тумбочек висели замки и которые ни с кем посылками не делились, а вот до-

нимали его одного. Снова, как в Аксае, Фалин начал драться, и снова всплыла кличка — Лютый. Он и в секцию бокса записался, чтобы ловчей было справляться с обидчиками.

Бокс в провинциальном городке, где он учился, был спортом номер один. Чуть ли не в каждом жэковском подвале работали секции бокса, не говоря уже о спортивных залах училищ, техникумов, заводов. Удивительно, сколько соревнований проводилось тогда за год, и все они собирали множество зрителей. Особенно популярными были соревнования на приз парка культуры. Устраивались они в день открытия парка — были некогда такие долгожданные, после долгой зимы, весенние праздники. Приз был весьма экстравагантный. Победители получали специальный жетон, дающий право ходить бесплатно весь сезон на танцы. А тогда на танцплощадках играли настоящие авангардистские джазовые оркестры, и попасть туда, если заранее не позаботился о билетах, было делом куда как не простым. И, конечно же, жетон, дававший право беспрепятственного входа на манящую танцплощадку, был ценим, как ничто другое. Впрочем, владельцам жетонов редко приходилось предъявлять их при входе: город знал своих кумиров в лицо. И джазисты, лишь слегка уступавшие в популярности боксерам, не отказывали какому-нибудь чемпиону в просьбе повторить взвинтивший зал фокстрот или томное танго, а это уже считалось высшим шиком.

Весной, оканчивая третий курс, Фалин выиграл турнир на открытии парка и в один вечер стал знаменит. Он, мало кому известный спортсмен, выиграл у самого Карима Халиулина, мастера спорта, призера многих соревнований, и вместе с жетоном получил приз самого техничного боксера. Выиграл в трудном бою, уверенно, не оставив боковым судьям никаких сомнений в своей победе.

После соревнований, слегка припудрив ссадины и кровоподтеки на лице, он, впервые пользуясь жетоном, в разгар вечера пришел на танцплощадку. Разговоры на танцах были только о трех раундах, которые безнадежно проиграл непобедимый, казалось, Халиулин. На первый же «белый танец» Фалина пригласила Тамара. Она вновь, как когда-то, коснулась горячей ладонью ссадины на щеке и спросила: «Больно?»

С этого вечера они стали встречаться каждый день. Жили рядом: пять минут хода от общежития до ее дома с высоким, в четыре ступени, крыльцом. В дни тренировок она часто приходила к окончанию и дожидалась его в маленьком скверике во дворе техникума.

К весне, окончивая техникум, Фалин уже знал, что получит направление в Чимкент. С Тамарой они, казалось, обговорили все: за год, пока она окончит школу, Фалин должен постараться получить квартиру или снять комнату. В Чимкенте решили сыграть маленькую свадьбу, там же она собиралась поступать в педагогический институт. Все было решено, предстоял лишь год разлуки.

Провожали Фалина в Чимкент шумно, пришли товарищи по команде, сокурсники, Тамара с подружкой, верные болельщики. Проводами заправлял Халиулин, с которым Саша в последние месяцы как-то сблизился, может, оттого, что Карим стал ухаживать за Эллочкой Богдановой, подружкой Тамары, и они повсюду бывали вместе. Когда объявили, что до отхода поезда осталось пять минут, у Тамары повлажнили глаза, она сказала:

— Сашенька, милый, целый год — это так долго...

В Чимкенте он попал на строительство завода фосфорных солей, стройку важную, и ему сразу выделили отдельную комнату, а будь он женат, наверное, предоставили бы и квартиру, организация оказалась солидной. Работа отнимала у него много времени, о боксе и думать не приходилось, хотя, чтобы получить желанный значок «Мастер спорта», столь популярный в те годы, нужно было выиграть лишь еще одно крупное соревнование.

По вечерам он усиленно готовился в институт, хотел сделать сюрприз Тамаре — уже в этом году поступить на заочное или вечернее отделение местного политехнического.

Она писала ему часто, расспрашивала о городе, где им предстояло жить, радовалась, что с квартирой проблем не будет, радовалась его премиальным, советовала ему без нее для квартиры ничего не покупать, в общем, дело шло к свадьбе, и оставалось подготовить к этому факту родителей.

Незадолго до октябрьских праздников Тамара прислала восторженное письмо. Сообщала, что у них уже зима, залили каток, а в этом году очень модно парное катание, и у нее с Каримом, на зависть всем, получается лучше всех — они такое выделывают на катке, что посмотреть на них по вечерам собирается публика, и городская газета рядом с этюдом о зиме даже поместила их снимок. Писала о том, что сшила красивый костюм для спортивных танцев. Фалина не настораживало, что Тамара часто бывает с Каримом, и что в письмах совсем не упоминалась Эллочка. Но перед самым Новым годом, когда целую неделю не было долгожданного письма, он получил растерянное послание

от Богдановой. Эллочка сообщала, что Карим проводит время с Тамарой не только на катке, а появляется с ней повсюду: в кино, на танцах, на вечеринках, и, похоже, отношения их больше чем приятельские. Она предупреждала — если он не хочет потерять Тамару, пусть бросит все и срочно приезжает.

Новый год был на носу, с начальством о недельном отпуске он договорился давно, и Фалин, не мешкая, выехал. Заснеженный город встретил его предновогодней суетой. Без труда ему удалось устроиться в гостинице, номер оказался просторным, с телефоном, и Фалин подумал, что завтра пригласит в гости Тамару, друзей. Обзвонив старых знакомых, он узнал, что новогодний вечер сегодня встречают у Халиулина.

При появлении Фалина шумное новогоднее веселье моментально стихло, как это бывает почти всегда, если появляется неожиданный и нежеланный гость. Приятели Карима уже начали нехорошо переглядываться, когда Халиулин, чтобы разрядить обстановку, объявил, что приглашает всех на улицу — салютовать Новому году ракетами.

— Цветными? — спросили девушки.

Карим кивнул головой и, показывая на полную коробку гильз, сказал, что стрелять может каждый, кто пожелает. Забава всех взбудоражила, тут же бросились одеваться, а самые нетерпеливые вместе с Каримом поспешили на улицу даже без пальто. На какое-то время Фалин с Тамарой остались в комнате одни.

— Тома, милая, уйдем отсюда, прошу тебя,— Фалин держал в своих ладонях ее руки.

Она помолчала, затем высвободила руки и положила ему на плечи.

— Саша, ну зачем ты уехал, у нас все было так здорово.

— Уйдем, Тома, и все будет по-прежнему. Через несколько месяцев мы не расстанемся ни на день. Только наберись чуть-чуть терпения. Хочешь, я приеду на Первое мая?

Он обнял ее за плечи и поцеловал. Фалин почувствовал, что сейчас самое время увести Тамару. Торопливо отыскал ее пальто, сапожки. Когда он, как маленькую, одевал ее, вошел Карим.

— Тома, ты уходишь?.. — спросил удивленно.

Она растерянно выронила варежку и, не пытаясь поднять ее, молчала.

Карим поднял варежку и переспросил, уже волнуясь:

— Ты уходишь?..

— Не знаю,— ответила Тамара, и глаза ее повлажнели.

— Успокойся...

Карим хотел усадить девушку в кресло, но Фалин потянул ее к двери.

Уходя, она как-то виновато глянула на хозяина дома.

Карим неожиданно преградил им путь.

— Саня, я не люблю, когда уводят моих гостей, тем более без их согласия.

Фалин попытался оттолкнуть Карима, но тот уже не шутил, и тогда Фалин ударил его, вложив в удар всю свою злость, обиду, отчаяние.

Карим, не ожидавший этого, рухнул на зеркальный паркет. И вдруг Тамара, еще минуту назад ко всему равнодушная, кинулась на Фалина и стала хлестать его по щекам, повторяя в истерике:

— У-у, Лютый, ненавижу тебя, ненавижу...

Карим тяжело поднялся и, глянув на своих мальчиков, ожидавших знака, сказал:

— В своем доме с гостями счеты не свожу. Уходи, Саня...

Окончив школу, Тамара уехала учиться в Оренбург и через полгода неожиданно для всех, а больше всего для Карима, вышла замуж за своего преподавателя.

Преподаватель, красивый, импозантный мужчина, на пятнадцать лет старше Тамары, скрыл, что ранее был дважды женат и что у первой жены растет сын. Бывшие жены донимали молодую семью, и она бы, наверное, распалась, как вдруг муж Тамары по конкурсу получил вакантное место в одном из институтов Львова, и Тамара укатила далеко от отчего дома.

Лет через десять после этого злополучного Нового года у входа в бар гостиницы в Алма-Ате, где он остановился, Фалин столкнулся лицом к лицу со своим бывшим соперником. Карим несколько погрузнул, поседел, но по-прежнему выглядел привлекательным мужчиной. Вечер, начатый в баре, они закончили утром на холостяцкой квартире Карима, теперь известного алма-атинского архитектора. Всю ночь проговорили о Тамаре, о давних днях в далеком провинциальном городке.

Подвыпивший Карим признавался, что не раз мысленно просил прощения у Фалина, особенно когда у него самого не сложилась семейная жизнь и пришлось расстаться с любимым человеком. За вечер Карим несколько раз повторял заповедь, которую некогда внушала ему бабушка: «Не зарься на чужое. Чужое не принесет счастья...».

Однажды проездом Фалин заехал на денек к своим старикам и по дороге в город встретился с Эллочкой Богдановой, единственной школьной подружкой Тамары. По правде говоря, в располневшей солидной даме Фалин никогда бы не узнал тоненькую девочку, за которой давней весной ухаживал Карим Халиулин. Но та узнала его сразу, окликнула издали. Она искренне обрадовалась встрече, и когда он обронил, что сегодня вечером уезжает, сумела отговорить его и пригласила в гости. Эллочка вышла замуж за одноклассника, в свое время парня не столь заметного, как Карим, но человека надежного, любившего ее, оказывается, чуть ли не с первого класса.

В доме этой удивительно дружной счастливой семьи Фалин провел незабываемый вечер, в чем-то предопределивший его дальнейшую жизнь. Весь вечер они рассматривали школьные фотографии, вспоминали давние проказы, балы, танцы, друзей... Оказалось, что Эллочка все эти годы переписывалась с Тамарой, и та не раз интересовалась у Элочки, как сложилась жизнь Фалина, где он? В письмах она признавалась подруге, что не задалась у нее семейная жизнь, говорила, что виновата перед Фалиным, которого, как подтвердило время, любила. С мужем Тамара жила плохо. Сказывалась разница в возрасте, да и попивал бывший учитель крепко, а выпив, становился брюзгливым и ревнивым до тошноты. Только общая радость — сын — еще связывала двух, по существу, уже чужих друг другу людей.

Благодаря стараниям Элочки они стали переписываться с Тамарой. Фалин даже летал во Львов, просил ее бросить все и уехать к нему вместе с сыном. Тамара тогда сказала: если любишь — жди. Мальчик был очень привязан к отцу, и только сын удерживал отца от той грани, за которой человек падает в пропасть алкоголизма. Переписка оборвалась, когда Фалин женился на Вике Кораблевой, но и тогда она часто присылала поздравительные открытки.

О разрыве его с Викой Тамара узнала не от Фалина. Вика написала злое, оскорбительное письмо во Львов, и Фалин неожиданно получил большое трогательное послание от Тамары, которое еще больше сблизило их.

Теперь у них с Тамарой, кажется, все было ясно. Сын ее, рослый и не по годам крепкий мальчик, бредил морем и после восьмилетки решил пойти в одесскую мореходку.

Только спустя пятнадцать лет, проведя через столько испытаний, судьба решила свести их вместе.

Зиму Фалин ждал с нетерпением. Именно зимой должны были воплотиться в жизнь замыслы молодого главного инженера.

Комбинату, который будет перерабатывать сотни тонн руды в день для извлечения граммов золота, нужны гигантские хранилища переработанных отходов. И построить такие хранилища, в десятки квадратных километров, дело непростое: нужно перерыть горы земли, опоясать хранилища прочной дамбой, подготовить надежное основание, чтобы не загубить вокруг хлопковые поля, поскольку отходы комбината смертоносны для плодородной земли.

Земляные работы обычно стараются провести летом, но работать в голой степи под открытым небом, когда жара под пятьдесят, а то и больше — сложно. Машины раскаляются — страшно притронуться, пыль стоит сплошной стеной, и через каждые полчаса работы необходим часовой перерыв. А главное, как задует ветер — отсыпаемую землю уносит, словно ее и не было. Почему-то все эти сложности не были учтены ни проектировщиками, ни специалистами.

Фалин, которому уже приходилось работать в суровых условиях, предложил перенести земляные работы на зимний период. Ведь зима в Узбекистане мягкая, недолгая. Он представил техсовету расчеты, схемы рыхления грунта взрывами на тот случай, если зима вдруг окажется суровой. По предположениям Фалина выходило, что за три зимних месяца они могли выполнить объем работ вдвое больше, чем в обычных условиях, весной и летом. Зимой проще было и отсыпать, и трамбовать дамбу — не уносило ветром сотни кубометров разрыхленной земли.

В управлении приняли его предложение о новой технологии, но в штабе строительства при обкоме партии это вызвало реакцию, похожую на ту, когда он запросил вертолеты. «Земляные работы зимой? Когда есть долгое лето? Не абсурд ли?» — возражали коллеги.

Кроме всего прочего, и заказчики оказались сверхосторожными и наложили запрет на предложение главного. Но Фалин и не думал сдаваться. Нашлись у него единомышленники в Ташкенте, в проектном институте, дали заключение, что вполне возможно и даже экономически выгодно отсыпать дамбу в зимних условиях. С этим заключением Фалин поехал к секретарю обкома, некогда поддержавшему его идею с вертолетами.

Специально для секретаря обкома Фалин организовал техсовет, куда пригласил представителей проектного института из Ташкента, а также лучших своих механизаторов, имевших опыт рабо-

ты с мерзлым грунтом. Фалин утверждал, что риск невелик: если даже они не уложатся в срок, то отстанут от графика строительства не более чем на два-три месяца. Но строительство хранилища идет отдельно и не влияет на возведение комбината, поэтому сроки эти большой роли не играют. Идея увлекла секретаря обкома: что ни говори, а предполагалась двойная производительность на земляных работах, а это сулило миллион рублей экономии и высвобождало так необходимую рабочую силу.

В конце концов, Фалин получил «добро» на эксперимент.

Прежде Александр Михайлович в основном строил промышленные объекты, каждый из которых был по-своему уникален. Возводить дома ему не приходилось, да и не было особой тяги: отпугивали однотипность, стандарт и косность в организации столь простого, на его взгляд, строительства. Когда строится промышленный комплекс стоимостью в сотни миллионов рублей, работают до пятнадцати специализированных организаций. Это понятно. Ведь здесь и масштаб, и объемы... Но когда элементарный панельный дом возводит почти столько же организаций, а вырастает он по пословице «у семи нянек дитя без глазу», — этого Фалин понять не мог. И тем приятнее было удивление главного, когда впервые за долгую свою практику он увидел, что город для золотодобытчиков строится совсем по-иному.

На огромной площади нового города были сначала выполнены все земляные работы: построены дороги, введены на поверхность коммуникации — газ, вода, канализация, телефон, вырыты котлованы всех будущих зданий.

Короче говоря, строители получили идеальную площадку — все под рукой, даже башенные краны не нужно каждый раз демонтировать, проще перегнать по временным путям к новому готовому фундаменту. Такого Фалин прежде не встречал. И на митинг по случаю закладки первого дома на этой удивительной площадке он шел с волнением.

Выступали многие, но больше всего Александра Михайловича поразила речь одного молодого рабочего. В руках он держал какую-то бумажку, наверное, как бывает, заранее подготовленное и согласованное выступление, решил Фалин. Однако, выйдя на трибуну, рабочий сунул шпаргалку в карман, поправил выгоревшие волосы и, волнуясь, сказал:

— Товарищи! Здесь до меня многие говорили о том, каким красивым будет молодой Маржанбулак. Некоторые говорили, что он не усту-

пит тем «голубым городам», о которых слагаются песни. Скажу вам честно: я объездил много этих «голубых городов», именно песни и по-звали меня когда-то в дорогу. И скажу прямо: не очень-то удобны и красивы эти города. В одном из них, например, через центр города проходит железная дорога, и как это «удобно» — можете себе представить. Другой, не менее знаменитый город, пересекает наискось мощный сибирский тракт. Ошибки эти исправить уже нельзя. Да и дома там построили типовые, и зимой зачастую в квартирах топят «буржуйки». Но главное даже не в этом. Наш город, наверное, будет красивым, начали-то строить по-хозяйски. Хочу сказать о другом... Если о нашем городе сложат когда-нибудь песню — а я в это верю, — то главными в ней должны стать слова, что живут здесь золотые люди, люди доброй души, а не просто золотодобытчики. В тридцатые годы мой отец строил новые города, которые назывались соцгородами, потому что предполагали новый быт, новые социальные отношения между людьми. Я хочу, чтобы наш Маржанбулак стал городом коммунистических отношений между людьми. Хочу, чтобы он был на радость трудящемуся человеку, чтобы не было в нем места блату, бюрократизму, карьеризму. Чтобы не было в нем пьяниц, тунеядцев, людей равнодушных.

Молодой рабочий сошел с трибуны под бурные аплодисменты. Фалин, аплодируя вместе со всеми, подумал: «Вот таких бы побольше в горсовет нового Маржанбулака...»

Так сложилось, что в управлении Фалина работали в основном выходцы из двух кишлаков. С рабочими из поселка Яван он даже занимал вагончик и, что называется, делил кров и пищу.

У мощной строительной организации большие возможности, это поняли прежде всего председатели колхозов, откуда к Фалину шло пополнение. Поначалу председатели заезжали к соседям Фалина по вечерам и за ужином или за пиалой кок-чая заводили при Фалине разговор издалека. Есть, мол, под носом бросовая земля, да нет сил самим привести ее в порядок, вот если бы парочку бульдозеров да парочку скреперов пустить туда на недельку... Хорошо бы поставить в мастерские на ремонт несколько машин... Отгонять в город на завод — далеко, долго, да и ремонт нынче делают никудышный, жаловались председатели. Фалин никогда не отказывал в таких просьбах... Зато, если случались перебои с продуктами, снабженцы, зная, кто лучше всех ладит с окрестными колхозами, бежали к Александру Михайловичу. И Фалин звонил председателям, договаривался, выручая общепит, который клял почти каждый день.

Главный знал, что все его рабочие, кто при машине, в перерыв разъезжаются в разные концы, туда, где можно прилично поесть. Да и сам он с Азизом старался при случае пообедать у Махмуда-ака. Каждый месяц, визируя бумаги на списание горючего, Фалин испытывал мучительные угрызения совести, но вновь, как в Кашкадарье, открыть чайхану на собственный страх и риск не решался.

И все-таки чайхана у него появилась.

Как-то приехал к нему по неотложному делу председатель колхоза из Явана, и Фалин пригласил его пообедать.

Когда они вышли из столовой, председатель шутя покачал головой:

— Бедный Александр Михайлович, с таким питанием, да без хозяйки — пропадешь. Все, с завтрашнего дня беру над тобой шефство, будешь обедать у меня дома.

— Одному-то скучно есть, вот если бы с друзьями, а у меня их вон сколько,— обвел Фалин рукой толпившихся у столовой рабочих,— тогда другое дело,— сощурился лукаво.

— У тебя что, какой-то план имеется? — спросил председатель, за год общения научившийся понимать Александра Михайловича с полуслова.

— Конечно. Не мог бы ты, Кудрат-ака, открыть у нас что-то вроде чайханы? Чтобы обед был как обед: шурпа, плов, шашлык, чай, лепешки. Помещение, котлы, навесы, все, что требуется, я организую за два дня и транспортом обеспечу... Только корми моих людей, как меня собирался, да и колхозу, думаю, лишняя копейка не помешает. Ребята зарабатывают — грех жаловаться.

— Договорились,— коротко заключил Кудрат-ака, а что слово узбекских председателей надежное, Фалин знал.

Зима неожиданно выдалась необычайно суровой. Фалину не раз пришлось прибегать к помощи взрывников с рудника. Часто ломалась техника, он день и ночь пропадал в ремонтных мастерских. На первых порах упал заработок механизаторов, замаячила угроза сорвать план, а это значит — потеря квартальной премии, к которой уже все привыкли.

Но чем труднее приходилось, тем лучше работали люди, потому что доверяли своему главному инженеру, верили в его идею. Фалину не нужно было упрашивать ремонтников остаться во вторую смену, чтобы экскаватор или скрепер, вышедший из строя, утром опять ушел на полигон. Хотя идея отсыпать дамбу зимой принад-

лежала главному инженеру, в управлении его поддержали, значит, взяли на себя ответственность. На партийном собрании секретаря обкома заверили, что зимой отсыпят дамбу с наименьшими затратами и высвободят на лето технику, так необходимую стройке. Сооружение дамбы обещано было закончить к марту, так и записали в социалистическое обязательство.

По ночам, возвращаясь в вагончик, Фалин видел яркие сполохи электросварки: домостроительный комбинат монтировал дома круглосуточно. Каждые пять дней бригада монтажников сдавала отделочникам четырехэтажный дом, а бригад таких работало двадцать.

Вглядываясь в яркие огоньки, Александр Михайлович с улыбкой думал: может быть, вот сейчас собирают мою квартиру, мой дом, куда приедет Тамара.

Маржанбулак — «жемчужный родник». Ей очень понравилось название города, где они будут жить. Фалин не раз спрашивал старожилов о происхождении поэтического названия местечка. Каждый рассказывал свою историю. Кудрат-ака предполагал, что в горных саях — речушках, где били ледяные родники, сверкала на солнце жемчугом чистая вода. А крупницы золота, попадавшие здесь, добавляли сияния. Рассказывают, что название и навело геологов на мысль внимательно изучить горы вокруг Маржанбулака, и результаты превошли самые смелые прогнозы.

Весной, когда они отсыпали дамбу в обещанный срок, Фалина приняли в партию. Вручая ему билет, секретарь обкома, давший Александру Михайловичу рекомендацию, сказал:

— Знаю вашу любовь к масштабам, новым проектам и не хотел бы с вами расставаться. Да и вам, наверное, не захочется покидать наши места. Могу предложить по окончании возведения золоторудного комбината любое строительство на выбор. Подумайте... Работы у нас — непочатый край, сами видите...

Вагонный городок, словно цыганский табор, медленно, но шумно снимался с места... Рабочие перебирались на новый строящийся горнорудный комбинат. Рядом с вагончиком Фалина в плотном ряду бытовок появилась брешь — трест монтажников снялся с места первым.

По плану на месте временного городка должна была раскинуться заводская площадь. И отъезжающие старались поскорее освободить место для строителей. Почтальоны безуспешно разыскивали адресатов в таявшем с каждым днем городке.

Однажды, случайно проходя мимо почты, Фалин услышал, как сокрушалась письмоносица...

— Пять телеграмм поступило сегодня, с ног сбилась, разыскивая людей, куда ни пойду, говорят: те вчера выехали, те с утра...

— Может, и для меня у вас что-нибудь есть? — спросил он на всякий случай. — Фалин моя фамилия...

— Знаю, знаю, что вы Фалин, — махнула рукой почтальонша. — А как же, конечно, есть и для вас... Не телеграмма, правда, а письмо...

Он едва не выхватил из ее рук конверт, узнав Тамарин почерк.

Присев от волнения на крылечке, подумал: «Успеет к празднику пуска», — и разорвал конверт.

Письмо было коротким, давно Тамара не писала так лаконично.

«Саша, дорогой мой!

Я знаю, ты ждешь меня. Наверное, мне суждено приносить тебе горе... Я не приеду...

Рассказала все сыну, иначе не могла... Ведь взрослый, должен понять... Он понял, но ты бы видел его глаза... Просил не оставлять отца, иначе тот пропадет совсем... Он прав... Свой крест мне нести самой. Пойми и прости...

Тамара».

Коктебель,
1980

Рассказ и интервью

Полустанок Самсона

Рассказ

Инженер с трехмесячным стажем, Адалят Кулиев полагал, что у него есть все основания считать себя неудачником. В длинном списке важнейших народнохозяйственных комплексов мелькали названия далеких и таинственных городов, ударных комсомольско-молодежных строек: Камский автомобильный завод в Набережных Челнах... Ачинский глиноземный комбинат... 2-я очередь Алмалыкского химкомбината... строительство города на полуострове Мангышлак... стройка в древнем Карши... Но ни на одну из этих строек Адалят не попал. Направление гласило: «Кзыл-Орда. Дистанция зданий и сооружений».

В жаркий августовский полдень он стоял на безлюдной привокзальной площади, как на распутье, когда лихо развернувшаяся роскошно-белая «Волга» окутала его пылью, словно туманом. Чертыхаясь, он долго выбирался из плотной удушающей пелены.

В отделе кадров Джуманияз-ата, огромный, с бритой головой, которую он часто протирал платком неопределенного цвета, укоризненно глядя на него, говорил:

— Не нравится? А по мне все равно, как называется должность, лишь бы работа была по душе. Смотритель зданий — инженерная должность, и не хуже другой. Кажется, даже у Пушкина упоминается: станционный смотритель...

— То-то и оно, что у Пушкина,— фыркнул Адалят.

И вот уже третий месяц он объезжал свои обширные владения, простиравшиеся на восток до станции Чиили, а на запад до Джусалы. Первое время ему доставляло удовольствие небрежно входить в мягкий вагон скорого поезда, лениво отыскивая пустое купе, и на ехидный вопрос важного проводника: «Молодой человек, вы не ошиблись вагоном?» — протягивать к удивленному лицу служебный билет формы № 3. На сером глянце добротной бумаги значилось: «Владелец формы № 3 имеет право бесплатного проезда в любое время суток на территории отделения дороги во всех поездах без исключения, в любых вагонах, включая мягкие». Вмиг преобразалось лицо проводника, и находилось пустое купе, закрытое на ключ. Это было единственной компенсацией за... «станционного смотрителя».

Но забава с проводниками надоела скоро, и он стал обходить стороной эти скучно-праздные полупустые вагоны.

Работы оказалось много.

Железная дорога Москва — Ташкент была полностью сдана в эксплуатацию в начале века, но бурно стартовавшее столетие с двумя войнами, революциями, а главное, большим пожаром 1918 года в правлении Оренбургской железной дороги, почти полностью уничтожило техническую документацию на здания и сооружения. И сейчас ему необходимо было составить типовые проекты на основные здания, переклассифицировать жилищный фонд разъездов и полустанков. В те редкие дни, когда Адалят не проклинал судьбу, наделившую его должностью смотрителя, он с интересом осматривал добротные станционные постройки, жилые дома на высоких фундаментах из бледно-розового камня, и повсюду, в самых неожиданных местах кладки, встречал небольшие чугунные таблички с одинаковым оттиском:

«Каменныхъ дѣлъ мастеръ Г. И. Петровъ годъ 1903»

«Что-то наподобие личного клейма на хороших предприятиях», — думал Адалят. Мысль его неотступно возвращалась к незнакомому Г. И. Петрову. Молод ли он был? Убелен ли сединами и исполосован морщинами мудрости? Как принял наш бурный век? Долго ли жил? Может, задохнулся от газа в сырых окопах первой мировой, а может, могучий, как и творения рук своих, пришел в народное ополчение в грозные революционные годы?

Придирчиво взглядываясь в кладку, он обходил огромные, на три крыльца, дома и нигде не встречал в стенах подрубленного, тесаного

кирпича. Запроектировано и сработано на удивление. Высокие стены, уходящие под застрехи порыжелых крыш, казались отлитыми блоками или даже декоративными панно, где по швам искусно прошла кисть художника. И тем раздраженнее он мерил шагами узкие перроны полустанков, когда находил в своих владениях забеленные в цвет пересиненного белья, с потеками и разводами здания, кладкой и цветом которых так восхищался. С грустью смотрел на обшивку некогда уютных залов ожидания. Большие плиты темного мореного дуба исчезли под многослойной краской ядовито-зеленого цвета, тончайший узор наличников похоронен под толстым покровом рыжего сурика.

Станцию, расположенную на высокой затажной насыпи, переходящей затем в крутой подъем, кончающийся арочным мостом над широким протоком Сырдарьи, Адалят заприметил уже давно. Проезжая мимо нее, не доверяя мутному оконному стеклу, он открывал дверь тамбура и вглядывался в набегающие постройки, радовавшие глаз своей ухоженностью. «Да, пожалуй, она самая сохранившаяся», — не раз думал он, глядя на два высоких фонарных столба, мелькавшие у выхода на перрон; на тяжелых витиеватых кронштейнах из черного железа, при целых матовых стеклах, висели маленькие дворцы света.

Где-то в глубине души Адалят лелеял тайную мечту восстановить, насколько это возможно, в первозданной красоте здания хотя бы нескольких станций.

После долгих раздумий и колебаний он прибыл сюда на недельку. Весь первый день, довольный задуманным, осматривал здания, лазил по крутым крышам, кое-где прогнившим, и глухим чердакам. Толстая тетрадь наполнилась записями, схемами, рисунками, эскизами. Но к вечеру он страшно устал, и тут навалилось сомнение: «Филантроп. Сентиментальная барышня! Кому все это нужно? Сизифов труд, — выговаривал он себе. — В грядущем веке авиации кто будет ездить поездами? Уже сейчас скорый мелькнет, и — поминай как звали. Кто при таких скоростях станет глядеть в окно? Друзья строят КамАЗ и БАМ, а я... станционный смотритель... Делать чертежи и выкройки на сложнейшую кровлю, не зная, кто ее сможет выполнить?.. Где я найду тех, кто сможет вернуть к жизни краски, высвободив их из-под толстых слоев штукатурки?! Да и примут ли такой необычный проект капитального ремонта в дистанции зданий и сооружений?»

Все эти трудноразрешимые вопросы обрушились на него грузно и вдруг. Дрогнула, зашаталась, не выдерживая тяжести, его тайная хрупкая мечта. Нельзя сказать, что обо всех сложностях Адалят не за-

думывался до приезда сюда. Но там, в тиши служебного кабинета, мысленно он находил выходы, устранял препоны и рогатки на пути к цели. Куда же теперь девались доводы, казавшиеся столь объективными и вескими, когда он сидел за столом?!

Продрогшее ноябрьское солнце скрылось рано, густые вязкие сумерки за давно не мытыми окнами медленно заглывали здание вокзала, буйно разросшиеся в ограде высокие орешины и две блестящие серебром тонкие нитки главных путей.

Адалят рывком расстегнул безотказную «молнию» большой дорожной сумки малинового цвета с золотым тиснением на боку «Ади-дас» и затолкал в нее в беспорядке вещи. Хлопнул дверью необжитой комнаты и пошел на станцию.

— Чиновникам из департамента наше почтение! — поприветствовал Адалята дежурный по станции — пропитанный насквозь иронией долговязый Сакен.— Если от вынужденного одиночества мне не изменяет память, завтра, в мой свободный вечер, вы званы ко мне на ужин? Но что я вижу? Может, вы решили обернуться за бутылкой «Арманьяка»?

— Саке, перестань, и без тебя тошно, лучше свяжись с диспетчером.

— Я к вашим услугам.— Сакен шагнул к пульту. Небрежно, как репортер, держа микрофон, бросал в него торопливые слова: — ...диспетчер... диспетчер... Тлеукул? Привет! Только заступил на смену? Отлично!.. Вдвоем будем ночь коротать... У меня к тебе просьба: здесь застрял мой приятель,— он озорно подмигнул Адаляту,— новый смотритель зданий... ты с ним еще не знаком? Так вот, ему вдруг срочно понадобилось в город, тормозни у нас какой-нибудь четный состав...

На минуту эфир замолк, а затем Адалят услышал ровный голос с хорошей дикцией:

— Сакенджан, при всем желании ничем помочь не могу, как на зло, все четные несколько опаздывают... и я обязан вновь вернуть их в график. Разве что к полночи... ты уж извини.

— Не судьба,— философски изрек Сакен.

— Сплошное невезение,— буркнул Адалят, протягивая пачку сигарет «БТ» дежурному.

Сакен неуловимым движением губ, как фокусник, быстро выпустил очередь разнокалиберных колец, медленно поплывших по комнате.

— Слушай, Адалят, у меня к тебе личная просьба. Пришли, пожалуйста, печника — дьявольски холодно у меня зимой. А может, у тебя есть кто из старых мастеров, кто камин может отгрохать, как на околотке у дорожного мастера? Я бы его не обидел за услугу... Знаешь, смотритель, чего не хватает в одиночестве? Пляшущего огня... Зимой тоска и одиночество ощущаются гораздо острее, и я часто звоню на околоток дорожному мастеру. Задаю ему обычный вопрос: «Можно прийти посидеть у огня?» И всегда слышу искреннее: «Разумеется». Прихожу. Сижу. О чем я думаю в долгие зимние часы у огня? А ни о чем. Гляжу на отблески и вижу... Понимаешь, камин — мой экран. Что я вижу?... Разное...

Впервые Адалят с удивлением видел желчного, ироничного Сакена без маски; да, ирония — картонный щит, ненадежная броня...

Сповхватившись, Сакен отбросил обжигавшую пальцы сигарету.

— Адалят, тошно смотреть на твою постную физиономию, нагоняешь тоску, катись отсюда. Впрочем, вот что — сходи к Нагаеву на околоток, совмести приятное с полезным. Здания у путейцев, пожалуй, в лучшем виде. Старик Самсон, мир праху его, хороший хозяин был. Возьмешь что-нибудь почитать... иди... иди... Я позвоню о вашем сиятельном визите,— и Сакен вытолкал Адалята на улицу.

Участок дорожного мастера располагался почти в степи, где за стрелками станционные пути убегали на перегон.

Адалят поправил шарф, поднял куцый воротник старого демисезонного пальто и двинулся на зеленый глазок семафора. И сразу почему-то подумал, что никогда в жизни не видел вблизи настоящего семафора... «Не успел,— вот ведь досада...»

Снег еще не выпал, но запах его уже третий день ощутимо витал в воздухе. Поздние палые листья мягко поскрипывали под ногами. Адалят перешел к самой бровке восьмиметрового полотна. Внизу, в сотне метров, раскинулся странный поселок. Десятка два усадеб-хуторков, каждый из которых стоял в отдельности, пристроились на огромной насыпи, каждый был обнесен колючим лесом ограды из джингиля, понизу скрепленного глиной. Усадьба находилась на изрядном расстоянии друг от друга и казались маленькими древними крепостями. С высоких подворий сбегали каменные ступеньки или деревянные лестницы с перилами.

Сурова и коварна река Сырдарья: весной взбунтуется, переполнит могучий проток Кара-Узьяк, и заливают вода низину, плещется Сырдарья у самой бровки станционной насыпи, у порога высоких крепостей...

Слабый кизячный дым стлался над пристройками, излучавшими бледный свет запотевших окон. Иные хуторки уже потонули во мраке и тишине, как вдруг в темноте заливалась собака, испуганно ржала лошадь — и звездочкой вспыхивало окно в сонном дворе.

Чем ближе подходил Адалят к поселку, тем острее пахло тонким ледком могучей желтой реки и промерзшим молодым камышом. Семафор прикрыл зеленый глаз и моргнул красным — нечетный, где-то идущий за его спиной, сделает остановку, а четный, которому на другом конце станции зажегся зеленый свет, максимум через две минуты прогрохочет мостом над протоком Кара-Узьяк, молнией сверкнет через станцию и растворится в темноте перегона. Адалят вспомнил паузу в эфире и понял, что только одна минута опоздания четного мешала опытному Тлеукулу притормозить на станции спешивший навстречу состав.

«Одна минута... из-за нее тащись теперь невесть куда... Впрочем, я уже пришел», — думал Адалят.

Высокая и широкая — на четыре пути — станционная насыпь резко метнулась вправо и образовала огромное плато, по которому разбежались пристройки путейцев. Два больших жилых дома, длинное здание, служившее, наверное, складским помещением и мастерскими, и чуть впереди небольшой затейливый флигель с трех сторон были обнесены оградой. Адалят прошел под каменной аркой и направился к флигелю. В прихожей ярко светилось окно, он хотел постучать, как вдруг чуть правее увидел какую-то ручку и дернул ее. В доме раздались мелодичные удары колокола, и тотчас ему открыли, словно ждали.

— Видите ли, я... — начал Адалят.

— Проходите, проходите, мне звонил о вас Сакен. — Широко распахнув дверь, в прихожей стоял мужчина чуть выше среднего роста в грубом, домашней вязки свитере из желтой верблюжьей шерсти. — Прошу, — он толкнул дверь в комнаты, и Адалята удивил мягкий тембр голоса, явно не вязавшийся с лицом, выдубленным жарким солнцем, жгучим морозом и колючими ветрами.

Пройдя в комнату, Адалят повернулся и протянул руку:

— Кулиев Адалят.

— Рашат Нагаев.

Сильная рука Адалята хрустнула в жесткой ладони хозяина дома.

— Когда в доме гость, — праздник, если он новый, — вдвойне, так говорила моя мама, — сказал мастер, придвигая Адаляту стул. —

Вы побудьте немного один, если интересно, посмотрите книги, а мы в столовой как раз накрываем стол, поужинаем, отметим приезд нового зрителя зданий,— улыбаясь, Рашат бесшумно вышел из комнаты.

Адалят встал, поставил стул на место и огляделся.

Слева поблескивал потрескавшимися изразцами камин, за решеткой тлели дрова, аккуратная горка поленьев и тяжелые щипцы словно ждали Сакена.

Чуть дальше, в углу, на полу стояли часы в высоком корпусе из красного дерева. Крытый сусальным золотом маятник отбивал: тик-так, тик-так... Адалят подошел поближе, на белой эмали циферблата знакомая чернью вязь: «Павель Буре».

Он обернулся. На резном секретере с гнутыми ножками, множеством затейливых ручек и медных замков, с торчащими кое-где ключиками, высился настоящий бронзовый замок с башнями, колоннами. Повыше, между башенками, круглел циферблат. «Ну, это «Мозер»,— решил он и не ошибся. И вдруг ему стало скучно.

«Только снобов мне здесь не хватало»,— подумал Адалят и уже без интереса заглянул в следующую комнату. За массивным письменным столом с точеными ножками увидел кресло. Высокая прямая спинка вольтеровского кресла блестела отполированной спинами кожей. В углу, на высокой изящной консоли из черного дерева — бронзовый бюст Пушкина. В книжных шкафах аккуратные ряды сытинских и Марковских изданий. В глаза бросилось роскошное сойкинское издание серии «Золотая библиотека» для детей. Большинство этих редких изданий Адаляту было знакомо. «Библиотеку купил на корню, так любовно и со знанием собрана»,— с завистью подумал Адалят.

Дома, в Баку, весь прошлый год Ая водила его к родственникам и друзьям, таким же снобам, как этот. И за год его цепкая память вобрала стили, эпохи, и подсознательное чутье безошибочно определяло: венецианское стекло и мейсенский фарфор, русский хрусталь и бронзу древнего Китая, дерево Бенина...

Аю приводило в восторг, когда Адалят в очередной фешенебельной квартире, не давая открыть рта хозяину дома, небрежно называл эпоху, стиль сервизов, мебели, бронзовых бюстов. Десятки раз он говорил Ае — хватит! Но что-то непонятное тянуло ее к ним — пришлось расстаться.

Адалят вернулся в зал, открыл крышку пианино,— конечно, «Шредер»! Пробежался по клавишам.

«Вот тип! Угробил свою молодость в глуши, чтобы приобрести все это барахло!»

Адалят представил, как ежегодно по бесплатному льготному билету приезжал Рашат в Москву или Ленинград, обходил антикварные магазины и, словно Плюшкин, тащил... Тащил к себе...

Застекленная дверь в залу бесшумно отворилась, и вошел Рашат.

— Идемте, Адалят,— он приветливо пропустил гостя вперед.

Под массивной люстрой на большом столе, покрытом белой крахмальной скатертью, отливал золотом усач; толстые ломти жирного сазана, фаршированного в томате, лежали в рыбнице; куски пахнущего дымом окорока соседствовали с котлетами из печени. В центре дымилось огромное блюдо с мелкими пельменями из крутого теста. Из-под скатерти виднелись массивные ноги дубового стола, и Адалят с усмешкой подумал: «Об этом столе не скажешь, что он «ломился» от яств. Однако спектакль только начинается...»

Вошла женщина в строгом платье вишневого цвета. В каждой руке она несла четырехрожковые подсвечники с голубыми свечами. Поставив их на стол, мило улыбнулась и сказала:

— Ну, кажется, все.

— Адалят, знакомьтесь,— моя жена.

Красивая белолицая казашка протянула узкую теплую ладошку:

— Мадина.

— Вы знаете, Адалят, сегодня в нашей семье торжество: восемь лет назад в этот дом приехала Мадина. Восемь свечей, что я зажгу,— наша традиция.

Вспыхнули и затрещали свечи, наполняя столовую ароматом хвои.

— Чаще всего мы отмечаем свои праздники одни, мало кто задерживается на нашей станции. В прошлом году был Сакен, теперь мы рады вам, и я предлагаю тост,— он обернулся к Мадине,— за хозяйку дома!

Мадина любезно подкладывала Адаляту закуски, подала крахмальную салфетку, но возникшее предубеждение не проходило, он ждал, что же дальше?

Рашат заинтересованно расспрашивал о Баку, об эстрадном оркестре Рауфа Гаджиева, о квартете «Гайя», о художнике Таире Салахове.

Во время паузы Адалят оглядел столовую, стоящий напротив буфет и, приподняв за тонкий стебелек бокал, сказал:

— Чтобы собрать в такой глуши всю эту мебель, посуду, роскошную библиотеку, наверное, потребовалось немало усилий?

Рашат, словно не замечая иронии, откинулся на стуле, запрокинул чуть припорошенную сединой голову, и комнату залило искренним смехом, таким веселым и беззаботным, какого Адалят давно уже не слышал. Он смотрел на десятки мелких морщинок, лучившихся у глаз Рашата, и чувствовал, как невольно попадает под обаяние этого человека.

— Мад, а ведь молодой человек сидит за столом и проклинает Сакена, думает, вот только здесь еще ему снобов недоставало!

Рашат провел рукой по лицу, придвинулся ближе к столу.

— Все гораздо проще и сложнее, чем вы думаете. О «захоронении в глуши» можно, конечно, поспорить, а вот антураж,— он небрежно обвел вокруг сильной рукой,— тайны особой не имеет. Я приехал на станцию в 1959 году. В отделении дороги мне объяснили, что старый мастер Гавриил Сергеевич Самсонов пожелал уйти на заслуженный отдых, и я направлен ему на замену. До зимы я должен был ознакомиться с хозяйством, почти пятьдесят лет бывшим в одних руках, принять его. Нельзя сказать, что старик принял меня с распростертыми объятиями. Видно, уж очень молодым показался я ему, мои двадцать два для него были мальчишескими. И я понимал его: труд долгих лет, налаженное хозяйство переходило в руки незнакомого, не умудренного жизненным и профессиональным опытом человека. Но тянулись долгие жаркие дни лета, теплой осени — и я замечал, как таял ледок недоверия ко мне.

В коридоре раздался звонок телефона, и Рашат, извинившись, встал из-за стола. Вернувшись через несколько минут, он продолжал:

— Я бывал в этом доме почти ежедневно. В плохом настроении Гавриил Сергеевич говорил: «Вот умру — флигель отойдет к тебе, он строен для дорожного мастера. А обстановку,— старик оглядывал комнату,— наследницы продадут с молотка».

Жил Гавриил Сергеевич один, жена умерла за два года до моего приезда. Единственная дочь, которую еще девочкой увезла к себе в Москву его сестра, выросла чужой и не понимала родителей, всю жизнь обитавших в глуши... Из года в год он ежемесячно отсылал им приличную сумму из своего большого жалованья, и семья в старинном московском особняке на улице Остужева жила на широкую ногу. Умер он неожиданно, так и не успев погулять ни одного пенсионного дня. Похороны, по нашим масштабам, были грандиозные. Самсона тут любили и почитали. Казахи из соседнего совхоза согнали всю технику и за сутки насыпали на берегу Кара-Узяка высокий курган, где

его и погребли. Наследницы прибыли с запозданием, хотя телеграмму я дал, как только почувствовал, что старик совсем плох.

За окном загрохотал поезд. Пассажирский, промелькнув изредка светящимися купе, исчез в ночи. Все невольно повернулись к сполохам света. Когда грохот утих, Рашат продолжил свой рассказ:

— Приехали, значит... Крепкая старуха и важная дебелия женщина в каракулевом манто. Не понравились они мне уже при первой встрече.

Декабрь стоял морозный, флигель нуждался в отоплении, и они попросили меня пожить с ними. Неожиданно свалившееся наследство внесло в их жизнь сумятицу. Ценные бумаги — целый чемодан облигаций, среди которых толстая пачка трехпроцентного займа и сберегательная книжка, где на вкладе все давно завещано дочери, — забот не вызывали. Мебель, посуда, книги, люстры, светильники, пианино и многое другое — что было делать с ними? Незатихавший спор продолжался, даже когда мы за этим столом собирались ужинать. Старуха предлагала забрать кое-что и сдать в московские комиссионные, на что дочь, видимо, знаток подобных мест, говорила, что они забиты такими вещами и редко кто их покупает. Да и перевозка страшила их.

Однажды, в воскресенье, за обедом я предложил: «Если доверяете, оцените имущество, и я ежемесячно буду выплачивать своеобразную ренту. — Не скрывая иронии, я сказал: — Вы будете считать, что ничего не произошло, и переводы регулярно, как и прежде, еще несколько лет будут идти с берегов Сырдарьи...» Но забота настолько поглотила их, что ирония осталась незамеченной. А идея пришлась им по душе. Тем более что они справились у начальника станции, действительно ли я буду на должности мастера. Кое-что они забрали: помню — большой портрет матери Гавриила Сергеевича, умершей здесь в тридцатые, огромный гобелен из зала. Остальное, видимо, их не интересовало... Наталья Гавриловна назвала сумму, довольно приличную, но я не возражал. Вскоре наследницы уехали, и каждый год, пока не выплатил долги, я получал традиционные новогодние поздравления и приглашения посетить Москву.

В камине догорали дрова, и серый пепел покрывал светившиеся в полумраке залы угли. Рашат поспешил к очагу. Звякнули тяжелые щипцы, и взвился сноп искр, тут же пропавших в дымоходе.

— Особого восторга или сожаления по поводу своего приобретения я не ощущал. Просто не хотелось, чтобы мрачное предсказание старика сбылось. Все-таки он был личностью. За полгода общения я ни разу, даже в прескверном настроении, не слышал от него, чтобы

он жалел о полувеке, отданном тридцати километрам пути в тысячах верст от России, любил которую беззаветно. Иногда вдруг он говорил мне: «Хлебнешь пару паводков, плюнешь на все и убежишь, а за тобой второй... третий».

Я не желал, чтобы сбылось и это. Может, дом давал старику Самсону уверенность и силу? Проще — я не хотел ничего менять. От добра добра не ищут. С годами я привык к столь необычной обстановке, ко всем этим вещам. Мадине здесь понравилось сразу, нравится и нашему маленькому сыну Ренару, он сейчас в Алма-Ате, у бабушки. Вот и вся история, Адалят.

Пока Рашат рассказывал о своем доме, Мадина приготовила чай, принесла целую горку румяных баурсаков.

За чаем Адалят заметил, как исчезло нелепое предубеждение, возникшее у него поначалу. Он все больше и больше проникался симпатией к хозяевам дома и чувствовал, как медленно тонет в тепле и уюте хорошо протопленного, любовно ухоженного дома. Разговор переключился на работу, и Адалят поведал о тревогах и сомнениях, приведших его на станцию. Из столовой перешли в зал. Посидев немного с ними, ушла спать Мадина.

— Ей рано вставать. Совхозная школа в четырех километрах от станции, а ходит она туда пешком,— объяснил Рашат.

Адалят сидел на корточках у камина, подкладывая поленья на тлеющие угли.

— Рашат, а все-таки, наверное, иногда хочется плюнуть на все и укатить в город, где люди, развлечения?

Адалят не слышал бесшумных, вкрадчивых шагов, но чувствовал, как мастер, что-то обдумывая, ходил за его спиной.

— Трудно и невольно бывает. Тоска захлестывает порою беспричинно, но чтобы бросить, плюнуть и уехать — такой мысли не было.

Рашат подошел к камину, и красные отблески огня заплясали на его бронзовом лице.

— Адалят, ты заметил окно в прихожей, обращенное в степь? Оно светилось ярко? Седьмой десяток в этом окне всегда горит огонек, не гас он и при мне. За долгие годы в ненастье он сослужил службу многим людям. Ну-ка, идем со мной... — он провел Адалята в кабинет и усадил в высокое кресло.

Стоя на лестнице, Рашат снимал с антресолей какие-то папки, толстые пачки исписанных листов бумаги, чертежи... Адалят углядел в глубокой пепельнице трубку и, не удержавшись, взял ее, на секунду

ощутив прохладу оникса. От трубки приятно отдавало незнакомыми табачными запахами, на золотом ободке Адалят пытался разглядеть выгравированные инициалы, но, увы, время стерло их на нет.

— Можно, я закурю трубку?

Рашат достал с полки коробку с табаком.

— Это Гавриила Сергеевича... Я не курю трубку, Сакен пользуется ею иногда. Мне кажется, она ему нравится, когда он надумает уехать или решит остаться надолго,— я подарю ему.

Рашат разложил на столе бумаги, среди них Адаляту бросились в глаза две относительно новые тетради, толстые, в колленкоре.

Адалят протянул мастеру сигареты. Закурив, после некоторого молчания Рашат сказал:

— Мне придется вновь возвратиться к Гавриилу Сергеевичу, впрочем, кроме меня, никто его так не величал: Самсон — так называли все, и, наверное, на сотню километров в округе не было человека, не знавшего его. Высокий, прямой, кряжистый — силы духовные и физические он сохранил до последних дней. Самсон был первым из русских людей, кто учил местное население и языку, и ремеслу дорожного рабочего, строить дома из старых шпал и класть печи, лечить скот и возделывать огороды... Он был крестным отцом многих детей, и в больших казахских семьях росли черноглазые Дашеньки и Матвеи, Варламы и Катеньки, Филиппы и Сонечки, Лизоньки и Григории...

С бронзового замка на секретере кукукнула кукушка, в ответ глухо отбили часы на полу в высоком корпусе красного дерева. «Два часа пролетели!» — мелькнула у Адалята мысль и тут же пропала.

— С годами росли дети, и дети детей... Они уезжали, учились и возвращались в родные места или селились неподалеку: казахи редко и неохотно покидают родные края: врачи и агрономы, учителя и животноводы, а чаще всего специалисты, окончившие транспортные вузы. Многие из них стали директорами совхозов и школ, секретарями райкомов близлежащих районов, начальниками многочисленных служб транспорта. И для всех Самсон был самым почитаемым человеком. Труд Гавриила Сергеевича был отмечен государством двумя орденами: орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, чем старик несказанно гордился.

Уважение народное и слава трудовая не обошли его. Старик никогда не говорил высоких слов, только день ото дня расширял и расширял до бесконечности круг моих дел, которые он вел многие годы. Признаться, даже о половине его забот я не имел представле-

ния. Путьцы — одна из немногих в нашей стране профессий, чей труд оплачивается только по качеству. Проскочит в хвосте скорого поезда ежемесячно вагон-путеизмеритель — и получай, что заслужил. А балльность на нашем участке всегда была высокой.

Однажды явился к нему рабочий с соседнего разъезда и говорит: «Возьми, Самсон, на работу, пять детей у меня, не могу так жить, то девяносто рублей, то сто пятьдесят, а делаю все, что велит мастер». Старик отвечает: «Как же будешь на работу ходить, далеко ведь?» И представь себе — десять лет ходил, ни разу не опоздал. У Самсона не было оснований не доверять своим рабочим, но он всегда проверял. За долгие года он уволил только двоих: обходчика и путевого рабочего. Много лет вслед им говорили: «Их уволил Самсон», — и подразумевалось, что эти люди не внушают доверия. «На нашей работе нельзя работать спустя рукава, от сих до сих, от отпуска к отпуску, а нужно отдаваться ей целиком, — говорил он. — Путь, как малое дитя, нельзя оставлять без присмотра. Дорога — это жизни людей, и всегда — в дождь и ненастье, темень и зной — в любое время суток на обочине должен быть человек». И только однажды ночью на перегоне старик не застал обходчика. День этот был для того последним днем работы на железной дороге.

Стряхнув пепел сигареты в пепельницу, Рашат продолжал:

— Иногда, совершая ночной осмотр, вместо обходчика я встречаю его сыновей с отцовской амуницией. Особенно часто случается такое летом, когда студенты возвращаются на каникулы. Живущие вдоль дороги казахи, можно сказать, потомственные железнодорожники. В большое половодье, если путям угрожает вода, целыми семьями приходят они на помощь.

А вот бумаги... В них записаны данные о Сырдарье за все годы: о начале ледоставов, когда пришлось взрывать лед, в каком году вышла вода из берегов и стояла у насыпи. В других — данные о размытых путях и переездах, о суровых зимах и снежных заносах. О дренажах, существующих и забытых. Вот чертежи на бугуты, дамбы вдоль реки и протоку, построенные одновременно с дорогой. Многие заросли камышом и превратились в осевшие холмы. За пятьдесят лет река меняла русло, мелела, уходила и возвращалась к дороге. Все учтено. На этом листе чертежи и описание фашины — средства для защиты дамб и железнодорожного полотна от паводка, старик придумал и изготовил их сам из местных материалов. Сейчас его фашины применяют на многих дорогах. А тут чертежи зданий околотка и вокзального строения, старик до войны силами своих рабочих делал ремонт.

Адалят аж привстал, так обрадовало его сообщение. Чертежи зданий и сооружений! Он считал их безвозвратно утерянными.

— Сколько пришлось ему воевать с менявшимся начальством, чтобы уцелело все то, что радует нас сегодня.

Взволнованный Рашат мерил бесшумными шагами кабинет, впервые ему пришлось говорить так много об участке, которому он отдал немало лет, не заметив, как прошла молодость и поседела голова.

А этот симпатичный и смысленый паренек сказал: ««захоронение в глуши...» Как объяснить ему, чтобы понял, что не зря?..

— Многие считали, что мне, пришлому,— повезло. Получил образцовый участок, сложившийся коллектив, но мало кто задумывался, что сегодняшнее — еще не завтра. И на мою долю выпадали и еще будут паводки, может, и невиданные доселе, еще быстрее и чаще пойдут поезда. И людей от меня будут уводить более высокие заработки совхозов, и близлежащий город сманивает молодежь. Сварятся в тысячеметровые плети рельсы и побежит по ним ток,— попробуй смени быстренько лопнувший рельс! Да мало ли забот предъявляет быстро бегущее время? Были скептики, говорившие: «Завалит дело молодой мастер, куда ему после Самсона». Нет, я не хотел, чтобы умерла легенда о старике Самсоне как большом путейце и хорошем хозяине, но я не мог, чтобы восторжествовало неверие в молодое поколение, новую школу путейцев.

Вдруг Рашат замолк, не то подбирая более точные слова, не то задумавшись, и Адаляту показалось, что, рассказывая ему все это, Рашат словно отчитывается перед Самсоном.

— На утверждение себя и новых принципов в работе ушли годы, честно говоря, я их и не заметил, ведь дело, которое считаешь своим, никогда не в тягость. По-прежнему скоро и безопасно идут поезда, катит свои воды та же желтая могучая река, и не так страшна она, когда знаешь ее повадки. По-прежнему в прихожей светится окно, но это скорее символ — степь давно уже стала другой. И полнятся новыми записями другие тетради на пользу тем, кто заменит нас. Скептики стали оптимистами, при случае жмут руку и говорят, что хорошая школа пошла впрок. Я не возражаю.

Мадина с сыном иногда уезжают на лето к морю или к бабушке. Она понимает меня и мою работу и никогда не настаивает, чтобы я их сопровождал. Растет сын, с годами, может, и его поманят иные просторы, удерживать не стану. Каждому в жизни начертан свой путь. И дороги мы вольны выбирать сами. И зря ли прожиты годы в глуши и была ли какая-то жертва, решай сам, Адалят.

Они молча посидели в кабинете, затем вернулись в зал.

— Может, выпьем? — предложил Рашат.

— С удовольствием. Если можно, неплохо бы чашечку кофе.

— Все можно, — улыбнулся мастер.

Адалят постоял у тлевших углей камина, вернулся к столу и бережно расправил чертежи, захваченные из кабинета. Рука невольно потянулась за карандашом.

— У тебя еще будет много времени поработать над ними, — сказал неожиданно оказавшийся за спиной Рашат.

И завязалась между ними беседа, легкая и непринужденная, словно встретились давние хорошие приятели.

Старые часы в зале пробили полночь, и Адалят стал собираться. Он протянул хозяину на прощание руку, и вновь она хрустнула в жесткой ладони мастера.

На улице густо валил снег.

Пройдя в заснеженную арку ограды, он услышал:

— Адалят, приезжай к нам встречать Новый год!

— Непременно приеду, — прокричал в ответ Адалят и побежал вниз, к станции.

Крупные хлопья снега падали медленно, ему показалось даже, что потеплело, а может, тепло доброго дома еще согревало его?

Подходя к станции, он увидел зеленый огонек семафора у выхода главных путей. И, как бы подтверждая догадку, сзади на мосту протока Кара-Узьяк загрохотал поезд, из дежурки показалось щуплая фигурка в шинели. Увидев издалека Адалята, человек неестественно быстро метнулся обратно. Через мгновение он появился вновь с большой сумкой в руке. Сакен что-то кричал ему, показывая на катившийся с горы поезд. Поскрипывая тормозами с затяжной насыпи, состав остановился.

— Быстрее садись, остановил на секунду из-за тебя, — крикнул Сакен.

— А я не собираюсь никуда уезжать, ты что-то путаешь, Саке-джан.

Сакен застыл на мгновение и... залился неожиданным смехом.

— Трогай, — прокричал он высунувшемуся из кабины тепловоза машинисту.

А снег все падал, падал...

Ташкент,
1971

Глухому звук не объяснишь...

Интервью

— После выхода вашей книги в Казани, творческого вечера в клубе Союза писателей, ваших выступлений по телевидению, кратких интервью в газетах меня как организатора встречи одолели звонки. Читатели хотят узнать вас поближе, их вопросы и положим в основу беседы. Блиц-интервью уже не устраивают почитателей вашего таланта, так что, Рауль Мирсаидович, устраивайтесь на обстоятельный разговор. Прежде всего, какие писатели, книги повлияли на становление вашего характера, вкусов, мировоззрения?

— Мой любимый писатель Иван Алексеевич Бунин. Всем, кто хотел бы прочитать о любви, советую его роман «Жизнь Арсеньева». И. А. Бунин долго был под запретом и появился, как и Сергей Есенин, в хрущевскую оттепель. Люблю всего позднего Валентина Катаева. Блистательная проза! «Тихий Дон» Михаила Шолохова, «Прощай, Гульсары» Чингиза Айтматова. Почти всю поэзию Серебряного века и позднюю поэзию О. Мандельштама и А. Ахматовой. Из современных поэтов — Евгений Рейн, Татьяна Глушкова, Сергей Алиханов, Бахыт Кенжеев, живущий в Канаде. И совершенно блистательный, мудрый и ироничный, достойный продолжатель традиций Хайяма, Рудаки, Хафиза — Лоик Ширали. Из татарской поэзии: Туфан, Равиль Файзуллин, Мустай Карим, Муса Гали.

Из западных писателей — Ф. С. Фицджеральд, его я открыл для себя задолго до фицджеральдовского бума и этим горжусь. «Великий Гетсби», «Ночь нежна» перечитывал много раз, и они влекут меня по-прежнему. Герман Гессе, особенно его «Степной волк». Огромное влияние оказал на меня Дзюмпэй Гомикава романом «Условия человеческого существования». Я прочитал его в 1964 году, а в 1987 году его назвали лучшим японским романом XX века. А Япония, напому, самая читающая и издающая книги страна мира. По этому роману японцы сняли 20-серийный фильм, возможно, и мы его когда-нибудь увидим. Открытие для себя в юном возрасте Фицджеральда и Гомикавы до сих пор греет мне душу, ведь в ту пору я работал обыкновенным прорабом.

Польский писатель Станислав Дыгат с его романом «Путешествие», Ален Фурнье, написавший всего один роман «Большой Мольн», выдержавший после его гибели в первую мировую войну более 50 изданий, Томас Вулф с его «Взгляни на дом свой, ангел». В юности сильное впечатление произвел Ремарк с его «Три товарища», Хулио Кортасар — «Преследователь», «Южное шоссе».

— *Какое влияние на вас и на ваше поколение оказало кино, киногерои вашего времени?*

— Кино... Пожалуй, кино по массовости своей, доступности сыграло главную роль в воспитании многих поколений, не только моего. Ленин не зря определил: из всех искусств для нас важнейшим является кино. Моему поколению повезло с кинематографом: он родился в нашем веке, стал зрелым к нашим юным годам и на наших глазах вместе с нами умирает. Лет с семи я начал ходить в кино. В Мартуке фильмы менялись через каждые два дня, это было неукоснительно, как приход московских поездов на нашу провинциальную станцию, где паровозы заправлялись водой и где чистили их топки.

Отчим мой, человек городской, из Оренбурга, кино любил страстно. У меня была обязанность бегать к почте, где вывешивали афишу, и сообщать, какое сегодня дают кино. Однажды вышел конфуз. Я сказал родителям без всякого подвоха, что идет фильм «Два яйца». Они и пошли на эти «Два яйца», ибо старались не пропускать новых фильмов. Надеюсь, вы, догадались, что это были «Два бойца» с Марком Бернесом, Борисом Андреевым, Петром Алейниковым. В послевоенном Мартуке каждая копейка давалась с трудом, но отчим на кино мне выделял, говорил, что кино открывает глаза на мир, воспитывает. Помню, как мне завидовали сверстники, считали счаст-

ливчиком, и мне приходилось пересказывать в классе, во дворе содержание фильмов. Так что к устному творчеству я приобщился рано.

Отчим оказался прав: кино во многом сформировало мое мировоззрение, вкусы. Явно оттуда, из детства, тяга к музыке, джазу, интерьерам, живописи. Послевоенное кино сплошь состояло из трофейных фильмов, из фильмов наших союзников по войне. Мы пересмотрели десятки голливудских фильмов, тех самых, что сегодня принято считать шедеврами мирового искусства. Еще до войны немцы экранизировали почти все известные оперетты Штрауса. Оффенбаха, Легара, сняли мюзиклы с участием мировых звезд тех лет, теноров Карузо, Марио Ланца. Экранизировали многие шедевры мировой литературы. Мы видели фильмы с участием Фреда Астора, Рудольфа Валентино, Марики Рёкк, Сони Хенни, Греты Гарбо, Кларка Гейбла, Грегори Пека, Чарли Чаплина, Рода Стайгера, Питера О'Тула. А к шестидесятым, годам нашей юности, подоспел и итальянский неореализм. Какие имена! Федерико Феллини, Витторио Де Сика, Франко Дзеффирелли, Бертолуччи, Домиани, Де Сантис, Этторе Скола...

А фильмы «Рокко и его братья» с молодым Аленом Делоном и Франко Неро, «Ночи Кабирии» с Джульеттой Мазини и Марчелло Мастрояни, «Бум» с Альберто Сорди, «Горький рис» с Витторио Гассманом и Марио Адорфом!

Этот список, звучащий как музыка, я мог бы продолжать и продолжать. А новое немецкое кино с Максимилианом Шеллом, Клаусом Брандауэром! Французское кино — это Жан-Люк Годар, Трюффо, Жерар Филип, Анук Эме, Бурвиль, Жан Габен, Жан Маре, Жан-Луи Трентиньян...

Хотите верьте — хотите нет, существовало целое десятилетие египетского кино, откуда вышел будущий король Голливуда Омар Шериф. А японские фильмы Акира Куросавы, шведское кино Ингмара Бергмана... Испанское кино великого Луиса Беньюэля, польское кино Анджея Вайды и Кшиштофа Занусси. Да и наше кино в ту пору шагало в ногу с мировым. Как же такой могучий заряд мог не формировать наши взгляды, вкусы, мироощущение?

Тем более, все, о чем говорилось — это здоровое, гуманистическое кино, воспитывавшее в человеке только высокое. Ну, со мной и кино быстро все стало ясно — лет в десять-двенадцать я уже страстно мечтал о другой жизни, стереотипы реальной окружающей меня действительности никак не устраивали, и желание стало программным. Когда жизнь на закате, есть преимущество — ты можешь предъявить доказательства реализации тех или иных планов. На всем сто-

ит тавро: проверено временем. Поэтому под влиянием кино, боясь опоздать в другую жизнь, в четырнадцать лет, после семилетки, я, единственный из трех параллельных классов, сел на крышу мягкого вагона поезда и укатил в город поступать в техникум. Обратите внимание — один из ста двенадцати своих сельских сверстников. Этим самостоятельным поступком я тоже горжусь всю жизнь.

— *Рауль Мирсаидович, что мог предоставить вам, юношам, вступавшим в жизнь, провинциальный Актюбинск в конце 50-х годов в культурном плане?*

— Судя по вашему скепсису в голосе, вы наверняка думаете, что мы росли в культурном вакууме. Тут вы крепко ошибаетесь. С середины 50-х в ДК железнодорожников сложился народный театр. В репертуаре была классика. Три-четыре пьесы с прекрасными декорациями, костюмами, продуманным освещением. В 1957 году, когда я уже учился в Актюбинске, театр привез в Мартук «Бесприданницу» Н. Островского. Одну из ролей исполнял шофер нашей техникумовской полуторки. Как я гордился и театром, и нашим «артистом»! Они дали два спектакля — аншлаги, восторг, овации, успех! Все абсолютно так, как на премьерах в столицах — это я могу подтвердить как старый театрал. Такое сейчас невозможно и представить, а ведь существовал в Актюбинске и профессиональный театр. Зимой 1959 года на месячные гастроли приезжал Московский театр оперетты, выступал он на сцене сгоревшего позже ОДК. Что творилось в городе! Билеты — с боем, зал — переполненный, разговоры — только об оперетте. В конце января 1960 года гастролеровал знаменитый Государственный эстрадный оркестр Азербайджана под управлением композитора Рауфа Гаджиева.

Оркестр — настоящий биг-бенд, семьдесят восемь человек — в три яруса, а ударник, с сияющими перламутровыми барабанами, медными тарелками — под самым потолком. Какие костюмы, декорации, световое сопровождение, блеск труб, саксофонов, тромбонов! Живьем музыка Гленна Миллера, Дюка Элингтона! Неожиданные аранжировки известнейших джазовых мелодий Джорджа Гершвина, Джерома Керна, Кола Портера, короля аргентинского танго Астора Пьяццоллы, сделанные знаменитым Анатолием Кальварским! Восторг публики я просто не в силах описать, триумф — и только! Тогда еще не дробились ни страны, ни оркестры. С коллективом выступал и вокальный квартет, тот самый, что позже назовется «Гайя». Через три года в Ташкенте я вновь встречаюсь с оркестром и напишу восторженную рецензию, упомянув и актюбинский триумф.

Эта театральная рецензия станет моей первой публикацией. Она и позволит мне ближе познакомиться с музыкантами, и на десятилетия меня свяжет дружба с Рауфом Гаджиевым, певцом Октаем Агаевым, трубачом Робертом Андреевым, конферансье Львом Шимеловым, квинтетом «Гайя», да и со всеми оркестрантами. Не раз я буду по их приглашению в Баку. А ведь все это началось в Актюбинске...

Весной того же 1960 года, уже во Дворце железнодорожников, выступал оркестр Дмитрия Покрасса. После моего отъезда приезжал оркестр Константина Орбеляна, где начинал в ту пору знаменитый Жан Татлян. Но главное — в другом: существовала своя внутренняя культурная жизнь Актюбинска. Какие вечера бывали в мединституте, культпросветучилище, кооперативном, нашем железнодорожном техникумах! В 44-й, в 45-й железнодорожных школах, во 2-й школе, в 11-й, в каждой из них была своя самодеятельность, свои эстрадные оркестры, солисты. Проезжая мимо полуразвалившегося ныне «Сельмаша», представьте себе, что там в конце 50-х существовал заводской клуб, где зимой бывали танцы под джаз-оркестр. Стекалась молодежь со всего города, попасть туда было ох как непросто. А в субботу-воскресенье — танцы в ОДК и в «Железке», тоже негде было яблоку упасть. А какие новогодние балы давались во дворцах и клубах! Но это уже отдельная тема. Нет, время и Актюбинск дали нам, молодым, возможность приобщиться к культуре.

— *Вы открываете нам новый взгляд на те культурные события, которые уже стали историей. Спасибо. В романе «Ранняя печаль» цитируется много поэтических строк и даже есть утверждение: «любите поэзию, в ней, как в Коране, Библии и Талмуде, есть ответы на все вопросы жизни». Поясните свой текст.*

— Только в точных науках есть единственно правильный ответ. Некоторые люди пытаются выстроить свою жизнь по четким математическим формулам, но даже если ориентироваться на элементы высшей математики, вряд ли они гарантируют счастье. Я воспринимаю жизнь на эмоциональном, чувственном уровне, оттого, наверное, мне ближе ответы на все вопросы бытия, которые я нахожу в поэзии. Поэзия стара как мир. Я сейчас процитирую вам Рудаки:

Поцелуй любви желанный,
Он с водой соленой схож,
Чем сильнее жаждешь влаги,
Тем неистовее пьешь.

Или:

Не любишь, а любви моей
Ты ждешь.
Ты ищешь правды, сама ты —
Ложь.

Скажите, после этих строк сильно ли изменились отношения между мужчиной и женщиной, что нового добавили века в эти отношения?

Хотите пример посвежее, поактуальнее:

Двухподбородковые ленинцы,
Я к вам и мертвый не примкну.

Или самая печальная строка поэзии, которую я встречал когда-либо. Её написал десять лет назад недавно ушедший из жизни Евгений Блажиевский. В молодые годы он играл в футбол со знаменитыми нападающими Банишевским, Маркаровым в бакинском «Нефтянике».

И девушки, которых мы любили —
Уже старухи...

К поэзии всерьез и навсегда я приобщился тоже в Актюбинске. Зимой 56-го года мой однокурсник Валерий Полянский тайком показал мне толстую тетрадь, исписанную каллиграфическим почерком. Это были стихи запрещенного в ту пору Сергея Есенина.

Ведь ты такая нежная, а я так груб.
Целую так небрежно я калину губ.

Там же была и его поэма «Анна Снегина» — вершина лирики.

Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Или вот строка из чукотской поэзии:

И легче зиму повернуть
Назад по временному кругу,
Чем нам друг другу протянуть
просящую прощенья руку.

Да, я убежден, в поэзии есть ответы на все случаи жизни, но не всякому дано их услышать. Поистине, глухому звука не объяснишь.

— *Какое, на ваш взгляд, впечатление должны производить ваши книги на читателя, по максимуму?*

— Прежде всего, читатель должен ощущать разницу между своими знаниями и моими, моим знанием жизни или описываемого предмета, ситуации. Если это случится, то книга будет читаться и перечитываться, передаваться из рук в руки. И тогда читатель будет приобретать мои новые произведения, не глядя на аннотацию, рекламу и даже качество полиграфии, ему важно другое — сам автор.

— *И часто такое происходит с читателем?*

— Уже произошло. Против цифр, против факта не попрешь. Пять миллионов книг, таков на сегодня тираж моих изданий, они ведь у читателя на руках. Мои книги читают и высоколобые интеллектуалы, и водители-дальнобойщики. На встречах с читателями в самых разных аудиториях, академики и шоферы, везде задают один и тот же вопрос: откуда вы это знаете? Я получал раньше тысячи писем, мешки писем — с этим же вопросом. Видимо, эти знания основательны, профессиональны, если после написания романа «Пешие прогулки» юристы были уверены, что я бывший прокурор высокого ранга. Если после романа «За все — наличными», где я затронул вопросы творчества казанского художника академика живописи Николая Ивановича Фешина, эмигрировавшего в Америку в 1922 году и там занявшего достойное его таланту место в мире, я стал получать предложения от многих журналов по искусству написать статьи о нем, предисловия, аннотации к его буклетам, проспектам.

В молодости, работая в строительстве, из-за страсти к футболу я вел колонку футбольного обозревателя в одной из ташкентских газет. Во время матча я занимал место в секторе для прессы и так горячо комментировал вслух, что надо делать тому или другому тренеру, что однажды неожиданно для себя получил предложение стать вторым тренером команды в классе «Б». Впрочем, отгадку на многие вопросы, откуда я это знаю, читатель может найти в «Ранней печали». Признаюсь, этот роман дорог мне.

— *Ваш роман «Пешие прогулки» стал настольной книгой многих юристов. Более того, они были убеждены, что роман написан бывшим прокурором, решившим в период перестройки за все унижения от партийной власти громко хлопнуть дверью. Известно, что следовательно по особо важным делам Генеральной прокуратуры*

ры СССР Б. Е. Свидерский, тот самый, что засадил за решетку Ахматжона Адылова, сказал: «Мне кажется, что это я написал «Пешие прогулки».

Оценка романа профессионалом такого уровня должна быть дорога для автора. В связи с этим вопрос: какие законы вы ввели бы в первую очередь, будь на то ваша воля?

— Начнем с того, что нужно реализовать, прежде всего, принцип неотвратимости наказания, и второе — все законы должны быть в пользу законопослушных граждан.

Презумпция невиновности — это, конечно, хорошо, но в наших условиях она работает эффективно только в пользу богатых и власть имущих.

Первое. Что бы я сделал, будь на то моя воля, отменил освобождение под денежный залог. В бедной стране это — дискриминация большинства населения.

Второе. У нас сплошь рецидивная преступность. Есть случаи, когда получают срок и по десять, и по пятнадцать раз. Я считаю, что по особо тяжким преступлениям нужен порог преступности: два-три раза, а дальше — суровый приговор, по-китайски. Иначе волну преступности не сбить. В Америке, кстати, третья судимость по одному и тому же виду преступления карается пожизненным заключением.

Третье. При въезде в страну обязательно декларировать не только наличную валюту, но и судимости, даже погашенные.

Четвертое. Тюремный срок надо определять по совокупности всех преступлений.

Пятое. В стране много немотивированного насилия. Сотни тысяч изуродованных, искалеченных, ставших инвалидами людей. Тут, на мой взгляд, одного тюремного срока мало. Человек, сделавший инвалидом другого, должен до конца жизни выплачивать ему определенную компенсацию. Сейчас оплату вместо преступника производит, в лице государства, законопослушный налогоплательщик.

Шестое. Сегодня в чудовищных масштабах происходит насилие над детьми. Насилуют и десятилетних, и пятилетних, преступления сплошь рецидивные. Растрителы попадают по пять-десять раз.

Ученые давно доказали, что подобная гнусная извращенность не проходит никогда. Нужен радикальный подход — следует кастрировать сразу, плюс тюремный срок. С точки зрения медицины, это простейшая операция. Скажете — сурово, жестоко? Да, согласен.

Не хочешь стерилизации — не трогай детей!! А сломанных судеб детей, родителей вам не жаль?

Седьмое. Еще один закон мне кажется важным — о предательстве в рядах милиции. Тут я вижу простейший выход. Предатели из органов, к ним можно добавить и госчиновников, должны отбывать наказание не в специальных тюрьмах, как сейчас, а в общих. Страх неотвратимости возмездия обязательно сыграет свою роль. Еще закон, косвенно связанный с милицией. Почти каждое третье преступление ныне совершается уголовниками в форме милиционера, с поддельными удостоверениями, фальшивыми документами. Только за незаконное использование атрибутов власти нужна дополнительная статья, равная статье за содеянное преступление! А что творится в судах?! Подсудимые откровенно, перед телекамерами, угрожают судьям, потерпевшим, свидетелям. И закон не позволяет судье тут же добавить год-другой. Даже на футбольном поле законы куда более суровы. Скажи футболист судье что-нибудь оскорбительное, тут же последует наказание — удаление с поля! Кстати, в США действует закон «Об уважении к суду».

Спросив, какие я немедленно ввел бы законы, вы наступили мне на большую мозоль. Их десятки, поэтому надо остановиться и лучше написать для вас специальную статью. Но о законах я хотел бы сказать и еще кое-что. Я твердо убежден, что ясные, жесткие, своевременно принятые законы решают половину любой проблемы. Оттого, что мы никогда не жили по законам, мы еще не поняли, не оценили их силу. В советское время в республиках винили центр во всех грехах и в отсутствии мудрых, своевременных законов тоже. Уже десять лет новым государствам Москва не указ, но законодательство у всех практически идентичное. На всем постсоветском пространстве с завистью говорят лишь об узбекском законе, касающемся угона автомобилей. Там ужесточили меры — машины перестали угонять.

Любое преступление нужно сделать финансово нерентабельным, и оно само сойдет на нет. Свободу ценят все, особенно преступники. Меня постоянно спрашивают: как бороться с квартирными кражами? Тут необязательно увеличивать срок, важен другой показатель — чтобы у потерпевшего не было финансовых претензий. Пока вор не вернет украденное, он должен сидеть в тюрьме. А сейчас он шлет из камеры угрозы тому, кого обворовал, долг не гасится совсем, а срок исправно идет, день свободы близится. Здесь закон явно в пользу преступника.

— *Какие черты характера для вас наиболее нетерпимы в людях?*

— Лень. Безответственность. Лень, на мой взгляд, главная основа всех человеческих пороков. Остерегайтесь ленивых людей.

— *Ваша любимая пословица?*

— «Кто ничего не умеет, тот не должен ничего хотеть», «Когда коровы воду пьют, телята лед лижут», «Кто спит с собакой, тот наберется блох».

— *Вопрос-бумеранг на ваш недавний ответ. Вы сами — не ленивы?*

— Я отработал в строительстве более двадцати лет, одновременно заочно учился, писал книги. На «вольные хлеба», то есть работать на свой страх и риск, без зарплаты, ушел в 1980 году. Кстати, редкие писатели отваживаются на такой шаг. Большинство отираются в штатах газет, радио, журналов, издательств, где есть гарантированная зарплата. Мало написать рассказ, его надо издать — оплата по выходу в свет. А написал я семь романов, десятки повестей и рассказов — все изданное составляет десять-двенадцать томов. Трудно назвать меня ленивым. Возможно, оттого я ленивых вижу насквозь, чую за версту.

— *Еще один вопрос о ваших качествах. Рауль Мирсаидович, вы — жесткий человек?*

— Тут ответ без раздумий — да, конечно. Например, я — за смертную казнь. Новые государства никогда не выйдут из нищеты и не станут самостоятельными, если у них в период становления не будет жестких законов.

Если изменится жизнь, то законы можно поменять быстро, это в руках парламента. Сегодня за жуткие убийства наказывают десятью-пятнадцатью годами тюрьмы, а убийцы — сплошь от пятнадцати до двадцати пяти лет. В тридцать с небольшим эти подонки выйдут на волю и будут убивать вновь, тут — сомнений никаких. Для кого такое милосердие? За жизнь нужно расплачиваться только жизнью! И тут не надо оглядываться на законы сытого Запада, убивают ведь у нас и нас.

Аргумент гуманистов против смертной казни таков: мол, жизнь дал Господь Бог и только он может отнять ее, а никак не закон, не государство. Вроде бы резонно. А убийца разве Господь Бог, чтобы отнимать жизнь у другого?

Самое интересное, что народ, в случае референдума, обязательно проголосовал бы за смертную казнь. Такого разгула преступности и беззакония, наступившего с приходом к власти М. Горбачева, исто-

рия еще не знала. Побиты все криминальные рекорды, и даже фальшивая государственная статистика преступлений, заниженная в десятки раз, пугает людей. Но этого никак не понимают законодатели и чины, призванные бороться с преступностью.

— *Что для вас означает понятие «свобода»? Сегодня вам легче дышать как гражданину, как писателю?*

— Я давно был убежден, что если у человека нет внутренней, личной свободы, то и внешняя, разрешенная, декларированная свобода ему тоже не очень нужна. Время лишь подтвердило мою правоту — большинству граждан нынешняя свобода оказалась в тягость, они бы её с удовольствием променяли на что-нибудь гарантированное, материальное...

Совсем юным пятнадцатилетним мальчишкой я прибил к редкой по тем временам в Актюбинске компании стилиг. Небезопасное увлечение — могли отчислить из техникума, лишит общежития, дружинники могли порезать твои единственные узкие брюки. Но на это меня толкала внутренняя свобода. Мой личный вкус, моё понимание моды, эстетики. Позже я и дня не был в КПСС, хотя хорошо знал, что с партийным билетом шагать по жизни легче. Это тоже осознанный выбор, чтобы сохранить внутреннюю свободу. Любое членство, особенно в идеологической организации, очень обязывает. Издав первые книги, я тут же написал роман о мафии, о партийных казнокрадах, о бесправности гражданина, даже если он и прокурор. Наверное, я догадывался, что меня за это по головке не погладят — уж я-то знал хорошо тех, о ком писал.

Результат известен — я стал инвалидом, в пятьдесят лет пришлось оставить в Ташкенте роскошную квартиру, загородный дом, отлаженный быт и начинать жизнь в России с нуля: с прописки, гражданства, жилья. Кстати, сорок лет назад в Ташкенте, чтобы получить прописку, я вынужден был год отработать слесарем на авиазаводе, имея уже диплом и опыт инженерной работы в Экибастузе. Судьбу эмигранта в России я хлебнул сполна. Только спустя восемь лет у меня появилась крыша над головой, которую мне никто не дал. Свобода одним указом «О свободе» не реализуется, равно как и демократия, которую сегодня обыватель ждет не дождется. И не дождется, как вчера не дождался коммунизма.

И еще о свободе, уж очень важная тема. Я убежден, что человек не может получить от общества, государства свободы больше той, которой он обладает в себе. Свобода, на мой взгляд, не мо-

жет отождествляться с государственным строем, будь то тирания или демократия. Свобода — это, скорее, свойство человека, чем социальная данность.

— *Иногда пресса пишет о бесполезности борьбы с преступностью, о том, что мафия бессмертна. Как вы оцениваете ситуацию? Ждет ли нас свет в конце туннеля?*

— Я не разделяю настойчиво навязываемую массам мысль, что мафия бессмертна. Убежден: с ней всерьез еще не боролись. Давайте беспристрастно заглянем по обе стороны баррикад. Воров в законе на территории бывшего СССР около семисот. Газета «Кто есть кто» в 1996 году напечатала всех их по имени-отчеству, какие кликухи, за что сидели, что контролируют. Следует добавить, что грузинские, армянские, азербайджанские, узбекские мафиози после развала СССР почти поголовно переехали в Россию, а точнее — в Белокаменную. Такая Москва гуманная, заботливая. К слову сказать, девяносто процентов расхитителей народного добра из бывших советских республик, находящихся в розыске, тоже обитают в Москве. Но вернемся на баррикады. Кроме воров в законе, есть еще и уголовные авторитеты — их три-четыре тысячи. Взглянем на нашу сторону баррикад. Одних многозвездных генералов в силовых структурах России более десяти тысяч, по полтора десятка на каждого вора в законе! А офицеров — от полковников до лейтенантов, — этих уже тысячи на каждого преступника. О рядовых, с той и нашей стороны, и речи не идет, за нами десятикратный перевес. Ежегодно Россия присваивает двести пятьдесят — триста генеральских званий, а воров в законе коронуется на всем постсоветском пространстве не больше двадцати, отбор жесточайший — это не паркетных генералов штамповать.

На нашей стороне еще и целая армия прокуроров, судей, следователей, десятки спецслужб — и после этого утверждать, что мафия бессмертна, что с ней бессмысленно бороться?!!

— *Что может вывести новые государства на постсоветском пространстве на новый качественный уровень жизни?*

— Собственность. Культура. Образование. Собственности сегодня народ не имеет нигде, а культура и образование стремительно падают с каждым днем. В России сложилась невероятная ситуация: есть класс буржуазии, есть олигархи, но нет... капитализма. Еще одна российская уникальность — у государства нет собственности, но нет и класса собственников. В Российской армии среди призывников сегодня есть абсолютно неграмотные люди. Двадцать

лет назад такое не могло прийти в голову даже самому оголтелому пасквильянту и антисоветчику.

— *Может, Запад не помогает нам, как Европе, после войны?*

— Вы имеете в виду план Маршалла? Тут я вас огорчу, а кое-кого, наверное, даже шокирую. Россия получила денег от Запада гораздо больше, чем по плану Маршалла было вложено в экономику всех пострадавших от войны стран, вместе взятых.

От гигантских финансовых вливаний в Россию итог один, и весьма плачевный — долг более 156 миллиардов долларов. Для примера — иная парадоксальная ситуация: СССР вышел из тяжелейшей войны мощной индустриальной державой. Через пять лет восстановил треть своих территорий, еще через пять стал космической державой. К середине 60-х СССР назывался супердержавой, с лучшим в мире флотом, авиацией, атомной энергетикой и так далее.

Из реформ Горбачева и Ельцина Россия выползает без космоса, флота, авиации, промышленности и так далее. Нам, оказывается, даже деньги во вред. За всю свою историю Россия переживает сейчас самый затяжной кризис, которому не видится конца. На мой взгляд, теперь мы вступаем в новую его фазу — за пятнадцать лет растранижены все ресурсы государства, пришли в негодность заводы и фабрики, электростанции и АЭС, газопроводы и нефтепроводы, растащены торговый и рыболовецкий флот, гражданская авиация, на ладан дышит железная дорога. Мы на пороге перманентных технологических катастроф.

— *Мрачно зато получается, Рауль Мирсаидович.*

— Согласен. Но я так вижу, к сожалению. Помните анекдот, появившийся с приходом М. Горбачева? Спрашивают: «А что будет после перестройки?». Отвечают: «Пятилетка восстановления народного хозяйства!». Сбылось копейка в копейку, только о планах восстановления пока не слышно.

— *Что вас больше всего потрясло за последние годы?*

— Наверное, потрясений в собственной судьбе хватает с избытком: после покушения стал инвалидом, оставил дом в Ташкенте. В пятьдесят лет пришлось начинать жизнь в России заново, с нуля. Но так случилось с миллионами моих сограждан, тяжкий крест времени я несу с большинством народа. За эти годы произошло с нами и со страной много нелепого, страшного, невосполнимого. Но шокировали меня два события. Первое, когда М. Горбачев вдруг стал рекламировать пиццу, а второе — чуть раньше. В эпоху горбачевских же кооперативов один из бывших руководителей Мартукского района

вдруг объявился привратником в одном из актюбинских кооперативов. Чего им не хватало, умирали с голоду? Ни чести, ни достоинства, ни мужской гордости. Жалкие заботы о своей шкуре.

— *Вы родились в Казахстане, жили в Узбекистане, работая в строительстве, объездили страну вдоль и поперёк. Вы пишете, что везде, где вы бывали — живут татары. Что, на ваш взгляд, более всего объединяет татар, живущих вне исторической родины: религия, культура, литература, язык, музыка?*

— Конечно, важны все без исключения названные вами факторы, но, отвечая без раздумий на ваш вопрос, скажу — песня! Да, да, татарская песня — и народная, и современная. С первых сознательных шагов я запомнил песню — её пела мать, долгими зимними вечерами вязавшая пуховые платки, пела с подружками сестра Сания, пели в застолье мужчины-фронтовики. В Мартуке на каждой улице жили свои гармонисты. В нашем доме чаще всего бывал с тальянкой Гани-абы Кадыров, потерявший на фронте ногу и с одной ногой плотничавший! Позже его сын Хамза, физик-ядерщик, тоже замечательно играл на свадьбах. Сейчас обоснованно и необоснованно принято ругать коммунистов, но я хорошо помню, что долгие годы по четвергам по радио шел концерт татарской песни, а по праздникам давали концерты по заявкам. Для татар на чужбине это были святые дни — не меньше. Многие из Мартука тянулись в отпуск в Татарстан, и им всегда заказывали пластинки. Пластинка из Казани могла быть и свадебным подарком.

В 1984 году мой сын служил в армии на Дальнем Востоке. Из Хабаровска во Владивосток я добирался экспрессом «Океан», и вдруг по радио начали передавать концерт по заявкам рыбаков. Хотите верить, хотите нет, девяносто процентов заявок были татарской песней. Для мичмана Валлиулина, для старшего механика Яруллина, для матроса Валиева — гордостью наполнилось моё сердце, что и тут, на краю земли, не унывают мои земляки. Позже писатель Альберт Мифтахутдинов, живший на Чукотке, в Магадане, говорил мне, что и там, на Колыме — много татар.

В 1978 году, уже будучи писателем, я приехал в Ялту и познакомился... с Ильгамом Шакировым. Он отдыхал в другом санатории и пришел проведать Амирхана Еники. Амирхана-абы дома не было, и я пригласил Ильгама подождать у меня. Ильгам и представил меня Еники, выходит, в один счастливый день я познакомился с двумя выдающимися корифеями нашей культуры. Узнав, что пришел Ильгам

Шакиров, стали подтягиваться и другие писатели, отдохавшие в это время. Быстро организовали на просторной веранде стол и сидели до глубокой ночи. По просьбе Амирхана-абы Ильгам пел в тот вечер много и от души. Этот концерт я запомнил на всю жизнь. Все оставшиеся дни в Ялте я провел с Ильгамом. В романе «Ранняя печаль» есть сцена с рестораном-варьете «Ницца», там мы не раз бывали с Ильгамом. С собой у меня была только одна книга «Полустанок Самсона», и я подарил её с надписью: «Ильхаму Шакирову — удивительному человеку, видевшему в лицо весь свой народ». Почему такой претенциозный, на первый взгляд, текст? Потому что наш великий мастер показал мне карту, где он выступал, и поверьте, не было в СССР поселка, где живут татары и где бы Ильгам не пел!!! Поистине, ни одному владыке, царю не удавалось увидеть глаза в глаза весь свой народ, и только он видел татар от мала до велика. На его концерты ходят всей семьей, с девяностолетними старухами и грудными младенцами на руках.

Я давно ношусь с идеей постройки ему народного памятника при жизни, не только как великому певцу, но и как объединителю, хранителю нации. И на постаменте должны быть выбиты эти слова. А под ними ниже — карта СССР с Казанским кремлем в центре, и от него тысячи и тысячи лучей к местам поселения татар, где он побывал по велению сердца. В русской культуре таких людей называют подвижниками, жаль, не знаю, как одним татарским словом обозначить его роль в судьбе своего народа. Хочу упомянуть и Рашида Вагапова, Альфию Авзалову, Зифу Басырову и многих, многих других певцов, поэтов, композиторов, чьи песни тоже сохранили татар, татарскую культуру на чужбине.

Песней объединены татары, песней спаслись, с песней воевали и побеждали и с песней живут до сих пор.

Та летняя ночь на ялтинской веранде закончилась для меня еще одним сюрпризом — Амирхан Еники подарил мне роман «Гуляндам» о композиторе Салихе Сайдашеве в переводе Рустема Кутуя.

И еще один штрих о татарских песнях и исполнителях. На 75-летие Мустая Карима съехались видные гости отовсюду, и каждого он поблагодарил в заключительном слове, и только про одного сказал так: «...а Хайдара Бигичева мне словно Всевышний послал...». Татарская песня оказалась самым дорогим подарком для сердца великого поэта.

— *Вы прожили в Ташкенте с 1961 по 1990 год, работали в строительстве, потом начали писать книги, после «Пеших прогулок» по-*

лучили общественное признание. Интерес представляет и ваша личная жизнь — в молодости вы активно занимались боксом, футболом, дружили с народным артистом балетмейстером Ибрагимом Юсуповым, увлекались джазом, собрали значимую коллекцию живописи, давно стали театралом, меломаном — это я к тому, что вы хорошо знали разные слои узбекского общества, отсюда вопрос: какую нишу в общественной, культурной, хозяйственной жизни Ташкента занимали татары? Сегодня, когда у татар обостренный интерес к самим себе, это важно знать.

— В среде татар в ходу живучая мысль, что якобы им нигде не давали хода. Но это совсем не так, посудите сами на примере Ташкента. Начну со строительства. Я сам работал в строительно-монтажных организациях — министром был Гази Сабилов. Замом министра в Министерстве стройматериалов работал отец известного ныне в Москве и в Казани предпринимателя и мецената Александра Якубова — Рустам-абы Якубов. В Министерстве строительства министром был Сервер Омеров, а министром сельского строительства — Таймазов. Главным архитектором Ташкента и архитектором знаменитой гостиницы «Ташкент» был всемирно известный Мидхат Булатов, автор многих фундаментальных работ по архитектуре. Один из крупнейших строительных трестов Ташкента возглавлял Наиль Клеблеев, республиканский трест механизации — Эрнест Ховаджи. Если названные навскидку первые лица были татарами, надо понимать, сколько при них работало соотечественников. Профсоюзом строителей руководил Исхак Забилов, доктор наук, издавший несколько книг по жизни и творчеству Мусы Джалиля. Узбекские профсоюзы возглавлял Р. Адаманов, начальником железной дороги был Кадыров, узбекским «Аэрофлотом» руководил Н. Рафиков.

Возьмем партийные органы. В ЦК комсомола, а позже в ЦК партии отдел пропаганды возглавлял Максуд Зарифович Узбеков, доктор наук. Секретарем горкома партии по идеологии, а позже и обкома был Карим Расулов, а его брат Рахим более десяти лет являлся прокурором Джизакской области, родины Шарафа Рашидова. Министром юстиции была Васикова, к сожалению, я многих уже не помню по имени-отчеству. В прокуратуре, в Верховном суде, МВД, КГБ много высочайших постов занимали татары. Министром МВД в конце 80-х был Вячеслав Мухтарович Камалов, чью фамилию я взял для своих книг «Масль пиковая» и «Судить буду я», ранее Камалов был первым замом председателя КГБ республики. Даже в суверенном Узбекиста-

не ключевой пост главы таможенного комитета получил Рим Генниатуллин. Советником по внешней политике сегодня у Ислама Каримова — Рафик Сайфуллин. Большой вклад в создание Конституции современного Узбекистана внес академик Шавкат-абы Уразаев.

Но продолжим экскурс в долгое советское время. Коснемся культуры. Председатель Союза композиторов — Эльмар Салихов. Главный композитор «Узбекфильма» — Румиль Вильданов. Равиль Батыров, Ильёр Ишмухамедов — известнейшие режиссеры, и у знаменитого Али Хамраева тоже татарские корни. Главный киносценарист студии, её идеолог — Одыльша Агишев. Талгат Нигматуллин, актер, тоже прославился там. Возьмем театр оперы и балета имени Навои. Долгие годы прима-балеринами были там всемирно известные Галия Измайлова и Бернара Каримова, и у главного балетмейстера Ибрагима Юсупова тоже татарские корни.

Заглянем в Союз писателей. До сих пор мало кому известно, что один из любимых писателей Сталина Сергей Бородин — татарин. В 1942 году он издал культовую для русских книгу «Дмитрий Донской». Классиком узбекской литературы слыл Аскад Мухтар. Высоко ценился властью Зиннат Фатхуллин, драматург. У него очень известные сыновья — Дильшат, лауреат Ленинской премии, а младший — один из создателей легендарного ансамбля «Ялла». Я хорошо помню их дом, сад в Рабочем городке. По-настоящему большим писателем был Явдат Ильясов, писавший по-русски. Хотя он умер больше пятнадцати лет назад, татарскому читателю еще только предстоит ознакомиться с его творчеством. Наверное, его книги очень заметно повлияют на форму и стилистику молодых писателей — это другая кровь, но истоки у нее явно татарские.

Очень известен и любим в Узбекистане доктор наук, искусствовед, сын нашего классика Хади Такташа — Рафаэль Такташ. Из художников, которых там много, надо назвать академика Чингиза Ахмарова, автора изящных восточных миниатюр. Он оформил классические узбекские поэмы-дастаны: «Алпомыш», «Бабур-наме». Он же иллюстрировал большую подарочную серию восточных поэтов: Фирдоуси, Хафиза, Хайяма, Рудаки, Руми, Амира Хосрова Дехлеви, Низами, Бердаха. Чингиз Ахмаров оставил после себя не только учеников, но и новейшую школу забытой восточной миниатюры. В моей коллекции есть работы его талантливых учеников — Сергея Широкова и Азата Юсупова. Из молодых художников, ныне известных на Западе, хочу назвать Айдара Шириязданова.

Хотелось бы упомянуть и спорт. В знаменитые годы «Пахтакора» там играли Ревал Закиров, Виктор Суюнов, Владимир Тазетдинов, Максуд Шарипов, Вилли Каххаров, Вячеслав Бекташев, Гали Имамов. Общество «Пахтакор» представлял чемпион Европы легкоатлет Родион Гатауллин. Единственный чемпион мира по боксу — Руфат Рискиев, и гимнастки, многократные чемпионки мира, Европы, Олимпийских игр — Венера Зарипова и Алина Кабаева.

Даже на ежегодных пушных аукционах в Ленинграде, куда представлялся лучший в мире бухарский каракуль, узбекскую комиссию возглавлял мой сосед, выпускник Плехановки — Максуд Зиганшин. Назову и выходцев из Ташкента миллионера Аниса Мухаметшина и братьев Расима и Рената Акчуриных.

Сходная ситуация в положении татар, или даже более благоприятная, была в те годы и в соседнем Казахстане. Многие связывают такую благосклонность к ним властей с родословной самого Кунаева и его жены-татарки, действительно, помогавшей талантливым татарам. Но я, живший и в Казахстане, и в Узбекистане, утверждаю, что это больше связано с ментальностью казахов и узбеков, с их открытостью и широтой их души.

Вспомнил Ташкент и Алма-Ату и неожиданно подумал: а готовы ли сегодня в Татарстане так же щедро предоставить высокие посты, должности тем же узбекам, казахам? Вряд ли. Сужу по своему опыту. Двадцать пять лет с татарским упорством я пытался издать в Казани книгу — и только сегодня, на двадцать шестом году мытарств, она вышла, хвала Аллаху.

Но вернемся ещё раз в Ташкент. Хочу рассказать, а кому-то напомнить, как принимали здесь татарский театр. Отдавали ему самый большой и красивый зал театра имени Хамзы. С билетами были проблемы, как и на концерты Ильгама Шакирова, хотя приезжали надолго, на месяц-полтора. В эти дни разговоры в среде ташкентских татар — только о спектаклях, артистах. Актеров постоянно приглашали в гости. Однажды уже упоминавшийся Максуд Узбеков, работавший в ЦК партии, пригласил домой руководство театра и ведущих артистов. Там, в гостях, я познакомился и с Марселем Салимжановым, и с Азгаром Хусаиновым, директором театра. С Азгаром связь поддерживалась долгие годы.

Татарская диаспора Ташкента жила полнокровной национальной жизнью, на Шота Руставели находился большой книжный магазин, где много лет имелся отдел татарской литературы, тут же оформ-

ляли подписку на казанские газеты и журналы, назначали встречи. В узбекской столице любили гастролировать казанские театры и эстрадные звезды. Помню, в конце 60-х, встретив у филармонии её директора Ашота Назарянца, спрашиваю: когда придет Доминико Модунио? Гастроли были уже давно объявлены, а знаменитый итальянец не появлялся. Назарянец, человек с хитрецей и юмором, отвечает: «А на что мне Модунио?» Я в ответ: «Будут аншлаги, большие сборы, сразу квартальный план...» А Назарянец с улыбкой: «Ну, эти проблемы гораздо лучше любой капризной звезды мне может закрыть Ильгам Шакиров, стоит мне только дать телеграмму в Казань!»

Я возражать не стал, знал, что творилось на концертах Ильгама. Пожалуй, он первый в СССР начал давать два концерта в день, для того, чтобы не разнесли вдребезги концертный зал. Ведь приезжали на выступления и из казахских городов: Чимкента, Джамбула, Туркестана, Арыси, из таджикского Ленинабада, киргизского Оша. Сейчас примерно такое происходит на концертах Алсу и Земфиры.

И еще об Ильгаме и татарской диаспоре, и о любви народа к песне. В середине 60-х я часто и подолгу бывал в Москве по работе. Вечерами заезжал в кафе «Синяя птица», где день играл саксофонист Клейбанд, а день — гитарист Громин. Там я познакомился с молодым пианистом Владимиром Ашкенази, тем самым, который уже лет тридцать входит в мировую элиту исполнителей. Через год после нашего знакомства Володя, как и Нуриев, остался после гастролей на Западе. А тогда Ашкенази, узнав, что я татарин, сказал: «У вас есть очень хороший певец — Ильгам Шакиров». Я с удивлением спросил: «А ты-то откуда знаешь? Он исполнитель народных песен, поет исключительно на родном языке». «А мне о нем Ростропович рассказывал», — ответил Володя и поведал краткую историю, которую я не забыл и через сорок лет. Оказывается, Ростропович днем репетировал со своим оркестром в каком-то Дворце, где вечерами выступал Ильгам Шакиров. Ростропович — человек увлекающийся, поэтому часто не укладывался в свое время и уходил перед самым концертом, когда музыканты уже настраивали инструменты. Каждый раз, когда Ростропович стремительно выходил на площадь перед Дворцом, он встречал огромные толпы людей, не обращавших на него никакого внимания и лихорадочно ищущих лишний билетик. Так произошло раз, два и три, на четвертый раз Ростропович подошел к афише, а на следующий день остался на концерт и все первое отделение простоял за кулисами, наблюдая и за залом, и за сценой, чтобы понять фено-

мен невероятной народной любви к артисту. В перерыве он подошел к Ильгаму Шакирову, поздравил его с успехом и сказал много теплых слов. Через пятнадцать лет, познакомившись с Ильгамом, я получил подтверждение истории, рассказанной мне Владимиром Ашкенази.

Вот так тесно сплелась нить повествования вокруг одних и тех же татарских имен, и казанских, и ташкентских, да и всех остальных, живущих от Калининграда до Владивостока. При всей нашей раздробленности живем мы одними песнями, одними молитвами, преклоняемся перед одними и теми же людьми — цветом нашей нации.

— *О чем, о ком вы не успели написать?*

— Жалею, что не успел создать серьезные книги о Салихе Сайдашеве, Фариде Яруллине, Рудольфе Нуриеве — это моя тема. Я неплохо знаю балет, серьезную музыку. С юных лет я дружил со многими творческими людьми, некоторые из них стали сегодня значительными фигурами в мировом искусстве.

— *Почему бы вам не начать эти книги сейчас?*

— Слишком затоптана тропа к этим дорогим для меня именам, то есть написано много книг, особенно о Р. Нуриеве и С. Сайдашеве.

— *Многие ваши ровесники — уже почти классики татарской литературы, а у вас в шестьдесят два года вышла первая книга в Казани. В чем причина столь позднего старта?*

— Да, вы правы. Мои ровесники: Равиль Файзуллин, Ренат Харис, Гарай Рахим, Айдар Халим, Флюс Латыфи, Диас Валеев, Рустем Кутуй, Рафаэль Сибат — действительно значительные фигуры, своими произведениями они прочно вошли в золотой фонд литературы.

Что касается меня — я и начал поздно, первый рассказ написал в тридцать лет, и мой путь в татарскую литературу оказался более долгим и тернистым. Для начала мне предстояло состояться в русской литературе. Думаю, что «Избранное» в «Художественной литературе» и еще три собрания сочинений, а также пятимиллионный тираж моих книг подтверждают, что с этой задачей я отчасти справился. Но уже самые мои ранние рассказы были переведены. Первым на татарский язык, по просьбе Мустая Карима, меня перевел в Уфе Айдар Халим. Еще в 1976 году меня заметил в Малеевке Ибрагим Нуруллин, благодаря ему в «Азат хатын» вышел рассказ «Оренбургский платок». В 1979 году Заки Нури, с которым я познакомился в Ташкенте благодаря Зиннату Фатхуллину, пригласил меня на съезд писателей в Казань. Заки Нури очень активно пытался ввести меня в круг татарских писателей, но, как я понял тогда,

чужих в Казани не любят. Хотя и тогда, и сейчас я думаю, более того, уверен, что Татарстан, Казань — колыбель для всех татар, даже живущих на других континентах. В 1977 году я подал заявку на книгу в «Таткнигоиздат», и вот сегодня, спустя двадцать шесть лет, книга вышла, и я счастлив.

Все эти годы я постоянно общался с татарскими писателями в Домах творчества, знаком с большинством из них. Так что никакой неожиданности в моем появлении в татарской литературе нет, я с луны не свалился, как кому-то кажется, просто выпал долгий путь.

Были и есть писатели, которые всегда хотели, чтобы я не отделялся от татарской культуры, Казани. Это прежде всего Мустай Карим, Муса Гали, Ибрагим Нуруллин, Заки Нури, Гариф Ахунов, Ренат Мухаммадиев, Ренат Харис, Флюс Латыфи, Равиль Файзуллин, Рашат Низамиев, Закир Хуснияр, Лирон Хамидуллин, Нурислам Хасанов, Данил Салихов, Марс Шабаев. И я им благодарен за это — вне родины, вне нации судьба писателя незавидна.

— *Следите ли вы за татарской литературой?*

— Очень внимательно. Я выписываю «Казан утлары», «Майдан», «Татарстан».

— *В таком случае, какие публикации поразили вас в последнее время?*

— Во-первых, статья Вахита Шарипова «Гамбургский счет» в журнале «Татарстан», № 2 за 2003 год, а ранее статья Рафаэля Хакимова «Кто ты, татарин?».

Эту статью я размножил и в русском, и в татарском вариантах и отвез в татарские общины Казахстана и Узбекистана. Она вызвала огромный резонанс. Разделяя почти все сказанное Рафаэлем-эфенди, я сомневаюсь только в одном. Вряд ли мы сегодня годимся в учителя, наставники, поводыри в тюркском мире. И казахи, и узбеки сегодня так далеко ушли, что вам из Казани и представить трудно, я ведь там бываю по два-три раза в году. Это наши отцы и деды были молодцы, в тюркском мире имели авторитет, отличались духовностью и образованностью.

Статья Рафаэля Хакимова — большой гражданский и нравственный поступок ученого, уверен, Сибгат-абы гордился бы поступком сына. Такое страстное слово уже с десятков лет витало в воздухе, его ждал народ, но его не сказали ни духовные, ни религиозные, ни политические лидеры, хорошо, что Рафаэль-эфенди обратился к народу, всколыхнул, встряхнул его.

— *На встречах вам задавали десятки вопросов, они касались многих аспектов жизни. А были среди них такие, что вызвали недоумение или поставили вас в тупик?*

— Татары народ жесткий, без восточных церемоний. Но за годы борьбы за право быть татарским писателем и издавать свои книги я привык держать удар. Однако ваше чутье не обмануло вас, такие вопросы были. Звучали они в разных редакциях, но по сути их было всего два, и я готов вернуться к ним.

— *Пожалуйста, читатели просили не обходить острые углы, особенно ваши поклонники из числа казахских и узбекских татар.*

— Первый вопрос задавали серьезные люди, занимающие официальные должности, звучит он примерно так: почему казахи отмечают ваши юбилеи, назвали вашим именем улицы, создали ваш литературный музей, включили ваше имя в свои энциклопедии, дают вам лучшее эфирное время на телевидению, не жалеют газетных полос для интервью, и т. д., и т. п.

Отвечаю — только потому, что я там родился, провел в Казахстане юношеские годы, я их земляк! Этого вполне достаточно. Я никогда не написал о казахах ни строки, кстати, сожалел об этом. Я прославил актюбинские края тем, что стал известным писателем. Иных причин нет. Такая у них ментальность, такая щедрая и широкая душа у казахского народа. Оттого они в минуту невзгод пригрели на своей груди и чеченцев, и немцев, и поляков, и татар, и калмыков, и многих других.

Второй вопрос тоже звучал по-разному, но смысл примерно таков: родился в Казахстане, живешь в Москве, пишешь по-русски — что тебе нужно в Казани? У нас своих писателей хватает...

Отвечаю: Казань и все ее духовные и интеллектуальные институты принадлежат всем татарам. А главное, я считаю себя татаринном и татарским писателем и не слишком озабочен тем, что кому-то это не нравится. Наверное, казахам такая постановка вопроса и в голову не могла прийти. Представляете такой вопрос Олжасу Сулейменову в Алма-Ате, или в Бишкеке — Чингизу Айтматову? Нелепость? Согласен.

— *Вы связываете свое будущее с Казанью, с татарской литературой?*

— Наиболее важные дела, цели действительно связаны с Татарстаном. С советских времен по моим произведениям писались кандидатские и докторские диссертации, есть серьезные монографии.

Академик Сергей Алиханов, кстати, он мой биограф, всерьез занимается моим творчеством, он читал в американских университетах курс лекций по моей прозе. После встречи в Казанском университете, я уверен, что мое творчество не останется без внимания и в Татарстане, появятся и биографы, и серьезные исследования.

У меня не переведены еще пять романов, проверенных временем, выдержавших смену режимов и идеологий. Они изданы миллионными тиражами, и я стараюсь, чтобы они дошли до татарского читателя. Возможно, найдутся спонсоры, меценаты, может быть, обратят внимание власти Татарстана, и мои книги, наконец, дойдут до татарского читателя. Я говорю, прежде всего, о романном творчестве, романистов в любой литературе немного, нет их перебора и в татарской.

Мне шестьдесят два года, все предыдущие юбилеи отмечены на чужбине, мечтаю отметить 65-летие в Казани.

— *Что бы вы хотели пожелать своим читателям?*

— Прежде всего, не падать духом. Все равно другого времени взамен трудного не предложат. Какие ни есть годы, они — наши: для юных — годы молодости, для меня и моих ровесников — старости. Нельзя жить только ожиданием новых светлых времен или другой власти. Желаю жить прямо сейчас и сегодня, при любой власти. Не увлекаться чрезмерно политикой. Только горстка людей нуждается в крутых переменах, чтобы сменить тех, кто у власти.

Большинству же людей, при любом режиме, нужно отрабатывать свой восьмичасовой день: и рабочему, и технической интеллигенции, и учителям и врачам — всем. И требования к ним год от года будут жестче и жестче. Это не каприз работодателя, будь он частник или государство — это требование времени. И отрабатывать день нужно будет уже по-другому — качественно и количественно, иная работа не нужна. За воротами фирмы, завода, стройки десять человек готовы всегда занять ваше место. Работать над собой, своей квалификацией — вот единственный шанс для всех нас, включая и меня. Вот в этом я и желаю успеха своим читателям.

*Москва, Актюбинск,
2001*

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ ПЯТЫЙ

За всё — наличными

За всё — наличными. Роман	13
Не забывайте нас... Повесть	485
Маржанбулак — жемчужный родник. Повесть	517
Полустанок Самсона. Рассказ	561
Глухому звука не объяснишь. Интервью	576

Литературно-художественное издание

Мир-Хайдаров Рауль Мирсаидович

Собрание сочинений в шести томах

Том пятый

Казань. Издательство «Kazan-Казань». 2011

Редактор
Ю. А. Балашов

Художественное оформление:
Г. Л. Эйдинов

Техническое редактирование и компьютерная верстка:
А. Р. Ермолаева, Р. М. Шарафутдинов, С. А. Саакян

Корректор Л. З. Саямова

Собрание сочинений оформлено картинками из личной коллекции
Рауля Мир-Хайдарова.

На обложках использованы картины
Айдара Шириязданова.

В оформлении книг использованы картины
Сергея Широкова.

С оригинал-макета подписано в печать 05.12.2011. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
П. л. 37,5. Усл. печ. л. 48,75. Тираж 2000. Заказ ????

Издательство «Kazan-Казань». 420066, Казань, ул. Чистопольская, 5
Филиал ОАО «Татмедиа» Полиграфическо-издательский комплекс
«Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2